

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК
„ПРОФ. ЛЮБОМИР АНДРЕЙЧИН“

ОНТОЛОГИЯ НА СИТУАЦИИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ – ЛИНГВИСТИЧНО МОДЕЛИРАНЕ.

**СЪПОСТАВИТЕЛНО ИЗСЛЕДВАНЕ ЗА
БЪЛГАРСКИ И РУСКИ**

София • 2022

**ОНТОЛОГИЯ НА СИТУАЦИИТЕ
ЗА СЪСТОЯНИЕ – ЛИНГВИСТИЧНО
МОДЕЛИРАНЕ. СЪПОСТАВИТЕЛНО
ИЗСЛЕДВАНЕ ЗА БЪЛГАРСКИ И РУСКИ**

BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE FOR BULGARIAN LANGUAGE

PROF. LYUBOMIR ANDREYCHIN

**ONTOLOGY OF STATIVE
SITUATIONS – LINGUISTIC MODELING.
A CONTRASTIVE BULGARIAN-RUSSIAN
STUDY**

Edited by Svetla Koeva, Elena Ivanova, Yovka Tisheva
and Anton Zimmerling

Sofia • 2022

**Prof. Marin Drinov Publishing House
of Bulgarian Academy of Sciences**

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК „ПРОФ. ЛЮБОМИР АНДРЕЙЧИН“

ОНТОЛОГИЯ НА СИТУАЦИИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ – ЛИНГВИСТИЧНО МОДЕЛИРАНЕ. СЪПОСТАВИТЕЛНО ИЗСЛЕДВАНЕ ЗА БЪЛГАРСКИ И РУСКИ

Колективна монография, резултат от изпълнението на проекта
Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране.
Съпоставително изследване за български и руски, финансиран от Фонд
Научни изследвания в рамките на конкурса *Проекти по програма*
за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019 – 2020 г.
(Договор № КП-06-РУСИЯ / 23 от 2020 г.) и от Руския фонд
за фундаментални изследвания (Договор № 20-512-18005).

Отговорни редактори: проф. д-р Светла Коева, проф. д.ф.н. Елена Иванова,
проф. д-р Йовка Тишева, проф. д.ф.н. Антон Циммерлинг

Рецензенти: проф. д-р Красимира Алексова, проф. д-р Петя Осенова

София • 2022

Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“

Редакционен адрес:
Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките
бул. „Шипченски проход“ 52, блок 17
София 1113, България
+359 2/872 23 02

Авторските права на статиите остават собственост на авторите.
Публикациите в Сборника се разпространяват под лиценз
Creative Commons Attribution 4.0. International Licence (CC BY 4.0):
<http://creativecommons.Org/licenses/by/4.0>

Editorial address:
Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin,
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski Prohod Blvd., bl. 17
Sofia 1113, Bulgaria
+359 2/872 23 02

Copyright of each paper stays with the respective authors. The works
in the Proceedings are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0.
International Licence (CC BY 4.0):
<http://creativecommons.Org/licenses/by/4.0>

© Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“, 2022
© Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2022

ISBN 978-619-245-256-8

СЪДЪРЖАНИЕ

Светла Коева, Елена Иванова. Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. Предговор.	9

ЧАСТ I

СЕМАНТИЧНО ОПИСАНИЕ НА ПРЕДИКАТИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ

Антон Циммерлинг. Предикаты состояния и семантические типы предикатов. . . .	31
Галина Кустова. Семантические классы предикатов состояния (на материале русского языка).	53
Svetlozara Leseva, Ivelina Stoyanova. Stative verbs: conceptual structure, hierarchy, systemic relations.	68

ЧАСТ II

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА НА ПРЕДИКАЦИЯТА ЗА СЪСТОЯНИЕ В БЪЛГАРСКИ И РУСКИ

Svetla Koeva. The system of diatheses in Bulgarian and stative predicates.	117
Мария Овсянникова. Диатезы русских глаголов эмоций.	161
Yovka Tisheva, Marina Dzhonova. Syntactic realization of stative predicates in Bulgarian (towards a lexical meaning ontology).	180
Александр Летучий. Аргументная структура ментальных предикатов в русском языке: взаимодействие семантических, синтаксических и коммуникативных факторов.	210
Галина Кустова. Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов.	247
Антон Циммерлинг. Дативно-инфинитивные структуры и синтаксические идиомы в русском языке.	281

ЧАСТ III

СЪПОСТАВИТЕЛНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ НА ПРЕДИКАТИТЕ И ПРЕДИКАТИВИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ В БЪЛГАРСКИ И РУСКИ

Максим Стаменов, Антон Циммерлинг. Дативно-предикативные структуры и семантико-синтаксический интерфейс в русском и болгарском языках. . .	303

Цветана Димитрова, Валентина Стефанова, Мария Тодорова. Предикативни конструкции за състояние: корпусно изследване върху български и руски.	358
Мария Тодорова. Фразеологични и фразеологизирани предикативни конструкции (наблюдения върху българо-руски паралели).	385
Елена Иванова, Галина Кустова, Светлозара Лесева. Датив субьекта мнения и субьекта оценки в българском разговорном языке (на фоне русского). . . .	404
Елена Иванова. Предикаты желания в болгарском языке в сопоставлении с русским.	427
Мария Овсянникова, Христина Кукова. Предикаты восприятия в болгарском и русском языках и их сентенциальные актанты.	458
Александр Летучий, Марина Джонова. Инфинитивные и финитные сентенциальные зависимые в русском языке и их соответствия с союзами <i>че</i> и <i>да</i> в болгарском языке.	485

TABLE OF CONTENTS

Svetla Koeva. Elena Ivanova. Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian Study. Preface.	9

PART I

SEMANTIC DESCRIPTION OF STATIVE PREDICATES

Anton Zimmerling. States, events and predicate types.	31
Galina Kustova. Semantic classes of state predicates (based on evidence from Russian).	53
Svetlozara Leseva, Ivelina Stoyanova. Stative verbs: conceptual structure, hierarchy, systemic relations.	68

PART II

SYNTAX AND SEMANTICS OF THE PREDICATION OF STATE IN BULGARIAN AND RUSSIAN

Svetla Koeva. The system of diatheses in Bulgarian and the stative predicates.	117
Maria Ovsjannikova. Diatheses of Russian verbs of emotion.	160
Yovka Tisheva, Marina Dzhonova. Syntactic realization of stative predicates in Bulgarian (towards a lexical meaning ontology).	179
Alexander Letuchiy. Argument structure of mental predicates in Russian: interaction of semantic, syntactic and discourse factors.	209
Galina Kustova. Semantic types of infinitive constructions of Russian predicatives.	246
Anton Zimmerling. Dative-infinitive structures and syntactic idioms in Russian ...	280

PART III

CONTRASTIVE STUDIES OF STATIVE PREDICATES AND PREDICATIVES IN BULGARIAN AND RUSSIAN

Maxim Stamenov, Anton Zimmerling. Dative-predicative structures and the syntax- semantics interface in Russian and Bulgarian.	303

Tsvetana Dimitrova, Valentina Stefanova, Maria A. Todorova. Predicative constructions and state semantics: a corpus study on Bulgarian and Russian. .	358
Maria Todorova. Phraseological and phraseologized predicative constructions (observations based on Bulgarian-Russian parallel examples).	385
Elena Ivanova, Galina Kustova, Svetlozara Leseva. Subject of opinion and subject of evaluation dative in colloquial Bulgarian (as compared with Russian). . . .	404
Elena Ivanova. Predicates of volition in the Bulgarian language in contrast with Russian.	427
Maria Ovsjannikova, Hristina Kukova. Perception predicates in Bulgarian and Russian and their sentential arguments.	458
Alexander Letuchiy, Marina Dzhonova. Infinitive and finite complement clauses in Russian and their correspondences with the complementizers <i>че</i> and <i>да</i> in Bulgarian.	485

ОНТОЛОГИЯ НА СИТУАЦИИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ – ЛИНГВИСТИЧНО МОДЕЛИРАНЕ. СЪПОСТАВИТЕЛНО ИЗСЛЕДВАНЕ ЗА БЪЛГАРСКИ И РУСКИ. ПРЕДГОВОР

Светла Коева^а, Елена Иванова^б

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките^а, Санктпетербургски държавен
университет^б

svetla@dcl.bas.bg^а, e.y.ivanova@spbu.ru^б

Резюме. Предговорът към книгата „Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски“ представя основните цели на едноименния българо-руски научен проект за фундаментални изследвания и постигнатите резултати в областта на: общотеоретичното описание на предикатите и предикативите за състояние и техните свойства, въз основа на които се предлага онтологично представяне на ситуациите за състояние; анализа на взаимодействието между семантиката на различните видове предикати и предикативи за състояние и тяхната синтактична реализация в български и руски; съпоставителното изследване на сходствата и различията на предикатите и предикативите за състояние на семантично и синтактично равнище в български и руски.

Ключови думи: *предикати за състояние, предикативи за състояние, онтология на ситуациите за състояние, семантико-синтактичен интерфейс, съпоставителни изследвания за български и руски*

Колективната монография „Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски“ включва изследвания, осъществени в рамките на едноименния проект „Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски“ (Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study), подкрепен от Фонд „Научни изследвания“ на Министерството на образованието и науката в България (№ КП-06-РУСИЯ / 23) и от Руския фонд за фундаментални изследвания (№ 20-512-18005).

* Светла Коева, Елена Иванова. Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. Предговор. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 9–28.

Основната цел на проекта е абстрактно (доколкото е възможно, езиково независимо) **онтологично представяне на типовете значения за състояние на базата на съвкупност от семантични диференциращи признаци**. Хипотезата ни е, че доколкото концептуализацията отразява света, който ни заобикаля, и позволява междуетиковата комуникация, подобно абстрактно езиково независимо описание е възможно или най-малкото може да бъде направено съотносимо при съпоставка на различни езици.

За да се постигне основната цел на проекта, са формулирани следните по-специфични цели:

Определяне на семантичните диференциращи признаци и на техните параметри, необходими за онтологично представяне на типовете състояния.

Описание на семантичните и синтактичните модели на реализация на типовете състояния в български и руски език, включително на диатезите и алтернациите.

Съпоставка на семантичните и синтактичните модели за реализация на типовете състояния в български и руски език.

Постигането на основната цел и специфичните цели се осъществява посредством **изследване на съвременното състояние при употребата на предикати и предикативи за състояние в български и руски**. Актуалността на изследването се определя от необходимостта да се разработи обяснителна типология на семантичните отношения, която ще позволи да се предскажат езиковоспецифични ограничения за съчетаемостта на езиковите единици и употребата на граматични конструкции, изхождайки от универсални семантични признаци.

Колективната монография „Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски“ е основният труд от изпълнението на проекта и нейните три отделни части включват оригинални студии на българските и руските участници, които представят осъществяването на формулираните по-горе три специфични цели¹.

Състоянията продължават определен *период от време* според Зено Вендлер (Vendler 1957: 149), не изразяват процес и *не могат да бъдат определени като действия*. Всяко твърдение има интервал на истинност – времето, в което твърдението е вярно, или т.нар. референтно време. По-конкретно, твърди се, че предикацията за състояние включва своето референтно време, докато динамичната предикация е включена в референтното си време (Partee 1984; Michaelis 2011: 1361). С други думи, дадено състояние съществува в даден момент, без да се знае кога е започнало или приключило (или дали е приключило), и изречението за състояние представя само част от ситуацията – тази, която попада в референтното време (Michaelis 2011: 1361).

¹ По проекта са извършени редица други изследвания, които могат да бъдат намерени на следния адрес: <https://dcl.bas.bg/ontology-of-situations/>

Хана Филип (Filip 1999: 727) посочва, че има три фундаментални понятия, които са релевантни за определянето на ситуационните типове и които се повтарят по един или друг начин в почти всички класификации: *промяна на състоянието*, *край* или *граница*, *времеви обхват*. Те са достатъчни, за да разграничат четири основни класа, а именно: състояние, процес, продължително събитие (protracted event) и моментно събитие (momentaneous event). Свойството *хомогенност* (Vendler 1957: 144), въведено, за да различи действията, които протичат хомогенно, от достиженията (achievements) и изпълненията (accomplishments), имплицитно се съотнася със структурата на времевите интервали, в които се реализират предикатите, и по този начин е свързано със свойството *подинтервал* (Bennett, Partee 1972: 72) и свойството *неопределена промяна* (Dowty 1979: 147), дефинирани в интервалната семантика като характерни свойства на динамичните ателични предикати (Filip 1999: 731).

Подинтервал се дефинира по следния начин: „Ако глаголната фраза е главно изречение, което е вярно в някакъв интервал от време I , то изречението е вярно за всеки подинтервал на I , включително за всеки момент от време в I “ (Bennett, Partee 1972: 72). Основната разлика между ситуационните типове се дължи на наличието или липсата на свойството *промяна на състоянието* (change-of-state) (Dowty 1979: 167, 185). За да се прецени дали е налице промяна на състоянието, е необходима информация за състоянието на света в два различни момента, т.е. за интервал (Dowty 1979: 168). Най-общо, глаголите за състояние не водят до промяна, следователно нямат присъща граница или край и се характеризират с ателичност. Предикатите за състояние се делят на неинтервални предикати (momentary): временни състояния (*на масата съм, заспал съм*) и постоянни състояния (*зная, интелигентен съм*), и на интервални състояния (interval statives): временни предикати без промяна на състоянието (*стоя, седя, лежа*) (Dowty 1979: 163–184). Противопоставянето кореспондира с делението на временни (stage-level) и постоянни предикати (individual-level) (Carlson 1977: 170–171). Постоянните предикати са свързани постоянно с аргументите си независимо от времето, атемпорално. Временните предикати са епизодични, пространствено-времеви отрязъци².

Направеното кратко въведение към понятията, които се използват при определянето на различните видове състояния, служи като основа за надграждане при описанието на предикатите и предикативите в български и руски език, както и за разработването на непротиворечиви критерии за онтологично представяне на обособените класове.

² По-подробно представяне може да бъде намерено в редица изследвания, направени в рамките на проекта (Коева / Koeva 2022; Лесева и др. / Leseva et al. 2021a; 2021b; Тодорова и др. / Todorova et al. 2021; Циммерлинг / Zimmerling 2021 и др.).

Ще представим накратко студиите, включени в колективната монография „Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски“.

Част първа, озаглавена **Семантично описание на предикатите за състояние**, е посветена на теоретични въпроси, свързани със семантичната типология на класовете предикати и предикативи за състояние. Представени са теоретични разработки, чиято крайна цел е да се направи описание на **семантични диференциращи признаци и техните параметри, необходими за онтологично представяне на типовете значения за състояние**. Онтологичните модели се основават на таксономията на състоянията и синтактичните модели на изреченията с предикати и предикативи за състояние в български и руски, както и на разликите при концептуализирането на състоянията в българския и в руския език.

Част първа започва със студията на *Антон Циммерлинг* **Предикаты состояния и семантические типы предикатов**, в която се обсъждат теоретични проблеми, свързани с онтологичното представяне на предикатите за състояние. Авторът въвежда читателите в сложната проблематика, като представя основни понятия, които са необходими за семантичната класификация на предикатите: събитие (event, в някои по-нови разработки eventuality), семантичен аргумент или обобщена (семантична) роля и др. Предлага се описание на основните типове предикати в рамките на формалната семантика, като се изхожда от това, че естественият език не само служи за описание на събитията от света, който ни заобикаля (локализиран в времето и пространството), но и за представяне на онтологичните връзки между тези събития.

Фактите се разглеждат като пропозиционални аргументи на предикати от втори ред, в значението на които е заложена проверката за истинността на дадено твърдение. Свойствата представляват един от базовите типове предикати от първи ред, които се отнасят до постоянни характеристики на обектите и не са свързани с конкретна ситуация. Състоянията на нещата (states of affair), както и фактите са комплексни понятия.

В студията се подчертава, че за представянето на семантичните типове предикати от първи ред основни класификационни признаци са: наличие или липса на локализираност във времето и пространството и наличие или липса на промяна при преминаване от състояние на нещата p към състояние на нещата $\sim p$. Аналитично се представя класификацията на З. Вендлер, противопоставяща статичните предикати (states) на динамичните, които, от своя страна, могат да имат крайна точка (endpoint), която представлява преходът от състояния на нещата p към $\sim p$. За разлика от динамичните предикати, статичните (макар че могат да продължават в рамките на определен времеви интервал) не концептуализират преход от състояния на нещата p към $\sim p$. Подчертава се, че класификацията на З. Вендлер е ориентирана към разграничаване на различните видове динамични предикати: дейности, изпълнения и достижения (activities,

accomplishments и achievements), които се противопоставят по своите характеристики на състоянията, и е удобна за описание на езици с богата система от темпорални категории като български и английски. От друга страна, за описанието и разграничаването на различни ситуации, изразяващи състояние, са необходими допълнителни признаци.

Този проблем се решава в рамките на теорията на Д. Дейвидсън, която се прилага за обяснение на предикатите за състояние. Този подход за построяване на онтология на предикатите е по-сложен, тъй като се основава на описанието на събития, а не на състояния на нещата. А. Циммерлинг (Циммерлинг / Zimmerling 2018) предлага три критерия, въз основа на които се различават външни от вътрешни дейвидсънови състояния: вътрешните дейвидсънови състояния имат приоритетен аргумент (семантичен субект), не могат да бъдат квантифицирани екзистенциално в рамките на параметрите пространство и време и не обозначават наблюдаеми състояния на нещата.

В разработката на **Галина Кустова Семантическите класове предикатов състояния (на materiale русского языка)** състоянията се разглеждат от гледна точка на типологията на предикатната лексика. Изхожда се от разбирането, че състоянието е много разнороден клас, в рамките на който могат да се обособят различни подкласове, които имат общи семантични и синтактични характеристики. Г. Кустова разглежда три характеристики на състоянието: статичност; времева локализация и вид времеви интервал; еднoместност на предиката (едноактантност, едновалентност), като синтактични свойства, определени от семантиката. Прототипните състояния: *В комнате темно* (В стаята е тъмно); *Детям холодно* (На децата им е студено), са еднoместни предикати: техният единствен аргумент (семантичен актант) е „носител“ на състоянието (независимо дали е одушевен, или неодушевен). При много предикати, при които „носител“ на състоянието е преживяващият, има два аргумента: експериенцер и стимул.

Авторката се фокусира върху предикатите за преживяване, т.е. състоянията, които са резултат от способността на човека да реагира на влиянията на външния свят и да изгражда информационни образи на екстралингвистични ситуации. Състоянията за преживяване са представени в йерархия, съответстваща на човешките сфери на дейност, свързани с физическо или психическо преживяване: физически/физиологични (*X (ему) холодно; больно*), перцептивни (*X видит / X (ему) видно Y; X слышит / X (ему) слышно Y*), ментални (*X знает / понимает / помнит, что P*), емоционални (*X рад, что P; доволен, что P; X (ему) приятно / грустно / страшно / стыдно / обидно, что P*), като състоянията от по-високите нива на йерархията имат по-сложна семантична структура.

Между видовете състояния съществуват вътрешни семантични връзки: менталните състояния могат да се основават върху перцептивна информация, а емоционалните състояния задължително включват ментален компонент (наред с оценъчния). Тези семантични връзки се проследяват не само в лингвистич-

ната йерархия на състоянията, но и в семантичната парадигма (системата от значения) на отделните лексеми: например емоционалните състояния могат да се развият въз основа на физиологичните състояния: *Горько пий лекарство* (Лекарството горчи, като се пие) → *Горько, что гибнут леса* (Тъжно е, че горите умират).

Студията **Stative verbs: conceptual structure, syntactic description, systemic relations** от *Светлозара Лесева* и *Ивелина Стоянова* е насочена към семантичното описание на стативните глаголи въз основа на два големи семантични ресурса: Уърднет и Фреймнет, които са разработени и за български. За отправна точка на класификацията на предикатите за състояние се използва представянето на тематичните класове глаголи на Е. Падучева (Падучева / Paducheva 1996). В класификацията на Е. Падучева (Падучева / Paducheva 1996: 129–140) се различават **устойчиви** (*зная, обичам*) и **временни състояния** (*вижда се, жълтея, мръзна, радвам се, нервнича*), като и двете групи се диференцират от **постоянни (атемпорални) свойства и отношения** (*съдържа, граничи с*) и от **непределни дейности и процеси** (*разхождам се, кипя*). По-особен статус има групата обобщени състояния (срв. вендлеровските generic states), наречена от Е. Падучева **занимания** (*преподавам*), която, образувана от дейности, по темпорални характеристики се сближава с групата устойчиви състояния (Падучева / Paducheva 1996: 149). Обособява се множеството от глаголи, които са предмет на онтологично описание, като се съотнасят синонимните множества от Уърднет, които съдържат стативни глаголи, и лексикалните единици, които са свързани със семантични фреймове във Фреймнет, представлящи състояние. Семантичните фреймове от Фреймнет се използват за класификация и описание на концептуално равнище въз основа на дефинираните във Фреймнет релации между фреймове – наследяване (Inheritance), слабо наследяване (Uses) и перспективизация (Perspective), и ядрени фреймови елементи. Обособени са семантичните фреймове от Фреймнет, които принадлежат към отделните тематични класове, и е представена тяхната йерархична организация, която включва над 130 фрейма. Избира се инвариантен фрейм, който представлява коренът на йерархията. Анализът на семантичните фреймове и на релациите, които ги свързват, позволява да се представи вътрешната организация на тематичните класове, към които се отнасят глаголите за състояние. Важен компонент от семантичното описание е представянето на ядрените фреймови елементи и опитът за тяхната систематизация. По-конкретно, търси се кореспонденцията между фреймовите елементи на инвариантния фрейм и тези на подредните фреймове, организирани в йерархията. Онтологичното представяне на организацията на семантичните фреймове, отнасящи се до предикати за състояние, се илюстрира с български езиков материал, тъй като (както вече беше споменато) и Фреймнет, и Уърднет са развити за български език. По този начин се илюстрира относително независимият характер на онтологичното семантично представяне от конкретния език.

Част втора е озаглавена **Синтаксис и семантика на предикацията за състояние в български и руски**. Разделът включва изследвания на предикатите и предикативите в български и руски език, съсредоточени върху описание на техните семантични свойства, аргументна структура и синтактични характеристики. Представя се описание на синтактичната структура на предикатите за състояние с акцент върху възможностите за синтактична реализация на аргументите към предиката. Важна част от анализа е свързана с проучването на факторите, които определят конкуренцията между именни фрази и подчинени изречения при реализацията на аргументите. Представя се и система от диатези, характерни за класовете предикати за състояние.

Тази част на книгата започва със студията на **Светла Коева** *The system of diatheses in Bulgarian and the stative predicates*. Изследването се базира на теорията на Игор Мелчук за (граматичните) диатези (Melchuk 2006), която се пренася при описанието на лексикалните диатези, при които редуването в семантичната и синтактичната структура на предикатите води до образуването на нова концептуална единица. В изследването се предлага семантична класификация на предикатите за състояние, която се използва при описанието на граматичните и лексикалните диатези в български с фокус върху лексикалните диатези, които засягат предикатите за състояние. Описани са подробно морфологичните (вид на глагола и парадигма на категориите *лице* и *число*), синтактичните (брой на аргументите, граматична категория и функция при тяхната реализация) и семантичните свойства (семантични релации на аргументите, промяна и редукция) на изходните и производните диатези, както и някои лексикални ограничения за образуването на диатези. Последователно се разглеждат някои граматични диатези (причастен пасив, *се* пасив), за да се покаже кои предикати за състояние могат да бъдат изходна структура при пасивизация. По-подробно са описани лексикалните диатези: безличен пасив, реципрочна диатеза, оптатив, безличен оптатив, медиална диатеза, антикаузатив, безлична диатеза, свойство на „несъщинския“ субект.

Безличният пасив е лексикална диатеза, която засяга както транзитивни, така и нетранзитивни глаголи от несвършен вид, а производната диатеза е предикат за състояние, независимо от ситуационния тип на изходния предикат. Постоянните предикати не образуват безличен пасив, а временните – само ако са от класа, който присъединява субект с характеристика **съзнателно участие**. При реципрочната диатеза не се наблюдава промяна на ситуационния тип на изходния предикат. Оптативната, безличната оптативна, медиалната, антикаузативната и безличната диатеза се характеризират с ограничението за несвършен вид на изходния предикат и с промяна на ситуационния тип на производния предикат, ако не е бил предикат за състояние. Проследени са ограниченията, които се наблюдават към вида на изходния предикат, ако е за състояние.

Диатезата „несъщински“ субект не включва предикати за състояние, но се използва, за да се обособи редуването, наречено свойство на „несъщинския“ субект. Тя е ограничена до изходни предикати от несвършен вид и може да се

характеризира с промяна на ситуационния тип, който при производната диатеза винаги е състояние: (Ние) *Включваме новите резултати в обзора* ‘прибавям нещо към състава, съдържанието на друго нещо’ и *Обзорът включва новите резултати* ‘нещо има в състава, в съдържанието си нещо’.

В обобщение, лексикалните диатези се наблюдават при промяна или редукция на релация на семантичен аргумент към предиката, като двете промени на семантично равнище могат да се съчетаят.

В **Диатезы русских глаголов эмоций Мария Овсянникова** продължава тематиката на предходната студия и се насочва към описание на основните диатезни трансформации при руските глаголи за емоции. Авторката се фокусира върху синтактичните особености на глаголните двойки, изразяващи емоция, при които субектът е или експериенцер, или стимул (например *радоваться* и *радовать*).

М. Овсянникова разглежда не само конкуренцията между глаголите, но и я поставя в по-широк контекст, като обръща внимание на конструкциите, които допускат или не допускат такава конкуренция. Разглеждат се три диатези при руските глаголи за емоция: 1) транзитивна диатеза с подлог стимул при глаголи като *радовать*, *встревожить* (радвам, разтревожа); 2) възвратна диатеза с подлог експериенцер при глаголи като *радоваться*, *тревожиться* (радвам се, тревожа се); 3) диатеза с пасивно минало причастие на глаголи от свършен вид с подлог експериенцер.

Авторката се спира на въпросите за степента на семантичен паралелизъм между трите диатези, за тяхната употреба и дистрибуция. За разлика от съществуващите описания, в които разглежданите диатези се описват предимно от гледна точка на комуникативната употреба, предлаганото изследване обръща внимание на дискурсните функции на диатезите.

Авторката заключава, че конструкции, които синтактично не се вписват в модела на диатезните редувания, често в семантичен план демонстрират отклонения при изразяването на емоции. Например употребата на неодоушевен субект и комплемент инструмент често не съответства на синтактичния модел на диатеза с разделен стимул и в такъв случай може да се говори за изместване на акцента от емоционалното въздействие към оценката на свойствата на потенциалния стимул. Връзката между дадени глаголи за емоция и определени речеви актове се оказва до голяма степен конвенционализирана, което възпрепятства анализа на такива употреби като комбинация от значението на глаголите за емоция и значението, изразено от използваната конструкция. Отбелязва се, че в двата случая е трудно да се говори за ясна граница между емоционални и други значения.

Анализът на използването на глаголите за емоция в реални текстове показва, че за много глаголи могат да бъдат намерени индивидуални конструкции, които може да се приемат за разновидност на разглежданата диатеза или за една от структурите на друго редуване (макар и ограничено по употреба).

Йовка Тишева и **Марина Джонова** представят студията, озаглавена **Syntactic realization of stative predicates in Bulgarian (towards a lexical meaning ontology)**. Обект на изследване са синтактичните особености на предикатите, представящи статични ситуации, като целта на проучването е обобщено представяне на възможностите за синтактична реализация на аргументите в български език.

Авторките проверяват хипотезата дали предикатите от една тематична група, според класификацията и терминологията на Е. Падучева (Падучева / Paducheva 1996), имат сходно синтактично поведение. Анализира се широк кръг от глаголи, които са едно-, дву- или триместни предикати. Прави се обобщението, че глаголи като *седя, лежа, стоя, спя, блестя, мириша* присъединяват един аргумент, който се реализира като именна група в позицията на подлог. В рамките на двуместните предикати се разграничават два типа. Към първия принадлежат глаголи с подлог и пряко допълнение като *обичам, чувствам, желая, помня* и др. Към втория се отнасят глаголи с подлог и непряко допълнение, например *вярвам, надявам се, нуждая се* и др. Посочва се, че при някои предикати за състояние се реализират едновременно пряко и непряко допълнение, но с различна степен на задължителност. Коментира се и редуването на предлози при двуместните предикати с непряко допълнение и при триаргументните предикати.

Изследването включва синтактичен анализ както на постоянни, така и на временни предикати за състояние и за пореден път потвърждава убедително, че синтактичното поведение на глаголите се определя от тяхното значение. Към анализа на състоянието се подхожда като към онтологична категория. Предложеният формален синтактичен модел на стативните предикати в български отразява това разбиране. В модела на описание са включени и семантичните роли на аргументите. Показва се, че стативните глаголи, които принадлежат към различни тематични класове (представящи физически, психологически, ментални, емоционални и др. състояния), не са хомогенни по отношение на броя аргументи, които присъединяват, както и по отношение на тяхната синтактична реализация. Хипотезата, че предикатите, които са обединени в един тематичен клас, проявяват сходни семантични и синтактични свойства, се потвърждава само за перцептивните предикати. При останалите тематични класове се наблюдават вариации по отношение на броя на аргументите и/или на тяхната синтактична реализация, което без съмнение е резултат от различни семантични отношения.

В студията си **Аргументная структура ментальных предикатов в русском языке: взаимодействие семантических, синтаксических и коммуникативных факторов** **Александър Летучий** разкрива връзката между семантичните и синтактичните особености на някои подгрупи от ментални предикати. Основно внимание се отделя на три групи предикати: глаголи, изразяващи мнe-

ние: *казатъся, представлятъся* (изглежда, струва ми се); глаголи със субект експериенцер: *думать, считать* (мисля, смятам); предикативи: *интересно, понятно, известно* (интересно, ясно, известно).

Авторът повдига няколко дискуссионни въпроса, по-специално каква е синтактичната реализация на аргументите на тези глаголи. Някои от тях образуват пасиви в стандартна форма: *Многими считается, что...* (От мнозина се смята, че...), а други – само пасиви с дативен актант: *Мне/*Мной думается, что...* (Аз смятам, че...). Някои предикати от тази група се съчетават както с изреченски, така и с именен комплемент. Важен въпрос е дали замяната на именния комплемент с подчинено изречение (или обратно) предполага промяна в статуса му, както и в конструкцията като цяло: например до каква степен конструкцията *Он представлялся мне совершенно недостижимым* (Той ми се струваше напълно недостижим) се съотнася с конструкцията с изреченски комплемент – *Мне представлялось, что он совершенно недостижим* (Струваше ми се, че е напълно недостижим), и ако има съответствие, може ли да се постулира стандартният преход на повдигане на конституент от подчиненото изречение към главното.

Друг критерий за описание е възможността комплементните изречения да се редуват с местоимението *это* – *Я это знаю, ?Я это думаю, но Я этого не думаю* (Зная това, ?Мисля това, Не мисля това), и *так* (така). Предполага се, че различната замяна се обуславя от различни семантични параметри, като фактивност, референциален статус или полярност, както и от синтактични признаци (статуса на синтактично зависимите конституенти или степента на тяхната задължителност). Разглежда се и противопоставянето на конструкциите с ментални глаголи и с ментални предикативи: *я знаю и мне известно, я интересуюсь, меня интересует и мне интересно* (зная и известно ми е, интересувам се, интересува ме и на мене ми е интересно).

Студията **Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов** от **Галина Кустова** смислово се съотнася с постановките, изложени от същата авторка в предходната част на сборника.

В съответствие с хипотезата, че морфосинтактичните особености и повърхнинното поведение на езиковите единици отразяват семантичните им свойства, са описани предикатите за състояние с експериенцер от различни семантични класове. Всички състояния с експериенцер имат субектна валентност, докато перцептивните, менталните и емоционалните състояния имат и пропозиционален обект, който се изразява чрез подчинено изречение. В руския език предикативите от последните групи освен подчинено изречение могат да присъединяват и инфинитивна конструкция (при условие на кореферентност на субектите на предикатива и инфинитива). Авторката доказва, че инфинитивната конструкция обикновено не е изоморфна на сложното изречение с пропозиционален актант, тъй като в позицията на инфинитива не се съдържа пропози-

ционален актант Р, а глагол V, който свързва субекта със ситуацията Р: *Грустно видеть* (V), *что гибнут леса* (Р) → *Грустно, что гибнут леса* (Р) (Тъжно е да се види, че горите умират → Тъжно е, че горите умират). В рамките на инфинитивната конструкция се извършва семантично развитие на предикатива, като някои предикативи в резултат на това изразяват значение от друг семантичен тип – например модално.

В студията на Г. Кустова са анализирани инфинитивните конструкции с всички класове предикативи и е направен сравнителен анализ на емоционалните и интерпретативните оценки.

В студията на **Антон Циммерлинг** **Дативно-инфинитивные структуры и синтаксические идиомы в русском языке** се представят структурните и семантичните свойства на един от основните модели на нефинитни изречения в руския език – дативно-инфинитивните структури. За древните славянски езици, включително за старобългарски, както и за съвременния руски език, съществуват основания дателният падеж на инфинитива да се разглежда като падеж по подразбиране на нефинитна предикация. Каноничното значение на дативно-инфинитивната конструкция е значението на алетичната (или външна) модалност. В съвременния български език поради загубата на инфинитива значенията на дативно-инфинитивните структури се изразяват с други конструкции.

В историята на руския език дативно-инфинитивните структури и дативно-предикативните структури се развиват в различни посоки: в съвременния руски дативно-инфинитивните структури (с малки изключения) се използват само в главната предикация, докато в по-стари състояния на езика се срещат в подчинени изречения, включително в такива, в които копулата не е изпусната. Областта, в която дативно-инфинитивните структури и дативно-предикативните структури все още си взаимодействат в съвременния руски език, са синтактичните идиомы като *негде спать*, *некого винить* (няма къде да се спи, няма кого да виня). На ниво предикатно-аргументна структура тези конструкции се състоят от две прости изречения и съдържат вграден екзистенциален предикат и общо отрицание, които са части на главното изречение, докато въпросителната дума (*к*-думата) се генерира в подчиненото изречение, но се повдига в главното. Показва се, че руските отрицателни думи (*н*-думи), но не и техните положителни корелати, се държат подобно на дативно-предикативните модални предикати.

Анализът на руските *н*-думи, които се разглеждат като синтактични идиомы със структура от две прости изречения, се основава на формализма на конституентните граматики (или на универсалните фразово-структурни граматики), който включва и оператора за повдигане на конституент от подчиненото изречение в главното при определени условия. Повдигането на *к*-думи не се среща в български, поради което при отрицателните и положителните екзистенциални предикати, които се комбинират с *к*-думи, се наблюдава сходен повърхнинен синтаксис.

Третата част на книгата е озаглавена **Съпоставителни изследвания на предикатите и предикативите за състояние в български и руски**. Общата цел на представените в тази част статии е да се определят параметрите, отговарящи за реализацията на семантично-синтактичните конструкции, изразяващи значението състояние във всеки от сравняваните езици, което позволява да се обосноват разликите и приликите в концептуализацията на състоянията в българското и руското езиково съзнание. Съпоставителният анализ е поставен не само на такива граматични различия между двата езика, които вече са добре проучени, но и върху такива параметри на граматиката, които са слабо застъпени в научните изследвания досега.

Трета част започва с голямата студия **Дативно-предикативные структуры и семантико-синтаксический интерфейс в русском и болгарском языке**, написана от *Антон Циммерлинг* и *Максим Стаменов*, която включва две авторски класификации на посочените конструкции, които представляват ядрото на неглаголните предикации за състояние в двата езика.

Особено внимание е отделено на тези морфологични, синтактични и семантични свойства на разглежданите конструкции, на базата на които могат да се проследят родствени структури и парадигми в различните равнища на граматичната система. Такъв подход позволява да се очертаят сходствата и различията между начините на структуриране и функциониране на дативно-предикативните конструкции не въз основа на вече установени съответствия или посредством ексцерпиране на преводни еквиваленти, а посредством използване на възможностите за изводимост на заключенията, които предоставя съответният език.

А. Циммерлинг представя за руски език дативно-предикативните структури в едносъставни и двусъставни изречения и проблемите, свързани със съгласуването на подлога. Схемите за изграждане на разглежданите конструкции се обсъждат от гледна точка на предикативите за състояние и оценка и тяхното използване в дативно-предикативни структури; начините на диференциация и противопоставяне на вътрешните и външните състояния; словообразователните характеристики на предикативите в дативно-предикативните структури, тяхното разпределение по части на речта и използването на идиоми.

Предикативите се разглеждат в зависимост от тяхното разпределение в тематични класове. Предлага се (за руски) онтология от петнадесет класа предикативи. Характеризира се обемът и съставът на дативно-предикативните конструкции при различни носители на руски език.

Подробно се описват особеностите на граматико-семантичния интерфейс в дативно-предикативните конструкции, които са изведени въз основа на характеристики като: морфологичен падеж; типове предикативи и типове предикати; състоянието на субекта и оценката на субекта като компонент от значението; падежното маркиране на одушевления участник и статуса на заемащата позиция;

общата характеристика на макроролите; синтактичният контрол при интерпретацията на подчинения субект и др.

Съответно за български Максим Стаменов разглежда проявата на дативно-предикативните конструкции в едносъставни и двусъставни изречения. Предлага се преглед на конструкциите, които изискват реализацията на субект в дателен падеж в изреченски структури с предикатив. Обръща се внимание, че дателните конструкции с предикатив имат няколко характерни черти, които предопределят тяхната форма, семантика и начините им на употреба. Авторът описва класовете предикативи и техните формални и семантични свойства и акцентира върху някои особености в развитието на дативно-предикативните конструкции в съответствие с безличните употреби. Например нарушаването на съгласуването между подлога и сказуемото в рамките на изречението и извеждането на безлична по характер структура с разгръщане на специализирани форми на *-о* на предикатива.

Обсъжда се функцията на маркирането на субекта на глаголното състояние в косвен (дателен) падеж и се представя анализ на ролята на клитиките при формирането и употребата на дателно-предикативните конструкции, доколкото това е характерно за български език, за разлика от руски. Задължителната употреба на клитиките в български език формира по специфичен начин противопоставянето на субективни (*Тъжно ми е*, *Тъмно ми е*) спрямо амбиентни външни състояния (*Тъмно е*) и общоприети оценки (*Тъжно е*) на емоционално-афективна, но не и на когнитивна основа (*Вярно е*, но не **Вярно ми е*; *Истина е*, но не **Истина ми е*).

Не на последно място М. Стаменов обсъжда основните семантични особености на разглежданите конструкции, като обръща внимание на характера и начина на запълване на семантичната роля на експериенцера (*тръпника* в терминологията на автора), адресат на предикативното състояние, с оглед на възможните конфигурации от семантични роли, в които тръпникът може да участва.

Цветана Димитрова, Валентина Стефанова и Мария Тодорова са авторки на студията **Предикативни конструкции за състояние: корпусно изследване върху български и руски**. Авторките разглеждат предикативни конструкции за изразяване на състояние в български и в руски език, за които приемат, че отговарят на конструкциите за изразяване на семантичния признак състояние, който Л. Щерба (Щерба / Shterba 1974/1928) определя като категория в руски (напр. *трудно (ми) е*, *важно (ми) е*, *жал ми е*, *срам ме е*). Обобщенията са направени въз основа на наблюдения и анализ на ексцерпиран езиков материал за български и руски език, извлечен от паралелните българо-руски и руско-български подкорпуси в състава на Националния корпус на руския език. Примерите са организирани според предварително изготвена класификация на предикативните конструкции в българския език (Тодорова и др. / Todorova et al. 2021), която включва: клас / подклас на предикатива (съществително, прилага-

телно / наречие или дума, завършваща на -о, предложна фраза); копулативен глагол; факултативност / облигаторност на местоименната клитика, която изразява експериенцер или субект на оценката.

Наблюденията на авторките върху паралелните текстове показват, че при превод се използват както типови съответствия, така и перифрастични варианти и езиковоспецифични функционални съответствия. Прави се заключението, че най-често срещаното съответствие между двата езика са предикативите на -о/-е и предикативите с дативни и винителни местоимения, а предикативите със съществителни в български се превеждат непоследователно в руски.

В сборника е включена и студията на **Мария Тодорова Фразеологични и фразеологизирани предикативни конструкции (наблюдения върху българо-руски паралели)**. Студията разглежда фразеологизми с предикативи и фразеологизирани предикативни конструкции като подтип на предикативните конструкции в българския език. В изследването се изхожда от хипотезата, че предикативните конструкции са лексикални единици, част от предикативните структури, чиито особености ги поставят на границата между морфологията и синтаксиса. Разглеждат се следните разновидности на предикативните конструкции с фразеологична семантика: фразеологизирани предикативни конструкции и фразеологични предикативни конструкции. Те се коментират с оглед на българо-руските паралелни примери.

Съпоставката на употребата на разглежданите лексикални единици в българо-руски примери показва, че голяма част от фразеологичните предикативни конструкции имат фразеологично съответствие или израз с преносно значение в руски, но значението се предава непоследователно с предикатив и това зависи от интерпретацията и езиковия усет на преводача. Това е аргумент в подкрепа на тезата, че при наличие на фразеологично значение предикативната конструкция се лексикализира и става част от формалната структура на фразеологичната единица.

Авторката достига до заключението, че фразеологизираните и фразеологичните предикативни конструкции принадлежат към локативни и нелокативни онтологични класове на семантичната категория *състояние*, за които е характерна комбинация от семантични признаци, като задължителен е признакът *оценка*.

В студията **Датив субъекта мнения и субъекта оценки в българском разговорном языке (на фоне русского)**, разработена от **Елена Иванова, Галина Кустова** и **Светлозара Лесева**, се разглеждат конструкции в български от типа: *И твоята панама нещо ми синее! Дали наистина е така, или е от снимката?* (И твоя панама что-то мне кажется синей. Это так действительно, или только на фото?), където дателната местоименна клитика маркира т.н. субект за изразяване на мнение. За да се предаде това значение, в руски се използват епистемични глаголи или други езикови средства, показващи субекта на мнението. Изследването е насочено към разговорната реч, която се използва в интернет комуникацията на български.

Основно внимание се обръща на дателни клитични конструкции с предикати за сетивно възприятие, по-специално – предикати за цвят и вкус като представителни класове за дистантно и контактно възприятие. Целта е да се определят условията, при които дателната клитика може да се разглежда като представяща субекта на мнението, и да се покаже с какви синтактични характеристики корелира това тълкуване. В допълнение се описват нестандартни конструкции в български, в които дателната клитика обозначава субект, който оценява състоянието на нещата. За сравнение, аналогични конструкции в руски не се наблюдават. Авторките изказват предположението, че установените в книжовния език модели служат като основа за появата на разглежданите окازیонални употреби, които се срещат в онлайн комуникацията.

Анализът на различните прояви на т. нар. субект за изразяване на мнение и субект за оценка е илюстриран не само с български примери, но и с техните руски преводни съответствия, както и с оригинални примери от руската онлайн комуникация, които служат за обособяването на семантичните различия между отделните функции на дателните конструкции в двата езика.

Студията на **Елена Иванова** **Предикати желания в българском языке в сопоставлении с русским** е посветена на описанието на предикатите, които, най-общо казано, изразяват „желание“: личния глагол *искам* и безличния *иска ми се* (и техните еквиваленти в руски (*хотеть* и *хотеться*), както и т.н. желателна конструкция (*Танцува ми се*; *Не ми се прибира*), която е централен обект на това изследване. Определят се семантичните и граматичните разлики между трите основни начина за изразяване на желание.

Върху материал от паралелни българо-руски корпуси се показва изборът на съответствие при превод при отсъствие в руския език на точен граматичен еквивалент на желателната конструкция в български език. Изясняват се причините, поради които лексеми от синонимния ред към *хотеться* (иска ми се) – *влечет*, *тянет*, *(не)охота* (влече ме, привлича ме, имам / нямам желание за) и др., почти не се използват при превода на българската желателна конструкция.

Специално внимание е посветено на разликите между две привидно еквивалентни форми – желателната конструкция в български и руския рефлексивно-дативен модел (*Не ми се работи* и *Мне не работается*), като се показват граматичните и семантичните им различия. Паралелните корпуси потвърждават, че за руската конструкция няма единен или поне предпочитан (от гледна точка на честотата на употреба) вариант за превод на български език. Авторката достига до извода, че и желателната конструкция в български, и в още по-голяма степен – рефлексивно-дативната конструкция в руски, са лакунарни модели при превода между двойката езици.

Студията **Предикати възприятия в българском и русском языках и их синтаксические актанты** (*Мария Овсянникова* и *Христина Кукова*) е посветена на съпоставката на лексикално-граматическите и синтактичните особе-

ности на предикацията, изразена с помощта на български и руски глаголи за зрително и слухово възприятие и техните комплементни изречения, въведени със съюзите *че* и *как* в български език и *что* и *как* в руски език. Авторките си поставят за цел да представят връзката между разпределението на съюзите, от една страна, и аспектиалните и темпоралните характеристики на глаголите, от друга страна, да проследят влиянието на модуса на възприятието при избора на съюз, да установят лексикалните и формалните съответствия между българските и руските конструкции: използваните глаголи и техните форми, предпочитаните съюзи при оформянето на комплементните изречения.

Представените като резултат от изследването междуезикови специфики на аспектиалните характеристики на глаголите *видеть*, *слышать* (*видя*, *чуя*) са свързани преди всичко със способността на руските глаголи от несвършен вид да описват завършена ситуация на възприятие в миналото, докато в български език в съответния контекст се използват глаголи от свършен вид. Установена е връзката между глаголите от несвършен вид и съюза *как* и глаголите от свършен вид и съюзите *че* / *что* в двата езика и за двата типа възприятие. При предаване на иреален статус на възприеманото в български език се употребява съюзът *да*, а в руски – *чтобы*. Способността на българския съюз *да* да въвежда и фактивна ситуация, се отразява посредством избор на различен съюз или причастна конструкция в руски език.

Анализът проследява и други важни закономерности, които определят избора на вида на предиката и съюза. Авторките посочват, че част от несъответствията при комбинирането на съюзите и глаголите за зрително и слухово възприятие в двата езика се определят от модуса на възприятие, а също и от семантиката на изречението като цяло.

В студията **Инфинитивные и финитные сентенциальные зависимые в русском языке и их соответствия с союзами *че* и *да* в болгарском языке** *Александър Летучий* и *Марина Джонова* изследват стратегиите за присъединяване на някои типове комплементни изречения в български и руски. По-конкретно, авторите се фокусират върху разпределението на инфинитивните и финитните комплементни изречения в руски и акцентират върху различията между глаголен и именен предикат в главното изречение, например **Я радуюсь / обрадовался его видеть в таком состоянии* (Радвам се / зарадвах се да го видя в такова състояние), но *Мне приятно / я рад его видеть в таком состоянии* (Приятно ми е / радвам се да го видя в такова състояние). При финитните изречения не се маркира кореференция между аргументи на главното и подчиненото изречение, докато при инфинитивите такава кореференция е налице (макар и не във всички случаи).

В българския език, както е известно, инфинитив няма и затова съпоставката му с руски по отношение на комплементните изречения е интересен обект на изследване. Авторите разглеждат въпроса доколко *да*-конструкциите, които заместват инфинитива в съвременния български език, наследяват неговите ха-

рактеристики и доколко те по своите особености се доближават до комплементни изречения със съюза *че*.

При представянето на комплементните изречения в съпоставителен план авторите разглеждат феномена **контрол** върху субекта на подчиненото изречение. Посочва се, че в руски език е налице контрол при инфинитивните изречения с главен предикат финитен глагол. Когато обаче в главното изречение е налице конструкция с предикатив, съществуват две възможности: субектът на състоянието да е изразен експлицитно, например *Мне приятно его видеть* (Приятно ми е да го видя), или не, като във втория случай се приема, че не се наблюдава контрол по отношение на интерпретацията на субекта на инфинитивното изречение.

Авторите посочват, че в български (както е известно) семантиката на главния предикат е определяща при избора на комплементно изречение. В същото време в руски доминиращият фактор е съвпадението или несъвпадението на субекта в главното и подчиненото изречение. Потвърждава се изводът на Й. Пенчев, че в българския език може да се говори за задължително съвпадение на подлога на главното и подчиненото изречение само при определени глаголи или само при определено значение на даден глагол. Авторите достигат до заключението, че това наблюдение е валидно и при конструкциите с предикатив в български – ограничение по отношение на субекта на комплементното *да*-изречение е налице само при някои предикативи (напр. при предикативите за физиологично състояние), и то при експлицитен дателен експериенцер в главното изречение.

В заключение, отново трябва да се подчертае, че колективната монография „Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски“ представя основния резултат от изпълнението на двустранния научен проект и в нея намират място всички най-важни теоретични резултати, свързани с **общотеоретичното изследване на предикатите и предикативите за състояние**, със задълбоченото описание на предикатите и предикативите за състояние в български и руски, както и със съпоставителните изследвания между двата езика в областта на семантичното и синтактичното представяне на предикацията за състояние. **Фундаменталният характер на представените научни изследвания** води до надграждане на известните теоретични постановки и достигане до нови обобщения и научни резултати, които имат отношение не само към описанието на българския и руския език, но и предлагат ново знание, свързано с **онтологичното представяне на предикацията за състояние**.

Резултатът от съпоставката на семантичните и синтактичните модели за реализация на типовете състояния в български и руски език се изразява в анализ на сходствата и различията на предикатите и предикативите за състояние и техните обкръжения (аргументната и адюнктната реализация) в двата езика. Сравнението е извършено на базата на събрания богат емпиричен материал и

на обобщенията за синтактичната и семантичната структура на подкласовете предикати и предикативи. Подобно мащабно съпоставително изследване не е предлагано досега, при това не само за избраната двойка езици за сравнение.

Книгата, която предоставяме на вниманието на читателите (езиковеди българи, русисти и слависти, но и университетски преподаватели, студенти, преподаватели по български и руски език като чужд, учители) засяга важни и интересни въпроси от семантичното и синтактичното описание на предикатите и предикативите за състояние в двата езика и ще бъде полезна за открояване на **основните прилики и разлики при моделите за концептуализация, лексикализация и граматикализация при изразяване на значението състояние в български и руски език**. Това е и важна крачка за очертаване на типологичните сходства и различия между двата езика по отношение на семантиката и синтактичната реализация на предикатите и предикативите за състояние.

Цитирана литература / References

- Bennett, Partee 1972: Bennett, M., B. H. Partee. Toward the logic of tense and aspect in English. Santa Monica, CA: System Development Corporation. Reprinted. – In: Portner, P. (ed.). *Compositionality in formal semantics: Selected papers by Barbara H. Partee*, Oxford, Blackwell, 2004, pp. 59–109.
- Carlson 1977: Carlson, G. N. *Reference to Kinds in English*. Doctoral dissertation. University of Massachusetts.
- Davidson 1967: Davidson, D. The Logical Form of Action Sentences. – In: Rescher, N. (ed.). *The Logic of Decision and Action*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 81–95.
- Dowty 1979: Dowty, D. *Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.
- Filip 1999: Filip, H. *Aspect, eventuality types, and nominal reference*. New York: Garland Pub.
- Koeva 2022: Коева, Св. Семантична класификация на предикатите за състояние в български. – В: *Български език, Приложение*, 69, с. 367–389. (Koeva, Sv. Semantichna klasifikatsiya na predikatite za sastoyanie v balgarski. – In: *Balgarski ezik, Supplement*, 69, pp. 367–389.)
- Leseva et al. 2021a: Лесева, Св., Хр. Кукова, Ив. Стоянова. Предикатите за състояние в съвременните лингвистични теории (I). – В: *Български език*, № 3, с. 120–134. (Leseva, Sv., Hr. Kukova, Iv. Stoyanova. Predikatite za sastoyanie v savremennite lingvistichni teorii (I). – In: *Balgarski ezik*, № 3, pp. 120–134.)
- Leseva et al. 2021b: Лесева, Св., Хр. Кукова, Ив. Стоянова. Предикатите за състояние в съвременните лингвистични теории (II). – В: *Български език*, № 4, с. 135–152. (Leseva, Sv., Hr. Kukova, Iv. Stoyanova. Predikatite za sastoyanie v savremennite lingvistichni teorii (II). – In: *Balgarski ezik*, № 4, pp. 135–152.)
- Melchuk 2006: Mel'čuk, I. *Aspects of the Theory of Morphology*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

- Michaelis 2011: Michaelis, L. A. Stative by Construction. – In: *Linguistics*, 49(6), pp. 1359–1399.
- Paducheva 1996: Падучева, Е. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры. (Paducheva, E. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury.)
- Partee 1984: Partee, B. Nominal and temporal anaphora. – In: *Linguistics and Philosophy*, 7, pp. 243–286.
- Shcherba 1928: Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке. – В: *Русская серия. Новая серия*, II. Ленинград: Академия, с. 5–27. (Shcherba 1928: Shcherba, L. V. O chastyah rechi v russkom yazyke. – In: *Russkaya seriya. Novaya seriya*, II. Leningrad: Akademiya, pp. 5–27.)
- Todorova et al. 2021: Тодорова, М., Цв. Димитрова, В. Стефанова. Изследване на границите на предикативи за състояние в български. – В: *Съпоставително езикознание*, т. XLVI, 4, с. 21–46. (Todorova, M., Tsv. Dimitrova, V. Stefanova. Izsledvane na granitsite na predikativite za sastoyanie v balgarski. – In: *Sapostavitelno ezikoznanie*. XLVI, 4, pp. 21–46.)
- Vendler 1957: Vendler, Z. Verbs and times. – In: *Philosophical Review*, 56, pp. 143–160.
- Zimmerling 2021: Zimmerling, A. Primary and secondary predication in Russian and the SLP: ILP distinction revisited. – In: Warditz, V. (ed.). *Russian Grammar: System – Usus – Variation / Русская грамматика: Система – узус – варьирование*. Linguistica Philologica 1. Berlin, pp. 543–560.

**Ontology of stative situation – linguistic modeling.
A contrastive Bulgarian-Russian study**

Svetla Koeva^a, Elena Ivanova^b

Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences^a,
St. Petersburg State University^b

svetla@dcl.bas.bg^a, e.y.ivanova@spbu.ru^b

Abstract

The preface to the book *Ontology of stative situation – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study* presents the main goals of a Bulgarian-Russian scientific project aiming at fundamental theoretical descriptions and its results: a theoretical account of the properties of stative predicates and predicative words on the basis of which an ontological representation of stative situations is proposed; a profound analysis of the semantic and syntactic structure of different types of stative predicates and predicative words in Bulgarian and Russian; contrastive studies manifesting similarities and differences in the semantic and syntactic representation of states in Bulgarian and Russian.

Keywords: *stative predicates, stative predicative words, ontology of states, syntax-semantic interface, contrastive studies of Bulgarian and Russian*

Svetla Koeva
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52, Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia 1113, Bulgaria
svetla@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0001-5947-8736>

Elena Ivanova
St. Petersburg State University
11 Universitetskaya Emb.
199034, St. Petersburg, Russia
e.y.ivanova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1604-0088>

ЧАСТ I

СЕМАНТИЧНО ОПИСАНИЕ НА ПРЕДИКАТИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ

ПРЕДИКАТЫ СОСТОЯНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ

Антон Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина / Институт
языкознания РАН

fagraey64@hotmail.com

Резюме. Обсуждается проблема доказательного выделения класса предикатов состояния на основе холистических и частных онтологий предикатов. Фундаментальное значение имеют два классификационных критерия – 1) различие статических и динамических предикатов; 2) различие предикатов, имеющих пространственно-временную локализацию, и атемпоральных предикатов. Класс дэвидсоновских состояний включает статические предикаты, локализованные на временной оси. Критерий гомогенности противопоставляет дэвидсоновские состояния динамическим предикатам, в значение которых встроена семантика перехода от фазы, для которой истинно p , к фазе, для которой истинно $\sim p$. Таксон stage-level-predicate (SLP) в традиции Г. Карлсона и А. Кратцер эквивалентен классу дэвидсоновских состояний, но подход Карлсона – Кратцер связан с построением частной онтологии и поиском контекстов, диагностических для различения состояний (SLP) и предикатов индивидуального уровня (ILP), обозначающих вневременные свойства. Разбиение состояний на подтипы предполагает проверку того, допускает ли обозначаемая ситуация экстенциональную квантификацию по параметрам локуса.

Ключевые слова: *семантические типы предикатов, положения дел, события, факты, дэвидсоновские состояния*

1. Базовые понятия семантической классификации предикатов

Семантическая классификация предикатных типов является областью, где необходимо четко разделять метаязыковые и обиходные употребления таких выражений, как ‘действие’, ‘состояние’, ‘событие’, ‘факт’ и т.п., поскольку соответствующие термины в аппарате логического анализа являются заимствованиями из естественного языка.

1.1. Положения дел и события

Наиболее общим понятием языковой онтологии является понятие элементарного *положения дел* (state of affairs). Положения дел характеризуют состояния (в самом широком дотеоретическом смысле) или фазы существования ло-

*Антон Циммерлинг. Предикаты состояния и семантические типы предикатов. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 31–52.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.02>

гического универсума. Имеется две естественные интерпретации отношений между разными положениями дел – временные и модальные. Логические модели позволяют свести временные отношения к модальным, но при описании языка удобно считать временные отношения базовыми. Положениям дел соответствуют явления произвольного вида. Установить особенности отмечаемых явлений (= семантические типы) можно, введя дополнительные параметры описания и приблизив логику предикатов к естественному языку.

Упорядоченная пара положений дел, где выделяется начальное и конечное состояние, называется *событием* в широком смысле термина (event, иногда также eventuality¹), см. (Von Wright 1963). Для того, чтобы квантифицировать события, необходимо ввести в рассмотрение пространственные отношения, иначе любое частное событие, например ‘рытье ямы’ или ‘поедание пирога’, будет включать указания на неопределенное число других событий, реализующихся в мире одновременно, а также на неопределенное число сущностей, действовавших во всем множестве этих событий: *X* роет яму, *Y* принимает экзамены, небесное тело *Z* появляется на небе, страна *U* ведет войну со страной *W*, на Солнце происходит вспышка, а в Африке появляется новый штамм вируса и т.п. С точки зрения языковой интуиции, такой результат неудовлетворителен (другое дело, что нельзя однозначно установить, в какой мере логика должна следовать за языковой интуицией). Чтобы получить приемлемый результат, пространственной и временной локализации (spatiotemporality) недостаточно, нужно ограничить состав каждого события *релевантным множеством участников* и сопоставить частные события типа ‘*X* роет яму’ (*где? когда?*) с регулярными *n*-местными предикатами типа ‘рыть’ (*a, b, c...n*). Семантическими аргументами (актантами) предиката ‘рыть’, очевидно, являются ‘тот, кто роет’, ‘то, что роют’, и ‘то, чем роют’. Предпочтительно определять семантические аргументы в терминах *обобщенных ролей* (semantic roles), чтобы частные роли ‘тот, кто роет’ и ‘тот, кто чихает’ подводились под общую роль ‘Производитель действия’ (= ‘Агент’), а последняя выделялась в некотором классе предикатов, куда могут входить единицы одного естественного языка, а при наличии сопоставимых словарных описаний, – и разных языков мира. В таком случае сами предикаты можно определять в терминах отношений между обобщенными семантическими ролями². Одним из первых, кто осознал эту проблему, был Ари-

¹ Термин ‘eventuality’ характерен для онтологии Д. Дэвидсона и авторов, следующих за ним (Davidson 1980; Bach 1986; Galton 2005; Maienborn 2007). В этой традиции термин ‘event’ резервируется за более узким классом предикатов. Так, например, Э. Бах делит eventualities (= события в широком смысле) на состояния (states), ср. *be tall, love one’s cat, be sick*, процессы (processes), ср. *sleep, walk, rain, push a cart* и события в узком смысле (events), куда попадает большинство глагольных предикатов.

² Освоение значений предметных имен типа ‘яма’ и ‘лопата’, а также номинализаций типа ‘рытье’ тоже требует их рассмотрения в качестве предикатов со своими

стотель, который в работе «Категории» выделил несколько типизованных предикатных значений (Аристотель / Aristotel 1978).

При принятии аксиомы о линейности времени можно квантифицировать и такие частные события, которые связаны с циклическими процессами, например ‘наступление весны’, ‘наступление осени’, или родовыми пропозициями, например, ‘выздоровление Наполеона’, ‘рытье ямы представителями биологических видов *Homo sapiens* и *Loxodonta africana*’. Хотя наступление осени может повторяться, пока мир существует во времени, а Земля или иные небесные тела вращаются вокруг своей звезды, Наполеон болел и выздоравливал в течение своей жизни строго конечное число раз, а число случаев, когда люди и африканские слоны рыли, роют и будут рыть яму, может равняться счетному множеству, такие события как ‘весна 1917 г.’ = ‘наступление весны в 1917 г.’, ‘выздоровление Наполеона в августе 1800 г. после простуды, полученной в результате купания’ или ‘рытье ямы Иваном в своем саду 20 августа 2022 г.’ при допущении о линейности времени и его дискретности уникальны³.

1.1. Динамические и статические предикаты

Предикаты, описывающие изменения универсума от начального до конечного положения дел и /или направленные на достижение определенного результата, называются *динамическими*, ср. *рыть яму*, *вырыть яму*, *ловить муху*, *поймать муху*, *читать статью*, *прочитать статью*, *заглянуть в колодец*, прочие предикаты называются *статическими*, например, *Иван – фермер*; *Иван сильный*; *Иван спит*; *Иван знает теорему Пифагора*; *Ивану скучно читать эту книгу*; *Иван управляет поместьем своего отца*. Не вполне очевидно, должны ли все статические предикаты описываться одинаково и все ли они соотнесены с событиями, т.е. локализованными в пространстве и времени онтологическими сущностями.

1.2. Онтологические отношения. Стативность и кимовские состояния

Естественный язык ориентирован не только на описание частных событий, локализованных во времени и пространстве, но и на описание *онтологических отношений* между событиями, а также между элементарными положениями дел. События или элементарные положения дел p и q могут быть связаны *каузальной* (p является причиной q) либо *имплицативной* связью (p является условием

семантическими аргументами, ср. (Апресян / Apresyan 1974), (Мельчук, Жолковский / Melchuk, Zholkovskij 1984), (Кустова / Kustova 2004).

³ Технически для квантификации временных состояний универсумов, где существуют *Наполеон* и *Иван*, нужно формально определить соответствующие термовые выражения. От этой задачи мы здесь отвлекаемся.

реализации q). Такой анализ не требует дополнительных соглашений о природе p и q и типе предикатов, связанных с событиями p и q . Если рассматривать понятие *деятельности* и предикаты *целенаправленного действия*, добавляется еще одна интерпретация: X может осуществлять p с целью получить результат q . Трех данных типов отношений достаточно для описания возможной связи между p и q в действительном мире, что может использоваться для семантического разложения сложных предикатных значений. Так, например, значение ‘дарить кому-л. что-л.’ может анализироваться, как ‘каузировать обладание’ ($GIVE\ p = CAUS\ (HAVE\ p)$), см. (Harley 2002).

(i) $(X\ \text{подарил}\ Y\text{-у}\ Z)_p = X\ \text{каузировал}\ (Y\ \text{обладает}\ Z\text{-м})_q$.

Отношение между событиями p и q в (i) может интерпретироваться всеми тремя способами. Наступление q (Y обладает Z -м) является следствием p (X подарил Y -у Z), при этом p является условием осуществления q . Кроме того, p можно понимать как целенаправленное действие: X совершил p ради того, чтобы q имело место.

Во многих случаях, однако, естественный язык требует выхода за рамки связи событий действительного мира и рассмотрения p и q на примере *модельного множества* миров, достижимых из действительного (Hintikka 1969). Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, язык приспособлен для выражения интенциональных и модальных контекстов, сообщающих о гипотетически возможных событиях. Так, например, для оценки предложения (1.), сообщающего о желании *Катерины* (персонаж пьесы, действие которой происходит в России в *царское время*) стать птицей, требуется не только оценить правильность употребления интенционального глагола *хотеть* p , аргументами которого могут быть нереализуемые в действительном мире положения дел, но и соотнести мир литературного произведения, в котором живет Катерина, с действительным миром, проверив значение модального предиката *невозможно* ($\sim \Diamond q$) как в мире Катерины, так и в действительном мире.

1. Катерина *хотела* быть птицей (p), но в царское время это было *невозможно* (q).

Во-вторых, отдельные типы высказываний, содержащих истинностную оценку фрагментов действительного мира, сами исключены из цепи событий. Так, например, событие ‘Иван вчера вырыл яму в своем саду’ имеет пространственную и временную локализацию, но предложение (2.) не сообщает о каком-либо событии, имеющем временную протяженность, — оно претендует на роль универсально значимой истины, *факта*.

2. *Вырытая Иваном яма мала для куста.*

Конкретные условия верификации высказывания (2.) и особенности предикатов типа ‘мал для Z -а’ мы рассматривать не будем, но допустим, что такая процедура существует. Сам объект ‘вырытая Иваном яма’ возникает в мире в

определенный момент времени и существует в течение ограниченного отрезка времени, но эта информация важна для условий истинности высказывания (2.)⁴, а не для значения предиката ‘мал для куста’: такие предикаты обозначают нелокализованные во времени свойства объектов, которые мыслятся как *постоянные характеристики* этих объектов. Подобные предикатные значения, не связанные с описанием изменения мира во времени (= *стативные значения*), могут выражаться в языках мира не только именными (*Яма мала, Иван – фермер, Иван лыс*), но и глагольными словами, ср. т.н. *кимовские состояния* (kimian states), обсуждавшиеся в связи с классификацией стативных значений в (Kim 1969).

3.a. *The tomatoes weigh 3 kilos.*

‘Помидоры весят три килограмма.’

б. *The tomatoes weighed 3 kilos.*

‘Помидоры весили три килограмма.’

Высказывания (3.a.–б.) передают информацию о том, что помидоры весили три килограмма в *момент измерения*, который может совпадать или не совпадать с моментом речи. Этот момент соответствует некоторой фазе существования того универсума, частью которого являются помидоры. Поэтому стативные кимовские предикаты типа *weigh 3 kilos* ‘весить три килограмма’ могут описываться двояко: 1) как элементарные положения дел, занимающие на временной оси *точку*, соответствующую моменту измерения или наблюдения; 2) как вневременные логические истины, факты, исключенные из цепи событий. Первое описание имеет смысл потому, что для большинства семантических классификаций предикатов ‘локализованность во времени’ является приоритетным таксономическим признаком, см. (Davidson 1980; Булыгина / Bulygina 1982; Селиверстова / Seliverstova 1982). Второе описание имеет смысл потому, что различение событий и фактов носит фундаментальный характер для логического анализа языка (Kiparsky, Kiparsky 1970; Арутюнова / Arutyunova 1988), при этом предикаты со значением факта необязательно стативны.

1.3. События и факты

События как фрагменты или ‘атомы’ существующего во времени универсума (действительного или возможного мира) и факты (=вневременные логические истины) – сущности разного типа, сопоставлять их можно только с точки зрения того, как *представления о событиях и фактах* отражены в естествен-

⁴ Обычно считается, что высказывания типа *Нынешний король Франции лыс* лишены истинностного значения, если предикат ‘быть лысым’ прилагается к несуществующему в момент произнесения высказывания субъекту ‘нынешний король Франции’.

ном языке (Арутюнова / Arutyunova 1988), в том числе – в плане распределения предикатов. Имеется два лингвистических наблюдения, подтверждающих гипотезу о том, что существуют такие предикаты второго порядка, т.е. предикаты с пропозициональной валентностью, выраженной придаточным, инфинитивным оборотом или иным типом зависимых клаузу, семантическими аргументами которых являются факты.

Во-первых, условием употребления глаголов знания в контексте *X знает, понимает, выяснил, определил, установил, что p*, является презумпция *фактивности*, т.е. то, что сам *X* считает *p* истинным, в то время как глаголы мнения в аналогичном контексте, ср. *X думает, считает, что p*, *X-у кажется, что p*, с такой презумпцией не связаны (Kiparsky, Kiparsky 1970). Субъект мнения может быть сам не полностью уверен в истинности *p*, кроме того, у других людей могут быть иные мнения, а говорящий, пересказывающий мнение *X-а* о *p*, может *знать*, что *p* ложно, поэтому высказывания типа (4.) семантически правильны.

4. Иван (*X*) *думает, что Земля плоская (p)*, но это неверно, и учитель (*Y*) с этим не согласен ($\sim p$).

Глаголы знания не употребляются в контекстах типа (4.). Это объясняется тем, что знание в *сильном смысле*, т.е. знание истинности *p*, полученное некоторым рациональным путем, транзитивно: если *X* знает в сильном смысле, что *p* истинно, это значит, что любой *Y* может получить то же знание, поэтому говорящий не может встать на точку зрения, что *p* ложно.

5. *Иван (*X*) *знает, что Земля плоская (p)*, но это неверно, и учитель (*Y*) с этим не согласен ($\sim p$).

Ввиду транзитивности знания оценку высказываний с презумпцией фактивности, вносимой глаголом знания (далее – *презумпция фактивности*₁) обычно можно ограничить действительным миром, так как интенциональные контексты, связанные с миром Ивана, не удовлетворяют критериям знания в сильном смысле. Глаголы и неглагольные предикаты аффекта *X рад, огорчен, что p* задают похожую презумпцию, назовем ее *презумпцией фактивности*₂, но аффекты, переживания и физические ощущения не транзитивны, поэтому возможны ситуации, когда причиной или условием возникновения аффекта является ложная уверенность *X-а* в истинности *p*. Реальность таких ситуаций интуитивно очевидна, однако носители языков расходятся в оценке допустимости соответствующих высказываний с предикатом аффекта в контексте ложности *p*.

6. *Иван (*X*) *рад, что звонила Катя (p)*, но на самом деле это была не Катя ($\sim p$).

7. *Иван (*X*) *огорчен тем, что Ян выиграл (p)*, но на самом деле Ян проиграл ($\sim p$).

8. ⁷Иван (X) огорчен тем, что Португалия проиграла (p). Он даже выключил телевизор за пять минут до конца. Но на последней минуте Португалия забила гол и сравняла счет ($\sim p$).

Даже если высказывания типа (8.) аномальны, презумпцию фактивности₂ приходится проверять в интенциональных контекстах, сопоставляя мир Ивана с миром говорящего. Переживаемый Иваном аффект, в общем случае, не разделяется говорящим, но говорящий должен проверить p не только в мире Ивана, где p истинно, но и в своем мире, где p может быть ложно. Возмущающим фактором является то, что говорящий должен не только проверять p , но и принимать в расчет состояние психики (mental state) Ивана⁵, при этом стативные предикаты аффекта типа X рад, X огорчен локализованы во времени, т.е. соотнесены с некоторыми событиями, имеющими начальную и конечную точку. Конечно, то же самое относится и к стативным предикатам знания типа X знает, понял, что p , но ввиду транзитивности знания от координат события, где X путем интеллектуальных усилий или внезапного озарения осознал истинность p , можно отвлечься при оценке презумпции фактивности₁, чего нельзя сделать при оценке презумпции фактивности₂, задаваемой стативным предикатом аффекта.

Во-вторых, существуют контексты, где предикаты второго порядка, не охарактеризованные на уровне словаря как фактивные или нефактивные, могут принимать пропозициональные аргументы как со статусом события, так и со статусом факта. Таковы глаголы чувственного восприятия *видеть*, *слышать*, которые в русском языке вводят придаточные с союзами *как* и *что*. *Как-р* аргументы русских глаголов восприятия соотнесены с локализованными во времени и пространстве событиями, которые можно наблюдать извне, см. (9.а.), (10.а.), в то время как *что-р* аргументы тех же глаголов, см. (9.б.), (10.б.), похожи на кимовские состояния типа (3.) и имеют статус фактов, которые соотносятся не столько с временем события p , сколько с тем временем, когда X сделал соответствующее наблюдение. Внутренняя структура события p может быть любой, она определяется тем, какой именно вложенный предикат соотнесен с p - статический (*шел дождь*, *светило солнце*) или динамический (*стрекоза съела муху*), обозначает ли он длительное действие (*есть муху*) или одномоментный переход (*съесть муху*, *моргнуть глазом*) и т.п.

9.а. Иван видел_{IMPERF} вчера на даче, как стрекоза съела_{PERF} муху. (С)

б. Иван видел_{IMPERF} вчера на даче, что стрекоза съела_{PERF} муху. (Ф)

⁵ Сам Иван может быть частью действительного мира или *возможного* мира, если он, например, является персонажем литературного произведения или субъектом гипотетических суждений в статье по логическому анализу.

10.а. Иван видел_{IMPERF} вчера на даче, как стрекоза ела_{IMPERF} муху. (С)

б. Иван видел_{IMPERF} вчера на даче, что стрекоза ела_{IMPERF} муху. (Ф)

В парах (9.а.–б.) и (10.а.–б.) глагол *видеть* имеет не вполне тождественное значение. С *как-р* аргументом он значит примерно ‘быть свидетелем события *p* (стрекоза ест муху)’. С *что-р* аргументом выражаемое значение сложнее – ‘получить зрительным путем информацию, подтверждающую, что событие *p* имело место’.

Эмпирика языка соответствует модели, где факты описываются как сущности, полностью исключенные из последовательности событий, лишь частично (Булыгина, Шмелев / Bulygina, Shmelev 1997: 385–395). Тот же русский глагол *знать* может выражать не только транзитивное знание, но и значение высокой степени уверенности/убежденности *X*-а в истинности *p* (Апресян / Апресян 1995; 2001). В контексте (11.) *X* твердо знает *p* примерно эквивалентно нефактивным предикатам *X* убедил себя в *p* или *X* не сомневается в *p*: ни наличие убеждений, ни отсутствие сомнений у *X*-а не служат гарантией того, что *p* (соседняя страна захвачена марсианами) истинно.

11. Иван и его семья твердо знают, что соседнюю страну захватили марсиане.

Соотношение презумпции фактивности₁ (контексты транзитивного знания) и презумпции фактивности₂ (аффективные и экспериенциальные предикаты) представляет проблему. Предпочтительно считать, что факты как логические истины прямо не связаны с познавательными усилиями каких-либо определенных субъектов, тем более с их переживаниями и наблюдениями, сделанными в определенное время и в определенном месте. Можно, однако, допустить, что значение факта является надстройкой над значением событийного аргумента предиката второго порядка. Такой анализ подходит к *что-р* аргументам глаголов восприятия, содержащим ссылку на вложенный *как-р* аргумент, и к т.н. общефактическому значению несовершенного вида (ОФ-НСВ) в русском языке, у которых презумпция фактивности₂ сочетается с установкой на верификацию *p*. Предложения со значением ОФ-НСВ формально напоминают предикаты множественного действия в прошедшем времени, см. (12.а.) и (13.а.), но реально они соотнесены с высказываниями с глаголом совершенного вида (СВ) типа (12.б., 13.б.), которые могут обозначать единичные события в прошлом.

12. а. Иван вчера заходил_{IMPERF} в сарай. (ОФ-НСВ)

б. Иван вчера зашел_{PERF} в сарай. (С-СВ)

13.а. Иван вчера сажал_{IMPERF} кусты_{PL} у себя на даче. (ОФ-НСВ)

б. Иван вчера посадил_{PERF} куст_{SG} у себя на даче. (С-СВ)

Предложения ОФ-НСВ задают экзистенциальную квантификацию над событиями прошлого: (12.а.) истинно, если Иван вчера зашел в сарай хотя бы один раз, а (13.а.) истинно, если Иван вчера посадил на даче хотя бы один куст. В отличие от предложений с глаголами *видеть*, *слышать* и *что-р* аргументами, которые задают презумпцию фактивности₂, русские предложения ОФ-НСВ типа (12.а.) и (13.а.) не дают никаких оснований считать, что информация об истинности *p* попала к говорящему визуальным путем и что говорящий сам наблюдал за тем, как Иван сажает куст и заходит в сарай. Тем самым, предложения ОФ-НСВ связаны с презумпцией фактивности₁: парафразой (13.а.) можно признать предложение (14.) с матричным предикатом *знать*, но не предложение (15.) с матричным предикатом *видеть*.

14. *X знает, что Иван вчера посадил*_{PERF} (по крайней мере один) куст у себя на даче. (Ф)

15. *X видел, как Иван вчера сажал*_{IMPERF} ^{??}(по крайней мере один) куст у себя на даче. (С)

В приведенных примерах-иллюстрациях фактивный статус пропозиционального аргумента тем или иным способом маркируется внешне – выбором видовой формы глагола, подчинительного союза и т.п. В подобных случаях значение факта как вневременной истины возникает из того, что говорящий проверяет и подтверждает гипотезы об обретении знания, высказанные другими субъектами. Поскольку познавательная деятельность этих субъектов осуществляется в рамках некоторых существующих во времени логических универсумов (= *миров*), ситуации обретения и вербализации знания могут, а иногда и должны описываться как события, имеющие временную и пространственную локализацию. Это обуславливает двойственность контекстов типа (9.–10.) и (15.), где информация извлекается из событий, доступных для наблюдения извне: можно наблюдать за событием *p*, которое состоит в том, что *X* ест один или два бутерброда, но едва ли возможно наблюдать за процессом логического рассуждения, поэтому предложения с квантифицированными выражениями вроде *по крайней мере один x в как p* – придаточных типа **Иван видел, как Катя ела по крайней мере один бутерброд* аномальны⁶.

Атемпоральность некоторых стативных предикатов первого порядка, например, кимовских состояний типа *весить три килограмма* и именных предикатов свойства *быть лысым*, скорее, имеет другое объяснение: эти предикаты вообще не предназначены для того, чтобы обозначать события. Поэтому предложения *Помидоры весили три килограмма* и *Продавец помидоров был лыс* не

⁶ Квантор *по крайней мере один* допустим в матричной клаузе структуры с *как-р* аргументом, но предложение *Иван по крайней мере один раз видел, как Катя ела бутерброд* имеет другой смысл. В структуре со *что-р* аргументом ограничения нет: *Иван видел, что Катя ела по крайней мере один бутерброд*.

стоит анализировать как факты и приписывать им внешнюю рамку с предикатом знания – ‘*X установил, что помидоры весят три килограмма*’ или ‘*X понял, что продавец помидоров был лыс*’.

1.4. Предикаты свойства

Предикаты свойства (properties) обозначают отвлеченные от конкретных ситуаций свойства объектов, которые мыслятся как постоянные и/или отличительные характеристики этих объектов. Существуют синонимические термины для этого типа атемпоральных предикатов – *качества* (Щерба / Shcherba 1928; Селиверстова / Seliverstova 1982), *предикаты индивидуального уровня* (individual-level predicates, ILP), ср. (Carlson 1977; Kratzer 1995). Упомянутый выше класс кимовских состояний, по-видимому, эквивалентен классу предикатов свойства с поправкой на то, что под рубрику ‘свойства’ традиционно подводятся одноместные именные и адъективные предикаты типа ‘быть продавцом’, ‘быть лысым’, а кимовские состояния в описаниях европейских языков чаще иллюстрируются выделенными употреблениями глаголов, не связанными с выражением процессуальной семантики, ср. англ. *rule*, нем. *besitzen*, рус. *управлять страной*, *мно-го курить*. Предикат свойства может иметь внутреннюю структуру глагольной группы, ср. *предпочитать блондинок брюнеткам*. Одноместные неглагольные предикаты свойства считаются каноническими представителями своего типа, поскольку интерпретация глагольного предиката как свойства почти всегда требует поддержки контекста, в то время как для большинства именных и адъективных предикатов интерпретация как свойства является основной.

1.5. Атемпоральность и типы предикатов

Мы показали, что имеется два уровня описания предикатных значений, связанных с онтологическими понятиями элементарного положения дел и события и представлением о существовании универсума во времени. Выделяется два типа атемпоральных предикатов – факты и свойства. Факты – пропозициональные аргументы внешне выраженных или реконструируемых предикатов второго порядка, в значение которых встроена верификация гипотезы об истинности вложенной пропозиции *p*. Свойства – один из базовых типов предикатов первого порядка, который указывает на характеристики объектов, отвлеченных от их существования во времени. Анализ свойств возможен только в терминах элементарных положений дел, но не событий.

2. Холистические онтологии предикатов. Дэвидсоновские состояния

Холистические онтологии претендуют на полный охват семантических типов предикатов первого порядка. Основными классификационными признаками

являются: 1) $\pm$ локализованность во времени и пространстве, т.е. различие темпоральных предикатов, которые также являются локализованными в пространстве, и атемпоральных; 2) $\pm$ наличие изменений, сопровождающих переход от положения дел p к положению дел $\sim p$, т.е. различие динамических и статических предикатов. В зависимости от избранного подхода, один из этих признаков берется в качестве приоритетного. Кроме того, классификации предикатов отличаются тем, что часть из них ориентирована на онтологию событий, ср. (Davidson 1980; Булыгина / Bulygina 1982; Bach 1981; 1986), а часть – на онтологию элементарных положений дел (Vendler 1957/1967; Dowty 1979; Селиверстова / Seliverstova 1982), в качестве синонима термина ‘элементарное положение дел’ О. Н. Селиверстова использует выражение ‘точка на временной оси’ <существования универсума во времени>. Разница между подходами касается, прежде всего, описания предикатов свойства, которым условно может быть сопоставлена точка на временной оси, соответствующая моменту наблюдения или измерения, но не может быть сопоставлено никакое событие. Другой мотивацией для ориентации онтологии предикатов на элементарные положения дел, а не на более сложное понятие события, является примерное соответствие между точкой на временной оси и физическим понятием ‘кульминация процесса’ (culmination), а также аспектуальным понятием *предела действия* (telicity), т.е. внутренней тенденцией действия и процесса к завершению/кульминации (Garey 1957; Dowty 1979; Borik 2006; Падучева, Пентус / Paducheva, Pentus 2006).

2.1. Классификация З. Вендлера. Активность, агентивность, внешний аргумент

З. Вендлер (1957/1967) разделил динамические значения на три класса, два из которых являются предельными, противопоставив их единственному классу нединамических значений, названных им *стативами* (states). Динамические процессы могут иметь конечную точку (endpoint), которая является моментом перехода от положения дел p к $\sim p$. Стативные предикаты, соответствующие положению дел p , ср. англ. *love*, *know*, рус. *любить*, *знать*, *помнить* могут длиться в течение отрезка времени, и, строго говоря, имеют внешние границы в виде положения дел $\sim p$ в начале и конце отрезка, пока X кого-то любит и что-то помнит. Однако они не концептуализуют переход от p к $\sim p$. Наоборот, тип перехода от p к $\sim p$ является таксономическим значением двух классов предельных динамических предикатов. Т.н. предикаты *выполнения* (accomplishments), ср. англ. *build a house*, *run a mile*, *recite a poem*, *recover from illness*, рус. *построить дом*, *пробежать милю*, *озвучить стихотворение*, *выздороветь после болезни* являются длительными и предполагают постепенное приближение к пределу действия. Т.н. предикаты *достижения* (achievement), ср. англ. *notice*, рус. *заметить*, *моргнуть глазом*, *вздыхнуть* предполагают мгновенный переход от p к $\sim p$. Два типа предельных динамических предикатов регулярным образом

противопоставлены единственному типу динамических неопредельных значений – предикатам *действия* (activities), ср. англ. *run, walk, breath, write letters*, рус. *бежать, бегать, идти, ходить, дышать, писать письма*. Так, англ. *write letters* в схеме Вендлера имеет статус ‘activity’ (действие), а его предельный коррелят *write a letter* – статус ‘accomplishment’. Аналогично, рус. *вздохнуть*, по Вендлеру, имеет статус ‘activity’, но его предельный коррелят *вздохнуть* имеет статус ‘achievement’. Стативы в схеме Вендлера определяются по остаточному принципу, как группа неопредельных инактивных предикатов, обозначающих длительные процессы, состоящие из одинаковых фаз, ср. англ. *love, know, believe, want, own, resemble, be in New York*, рус. *любить, знать, верить, хотеть, владеть, быть похожим на что-л., находиться где-л.* Выделенное положение стативов и предикатов достижения Вендлер иллюстрировал рядом синтаксических тестов, при этом некоторые из его утверждений, например, о том, что стативы и достижения не могут иметь в английском языке формы прогрессива (continuous tenses), оказались преувеличенными, ср. разг. англ. *I am really loving it* (Bach 1981: 77).

Подход Вендлера удобен для описания языков с богатой видовременной системой, например, английского, русского, болгарского (Булыгина / Bulygina 1982; Lindstedt 1985; Падучева / Paducheva 2010). Однако он неудобен для описания стативных значений, так как внутреннее основание для объединения глаголов типа англ. *love, believe, want, know* и неглагольных предикатов типа *be stupid, be sad, be angry at someone* в общий класс отсутствует. Кроме того, можно задаться вопросом, где проходит грань между двумя классами неопредельных предикатов – стативами и действиями. Выделение общего класса динамических предикатов основано на семантическом свойстве *активности*, которое можно пытаться формализовать, но проще признать базовой онтологической характеристикой внеязыковой действительности. Неформальное понимание состоит в том, что инактивные процессы связаны с инерцией существования мира по времени, а активные процессы связаны с вмешательством конкретных субъектов в развитие мира⁷. Если признавать активные процессы с неодушевленным субъектом, ср. *Трубу сдуло ветром; Вулкан извергался три дня, а потом затих*, потребуются дополнительные онтологические допущения, например, о том, что ветер может дуть всегда, но не всегда приводит к разрушению построек, вулкан извергается регулярно, но его цикл, в отличие от смены дня и ночи или смены времен года, неочевиден носителю обиходного языка, и т.д. и т.п. В этом случае предложения типа *Идет дождь; Светает; Светит солнце; Звезды мерцают на*

⁷ Моделировать понятие семантической активности вне онтологии событий затруднительно, поскольку каждый предполагаемый акт вмешательства конкретного субъекта в развитие мира связан с частным событием, имеющим временную и пространственную локализацию.

небе могут рассматриваться как стативы, а предложения типа *Солнце сожгло нивы. Всю канаву залило дождем* будут квалифицированы как действия.

Агентивность является выделенным случаем активности, когда процесс/действие контролируется одушевленным участником (= *Агенсом*). Семантический контроль обычно предполагает, что действие является целенаправленным, однако решение вопроса о том, в каких именно случаях выделять роль Агенса и нужно ли допускать существование неодушевленных Агентов в предложениях типа *Трубу сдуло ветром* или вводить для них похожие на Агенса роли Причины (Cause) или Стихийной Силы (Elements), является предметом соглашений. Агентивность подразумевает отсутствие стативности, но обратное ложно. Многие тесты Вендлера, призванные обосновать отличие динамических предикатов от стативов, на самом деле, выделяют более узкий класс агентивных предикатов, что отмечено в (Dowty 1979; Galton 2005). В генеративной лингвистике Агенса называется *внешним аргументом* предиката (external argument), а аргументы с неагентивными семантическими ролями считаются *внутренними* (internal arguments). Принятие такого анализа означает, что у предикатов с валентной рамкой (Экспериенцер, Стимул), ср. *мне* (Э) *жалко женщину* (Ст), оба аргумента признаются внутренними. То же касается предикатов знания, мнения и восприятия, имеющих пропозициональные аргументы, ср. *Иван знает, что Катя уехала; Иван думает, что соседняя страна захвачена марсианами; Иван видел, как Катя уезжала*.

2.2. Дэвидсоновские состояния, результативы и свойства

В 1960-е гг. Д. Дэвидсон определил состояния как вид локализованных в пространстве и времени сущностей (spatiotemporal things, eventualities), которые продолжаются в течение отрезка времени (Davidson 1980). Для дэвидсоновских состояний выполняются следующие условия истинности. Если p является дэвидсоновским состоянием и имеет место в некотором локусе в течение отрезка времени, начиная с t_0 и заканчивая t_n , то p истинно в этом локусе для любого момента времени $t_i \in \{t_0 \dots t_n\}$, так что p состоит из гомогенных фаз (Maienborn 2007). Критерий гомогенности отличает дэвидсоновские состояния от динамических предикатов: первые всегда состоят из гомогенных фаз, а вторые – нет (Селиверстова / Seliverstova 1982: 126–127). От результативных предикатов типа *Окно открыто; Иван побрит*, указывающих на результат предшествующего действия, дэвидсоновские состояния отличаются, прежде всего, тем, что они длительны и соотнесены с отрезком времени, в то время как результативы соотнесены с точкой на временной оси, когда положение дел $\sim p$ (*Окно закрыто; Иван не побрит*) меняется на p . Термин ‘результатив’ получил распространение в типологии, ср. (Недялков / Nedialkov 1983). Он примерно соответствует вендлеровскому классу достижений (accomplishments), с поправкой на то, что в определение результативных предикатов заложена реконструкция пред-

шествующих событий: этот аспект в классификации Вендлера не отражен, поскольку она ориентирована не на события, а на элементарные положения дел.

Результативы всегда обозначают *каузально производные положения дел*, которые являются следствием некоторых предшествующих событий. Так, предикат *окно закрыто* указывает на событие ‘Х закрыл окно (умышленно или случайно)’ или на событие ‘окно закрылось само (в результате порыва ветра или иных естественных процессов)’. Наоборот, дэвидсоновские состояния не являются каузально производными событиями. Если *Х-у стало скучно на лекции* или *холодно на улице*, это не доказывает, что содержание лекции или понижение температуры на улице является достаточным условием возникновения аффекта или ощущения холода у *Х-а*, поскольку другое лицо, например, *У*, может в том же локусе, в то же самое время и в тех же самых условиях обнаруживать интерес или страдать от жары. Такие состояния, как *Сегодня ветрено*; *В комнате пыльно*; *На улице гарь* в физическом мире имеют свои причины, но эти причины лежат за пределами языковой онтологии, ибо грамматическая форма предикатов *ветрено*, *пыльно*, *<стояла> гарь*, в отличие от грамматической формы результативного предиката, не предполагает реконструкции предыдущего события.

От предикатов свойства (properties) дэвидсоновские состояния отличаются тем, что они локализованы по времени, в то время как предикаты свойства атемпоральны. В онтологии вендлеровского типа предикаты свойства, как указано выше, можно соотнести с точкой на временной оси, соответствующей моменту измерения или наблюдения, но в онтологии дэвидсоновского типа, где первым шагом является разбиение предикатов на локализованные и нелокализованные во времени и пространстве (Булыгина / Bulygina 1982), такой прием не нужен. В целом, разграничение дэвидсоновских состояний и свойств в языках типа русского, английского или болгарского не проблематично. Некоторую сложность представляет тот факт, что существуют т.н. контексты *семантического принуждения* (semantic coercion), где выражения, изначально специализированные в функции предикатов свойства, могут получать событийную интерпретацию. Так, прилагательные *толстый*, *скучный* и *пыльный* являются стандартными предикатами свойства, при этом предложение *Книга была толстой* естественно понять как постоянную характеристику объекта ‘книга’, соответствующую ее физическим характеристикам (толщине и количеству страниц), а предложение *Книга была скучной*, содержащая субъективную оценку говорящего, тем не менее, преподносится им как объективное свойство самой книги, независимо от того, кто ее читает. Однако предложение *Книга была пыльной* все же скорее указывает не на результат проведенной кем-то экспертизы по измерению количества частиц пыли на данном объекте, а на личный опыт того, кто в определенный момент обнаружил эту книгу. Существенно, что в обратную сторону семантическое принуждение, по-видимому, не работает: невозможно подобрать контекст, где дэвидсоновские состояния типа англ. *X is available* ‘Х доступен’, ‘Х находится под рукой’ или рус. *Х-у больно*, *скучно*, переосмыслились бы как свойства.

2.3. Предикаты процесса и дэвидсоновские состояния

Разбиение дэвидсоновских состояний на подклассы в рамках холистических онтологий зависит от того, какие выражения, удовлетворяющие критериям локализованности во времени и гомогенности существования, в избранном варианте классификации остаются за пределами класса состояний, а также от того, какие грамматические и семантические критерии используются. Э. Бах (Bach 1986) выносит за рамки класса состояний, не полностью соответствующего дэвидсоновским, разнообразные глагольные предикаты гомогенного процесса, ср. *sleep, walk, rain, push a cart*. Он делит состояния на 'статические' (static states) и 'динамические' (dynamic state) на основе возможности употребить форму прогрессива в английском языке: динамические состояния Баха с ним сочетаются свободно, ср. *X am living in New York*, а статические – нет, ср. *?John is believing that the earth is flat, *John is being intelligent*. Динамические состояния Баха сходны с дэвидсоновскими, в то время как статические состояния Баха неоднородны: в эту группу по избранному им синтаксическому критерию попадают как предикаты свойства типа *be tall, be intelligent*, которые атемпоральны, так и предикаты типа *believe, resemble*, которые локализованы во времени, но лишены процессуальной семантики и агентивного субъекта. Такое объединение по ряду причин неудачно: оно чрезмерно зависит от лингвопецифических факторов и не обеспечивает семантической однородности.

Если считать, что универсальный критерий, по которому глагольный предикат может быть признан процессом, но не дэвидсоновским состоянием, существует, разумно предположить, что он связан с пониженной активностью субъекта состояния и отсутствием семантического контроля над процессом с его стороны (Селиверстова / Seliverstova 1982). Непереходные глаголы с активным субъектом, например, *ходить, бегать*, в этом случае исключаются из класса дэвидсоновских состояний. Статус непереходных глаголов с инактивным субъектом, ср. *спать, лежать, сидеть, находиться в городе* менее ясен, нет полной уверенности в том, что они составляют единый класс. *Спать*, в зависимости от избранной таксономии, может быть интерпретировано и как инерционный процесс, и как дэвидсоновское состояние. У глаголов *лежать, сидеть, висеть, быть, находиться* где-л. процессуальная семантика отсутствует, они просто описывают пространственное отношение между своими аргументами. Посессивные предикаты типа англ. *X has Y*, рус. *У X-а есть Y* задают иерархическое отношение между аргументами. Наконец, двухместные предикаты англ. *X resembles Y*, рус. *X похож на Y-а, X нравится Y-и* задают разные типы конфигурационных отношений между аргументами, которые не являются ни пространственными, ни иерархическими.

Если отвергнуть явно ложное допущение о том, что любой глагол, даже рус. *лежать, чернеть* или *белеть*, по умолчанию описывает действие или процесс, ср. соответствующее утверждение в работе (Щерба / Shcherba 1928), и изучать характерные для разных групп глаголов отклонения от семантики активного про-

цесса, вплоть до полного устранения акциональности, можно получить дробную классификацию акциональных классов, ориентированную на описание глагольной лексики, см. (Падучева / Paducheva 2004). Задачей холистической онтологии предикатов в этом случае остается обоснование того, как именно предполагаемые глагольные стивы типа *спать* или *лежать* соотносятся с неглагольными дэвидсоновскими состояниями типа *В комнате было пыльно; Ивану стало грустно*, для описания которых признак акциональности выглядит избыточным.

2.4. Внутренние и внешние дэвидсоновские состояния

Если приведенные выше соображения в пользу того, что дэвидсоновские состояния лишены агентивного аргумента и обозначают неконтролируемые или слабо контролируемые события, справедливы, разбиение их на подклассы имеет смысл связать с двумя направлениями исследования: 1) построением шкалы семантического контроля для экспериенциальных и прочих неагентивных предикатов (Кустова / Kustova 2002); 2) выяснением условий квантификации предикатов состояния (Циммерлинг / Zimmerling 2018).

Рассмотрим противопоставление внешних и внутренних <дэвидсоновских> состояний, впервые введенное в работе Анны А. Зализняк (Зализняк / Zaliznyak 1992), где внутренние состояния связываются с одушевленным экспериенциальным субъектом. В (Циммерлинг / Zimmerling 2018) предложены три критерия, диагностирующие внутренние дэвидсоновские состояния и отличающие их от внешних.

- (ii) Внутренние дэвидсоновские состояния имеют приоритетный аргумент (семантический субъект), внешние дэвидсоновские состояния его лишены, их актанты равноправны.
- (iii) Внутренние дэвидсоновские состояния могут быть квантифицированы только интенционально, по универсуму состояний своего субъекта. Внешние дэвидсоновские состояния могут быть квантифицированы экстенционально по параметрам локуса (пространство и время).
- (iv) Внутренние дэвидсоновские состояния не обозначают наблюдаемые положения дел, внешние состояния доступны для наблюдения.

Внешние дэвидсоновские состояния типа (16.) и (17.) предполагают, что любой наблюдатель, оказавшийся в локусе события, подтвердит истинность утверждения, что в комнате *пыльно*, а на дворе – *холодно*. Реальная коммуникация не всегда следует этому сценарию, но с точки зрения самого говорящего заключенная в словах *пыльно* и *холодно* оценка референтной ситуации генерализована. Поэтому внешние состояния можно непосредственно соотнести с локусом и квантифицировать по его параметрам (*где? когда?*).

16. *В комнате пыльно.* ‘В локусе L сейчас много пыли & любой X это подтвердит.’

17. *В это время суток на даче уже холодно.* ‘В локусе L в это время всегда холодная температура & любой X это подтвердит.’

Отличие предиката *пыльно* от предиката *холодно* в русском языке состоит в том, что первый может выражать только внешние дэвидсоновские состояния и не может выражать внутренние (**В комнате Ивану было пыльно*), в то время как второй может выражать и внешние, и внутренние, правда, с модификацией лексического значения, ср. (18.).

18. *После ужина Ивану стало холодно.* ‘X испытал ощущение холода в локусе L в момент t.’

Предложение (18.) уже нельзя квантифицировать экстенционально, так как другое лицо, находящееся том же локусе, что Иван, не обязательно испытывает холод. Однако его можно квантифицировать интенционально, по универсуму временных ощущений Ивана, включающему смежные отрезки ‘до и во время ужина’ и ‘после ужина, начиная с момента t’. Хотя ощущение холода может иметь внешнюю симптоматику, доступную наблюдению – Иван мог покрыться гусиной кожей или накинуть пиджак, а наблюдатель это заметил, – наблюдаемые Y-м внешние симптомы ощущения или переживания не равнозначны самому ощущению или переживанию X-а, поэтому нет оснований пересматривать постулат (iv) и считать внутреннее дэвидсоновское состояние наблюдаемым.

3. Частные онтологии предикатов

Классы предикатов, эквивалентные дэвидсоновским состояниям, были выделены в работах Л. В. Щербы (1928) и Г. Карлсона (1977), причем оба автора противопоставляют локализованные во времени предикаты состояния атемпоральным предикатам свойства. Ни в той, ни в другой работе не эксплицирована полная онтология предикатных типов, избранный авторами подход можно охарактеризовать как метод *частной онтологии*: на базе избранных фрагментов грамматики прослеживается противопоставление нескольких предикатных типов и выделяются контексты, где оно реализуется.

Л. В. Щерба на материале русского языка выдвинул гипотезу о том, что категориальное значение состояния выражается классом неглагольных слов с особым морфосинтаксисом: они лишены форм согласования, категории падежа и употребляются в моделях предложения, где субъектно-предикатное согласование либо отсутствует в принципе, см. пример (18.) выше, либо не выражено внешне в форме самого предикатива, ср. [*Иван и Катя*]_{PL} *были*_{PL} *навеселе*_{PRED}. Атемпоральные предикаты свойства (в терминах Л. В. Щербы – *качества*), по его гипотезе, выражаются согласуемыми формами существительных и прилагательных. Состояния Л. В. Щерба противопоставлял не только свойствам/качествам, но и динамическим глагольным предикатам, ошибочно полагая, что

любой русский глагол имеет акциональное значение уже в силу частеречной принадлежности. Эта его ошибка, а также спорная идея о том, что слова категории состояния якобы находятся на пути превращения в новую часть речи, отвлекли внимание лингвистов от собственно семантической стороны его гипотезы, которая опередила свое время примерно на 40–50 лет.

В 1977 г. Г. Карлсон на материале английского языка обосновал то же самое противопоставление состояний, которые он назвал ‘предикатами стадийного признака’ (stage-level predicates, SLP) свойствам, которые он назвал ‘предикатами индивидуального признака’ (individual-level predicates, ILP), и указал ряд диагностических контекстов, ср. также (Kratzer 1995). Предикаты состояния типа *available* ‘X доступен’ имеют событийное значение, поэтому они могут употребляться в конструкции с эксплетивом *there*: англ. *There are firemen available* ‘Пожарные <сейчас> доступны’, ‘Можно <сейчас> воспользоваться услугами пожарных’. Предикаты свойства типа *altruistic* ‘X альтруистичный’ лишены событийного значения и атемпоральны, поэтому они в данном контексте невозможны: **There are firemen altruistic*. Часть тестов Карлсона связана с позициями вторичного предиката, так, предложение *There are firemen available* является свернутой формой структуры *There are firemen [that are available]*. Наоборот, в русском языке несогласуемые беспадежные слова состояния, за единичными исключениями, вообще не могут занимать позицию вторичного предиката (Zimmerling 2021) и употребляются в позиции главного предиката, поэтому сходство анализа Карлсона и Щербы не бросается в глаза. К тому же, в поле зрения Карлсона и его последователей преимущественно попадали внешние дэвидсоновские состояния (в терминах данной статьи), в то время как последователей Щербы в первую очередь интересовали внутренние дэвидсоновские состояния с одушевленным субъектом.

Введенный Г. Карлсоном термин ‘stage-level predicate’ связан с ценным наблюдением: дэвидсоновские состояния, выраженные неглагольными формами, обычно актуализированы, т.е. ориентированы на референтные ситуации. Для описания русских внутренних состояний, выраженных дативно-безличными предложениями типа *X-у стало холодно, грустно*, выдвигалась более сильная гипотеза – они ориентированы на употребление в 1 л., где сам носитель состояния является источником информации о своем ощущении или переживании, см. (Стаменов, Циммерлинг, в наст. сборнике).

4. Выводы

Существуют два способа построения онтологий предикатов – с опорой на понятие элементарного положения дел и с опорой на более сложное понятие события. Дэвидсоновские состояния являются событийными предикатами, поэтому второй способ для их описания удобнее. Предикаты свойства атемпо-

ральны, не имеют событийной интерпретации и не связаны с фактивной рамкой. Признак активности/инактивности релевантен для онтологий предикатов и должен указываться эксплицитно. Дэвидсоновские состояния делятся на два подтипа: внешние, допускающие экстенциональную квантификацию, и внутренние, которые можно квантифицировать только интенционально, по их экспериенциальному аргументу.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двусторонне сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan 1974: Апресян, Ю. Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука. (Apresyan 1974: Apresyan, Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow: Nauka.)
- Apresyan 1995: Апресян, Ю. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы. – В: Апресян, Ю. *Избр. труды. т. 2*. Москва, с. 405–433. (Apresyan 1995: Apresyan, Yu. Problema faktivnosti: *znat'* i ego sinonimy. – In: Apresyan, Yu. *Izbr. trudy. t. 2*. Moskva, pp. 405–433.)
- Apresyan 2001: Апресян, Ю. Д. Системообразующие смыслы ‘*знать*’ и ‘*считать*’ в русском языке. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 1, с. 5–26. (Apresyan 2001: Apresyan, Yu. D. Sistemoobrazuyushchie smysly ‘*znat'*’ i ‘*schitat'*’ v russkom yazyke. – In: *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 1, pp. 5–26.)
- Aristotel' 1978: Аристотель. Категории. – В: Аристотель. *Сочинения*. В 4 т., Т. 2. Москва. (Aristotel' 1978: Aristotel'. Kategorii. – V: Aristotel'. *Sochineniya*. V 4 t., Vol. 2. Moscow.)
- Arutyunova 1988: Арутюнова, Н. Д. *Оценка, событие, факт*. Москва: Наука. (Arutyunova 1988: Arutyunova, N. D. *Ocenka, sobytie, fakt*. Moscow: Nauka.)
- Bach 1981: Bach, E. On Time, Tense, and Aspects: An Essay in English Metaphysics. – In: Cole, P. (ed.). *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press, pp. 63–81.
- Bach 1986: Bach, E. Natural Language Metaphysics. – In: R. Marcus, B. et al. (Eds.). *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*. Vol. VII. Amsterdam: North Holland, pp. 573–595.
- Borik 2006: Borik, O. *Aspect and Reference Time*. Oxford University Press.
- Bulygina 1982: Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. – В: Селиверстова, О. Н. (ред.). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 7–85. (Bulygina 1982: Bulygina, T. V. K postroeniyu tipologii predikativ v russkom yazyke. – In: Seliverstvova, O. N. (Ed.). *Semanticheskie tipy predikativ*. Moscow: Nauka, pp. 7–85.)
- Bulygina, Shmelev 1997: Булыгина, Т., А. Шмелев. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Языки русской культуры. (Bulygina,

- Shmelev 1997: Bulygina, T., A. Shmelev. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki)*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury.)
- Carlson 1977: Carlson, G. *Reference to Kinds in English*. PhD dissertation. MIT.
- Davidson 1980: Davidson, D. The Individuation of Events. – In: Davidson, D. (Ed.). *Essays on Actions and Events*. Oxford: Clarendon Press, pp. 163–80.
- Dowty 1979: Dowty, D. *Word meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel.
- Galton 2005: Galton, A. Eventualities. – In: Fisher, M. et al. (Eds.). *Handbook of Temporal Reasoning in Artificial Intelligence*. Vol. 1, Foundations of artificial intelligence, pp. 28–59.
- Garey 1957: Garey, H. B. Verbal aspects in French. – In: *Language*, Vol. 33, pp. 91–110.
- Harley 2002: Harley, H. Possession and the double object construction. – In: *Yearbook of linguistic variation*, Vol. 2, pp. 29–66.
- Hintikka 1969: Hintikka, J. The modes of modality. – In: *Models for Modalities. Synthese Library*, Vol 23. Springer, pp. 71–86.
- Kim 1969: Kim, J. Events and their descriptions. – In: Resher, N. (Ed.). *Essays in Honor of Carl H. Hempel*. Dordrecht: Reidel, pp. 198–215.
- Kiparsky, Kiparsky 1970: Kiparsky, P., C. Kiparsky: Fact. – In: Bierwisch, M., K. Heidolph (Eds.). *Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton, pp. 143–174.
- Kratzer 1995: Kratzer, A. Stage level and individual level predicates. – In: Carlson G., F. J. Pelletier (Eds.). *The Generic Book*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 125–175.
- Kustova 2002: Кустова, Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой. – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 16–34. (Kustova 2002: Kustova, G. I. O tipah proizvodnyh znachenij slov s eksperiencial'noj semantikoj. – In: *Voprosy yazykoznanija*, № 2, pp. 16–34.)
- Kustova 2004: Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. Москва: Языки славянской культуры. (Kustova 2004: Kustova, G. I. *Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moskva: YAzyki slavyanskoj kul'tury.)
- Lindstedt 1985: Lindstedt, J. On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian. – In: *Slavica Helsingiensia*, Vol. 4. University of Helsinki: Department of Slavonic Languages.
- Maienborn 2007: Maienborn, C. On Davidsonian and Kimian states. – In: Comorovski, I., K. Von Heusinger (Eds.). *Existence. Semantics and Syntax*. Dordrecht: Springer, pp. 107–130.
- Mel'chuk, Zholkovskij 1984: Мельчук, И. А., А. К. Жолковский. *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики*. Вена. (Mel'chuk, Zholkovskij 1984: Mel'chuk, I. A., A. K. Zholkovskij. *Tolkovo-kombinatornyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoj leksiki*. Vena.)
- Nedialkov 1983: Недялков, В. П. (ред.). *Типология результативных конструкций*. Ленинград: Наука. (Nedialkov 1983: Nedialkov, V. P. (Ed.). *Tipologija rezultativnykh konstrukcij*. Leningrad: Nauka.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва. (Paducheva 2004: Paducheva, E. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow.)
- Paducheva 2010: Падучева, Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову–Вендлеру. – В: *Вопросы языкознания*, № 6, с. 3–20. (Paducheva 2010: Paducheva, E. V. *Leksicheskaya aspektual'nost' i klassifikaciya predikatov po Maslovu–Vendleru*. – In: *Voprosy yazykoznanija*, № 6, pp. 3–20.)

- Paducheva, Pentus 2006: Падучева, Е. В., М. Р. Пентус. *Формальная и неформальная семантика предельности*. Москва. (Paducheva, Pentus 2006: Paducheva, E. V., M. R. Pentus. *Formal'naya i neformal'naya semantika predel'nosti*. Moskva.)
- Seliverstova 1982: Селиверстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. – В: Селиверстова, О. Н. (ред.). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 86–157. (Seliverstova 1982: Seliverstova, O. N. Vtoroj variant klassifikacionnoj setki i opisaniye nekotorykh predikatnykh tipov russkogo yazyka. – In: Seliverstova, O. N. (Ed.). *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka, pp. 86–157.)
- Shcherba 1928: Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке. – В: *Русская серия. Новая серия*, II. Ленинград: Академия, с. 5–27. (Shcherba 1928: Shcherba, L. V. O chastyah rechi v russkom yazyke. – In: *Russkaya seriya. Novaya seriya*, II. Leningrad: Akademiya, pp. 5–27.)
- Vendler 1957: Vendler, Z. Verbs and Times. – In: *The Philosophical Review*, Vol. 66, № 2, pp. 143–160.
- Vendler 1967: Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy Ithaca*. NY: Cornell University Press.
- Von Wright 1963: Von Wright, G. H. *Norm and Action. A Logical Inquiry*. NY: Routledge and Kegan Paul.
- Zaliznyak 1992: Зализняк, А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. Мюнхен: Otto Sagner. (Zaliznyak 1995: Zaliznyak, A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya*. Myunhen: Otto Sagner.)
- Zimmerling 2018: Циммерлинг, А. В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. – В: *Slavistična revija*, № 1, с. 45–64. (Zimmerling 2018: Zimmerling, A. V. Predikativy i predikaty sostoyaniya v russkom yazyke. – In: *Slavistična revija*, № 1, pp. 45–64.)
- Zimmerling 2021: Zimmerling, A. Primary and secondary predication in Russian and the SLP: ILP distinction revisited. – In: Warditz, V. (Ed.). *Russian Grammar: System - Language Usage - Language Variation*. Frankfurt a.M., pp. 543–560.

States, events and predicate types

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute/ Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

Abstract

I discuss the foundations of predicate ontologies as grounded in two model notions – elementary states of affairs and events or eventualities, i.e. ordered pairs of initial and end states of affairs. Vendlerian classifications are oriented towards elementary states and tense logic, while Davidsonian classifications deal with eventualities and event logic. Most existing approaches implement two taxonomic criteria: 1) a distinction between spatiotemporal and non-spatiotemporal (atemporal) predicates; 2) a distinction between dynamic and static

predicates. There are two kinds of atemporal meanings – predication of facts and predication of properties. Facts are propositional arguments of second-order predicates which add a special meaning that the embedded proposition has been verified. Properties are atemporal first-order predicates that lack an eventive interpretation and are not associated with factive frames. Davidsonian states are homogeneous durable spatiotemporal entities distinct both from atemporal properties and spatiotemporal dynamic predicates. The homogeneity criterion differentiates Davidsonian states from telic dynamic predicates denoting a transition from phase p to phase $\sim p$. The durability criterion distinguishes Davidsonian states from accomplishments (i.e. resultatives) that are anchored to a single time point. Davidsonian states are conceptualized in natural language metaphysics as causally independent entities, while resultatives are causally determined as they reconstruct a preceding event that has caused the end state p . The demarcation line between Davidsonian states and homogeneous atelic processes depends on the chosen criteria for identification of active and inactive (inert) processes. It is usually assumed that Davidsonian states do not combine with active subjects. The subcategorization of Davidsonian states must be based on their quantification properties. I discuss the contrast between external and internal Davidsonian states. The former lack a priority argument and may be quantified extensionally based on their locus parameters, e.g. time and space. The latter have a priority experiential argument and can only be quantified intensionally. External states can be observed, while internal states cannot be observed and visualized. The stage-level-predicate (SLP) vs. individual-level predicate (ILP) distinction introduced by Carlson is equivalent to the one between Davidsonian states and properties in holistic predicate ontologies, but Carlson's approach patterns with partial ontologies, i.e. the manifestation of categorial predicate types in diagnostic syntactic contexts. A similar approach has been developed by Shcherba, who claimed that <Davidsonian> states opposed to properties tend to form a word class consisting of non-agreeing non-verbal expressions in Modern Russian.

Keywords: *predicate ontologies, states of affairs, eventualities, events, spatiotemporality, atemporality, Davidsonian states, properties, facts*

Anton V. Zimmerling,
DSc Prof
Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St.
Moscow, 117485 Russia

Institute of Linguistics
Russian Academy of Science
1 Bol'shoi Kisl'ovskij Lane
Moscow, 125009 Russia
fagraey64@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ПРЕДИКАТОВ СОСТОЯНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Галина Куцова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова, РАН

galinak03@gmail.com

Резюме. В этом разделе монографии состояния рассматриваются с точки зрения типологии предикатной лексики. Состояния (наряду со свойствами) занимают низшую ступень в семантической иерархии предикатов; прототипические состояния (*В комнате темно; Детям холодно*) являются одноместными предикатами: их единственный аргумент (семантический актант) – субъект-носитель состояния (неодушевленный или одушевленный). Однако многие предикаты экспериенциальных состояний имеют два аргумента – экспериенцер и стимул.

Основное внимание в разделе уделяется экспериенциальным состояниям, т.е. состояниям человека, которые являются результатом способности человека реагировать на воздействия внешнего мира и строить информационные образы внеязыковых ситуаций. Представлена иерархия экспериенциальных состояний и семантические связи между ними.

Ключевые слова: *состояния, семантическая иерархия предикатов, экспериенциальные состояния, экспериенцер, стимул, предикатив*

1. Семантические классы состояний с одушевленным субъектом

В предыдущем разделе («Предикаты состояния и семантические типы предикатов») были рассмотрены онтологические свойства класса состояний. При этом класс состояний, как и другие языковые классы, весьма неоднороден, и внутри этого класса есть разные подклассы, имеющие собственные семантические и синтаксические особенности.

В данном разделе мы рассмотрим, во-первых, те особенности состояний, которые отклоняются от стандартных представлений об этом типе ситуаций, во-вторых, особенности предикативов, которые, на наш взгляд, являются для русского языка прототипическим способом выражения семантики состояния.

Состояние имеет разные признаки и входит в разные противопоставления. Мы кратко рассмотрим три признака: неизменяемость (статичность); временная локализация и тип временного интервала; одноместность (одноактантность, одновалентность) как синтаксическое свойство, обусловленное семантикой.

* Галина Куцова. Семантические классы предикатов состояния (на материале русского языка). – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 53–67.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.03>

Состояния (наряду со свойствами) занимают низшую ступень в семантической иерархии предикатов. С точки зрения структуры события (а следовательно, и семантики) они являются гомогенными ситуациями, содержание которых не меняется во времени, ср. (Vendler 1967; Dowty 1979; Булыгина / Bulygina 1982; Падучева / Paducheva 2004; Апресян / Апресян 2006а; Татевосов / Tatevosov 2015: 162–167; Татевосов / Tatevosov 2016: 42–96).

По признаку «неизменяемость» состояние как статическая ситуация противопоставлено процессам и действиям как динамическим ситуациям. Данное противопоставление должно сопровождаться целым рядом оговорок и комментариев. Бывают гомогенные процессы (состоящие из одинаковых фаз), т.е. на каком-то интервале происходит «одно и то же» – например, *свеча горит*. «Изнанкой» такого гомогенного процесса является гетерогенный предельный процесс (расходование свечи, которая постепенно сгорает, после чего процесс прекращается), однако это знание является энциклопедическим и в семантическую структуру предиката не входит. И наоборот, состояния – временные ситуации, значит, они начинаются и прекращаются в результате каких-то процессов, а кроме того, они часто являются наблюдаемой, внешней стороной некоторого скрытого процесса ('вода горячая → теплая → холодная' – разные фазы процесса остывания).

Второе противопоставление – временной интервал: состояние как временная ситуация противопоставляется свойству как длительной или нелокализованной во времени ситуации. Однако в таком элементарном виде это противопоставление «выдерживается» только для физических состояний и свойств. В сфере экспериенциальных состояний человека ситуация намного более сложная. Так, например, глаголы знания и мнения (например, *знать* и *думать*) считаются состояниями. Между тем по своему временному интервалу они не отличаются от свойств, поскольку могут продолжаться неопределенно долго. В то же время в сфере знания есть противопоставление, аналогичное оппозиции «состояние vs. свойство»: *Он знает, куда мы уехали* vs. *Он знает математику* (в словарях это различие отражается как разные значения *знать*).

Прототипические состояния являются одноместными предикатами: их единственный аргумент (семантический актанта, семантическая валентность) – субъект-носитель состояния (неодушевленный или одушевленный). Это может быть фрагмент пространства (*В комнате темно*) или субъект-экспериенцер (*Детям холодно*). При этом многие экспериенциальные состояния имеют более сложную структуру (см. ниже).

Нас будут интересовать экспериенциальные состояния, т.е. состояния человека, которые являются результатом способности человека реагировать на воздействия внешнего мира и строить информационные образы внеязыковых ситуаций (Кустова / Kustova 2004).

Экспериенциальные состояния неоднородны, они образуют сложную систему, соответствующую экспериенциальным сферам человека.

Ю. Д. Апресян рассматривает основные системы человека, закрепленные в наивной (языковой) картине мира: восприятие, физиологические состояния и реакции, физические действия, желания, интеллектуальная деятельность, эмоции, речь (Апресян / Апресян 1995: 355–359).

Наш материал более ограничен (в него не входят предикаты действий, речи и др.), кроме того, наше исследование ориентировано прежде всего на состояния (т.е. в него входят предикаты пассивного восприятия типа *видеть*, *слышать*, но не входят предикаты активного восприятия типа *смотреть*, *слушать*). В итоге получаем следующую иерархию (она не совпадает с иерархией из Апресян / Апресян 1995: 359, где восприятие считается простейшей системой):

физические / физиологические состояния (*Х-у холодно*; *больно*),
 перцептивные состояния (*Х видит* / *Х-у видно Y*; *Х слышит* / *Х-у слышно Y*),
 ментальные состояния (*Х знает* / *понимает* / *помнит, что P*),
 эмоциональные состояния (*Х рад, что P*; *доволен, что P*; *Х-у приятно* / *грустно* / *страшно* / *стыдно* / *обидно, что P*).

Для целей нашего исследования мы введем еще одно противопоставление предикатов экспериенциальной сферы – по степени вовлеченности субъекта: в этом противопоставлении одну группу составляют физиологические состояния (сензитивы) и эмоции, а другую – перцептивные и ментальные состояния. Первые сами «напоминают» о себе, вторые человек «замечает», осознает тогда, когда он на них сосредоточился, когда он о них думает, когда они актуализированы.

Физиологические и эмоциональные состояния связаны с переживанием, перцептивные и ментальные не связаны с переживанием (нейтральны).

Физиологические (*больно*, *холодно*) и эмоциональные (*страшно*) состояния-реакции в экспериенциальной сфере аналогичны пациентным состояниям в физической сфере: в обоих случаях человек подвергается воздействию внешнего фактора.

В рамках агентивных ситуаций «претерпевание» («пассивность», пациентность) передается пассивной конструкцией: *Дом строится рабочими*. Однако неодушевленный пациент не может сообщить, что значит «подвергаться воздействию». На уровне экспериенциальных состояний тоже есть противопоставление воздействия и претерпевания: *Р причиняет боль Х-у – Х испытывает / ощущает / чувствует боль / Х-у больно*. Аналогично: *Мне холодно* – это, так сказать, семантический пассив к воздействию холода (*Меня «морозит» холод → Мне холодно*).

Итак, подвергаясь воздействию внешних факторов, человек ощущает, переживает свои состояния. Однако так устроены только ощущения (сензитивы) и эмоции (а также те ментальные состояния типа *интересно*, у которых есть эмоциональная составляющая). Человек ощущает эти состояния независимо от своего желания, а иногда и вопреки ему (если он пытается от них «отвлечься», это не всегда получается).

Важное противопоставление в рамках переживаемых состояний – комфортные vs. дискомфортные состояния. Комфортные состояния (*тепло*) человек может не замечать или воспринимать как норму, дискомфортные состояния (*холодно, больно*) он не просто «замечает»: они, во-первых, отвлекают, мешают осуществлению деятельности, во-вторых, по мере усиления воздействия отрицательные состояния становятся опасными.

Другой подкласс образуют перцептивные и ментальные состояния. Что касается ментальных состояний, то они потенциальны: они осознаются только тогда, когда актуализируются самим человеком. Перцептивные состояния занимают промежуточное положение между переживаниями и ментальными состояниями, тем не менее мы объединяем их в один класс с ментальными. На фоне активного восприятия (*смотреть, слушать*) перцептивные состояния, выражаемые предикатами пассивного восприятия (*видеть, слышать*), должны рассматриваться как пациентные (как результат перцептивных действий или сигналов из внешнего мира). Косвенным доказательством этого является то, что предикативы (как прототипические состояния, см. ниже) образуются только от глаголов пассивного восприятия (*видеть – видно; слышать – слышно*), но не от глаголов активного восприятия. Однако перцептивные состояния не воспринимаются как результат воздействия внешних факторов (хотя и являются результатом воздействия) и не имеют противопоставления по комфортности-дискомфортности. Так, предложение *Отсюда не видно реку* (в отличие от предложения *Детям здесь холодно*) является констатацией факта, а не сообщением о дискомфортном состоянии. Кроме того, восприятие тесно связано с ментальной сферой: во-первых, оно является базой и одним из важных источников получения ментальной информации, во-вторых, само восприятие связано с ментальной обработкой (классификацией, идентификацией, осмыслением) воспринимаемых объектов и ситуаций. Знание имплицативно связано с восприятием ('видел → знаю').

Дополнительным аргументом в пользу предлагаемого деления на подклассы является структура многозначности: сензитивы развивают значения эмоций (*Горько глотать лекарства – Горько расставаться с друзьями*), перцептивы развивают ментальные значения (*С горы видно усадьбу. – Видно, что он что-то скрывает*).

К состояниям примыкают оценки (*хорошо / плохо, что Р*), которые, в широком смысле, также относятся к ментальной сфере (при этом входят в состав многих экспериенциальных состояний в качестве семантического компонента).

Оценки, как и другие классы предикатов, внутри себя разнородны. В литературе выделяются разные виды оценок: гедонистические (*вкусный*), интеллектуальные (*интересный*), эмоциональные (*грустный*), эстетические (*красивый*), этические (*аморальный*), утилитарные (*полезный*) и др. (см. Арутюнова / Arutyunova 1988: 75–76). В рамках анализа предикативов мы будем рассматривать универсальные, ментальные и интерпретационные оценки.

Универсальными мы будем называть оценки *хорошо* (*прекрасно*, *замечательно* и под.) и *плохо* (*ужасно* и под.), которые имеют универсальную применимость к любым ситуациям (как с личным, так и с неличным субъектом): *Хорошо* (*здорово*, *прекрасно*, *замечательно*), *что мы успели на поезд / что сегодня хорошая погода*; *Плохо / ужасно*, *что мы опоздали на поезд / что уничтожаются леса*.

Ментальные оценки – это гибридный класс слов. Они представляют собой ментальную реакцию на некоторую ситуацию и в этом отношении похожи на эмоции: *Странно*, *что он отказался нам помочь / что трава пожелтела*; некоторые ментальные оценки, ср. *удивительно*, *интересно*, содержат эмоциональную составляющую.

Интерпретационные оценки (интерпретации) относятся не к любым ситуациям, а только к поведению и поступкам человека, которые контролируются им и за которые он несет ответственность (см. Кустова / Kustova 2018). Такие оценки направлены не только на поступки, но и на самого человека. Именно поэтому из этих оценок, в результате обобщения, складываются постоянные социально значимые характеристики человека как личности: *благородный*, *вежливый*, *жестокый*, *безответственный*, *честный*. Интерпретации связаны с одобрением или неодобрением (осуждением): они направлены на то, чтобы корректировать социальное поведение человека.

Интерпретационная семантика в русском языке выражается, во-первых, глаголами, во-вторых, прилагательными, наречиями и предикативами (которые часто образуют группы из однокоренных лексем, см. примеры ниже).

Глаголы интерпретации – относительно небольшая, но семантически разнородная группа (*ошибиться*, *безобразничать*, *подводить*). Свойства этих глаголов в сопоставлении с глаголами оценки и поведения описаны в (Апресян / Apresyan 2006b).

Нас будут интересовать предикативы интерпретации (см. главу «Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов»), которые соотносятся с однокоренными интерпретационными прилагательными и наречиями. Исходным для интерпретационных смыслов является функционирование в форме прилагательных и наречий:

1. Он совершил **неосмотрительный** поступок: оставил автомобиль перед офисом.
2. Он **неосмотрительно** оставил автомобиль перед офисом.

Это особый вид наречий – наречия с так называемой плавающей сферой действия (см. Филипенко / Filipenko 2003). С семантической точки зрения они являются вершиной семантической структуры высказывания, однако занимают синтаксически подчиненную позицию. Это противоречие разрешается в рамках инфинитивной конструкции, где интерпретационное слово в форме предикатива является синтаксической вершиной:

3. *Неосмотрительно* было оставлять автомобиль перед офисом.

Если рассматривать прилагательные и наречия как аналоги адъективной и адвербиальной репрезентации глагола (т.е. аналоги причастий и деепричастий), предикатив является аналогом глагольной репрезентации (заменяет однокоренной глагол, который в русском языке отсутствует).

Особенностью интерпретации является наличие интерпретатора Y – человека, который смотрит на действие субъекта X со стороны и приписывает ему некоторый смысл, с которым субъект X может быть не согласен (– *Ты нас подвел. – Я так не считаю*).

В группе интерпретаций преобладают отрицательные оценки, выражающие неодобрение поступка X -а: *безнравственно, безответственно, бессердечно, бессовестно, бесстыдно, бестактно, бесчеловечно, бесчестно, жестоко, неблагородно, невежливо, недобросовестно, незаконно, немилосердно, несерьезно, нескромно, несправедливо, нечестно, неэтично, низко, преступно, самонадеянно, тщеславно, цинично*.

Положительных оценок (выражающих одобрение поступка X -а) меньше, чем отрицательных: *Со стороны жюри было благородно / справедливо / чело-вечно / этично* дать премию детскому фильму.

Наконец, существует класс интерпретаций, которые выражают не морально-этические, а другие виды оценок. Для нас важной группой являются оценки рациональности-нерациональности поведения, ср.: *абсурдно, глупо, (не)грамотно, (не)дальновидно, (не)конструктивно, наивно, (не)обоснованно, (не)осмотрительно, (не)осторожно, остроумно, (не)правильно, (не)правомерно, (не)предусмотрительно, (не)разумно, (не)рационально, рискованно, (не)целесообразно, умно, хитро*. Многие из них применимы также к качеству интеллектуальной деятельности и интеллектуальных продуктов.

Более подробно интерпретации (в сопоставлении с эмоциями) описаны в главе «Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов».

2. Семантико-синтаксические свойства предикативов экспериенциальных состояний

В соответствии с распространенным подходом (Апресян / Апресян 1974; Wierzbicka 1985; 1988; Падучева / Paducheva 2004), поверхностное поведение, «внешние» свойства языковой единицы связаны с ее семантикой. Очевидно, однако, что эта связь не «абсолютна», в языке действуют свои собственные процессы и тенденции, одна и та же исходная семантика оказывается в разной грамматической «упаковке», и ее функционирование связано со свойствами этой упаковки.

Например, состояния могут получать разную языковую репрезентацию.

Состояния природы (и вообще пространства) могут выражаться глаголами (*Морозит; Темнеет*); существительными (*На улице холод / жара / темнота*), предикативами (*Холодно; Темно*). Экспериенциальные состояния также могут выражаться по-разному: глаголами (*видеть, слышать, знать, понимать, радоваться, бояться* и под.), прилагательными (*виден, слышен, знаком, доволен, рад*), существительными (*У Х-а жар / боль в груди / депрессия*); предикативами (*Х-у больно*), см. (Бонч-Осмоловская и др. / Bonch-Osmolovskaya et. al 2009; Кустова / Kustova 2004). Далее будут рассматриваться только предикативы. Иногда вместо термина «предикатив» будет использоваться более широкий термин «предикат», если некоторый тезис относится не только к предикативам, но и к другим классам слов.

Хотя состояния могут выражаться разными грамматическими формами (прилагательными, глаголами, существительными), есть более изоморфные, более «подходящие» способы выражения состояний. В русском языке это, несомненно, предикатив, который по-другому называется «категорией состояния». Другие классы слов могут включать единицы с самой разной семантикой (например, глаголы могут обозначать состояния, свойства, действия, происшествия и др. типы ситуаций, см. Падучева / Paducheva 2004), предикатив же, при всей семантической разнородности, включает только состояния. В этом смысле он является прототипическим способом выражения состояний.

В русской грамматической традиции существуют разные взгляды на грамматический статус предикатива.

Л. В. Щерба (Щерба / Shcherba 2004), который ввел термин «категория состояния», и В. В. Виноградов (Виноградов / Vinogradov 1947), автор классического труда «Русский язык. Грамматическое учение о слове», считали слова на *о-* (а также ряд других лексем типа *жаль* и *пора*) особой частью речи.

В (РГ / RG 1980) предикативы считаются особым, предикативным, употреблением наречия.

Ряд авторов (ср., например, Бабайцева / Babaitseva 1968; Мигирин / Migirin 1970) считает предикативы особым употреблением краткого прилагательного среднего рода. В пользу такого подхода, как иногда считается, говорит корреляция конструкций: *Странно, что он не пришел. – Мне показалось **странным**, что он не пришел.* Такие корреляции, однако, есть не у всех предикативов (Летучий / Letuchij 2022). Важными для нашей темы являются идеи и классификации, приведенные в работах (Циммерлинг / Zimmerling 2017; 2018; Летучий / Letuchij 2018).

Мы не ставим своей задачей сформулировать окончательный вердикт по поводу грамматического статуса предикативов. Будем считать предикативы гибридным классом слов с очевидными признаками особой части речи. Как и другие (бесспорные) части речи, предикативы включают в себя множество групп с разной семантикой и разными грамматическими свойствами.

Для наших целей важным является противопоставление состояний пространства и состояний человека.

Состояния пространства, выражаемые предикативами (*На улице / в комнате холодно / темно / сыро / шумно / пыльно / грязно*), относительно немногочисленны (многие предикативы из этой группы «лексически» совпадают с состояниями человека: *холодно, душно, жарко* и др. В словарях такие корреляты, ср. *Мне холодно* и *На улице холодно*, даются как разные значения: низкая температура воздуха vs. ощущения человека (Словарь / Slovar 1981–1984). При этом они, несомненно, связаны: при низкой температуре воздуха человеку холодно, и наоборот: если человеку холодно, он оценивает температуру воздуха как низкую).

Экспериментальные состояния человека (Кустова / Kustova 2004; 2013) многочисленны и семантически разнородны. Выше уже были упомянуты физические и физиологические состояния человека: *Мне холодно / душно / больно*; перцептивные *видно, слышно, заметно* (*Мне не видно сцену; Не слышно шума*); ментальные: *известно, ясно, понятно* (*Всем известно, что кит – это не рыба*), эмоциональные (*Ему стыдно, что он забыл поздравить друга*).

В качестве особых групп выделяются модальные предикативы (*Ему необходимо уйти пораньше*), местоименные предикативы (*Нечего читать; Некуда пойти*, ср. Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 2010); оценки разных видов (*хорошо; плохо; удобно; важно; рано; поздно*, ср. *Плохо, что его нет; Вам уже поздно учиться музыке*). Класс предикативов пополняется также за счет фразем, ср.: *Ему не по себе / не до тебя / не к спеху* и под.

Грамматические свойства предикативов, как и других языковых единиц, в значительной степени связаны с их семантикой (Апресян / Apresyan 1974; Wierzbicka 1985; 1988; Падучева / Paducheva 2004; Апресян / Apresyan 2006a). Это относится к составу аргументов, их семантическим ролям и способам морфосинтаксического выражения аргументов (мы будем пользоваться терминами «семантический аргумент» и «семантическая валентность»).

Состояния пространства имеют один аргумент (валентность) – носителя состояния, который выражается предложной группой или наречием (в русской грамматической традиции – детерминантом, см. Шведова / Shvedova 1964; 1968): *На улице темно; Здесь душно; В помещении тесно*. Экспериментальные состояния человека в стандартном случае имеют два аргумента: носитель (субъект) состояния-экспериментер и стимул (ср. Bossong 1998: 259; Кибрик / Kibrik 2003; Плунгян / Plungyan 2011: 163). В (Плунгян / Plungyan 2011: 163) экспериментер как «участник ситуации, воспринимающий зрительную, слуховую и т.п. информацию» и стимул иллюстрируются примерами: *солдат увидел костер; лев чует добычу; мальчик боится грозы* (в качестве стимула в этих примерах выступают *костер* и *добыча* при предикатах восприятия, *гроза* при эмоциональном предикате; однако в другом случае у эмоционального предиката усматривается семантическая роль «причина»: *царь обрадовался известию*). М. А. Овсянникова (Овсянникова / Ovsyannikova 2019) называет аргумент эмоциональных предикатов (а также ментальных) стимулом; это свидетельствует

об объективной близости (порой неразличимости) таких семантических ролей, как стимул и причина, см. ниже.

Экспериенцер стандартно выражается дативом, в некоторых случаях – предложной группой для Род.; стимул у разных семантических групп экспериенциальных предикатов выражается по-разному.

ЭКСПЕРИЕНЦЕР.

Физиологические состояния человека = датив:

4. *Мне стало холодно. По телу побежали мурашки* [Валерий Медведев. «Баранкин, будь человеком!», 1957]

Перцептивные предикативы = датив:

5. *Гравий хрустит, и всем слышно, что по главной аллее кто-то идет* [Семен Лунгин. «Виденное наяву», 1989–1996]

Эмоциональные предикативы = датив:

6. *Мне грустно покидать на два месяца Рим* [Н. В. Гоголь. «Письма» 1836–1841]

реже – предложная группа для Род.:

7. *Когда после мне сообщили, что на воле очень довольны тем, что я говорил, для меня было больно это слышать, как иронию* [Б. В. Савинков (В. Ропшин). «Воспоминания террориста», 1909]

8. *Хорошо; но только с условием: прийти в себя и не говорить того, что вам стыдно, а для меня обидно слушать* [А. Ф. Писемский. «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына», 1851]

Ментальные предикативы = датив:

9. *Кроме того, нам известно, что он где-то служит* [А. И. Куприн. «Гранатовый браслет», 1911]

реже – предложная группа для Род.:

10. *Почему Коротич тут отступил, для меня, скажем, понятно: наша семья в таких обстоятельствах и уехала* [Н. В. Кожевникова. «Сосед по Лаврухе», 2003]

Модальные предикативы мы не рассматриваем. Отметим только, что у них датив и предложная группа для Род. могут иметь разную интерпретацию (*Мне нужно* vs. *Для меня нужно*).

СТИМУЛ.

За стимулом всегда скрывается ситуация, однако на синтаксическом уровне она не всегда может быть выражена. Так, например, у физиологических реакций (сензитивов) стимул синтаксически не выражается, см. ниже.

Перцептивные предикативы:

(а) именная группа:

11. *А ему видно **нас**. Во всех подробностях. Видно **рыбу**, которая свободно вялится на нашей палубе под золотым солнцем. Видно **меня**, мою **рубашку, сандалии**, видно «**Астру**»* [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013];

(б) клауза:

12. *Летом было видно, **как** крутится громадное парковое колесо* [Юрий Трифонов. «Дом на набережной», 1976]

13. *Слышно, **как** ветер полощет в воздухе флаги* [«Русский репортер», 2014]

Эмоциональные предикативы:

(а) клауза:

14. *Мне приятно, **что** роман тебе нравится* [«Сибирские огни», 2012]

(б) инфинитив:

15. *Вокруг приятная спокойная обстановка и люди, с которыми приятно **находиться** рядом* [«Эксперт», 2015]

16. *Почему-то на теплоходе мне не было страшно **плыть*** [Наталья Емельянова. Путешественник // «Дальний Восток», 2019]

Ментальные предикативы:

(а) предложная группа:

17. *А тут, в пяти саженьях от них, живой замученный человек лежит... и никому **о муках** его не известно...* [Максим Горький. «Трое», 1901]

(б) клауза:

18. *Но вот всему дому каким-то образом стало известно, **что** в ближайшее воскресенье к Короленко собирается приехать с визитом его знаменитый сосед – Леонид Николаевич Андреев* [К. И. Чуковский. «Короленко в кругу друзей», 1940–1969]

Термин «стимул» не всегда удобно использовать применительно к экспериенциальным предикатам. Если исходить из названия этой роли, стимул можно рассматривать как разновидность каузатора (причины). Стимул – это источник воздействия на человека, который вызывает реакцию, тем самым экспериенцер может рассматриваться как аналог пациенса, на которого воздействует внешний фактор и у которого изменяется состояние. Однако если у пациенса изменяется физическое состояние, то у экспериенцера, в широком смысле, – информационное (экспериенциальное).

При этом очевидно, что физиологическое (*больно, холодно*) или эмоциональное (*страшно, смешно*) состояние действительно является реакцией на внешнее воздействие. Это воздействие вызывает у экспериенцера ощущение или переживание. Условно можно считать, что перцептивные состояния – *видно* и, особенно, *слышно* – также являются реакцией на поступление «сигнала» из внешнего мира.

Но совершенно не очевидно и даже сомнительно, чтобы второй аргумент ментальных, модальных и оценочных предикатов (пропозиция и стоящая за ней ситуация) воздействовал на экспериенциальную сферу человека, как холод или звук. Т.е. не очевидно, что ментальные и модальные состояния (*известно, нужно*), а также оценки являются реакциями на внешние воздействия; в этом смысле их нельзя полностью уравнивать с эмоциями, а их второй аргумент – со стимулом.

Чтобы не углубляться в эту проблематику (что не является нашей задачей), мы будем использовать более широкий термин. Если вторая валентность экспериенциальных предикатов является пропозициональной и может быть выражена зависимой клаузой (или другой предикатной конструкцией, например инфинитивом), мы можем называть ее валентностью содержания. Термин «содержание» («валентность содержания») принят в Московской семантической школе для разных классов предикатов (см. Апресян / Apresyan 1974; 2010: 376).

Исходя из сказанного, можно принять следующее терминологическое соглашение (мы будем следовать ему в главе «Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов»). Для эмоциональных состояний, которые бесспорно являются реакциями, а также для ментальных оценок, которые содержат эмоциональный компонент (*странно, удивительно*), будем использовать термины «стимул», «содержание», а также двоякий термин «стимул-содержание».

Если предикат не имеет пропозициональной валентности (физиологические ощущения), будем использовать термин «стимул».

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Цитируемая литература / References

Apresyan 1974: Апресян, Ю. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва. (Apresyan, Yu. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva.)

- Apresyan 1995: Апресян, Ю. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. – В: Апресян, Ю. *Избр. труды. Т. 2.* Москва, с. 348–388. (Apresyan, Yu. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya.* – In: Apresyan, Yu. *Izbr. trudy. T. 2.* Moskva, pp. 348–388.)
- Apresyan 2006a: Апресян, Ю. Фундаментальная классификация предикатов. – В: Апресян, Ю. (ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография.* Москва, с. 75–110. (Apresyan, Yu. *Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov.* – In: Apresyan, Yu. (red.). *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya.* Moskva, pp. 75–110.)
- Apresyan 2006b: Апресян, Ю. Лексикографический тип: глаголы интерпретации. – В: Апресян, Ю. (ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография.* Москва, с. 145–160. (Apresyan, Yu. *Leksikograficheskij tip: glagoly interpretatsii.* – In: Apresyan, Yu. (red.). *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya.* Moskva, pp. 145–160.)
- Apresyan 2010: Апресян, Ю. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект. – В: Апресян, Ю. (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря.* Москва, с. 281–377. (Apresyan, Yu. *Trehurovnevaya teoriya upravleniya: leksikograficheskij aspekt.* – In: Apresyan, Yu. (red.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovary.* Moskva, pp. 281–377.)
- Apresyan, Iomdin 2010: Апресян, Ю., Л. Иомдин. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография. – В: Апресян, Ю. (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря.* Москва, с. 59–113. (Apresyan, Yu., L. Iomdin. *Konstruktsii tipa 'negde spat': sintaksis, semantika, leksikografiya.* – In: Apresyan, Yu. (red.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovary.* Moskva, pp. 59–113.)
- Arutyunova 1988: Арутюнова, Н. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.* Москва: Наука. (Arutyunova, N. *Tipy yazykovyh znachenij: Otsenka. Sobytie. Fakt.* Moskva: Nauka.)
- Babaitseva 1968: Бабайцева, В. *Односоставные предложения в современном русском языке.* Москва. (Babaitseva, V. *Odnosostavnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke.* Moskva.)
- Bonch-Osmolovskaya et. al 2009: Бонч-Осмоловская, А., Е. Рахилина, Т. Резникова. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации. – В: Рахилина, Е. (ред.). *Концепт 'боль' в типологическом освещении.* Киев, с. 8–27. (Bonch-Osmolovskaya, A., E. Rahilina, T. Reznikova. *Glagoly boli: leksicheskaya tipologiya i mehanizmy semanticheskoi derivatsii.* – In: Rahilina, E. (red.). *Kontsept 'bol' v tipologicheskom osveshchenii.* Kiev, pp. 8–27.)
- Bossong 1998: Bossong, G. Le marquage de l'expérient dans les langues d'Europe. – In: Feuillet, J. (ed.). *Actance et valence dans les langues de l'Europe.* Berlin, pp. 259–294.
- Bulygina 1982: Булыгина, Т. К построению типологии предикатов в русском языке. – В: *Семантические типы предикатов.* Москва, с. 7–85. (Bulygina, T. *K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke.* – In: *Semanticheskie tipy predikatov.* Moskva, pp. 7–85.)
- Dowty 1979 : Dowty, D. *Word meaning and Montague grammar.* Dordrecht: Reidel.

- Filipenko 2003: Филипенко, М. *Семантика наречий и адverbиальных выражений*. Москва (Filipenko, M. *Semantika narechij i adverbial'nyh vyrazhenij*. Moskva)
- Kibrik 2003: Кибрик, А. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства архинского языка. – В: Кибрик, А. *Константы и переменные языка*. Санкт-Петербург, с. 332–368. (Kibrik, A. K probleme yadernyh aktantov i ih “nekanonicheskogo kodirovaniya”: svidetel'stva archinskogo yazyka. – In: Kibrik, A. *Konstanty i peremennye yazyka*. Sankt-Peterburg, pp. 332–368.)
- Kustova 2004: Кустова, Г. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва. (Kustova, G. *Tipy proizvodnyh znachenii i mekhanizmu yazykovogo rasshireniya*. Moskva.)
- Kustova 2013: Кустова, Г. Семантические связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты. – В: Русский язык в научном освещении, № 1(25), с. 41–69. (Kustova, G. Semanticheskie svyazi i sistemnye znacheniya eksperientsial'nyh prilagatel'nyh: predmetnye i prostranstvennyye konteksty. – In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 1(25), pp. 41–69.)
- Kustova 2018: Кустова, Г. Прилагательное в тексте как редуцированная предикация. – В: Воейкова, М. (ред.). *Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте*. Санкт-Петербург, с. 224–246. (Kustova, G. Prilagatel'noe v tekste kak redutsirovannaya predikatsiya. – In: Voejkova, M. (red.). *Problemy funktsional'noj grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste*. Sankt-Peterburg, pp. 224–246)
- Letuchij 2018: Летучий, А. Предикативы. – В: *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы*. Санкт-Петербург, с. 136–192. (Letuchij, A. Predikativy. – In: *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vyp. III. Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy*. Sankt-Peterburg, pp. 136–192.)
- Letuchij 2022: Летучий, А. Предикативы в системе русских признаков слов – наречий и прилагательных. – В: *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 76, с. 105–147. (Letuchij, A. Predikativy v sisteme russkih priznakovyh slov – narechij i prilagatel'nyh. – In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, № 76, pp. 105–147.)
- Migirin 1970: Мигирин, В. Категория состояния или бессубъективные прилагательные? – В: *Исследования по современному русскому языку*. Москва, с. 150–157. (Migirin, V. Kategoriya sostoyaniya ili bessub'ektivnye prilagatel'nye? – In: *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku*. Moskva, pp. 150–157.)
- Ovsyannikova 2019: Овсянникова, М. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций. – В: *Вопросы языкознания*, № 6, с. 68–93. (Ovsyannikova, M. Sintaksicheskoe kodirovanie eksperientsial'nyh situatsij v russkom yazyke: sopostavlenie grupp glagolov vospriyatiya, myshleniya i emocij. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 6, pp. 68–93.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва. (Paducheva, E. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva.)
- Plungyan 2011: Плунгян, В. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва. (Plungyan, V. *Vvedenie*

- v grammaticeskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. Moskva.)
- RG 1980: Шведова, Н. (ред.). *Русская грамматика (Том 1)*. Москва. (Shvedova, N. (red.). *Russkaya grammatika (Tom 1)*. Moskva.)
- Shvedova 1964: Шведова, Н. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. – В: *Вопросы языкознания*, № 6, с. 77–93. (Shvedova, N. Determiniruyushchij ob'ekt i determiniruyushchee obstoitel'stvo kak samostoyatel'nye rasprostraniteli predlozheniya. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 6, pp. 77–93.)
- Shvedova 1968: Шведова, Н. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения. – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 39–50. (Shvedova, N. Sushchestvuyut li vse-taki determinanty kak samostoyatel'nye rasprostraniteli predlozheniya. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 2, pp. 39–50)
- Shcherba 2004: Щерба, Л. *Языковая система и речевая деятельность*. Москва. (Shcherba, L. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Moskva.)
- Slovar 1981–1984: Евгеньева, А. (ред.). *Словарь русского языка: В 4-х томах*. Москва. (Evgen'eva, A. (red.). *Slovar' russkogo yazyka: V 4-h tomah*. Moskva.)
- Tatevosov 2015: Татевосов, С. *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. Москва. (Tatevosov, S. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya*. Moskva.)
- Tatevosov 2016: Татевосов, С. *Глагольные классы и типология акциональности*. Москва. (Tatevosov, S. *Glagol'nye klassy i tipologiya aksional'nosti*. Moskva.)
- Vendler 1967: Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N.Y.
- Vinogradov 1947: Виноградов, В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва-Ленинград. (Vinogradov, V. *Russkij yazyk (grammaticeskoe uchenie o slove)*. Moskva-Leningrad.)
- Wierzbicka 1985: Wierzbicka, A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor.
- Wierzbicka 1988: Wierzbicka, A. *The semantics of grammar*. Amsterdam.
- Zimmerling 2017: Циммерлинг, А. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, № 16(23), Т. 2, с. 466–482. (Zimmerling, A. Russkie predikativy v zerkale eksperimenta i korpusnoj grammatiki. – In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii*, № 16(23), Т. 2, pp. 466–482.)
- Zimmerling 2018: Циммерлинг, А. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. – В: *Вопросы языкознания*, № 5, с. 7–33. (Zimmerling, A. Impersonal'nye konstruksii i dativno-predikativnye struktury v russkom yazyke. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 5, pp. 7–33.)

Semantic classes of state predicates (based on evidence from Russian)

Galina Kustova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

galinak03@gmail.com

Abstract

This chapter deals with the analysis of states from the perspective of the typology of predicate vocabulary. States (along with qualities) occupy the lowest rank in the semantic hierarchy of predicates; prototypical states, e.g. (*В комнате темно* (The room is dark), *Детям холодно* (The children are cold) are one-place predicates: their only argument (semantic actant) is the subject (inanimate or animate) undergoing the state. However, many experiential state predicates have two arguments, an experiencer and a stimulus.

The chapter is focused mainly on experiential states, i.e. human states, which are the result of a person's ability to react to the impact of the outside world and to construct informational images of non-linguistic situations. A hierarchy of experiential states and the semantic relations among them are presented as well.

Keywords: *state predicates, semantic hierarchy of predicates, experiential states, experiencer, stimulus, predicatives*

Galina Kustova

DSc Prof.

V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Russian Academy of Sciences

18/2 Volkhonka St.

Moscow, 119019 Russia

galinak03@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

STATIVE VERBS: CONCEPTUAL STRUCTURE, HIERARCHY, SYSTEMIC RELATIONS

Svetlozara Leseva^a, Ivelina Stoyanova^b

Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin, Bulgarian Academy of Sciences^{a,b}

zarka@dcl.bas.bg^a, iva@dcl.bas.bg^b

Abstract. The study is focused on the semantic and conceptual description of stative verbs. We analyze stative verbs represented in WordNet and the corresponding frames in FrameNet after the alignment between the two resources. After presenting a classification of stative verbs into thematic classes, we outline the components of the conceptual description based on FrameNet frames, the relations between them and the frame elements that describe the frames. We attempt at building a hierarchical structure of frames for each thematic class and a shallow hierarchy of frame elements with a view to their representation and specialization from a more general (parent) frame to more specific (child) frames related to the general one by means of relations such as inheritance, weak inheritance or perspectivization.

Keywords: *conceptual description, conceptual hierarchies, FrameNet, WordNet*

1. Introduction

The study focuses on the semantic description of stative verbs based on the conceptual frames in FrameNet, which offer a largely language-independent model of the semantic representation of lexical items.

The presented results are part of a comprehensive study aimed at creating an ontology of stative situations in Bulgarian and Russian and their linguistic modeling. The aim of this work is to outline the principles for analysis and description of the conceptual structure of stative predicates with a view to building a uniform and consistent system of frames with a set of corresponding relations between them that reflect the specific features of the semantics of stative predicates.

As a result, we offer a classification of stative predicates into thematic classes, which is theoretically grounded on previous analyses and is further refined both from a theoretical and from an applied perspective with a view to the FrameNet-based conceptual description of verbs. The backbone of the classification is formed by the verb classes defined in Paducheva (1996) and further refined in a following work

* Svetlozara Leseva, Ivelina Stoyanova. Stative verbs: conceptual structure, hierarchy, systemic relations. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 68–114.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.04>

(Paducheva 2004), with clarifications and additions from Spencer and Zaretskaya (2003) and Van Valin and LaPolla (1997).

The analysis focuses on three main aspects. First of all, we look at frames and the configurations of the essential participants within the frames (frame elements, FEs), which uniquely characterize individual classes and subclasses of stative situations, as well as the main semantic restrictions imposed on FEs. Based on preliminary observations on verbs, conclusions are drawn about the validity of the frames defined in FrameNet and, where necessary, existing frames are adapted or new ones are created so as to cover the semantic properties of stative verbs.

Secondly, we analyze the relationships between frames within the thematic classes and subclasses of the classification of states. Verbs of the same class have a common invariant semantics that is further elaborated in individual members of the (sub)class, thus these verbs are described by a set of frames with similar semantics exhibiting certain semantic relations between them. For example, there are close relations between the verbs expressing desire and intention and emotion verbs, and this is reflected by an inheritance relation between the more general and the more specific frames (*Experiencer_focused_emotion* > *Desiring*). Specialization within the class of desire predicates results in assigning several different frames to these predicates, the most general frame is *Desiring*, and the more specific ones are *Intention*, *Preference*, and *Necessity* related to *Desiring* by a hierarchical inheritance relation. Semantic specialization is expressed through different but frame-invariant configurations of FEs, including the narrowing of the semantics of certain FEs, the realization of different numbers of elements in the more specific frames, some of which have no counterpart in the superordinate frame. This, in turn, is reflected by the semantic and syntactic restrictions on the realization of the elements.

Thirdly, the system of typical core FEs for stative frames within each class is presented in a shallow hierarchy, in which the FEs are described with their realization in different (groups of) frames within each class.

The research and created resource of stative frames and description of typical FEs can find application for the purposes of automatic identification of stative predicates and their corresponding arguments in text (semantic role labeling), semantic disambiguation, etc.

2. Overview of Studies on Stative Predicates

Stative predicates are studied from several theoretical and applied perspectives: (i) in terms of their semantically-grounded syntactic behavior (Levin 1993; Pinker 1989; Goldberg 1994, among many others); (ii) their thematic structure (Chafe 1970; Longacre 1976; Van Valin, LaPolla 1997) or conceptual description (Fillmore 1982), and (iii) their aspectual properties (Vendler 1957; Dowty 1979; Pustejovsky 1991; Van Valin, LaPolla 1997, to mention but a few). An intriguing research problem is the

interaction between the two types of description, especially in view of the specifics of aspectuality in the Bulgarian language.

To the best of our knowledge, the most complete description of states from the point of view of their invariant semantics and similar syntactic behavior was presented for Russian by Paducheva (Paducheva 1996) with subsequent additions in a following work (Paducheva 2004). An overview of this classification with a focus on Bulgarian and in comparison with Russian is offered in Leseva et al. (Leseva et al. 2021a; Leseva et al. 2021b). Another, more generalized classification is proposed by Van Valin and LaPolla (1997). The comparative analysis of these studies demonstrates that a different scope of the description of the states and a different granularity of the individual classes are applied.

Studies of the aspectual properties of predicates consider states as one of the main aspectual classes (Vendler 1957; Dowty 1979; Pustejovsky 1991; Van Valin, LaPolla 1997, among others). In general, states are characterized as non-dynamic and temporally unbounded predicates, which are represented by the following combination of features [+static]; [–telic]; [–punctual] (Van Valin, LaPolla 1997: 92–93). Distinctions are also drawn within the class of stative verbs. Carlson (1980) divided states into two groups: properties of objects (individual-level properties) and properties of intervals (stage-level properties), the former being valid at any moment, and the latter – during a certain time interval. The predicates of the first type express permanent properties or states of an object (*Ivan **believes** in ghosts*), and the predicates of the second type correspond to transitory, temporary states (*Ivan **lives** in a flat*). Within stative situations, Paducheva distinguishes between properties and relations, on the one hand, and states, on the other (Paducheva 1996: 126). The former are permanent, atemporal, while the latter are temporally localized. Moreover, states can be temporary, localized in a given relatively short time interval, or permanent, localized in extremely long time intervals (Paducheva 1996: 136–137). The distinction is motivated by the linguistic behavior of the individual subclasses in terms of their compatibility with different temporal expressions (*now, always*, etc.), the possibility of expressing repetition, of using an inceptive (with *begin, start*), etc.; their compatibility with circumstantial expressions for place, etc. In the classification presented by Paducheva (1996: 129–131, 136–138, 149–151) semantic classes are combined with aspectual ones.

Here we adopt the classification of stative predicates presented by Paducheva (1996, 2004) supplemented and revised with classes from other classifications (Spencer, Zaretskaya 2003; Van Valin, LaPolla 1997), following roughly the analysis presented in Leseva et al. (2021a, 2021b).

3. Stative Verbs in Lexical-Semantic Resources

The present study relies on two main resources – WordNet and FrameNet, and in particular, verbs representing stative predicates in both resources.

3.1. WordNet

WordNet¹ (Miller 1997; Fellbaum 1998) is a large lexical database that represents comprehensively conceptual and lexical knowledge in the form of a network whose nodes denote cognitive synonyms (synsets) interconnected through a number of conceptual-semantic and lexical (including derivational) relations such as hypernymy, meronymy, etc. The main relation that determines WordNet's structure is the relation of hypernymy.

The original Princeton WordNet has prompted the construction of similar linked networks, including for Bulgarian and other Balkan and Slavic languages, among others, where the corresponding synsets in individual wordnets are related to each other through unique interlingual identifiers. The lexical and conceptual knowledge is thus aligned cross-linguistically, which makes it possible for inter-lingual studies of semantic and syntactic correspondences to be conducted. In this paper we use the data from the Princeton WordNet and the Bulgarian WordNet (Koeva 2006).

3.2. FrameNet

FrameNet (Baker et al. 1998) is a resource which couches lexical and conceptual knowledge in the apparatus of frame semantics. Frames are conceptual structures describing particular types of objects, situations, or events along with their components, called frame elements, or FEs (Baker et al. 1998; Ruppenhofer et al. 2016). For our purposes, we deal particularly with core FEs, which instantiate conceptually necessary components of a frame, and which in their particular configuration make a frame unique and different from other frames. Frames in FrameNet are exemplified by a set of lexical units (LUs) where a LU is a pairing of a word with a meaning and its conceptual semantics is represented by the frame. FrameNet's theoretical framework has been adopted for Bulgarian and extended into an even richer model which accounts for language-specific features, including verb aspect, semantic and syntactic diatheses and syntactic alternations, among others (Koeva 2010).

FrameNet frames are organized into a hierarchical network by means of a number of hierarchical and non-hierarchical frame-to-frame relations (Ruppenhofer et al. 2016: 81–84). Here we list the hierarchical relations, which bear most relevance to the internal structure of thematic verb classes. These are: Inheritance – a relationship between a parent frame and a more specific (child) frame, such that the child frame elaborates the parent frame; Uses (also called 'weak inheritance') – a relationship between two frames where the first one makes reference in a very general kind of way to the structure of a more abstract, schematic frame; Perspective – a relation indicating that a situation viewed as neutral may be specified by means of perspectivized

¹ <https://wordnet.princeton.edu/>; Princeton WordNet may be explored online at: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn>.

frames that represent different possible points-of-view on the neutral state-of-affairs; Subframe – a relation between a complex frame referring to sequences of states and transitions, each of which can itself be separately described as a frame, and the frames denoting these states or transitions.

In this paper, we explore stative frames and their corresponding FEs in order to outline the typical frames providing conceptual description of predicates within each of the semantic classes. Stative frames in FrameNet stem from the top node *State*; it describes a state-of-affairs where a concrete or abstract entity (Entity) persists in a stable situation called a State. The set of frames inheriting *State* includes over 130 members and covers many of the thematic classes of stative predicates. Stative frames are identified outside the *State* frame tree (Section 3.3).

The verbs associated with the studied frames are compiled from FrameNet (the verb language units that evoke the relevant frames) and from WordNet by virtue of the alignment between the two resources. For this purpose, we use a mapping of WordNet verb synsets to FrameNet frames in order to use the frames as the means to describe the conceptual structure of the verb predicates. The mapping approaches and procedures employed previously and the obtained results are summed up in Leseva, Stoyanova (2019, 2020a, 2020b). At present, we use a mapping of around 6,000 synsets with assigned frames that have been manually verified. With respect to stative predicates we have observed that only about 42% have a frame assigned and verified. One of the reasons is that FrameNet still lacks a fully adequate set of frames to describe the properties and semantic and syntactic restrictions of stative predicates. This necessitated the devising of new stative frames (see Section 5.1.4).

3.3. Dataset Compilation

Our dataset consists of WordNet verb synsets with stative meaning, which have been assigned frames from FrameNet. Our analysis uses both information extracted from WordNet (such as synonyms in the dataset, translational equivalents in Bulgarian, Russian and English) and frame description and relations from FrameNet (description and semantic restrictions of FEs, frame-to-frame relations of inheritance, etc.).

A set of procedures has been applied for the selection of stative verbs to be included in the dataset aiming at representativeness across thematic classes of stative predicates (see Section 5).

(1) Synsets from WordNet were selected on the basis of their membership to the semantic class of stative verbs, along with their hyponyms regardless of their semantic class². These include predicates with various semantics belonging to the

² The verbs in WordNet are divided into 15 semantic primitives, such as *verb.change*, *verb.social* (verbs of social interaction), *verb.motion*, *verb.cognition*, etc. (Miller et al. 1991; Miller, Fellbaum 2007). Stative verbs fall within the class *verb.stative*, a heterogeneous group united by a shared membership to the aspectual class of states. Some stative verbs are found

aspectual class of states. In this way we extracted 752 synsets of the category verb. stative as well as another 155 synsets of other categories such as verb.emotion, verb.cognition, etc.

(2) Using the mapping between WordNet and FrameNet, we extracted synsets which have been assigned particular stative frames from FrameNet that have been selected as representative for the thematic classes although not directly descending from *State* (see Section 5). In this way we complemented the dataset with additional 1306 synsets. Further, we also added synsets where their assigned frames were related to these frames (additional 608 synsets).

(3) We also extracted synsets which have been assigned stative frames from FrameNet. These are frames related by inheritance (Is Inherited by) or weak inheritance relations (Uses) to the frame *State* (Definition: An Entity persists in a stable situation called a State). Another 194 synsets have been added to the dataset.

(4) Additionally, we supplemented the data with verbs from specific semantic classes by manually selecting relevant synsets and WordNet trees. For example, in order to ensure coverage of speech states we extract verbs of the class verb.communication and manually select subtrees such as *disagree:1*; *differ:1*; *dissent:2*; *take issue:1* ‘be of different opinions’ and its hyponyms, or individual synsets such as *excuse:2*; *explain:1* ‘serve as a reason or cause or justification of’. Using this approach we added a total of 61 synsets to the dataset for the classes of *Speech states*, *Emotions*, *Perceptive states*, etc.

Using the procedures, we have compiled a dataset of 3076 verb synsets. Each selected synset has been assigned to a thematic class automatically based on the frame they were mapped to. The relevant frames in each thematic class have been selected manually on the basis of the actual verbs suggested as examples in the classification of Paducheva (1996, 2004) and supplemented with their synonyms, with other verbs evoking the same frame and verbs evoking closely related frames. The inventory of frames to select from has been derived from the structure of FrameNet, starting with the most abstract stative frame *State* and its descendants (frames related to it through frame-to-frame relations). The stative frame inventory has been further supplemented with frames assigned to verbs with stative meaning (having the WordNet class verb.stative) or hyponyms of such verbs.

In such a way, both lexical resources have been used to enrich the set of stative verbs and frames, as well as to complement each other. 1817 synsets are assigned to thematic classes with 1259 synsets for which a suitable class could not be determined automatically.

in other groups to which they belong semantically, for example, in the class of cognitive verbs, verbs for emotions, bodily states, possession, etc. The division of the nouns and verbs into classes reflecting the semantic primitive distinction, along with short definitions of the primitives are available at: <https://wordnet.princeton.edu/documentation/lexnames5wn>.

Subsequently, FrameNet frames assigned to the selected verbs have been analyzed with a view to the (hierarchical) relations between them, in order to build a uniform conceptual description of each stative verb class and to deduce the generalized invariant frame characterizing each class.

Thematic class		#synsets	Thematic class		#synsets
A1	Physical parameters and inherent properties	34	B1	Speech states	206
A2	Spatial relations	291	B2	Intent, will and desire	78
A3	Relations between facts and events	63	B3	Modal states	67
A4	Relations between objects and sets: inclusion, similarity, possession	372	B4	Observed (perceived) states	46
A5	Semiotic relations	24	B5	Physical and physiological states	61
A6	Properties of set	5	B6	Emotional states, relations and internal experiences	124
A7	Disposition	7	B7	Mental states	315
C	Behaviors	11	B8	Perceptive states	33
D	Occupations	7	B9	Predicates of existence and presence	73

Table 1. Distribution of thematic classes in the dataset.

4. Classification of Stative Predicates with a view to their Conceptual Description

The proposed classification of stative predicates (Figure 1) unifies information from several sources aligned and enriched so as to form a consistent semantic and syntactic description. The classification is based on the verb classes defined in Paducheva (1996, 2004), with clarifications and additions from Spencer and Zaretskaya (2003) and Van Valin and LaPolla (1997).

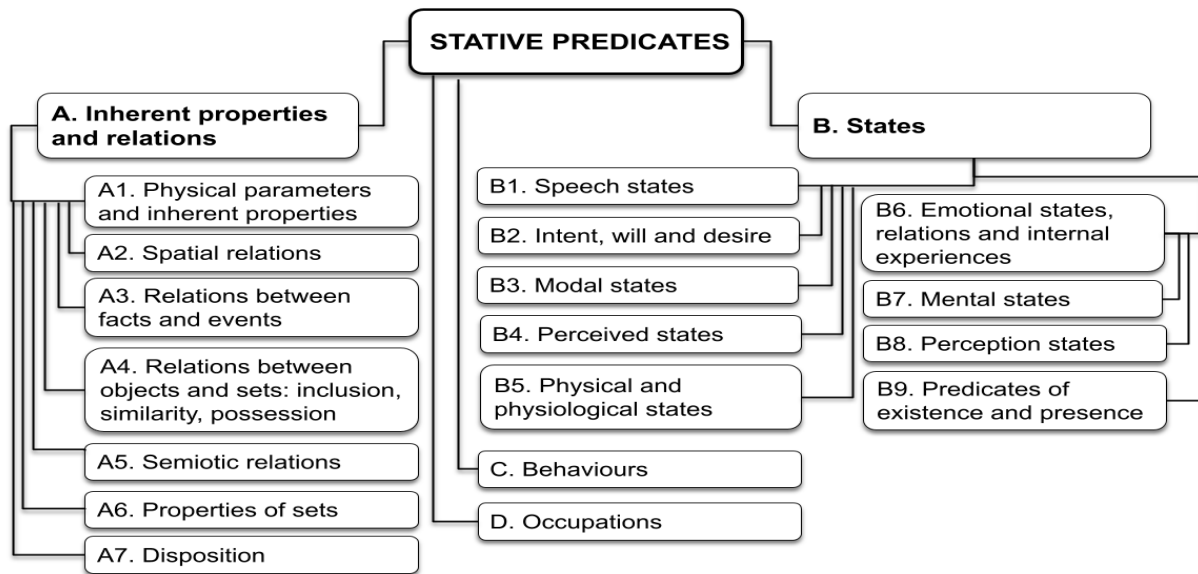

Figure 1. General thematic classes of stative predicates.

The skeleton of the classification is formed by the FrameNet frames that serve as subclasses of each thematic verb class, presenting various levels of specialization or modification within the class. The classification thus represents a shallow conceptual hierarchy, where each general classification category is instantiated by a number of more specific subclasses (frames) and verbs that belong to these classes.

For instance, the thematic class of *Intent, will and desire*, which is closely related to the class of *Emotional states, relations and internal experiences*, is represented by four frames: *Desiring*, *Preference*, *Purpose* and *Needing*. The semantic similarity among these frames is reflected in the hierarchical organization of this part of the FrameNet structure (Figure 2). The frame *Desiring* may be considered as the prototypical or invariant frame, which describes the semantics of the class in most general terms. Its semantics is further elaborated, specified or perspectivized in the remaining frames. *Preference* inherits *Desiring* (i.e. the relation Inheritance holds between them), which is evident in the correspondence between the configuration of the FEs of the two frames. The more specific frame has one more FE that models additional aspects of the meaning. The frames *Purpose* and *Needing* use the frame *Desiring*: the weak inheritance between the parent and the children corresponds to the different FE configurations; yet there is strong correspondence between parts of them (see Section 5.3.2 and Figure 11).

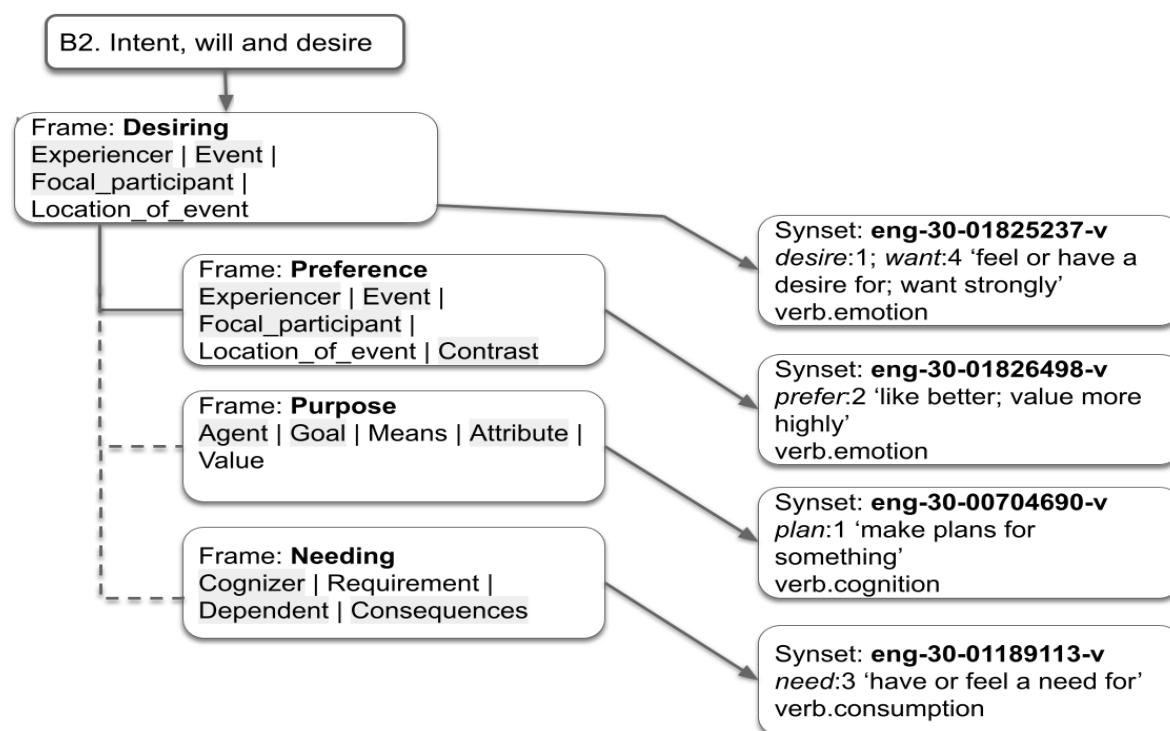

Figure 2. Internal organization of the thematic class of *Intent, will and desire* (dashed lines show weak inheritance based on the Uses frame-to-frame relation in FrameNet).

The classification is further fleshed out by verbs that evoke the different frames in each thematic class, which share the common conceptual description outlined in the frame's definition and represented as a similar configuration of FEs. The specific selectional restrictions of the FEs, along with the typical semantic and syntactic patterns, however, may vary within certain limits for the individual verbs in the frame. Consider the frame *Desiring* whose FrameNet description is partly displayed in Example 1.

Example 1.

(FrameNet) Frame *Desiring*³. Definition: An **Experiencer** desires that an **Event** occur. In some cases, the **Experiencer** is an active participant in the **Event**, and in such cases the **Event** itself is often not mentioned, but rather some **Focal_participant** which is subordinately involved in the **Event**.

³ Each frame (along with the frame-to-frame relations and the lexical units that evoke them) may be accessed through the online FrameNet interface: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/framenet_search. We use the frame and FE definitions provided there.

Core FEs: **Event** [State_of_affairs]; **Experiencer** [Sentient], **Focal_participant** [Entity]; **Location_of_event** [Location]

FrameNet examples:

[I]_{EXPERIENCER} only WANTED [one piece of candy]_{FOCAL_PARTICIPANT}

[The company]_{EXPERIENCER} was EAGER [for him]_{FOCAL_PARTICIPANT} [to leave as soon as possible]_{EVENT}

[The prince]_{EXPERIENCER} WISHES [you]_{FOCAL_PARTICIPANT} [here]_{LOCATION_OF_EVENT} before matins.

(WordNet) Part of the hypernym tree of *desire:1*; *want:4* with corresponding lexical units in the FrameNet frame *Desiring*

- *desire:1*; *want:4* ‘feel or have a desire for; want strongly’
 - *wish:4* ‘hope for; have a wish’
 - *fancy:2*; *go for:4*; *take to:1* ‘have a fancy or particular liking or desire for’
 - *feel like:1* ‘have an inclination for something or some activity’
 - *crave:2*; *hunger:2*; *thirst:1*; *starve:5*; *lust:2* ‘have a craving, appetite, or great desire for’
 - *hanker:1*; *long:8*; *yearn:3* ‘desire strongly or persistently’
 - *ache:1*; *yearn:2*; *yen:1*; *pine:1*; *languish:3* ‘have a desire for something or someone who is not present’
 - *ambition:1* ‘have as one’s ambition’

Verbs such as *desire* and *want* express more general meaning and impose fewer selectional restrictions on their FEs as compared to verbs such as *hanker*, *yearn*, *long*, *pine*, *languish*, *ache*, *ambition*, *feel like*, etc. An obvious difference among the individual verbs in the thematic class would be that the selectional restrictions on the FEs Focal_participant and Event would be partially distinct. For instance, the Focal_participant or Event associated with *feel like* would most likely be something to eat or drink or an associated activity, while the ones typical of *ambition* or *aspire* would tend to be abstract activities, state-of-affairs or entities.

The variations in the semantics of individual verbs have to do not only with the selectional restrictions of the FEs, but with the actual configurations of FEs observed. Semantic patterns involving the Experiencer, the Focal_participant and the Event are found with various verbs from the class, while semantic patterns including the FE Location_of_event are more verb-specific; they are thus more feasible with the prototypical representatives of the class, i.e. *want* and *desire*, more difficult to find with *yearn*, *long*, *pine*, etc. and quite unfeasible with *ambition* or *feel like*.

While the general thematic classes are set out in advance on the basis of existing classifications of stative verbs, the frames (and the associated verbs) relevant to each thematic class are identified empirically on the basis of the extensive verb lexis

provided in WordNet. The analysis results in the further refinement of the classification by redefining, enriching and subdividing the classification categories.

5. Modeling the Thematic Classes of Stative Predicates

5.1. Outline of the Model

Each thematic class is represented by a number of FrameNet frames that capture finer-grained semantic distinctions among the verbs in each class. The interconnectedness established through frame-to-frame relations within the thematic classes attests to the internal organization of the lexis (more explicit in WordNet's hierarchical structure) and translates into the structured conceptual description of semantically related portions of the verb lexicon.

5.1.1. Frames Representing a Thematic Class

For each thematic class we determine an *invariant frame* that represents the verbs in the class in a generalized form by including the most essential, invariant FEs common to the class. The invariant frame can be either an existing FrameNet frame or an abstract construct. A class with a well-defined internal structure typically includes an invariant frame that is situated close to the root or is itself the root of the frame hierarchy. It is generally specified so as to accommodate its more specific descendants. The FEs whose specific configurations determine the frame are also more generally defined than the FEs of the more specific frames in the given thematic class.

The frames within the thematic class elaborate on the invariant frame. In a well-defined class, at least a large part of the more specific frames are direct or indirect descendants of the invariant frame, i.e. they are related to it by means of one of the hierarchical frame-to-frame relations specified above. We pay particular attention to the Inheritance, Uses and Perspective relations as implementations of the taxonomic relation and the inheritance of semantic information. Basically, with the Inheritance relation each semantic fact about the parent must correspond to an equally specific or more specific fact about the child (Ruppenhofer et al. 2016, p. 81–82), which translates as correspondence between entities, FEs, frame relations and semantic characteristics in the parent and the child frame (Petruck 2015). Uses has been specified as a relation in which only some of the FEs in the parent have a corresponding entity in the child, and if such corresponding elements exist, they are more specific (Petruck 2012). Perspective is defined as similar to, but more specific and restrictive than Using (Ruppenhofer et al. 2016: 82) indicating that a situation viewed as neutral may be specified by means of perspectivized frames that represent different possible points-of-view on the neutral state-of-affairs. Thus the more specific frames elaborating on the invariant frame of a thematic class are characterized by more concrete configurations of FEs; this may be implemented in various ways:

by including more FEs that model additional participants and aspects of meaning; by excluding one or more FEs of the parent frame; by defining more specific FEs that correspond to the more specific semantic content of a participant; by profiling a particular FE (different from the one profiled in the parent frame); by incorporating a FE, etc. (see Section 5.1.2).

The frames specifying a given thematic class do not always form a straightforward hierarchy, which may reflect the fact that some classes are inherently more incoherent and the relevant frames pertain to unrelated parts of the frame network. This is the case, for instance, with the class *Relations between facts or events* (see Section 5.2.3 and Figure 5). It is represented by frames that describe temporal and logical relations, contingency, dependence, etc., which belong to different parts of the taxonomic structure of FrameNet (combines frames stemming from *Relation*, *Contingency*, *Evidence*). In such cases, we establish a shallow hierarchy derived from the observed data and define a generalized invariant frame to describe the common features of the thematic class.

There are also cases of predicates that combine conceptual features of more than one class, or are borderline states. For example, the frame *Worry* uses *Emotions* and inherits from *Cogitation*, so it combines features from both classes – *Emotional states, relations and internal experiences* and *Mental states*. Although for the sake of consistency we place it only under the frame *Emotions* and the corresponding thematic class, its cognitive aspects and relations to cognitive frames should also be considered.

The possibility for describing the thematic classes by means of FrameNet substructures of closely-related frames attests to both the sound theoretical grounds of the verb classes and the conceptual description in FrameNet, which originate from different linguistic schools and theoretical backgrounds.

5.1.2. *Frames Specialization*

The observations on hierarchical relations, especially on the more populated ones, such as Inheritance and Using (weak inheritance), shed light on the specialization that takes place from parent to child in the taxonomic (inheritance) hierarchy. We analyze the changes in stative frames within thematic classes where frame specialization deals with including/excluding FEs that correspond to aspects of the state (e.g., attributes that characterize it), reducing the scope of the frame by imposing certain semantic restrictions, profiling of particular FEs, etc. Moreover, some thematic classes are similar and the FrameNet frame-to-frame relations facilitate the distinction between the thematic classes.

The modifications that occur in the conceptual and semantic structure of stative verbs, reflected in the corresponding FrameNet frames, include (but are not limited to) the following:

(1) **Reducing the number of core FEs by incorporating** one of them in the frame and/or verb meaning. Example 2 shows the frame *Worry* which uses the frame *Emotions*, both representing the class of *Emotional states, relations and internal experiences*. In one child frame, *Feeling*, the FE State is concretized into *Emotional_state*, while in the child *Worry* it is incorporated into the meaning of the frame and its corresponding verbs.

Example 2.

(FrameNet) Parent frame *Emotions*: Experiencer | Topic | Stimulus | Expressor
| State | Event

Definition: An **Experiencer** has a particular emotional **State**, which may be described in terms of a specific **Stimulus** that provokes it, or a **Topic** which categorizes the kind of **Stimulus**. Rather than expressing the **Experiencer** directly, it may (metonymically) have in its place a particular **Event** (with participants who are **Experiencers** of the emotion) or an **Expressor** (a body-part of gesture which would give an indication of the **Experiencer**'s state to an external observer).

Child frame *Feeling*: Experiencer | Emotion | Emotional_state | Evaluation

Definition: In this frame an **Experiencer** experiences an **Emotion** or is in an **Emotional_state**.

Child frame *Worry*: Experiencer | Topic

Definition: An **Experiencer** continually thinks about some **Topic** whose consequences are important to the **Experiencer** and considered not yet known or resolved.

(2) **Reducing the scope of the frame** through imposing more strict selectional restrictions on the FEs. For example, the FE Theme (Semantic type: Physical_object) in the parent frame *Abounding_with* is represented in the child frame *Lively_place* by the FE Individuals (Semantic type: Sentient) engaged in an Activity (Example 3).

Example 3.

(FrameNet) Parent frame *Abounding_with*: Theme | Location

Definition: A **Location** is filled or covered with the **Theme**.

Child frame *Lively_place*: Location | Activity | Individuals

Definition: A **Location** is characterized by a high amount of (often goal-oriented) **Activity**, or metonymically, with **Individuals** who are engaged in the activity.

(3) **Profiling different FEs** in different children frames or profiling a different FE in the child frame than in the parent frame. Example 4 shows the non-lexical frame *Requirement_scenario* which is used in two frames – *Have_as_requirement* which profiles the Requirement or the Required_entity and describes (dependency) *Relations between facts and events*, and *Being_necessary* which profiles the

Dependent and refers to the class of *Modal states*. Modal verbs are not represented in Princeton WordNet and have been additionally included in the Bulgarian WordNet.

Example 4.

(FrameNet) Frame *Requirement_scenario*: Dependent | Requirement | Required_entity

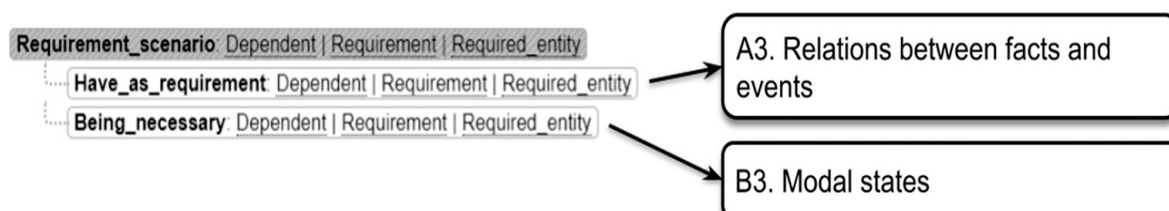
Definition: One state of affairs, the **Dependent**, cannot occur without another state of affairs, the **Requirement**, or an entity, **Required_entity**, also occurring.

Frame *Have_as_requirement*: Dependent | Requirement | Required_entity

Definition: The obtaining of a **Requirement** state of affairs or the presence of a **Required_entity** is profiled as a prerequisite for the obtaining or occurring of a **Dependent** state-of-affairs.

Frame *Being_necessary*: Dependent | Requirement | Required_entity

Definition: A **Dependent** state-of-affairs has a **Requirement** as a prerequisite for obtaining or occurring.

Some of the types of specialization are being studied as a point of departure for defining more narrow-scope frames that would allow for more precise predictions about the selectional restrictions and the syntactic realization of FEs.

5.1.3. Relations between Core FEs

In addition, as part of the conceptual description we construe the relationships between pairs of counterpart FEs in the parent and the child frame, i.e. ones that participate in a situation in the same manner and have similar or identical semantic content. In particular, for each thematic class we are interested in the FEs of the invariant frame and the ways they are concretized in the FEs of the child frames describing the class. Such correspondences are obvious where the relevant FEs are the same across frames (e.g., Experiencer in all frames describing the class *Emotional states, relations and internal experiences*, see Figure 15), but this idea can easily be extended to some pairs of more general and more specific FEs (e.g., the FE Stimulus in the *Emotions_by_stimulus* (parent) frame and the FE Situation in the (child) frame *Other_situation_as_stimulus* within the class *Emotional states, relations and internal experiences*, see Figure 15) as the relationships between them are implicit and derivable from the frame-to-frame relations (Litkowski 2012: 8–9).

As a given FE may be part of the conceptual description of various frames, the definition of such correspondences is not universal across frames (e.g., the correspondence between the FEs *Entities* in the frame *Relation* and *Profiled_event* and *Landmark_event* in the frame *Simultaneity* does not establish a relation between Entity and Event in general, e.g. between the FEs in the frames *Graded_attributes* and *Capability* such correspondence does not exist). Therefore, we consider such correspondences only within pairs or trees of frames. For our purposes we have mapped automatically the candidate FE counterparts using a set of heuristics and have subsequently verified them manually.

The alignment between more general and more specific FEs affords making generalizations over participants with similar semantics and function in the conceptual description of similar frames and referring to FEs of different levels of semantic description while keeping the correspondence between them. Both from a theoretical and an applied perspective using too-fine grained FEs with only a couple of instances may conceal or make it harder to capture existing semantic generalizations, while resorting to too general ones would lead to missing important differences. Providing a strategy for reducing the number of FEs while keeping them apart if necessary has been found to improve the performance of parsing and semantic-role labeling systems (McConville, Dzikovska 2008; Matsubayashi et al. 2009; Litkowski 2012).

5.1.4. Definition of New Stative Frames

New frames are suggested in two cases: (1) where a thematic class of verbs has no suitable frames to match their conceptual description; and (2) where a suitable stative frame is not defined in FrameNet to match its non-stative counterpart(s). The missing frame is defined using the conceptual description of the available frame considering the changes in the FEs, as well as the relations between the new frame and other frames and in particular, its place in the FrameNet hierarchy. In the latter case, i.e. where there is a missing frame presupposed by the FrameNet structure, the definition of new frames is modeled on the example of the triple *Attaching* (causative), *Becoming_attached* (inchoative) and *Being_attached* (stative).

The thematic class of *Spatial_relations* includes predicates for locative relations as well as predicates describing the spatial positioning of immobile objects (often geographical objects and landmarks). While the locative relations are well presented in terms of FrameNet frames (see Figure 4), the spatial positioning was not well covered. This is why we introduced the frame *Spatial_configuration* (Definition: A Figure is located relative to a Ground location in a certain Configuration/Shape) which inherits the frame *Locative_relation* and has FEs Figure, Ground and Configuration/Shape.

The class of *Disposition predicates*, which describes inherent tendencies or propensities of entities to exhibit certain behavior or to react or respond to stimuli or when being operated upon, does not have a set of frames to describe the properties of these verbs. Most verbs of this class are derived from dynamic verbs via diathesis

(e.g., from the original verb *bend* ‘to form a curve’ we derive *bend* ‘to have the property to change shape so that to form a curve’). However, as disposition verbs they change their conceptual structure, most evidently by dropping the FE Agent and by profiling the Theme or the Patient. Further, some of the FEs lose their core status, e.g., compare: *Преведох стихотворението от английски на български* ‘I translated this poem from English into Bulgarian’ – even if not expressed, the source and target languages are assumed) vs. *Поезията се превежда трудно* ‘Poetry does not translate well’⁴ (in principle). Further differences between the dynamic and the disposition predicate are restrictions on taking part in nominalization and inceptive use. In this case we formulated a separate frame to cover the class of *Disposition predicates*, the frame *Disposition* which inherits from *Capability* (see Figure 9). Further, the frame can form child frames depending on the frame of the original active verbs but at present we do not employ such distinctions.

5.2. Inherent Properties and Relations

Here we present the structure of frames for each thematic class of stative verbs for inherent properties and relations, while in Section 5.3 we discuss the thematic classes of states and in Section 5.4 we briefly cover the classes of behaviors and occupations. Solid lines connect frames related through Inheritance relation, dashed line shows weak inheritance through Uses relation, and dotted line points to a Perspective relation between frames. Black nodes denote frames that are not included in the class, but are present in the hierarchy to show inheritance relations between the frames. Similarly, shaded nodes in the frame hierarchical structure show frames that are more general and only part of the lexical units that instantiate them belong to the class; often these spread across several classes and even cover entities outside of the class of stative verbs.

5.2.1. Physical parameters and inherent properties

The class of *Physical parameters and inherent properties* encompasses several frames that describe a relation between an entity and a salient attribute of the entity or the attribute’s value. As these properties belong to different domains, the frames do not form a coherent hierarchy.

Part of them inherit from *Gradable_attributes* and respectively describe scalar attributes defined on the basis of various inherent features. *Capacity* (*Кутията вмества 3 литра* ⇒ The box **takes** 3 liters) refers to the inherent ability of an Entity⁵

⁴ The Bulgarian examples are adapted from Internet or FrameNet, usually shortened or simplified to save space.

⁵ Co-indexation of frame elements marks the correspondence of pairs of elements in the relevant frames.

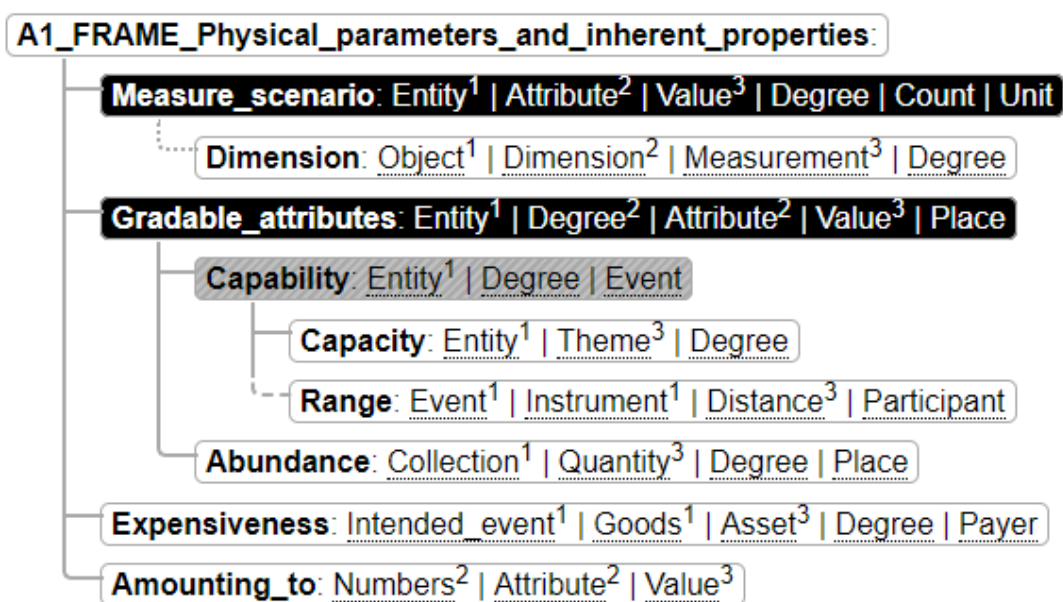

Figure 3. Structure of the thematic class *Physical parameters and inherent properties*.

to contain a Theme, the latter being a numerical expression of the Entity's capacity, and thus corresponding to the frame element Value in the parent frame. *Range* (*Пушката бие на 100 метра* ⇒ The rifle **ranges** 100 m) describes the property of an entity, the Instrument (operated or controlled by a deprofiled Participant), to interact with things within a certain spatial extent, whose value is defined by the frame element Distance. The type of occurrence (Event) whose effect extends over the Distance may also be expressed. *Abundance* (*Тревонпасните видове, които изобилстват по тези места, рядко се сблъскват с естествени врагове* ⇒ The herbivorous species **abounding** in this area rarely encounter any natural predators) deals with the relation where a Collection of entities occurring in a Place has a Quantity defined as a particular Measure. The attribute that serves to define the scale is incorporated by the lexical units in all three frames.

The frame *Dimension* (*Кутията тежи 3 кг* ⇒ The box **weighs** 3 kg), which perspectivizes the *Measure_scenario*, concerns lexical units that express a physical entity's (Object's) value (Measurement) with respect to some physical attribute (Dimension).

The remaining frames, *Expensiveness* (*Кутията ми струваше 5 лева* ⇒ The box **cost** me 5 leva) and *Amounting_to* (*Тълпата наброява поне 1000 души* ⇒ The crowd **amounts to** at least a thousand people), are either orphans or belong to other parts of the FrameNet hierarchy. Nonetheless, they align very well with the conceptual configurations described above. The first one describes a situation in which a Payer gives up the use of an Asset in order to achieve an Intended_event (gaining possession of some Goods or receiving a Service). The Goods or the Intended_event

thus correspond to the parent frame's Entity being affected and the Asset is the value of the non-profiled or incorporated attribute.

With *Amounting_to* the absolute Value of a quantifiable Attribute of an item is determined by adding up the values of the individuals or parts that make up the item, which is not expressed as a separate constituent but is presupposed by the concept of Attribute. Alternatively, a set of Numbers whose sum is the Value associated with the set may be expressed instead of the Attribute.

An appropriate invariant frame describing this class is the non-lexical frame⁶ *Attributes*, which encompasses an Entity that has a particular Attribute with some Value. As shown, the invariant frame elements are realized differently in the children frames depending on their specifics.

5.2.2. Spatial relations

Figure 4. Structure of the thematic class *Spatial relations*.

Most verbs denoting location and spatial configuration evoke frames that elaborate on the invariant *Locative_relation* which describes the location of a Figure in relation

⁶ Non-lexical frames are high-order abstract frames describing complex events that are not evoked by any language units in a given language (but may be in another language); they serve purely to connect two (or more) more specific frames semantically (Rupenhoffer et al. 2016: 80).

to a Ground (in the sense of Talmy 1972). The abstract frame is a direct descendant of *State*, one of the roots in the FrameNet frame structure. *Locative_relation*'s own descendants denote various elaborations on the locative relation.

Some of the frames model the spatial position or placement of an object, Theme (a specialization of the Figure) with respect to a particular grounded Location: the weakly inheriting *Being_located* (*Градчето лежи в равнината* ⇒ The town **lies** in the valley) describes a stable unchanging position of the Theme, while *Distributed_position* (*Цвете краси косата ѝ* ⇒ A flower **decorates** her hair) denotes the spread or dispersal of the Theme over many or all subregions of the Location. The position of the Figure may be further specified as being in close proximity to or in contact with the Ground, as in *Adjacency* (*Неговата нива граничи с гората* ⇒ His field **borders** with the wood) and *Spatial_contact* (*Шкафът се допира до рамката на вратата* ⇒ The cupboard **touches** the door frame).

The relation between the Ground and the Figure may be construed as one modeling the spatial features in combination with additional aspects of meaning. Thus *Containing* (*Кашонът съдържа 100 тетрадки* ⇒ The box **contains** 100 notebooks) reconceptualizes the invariant FEs as a Container and the Contents held within its physical boundaries. In *Abounding_with* (*Езерото гъмжи от риба* ⇒ The lake **teems** with fish) the Location is filled or covered by the Theme(s), while its descendant *Lively_place* (*Фестивалната зала кипи от събития това лято* ⇒ The Festival Hall **buzzes** with events this summer) further specifies the Location as a place abounding with moving Theme(s) or busy Activity. *Surrounding* (*Гори обграждат селцето* ⇒ The woods **surround** the village) describes a locative relation where the Figure is placed around, on all or some sides of the Ground.

Path_shape, which inherits directly from *State* and uses *Locative_relation*, describes lexical units (*Рекама лъкатуши през низината* ⇒ The river **winds** across the valley) that denote the fictive motion of a land or artificial form (Road) with respect to what may be construed as the different aspects of a Location, including the Source (initial point), the Goal (end point), the Path (trajectory), etc. More precisely, these verbs are usually stative meanings of motion verbs and denote the perceptions of a real or imaginary observer of the way the Road extends in space as he or she perceives it (Paducheva 2004: 384).

A newly defined frame, *Spatial_configuration* (*На стената висеше голяма картина в старинна рамка* ⇒ A large painting in an antique frame **hung** on the wall), deals with lexical units that combine the semantics of a locative relation and static configuration or spatial arrangement of an object. The frame inherits *Locative_relation* and is characterized by the following FEs: an object whose location or spatial properties are described (Figure), Ground (which serves as a basis for describing the location of the Figure) and Configuration (which describes the configuration formed by the entire Figure).

In addition to these related frames, we have identified a couple of others that belong to a different place in the FrameNet frame hierarchy but may be considered as

construing a kind of locative relation. *Supporting* (Четирѝ дървени греди **крепят** покрива ⇒ Four wooden beams **hold** the roof) may be viewed as a relation between a specific kind of Location (a structure or object that provides physical strength and support), the Supporter, and another structure or object, a specific kind of Theme, the Supported. Another frame that models a locative relationship is *Eclipse* (Дървото **препречва** изгледа към планината ⇒ The tree **blocks** the view to the mountain). It defines a relation between a foregrounded entity, the Obstruction (a kind of Figure), and another, grounded entity (the Eclipsed entity) that is blocked from perception by the Obstruction.

5.2.3. Relations between facts and events

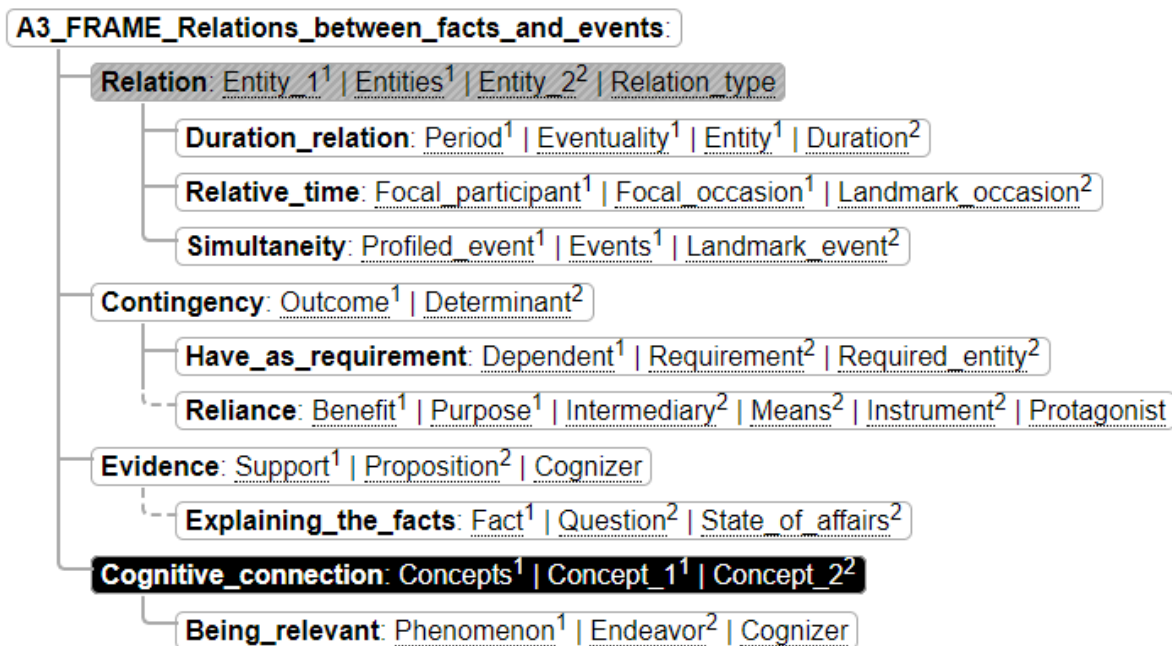

Figure 5. Structure of the thematic class *Relations between facts and events*.

The class of predicates that describe relations between facts and events covers a diverse range of frames pertaining to different parts of the FrameNet structure. The invariant frame specifies a relation between a Focal_eventuality (an Eventuality, a fact or event) and another one, Landmark_eventuality, that serves as an explanation, requirement, or characteristic of the first one.

The class includes several purely relational frames describing temporal relations between events and inheriting from the root frame *Relation*. The descendant frames narrow down the semantic content of the FEs in *Relation*, Entity_1 and Entity_2. *Duration_relation* (Пиесата **трае** 90 минути ⇒ The play **lasts** for 90 minutes) specifies a relation between a Period, an Eventuality or an Entity standing metonymically for the Eventuality, on the one hand, and its Duration, on the other;

the former three thus represent concretizations of Entity_1 and Duration elaborates on Entity_2. The frame *Relative_time* (*Учените смятат, че тракийското селище **предшества** елинското* ⇒ Scientists believe that the Thracian settlement **predates** the Hellenic one) deals with the relative ordering of two events or times corresponding to the invariant Entity_1 and Entity_2: the Focal_occasion or metonymically, a participant in it (the Focal_participant), which is profiled as being in a relation of relative time to a Landmark_occasion. By the same token, *Simultaneity* (*Упражненията ни **съвпадат** с лекциите на професора* ⇒ Our seminars **coincide with** the professor's lectures) describes a relation defined symmetrically between two Events or asymmetrically between a Profiled_event and a Landmark_event that happen at the same time.

On the other hand, there are logical dependency relations between facts and events which are handled by frames belonging to other parts of the FrameNet structure, in the trees of *Contingency* and *Evidence*.

Contingency (*Почивката му **зависи от** отпуската на жена му* ⇒ His holiday **depends on** his wife's time off) defines a relation such that the answer to one open question (the Outcome) is dictated, partially or completely, by the answer to another open question (the Determinant). *Contingency*'s descendant *Have_as_requirement* (*Добрият брак **изисква** жертви* ⇒ Good marriage **demand**s sacrifices) models a more specific situation where the obtaining of a Requirement state of affairs or the presence of a Required_entity (i.e. a kind of Determinant that needs to be present) is profiled as a prerequisite for the obtaining or occurring of some Dependent state-of-affairs (i.e. a kind of Outcome). *Reliance* (*Мъжът ми **разчита на** колата, за да може да си върши работата* ⇒ My husband **relies on** the car to be able to do his job) reconceptualizes the relation holding between an Outcome and its Determinant into one of dependence between a sentient entity, the Protagonist, and some action, the Means, the Protagonist needs to be performed for their Benefit or to the end of achieving a Purpose, usually by an Intermediary. Alternatively, the Protagonist may themselves perform the Means using an object (Instrument). In this scenario, the mutually exclusive Intermediary, Means and Instrument – the doer of the mediating action, the action itself and the instrument involved in it – may be considered as counterparts of the Determinant, while Purpose and Benefit align with the predetermined Outcome.

Another tree of logical relations is represented by *Evidence* (*Добрите отзиви **свидетелстват за** високото качество на работата им* ⇒ The good reviews **attest for** the high quality of their work). It defines a relation between a phenomenon or fact (the Support) and a claim or proposed course of action (the Proposition) to which it lends support or proof. This frame is used by *Explaining_the_facts* (*Стресът **обяснява** рязкото влошаване на здравето му* ⇒ Stress **explains** his rapidly declining health), which describes a situation where a particular Fact is presented as the answer to a proposition (formulated as a Question) regarding the reason or cause for a State_of_affairs. The mutually exclusive Question and State_of_affairs represent instantiations of the invariant Landmark_eventuality.

In the frame *Being_relevant* (*Тази книга засяга въпроса за войната* ⇒ This book **touches on** the question of war) a Phenomenon is related to some cognitive action, the Endeavor (performed by a Cognizer) to which the Phenomenon is connected in some way; the Cognizer is often null-instantiated and may be inferred from the Endeavor. Thus, while *Contingency* and *Evidence* describe objective states of affairs, *Being_relevant* requires a Cognizer FE, introducing subjectivity in establishing the relation between the facts and events. The frame inherits from *Cognitive_connection* where the Cognizer is not present at all and the cognitive relation holds between Concepts (possibly expressed asymmetrically as Concept_1 and Concept_2).

5.2.4. Relations between objects – inclusion, similarity, possession

Relations between objects or between object and a set also are diverse and can be grouped in the following way: verbs describing comparison between objects bases on gradable attributes (*Similarity*, *Suitability*, *Sufficiency*, etc.), inclusion or membership in a physical or abstract sense (*Being_in_category*, *Inclusion*, *Being_included* and

Figure 6. Structure of the thematic class *Relations between objects and sets*.

its descendants), association (*Have_associated*, *Reciprocality*), origin (*Origin*) or possession (*Possession*). These frames do not form a consistent hierarchy and belong to different places in the FrameNet structure.

The first group juxtaposes the invariant Entities according to a certain Attribute. *Compatibility* (*Новата операционна система **съответства** на спецификациите на този компютър* ⇒ The new operating system **meets** the specifications of this computer) models a relation of existing or functioning together, in a non-conflicting manner, of items (Item_1, Item_2 or jointly Items) that share a certain attribute (Parameter). By the same token, *Similarity* (*Картиката **наподобява** по стил ранните творби на Пикасо* ⇒ The painting **resembles** in style the early works of Picasso) characterizes the compared entities as being assessed as (dis)similar according to a particular property (Dimension) or a Differentiating_fact. Unlike the former frames, *Suitability* (*Тази гривна **подхожда** на млада дама* ⇒ This bracelet would **suit** a young lady) defines a relation between an entity being evaluated (Evaluatee) in terms of its suitability and the Purpose or User with respect to which its usefulness is assessed, while the attribute itself is deprofiled. The frame is used by *Imitating*, where a sentient Entity (Agent) is described as modeling their behavior on a certain Standard, that is, the bearer of the Attribute, in this case a certain property or behavior (Characteristic). Two other frames in this group, *Surpassing* and *Sufficiency* inherit their properties from a direct descendant of *Gradable_attributes* – *Position_on_a_scale*, itself not represented among verbs but describing a relation between an Item, a scalar property possessed by it (Variable) and its Value, a configuration inherited by its children frames. In the case of *Surpassing* (*Неговите способности **надминават** очакванията ни* ⇒ His skills **surpass** our expectations), this relation is further specified as a relation of superiority between a Profiled_item and a reference Standard_item with respect to some scalar Attribute shared by both, or between their particular values on that scale, Profiled_attribute and Standard_attribute respectively. *Sufficiency* (*Парите му **стигат** да издържа семейството си* ⇒ His money **suffice** to support his family) specifies the position of an Item on a Scale (an attribute of the Item) relative to a critical value, determined by some state-of-affairs (Enabled_situation) that becomes possible as a result of reaching this value.

The frames denoting inclusion or membership specify a relation between an Entity, (Item, Part) and the set or whole or abstract position or place it belongs to. The prototypical frames stem from the non-lexicalised *Inclusion_scenario* between a Part and a Whole, further perspectivized in *Inclusion* and *Being_included* and the latter's descendants. *Inclusion* (*Материалът за 8. клас **включва** квадратни уравнение* ⇒ 8th grade material **includes** quadratic equations) defines a relation between an aggregate or a unit (Total) and a component or constituent that forms a part of it (Part). The alternative perspective is represented by *Being_included*, where the Part is profiled as being a subset or constituent subpart of a Whole. Its child *Be_subset_of* (*Името му **фигурира** сред десетте най-продавани автори* ⇒ His name **numbers** among the ten best-selling authors) models a subset-superset relation between a Part

and a Total, while its descendant *Membership* (Той **членува** в спортния клуб ⇒ He **is a member** of the sport club) defines a relationship between a semi-permanently part of a socially constructed Group (Member) and the relevant Group of people.

A case of abstract belonging is represented by *Being_in_category* (Това действие **се брои за** нарушение ⇒ This action **counts as a** fault), which defines a relation between an Item and a certain Category it belongs to according to a set of Criteria.

Although an outlier in the FrameNet structure, *Occupy_rank* (Успехът му го **поддържа** втори в класа ⇒ His grades **rank** him second in the class) also denotes an abstract relation of membership, where an Item occupies a certain Rank (i.e. a particular value) in a hierarchy defined according to a certain attribute (Dimension).

The frames for association specify relations between two entities: an existing Entity and a Topical_entity, whose states and properties are impacted by its association with the Entity – *Having_associated* (Училището **има** разнообразна програма ⇒ The school **has** a varied curriculum). *Commonality* (Те **делят** общ дом ⇒ They **share** a home) elaborates on the Items' association as being based on the possession of a common object or attribute (Commonality).

The frame *Origin* (Той **произхожда от** скромно семейство ⇒ He **comes from** a humble family) specifies the relationship between an Entity and the abstract entity related to the beginning of its existence (expressed as the FE Origin), which can be a place, culture, time period, text, etc.

Finally, *Possession* (Той **има** голяма къща ⇒ He **owns** a big house) describes a more specific association between an entity and the thing it owns (the Possession).

Although incoherent and diverse in semantics, in general the frames in this class describe the inherent relations between objects (where the second one can denote a set in the case of the *Inclusion_scenario*) either in a symmetrical (e.g., *Similarity*) or asymmetrical way (e.g., *Origin*, *Inclusion*).

5.2.5. Semiotic relations

Predicates expressing semiotic relations model a relation between various signs and their signifiers or, possibly, referents. Based on the analysis, an invariant frame for the class may be defined as a relation of equivalence or association between a Signified and a Signifier that may be further specialized or elaborated.

Most notably, this class is represented by the frames *Sign* and *Linguistic_meaning* and their descendants. The first one (Последните данни **показват** ръст на инфлацията ⇒ Recent data **indicate** inflation rise) uses *Evidence* (Section 5.2.3) and describes a relation between two phenomena, the Indicator and the Indicated, where the former exists as an indication of the latter. Its descendant *Open* (Смята се, че поведението на пчелите **предсказва** времето ⇒ It is believed that bees' behavior **foretells** the weather) describes a situation where a Predictive_phenomenon is an indication (Indicator) of the existence of another, Future_phenomenon, or

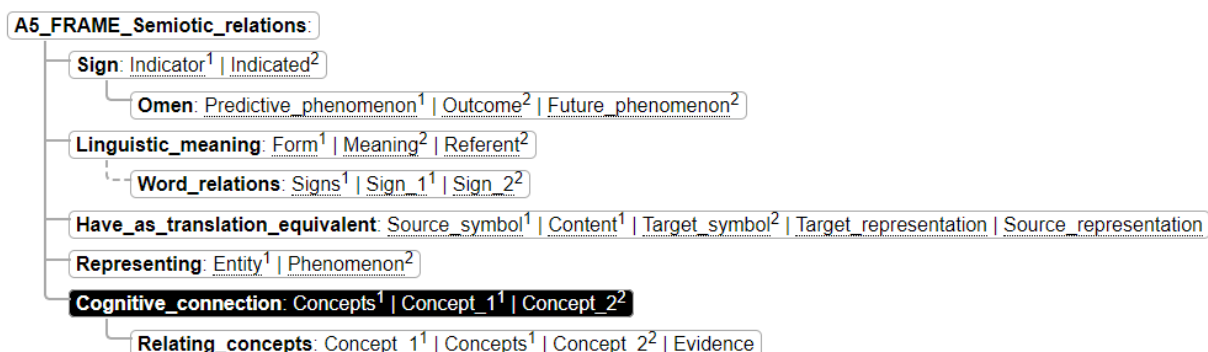

Figure 7. Structure of the thematic class *Semiotic relations*.

provides clues as to the good or bad Outcome of the Future_phenomenon. Another manifestation of semiotic relations is represented by *Linguistic_meaning* (Думата ‘власт’ **назовава** обобщено политическите органи и тяхното управление ⇒ The word ‘power’ is used to **denote** collectively the political organs and their governance), which defines a relation between a linguistic expression (Form) and its Meaning or, possibly its real-world Referent. The frame is used by *Word_relations* where a specific relation (such as synonymy, antonymy, collocation, etc.) between linguistic Signs (or Sign_1 and Sign_2) is defined.

The frame *Have_as_translation_equivalent* (Думата ‘власт’ се превежда на английски като ‘power’ ⇒ The word ‘власт’ translates into English as ‘power’) conceptualizes the semiotic relation as one of equivalence between two signifiers – a Source_symbol and a Target_symbol – that share the ability to express a particular signified (Content) in a Source_representation system and a Target_representation system respectively.

The frame *Representing* (Знамето на ЕС **символизира** единството ⇒ The EU flag **symbolizes** unity) is concerned with the relation between an Entity and some Phenomenon it represents, evokes or has some association with through its existence and/or defining characteristics.

Additionally, in the *Relating_concepts* frame (Намерените на местопрестъплението отпечатъци го **свързват** с убийството ⇒ His fingerprints found at the crime scene **connect** him to the murder), which inherits from *Cognitive_connection* describes a situation where two concepts (Concept_1 and Concept_2) are related by means of some Evidence (a conceptualisation of the signifier).

A notable feature of these frames as opposed to *Mental states*, *Perceptive states* and *Observed (perceived) states*, is that the Cognizer (involved in any cognitive process or state) is deprofiled as the semiotic relations are permanent and independent of an individual cognizer.

5.2.6. Properties of sets

The *Properties of sets* is a small class of predicates closely related to the class of *Relations between objects and sets*. In contrast, the properties of sets include predicates expressing domination, trends, diversity and other characteristics of the whole set rather than relations between individual members and the set. This is not a semantically coherent class as the properties typical of sets or classes instead of individual entities denote various types of relations belonging to different frame structures with only isolated lexical items representing each frame.

The invariant frame includes an Entity which is restricted semantically to be a Set, a Group or an abstract Entity (generalized object) and a Feature that characterizes the Entity. The Feature is used to describe a common property of the members of the set or a distinctive property that establishes diversity. In general, the properties covered can describe the group's size (*Груната наброява 10 души* ⇒ The group **numbers** 10 people), typical or dominating members (*В групата преобладават младежите* ⇒ The group **is dominated by** youngsters), range of values of the property in question (*Цените варират от 10 до 20 лв.* ⇒ Prices **range** from 10 to 20 leva), etc.

5.2.7. Disposition

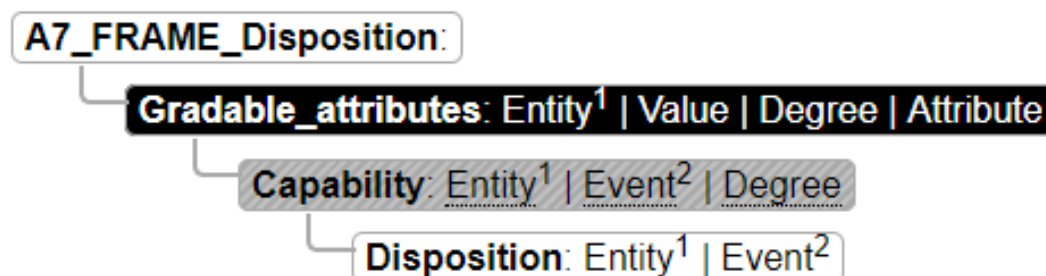

Figure 8. Structure of the thematic class *Disposition*.

The class of *Disposition* covers verbs that express tendency or inclination of entities (in the semantic role of Patient or Theme) to exhibit certain aspect, state, feature, or to take part in an action, e.g. *bend* ‘be able to change shape’ (*The pipe bends*), *cut* ‘allow to be divided with a sharp instrument’ (*The cake cuts nicely into slices*), etc.

However, these verbs are not well represented in WordNet as they most frequently are considered as diatheses of dynamic verbs. Since there were no adequate FrameNet frames to describe the conceptual structure of these verbs, we have designed the invariant general frame *Disposition* as a direct descendant of *Capability*. The frame *Disposition* includes two core FEs – Entity (which exhibits inclination to perform in a certain way) and Event (the event, act or behavior that the Entity is inclined to take

part in). It should be noted that these verbs inherit to a certain degree their conceptual properties from the original frame of the dynamic verb (see Section 5.1.4). This is why it is useful for them to keep the link to that frame and consider the additional semantic restrictions when expressing disposition.

5.3. States

5.3.1. Speech states

Figure 9. Structure of the thematic class *Speech states*.

This class includes speech verbs that have come to denote states. These are predominantly (verbal) communication predicates that are used to express a stative mental attitude, opinion or other cognitive content (e.g. predictions) by means of the corresponding speech act: *criticize*, *renounce*, *reject*, *confirm*, *affirm*, *complain*, *protest*, etc. Thus, *criticize* is reconsidered as ‘have a critical attitude towards (may be optionally, but not necessarily expressed by means of a speech act)’, *complain* – as ‘do not approve (may be optionally, but not necessarily expressed by means of a speech act)’, etc. There are no dedicated frames that describe speech states; rather, the verbs of this class fall under active communication frames that have developed this additional stative meaning. Below we consider the main communication frames that are evoked by such verbs.

As an invariant of this class we posit the most general communication frame *Communication* restricted to conveying stative meaning. The verbs evoking it (*Той споделя опасенията ѝ* ⇒ He **shares** her concerns) define situations in which a Communicator carries an attitude or opinion on a given Topic which can optionally be expressed via a Message using a particular means or medium of communication (Medium).

This frame’s configuration is further elaborated by its descendant *Communication_response* (*С това писмо задочно адресираме всички поставени въпроси* ⇒ With this letter we implicitly **address** all questions raised), where the Message is understood as a response to some earlier state of affairs, the Trigger, and is directed

to a particular Addressee. *Respond_to_proposal* (С това гласуване на практика ЕС **отхвърля** предложението на Русия ⇒ With this vote in fact the EU **rejects** Russia's proposal), which uses *Communication_response*, construes the Message in more narrow terms as prior communication to which the response is given (Proposal) or metonymically as an Interlocutor who has made the proposal and who stands for it.

Communication is also elaborated in the weakly inheriting *Statement* (Правителството принципно **признава** необходимостта от консенсус, но няма да предприеме никакви официални стъпки в тази посока ⇒ In principle, the government **acknowledges** the need for consensus, but will not take any formal steps in this direction), which shares with its parent the same configuration of FEs, with Communicator further specified as the Speaker. A number of frames that inherit or use *Statement* also include statively construed speech verbs that narrow the invariant semantics in different ways. *Affirm_or_deny* has the same FE configuration, but the Message is semantically specified more narrowly as content whose truth is affirmed or denied to some (non-core) Addressee (Той мълчаливо **отхвърля** обвиненията ⇒ He silently **rejects** the allegations). *Complaining* also elaborates on the invariant 4-frame element configuration by narrowing down the semantic scope of: (i) the communicating sentient entity, construed as the one who produces a negative emotional reaction (Complainer), and (ii) the Message, which is specified as Complaint (Те отдавна **оплакват** съдбата си ⇒ They have long since **complained** of their fate). *Predicting* also specializes *Statement*'s configuration by delimiting the Message's content to be a future Eventuality made known by the Speaker (Последните социологически изследвания **прогнозират** загуба на изборите ⇒ Recent sociological studies **prognosticate** an election landslide).

Other frames bring in an evaluative meaning. *Judgment_communication*, which uses *Judgment* and *Statement*, expands on aspects of both frames. It involves a Communicator who expresses judgment of an Evaluee using a gesture or stance of a body part, the Expressor. The motivation, or Reason, for the judgment is also defined as part of the frame, as are also the Topic to which the judgment relates and the Medium through which the judgment is conveyed. The Message FE of the parent frame, and its positive or negative value in particular, is incorporated in the semantics of the relevant verbs (Тя **превъзнася** пластичния си хирург ⇒ She **raves** about her plastic surgeon). *Renunciation* also involves a Speaker (using a Medium) who communicates his or her wish to be no longer associated with the Content, which is implied to be no longer desirable (В последните години организацията **се отрича** от подобни методи ⇒ In recent years the organization **renounces** the use of such methods). The Message in the parent frame is incorporated in the verbs' semantics.

More detailed analysis of the class of speech states can lead to the formulation of new frames with stative meaning within the tree of communication frames, so that to address the specifics of stative speech predicates which combine the semantics of both speech acts (with agentive Speaker) and stative mental attitude, opinion or judgment.

5.3.2. *Intent, will and desire*

The class is represented by several closely-related frames with a clear-cut hierarchical structure; the major FEs in the descendant frames inherit the invariant FEs of a sentient Experiencer and a desired Event or state-of-affairs.

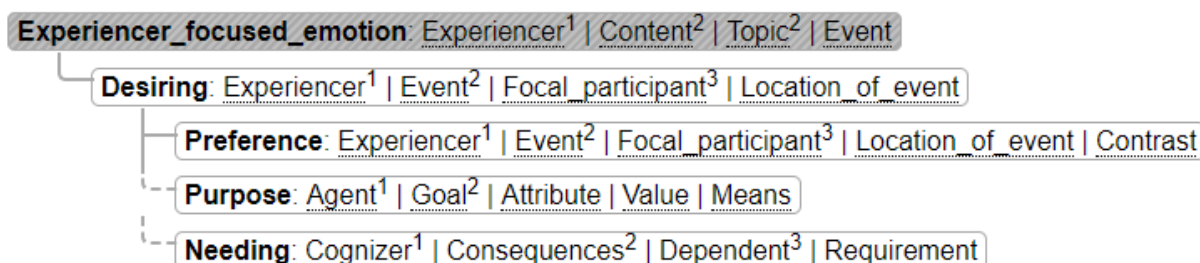

Figure 10. Structure of the thematic class Intent, will and desire.

The invariant frame *Desiring* is inherited by the more specific frame *Preference* and used by *Purpose* and *Needing*. The typological and semantic relatedness between this class and verbs of emotion is attested by the fact that *Desiring* inherits from *Experiencer_focused_emotion*, which is the invariant emotion frame. The frames in the class of *Intent, will and desire* are all characterized by a subject of emotion, construed differently in the particular frames, and an object of emotion defined as a non-realised state-of-affairs that the subject wants to be realized or to which the subject aspires.

The invariant frame *Desiring* models states of affairs in which an Experiencer wants an Event to occur. In such cases the Event itself is not mentioned, but rather some Focal_participant, which is subordinately involved in the Event and which the Experiencer wishes to be affected by the Event (*Много се надяваме и те да дойдат* ⇒ We **hope** so much for them to come too). In addition, the place involved in the desired Event, Location_of_event, is also specified in the frame (*Искаме да си тук в 8 сутринта* ⇒ We **want** you here at 8 o'clock).

As a frame strictly inheriting its parent, *Preference* shares with *Desiring* its FE configuration. Its more elaborated nature is reflected in the fact that it specifies an additional element, Contrast, which describes a state-of-affairs in comparison to which the Experiencer deems the Event more desirable (*На вкус **предпочитам** вино пред бира* ⇒ In terms of taste, I **prefer** wine to beer).

The correspondence between *Desiring* and the other two frames is less strong as the relation holding between them is weak inheritance. The sentient subject in the frame *Purpose* is not just an Experiencer, but a volitional Agent that undertakes to achieve his or her purpose using an object or action that is used or designed to achieve the Goal (Means). The state-of-affairs desired by the subject is construed in two alternative ways – as an action or situation to which the Agent's efforts are directed (Goal) or as an Attribute for which it is the Agent's goal to reach a certain Value

(С тези стъпки **планираме** да увеличим производството $\Rightarrow$ With the following steps we **plan** on increasing production).

The sentient subject in *Needing* is interpreted as a Cogniser that believes that some state of affairs or entity must be present so as to cause some other state of affairs to occur (Dependent). The Dependent corresponds to the desired state of affairs in the other frames in this class (and thus – to *Desiring*'s and *Preference*'s Event or *Purpose*'s Goal), but it cannot hold in the absence of the Requirement (**Нуждаят се от още време, за да довършат работата** $\Rightarrow$ They **need** more time to finish the job). The configuration is further expanded with the FE Consequences, i.e. the undesirable state-of-affairs that results if the Requirement is not met.

5.3.3. Modal states

The class of *Modal states* represent a class of verbs modeling the two main types of modality, i.e. possibility and necessity. In general, the invariant frame would describe an Eventuality, a state-of-affairs or event, whose existence depends on a necessary Requirement.

The modality of possibility is modeled by a small number of interrelated frames: *Possibility*, *Capability* and *Likelihood*. *Capability* and *Likelihood* are direct descendants of *Gradable attributes*, and *Capability* also inherits *Possibility* and uses *Likelihood*.

Figure 11. Structure of the class Modal states.

The prototypical frame *Possibility* defines a relation in which a Possible_event has a probability of occurrence if some further Condition pertains (*Ако станеш*

рано, **може**⁷ и да стигнеш навреме $\Rightarrow$ If you get up early enough, you **might** get there on time). Its child frame *Capability* describes a situation where an assessment of an Entity's meeting or falling short of certain preconditions to participate in an Event is made, e.g. the Entity is inherited from the other parent *Gradable_attributes* (Децата им **могат** да четат от тригодишни $\Rightarrow$ Their children **can** read since they were three). The third frame, *Likelihood*, is concerned with evaluating a *Hypothetical_event*'s likelihood of occurrence (**Може** да успеят да се върнат навреме $\Rightarrow$ They **may** be able to come back on time). The way the Event is modeled, i.e. as possible, real or hypothetical, bears relevance to the distinct modality couched by the three frames.

The other major branch of modal states that deals with necessity and obligation stems from the non-lexical *Requirement_scenario*, a situation where a state of affairs (Dependent) cannot occur without another state of affairs (the Requirement) also occurring, or depends on the presence of a *Required_entity*. The scenario is perspectivized in *Being_necessary* (evoked by predicative adjectives such as *необходим, нужен, изискван* $\Rightarrow$ necessary, needed, required, etc., which inherits the same FE configuration but, unlike the *Requirement_scenario* – where the degree to which the Dependent depends on the presence of the Requirement may vary – specifies the Requirement as a prerequisite for the Dependent's obtaining or occurring.

Being_necessary is used by *Required_event*, whose single core element *Required_situation* denotes a state of affairs that prevents some *Negative_consequences* or serves to achieve a *Purpose* (Книгата **трябва** да е по-кратка $\Rightarrow$ The book **needs** to be shorter). *Required_event* is inherited by the non-lexical *Obligation_scenario*; the latter is defined as a relation between a *Responsible_party* and a *Duty* (a conceptualisation of the *Required_situation*) the party needs to perform. This frame itself is respectively used and perspectivized by *Being_obligatory* and *Compliance*. The former inherits *Obligation_scenario*'s FE configuration. *Compliance* represents a more complex elaboration of the parent frame; it is concerned with *Acts or State_of_affairs* for which a *Protagonist* is responsible and which meet or violate some *Norm*. Thus, the *Protagonist* and by extension – his or her actions – correspond to the *Responsible_party*. The parent's FE *Duty* is construed as the child's element *Norm*, i.e. the rules or standards that ought to guide a person's behavior (*Всички ние спазваме закона* $\Rightarrow$ We all **comply with** the law).

Required_event is also used by two other frames *Deserving* and *Desirable_event*, which may also be viewed as couching aspects of modality. The first reconceptualizes the parent's semantic content as a situation in which an existing *State_of_affairs* represents a sufficient reason for taking some *Action* (*Работата*

⁷ Here we analyze the semantic and, to some extent, the syntactic selective properties of modal verbs and other verbs with modal meaning; we do not consider their role as part of the sentence.

им **заслужава** похвала $\Rightarrow$ Their work **deserves** praise). *Desirable_event* defines a situation in which a State_of_affairs is evaluated as desirable or required for some purpose (*Разстоянието между двете препятствия **трябва** да е точно 2м $\Rightarrow$ The distance between the two obstacles **should** be exactly 2m).*

5.3.4. Observed (perceived) states

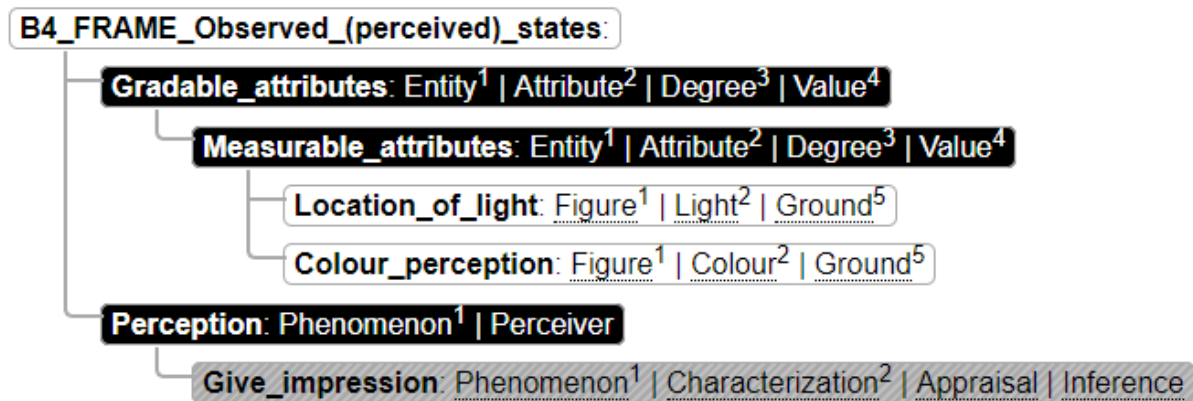

Figure 12. Structure of the thematic class *Observed (perceived) states*.

As the verbs in this class originate from different thematic classes of active verbs, there cannot be a single invariant frame that would encompass all or the majority of them. A suitable candidate for the description of part of these predicates, such as *мириша* $\Rightarrow$ smell, *воня* $\Rightarrow$ reek, *звуча* $\Rightarrow$ sound, *изглеждам* $\Rightarrow$ look is *Give_impression* (*Идеята **звучи** чудесно $\Rightarrow$ The idea **sounds** great*). The frame conceptualizes a state of affairs where some Phenomenon and its perceptual characteristics are described; the description itself may be a Characterization of the Phenomenon's perceptual properties, a positive or negative judgment (Appraisal) or an Inference about a non-perceptual property based on perception. While this frame inherits *Perception*, it profiles the perceived Phenomenon, whereas the Perceiver is backgrounded as a non-core element denoting the sentient being which makes the Characterization, Appraisal or Inference.

The frame *Location_of_light* inherits its properties from *Measurable_attributes* and uses *Perception*. It describes situations where a perceptible Figure (a specialization of the parent frame's Entity) shows up against a Ground due to Light shining on or from it. The *Measurable_attributes*' FE Attribute is incorporated in the respective verbs' semantics (*Мокрият път **лъщеше** на лунната светлина $\Rightarrow$ The wet road **glistened** in the moonlight*).

A productive portion of verbs denoting perceived states related to color and possibly to other sensory modalities are not found in English and hence are not described in FrameNet. To account for them, we posit a frame *Colour_perception* defined along similar lines as *Location_of_light*: inheriting from *Measurable_*

attributes and using *Perception*, with two major core elements: a Figure (the entity whose state is perceived) and a Ground against which the Figure stands out, with the FE Color incorporated in the verb semantics (*Къщата се белеше в далечината* ⇒ The house was **standing out white** in the distance).

5.3.5. *Physical and physiological states*

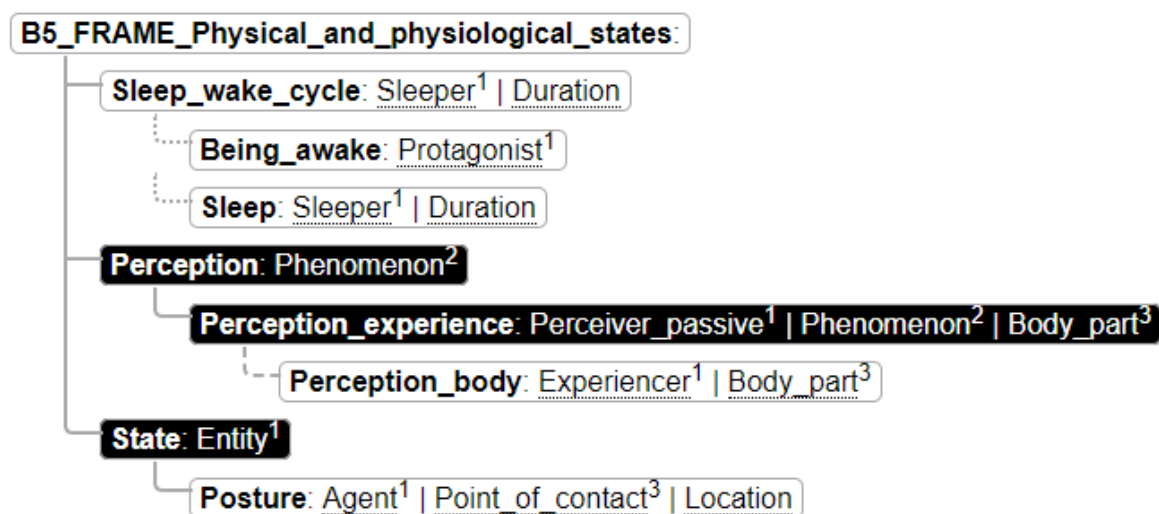

Figure 13. Structure of the class *Physical and physiological states*.

The thematic class of *Physical and physiological states* is similar to the class of *Observed (perceived) states*, but their existence does not depend on the presence of a Perceiver (Spencer, Zaretskaya 2003:17). The invariant frame includes an Experiencer (a sentient entity who is in the physical or physiological state), a State (describing the conditions that cause the Experiencer's experience, sometimes incorporated in the frame or verb semantics) and often a Body_part (the location or body organ where the physiological state occurs or is experienced by the Experiencer).

The class includes several groups of predicates denoting physiological states (such as sleep or being awake), physical / bodily perceptions and physiological effects of external or internal states or processes, respectively.

The first group includes the frames *Sleep* and *Being_aware*, subframes of the *Sleep_wake_cycle*. Their FE configurations are characterized by a single core FE, the Protagonist (or Sleeper in the *Sleep* frame), while the state the Protagonist is in, is incorporated in the verbs (*Деца бодърстваха цяла нощ* ⇒ The children **stayed awake** the whole night).

The most prototypical part of this class are predicates for expressing physical perceptions. These verbs represent a small coherent group described by the frame *Perception_body*. Beside the Experiencer who has a passive (non-volitional) role inherited by the Perceiver_passive in its parent *Perception_experience*, the frame

also specifies a *Body_part*, in which the bodily process or sensation is localized (*Краката ме болят от ходене* ⇒ My feet **ache** from all the walking)⁸.

As pointed out by Spencer and Zaretskaya (2003), the stative meaning of some physical or physiological predicates is derived from dynamic verbs (e.g. *Ръцете му треперят от старост* ⇒ His hands **tremble** from the old age). Many such verbs represent a stative interpretation of the frame *Body_movement*, which describes motions or actions an Agent performs using some part of his or her body. The stative construal is associated with a sustained, repetitive or continuous involuntary performance of the motion or action as in the example above.

Verbs denoting body postures are not included in Paducheva's classification of states on the assumption that such predicates require a constant input of energy and must therefore be classified as dynamic verbs (Bulygina 1982; Paducheva 1996). Even so, as they denote sustained, unchangeable postures or bodily configurations, we consider them as stative verbs, following Van Valin and LaPolla (1997), among many others. The relevant frame, *Posture*, a direct descendant of *State*, defines a state of affairs in which an Agent supports their body in a particular Location, usually relying on a part of the body, *Point_of_contact*, to provide support to the body (*Тя седеше на колене до прозореца* ⇒ She **was sitting** on her knees beside the window).

5.3.6. Emotional states, relations and internal experiences

The class of *Emotional states, relations and internal experiences* is largely covered by frames stemming from the non-lexical frame *Emotions*, a direct descendant of *State*. It defines a state of affairs such that an Experiencer has a particular emotional State, which may be described in terms of a specific Stimulus that provokes it, or a Topic which categorizes the kind of Stimulus. A particular Event (with participants who are Experiencers of the emotion) or an Expressor (a body-part of gesture indicating the Experiencer's state) may metonymically stand for the Experiencer. The frame is perspectivized, used or inherited by a number of other frames that form the tree of the class and that, for the most part, inherit its FEs. Additionally, Paducheva (1996) divides the class into two major subclasses – temporary emotional states (e.g., *worry, fear, enjoy*) and emotional relations or permanent states (e.g., *love, hate, envy, admire*), a distinction that is not strictly represented in FrameNet.

The most prototypical stative emotion frame is *Experiencer_focused_emotion*, which perspectivizes *Emotions*. While it inherits from *Emotions* most of its FEs, the frame particularly models the reaction of the Experiencer (his or her emotional state) with respect to some Content. The predicates evoking it are the so-called Experiencer-subject emotion predicates that form the core of the class (*Тя обича*

⁸ We leave aside the question of the argument structure asymmetries between these verbs in English and Bulgarian.

децата си повече от всичко $\Rightarrow$ She **loves** her children more than anything). *Emotion_directed*, which uses *Emotions*, describes the feeling or experience of an Experiencer of a particular emotional response to a Stimulus or about a Topic, which may have a particular Reason. The English lexical units that evoke this frame are primarily adjectives and nouns, Bulgarian has a host of stative (and inchoative) Experiencer-subject verbs that are best described by it (*Той се ядосва на децата си* $\Rightarrow$ He **is angry** with his children). *Emotion_heat* deals with an Experiencer experiencing an intensive Emotion associated with a specified Seat_of_emotion within the Experiencer (*Дълбоко в себе си момичето кипеше от гняв* $\Rightarrow$ Deep inside the girl **was boiling** with anger).

A couple of frames blend emotions with other psychological or cognitive aspects. *Worry* conceptualizes a situation in which an Experiencer continually thinks about some Topic whose consequences are important to him or her (*Учениците се притесняват за предстоящите изпити* $\Rightarrow$ The students **are worried** about the forthcoming exams). The frame differs from the mental state frame *Cogitation* in that it emphasizes the emotional consequence. *Contrition* describes an Experiencer's regret about an Action, or a failure to act, which he or she judges as wrong (*Още съжаляваме за думите си* $\Rightarrow$ We still **regret** our words).

Unlike the verbs evoking the remaining frames, the ones described by *Feeling* do not incorporate in their meaning the emotion of the Experiencer, but rather specify that he or she experiences an Emotion or an Emotional_state (which may be subject to some Evaluation). Thus the Emotion is often expressed by an adjective or noun of the same root as the verbs evoking the *Experiencer_focused_emotion* (*Тя изпитваше, изживяваше непозната за нея обич* $\Rightarrow$ She **felt**, she **experienced** a love unknown to her).

Several frames inherit from *Emotions* through *Emotions_by_stimulus*. The latter frame inherits its parent's FE configuration, but profiles particularly the *Stimulus* or *Topic* that bring about the emotion (*Девето се радваше, че родителите му ще го водят на кино* $\Rightarrow$ The child **was glad** that his parents were taking him to the cinema). This conceptualisation is further narrowed down to the Stimulus in other frames such as *Emotion_of_mental_activity* (*Тя се наслаждаваше на топлото слънце* $\Rightarrow$ She **delighted** in the sun's warmth).

Stimulate_emotion, which also uses *Emotions*, represents a different perspective on emotion states, i.e. the influence of the Stimulus on the Experiencer (*Вулканът удиви децата* $\Rightarrow$ The volcano **astonished** the children) As the invariant situation of this frame involves the provoking of an Emotion, it has not a stative, but rather a causative meaning and is therefore not considered in the class of stative emotions.

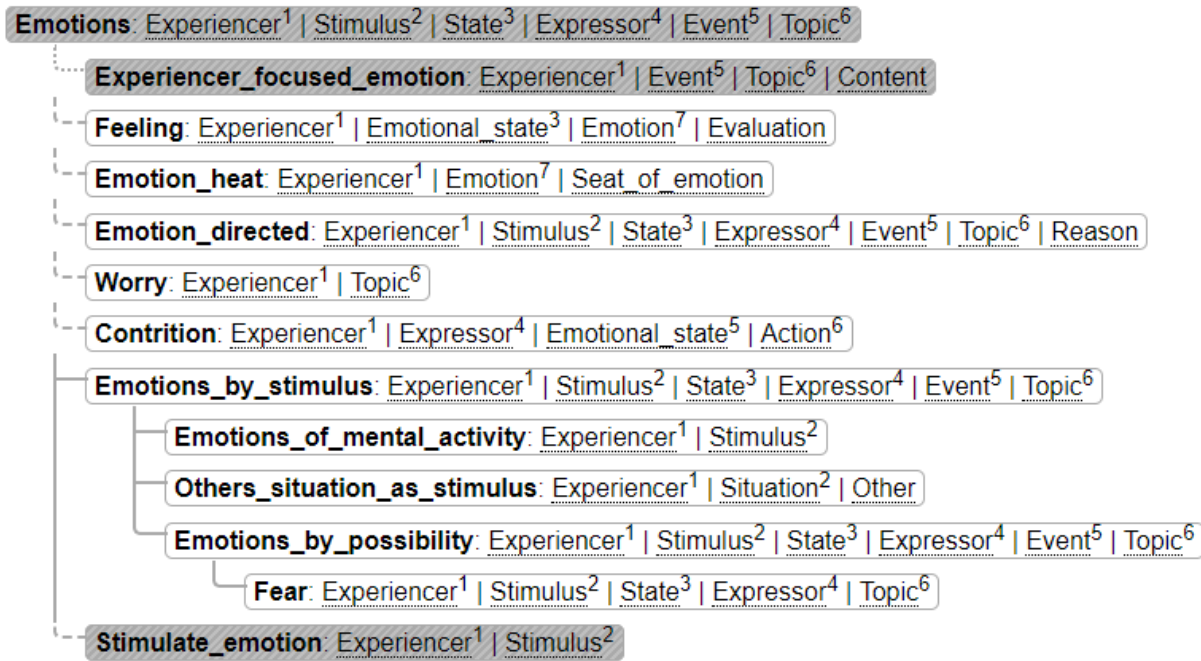

Figure 14. Structure of the thematic class *Emotional states, relations and internal experiences*.

5.3.7. Mental states

Part of the class of *Mental states* forms an altogether coherent hierarchy, while the second part is represented by a number of outliers, whose meaning nonetheless aligns well with the semantics of the class. The invariant frame is the non-lexical *Mental_activity*. It describes a situation where a Sentient_entity's mind is focussed on a particular situation or state of affairs (Content) or a particular Topic. A body part (Expressor) may reveal the Sentient_entity's mental state to the observer.

Awareness conceptualizes the general idea of a mental state by describing a situation where a Cognizer has a piece of Content in their model of the world (*Вярвам, че всичко ще бъде наред* ⇒ I **believe** that everything will be alright). The frame inherits *Mental_activity* and basically shares the FE configuration of its parent (to the exception that the Sentient_entity is construed more specifically as a Cognizer). The frame is further elaborated in a number of frames.

Grasp models a situation where the Cognizer is viewed as able to predict the behavior or occurrence of an idea or object, the Phenomenon (a specialization of Content), based on his or her knowledge about the Phenomenon's nature. The Cognizer may be alternatively expressed by a Faculty, i.e. a metonymic cognitive-emotional seat of ability, such as the heart or the mind, conceived of as having understanding (*Той отлично проумяваше сложните отношения в семейството си* ⇒ He fully **grasped** the complex relationships in his family). *Expectation* deals with a Gognizer who believes that a Phenomenon will take place in the future. The configuration also

Figure 15. Structure of the thematic class *Mental states*.

includes a Topic that serves as the focus of the predicted Phenomenon (*Очакваме покачване на цените* ⇒ We **expect** a price increase).

Several other frames use *Awareness*. All of them realize the two central FEs, the Cognizer (specialized as a Believer in *Religious_belief*) and the Content, which may be further narrowed down to Mental_content, as in *Remembering_information* (*Той си спомняше разказа ѝ* ⇒ He **remembered** the story she told him) or reconsidered as either Content or Element (*Тя вярва във висша сила* ⇒ She **believes** in a higher power), where the latter may have a certain Role (*Тя вярва в Христос нашия спасител* ⇒ She believes in Jesus **as our savior**; frame *Religious_belief*).

While it shares *Awareness*' FE configuration, *Certainty* describes a more specific situation referring to the Cognizer's confidence about the correctness of beliefs or expectations (*Той се съмняваше в собствените си чувства* ⇒ He **doubted** his own feelings). Its descendant *Trust* specifies a Cognizer's opinion that a piece of Information provided by an Information_source is correct. The salient participant is the Information, while its Content and Topic are backgrounded to non-core status (*Те вече не вярваха на информатора си* ⇒ They **didn't trust** their source anymore). *Reliance_on_expectation*, which weakly inherits *Certainty*, features a Cognizer and Expectation, the latter being a reliable fact, such that the Cognizer can base his or her plans on it (*Разчитах да ме повишат* ⇒ I **relied on** being promoted).

Another small branch of frames that weakly inherits *Mental_activity* is represented by *Cogitation* and its descendants. *Cogitation*'s configuration narrows down that of its parent so that it specifies a Cognizer and a Topic the Cognizer thinks about (*Той обмисля да замине за чужбина* ⇒ He **contemplates** about going abroad). Its descendant *Assessing* deals with a specific kind of Cognizer (Assessor) that evaluates a Phenomenon (a concrete Content) so as to establish its Value according to some Feature (*Той претегли всички доводи* ⇒ He **weighed** all pros and cons).

Cogitation is used by *Remembering_experience* (*Той помни всичко* ⇒ He **remembers** everything). The frame describes a situation in which a Cognizer recalls an episodic memory of past Experience or an Impression of a Salient_entity (a property attributed to this entity) based on past experience or a particular State of the Salient_entity (a property or role of this entity that frames the Cognizer's memories of it). The cognitive Content of the parent frames is construed as either a piece of Experience, or an Impression, or a State associated with the Salient_entity.

Another frame that uses *Mental_activity*, *Differentiation* (*Смята се, че котките различават 6 цвята* ⇒ Supposedly, cats **distinguish** 6 colors), denotes a situation in which a Cognizer is or is not aware of the difference between two Phenomena, Phenomenon_1 and Phenomenon_2 (an elaboration of Content), that may be expressed collectively.

Categorization (*Той смята постъпката си за грешка* ⇒ He **regards** his action as a mistake), which uses the frame *Mental_activity*, models a situation where a Cognizer construes an Item as belonging to a certain Category according to certain set of attributes (Criteria). In this class we include categorization predicates describing the mental state of the Cognizer as opposed to categorization predicates in the thematic class of *Relations between objects* which deprofile the Cognizer and describe objective inclusion of an object in a certain category (see Section 5.2.4).

Several frames do not form part of this hierarchy. *Attention* and *Judgment*, and the latter's descendant *Regard*, respectively, inherit from their parent, *State*. *Attention* (*По време на работа тя игнорира всичко странично* ⇒ While working, she **ignores** anything else) describes a Perceiver's readiness to process mentally a state of affairs represented as the presence/absence of a Figure within a Ground. The Perceiver thus corresponds to the parent's Entity and the perception of the Figure

corresponds to the parent's element State. *Judgment* (Тя **цени** усилията на мъжа си ⇒ She **values** her husband's efforts) describes a situation where a Cognizer makes a positive or a negative judgment about an Evaluee which may be conveyed by (an action by) a body part. A specific Reason for the judgment may also be specified. The frame only loosely inherits its parent frames (*Emotions* > *State*) and elaborates on the emotional-cognitive state defined by *Emotions* by profiling the entity that is the subject of assessment (the Evaluee). *Regard* (Моят шеф **цени** работниците си ⇒ My boss **appreciates** his workers) describes a situation where a Cognizer assesses an Evaluee by making a Judgment, expressing how high or low his or her regard for the Evaluee is. It thus elaborates on *Judgment*'s configuration by stating the Evaluee's position on a scale of approval.

Opinion (Смятам, че той е отличен шофьор ⇒ I **think** he is an excellent driver) describes a Cognizer who has a particular mental stance or way of thinking (*Opinion*), which is not necessarily generally accepted, and which is generally dependent on the Cognizer's point of view. The frame thus aligns very well with the hierarchy of *Mental_activity* and may be related to its frame family⁹. Its descendant *Be_in_agreement_on_assessment* deals with a situation where Cognizers (possibly expressed separately as Cognizer_1 and Cognizer_2) hold (dis)similar *Opinion*(s). The *Opinion* may alternate with two other FEs: (i) a phenomenon about which a similar or differing *Opinion* is held (the Topic) or (ii) a Question to which the *Opinion* is the answer (or is understood as such) may be specified instead.

Waver_between_options (Той често се колебае по кой път да тръгне ⇒ He **was** often **doubting** which way to go) describes a situation of a Cognizer's having to make a choice or considering the available choices (*Options*) on some Issue, keeping changing their mind between Option_1 and Option_2. Therefore, although weakly inheriting from the active frame *Choosing*, its configuration shows its membership in the domain of mental states: the *Options* considered by the Cognizer represent some cognitive Content, while the Issue corresponds to the Topic of this mental content.

5.3.8. Perceptive states

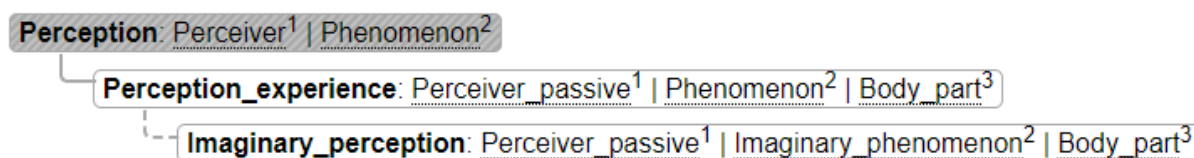

Figure 16. Structure of the thematic class *Perceptive states*.

⁹ It is in fact related to *Awareness* by means of the unspecified relation *See_also*, but the definition of a more clear-cut relationship may be considered.

While not a big group, the class of *Perceptive states* (or inert states as in Paducheva (2004: 204), following G. Leech) represents one of the most prototypical in the domain of stative predicates. It encompasses verbs whose Perceivers have perceptual experiences that they do not necessarily intend to as they do not actively direct their senses towards the stimulus to acquire the perceptions: *detect, experience, feel, hear, overhear, perceive, see, sense, smell, taste, witness*. The corresponding verbs of the same sensory modality whose Perceivers make a conscious, active effort to direct their attention to the object or phenomenon perceived are categorized as active perception verbs (e.g. Leech 2004: 23) across various classifications. Such verbs evoke the frame *Perception_active* in FrameNet. *Perceptive states* represent a very coherent class whose invariant is the frame *Perception_experience*. Its configuration of FEs includes the sentient entity that has the perceptual experience (Perceiver_passive), the entity or phenomenon that the Perceiver experiences with his or her senses (Phenomenon) and the location on the Perceiver_passive's body where the perceptual experience takes place (Body_part). The latter is usually left unexpressed with many of the verbs as it is implied by the sensory modality encoded in the verb.

In addition, Paducheva (2004) refers to this class another distinct group of verbs typical for Russian and Bulgarian, the so-called predicates of *Imaginary perception*. These verbs share with verbs denoting perceptive states the presence of a passive perceiver and a perceived phenomenon. The main difference between the two subclasses is the presence and respectively, the absence, of an actual phenomenon (or perceptual stimulus) to be spontaneously perceived, as “the image forms independently of an external stimulus” (Paducheva 2004: 200). These verbs (*причувам* *ми се* ⇒ I seem to hear, *привижда ми се* ⇒ I seem to see, etc.) have been studied in Bulgarian as well. Drawing on earlier work by Nitsolova (1992/1993), Dzhonova (2008) defines a subclass of predicates that express some unreal sensory perception. To the exception of *въобразявам си* ⇒ imagine, *предвкушвам* ⇒ anticipate, the Perceiver is typically expressed as a dative pronoun.

This shift in focus constitutes an important difference from the verbs evoking the *Perception_experience* frame. A new, *Imaginary_perception* frame has been defined in which an *Imaginary_phenomenon* comes into the awareness of a *Perceiver_passive*. As the frame changes the focus of the described situation but is closely related to *Perception_experience*, it is related to it by means of the relation *Uses*.

5.3.9. *Predicates of existence and presence*

The *Predicates of existence and presence* encompass verbs that denote the physical existence, location or presence of an Entity. The similarity between the two subclasses is pointed out by Paducheva (Paducheva 2004: 425–440), who acknowledges that presence or location presupposes existence.

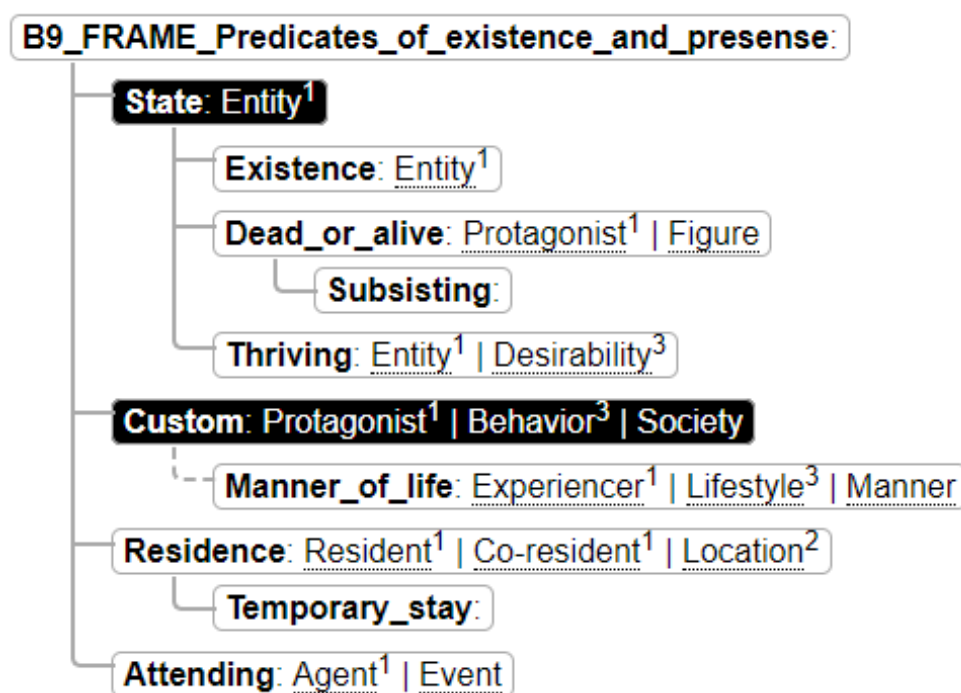

Figure 17. Structure of the thematic class *Predicates of existence and presence*.

Part of the frames form a coherent subtree descending directly from *State*. The invariant frame *Existence* describes an Entity that is declared to exist, generally irrespective of its position being specified (*Законите съществуват, за да се спазват* $\Rightarrow$ Laws **exist** to be obeyed). The frame is used in *Being_located*, that is, in one of the main representatives of the class of *Spatial_relations*. *Dead_or_alive*, which also inherits directly *State*, describes a sentient entity, the Protagonist, who is in the state of being alive or has exited this state (*Живеем в странни времена* $\Rightarrow$ We **live** in strange times). Its inheriting frame *Subsisting* deals with a sentient Entity that survives some situation. It expands the configuration of the parent's frame by specifying a resource (Support) that the Entity relies on to survive (*Двамата от години преживяваха с оскъдни средства* $\Rightarrow$ For years, the two of them **have subsisted** on meager funds). The frame *Thriving* presents a temporary state of an Entity associated with its participation in a preponderance of states and events which are desirable for it (*Подобни практики процъфтяваха при предишното правителство* $\Rightarrow$ Such practices **thrived** under the previous government).

Although an outlier in the frame hierarchy, *Manner_of_life* (*Те живеят охолно* $\Rightarrow$ They **live** in abundance) represents a given state of existence, in particular, a situation involving an Experienter who actualises a pattern of behavior (Lifestyle), possibly characterized by a Manner.

Another aspect of this class is represented by predicates denoting someone's presence at a location, thus evoking the frame *Attending* (*Деца посещават*

училище от 7-годишна възраст $\Rightarrow$ Children **attend** school from the age of 7 years). The frame inherits from a dynamic state of affairs (*Intentionally_act*), which reflects the fact that it involves a sentient entity (Agent) who goes to an Event (in order to be present there), but as the example show, may also be construed as a custom or habit-like state or behavior relating to the sentient entity's presence at the Event. Such cases are treated as stative construals of the existing frame.

Yet another dimension of the class is represented by the frame *Residence* (*Те живеят извън града* $\Rightarrow$ They **live** outside the city) and its descendant *Temporary_stay* (*Учениците квартируват в хотел извън града* $\Rightarrow$ The students **are lodging** in a hotel outside the city). *Residence* has to do with people (Residents) who reside in a Location, possibly with a Co-resident. *Temporary_stay* describes a more specific situation where a Guest stays for a Duration at a Location, which is not his or her permanent residence and is often the permanent residence of a Host. The frame elaborates on its parent's FE configuration by specifying the Resident as a Guest and the Co-resident as a Host, as well as by introducing the duration of the stay.

5.4. Behaviors and Occupations

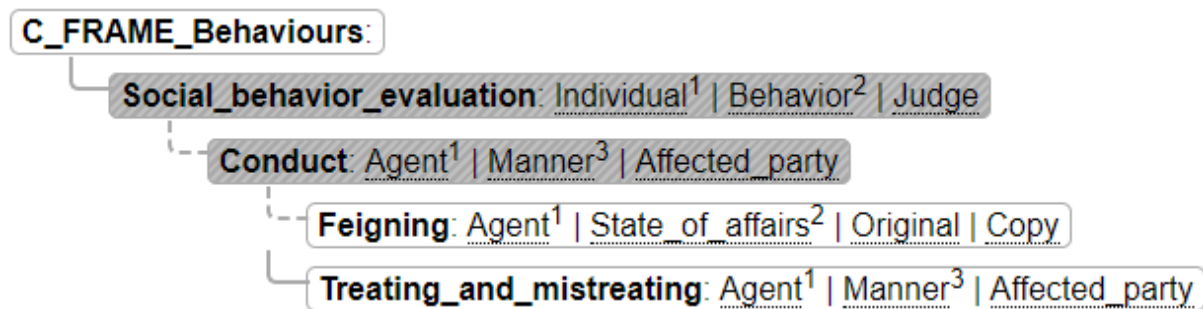

Figure 18. Structure of a fragment of the verbs entering the class of *Behaviors*.

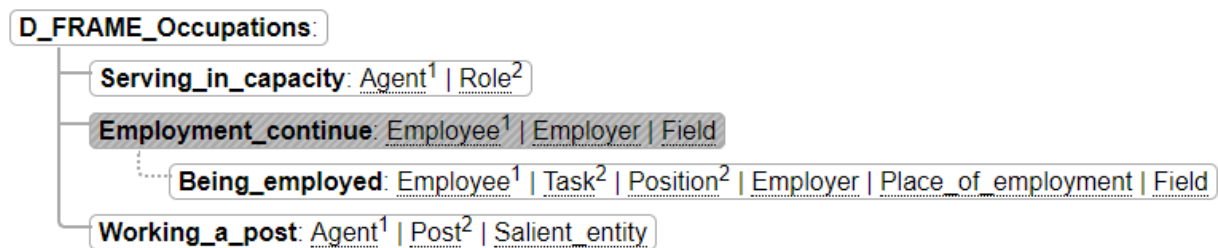

Figure 19. Structure of the thematic class *Occupations*.

The classes of *Occupations* and *Behaviors* are stative verbs that fall outside the scope of the two main classes of properties and relations and states. They have been defined as generalized states by Vendler (1957, 1967), who primarily discusses activity verbs that either by virtue of their semantics or by virtue of a kind of

reconceptualization denote or come to denote activities characteristic of a particular subject over a very long period of time. The former is exemplified by cases like the following one: *She is smoking outside* (activity) vs. *She smokes 3 packs of cigarettes a day* (generalized state). On the other hand, there are some verbs that describe activities that inherently take place over a prolonged period of time, e.g. *rule*, *govern*, *predominate*, among others. An important property of such verbs pointed out by both Vendler (1957, 1967) and Paducheva (1996) is the fact that they hold over a very long interval of time, without being true at each moment of this interval, e.g. smoking 3 packs a day does not involve smoking at every second of the day, nor ruling implies taking managerial decisions all the time.

The differentiation between the two classes described by Paducheva (1996) is based on the presence of a sentient entity distinct from the subject of the activity who expresses a (negative) judgment (*Behaviors*) and the lack of such assessor (*Occupations*).

The *Occupations* encompass various activities that a person pursues as a vocation, for sports, fun or as a pastime: *воювам* $\Rightarrow$ *war*, *преподавам* $\Rightarrow$ *teach*, *пътуешествам* $\Rightarrow$ *voyage*, among others. A distinct candidate frame that describes the semantics of professional occupations is *Being_employed*. By virtue of its definition it presupposes a prolonged period over which an Employee is employed in a Position, doing work in a particular Field or on a particular Task, for which the Employer gives him or her Compensation. The frame is evoked by verbs such as *работя* $\Rightarrow$ *work*, *сервитьорствам* $\Rightarrow$ *wait (tables)*, *чиновничествам* $\Rightarrow$ *clerk*, *дърводелствам* $\Rightarrow$ *carpenter*, *кметувам* $\Rightarrow$ *work as a mayor*, *учителствам* $\Rightarrow$ *teach*, *work as a teacher*. The frame itself is a perspectivization on the non-lexical frame *Employment_continue*, which describes a stable employment relationship between an Employer and an Employee. Two other frames also cover occupations, *Serving_in_capacity* where the focus is on the Agent fulfilling a Role and *Working_a_post* which involves a Post that the Agent fills. Verbs remaining outside these frames, such as *воювам*, *пътуешествам* represent counterparts of dynamic verbs belonging to different frames and are associated with the conceptual descriptions characteristic of the relevant frames; the best treatment of such verbs at this stage of the analysis is to be viewed as aspectual construals of the respective active verbs.

Many of the verbs that fall in the class of *Behaviors* are verbs whose habitual interpretation is their inherent meaning. They would thus be evoking various frames based on their particular semantics: *кльокарствам* $\Rightarrow$ *gossip* evokes the frame *Chatting* (*Нищо не ѝ казвай, много кльокарства* $\Rightarrow$ *Don't tell her anything, she's quite the gossip girl*), *преструвам се* $\Rightarrow$ *pretend*, *симулирам* $\Rightarrow$ *simulate* evoke *Feigning*, *имитирам* $\Rightarrow$ *imitate*, *копирам* $\Rightarrow$ *copy* evoke *Imitating*, and so forth.

6. Conclusions and Future Work

The analysis of frames and relations between them outlines the internal organization of the semantic classes and subclasses of stative predicates as well as the significant components of the semantic description relevant to the definition of the classes and the frames describing them. In addition to the concrete objectives of this work to present a summary of the conceptual, syntactic and semantic properties of previously formulated thematic classes, a further goal is to improve WordNet-to-FrameNet mappings and coverage of stative verbs by introducing the newly defined frames into FrameNet's structure and designing automatic and semi-automatic procedures for mapping and validation.

Special attention needs to be paid to verbs and WordNet subtrees which have no frames assigned. A venue of ongoing research that we are concerned with is the definition of precise selectional restrictions imposed on the core FEs of particular frames and their implementation as semantic relations between a verb synset and a set of noun synonyms that satisfy these restrictions. In such a way we will enrich WordNet with relations between verbs and nouns corresponding to participants in their conceptual structure, particularly ones realized as arguments and adjuncts.

The work proposed in this paper, as well as the system of conceptual frames covering thematic classes, is to a great extent language independent. Although we have presented examples for English and Bulgarian, our analysis of the data can be extended to other languages especially through the alignment between the resources.

Acknowledgements

This research is carried out as part of the project *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study* funded by the Bulgarian National Science Fund under the Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. KII-06-РУСИЯ 23 from 2020.

References

- Baker et al. 1998: Baker, C. F., C. J. Fillmore, J. B. Lowe. The Berkeley FrameNet Project. – In: *Proceedings of the 17th International Conference on Computational Linguistics (COLING/ACL-98)*. Montreal, pp. 86–90.
- Bulygina 1982: Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. – В: *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 7–85. (Bulygina, T. V. K postroeniyu tipologii predikativ v russkom yazyke. – In: *Semanticheskie tipy predikativ*. Moskva: Nauka, pp. 7–85.)
- Chafe 1970: Chafe, W. L. *Meaning and the Structure of Language*. Chicago: University Press.
- Dowty 1979: Dowty, D. *Word meaning and Montague grammar*. Dordrecht: Reidel.
- Dzhonova 2008: Dzhonova, M. Argumentna struktura na izrecheniyata, sadarzhashti predikat s nepryako dopalnenie eksperimentser ot tipa spi mi se. – In: *Bulgarica – studia et argumenta*.

- Festschrift für Ruselina Nitsolova zum 65. Geburtstag (Specimina philologiae Slavicae; Bd. 151. Bulgarische bibliotek № 13.* München: Otto Sagner, pp. 231–240.
- Fellbaum 1998: Fellbaum, C. (Ed.) *WordNet: An Electronic Lexical Database*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Fillmore 1982: Fillmore, C. J. Frame Semantics. – In: The Linguistic Society of Korea (eds.) *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin, pp. 111 – 137.
- Goldberg 1994: Goldberg, A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. University of Chicago Press.
- Koeva 2006: Коева, С. БулНет (лексикално-семантична мрежа на българския език) – част от световната лексикално-семантична мрежа. – В: *Български език*, № 4, с. 19–32. (Koeva, S. BulNet (leksikalno-semantichna mrezha na balgarskiya ezik) – chast ot svetovната leksikalno-semantichna mrezha. – *Balgarski ezik*, 4, pp. 19–32.)
- Koeva 2010: Коева, С. *Българският ФреймНет 2010*. София. (Koeva, S. *Balgarskiyat FrameNet 2010*. Sofia.)
- Leseva, Stoyanova 2019: Leseva, S., I. Stoyanova. Enhancing Conceptual Description through Resource Linking and Exploration of Semantic Relations. – In: *Proceedings of the 10th Global WordNet Conference*. Oficyna Wydawnicza Politechniki Wrocławskiej, pp. 280–289.
- Leseva, Stoyanova 2020a: Leseva, S., I. Stoyanova. Beyond Lexical and Semantic Resources: Linking WordNet with FrameNet and Enhancing Synsets with Conceptual Frames. – In: Koeva, S. (Ed.) *Towards a Semantic Network Enriched with a Variety of Semantic Relations*. Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences, pp. 21–48.
- Leseva, Stoyanova 2020b: Leseva, S., I. Stoyanova. Towards Conceptual Description of Verbs. – In: *Cybernetics and Information Technologies*, volume 20 (4), pp. 108–124.
- Leseva et al. 2021a: Лесева, Св., Хр. Кукова, Св. Стоянова. Предикатите за състояние в съвременните лингвистични теории (I). – В: *Български език*, № 3, с. 120–134. (Leseva, Sv., Hr. Kukova, Iv. Stoyanova. Predikatite za sastoyanie v savremennite lingvistichni teorii (I). – In: *Balgarski ezik*, № 3, pp. 120–134.)
- Leseva et al. 2021b: Лесева, Св., Хр. Кукова, Св. Стоянова. Предикатите за състояние в съвременните лингвистични теории (II). – В: *Български език*, № 4, с. 135–152. (Leseva, Sv., Hr. Kukova, Iv. Stoyanova. Predikatite za sastoyanie v savremennite lingvistichni teorii (II). – In: *Balgarski ezik*, № 4, pp. 135–152.)
- Levin 1993: Levin, B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. University of Chicago Press.
- Litkowski 2012: Litkowski, K. *The FrameNet Frame Element Taxonomy*. Technical Report 12–03. Damascus, MD. <<http://www.clres.com/online-papers/FETaxonomy.pdf>> [15.08.2022]
- Longacre 1976: Longacre, R. E. *An Anatomy of Speech Notions*. Peter de Ridder Press.
- McConville, Dzikovska 2008: McConville, M., O. Dzikovska. Using inheritance and coreness sets to improve a verb lexicon harvested from FrameNet. – In: *Proceedings of the Linguistic Annotation Workshop*, pp. 33–40.
- Matsubayashi et al. 2009: Matsubayashi, Y., N. Okazaki, J. Tsujii. A Comparative Study on Generalization of Semantic Roles in FrameNet. – In: *Proceedings of the 47th Annual Meeting of the ACL*. Suntec, Singapore, pp. 19–27.

- Miller et al. 1991: Miller, G. A., R. Beckwith, C. Fellbaum, D. Gross, K. Miller. Introduction to WordNet: An On-line Lexical Database. – In: *International Journal of Lexicography*, No. 3(4), pp. 235–244. Revised: 1993. <<https://wordnetcode.princeton.edu/5papers.pdf>> [15.08.2022]
- Miller 1997: Miller, G. WordNet: A Lexical Database for English. – In: *Communications of the ACM*, No. 38 (11), pp. 39–41.
- Miller, Fellbaum 2007: Miller, G. A., C. Fellbaum. WordNet Then and Now. – In: *Language Resources and Evaluation*, vol. 41, No. 2, pp. 209 – 214.
- Nitsolova 1992/1993: Ницолова, Р. Към прагматиката на изказванията с глагол за слухово възприятие. – В: *Съпоставително езикознание*, 1992/1993, с. 134–142. (Nitsolova, R. Kam pragmatikata na izkazvaniyata s glagol za sluhovo vazpriyatie. – In: *Sapostavitelno ezikoznanie*, 1992/1993, pp. 134–142.)
- Paducheva 1996: Падучева, Е. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры. (Paducheva, E. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moskva: Yazyki russkoy kulytury.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянских культур. (Paducheva, E. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Yazyki slavyanskih kulytur.)
- Partee 2005: Partee, B. H. Diathesis alternations and NP semantics. – In: Apresjan, J. D., L. L. Iomdin (eds.) *East West Encounter: Second International Conference on Meaning <=> Text Theory*. Moscow: Jazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 361–373.
- Petruck 2015: Petruck, M. R. *The Components of FrameNet*. Tutorial at NAACL 2015. International Computer Science Institute, Berkeley, CA. <<http://naacl.org/naacl-hlt-2015/tutorial-framenet-data/FNComponentsMRLP.pdf>> [15.08.2022]
- Pinker 1989: Pinker, S. *Learnability and Cognition: The Acquisition of Argument Structure*. MIT Press.
- Pustejovsky 1991: Pustejovsky, J. The syntax of event structure. – In: *Cognition*, 41 (1–3), pp. 47–81.
- Ruppenhofer et al. 2016: Ruppenhofer, J., M. Ellsworth, M. R. L. Petruck, C. R. Johnson, C. F. Baker, J. Scheffczyk. *FrameNet II: Extended Theory and Practice* (Revised November 1, 2016). <<https://framenet2.icsi.berkeley.edu/docs/r1.7/book.pdf>> [15.08.2022]
- Spencer, Zaretskaya 2003: Spencer, A., Zaretskaya, M. *Stative predicates in Russian and their nominalizations*. (manuscript)
- Talmy 1972: Talmy, L. *Semantic structures in English and Atsugewi*. Ph.D dissertation, Department of Linguistics, University of California, Berkeley.
- Van Valin, LaPolla 1997: Van Valin, R. D., R. J. LaPolla. *Syntax: Structure, meaning and function*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vendler 1957: Vendler, Z. Verbs and times. – In: *The Philosophical Review*, 66 (2), pp. 143–160.
- Vendler 1967: Vendler, Z. Verbs and Times. – In: *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York, Cornell University Press, pp. 97–121.

Стативните глаголи: концептуална структура, йерархия, системни релации

Светлозара Лесева^a, Ивелина Стоянова^b

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“, Българска академия на науките^{a,b}

zarka@dcl.bas.bg^a, iva@dcl.bas.bg^b

Резюме. Изследването се фокусира върху семантичното и концептуалното описание на стативните глаголи. Анализираме стативните глаголи, представени в Уърднет, заедно със съответстващите им фреймове от Фреймнет след съотнасянето на двата ресурса. Представяме класификация на стативните глаголи в тематични класове, след което очертаваме компонентите на концептуалното описание въз основа на концептуалните фреймове от Фреймнет, отношенията между тях, както и ядрените фреймови елементи. Изследването е опит за извеждане на йерархичната структура от фреймове за всеки тематичен клас, както и на плитка йерархия на фреймовите елементи с оглед на тяхната специализация от по-общата рамка в по-специфичните рамки, свързани чрез релации на наследяване (Inheritance), слабо наследяване (Uses) и перспективизация (Perspective).

Ключови думи: *концептуално описание, концептуална йерархия, Фреймнет, Уърднет*

Svetlozara Leseva
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
zarka@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0001-8198-4555>

Ivelina Stoyanova
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
iva@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0003-3771-435X>

ЧАСТ II

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА НА ПРЕДИКАЦИЯТА ЗА СЪСТОЯНИЕ В БЪЛГАРСКИ И РУСКИ

THE SYSTEM OF DIATHESES IN BULGARIAN AND THE STATIVE PREDICATES

Svetla Koeva

Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin,
Bulgarian Academy of Sciences

svetla@dcl.bas.bg

Abstract: The investigation is intended to provide a clear distinction between the category of grammatical voice in Bulgarian (grammatical diatheses) and lexical diatheses by analyzing grammatical facts and by applying semantic criteria. The category of (grammatical) voice is used to describe a wide range of phenomena. Only the lexical diatheses are presented in more detail: *se* passives, impersonal passives, middles, anticausatives, lexical reciprocals, optatives, impersonal optatives, property of “oblique” subject. The semantic and grammatical characteristics (arguments and semantic roles, verb aspect, transitivity, and morphological categories of the verb lemma) of the source and derivative diatheses are studied, compared, and described. A large number of the source diatheses affect imperfective verbs that may express activities or states; in such cases, the alternations may lead to one of the following configurations: activity – activity; activity – state; state – state. We trace the correlation between the diathesis type and the eventuality type in the context of the ontological description of the state predicates proposed in this study.

Key words: *diathesis, stative predicates, passives, middles, anticausatives, reciprocals, optatives*

1. Introduction

The present study of diatheses has two objectives. First, it is intended to provide an overview of the category of **lexical diathesis** in Bulgarian. Second, it seeks to present lexical diatheses in the context of particular types of predicates, specifically the stative predicates.

The **diathesis** of a word is the correspondence between its semantic actants (arguments) and deep syntactic actants (abstract generalizations about the surface syntactic structure, regardless of the specific syntactic realization in a given language (Mel’čuk 2006: 187). The following definition can be interpreted as closely related to the study of I. Mel’čuk and A. Xolodovič (Mel’čuk, Xolodovič 1970): **diathesis** refers to any specific mapping of semantic roles (notions like agent, patient, etc.) onto grammatical roles (notions like subject, object, etc.) (Zúñiga, Kittilä 2019: 10).

* Svetla Koeva. The system of diatheses in Bulgarian and the stative predicates. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 117–160.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.05>

Following the approach of F. Zúñiga, S. Kittilä (Zúñiga, Kittilä 2019: 10) we work with the generalized semantic roles: agent-like, patient-like and theme-like, here simply called **agent**, **patient** and **theme**, supplementing them with the role of **experiencer**. The grammatical roles needed for our analysis are **subject**, **object**, **prepositional object** (the last two are also called complements), and **adjunct**.

Voice is defined as an inflectional category whose grammemes (members) represent modifications of the underlying (source) diathesis of the lexical unit that do not affect its propositional meaning (Mel'čuk 2006: 191). More general is the view that voice defines diatheses as mappings of the roles of the semantic arguments of predicates onto grammatical relations in clauses and that voices are diatheses formally marked on predicates (Zúñiga, Kittilä 2019: 10). In the present work, we transfer the formal description of voice to the alternations that change the proposition (and the meaning of the predicate) and call such phenomena **lexical diatheses**, using the term **diathesis** both for the category and for its members. In other words, we are interested in systemic alternations where there is a change in the meaning of the predicate, which is associated with a change in the number and/or type of the semantic relations between the predicate and the arguments, which in turn leads to a change in the syntactic and morphological structure of the derived predicate¹. Therefore, we make a distinction between **grammatical diathesis** (voice) and **lexical diathesis** (systemic alternations in verb meanings) and can generalize that grammatical diathesis affects sentences (for example, periphrastic passive in Bulgarian), while lexical diathesis affects predicates (for example, impersonal passive in Bulgarian).

As stated (Mel'čuk 2006: 195), there are three possibilities for modification of the prototypical basic (grammatical) diathesis – the diathesis with two semantic and two deep syntactic actants (arguments):

By permutation of the deep syntactic actants (arguments) against the corresponding semantic actants (arguments).

By suppressing a deep syntactic actant (argument), so that its syntactic appearance in the sentence is impossible, the corresponding semantic actant (argument) loses its syntactic realization.

By referential identification of semantic actants (arguments) with suppression of one or both deep syntactic actants (arguments).

The strategies that are used in Bulgarian to alter predicates' meaning may arise from:

– changing the semantic relations (roles) of the arguments to the predicate;

¹ It was stated that alternations like active – passive, traditionally classified as voice, are a small subset of the systematic alternations found in human language. However, the lexical representation of argument structure (diathesis) together with the systematic alterations of a verb's source diathesis are seen as an integral part of the grammatical system of a given language (Babby 1998: 1). Consequently, we distinguish between grammatical and lexical diatheses, the first one operating only at the grammatical level, and the second one both at the lexical and grammatical level.

– reduction in the number of arguments, which is reflected both semantically and syntactically (Koeва / Koeva 2022a: 81).

The study provides a clear distinction between the category of grammatical voice in Bulgarian (grammatical diathesis) and lexical diathesis by analyzing grammatical facts and applying semantic criteria. Grammatical voice (grammatical diathesis) is manifested by the alternation of the verb morphology (person, number, aspect, compound structures) and the syntactic status of arguments (their category and grammatical role) in the related sentences, while the semantic roles of arguments remain unchanged. Lexical diathesis is manifested by the same morphological and grammatical means: changes in verb morphology and the syntactic status of arguments; however, the related sentences differ either by the number of (semantic) arguments and/or by the semantic roles of the (semantic) arguments to the predicate.

The hallmark of the study is that we present the diathesis phenomenon in Bulgarian in terms of semantic criteria, such as alternation in (semantic) argument structure and decreasing the number of semantic arguments (Koeва / Koeva 2006; Koeva 2007; Koeва / Koeva 2022a). We supplement this type of semantic analysis by integrating it in the aspectuality domain (in the sense of Zeno Vendler's verb aspectual classes). Last but not least, we pay attention to morphological and syntactic alternations accompanying the semantic shifts².

We trace how lexical diatheses are combined with morphological changes in verbs in Bulgarian and which of the main situation types of predicates are affected by them, identified according to Zeno Vendler's classification (Vendler 1957). A large number of the source diatheses are sentences with imperfective verbs that may express activities or states; in such cases, the alternations may lead to one of the following configurations: activity – activity; activity – state; state – state. Of special interest are the last two configurations, and especially the last one, which has a relatively limited manifestation and has not received particular attention so far. We place the correlation between the diathesis type and eventuality type³ in the context of the ontological description of the state predicates that we propose.

The category of (grammatical) voice is used to describe a wide range of phenomena across languages, such as causatives, applicatives, passives, antipassives, middles, and some others (Mel'čuk 2006; Zúñiga, Kittilä 2019). Only the ones that meet the conditions for lexical diathesis in Bulgarian are presented in the study with more detail: *se* passives, impersonal passives, middles, anticausatives, lexical reciprocals, optatives, impersonal optatives, and property of “oblique” subject.

² This study does not aim to reveal argument linking (or *argument realization*) (Levin, Rappaport Hovav 2005).

³ Further, we use the term eventuality (type) following Emmon Bach (Bach 1981) and Hana Filip (Filip 1999). It is shown that the term is both theoretically and ontologically the most neutral term used in the domain of ‘aspectual phenomena’ in a broad sense (Filip 1999: 15).

2. Stative predicates

In many theories, the distinction of eventualities is based on how a situation relates to its reference time. In particular, Partee (1984) claims that a stative predication includes its reference time, while a dynamic predication is included within its reference time (Michaelis 2011: 1361). In other words, a given state exists at a given moment without any indication as to when the state has begun or when it has ended (if it has ended at all), and the sentence expressing a state presents just a part of the situation – the portion which falls within the limits of the referential time (Michaelis 2011: 1361).

One of the fundamental traits of various classifications of eventuality types is that they depend on semantic features, the relationships between which are not always obvious or formally stated. These characteristics can be linked to general semantics that apply to every member of a specific group, such as verbs that signify existence, perception, experience, etc. (Van Valin, LaPolla 1997: 115).

Other classifications are based on a set of properties and how they are expressed in a particular eventuality type. According to David Dowty, the fundamental distinction between the eventuality types is based on the property **change of state** (Dowry 1979: 185). He offers a classification based on the following temporal properties: momentary and interval predicates; predicates entailing definite or indefinite change, and those entailing no change; definite change of stative predicates and activity predicates or indefinite change of stative predicates; singular change predicates and complex change predicates; and agentive and non-agentive predicates (Dowty, 1979: 184). In this way, predicates are divided into states, actions, complex change (accomplishments or activities), and singular change (achievements). David Dowty distinguishes among three classes of statives: **interval stative predicates** (e.g., *sit, stand, lie*), **momentary stage-predicates** (e.g. *be on the table, be asleep*), and **object-level stative predicates** (e.g., *know, like, be intelligent*, etc.). The last two classes can be true at moments and are true at an interval if and only if they are true at all moments within that interval (Dowty, 1979: 180).

The opposition between predicates corresponds to the distinction between stage-level and individual-level stative predicates (Carlson 1977: 170–171). Individual-level states are constantly related to their arguments irrespective of time, atemporally. Stage-level states are episodic, spatio-temporal intervals.

Donald Davidson (Davidson 1967: 92–93) assumes that events have an additional hidden event argument through which the event can be characterized in relation to the manner, place, and time in which it takes place. In such an interpretation, a transitive verb introduces not a two-place but a three-place relationship involving a subject, an object, and a hidden event argument (whose variable can be realized in the form of adverbial modifiers that characterize the event). Davidson's analysis is extended to all eventuality types (Parsons 1990). Sentences with event predicates and sentences with stative predicates have different logical representations: in the former case, there are three arguments, one of which is a hidden argument for eventness, while in the latter there are

only two arguments (Katz 2003: 461). Angelika Kratzer (Kratzer 1995: 128) analyzes the difference between stage-level and individual-level predicates within the opposition: predicates with a hidden event argument and predicates without a hidden event argument.

On the basis of prior theoretical constructs (Kim 1976), it has been demonstrated that individual-level states do not succumb to the analysis of Donald Davidson. Claudia Maienborn divides stative predicates into two types: predicates, represented by such verbs as *sit*, *stand*, *lie*, *sleep* and *shine*, which denote eventualities in the sense of the theoretical constructs of Donald Davidson (Davidson states, D-states) and predicates, represented by verbs and adjectives such as *know*, *weighs*, *have* (*possess*), *nice*, and *blond*, which do not represent eventualities in the sense of Donald Davidson (Kimian states, K-states) (Maienborn 2019: 2). The first group are stage-level stative predicates, while the second – individual-level stative predicates.

It was summarized that Davidsonian eventualities, which comprise events (Vendler's accomplishments and achievements), processes (Vendler's activities), and D-states (states), are particular spatio-temporal entities with functionally integrated participants (Maienborn 2019: 64). Their ontological properties are that eventualities are perceptible, they can be located in space and time, they have a unique manner of realization, they are not closed under complementation, they are causally efficacious, and they involve participation (Maienborn 2019: 64). K-states are characterized with the following ontological properties: they are not accessible to direct perception, they have no location in space and no unique manner of realization, they can be located in time, they are reified entities of thought and discourse, they are closed under complementation, they are not causally efficacious, and they do not involve participation (Maienborn 2019: 47).

The following diagnostics for the identification of hidden event arguments (which logically is used for differentiating between stage-level and individual-level stative predicates) has been offered (Maienborn 2019: 30). Stage-level stative predicates can be infinitival complements to verbs of perception (in English). Individual-level stative predicates cannot appear in such an environment. Stage-level stative predicates can be combined with locative adverbial expressions, in contrast to individual-level stative predicates. The diagnostic is reliable for differentiating between the two basic types of states: stage-level stative predicates (Davidsonian states) and individual-level stative predicates (Kimian states)⁴.

2.1. Ontology of stative predicates: defining properties

We classify the stative predicates subsumed under the main division D-states and K-states. We adopt an approach of offering a set of properties that relate to the prioritized argument, for which we introduce the term **topical argument**: a notion that

⁴ The tests relating to compatibility with manner adverbials are not as categorical, since manner adverbials constitute a diverse set and different subsets of manner adverbials combine with different verbs depending on their semantic compatibility.

refers to the semantic subject of the predicate, regardless of its syntactic realization or whether it is animated or not. The semantic subject can be either the **agent**, the **experiencer**, the **patient**, or the **theme** (if no **agent** or **experiencer** is involved) within the semantic argument structure.

Most generally, the topical argument can be characterized in relation to whether it is realized by an **animate** or **inanimate** entity. Animated participants that express the topical argument may be characterized by generalized properties such as **agent**, **experiencer**, and **patient**. Various definitions have been provided for the semantic role **experiencer**, for example: an animate being that undergoes internal experiential states such as perception, cognitive processes, and emotions (Van Valin, LaPolla 1997: 85). Such a broad understanding is appropriate for our purposes and provides grounds for the individuation of a semantic property **psychological experience**, which is applicable in all cases where the topical argument perceives, thinks, desires, experiences, etc., whatever experiences fall within the property **animate**. In addition, we recognize the property **physical experience** in order to construct a further class of stative predicates when the topical argument is concerned with bodily experiences.

The inability of the topical argument of stative predicates to be associated with agentivity, in our opinion, is one of its most distinctive properties. Nevertheless, with predicates such as *sit*, *stand*, and *lie*, the topical argument, without being an **agent**, is characterized by a **conscious participation** in the eventuality. Actually, it has been pointed out that when predicated of humans, verbs such as *sit*, *stand*, etc. are typically **volitionally controlled** (Dowry 1979: 176).

A prerequisite for the three properties that are introduced: **psychological experience**, **physical experience** and **conscious participation** is the **animacy** of the topical argument. On the other hand, the three properties: psychological experience, physical experience and conscious participation, are mutually exclusive.

2.2. Ontology of stative predicates based on their topical argument

The hierarchy of properties characterizing the topical argument is as follows: [entity [animacy [psychological experience] [physical experience] [conscious participation]] [inanimacy]] (Koeva 2022b: 383). Some examples are presented below.

2.2.1. Individual-level states

Topical argument psychological experiencer

1. а. Някой: *знае* | *чувства* нещо

Someone *knows* | *feels* something

б. Някой: *желае* (*иска*) | *мрази* | *обича* | *помни* | *харесва* някого | нещо

Someone *wants* (*desires*) | *hates* | *loves* | *remembers* | *likes* someone | something

с. Някой: *жадува за* (*копнее за*) | *вярва в* | *безпокои се за* | *тревожи се за* | *надява се на* | *радва се на* | *разчита на* | *гордее с* | *вълнува се от* | *срамува се от* | *страхува се от* някого | нещо

Someone craves (yearns for) | believes in | is bothered by | worries (about) | hopes | enjoys | relies on | is proud of | is excited about | is ashamed of | is afraid of someone | something

d. Някой: *се нуждае от* нещо
Someone needs something

e. На някого му *се струва* | *се вижда* | *тежи* нещо
To someone: something seems | looks | feels like a burden

Topical argument physical experience

2.a. Някой: *боледува от (страда от)* нещо
Someone is ill with (suffers from) something

b. Някого го: *боли* | *сърби* нещо
Something hurts | itches someone

c. На някого му: *се гади* | *се повдига*
Someone feels nauseous | feels like vomiting

Animate topical argument

The following verbs are characterized by the presence of a topical argument with the characteristic **animacy** but lacking all of the following characteristics: psychological experience, physical experience or conscious participation:

3.a. Някой: *има (притежава)* нещо
Someone has (possesses) something

b. Някой: *изглежда като* някого | нещо
Someone resembles (looks like) someone | something

c. На някого му: *върви в* | *спори в* нещо
Something comes easy to | goes smoothly for someone

d. Някой: *отсъства* | *присъства* | *съществува* някъде
Someone is absent | is present | exists somewhere

Inanimate topical argument

4.a. Нещо: *си струва*
Something is worth it

b. Нещо: *тежи* | *гласи* | *наброява* | *обозначава* | *съдържа* нещо
Something weighs | reads (says) | numbers | designates | contains something

c. Нещо: *води до* | *подхожда на* | *основава се на* | *зависи от* | *обуславя се от* | *различава се от* | *характеризира се с* | *граничи с* нещо
Something leads to | fits | is based on | depends on | is conditioned by | differs from | is characterized by | borders on something

d. Нещо: *липсва* | *лежи (се намира)* | *отсъства* | *присъства* | *преобладава* | *съществува* някъде

Something is lacking | lies (is positioned) | is missing | is present | predominates
| exists somewhere

2.2.2. Stage-level states

Topical argument conscious participation

5.а. Някой: *бди* | *будува* | *лежи* | *стои* | *седи* | *спи* някъде

Someone keeps watch | stays awake | lies | stands | sits | sleeps somewhere

б. Някой: *гледа* | *слуша* нещо

Someone watches | listens to something

Inanimate topical argument

б. Нещо: *аленее* | *блести* (*лъщи*) | *зеленее* | *искри* | *сияе* | *киселее* | *сладни* | *вони* | *мирише* | *ухае*

Something looks red | shines (glistens) | looks green | sparkles | irradiates | tastes sour | tastes sweet | smells | exudes a pleasant odor

This ontological representation provides the grounds for the following conclusions:

Only individual-level stative predicates license for a topical argument with the properties **psychological experience**, **physical experience**, or **animacy**. With predicates attaching a topical argument with the property **psychological experience** or **animacy**, the topical argument is realized syntactically as a subject or an obligatory prepositional object⁵. With predicates associating a topical argument with the property **physical experience**, the topical argument is realized syntactically as a subject or an obligatory complement (either an object or a prepositional object)⁶. Individual-level stative predicates do not license a topical argument with the property **conscious participation**, in contrast to stage-level stative predicates, which license such an argument, and its syntactic realization is always that of a subject. The stative predicates with a topical argument that has the property **inanimacy** can be either stage-level or individual-level, and the topical argument is always a subject.

The semantic classification offered here is internally non-contradictory and can serve as the starting point for a full semantic and syntactic description of stative predicates that express a state lexically.

We will review the lexical diatheses (if such can be formed) for the established groups of stative predicates distributed in accordance with them being individual-level or stage-level predicates and according to the semantic properties of their topical argument: expressing psychological experience, physical experience, intentional participation, animacy, and inanimacy.

⁵ A dative clitic is always added to the prepositional object or takes its place.

⁶ The object is always doubled or replaced by an accusative clitic; the prepositional object is doubled or replaced by a dative clitic.

3. Bulgarian passives

The syntactic valency (the number of semantic arguments) in a **prototypical**⁷ **passive** is reduced by one in comparison to the active diathesis (e.g., the verb is monovalent while its active counterpart is bivalent); its subject corresponds to the non-subject **patient** (object) of the active voice; the peripheral, and optional, argument corresponds to the subject **agent**⁸ of the active voice; and the passivization is formally coded on the predicate complex (Zúñiga, Kittilä 2019: 83). Thus, although the semantic roles of arguments are not changed, the semantic and syntactic status of one of the arguments is changed from semantic argument to adjunct and from syntactic argument – to syntactic adjunct.

Strict morphological passives are the passives formed by suffixing, prefixing, and some other morphological means (Keenan and Dryer 2006: 333). To this group we assign the Bulgarian passive with the passive marker *ce* (se, oneself). The derived passive verb is a compound verb with a reduced paradigm of the category person (third-person singular and plural)⁹ (Коева / Koeva 2004: 208–209) (7.b.).

7.a. Деклараторът **притежава** недвижим имот.

The undersigned person **possesses** a housing property.

б. Недвижимият имот **се притежава** от декларатора. (*se* passive)

The housing property **is possessed** by the undersigned person.

The passive marker is the reflexive in the form of the particle *se*¹⁰ which is not a suffixation morpheme¹¹; however, the Bulgarian *se* passive forms correspond to Spanish passives coinciding with the reflexive constructions (and to passives in some other languages), which are considered strict morphological passives (Keenan and Dryer 2006: 334).

Periphrastic passives consist of an auxiliary verb plus the strict morphological function of a transitive verb (Keenan and Dryer 2006: 334). Such is the Bulgarian

⁷ A particular phenomenon is considered *prototypical* if it conforms to a prototype, which is defined as striking a balance between capturing cross-linguistic regularities and departing from mainstream terminology as little as possible (Zúñiga, Kittilä 2019: 10). The prototypical passive is a construction where the patient is clearly the subject, the agent is at most minimally integrated into the syntax of its clause, and the construction is marked in terms of voice (Comree 1988: 21).

⁸ As we shall see, **experiencer** subjects also participate in passivization.

⁹ Some scholars accept first- and second-person *se* passive forms, but it's important to note that these are grammatical forms of the autocausative, and the passive subject is always inanimate, which restricts the forms of the verb to the third-person.

¹⁰ Different views have been expressed for the nature of markers *ce* (*se*, oneself) and *cu* (*si*, oneself) (Коева / Koeva 1995; Пенчев / Penchev 1995; Петрова / Petrova 2008)

¹¹ Some scholars restrict passive forms in Bulgarian only to past participial passive since the grammatical meaning is expressed morphologically by the verbal inflection (Куцаров / Kutsarov 2007: 241).

passive formed with the auxiliary verb: *съм* (sâm, be), *бъда* (bâda, be) or *бивам* (bivam, be) and the past passive participle (Куцаров / Kutsarov 2007: 342; Ницолова / Nitsolova 2008: 237, among others) (7.c.).

7.c. *Недвижимият имот е притежаван от декларатора.* (past participial passive)

The housing property is possessed by the undersigned person.

The Bulgarian participle passive has a full paradigm of the category person, and there is a coincidence of the forms in resultative and non-resultative categories (Ницолова / Nitsolova 2008: 238, among others).

If passives are viewed as morpho-syntactic means for building passive verb phrases from transitive active verb phrases, the following general principle is valid: *the semantic interpretation of derived structures depends on (is a function of) the meanings of what they are derived from* (Keenan, Dryer 2006: 340). On the other hand, if passives were thought of as a way of deriving sentences from sentences, no regular semantic relationship between the derived structure and what it is derived from could be (always) given (Keenan and Dryer 2006: 340), for example: *No student slapped John* will not entail *John was slapped* and *Every cake was stolen* does not entail that some individual *x* stole every cake (Keenan, Dryer 2006: 339).

We can generalize that the sentence-to-sentence interpretation is true for Bulgarian paraphrastic passives; however, **the Bulgarian *se* passives can be viewed as paraphrases between predicates, thus as a lexical diathesis.**

3.1. Personal passives

The conditions for the formation of passive diathesis in Bulgarian are the following: the basic diathesis involves personal transitive perfective or imperfective verbs¹². In the derived grammatical diathesis (past participial passive), the semantic roles of the subject and the complement to the predicate do not change, but there are changes in their syntactic category and grammatical role. In the derived lexical diathesis (*se* passive), the semantic roles of the subject and the complement to the predicate do not change (although the agentive subject is transformed into an agentive adjunct), but there are changes in their syntactic category and grammatical role. The *se* passive can be regarded as a lexical diathesis since, in addition to the passive alternations, it is distinguished by the restricted paradigm of the verb to the third person and the selective restriction of the subject to inanimate entities.

A further generalization of the semantics of passives claims that the distinct basic passives are likely to differ semantically with respect to aspect and/or degree of

¹² Intransitive verbs, verbs with an inherent reflexive form, and verbs with an intrinsic reflexive or reciprocal meaning are excluded as sources for the two types of passive diatheses (Коева / Koeva 2004: 209).

subject affectedness in languages with more than one passive construction (Keenan and Dryer 2006: 340). Regarding Bulgarian, the periphrastic passive usually has a resultative meaning (Ницолова / Nitsolova 2008: 240) and the expression of stative or activity eventuality type usually depends on the eventuality type of the source predicate. The same correlation of source-derived eventuality types applies to the Bulgarian *se* passives, although *se* passives show some restrictions for perfective predicates and perfective verbs' categories.

In general, the Bulgarian strict morphological passive derived from an imperfective eventive predicate¹³ such as *Книгата се чете* (The book is read) might have two interpretations: the book is read at the moment by somebody (activity) and the book is very popular and many people would like to read it (state). The first interpretation relates to the option for an explicit use of the source **agent**, while the second one blocks such an option, or the derived *om* (ot, by) phrase should only have an indefinite or general interpretation. The Bulgarian periphrastic passive derived from an imperfective source predicate expressing activity such as *Книгата е била четена* (The book has been read) might also have ambiguous interpretations in resultative forms: as an activity or as a state, while with non-resultative forms such as *Книгата е четена* (The book is being read) only a stative interpretation is available¹⁴. Some aspects of the different usage and meaning of both passives in Bulgarian according to different temporal categories they express have been studied (Баракова / Barakova 1978: 3–12; Иванова / Ivanova 1983: 249–254; Джоннова, Михайлова / Dzhonova, Mihaylova 2021). However, it has not yet been thoroughly discussed how passive diatheses in Bulgarian might be interpreted as either an activity or a state depending on the verb's temporal categories and usage in a given context.

3.1.1. Eventuality types of source and derived predicates

The following generalization is also true for Bulgarian: *If a language has passives of stative verbs (e.g., lack, have, etc.), then it has passives of verbs denoting events* (Keenan and Dryer 2006: 331). The generalization presupposes that there are some limitations in forming passives from stative verbs, which will be examined.

3.1.1.1. Source individual-level states

Provided that the condition for transitivity has been met, the participle passive can be formed from **individual-level states** expressing a topical argument with an inherent property **psychological experience**.

¹³ Many activities (and some accomplishments and achievements) have a “derived” stative sense (Vendler 1957: 152). The state of being able to walk is necessary for the activity of walking, and the state of being able to see is necessary for the activity of seeing (Vendler 1967: 156). Based on this reasoning, we limit the focus to stative verbs, whose meaning cannot be considered a prerequisite for the performance of an activity (Коева / Koeva 2022b: 368).

¹⁴ Strictly speaking, the alternation in eventuality type from activity to state is a lexical diathesis, which means that the diathesis can be subdivided based on the change of state.

8.a. *Момчето желае | обича | мрази | харесва | помни тази книга.*

The boy **wants | loves | hates | likes | remembers** this book.

b. *Тази книга е желана | е обичана | е мразена | е помнена | е харесвана от момчето.* (past participial passive)

This book **is wanted | is loved | is hated | is remembered | is liked** by the boy.

In the derived *se* passive diathesis, the source subject is usually not expressed, and if it is, a definite reference is dispreferred.

c. *Тази книга се желае | се обича | се мрази | се помни | се харесва (от хората | от всички момчета).* (*se* passive)

This book **is wanted | is loved | is hated | is remembered | is liked** (by the people | by all boys).

d. *Тази книга се желае | се обича | се мрази | се помни | се харесва (*от Иван | ?от това момче).* (*se* passive)

This book **is wanted | is loved | is hated | is remembered | is liked** (*by Ivan | ?by this boy).

There are also restrictions in building *se* passives from verbs with animate objects (Koeva 2004: 209).

9.a. *Момчето желае | обича | мрази | харесва | помни това момиче.*

The boy **wants | loves | hates | likes | remembers** this girl.

b. *Това момиче е желано | е обичано | е мразено | е помнено | е харесвано от момчето.* (past participial passive)

This girl **is wanted | is loved | is hated | is remembered | is liked** by the boy.

c. **Това момиче се желае | се обича | се мрази | се помни | се харесва от момчето.* (*se* passive)

This girl **is wanted | is loved | is hated | is remembered | is liked** by the boy.

Many verbs denoting the evocation of emotions can form only past participial passive: *смайвам, въодушевявам, удивявам, изненадвам* (amaze, enthuse, astound, surprise). The corresponding verbs with *се* (*se*) have an independent, non-passive general meaning referring to the experience of a given emotional state.

10.a. *Подобни реакции ме удивяват | смайват | въодушевяват | изненадват.*

Such reactions **astound | amaze | enthuse | surprise** me.

b. *Аз съм удивен | съм смаян | съм въодушевен | съм изненадан от подобни реакции.* (past participial passive)

I **am astounded | am amazed | am enthused | am surprised** by/at such reactions.

c. *Аз се удивявам | се въодушевявам | се смайвам | се изненадвам от подобни реакции.* (active verbs with different meaning)

I **get astounded | get amazed | get enthused | get surprised** by such reactions.

Diatheses as in the examples in 11. are called **conversive** voice (Kulikov 2011: 379) and are similar to the non-promotional passive but represent a case of complete **patient** promotion together with incomplete **agent** demotion.

11.a. *Бурята плаши момчето.*

The storm frightened the boy.

b. *Момчето се плаши от бурята.*

The dog was frightened by the storm.

Such constructions differ from anticausatives because they are arguably semantically bivalent and are limited to verbs of perception and emotional states (Zúñiga, Kittilä 2019: 88).

No passive can be formed from verbs expressing **individual-level states** with a topical argument identifiable by the inherent property **physical experience** as: няко-го го боли | сърби нещо (something hurts | itches someone). The reason is that the complement is an experiencer (Grimshaw 1990: 112), which postulates yet another restriction in the formation of passive diathesis: the source complement should not be an experiencer.

Individual-level states with a topical argument, identifiable by the inherent property **animacy**, but lacking characteristics such as: inner experience, physical experience or conscious participation, form passive diatheses, if other conditions have been met.

Some of the verbs expressing **individual-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent property **inanimacy**, easily tolerate a noun phrase, which, however, is not in a complement position: нещо тежи | гласи | наброява нещо (something weighs | reads | amounts to something), and consequently do not yield to passive diathesis (the test confirming this is the impossibility to substitute the noun phrase with a personal pronoun clitic). With other verbs from the group, all conditions are met: нещо обозначава | съдържа нещо (something identifies | contains something).

12.a. *Комисията обозначава всеки продукт.*

The committee **identifies** every product.

b. *Всеки продукт е обозначен от комисията.* (past participial passive)

Every product **is identified** by the committee.

c. *Всеки продукт се обозначава от комисията.* (se passive)

Every product **gets identified** by the committee.

3.1.1.2. Source stage-level states

Stage-level states with a topical argument having the inherent property **conscious participation** build passive diathesis, if the condition for transitivity has been met (the source verbs are of imperfective aspect): някой гледа | слуша нещо (someone **watches** | **listens** to something). The source subject is usually not expressed

in the derived passive diathesis of this group of verbs, or if it is expressed, it has an indefinite reference.

13.a. *Момчето слуша песента.*

The boy **listens** to the song.

b. *Песента е слушана (?от момчето) (от много хора).* (past participial passive)

The song **is listened** to (?by the boy) (by many people).

c. *Песента се слуша (?от момчето) (от много хора).* (se passive)

The song **is listened** to (?by the boy) (by many people).

Actually, when the appearance of the *om* (ot, by) phrase is prohibited, a different type of diathesis is realized, corresponding to a source transitive verb attaching an adjunct, and after the alternation, a reduction of source subject is accomplished¹⁵.

14.a. *Те са слушали легендарната песен на Куин 1,5 милиарда пъти.*

They **have listened** to Queen's legendary song 1.5 billion times.

b. *Легендарната песен на Queen е слушана 1,5 милиарда пъти (*от тях).* (past participial passive)

Queen's legendary song **has been listened** to 1.5 billion times (*by them).

c. *Легендарната песен на Queen се е слушала 1,5 милиарда пъти (*от тях).* (se passive)

Queen's legendary song **has been listened** to 1.5 billion times (*by them).

From **stage-level states** with a topical argument identifiable by the inherent property **inanimacy** no passive diathesis can be formed since none of these verbs is transitive.

To summarize, the eventuality type of the passive diathesis is the same as the eventuality type of the source diathesis, except for the case of converses, where activity predicates are transformed into stative predicates. When the source verb is a perfective activity verb, the derived passive cannot be interpreted as a state. As for the imperfective verbs, the stative interpretation of the derived passive is analogous to the stative interpretation of the source imperfective activity verb (the activity meaning assumes the existence of the stative one). We can infer that every imperfective activity verb has an imperfective stative derivate expressing the subject's capacity to perform the action, and that every imperfective passive verb may have both an activity and a stative meaning (in many cases, this depends on other grammatical categories expressed by the verb). It is possible to think of the stative interpretation of passive as a reversed one; generally, it expresses characteristics of the subject that result from an activity (the activity meaning assumes the existence of the state).

¹⁵ Some personal passives that do not demote the surface agent but actually suppress it are usually labeled as **agentless** passives (Zúñiga, Kittilä 2019: 84).

3.2. Impersonal passives

It was stated that passives from intransitives are the clearest examples of passives that lack the characteristics of prototypical passives (Keenan and Dryer 2006: 332). Passives from intransitives generally employ the same morphology as the one used with basic passives, and they normally eliminate an argument, the agent (Keenan and Dryer 2006: 332). In Bulgarian, passives from intransitive verbs are always impersonal. However, impersonal passives are not limited to lexically intransitive verbs in Bulgarian¹⁶.

The periphrastic passives (past participial passives) and the strict morphological passives (*se* passives) in Bulgarian correlate with impersonal past participial passives and impersonal *se* passives. The source diathesis is formed from personal transitive or intransitive verbs (Ivanova / Ivanova 1983: 255), which are imperfective and lexically non-reflexive or non-reciprocal (Коева / Коева 2004: 211).

Impersonal passives illustrate the reduction of the semantic roles of both the **agent** and the **patient (theme)**. The derived diathesis is a third-person imperfective intransitive verb in the singular, which does not allow a *by* phrase. The Bulgarian impersonal passive (irrespective of the eventuality type of the source predicate) expresses states. The impersonal passive, which originally expressed a dynamic eventuality, has been changed into a stative predicate, and there is no longer any agentive (or conscious) interaction between the subject and the predicate.

15.a. (те) **Палят** фенерите (в обора). ‘правя нещо да гори’
(They) light the lanterns (in the barn). ‘to make something burn’

b. **Палено е** (в обора). ‘нещо, без да се определя какво, е горяло’ (impersonal past participial passive)
Something has been lit (in the barn). ‘something, without specifying what, was burning’

16.a. (той) **Дестилира** вода с тази апаратура. ‘извършвам дестилация’
(He) distills water with this apparatus. ‘to carry out distillation’

b. **С тази апаратура се дестилира**. ‘нещо е предназначено за дестилация’
(impersonal *se*-passive)
This apparatus distills. ‘something is intended for distillation’

The impersonal passive forms morphologically coincide with the basic passive forms with one difference: the restriction to the third-person singular. In both the active and passive structures, there may be complements that are not involved in the transformation. On the other hand, if the source diathesis does not attach other

¹⁶ R. Nitsolova suggests an impersonal voice together with active and passive; however, she proposes that the impersonal voice should include both lexically impersonal verbs and impersonal passive diathesis (Ницолова / Nitsolova 2008: 244–345) and, as such, cannot be considered a homogenous category.

complements, the derived diathesis is normally realized with some adjuncts, providing a context for the stative situation.

17.a. *Момчето пуши в стаята.*

The boy is smoking in the room.

b. *В стаята е пушено.* (impersonal past participial passive)

Someone has smoked in the room.

c. *В стаята се пуши.* (impersonal *se* passive)

One can smoke in the room.

In some languages, prepositional objects can be promoted to the subject position, and the derived structure is often called **prepositional passive** (18.) (Zúñiga, Kittilä 2019: 89). In Bulgarian, personal passives whose subject corresponds to the source prepositional object are not observed. When passivization occurs with intransitive verbs, the only option for a derived diathesis is the impersonal passive diathesis.

18.a. *They can rely on William.*

Те могат да разчитат на Уилям.

b. *William can be relied on.*

На Уилям може да се разчита.

The Bulgarian example in 18.b. illustrates impersonal *se* passive in an embedded clause with a prepositional complement attached to the lexically impersonal verb in the main clause.

3.2.1. Eventuality types of source and derived predicates

Impersonal passive diathesis in Bulgarian is derived from activity source predicates. The examples below illustrate how stative predicates could correlate to derived impersonal passives.

3.2.1.1. Individual-level states

Individual-level states with a topical argument, identifiable by the inherent property **psychological experience**, do not form impersonal passive diathesis since the subject has the properties of an **experiencer**.

Individual-level states with a topical argument expressing the inherent property **physical experience** do not form impersonal passive diathesis since the complement that is attached to them is an **experiencer** (Landau 2010).

Individual-level states with an **animate** topical argument (which is not a psychological or physical experiencer or a conscious participant) do not form impersonal passives. The impersonal predicates (which are also part of this group) do not form impersonal passives either: *на някого му върви в | спори в нещо* (something comes easy to | goes smoothly for someone).

Individual-level states with a topical argument, identifiable by the inherent property **inanimacy**, do not form impersonal passives since this group of verbs is characterized by a very close subject-predicate relationship and the meaning cannot be expressed if there is no indication of the subject.

3.2.1.2. Stage-level states

Stage-level states with a topical argument that has the property **conscious participation** build impersonal passive diathesis.

19.a. *Момчето лежи | седи | стои | спи на леглото.*

The boy is lying | sitting | standing | sleeping on the bed.

b. *На леглото е лежано | седяно | стояно | спано.* (past participial passive)

Someone has lain | sat | stood | slept on the bed.

c. *На леглото се лежи | седи | стои | спи.* (*se* passive)

One can lie | sit | stand | sleep on the bed.

The impersonal passive diathesis is not observed with stage-level states with a topical argument, identifiable by the inherent property **inanimacy**, because the general meaning of this group of verbs contains the premise that there is something that emits light, sound, smell, etc., and this component cannot be omitted.

To summarize, individual-level state predicates do not have a corresponding impersonal passive diathesis. Stage-level state predicates build impersonal passive diathesis if their subjects have the inherent property **conscious participation**. A strong correlation between the experiencer and impersonal passive diathesis is observed. Both source structures with an **experiencer** subject and experiencer object do not form impersonal passive diathesis. The periphrastic passives are Davidsonian states, while the strict morphological passives can be interpreted as either Kimian or Davidsonian states depending on the context.

4. Middles

Despite the fact that the category of voice has been extensively researched, there is still disagreement over its nature, as well as the number and traits of its members. For example, the following language constructions are listed as non-active voice: anticausatives, reflexives (reciprocals), dispositional middles (*This book sells well*), mediopassives (in comparison to passives, in mediopassives the external argument is neither understood nor expressed) and passives (Alexiadou, Doron 2012: 3), and even more categories are classified within the general term middles (Guglielmo 2021). Other authors include in the narrow definition of voice passives, antipassives, and reflexives, but exclude reciprocals and middles as composite constructions that show complex features (Mel'čuk 2006, among others).

Elaborating on the definition of mediopassive, we might say that the mediopassive is characterized as a passive voice in which the verb has stative meaning, and the

agent is not expressed. R. Nitsolova describes the mediopassive in the following way: “an inanimate object that is affected by the action is present as an actor, or more precisely, as a pseudo-actor, while the real initiator of the action is not indicated due to some reasons” (Nitsolova 2008: 236). Such definitions limit the mediopassive forms to middles and anticausatives. In our interpretation, only the past participial passive is a member of the category voice in Bulgarian (representing a grammatical diathesis), while reflexives and grammatically built reciprocals represent syntactic means for the representation of lexical anaphora (such an interpretation is similar to the view that reflexives and reciprocals preserve the semantic roles but allow some operations on them (Kulikov 2013) and follows the theories that exclude reflexives and reciprocals from the system of voices (Haspelmath, Müller-Bardey 2004). Lexically built reflexives, middles, and anticausatives, on the other hand, display in our model properties of lexical diatheses.

A small number of authors see the middle as a fundamentally different kind of voice from the passive and antipassive and view the reflexives and the reciprocals either as (non-core) meanings of the middle forms (Klaiman 1991) or as values that are on a par with and in opposition to them (Givón 2001).

4.1. Dispositional middles in Bulgarian

The term **middle** is usually used to denote a form of the verb, as in the English sentence *Bread cuts easily*. Several studies introduce the middle voice (Geniušienė 1987, among others) and provide description of its semantic and syntactic properties. In some languages, such as English, active verbs and the so-called middle verbs (dispositional middles) share the same morphology, whereas the passive is morphologically (and syntactically) marked. In some other languages, middle verbs can be marked as passive (Alexadou, Doron 2012: 1). Such a language is Bulgarian, in which the forms of middle verbs morphologically coincide with the forms of *se* passive verbs. Middle diathesis is also called quasi passive (Guentchéva, Rivière 2007: 570).

Middle diathesis expresses a stative eventuality, which is characterized by a lack of specific time reference (Levin 1993: 26) and by an understood but unexpressed agent. A particular characteristic of middles is that they often include an adverbial expression for manner (Levin 1993: 26) which distinguishes them from the anticausatives.

20.a. (тя) *Реже (нарязва) месото на парчета с големия нож.* ‘правя нещо цяло на части’

(She) cuts (is cutting up) the meat into pieces with the big knife. ‘to make something whole into parts’

b. *Месото се реже (се нарязва) лесно.* ‘нещо притежава свойството да става на части по определен начин’

The meat cuts (cuts up) easily. ‘something has the property of breaking into parts in a certain way’

The semantic role of the source subject is reduced, while the semantic role of the source object is changed. The derived verb is built in Bulgarian with the middle marker *ce* (*se*, oneself) (Guentchéva, Asenova 2006) and its forms are reduced to third-person singular and plural. The source verbs are imperfective transitive two-place predicates with a human subject (an agent) and a noun phrase (inanimate) complement that is affected by the action of the verb. The derived diathesis represents a stative eventuality type, which determines that only imperfective verbs can participate in the alternation. The derived predicate is a one-place predicate with an inanimate subject (a **theme**).

A middle marker is defined as a construction with the following characteristics: i) it occurs with bi- or ii) multi-valent verbs to encode one or more of the following valency changing operations: passive, anticausative, reflexive, reciprocal, antipassive; the same construction is also obligatory with some (at least monovalent) verbs that cannot occur without a middle marker; the semantics of (at least some of) the verbs in (i) does not match that of those in (ii) or vice versa (Guglielmo 2021: 4). Such a definition perfectly matches the Bulgarian data: the marker *ce* (*se*, oneself) is a verb building particle that appears with *se* passive, impersonal *se* passive, lexical reciprocals, dispositional middles, anticausatives, autocausatives (which do not fall in the scope of the study as neither the source nor the derived diathesis is stative), optatives, and impersonal optatives.

Only stage-level states with a topical argument that has the property **conscious participation** can build middles, namely “impersonal” middles. Similarly to impersonal passives, impersonal middles can be derived from intransitive imperfective verbs. In addition to the adverbial modifier for manners, another location or time modifier can be easily attached to the derived structure.

21.а. (тя) *Спи в това легло.*

She is sleeping in this bed.

б. *В това легло се спи удобно.*

It is comfortable to sleep in this bed.

4.2. Bulgarian anticausatives

The anticausative diathesis is also called inchoative, causative-inchoative (Levin 1993: 27), or ergative diathesis.

The conditions for the occurrence of anticausative diathesis are: a source predicate – an imperfective verb denoting an activity, with two arguments: an agentive subject and an object affected by the described activity (the **patient**). In the resulting diathesis, the semantic role of the source object is changed, and the semantic role of

the source subject is reduced¹⁷. In contrast to the anticausative, the passive implies the existence of a person or thing bringing about the situation (Comrie 1985: 326). The anticausative compound verb is built with the marker *ce* (*se* oneself) and is restricted to the third-person in the singular and plural.

22.a. *Рибарите чунят леда с греблата.* ‘правя нещо твърдо да стане на късове, като използвам инструмент’

The fishermen break the ice with their oars. ‘to break something solid into pieces by using a tool’

b. *Ледът се чути.* ‘нещо има свойството да е на части, на късове’

The ice is breaking ‘something has the property of being in parts, in pieces’

A significant similarity between the anticausative and the agentless passive is that both involve a promotion of the source object (patient) and a demotion of the source subject (agent), which explains why they have similar comparable morphological marking in many languages (Kulikov 2011: 392), including in Bulgarian.

The reason for separating the anticausatives from middles is that in the derived structure, the emphasis is on what happens to the subject, and the causer of the action is either not conceptualized or is present as an abstraction (Славчева / Slavcheva 2010: 58). A stative eventuality is expressed by the derived structure.

In particular, the inchoative construction does not necessarily have an understood **agent**, may have a specific time reference, and does not have to include adverbial or modal elements. Verbs that display the causative/inchoative alternation are found in the middle construction, but not vice versa (Levin 1983: 26).

It can be summarized that the middle diathesis (comprising dispositional middle and anticausative) operates at the lexical level (predicate to predicate) and does not involve stative predicates as a source; however, the derived predicate is always stative. Thus, middles in Bulgarian affect only imperfective verbs expressing activity (with an exemption for stage-level states with an argument experiencing **conscious participation**, which build an “impersonal dispositional middle”). This conclusion is in compliance with the fact that the same event can be described in different ways using the passive and active voices, while the anticausative refers to an entirely different event compared to its source diathesis (Zúñiga, Kittilä 2019: 43). The derived predicates are different types of states; dispositional middles are Kimian states, while anticausatives are Davidsonian states, and this is another reason to describe dispositional middles and anticausatives separately.

¹⁷ The direction of the diathesis has been discussed either as causativization or as detransitivization (Alexiadou 2010: 178). In our approach, the direction of all types of diatheses is from a structure with more (or the same number) of arguments that is not grammatically marked to a structure with fewer (or the same number of) arguments that is grammatically marked.

5. Bulgarian reciprocals

The reciprocals exemplify a diathesis in which the semantic role of the subject to the predicate does not alter, but there is a change in the semantic role of the complement (Koeva 2022: 83). The reciprocal diathesis is also called *with preposition drop alternation* (Levin 1993: 44) and it occurs with a small number of verbs that involve potentially reciprocal actions (verbs of social interaction, such as “meet” verbs, “marry” verbs; “correspond” verbs, such as *agree*, *argue*; “chitchat” verbs and “talk” verbs)¹⁸. The reciprocal diathesis is realized between intransitive verbs joining a prepositional phrase headed by the preposition *with* and the corresponding transitive verbs (Levin 1993: 44). We assume that the source structure is the structure without reciprocal meaning, insofar as in it the form of the verb is not complex (in Bulgarian without the marker *se*) and transitivity is not blocked (Koeva 2022a: 83).

23.a. Той срещна момичето. ‘като се движа, виждам някого’

He met the girl. ‘while moving I see someone’

b. Той се срещна с момичето. ‘като се движа, се виждам с някого’

He met with the girl. ‘while moving I see someone’

A two-place source predicate with a subject noun phrase and a complement noun phrase alternates with a two-place predicate with a subject noun phrase and a complement prepositional phrase (more arguments or adjuncts can occur with some predicates but they do not take part in the diathesis, for example *срещам се* [*с някого*] [*на улицата*] – ‘to meet with someone on the street’). At the syntactic level, the alternation is manifested by the change of the syntactic category and the grammatical role of the source complement (from noun phrase to prepositional *c* (*s*, *with*) phrase, and at the morphological level in Bulgarian – by the addition of the reciprocal marker *se* to the source lemma, which also leads to transitivity loss. As a result, a new predicate is built, expressing reciprocal meaning.

It was pointed out that reciprocal semantics can be expressed (if the potential for reciprocity exists) by plural subjects (*The boys met / agreed*), conjoined subjects (*John and Fred met / agreed*) or as paired noun phrases arranged in different configuration (*John met Fred, John agreed with Fred*) (Fillmore 1970: 255). The last option describes the semantically derived reciprocal diathesis (resulting in a new predicate), while the first two represent the syntactic constructions expressing reciprocity (the reciprocal semantics is expressed at the morphological and syntactic level, the verb paradigm is reduced to plural, the verb lemma is derived with the marker *ce / cu* (*se / si*, *oneself*), the *c* (*s*, *with*) prepositional phrase is not allowed, instead a reciprocal

¹⁸ The lexical classes of verbs are described as: verbs of competition: *fight*, *quarrel*, *negotiate*, *argue*; verbs of joint action: *communicate*, *play chess*, *consult*; verbs of connecting: *combine*, *unite*, *acquaint*, *compare*, *mix*; verbs of dividing: *separate*, *distinguish*; predicates of (non-)identity: *match* (Haspelmath 2007: 2104).

phrase *един друг; един (предлог) друг* ‘one another; one (preposition) another’ or the reciprocal adverb *взаимно* ‘each other, mutually’ can appear; however, the meaning of the predicate does not change) (Коева / Koeva 2004: 195–196).

There are syntactically derived reciprocals which may not need a syntactic marker in Bulgarian (*един друг* ‘each other’, etc.): *Те се разлюбиха* (They fell out of love with each other) (Penchev 2007: 615).

Some predicates may be regarded as taking noun phrases in identical roles, which contradicts the generally accepted assumption that no simple sentence requires the occurrence of more than one noun phrase in a given role (Fillmore 1970: 256) and that there do seem to be some differences in the conjoined subject as opposed to the distributed noun phrase versions of symmetric predicate sentences, although for many of these the difference does not need to be seen as basic (Fillmore 1970: 256). The unequal status of the two arguments is emphasized: the agentive argument is the topic or focus of the utterance, and the prepositional argument has the semantic role of **comitative** and can rarely be a topic or focus; the prepositional argument may remain implicit (Нитцолова / Nitsolova 2008: 243); however, the implicit option is valid only for reciprocal tantum verbs, not for derived reciprocal diathesis. Generally speaking, in the derived reciprocal diathesis, the semantic role of the source subject with the predicate does not alter, while the role of the source complement changes to the **reciprocal agent**. It should be pointed out that some scholars believe that the source relation of the subject also changes to **reciprocal agent** (Коева / Koeva 1995: 161). Or more precisely, if the original semantic roles are **agent** and **theme**, then the derived roles could be described respectively as **reciprocal agent** and **theme** and **reciprocal theme** and **agent**¹⁹.

The diathesis can also occur with potentially reciprocal activities, allowing a change in the semantic role of a prepositional object. The same conditions apply, with the difference that the source verb is intransitive and the reciprocal marker is *си* (si, oneself).

24.a. *Пиша писма на разни хора от Европа.* ‘съобщавам информация на някого посредством писма’

I write letters to various people from Europe. ‘to provide information to someone through letters’

b. *Пиша си писма с разни хора от Европа.* ‘обменям информация с някого посредством писма’

I correspond with various people from Europe. ‘to exchange information with someone through letters’

In Bulgarian, there are verbs with reciprocal semantics called **reciproca tantum verbs** that do not correlate with source verbs without reciprocal meaning: *боксират се*

¹⁹ Actually, one of the arguments should have the semantic role of an **agent**, but there are no general requirements for the semantic role of the second argument; the requirements are that both arguments can be presented by the same individual. Thus, it is not necessary for the second argument to express a **theme**.

c (to box with someone), *състезавам се с* (to compete with), *взаимодействам си с* (to interact with), etc. (Koeva 2004: 195; Penchev 2007: 627). Such verbs share the same morphological, syntactic, and semantic properties with the derived reciprocal diathesis: compound verb built with a *se* or *si* reciprocal marker; two arguments realized respectively by a noun phrase and a prepositional *с* (s, with) phrase, allowing for an interchange in the arguments' positions; reciprocal semantic roles of the two arguments with respect to the predicate. The existence of lexically reciprocal verbs (either independently or paired with non-reciprocal verbs) is widely observed across languages, and it is claimed that all languages have lexically reciprocal (atelic) predicates (Haspelmath 2007: 2105).

The term **mutual** was proposed for the semantic plane of reciprocity, while the term **reciprocal** is kept for specialized expression patterns that code a mutual situation (Haspelmath 2007: 2087), similarly to the terminological distinction, proposed by other authors, between **symmetric** for meanings and **reciprocal** for forms. A **mutual situation** is defined as a situation with two or more participants (A, B, ...) in which, for at least two of the participants, A and B, the relation between A and B is the same as the relation between B and A (Haspelmath 2007: 2088). This is a very wide definition aiming to describe all types of mutual situations: implicit, explicit, divided into free expressions and specialized: grammatical constructions which can be expressed by multiple or one clause, and among the latter: lexical reciprocals (atelic) and grammatical reciprocals, with the type of lexical reciprocal being our focus.

Lexical reciprocals are defined as predicates that express a mutual configuration by themselves, without necessary grammatical marking (Haspelmath 2007: 2088). "These are words with an inherent reciprocal meaning" (Nedjalkov 2007: 14). For Bulgarian, there are some non-marked predicates: *приличам на* (to resemble), reciprocal predicates with a reciprocal marker whose base form does not occur without this marker – reciprocal tantum verbs such as *състезавам се с* (to compete with), and reciprocal predicates whose base form occurs without the reciprocal marker – the derived reciprocal diathesis: *срещам някого – срещам се с някого* (to meet somebody – to meet with somebody).

The verbs that are involved in the reciprocal diathesis, both in the original structure and in the derived one, are activity predicates with arguments that are only allowed to be people or, in some situations, animate. Rarely, stative verbs attaching inanimate arguments may be a source for reciprocal diathesis. Such verbs (*cross*, *intersect*, *meet*, *touch*, etc.) are described as verbs of contiguous location (Levin 1981: 37), and both the source and the derived diatheses are stative predicates.

25.a. *Линията среща (пресича, допира) другата линия в точка А.* 'нещо допира нещо в една точка'

The line meets (crosses, touches) the other line at point A. 'something touches something at one point'

b. *Линията се среща (се пресича, се допира) с другата линия в точка А.* 'нещо се допира с нещо в една точка'

The line meets (crosses, touches) with the other line at point A. ‘something touches with something at one point’

To summarize, new verbs are created in Bulgarian as a result of derived reciprocal diathesis (where the reciprocal meaning is expressed at the lexical level in the singular and plural). The alternation does not change the eventuality type: an activity predicate derives a reciprocal activity predicate, and a stative predicate derives a reciprocal stative predicate. Both source and derived stative diatheses are individual-level predicates (Kimian states) with an inanimate topical argument. The verbs involved in the reciprocal diathesis are perfective and imperfective verbs expressing the activity eventuality type (although some stative verbs also undergo the diathesis if their meaning is derived from potentially reciprocal source verbs).

Based on the classification of Haspelmath (Haspelmath 2007: 2090), we may assert for Bulgarian that monoclausal reciprocals are divided into **grammatical reciprocals** (built at the morphological and syntactic level) and **lexical reciprocals**, which in turn are divided into **reciproca tantum verbs** and **derived reciprocal diathesis**, the last one affecting both activity and state source predicates without a change in the eventuality type.

5. Bulgarian optatives

We use the term optative verbs for verbs ‘expressing a wish or desire’ (Bybee et al. 1994: 179). It is known that expressing a wish or a desire can be achieved in a different way across languages: by a word form in the inflectional category optative mood (not present in Bulgarian); by lexemes such as *искам* (to want), *желая* (to wish), *пожелавам* (to desire), *надявам се* (to hope), etc., and their complements expressing the object of desire; by some grammatical structures that express optative semantics (observed in Bulgarian), for example, constructions with conditional sentences and sentences with *ако само* (if only), *да можех да* (if I could), etc., and by optative diathesis, which is typical with various Bulgarian verb classes.

5.1. Personal optatives

The optative diathesis is characterized by the following general properties: the semantic role of the subject to the predicate is altered, while the semantic role of the object is not.

In general, optatives are defined as an utterance that expresses a wish, regret, hope or desire without containing a lexical item that means *wish, regret, hope or desire* (Grosz 2012: 17). This definition, in fact, covers Bulgarian optative diathesis, although the specific features of the diathesis are not outlined. A prototypical optative has the same number of semantic arguments as the source diathesis (i.e., it is bivalent), and the semantic role of the source subject shifts from agent to **experiencer**. Its subject is derived from the source object, its prepositional object (the **experiencer**) is

expressed by a personal pronoun dative clitic. As a result, although there are still the same number of semantic roles, the semantic and syntactic status of the arguments is altered, changing the agent into an **experiencer**, the subject into a prepositional object, and the object into a subject. At the morphological level, the optative is characterized by a reduction of the verb paradigm to the third-person singular and plural and by compounding the verb lemma with the marker *се* (*se*, oneself). The optatives are a result of a predicate-to-predicate alternation, they do not refer to a real situation but express a desire to perform a given activity or state, thus their eventuality type is stative. The source agentive subject must satisfy the selectional restrictions of person (animate), and the object – the selectional restriction of inanimate (Koeva 1998: 150; Коева / Koeva 2005: 121–123).

26.a. *Студентът пише поезия.* ‘създавам, сътворявам в писмен вид произведение на науката, художествената литература и под.’

The student writes **poetry**. ‘to create in writing a work of science, fiction, etc.’

b. *Пише му се (на студента) поезия.* ‘изпитвам желание да създавам, сътворявам в писмен вид произведение на науката, художествената литература и под.’

The student feels like writing **poetry**. ‘to feel a desire to create in writing a work of science, fiction, etc.’

There are Bulgarian compound verbs that do not express optative meaning, but their structure follows the syntactic model of the optative diathesis. Such verbs are called *reflexiva dativa tantum* (Коева / Koeva 1997: 25) and they are intransitive personal verbs (both of imperfective and perfective aspect) with an inanimate subject and two obligatory clitics: the reflexive by its form (not by its meaning) particle *се* (*se*, oneself) and a dative personal pronoun clitic: *отиця му се*, *отицява му се* (to be tired of something). The subject-predicate agreement categories for person and number are manifested by the morphological person and number of the dative clitic (the **experiencer**), while the verb form is restricted to third-person singular and plural as the subject noun is always inanimate.

27. *Ябълката ми | ти | му | ни | ви | им се услади.*

The apple tasted good to me (you, him, her, us, you, them).

The verbs in this class do not have an optative interpretation and cannot be seen as transformations from a source structure.

In some cases, semantically and grammatically diverse structures are considered simultaneously: a) optative diathesis as *яде ми се ябълка* (I feel like eating an apple); b) impersonal optative diathesis as *спи ми се* (I am sleepy); c) verbs that have the same form as the optative diathesis but do not convey optative meaning as *успява ми се* (it tastes good to me), and d) verbs with an optative meaning and structure that are not derived from an optative diathesis as *гади ми се* (I feel like vomiting) (Savova 2014). However, it is better to differentiate them: b) and d) are semantically and grammatically equal, except for the fact that b) corresponds to a source diathesis,

while d) does not; the semantic and grammatical structure of a) and b) differ; and the semantic structures of a) and c) also are not similar as a different type of **experiencer** is expressed, referring to a cognitive process or an unreal perception²⁰.

Some perfective verbs built from imperfective stems with the prefixes *до-* (do-) and *при-* (pri-) can be attributed to the last of the listed groups. As noted in dictionaries²¹, the prefixes themselves express the meaning of a desire to perform a given activity or to become in a certain state. Such verbs are a result of word formation²², which comprises prefixation, compounding, and the semantic and syntactic structure of the optative diathesis (Коева / Koeva 2022a: 86).

28.a. *Светла спи до късно.* ‘намирам се в състояние на сън’

Svetla sleeps late. ‘to be in a state of sleep’

b. *Спи ми се до късно.* ‘желая да съм в състояние на сън’ (optative diathesis)
I feel like sleeping late. ‘to wish to be in a state of sleep’

c. *Приспиваше го сама.* ‘правя някой (обикновено дете) да се унесе в сън’
She put him to sleep herself. ‘make someone (usually a child) drift off to sleep’

d. *Приспива ми се от досада.* ‘обхваща ме желание за сън’ (lexically optative)
I’m falling asleep from boredom. ‘I feel sleepy’

e. *Към пет заранта им се доспива.* ‘обхваща ме желание за сън’ (lexically optative)

At five o’clock in the morning they tend to feel like sleeping. ‘I feel sleepy’

The optatives in Bulgarian are derived from personal transitive imperfective verbs²³ with a full paradigm of the category person that are neither formally nor

²⁰ Some characteristics of mental predicates like *струва ми се* (it seem to me) and predicates for an unreal perception like *привижда ми се* (to see things) have been outlined for Bulgarian (Джонова / Dzhonova 2008: 236–237).

²¹ <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/пре-/> <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/до-/>

²² Some authors consider such verbs built directly from optative diathesis (Джонова / Dzhonova 2008: 232; Иванова и др. / Ivanova et al. 2021: 258–262) and an argument in favor of this is that the semantic structure of the inchoative predicates repeats the structure of the source optative diathesis (Иванова и др. / Ivanova et al. 2021: 261). A counter-argument comes from the meaning of word-forming prefixes, which in themselves express optative semantics, as well as from the formation of both perfective and secondary imperfective verbs, which is a regular word-formation mechanism: *присни ми се*, *приспива ми се* (tend to feel like sleeping). If we look closely at the semantic structure of optative diathesis and prefixed inchoative verbs with optative semantics, we will in fact see that they join different participants: source predicate: *Спя до късно*, **Спя от шума* (I sleep late, *I sleep from the noise); derived optative diathesis: *Спи ми се до късно*, **Спи ми се от шума* (I feel like sleeping late, *I feel like sleeping from the noise); inchoative verb with optative meaning: **Приспива ми се до късно*, *Приспива ми се от шума* (*I tend to feel like sleeping late, I tend to feel like sleeping from the noise).

²³ The limitation to imperfective source verbs is implied by the statement that those are verbs that can express prolonged activities (Пенчев / Penchev 1998: 150).

lexically reflexive, optative, or middle²⁴ (Koeva 1998: 151; Коева / Koeva 2004: 201). The resulting optative diathesis is a personal imperfective intransitive verb with a restricted paradigm of the category person (third-person) and a full paradigm of the category number.

The restricted paradigm of the verb and the obligatory dative personal pronoun clitic are combinatorially linked (as with the reflexiva dativa tantum verbs): the paradigm of the category person is reflected in the dative personal pronoun clitic (the semantic subject with the semantic role of an **experiencer**) and the verb expresses the subject-predicate agreement in number (Коева / Koeva 2004: 200).

The compulsory dative personal pronoun clitic is used to convey the human (animate) subject of the source transitive diathesis as a prepositional object of the optative verb. The dative clitic can only be doubled with a prepositional phrase that introduces the word to which the clitic refers. It cannot be removed or replaced by another pronoun or noun (the source subject) (Коева / Koeva 2004: 201).

29.a. *Садят **ми** се цветя.*

I feel like planting flowers.

b. *На мене **ми** се садят цветя.*

As for me, I feel like planting flowers.

c. *На Светла **й** се садят цветя.*

As for Svetla, she feels like planting flowers.

The inanimate object of the transitive source verb acts as subject of the optative diathesis, a feature which the optative shares with the *se* passive²⁵ (Rivero 2003: 6; Коева / Koeva 2004: 201, Ницолова / Nitsolova 2008: 240). The optative marker, the particle *се* (*se*, oneself), appears at the position of the original object. The resultant optative diatheses are third-person verbs since they agree in number with the (inanimate) subject, which should be overtly expressed.

30.a. *Пее ми се **тази песен**.*

I feel like singing this song.

b. *Пеят ми се **тези песни**.*

I feel like singing these songs.

Both the source structure and the derived structure may have additional complements or adjuncts.

²⁴ Some authors argue that reflexive (Пенчев / Penchev 1998: 152; Димитрова / Dimitrova 2015: 32) verbs can form optative diathesis. However, verbs like *смея се*, *грижа се*, *храня се* (laugh, take care, feed myself) are not transitive and the optative diathesis such as *Хранят ми се лебедите* (I feel like feeding swans) is derived from the transitive non-reflexive counterpart *храня* (feed).

²⁵ Actually, R. Nitsolova considered optatives as a type of passive (Ницолова / Nitsolova 2008: 240).

31.а. *Ям ябълки на двора.*

I eat apples in the yard.

б. *Ядат ми се ябълки на двора.*

I feel like eating apples in the yard.

Since the source verbs are only imperfective, this limits the eventuality type to activities and states. And since the source subject can only be agentive and animate the only option to generate an optative diathesis from source transitive stative verbs is from verbs attaching animate conscious ‘doer’: *гледа ми се филм, слуша ми се музика* (I want to watch a movie, I want to listen to music), which excludes any stative transitive verbs in which the animate subject is an **experiencer**²⁶.

The conditions for the imperfective source predicate: agentive person (animate) source subject and inanimate source complement (direct object), might be further refined as follows.

In the case of imperfective verbs without a prefix, whether they are primary imperfective: *нося, мия* (carry, to wash), or formed from nouns or adjectives: *арестувам, чертая* (arrest, draw), or with an opaque word-building: *кисна, мъкна* (soak, drag), and whether or not they have a corresponding perfective verb: *родя – раждам, умира – умирам; меля, тия* (give birth – am giving birth, die – am dying; grind, drink), if the conditions for an agentive animate subject and for an inanimate object are fulfilled, the diathesis is realized without restrictions both in the positive and in the negative form.

32.а. *Момчето кара кола.* ‘управлявам превозно средство’

The boy drives a car. ‘to drive a vehicle’

б. *Кара му се кола.* ‘имам желание да управлявам превозно средство’

He feels like driving a car. ‘somebody has a desire to drive a vehicle’

с. *Не му се кара кола.* ‘нямам желание да управлявам превозно средство’

He does not feel like driving a car. ‘somebody doesn’t have a desire to drive a vehicle’

33.а. *Майката бърше прах.* ‘премахвам нещо от някаква повърхност, обикновено с парцал, кърпа и др.’

The mother is dusting. ‘to remove something from some surface, usually with a rag, cloth, etc.’

б. *Бърше ѝ се прах.* ‘имам желание да премахвам нещо от някаква повърхност, обикновено с парцал, кърпа и др.’

She feels like dusting. ‘somebody has a desire to remove something from some surface, usually with a rag, cloth, etc.’

²⁶ Examples provided to justify the relevance of the feature control (whether something is carried out according to somebody’s will) (Димитрова / Dimitrova 2015: 33) actually fit the class of eligible source diatheses.

с. *Не ѝ се бърше.* ‘нямам желание да премахвам нещо от някаква повърхност, обикновено с парцал, кърпа и др.’

She doesn't feel like dusting. ‘somebody doesn't have a desire to remove something from a surface, usually with a rag, cloth, etc.’

The definiteness of the derived object is not ruled out, but in such cases, the meaning of the optative construction is very limited (to express a desire to do something over a specific object) and is therefore rare.

34.a. *Детето яде супата с грах.* ‘приемам храна, храня се с нещо’

The child eats the soup with peas. ‘to take food, eat something’

б. *Яде му се супата с грах (а не доматената супа).* ‘имам желание да се храня с нещо’

He feels like eating the pea soup (not the tomato soup). ‘somebody has a desire to eat something’

The usual usage of optatives is with an indefinite subject, which relates to the semantics: to express a desire to do something over any object of a particular type. When the source object is human, the optative diathesis is possible only if the object is expressed by an indefinite noun.

35.a. *Полицаяте арестуват престъпници.* ‘поставям някого под арест’

Police officers arrest criminals. ‘to put someone under arrest’

б. *Арестуват им се престъпници.* ‘имам желание да поставям някого под арест’

They want to arrest criminals. ‘someone wants to put someone under arrest’

с. *Не им се арестуват престъпници.* ‘нямам желание да поставям някого под арест’

They don't want to arrest criminals. ‘someone doesn't want to put someone under arrest’

The imperfective verbs built with a prefix show the following dependencies:

If there is an aspect verb pair sharing the same root, but built without prefixation: *вдигна* – *вдигам* (to raise – am raising); *повдигна* – *повдигам* (to lift – am lifting); *кажа* – *казвам* (to say – am saying); *разкажа* – *разказвам* (to tell – am telling), the “secondary” imperfective verb can be considered as formed directly from the respective primary imperfective verb: *вдигам* – *повдигам* (to raise – am lifting), and thus, an optative diathesis can be formed.

36.a. *Състезателят вдига гири.* ‘вземам и издигам нещо по-високо’

The competitor lifts dumbbells. ‘to take and raise something higher’

б. *Вдигат му се гири.* ‘иска да вземе и издигне нещо по-високо’

He feels like lifting dumbbells. ‘somebody wants to take and raise something higher’

с. *Състезателят повдига гири, а не панели.* ‘вземам и издигам нещо по-високо, като го задържам за известно време’

The competitor lifts dumbbells, not panels. ‘to pick up and raise something higher, holding it for a while’

d. *Повдигат му се гири, а не панели.* ‘иска да вземе и издигне нещо по-високо, като го задържи за известно време’

He feels like lifting dumbbells, not panels. ‘somebody wants to pick up and raise something higher, holding it for a while’

However, if the secondary imperfective verb is a result of the derivational chain imperfect verb – perfect verb – imperfect verb: *шия* – *зашия* – *зашивам* (am sewing – sew up – am sewing up); *горя* – *изгоря* – *изгарям* (am burning – to burn up – am burning up); *гледам* – *погледна* – *поглеждам* (am looking – look up – I am looking up), the diathesis is not possible since the secondary imperfect verb is formed from the perfect one and the semantics of the perfect aspect is clearly preserved (the perfect aspect contradicts the stative meaning): **зашива ми се* (I feel like sewing something); **изгаря ми се* (I am burning up something); **поглежда ми се* (I feel like looking at something). Personal optative verbs cannot be built from source reflexive and reciprocal verbs simply because they are intransitive.

Dual aspect verbs, in as much as they can be interpreted as perfective or imperfective in different contexts, can also form an optative diathesis if they meet the rest of the conditions.

37.a. *Музикантът акордира пиана.* ‘настройвам хармонично клавирен инструмент’

The musician tunes pianos. ‘to harmonically tune a keyboard instrument’

b. *Акордират му се пиана.* ‘искам да настроя хармонично клавирен инструмент’

He feels like tuning pianos. ‘to feel like tuning a keyboard instrument’

To summarize, optative diathesis expresses individual-level (Kimian) states with a semantic argument **experiencer** and an inanimate grammatical subject, thus adding an additional class to the presented classification of stative verbs. If the source verb is an activity verb, the eventuality type of the optative diathesis is changed to an individual-level state. If the source verb is a stage-level stative predicate with a conscious participant, the state is also changed to an individual-level state.

5.2. Impersonal optatives

The impersonal optative diatheses exemplify the case in which the semantic role of source subject is changed and semantic role of the source complement object is reduced. There are some impersonal verbs (called impersonal reflexiva dativa tantum) whose structure coincides with the structure of impersonal optatives. They are reflexive by form, intransitive impersonal verbs that attach an obligatory dative clitic corresponding to the semantic subject. The categories of person and number of the semantic subject are again manifested by the dative clitic (Koeva 1998: 152).

38. *Не ми | ти | му | ни | ви | им се зловиди.*

I | you | he | we | you | they (do | does) not envy someone.

The impersonal reflexiva dativa tantum verbs also do not have either a desirable interpretation or a corresponding source diathesis.

The impersonal optative verbs are imperfective verbs with a limited paradigm of the category person (third-person) and of the category number (singular), while the full paradigm of the category person is manifested by the dative personal pronoun clitics (Коева / Koeva 2004: 203). The impersonal optatives, like optatives, do not describe a real situation but express the desire to carry it out; therefore, they express the eventuality type of state.

39.a. *Моряците ходят на дълги плавания.* ‘отивам някъде’

Sailors go on long voyages. ‘to go somewhere’

b. *Ходи им се (на моряците) на дълги плавания.* ‘иска ми се да отида някъде’

They (sailors) like to go on long voyages. ‘I feel like going somewhere’

Impersonal optatives correspond to source transitive and intransitive verbs with an animate subject, which is an agent. The semantic role of the source agent is shifted to an **experiencer** expressed by a dative personal pronominal clitic. Similarly to optatives, the dative clitic cannot be omitted or replaced by another pronoun or noun, but only doubled. The semantic role of the inanimate source object of transitive verbs is reduced, and in its position the optative particle *се* (se, oneself) is located. The appearance of other complements and adjuncts, as in the other cases, depends on the source verb.

Some authors consider that the source diathesis is restricted to verbs whose subjects can “control” the activity expressed by the predicate (Ницолова / Nitsolova 2008: 246; Димитрова / Dimitrova 2015: 33) and to support such a thesis the authors provide examples such as: **изпотява ми се, *радва ми се, *чува ми се, мига ми се, кашля ми се* (*I feel like sweating, *I feel like being glad, *I feel like hearing it, I feel like blinking, I feel like coughing); however, some of the structures are grammatically incorrect because the source verb cannot function without the marker *се* (being either formally or lexically reflexive), or connects **experiencer** subject (Коева / Koeva 1998: 152; Коева / Koeva 2004: 204) *радвам се, чувам* (glad, hear), while the last two examples are grammatical, although rare: *Ако ти се мига, ми кажи да спра с процедурата* (If you feel like blinking, tell me to stop the procedure).

Impersonal optatives correspond to source transitive and intransitive verbs with an animate subject, which can only be an active or conscious ‘doer’ of the action. The inanimate object of the transitive source verb is omitted; the optative marker *се* takes its position. In the case of a transitive source verb, the following transformations are eligible.

40.a. *Те строят къщи на това място.*

They build houses here.

b. *Строят им се къщи на това място.* (personal optative diathesis)

They feel like building houses here.

с. *Строи им се на това място.* (impersonal optative diathesis)

They feel like building here.

If the source transitive verb attaches an animate object, only an impersonal optative diathesis can be formed. If the source transitive verb attaches an inanimate object, it forms both an optative and an impersonal optative diathesis (Коева / Koeva 2004: 204).

41.а. *Тя чака Иван в стаята.*

She is waiting for Ivan in the room.

б. **Чака ѝ се Иван в стаята.* (personal optative diathesis)

She feels like waiting for Ivan in the room.

с. *Чака ѝ се в стаята.* (impersonal optative diathesis)

She feels like waiting in the room.

A number of the impersonal optatives correspond to intransitive verbs, and therefore they do not have optatives.

42.а. *Вървя бавно.*

I walk slowly

б. *Върви ми се бавно.* (impersonal optative diathesis)

I feel like walking slowly.

Inherently reflexive verbs require a subject that cannot be qualified as an **agent**, and accordingly do not form optative diathesis.

Inherently reciprocal verbs require equivalent restrictions for the animacy of their arguments, so they can only have animate subjects. Since such verbs are intransitive, they only form impersonal optative constructions.

43.а. *Той се състезава с по-слаб противник.*

He is competing with a weaker opponent.

б. *Състезава му се с по-слаб противник.*

He feels like competing with a weaker opponent.

Impersonal optative diatheses are individual-level (Kimian) states with a semantic argument **experiencer**. If the source verb is an activity verb, the eventuality type of the impersonal optative diathesis is changed to an individual-level state. If the source verb is a stage-level stative predicate with a **conscious participant**, the state is changed to an individual-level state. The same correspondences between different types of impersonal verbs and options for deriving impersonal optative diathesis are valid as with the personal optative verbs.

6. “Oblique” subjects

When the semantic role of the subject does not change and the semantic role of the prepositional object is reduced but the source noun from the prepositional

phrase is realized as the derived subject, the so-called “**oblique subject**” **diathesis** is realized. The condition for this type of alternation is a source three-place predicate with arguments: a subject, a complement noun phrase, and a complement prepositional phrase. The alternations that fall into this group are: Natural force subject, Instrument subject, Locatum subject, Raw Material Subject (Levin 1993: 79–83). In our view, the other two alternations that are included in the group: Time subject (*The world saw the beginning of a new era in 1492; 1492 saw the beginning of a new era.*) (Levin 1993: 79) and Sum of Money Subject (*I bought (you) a ticket for \$5; \$5 will buy (you) a ticket*) (Levin 1993: 83) express a metaphorical meaning, while the Source Subject alternation formally does not belong to this class (*The new tax laws will benefit the middle class; The middle class will benefit from the new tax laws*) (Levin 1993: 83) as the subject is derived from the source direct object, and in Bulgarian this can be classified as an active-passive alternation (*Новите данъчни закони ще облагодетелстват средната класа; Средната класа ще се облагодетелства от новите данъчни закони*).

The “oblique” subject diatheses do not involve a change in transitivity, but they do involve a change in the number of noun phrases found with the verb. The derived subjects have been referred to as “oblique” subjects because the source prepositional phrases are sometimes called oblique (Levin 1983: 79).

6.1. Bulgarian “oblique” subjects

The number of semantic arguments in a **prototypical diathesis** is reduced by one in comparison to the basic diathesis (e.g., the verb is bivalent while its source counterpart is trivalent). The semantic role of the subject to the predicate is unaffected by the alternation, while the semantic role of the complement prepositional object is reduced. While the agent of the source diathesis (the subject) is entirely removed, the “oblique” subject corresponds to the source prepositional object. At the syntactic level, this reflects the change of the syntactic category and the grammatical role of the source prepositional complement (respectively to a noun phrase and subject), and at the morphological level, the “oblique” subject diathesis is formally coded by means of the reduction of the verb category person to the third-person singular and plural, which is due to the restriction for an inanimate subject. There are some examples below:

Natural force subject

44.a. *Тя изсуши (суши, изсушава) дрехите на слънцето.* ‘правя нещо мокро да стане сухо, като осигурявам причина за това’

She dried up (dried, was drying up) the clothes in the sun. ‘to cause something wet to become dry’

b. *Слънцето изсуши (суши, изсушава) дрехите.* ‘нещо прави нещо мокро да стане сухо’

The sun dried up (dried, was drying up) the clothes. ‘something causes something wet to become dry’

Instrument subject

45.а. *Рибарите чунят* (ще счупят, счупват) *леда с греблата*. ‘правя нещо твърдо да стане на късове, като използвам инструмент’

Fishermen break (will break up, break up) the ice with their oars. ‘to break something solid into pieces by using an instrument’

б. *Греблата чунят* (ще счупят, счупват) *леда*. ‘даден инструмент прави нещо да стане на късове’

The oars break (will break up, break up) the ice. ‘an instrument makes something fall to pieces’

Locatum subject²⁷

46.а. (той) *напълни* (пълни, напълва) *чашата с вино*. ‘пълня догоре, докрай някакъв съд с нещо’

He filled up (is filling, is filling up) the glass with wine. ‘to fill a vessel to the top with something’

б. *Виното напълни* (пълни, напълва) *чашата*. ‘нещо заема изцяло някакво пространство; изпълва’

The wine filled up (is filling, is filling up) the glass. ‘something completely occupies some space; fills up’

Raw material subject²⁸

47.а. *Тя направи* (прави) *хубави сапунени мехури с тази пяна*. ‘създавам нещо от някакъв материал’

She made (makes) *nice soap bubbles with this foam*. ‘to create something from raw material’

б. *Тази пяна направи* (прави) *хубави сапунени мехури*. ‘за материал – създава нещо’

This foam has made (makes) nice soap bubbles. ‘for a raw material – creates something’

A peculiarity of the source diathesis is that both the subject and the prepositional object have similar semantics; the first one causes something to happen, and the other provides the conditions, the “reason” for the event to occur. Thus, in the source diathesis, the prepositional object expresses the inanimate cause of the action, and the subject – an animate agentive causer, which provides the option for the inanimate cause to affect the affected object. In the source diathesis, the verbs are perfective and imperfective, and the subject is agentive (causer) (Koeva 2022a: 85).

²⁷ The source verbs are categorized as **fill verbs** and include words like *adorn, bandage, bind, block, cover, decorate, enrich, fill, mask, saturate, surround, tile, vein*, etc. (Levin 1993: 81).

²⁸ Alternating verbs are **build verbs**: *bake, carve, cook, make, sew, spin, weave*, etc. (Levin 1993: 82).

A distinction between two types of instruments, pure instruments and instruments causers, is proposed (Kamp, Rossdeutscher 1993:143-145): pure instruments can be conceived as an auxiliary used by the **agent**, and the respective verbs are not involved in the instrument subject diathesis (*The doctor cured the patient with his scalpel*, **The scalpel cured the patient*); on the other hand, instruments causers could act on their own (with the implication that the **agent** has been involved), and they can become subjects (*The doctor cured the patient with camomile*, *The camomile cured the patient*) (Alexiadou, Schäfer 2006: 42).

The source semantic role of the preposition object may vary across various “oblique subject” diatheses. However, the semantics in common among the presented group of diatheses is that the semantic role of the prepositional object is reduced, and the nouns eligible for this position can act as inanimate subjects, which are causers.

It is noteworthy that in Bulgarian, if the source verb for the “oblique” subject diathesis is in the perfective form, the dynamic eventuality type is preserved in the derived structure, whereas if it is in the imperfective form, the derived structure can be interpreted as either: a) something that is happening (at the moment), in which case the eventuality type is dynamic (both with perfect and imperfect verbs), or b) something that is true generally or for a specific period of time, and in such a case the eventuality type is a state (Koeva 2022a: 86). Although in both cases the source predicates are equal, the two interpretations should be seen as different types of diatheses: if the eventuality type of the source and the derived predicate is left unchanged, the diathesis is an “oblique” subject; if it is changed from a dynamic eventuality type to a stative one, the derived diathesis is the **property of “oblique” subject**.

6.2. Property of “oblique” subjects

Similarly to the “oblique” subject diathesis, the number of semantic arguments is reduced by one in comparison to the basic diathesis, resulting in a bivalent structure. The difference is that the semantic role of the subject to the predicate is affected by the alternation, while at the same time the semantic role of the prepositional object is removed. The source prepositional object’s syntactic category and grammatical role are modified, and the derived diathesis is formally coded at the morphological level by reducing the verb category person to the third-person singular and plural, which is due to the restriction for an inanimate subject.

44.c. *Слънцето суши (изсушава) дрехите*. ‘природна сила има свойството да прави нещо мокро да стане сухо’

The sun dries (dries up) the clothes. ‘a natural force has the property of making something wet become dry’

45.c. *Греблата чупят (счупват) леда*. ‘даден инструмент има свойството да прави нещо да стане на късове’

The oars break (break up) the ice. ‘an instrument has the property of making something come to pieces’

46.c. **Виното** *пълни* (напълва) *чашата*. ‘нещо има свойството да заема изцяло някакво пространство’

The wine fills (fills up) the glass. ‘something has the property of completely occupying some space’

47.c. **Този пяна** прави хубави сапунени мехури. ‘за материал – има свойството от него да се създава нещо’

This foam makes nice soap bubbles. ‘for a material – it has the property of creating something from it’

It was suggested for the instrument subject diathesis that the derived subjects are neither causers nor instruments if they are not perceived as causing an event or as being used by an **agent**, rather, in such cases, the verb predicates a property of the subject considered a **theme** (Ježek, Varvara 2015). The same conclusion can be drawn about the derived subjects in all diatheses from this group. The **property of “oblique” subject** diathesis, in contrast to “oblique” subject diathesis, is characterized by a shift in the subject’s semantic role and a reduction of the semantic role of the prepositional complement. The predicate’s eventuality type is consequently altered from dynamic to stative.

The alternations Container subject, Abstract cause subject and Location subject (Levin 1983: 81–82) can also be attributed to this group.

Container subject²⁹

48.a. (ние) *Включваме новите резултати в обзора*. ‘прибавям нещо към състава, съдържанието на друго нещо’

We include the new results in the overview. ‘to add something to the composition, the content of another thing’

b. **Обзорът** *включва новите резултати*. ‘нещо има в състава, в съдържанието си нещо’

The overview includes the new results. ‘something has in its composition, in its content, something’

Abstract cause subject³⁰

49.a. (той) *Доказва невинността си с тази снимка*. ‘показвам истинността на нещо с помощта на доводи и факти’

He proves his innocence with this photo. ‘to show the truth of something by means of arguments and facts’

²⁹ Alternating verbs are, for example: *amalgamate, contain, embed, include, incorporate, integrate, omit* (Levin 1993: 82).

³⁰ Alternating verbs are verbs such as *assert, confirm, demonstrate, establish, explain, imply, indicate, justify, nullify, obscure, proclaim, predict, prove, reveal, show, suggest*, and so on (Levin 1993: 81).

b. **Тази снимка** доказва невинността му. ‘нещо служи за доказателство, потвърждение за нещо’

This photo proves his innocence. ‘something serves as proof, confirmation of something’

Location subject³¹

50.a. **Ние побираме пет книги в една чанта.** ‘слагам, поставям обикновено голям брой предмети в ограничено по обем място’

We fit five books in one bag. ‘to put, to place usually a large number of objects in a limited volume space’

b. **Една чанта** побира пет книги. ‘за помещение, съд, мебел и др. – има свойството да осигурява място, в което да се разположи, намести нещо’

One bag fits five books. ‘for a room, vessel, furniture, etc. – provides, gives a place for something to be located, set up’

In summary, stative predicates are not involved in the “oblique” subject diathesis at either the source or the derived level, and the diathesis operates over the predicate rather than the sentence. The “oblique” subject affects Bulgarian perfective and imperfective verbs expressing activity eventuality type. Individual-level states cannot participate in the property of “oblique” subject diatheses as source predicates: even if the verbs are transitive, their subjects are either experiencers or animate and inanimate themes. There are no stage-level states that match the characteristics of the source diatheses, either. The derived predicates of the “oblique” subject diathesis maintain the eventuality type of the source predicate and are not states. The property of “oblique” subject diathesis, a new type of diathesis that is described, only works with imperfective transitive source verbs, which are ineligible to be stative predicates. Only individual-level states involving inanimate subjects and inanimate objects are expressed by the property of “oblique” subject diathesis.

7. Conclusion

In the presented study, we consider one grammatical diathesis (participial passive) and several lexical diatheses in Bulgarian (*se* passive, impersonal participle passive, impersonal *se* passive, middle, anticausative, lexically reciprocal, optative, impersonal optative).

Lexical diatheses can be either argument-structure preserving (meaning that the number of semantic roles remains the same but at least one of the arguments obtains a new semantic role) or argument-structure modifying (where there are different semantic roles of the arguments in the alternating diatheses). We present closely only one grammatical diathesis – the periphrastic passive.

³¹ Alternating verbs are **fit verbs** such as *contain, fit, feed, hold, store*, etc. (Levin 1993: 82).

The number of the semantic arguments is preserved by passives, lexical reciprocals, and optatives. The passive diathesis does not alter the semantic roles of the arguments; the change affects their grammatical roles and the syntactic category of the source subject. With lexical reciprocal diathesis, the semantic roles of both arguments change, as do the grammatical role and the syntactic category of the source object. With the optative diathesis, the semantic role of the subject shifts from **agent** to **experiencer**, and the syntactic category of the source subject is also changed.

The impersonal passives (both participial and *se* passive), impersonal optatives, middles, and anticausatives demonstrate a reduction of the semantic role as follows: both the source subject and the source object with the impersonal passives, and the source subject – with the remaining two diatheses. The reduction of the semantic role is accompanied by a change in the semantic role, grammatical role, and syntactic category of the source subject (for impersonal optatives) or by a change in the grammatical role of the source object (for middles and anticausatives).

Verb aspect, verb transitivity and semantic properties of arguments such as **human**, **animate**, **agent**, and **experiencer** determine the formation of alternations, operating as follows:

All diatheses under consideration have source verbs with a full paradigm of the person and number categories, and the passives and the lexical reciprocals correlate with the source verbs in both perfective and imperfect forms. The remaining diatheses are formed from imperfective verbs, with some restrictions depending on the derivation from perfective verbs.

The source diathesis for passive (both types), impersonal passive (both types), middle, anticausative, lexically reciprocal, optative, and impersonal optative is a transitive verb. With the impersonal passive and impersonal optative, the source diathesis can also be an intransitive verb.

All considered diatheses lose the transitivity of the source verb; the derived verb is a compound formed with the marker *se*, which marks the intransitivity, and, depending on the semantics of the diathesis, can be called a passive marker, an impersonal passive marker, an optative marker, a middle marker, an anticausative marker, a reciprocal marker, an optative marker, or an impersonal optative marker. Only the participial passive diathesis possesses all forms for person and number, the others are limited to the third-person, and the impersonal diathesis to the singular.

Passives preserve the eventuality type of the source predicate. Personal passives can be built from individual-level states with a topical argument expressing an inherent property psychological experience, animacy, and inanimacy, and from stage-level states with a topical argument expressing the property conscious participation. Only source stage-level state predicates with the topical argument characterized by the property **intentional participation** build impersonal passives.

The lexical reciprocals do not change the eventuality type: an activity predicate derives a reciprocal activity predicate, and a state predicate derives a reciprocal state predicate.

Middles and anticausatives in Bulgarian affect only verbs expressing an activity (with the exception of stage-level states with an argument experiencing conscious participation, which build “impersonal dispositional middle”). The derived predicates are different types of states; dispositional middles are individual-level states, while anticausatives are stage-level states.

Both optative diatheses (personal and impersonal) are expressed by individual-level states with a topical argument psychological experiencer. If the source verb is an activity verb, the eventuality type of the optative diathesis is changed to the individual-level state. If the source verb is a stage-level stative predicate with a conscious participant, the derived state is changed to an individual-level state.

The property of “oblique” subject diathesis, a new type of diathesis that has been described, only works with source imperfective transitive verbs expressing activities. The derived diatheses are individual-level states with an inanimate topical argument.

Acknowledgements

This research is carried out as part of the project *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian Study* funded by the Bulgarian National Science Fund under the Program for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ/23 from 2020.

References

- Alexiadou 2010: Alexiadou, A. On the morpho-syntax of (anti-)causative verbs. – In: Rapaport Hovav, M., Doron, E., Sichel, I. (eds.) *Syntax, Lexical Semantics and Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, pp. 177–203.
- Alexiadou, Doron 2012: Alexiadou, A., Doron, E. The syntactic construction of two non-active voices: Passive and middle. – In: *Journal of Linguistics* 48, pp. 1–34.
- Alexiadou, Schäfer 2006: Alexiadou, A., F. Schäfer. Instrument subjects are agents or causers. – In: Baumer D., Montero, D., M. Scanlon (ed.) *Proceedings of the 25th West Coast Conference on Formal Linguistics*, Somerville: Cascadilla Proceedings Project, pp. 40–48.
- Babby 1998: Babby, L. H. Voice and Diathesis in Slavic. – In: *Workshop on Comparative Slavic Morphosyntax*, Indiana: Indiana University, pp. 1–61.
- Bybee et. al. 1994: Bybee, J. L., Perkins, R., P. W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bach 1981: Bach, E. On time, tense, and aspect: An essay in English metaphysics. – In: Cole, P. (ed.) *Radical pragmatics*, New York, Academic Press, pp. 63–81.
- Barakova 1981: Баракова, П. Пасив и глаголна лексика. – В: *Български език*, 1, с. 3–12. (Barakova, P. Pasiv i glagolna leksika. – In: *Balgarski ezik*, 1, pp. 3–12.)
- Carlson 1977: Carlson, G. *Reference to Kinds in English*. Doctoral dissertation, University of Massachusetts.
- Comrie 1988: Comrie, B. Passive and voice. – In: Shibatani, M. (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 9–23.
- Davidson 1967: Davidson, D. The Logical Form of Action Sentences. – In: Rescher N. (ed.) *The Logic of Decision and Action*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, pp. 81–95.

- Dimitrova 2015: Димитрова М. Оптативните конструкции в съвременния български език: свобода и ограничения в образуването им. – В: *Български език*, кн. 3, с. 25–37. (Dimitrova 2015: Dimitrova M. Optativnite konstruktсии v savremenniya balgarski ezik: svoboda i ogranicheniya v obrazuvaneto im. – In: *Balgarski ezik*, kn. 3, pp. 25–37.)
- Dowty 1979: Dowty, D. *Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.
- Dzhonova 2008: Джонова М. Аргументна структура на изреченията, съдържащи предикат с непряко допълнение експериенцер от типа „спи ми се“. – В: Comati S. (ed.) *Bulgarica – studia et argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolovazum 65. Geburtstag*. München: Otto Saggner, с. 231–240. (Dzhonova M. Argumnetna struktura na izrecheniyata, sadarzohashti predikat s nepryako dopalnenie ot tipa “spi mi se”. – In: Comati S. (ed.) *Bulgarica – studia et argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolovazum 65. Geburtstag*. München: Otto Saggner, pp. 231–240.)
- Dzhonova, Mihaylova 2021: Джонова, М., В. Михайлова. Рефлексивният пасив в българския и румънския език – форми и употреба. – В: *Съпоставително езикознание*, т. XLVI, 2–3, с. 50–55. (Dzhonova, M., B. Mihaylova, Refleksivniyat pasiv v balgarskia i rumanskia ezik – formi i upotreba, – In: *Sapostavitelno ezikoznanie*, t. XLVI, 2–3, pp. 50 – 55).
- Filip 1999: Filip, H. *Aspect, eventuality types, and nominal reference*. New York: Garland Pub.
- Fillmore 1970: Fillmore, C. J. Subjects, Speakers and Roles. – In: *Semantics of Natural Language*, Vol. 21, No. 3/4, pp. 251–274.
- Geniušienė 1987: Geniušienė, E. *The typology of reflexives*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Givon 1994: Givón, T. *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Vol. II. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins.
- Grimshaw 1990: Grimshaw J. *Argument Structure*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Grosz 2012: Grosz, P. G. *On the Grammar of Optative Constructions*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Guentchéva, Asenova 2006: Генчева, З., П. Асенова. Рефлексив и медиум в балканските езици. – В: *Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст.н.с. I ст. д.ф.н. Йордан Пенчев Пенчев*, София: Издателство „Артграф“, с. 442–454. (Guentchéva, Z., P. Asenova. Refleksiv i medium v balkanskite ezitsi. – In: *Ezikovedski izsledvaniya v chest na 75-godishninata ot rozhdenieto na st.n.s. I st. d.f.n. Yordan Penchev Penchev*, Sofia: Izdatelstvo “Artgraf”, pp. 442–454.)
- Guentchéva, Rivière 2007: Guentchéva, Z., N. Rivière. Reciprocal and reflexive constructions in French. – In: Nedjalkov, V. P. (ed.). *Reciprocal Constructions*, volume 2 of *Typological Studies in Language* 71, John Benjamins Publishing Company, pp. 561–607.
- Guglielmo 2021: Guglielmo, I. Towards a typology of middle voice systems. – In: *Linguistic Typology*. <<https://doi.org/10.1515/lingty-2020-013>> [31.08.2022]
- Haspelmath 2007: Haspelmath, M. Further remarks on reciprocal constructions. – In: Nedjalkov, V. (ed.) *Reciprocal Constructions*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 2087–2115.
- Haspelmath, Müller-Bardey 2004: Haspelmath, M., T. Müller-Bardey, Valency change. – In: Booij, G., Lehmann, C., Mugdan, J., Skopeteas, S. (eds.) *Morphology: A Handbook on Inflection and Word Formation*, Vol. 2. Berlin: de Gruyter, pp. 1130–1145.
- Ivanova 1983: Иванова, К. Залог на глагола. – В: *Граматика на съвременния български книжовен език*. Т. 2 *Морфология*. София: Издателство на БАН, с. 249–254. (Ivano-

- va, K. Zalg na glagola. – In: *Gramatika na savremennia balgarski knizhoven ezik*. T. 2 *Morfologiya*. Sofia: Izdatelstvo na BAN., pp. 249–254.)
- Ivanova et al. 2021: Иванова, Е., Джонова, М., Лесева, С. Инхоативная деривация в болгарском языке: предикаты состояний и их производные. – В: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. т. 17.3., с. 218–286. (Ivanova, E., Dzhonova, M., Leseva S. Inchoative derivation in Bulgarian: State predicates and their derivatives. Available – In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. Vol. 17.3., pp. 218–286.)
- Ježek, Varvara 2015: Ježek, E., Varvara, R. Instrument subjects without instrument role. – In: *Proceedings of the 11th joint ACL-ISO workshop on interoperable semantic annotation*. <<https://aclanthology.org/W15-0206.pdf>> [31.08.2022]
- Kamp, Rossdeutscher 1994: Kamp, H., A. Rossdeutscher. Remarks on lexical structure and DRS construction. – In: *Theoretical Linguistics*, 20, pp. 97–164.
- Katz 2003: Katz, G. Event arguments, adverb selection, and the Stative Adverb Gap. – In: E. Lang, E., Maienborn, C. And C. Fabricius-Hansen (eds). *Modifying Adjuncts*, Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 455–474.
- Keenan, Dryer 2007: Keenan, E. L., M. S. Dryer. Passive in the world's languages. – In: Shopen, T. (ed.) *Clause structure, language typology and syntactic description*, vol. 1, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 301–348.
- Kim 1976: Kim, J. Events as Property Exemplifications. – In: Brand, M., D. Walton (eds.) *Action Theory. Proceedings of the Winnipeg Conference on Human Action*, Dordrecht: Reidel, pp. 159–177.
- Klaiman 1991: Klaiman, M. H. *Grammatical voice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Koeва 1995: Коева, С. Семантична и синтактична интерпретация на реципрочните изречения. – В: *Български език*, 1/2, с. 160–163. (Koeva, S. Semantichna i sintaktichna interpretatsiya na retsirochnite izrecheniya. – In: *Balgarski ezik*, 1/2, pp. 160–163.)
- Koeва 1997: Коева С. Класификация на българските глаголи. – В: *Български език*, 6, с. 22–28. (Koeva, S. Klasifikatsiya na balgarskite glagoli. – In: *Balgarski ezik*, 6, pp. 22–28.)
- Koeва 1998: Коева, С. Reflexive, passive, optative, reciprocal and impersonal verbs in Bulgarian. – В: *Научни трудове на Пловдивския университет – Филология*, 36, 1, с. 142–157. (Koeva, S. Reflexive, passive, optative, reciprocal and impersonal verbs in Bulgarian. – In: *Nauchni trudove na Plovdivskiya universitet – Filologiya*, 36, 1, pp. 142–157.)
- Koeва 2004: Коева С. Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език. – В: Пенчев Й. и др. (ред.) *Българско езикознание*. Т. 4: *Когнитивна граматика на българския и френския език – описание и формализация*. София: Издателство на БАН, с. 182–231. (Koeva 2004: Koeva S. Semantichno i sintaktichno opisanie na diatezite v balgarskiya ezik. – In: Penchev J. i dr. (red.) *Balgarsko ezikoznanie*. Т. 4: *Kognitivna gramatika na balgarskiya i frenskiya ezik – opisanie i formalizatsiya*. Sofia: Izdatelstvo na BAN, pp. 182–231.)
- Koeва 2005: Коева, С. Синтактични трансформации. – В: *Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение*. София: Сема РШ, с. 106–139. (Koeva, S. Sintaktichni transfotmacii. – In: *Argumentna struktura. Problemi na prostoto i slozhnoto izrechenie*. Sofia: Sema RSH, pp. 106–139.)

- Koeva 2006: Коева С. Синтактични редувания в български – диатези и алтернации. – В: *Български език*, 2006, кн. 4, с. 19–32. (Koeva Sv. Sintaktichni reduvaniya v balgarski – diatezi i alternatsii. – In: *Balgarski ezik*, 2006, kn. 4, pp. 19–32.)
- Koeva 2007: Koeva S. Bulgarian Alternations – Lexicon or Grammar? – In: *Southern Journal of Linguistics*, 29, pp. 49–70.
- Koeva 2022a: Коева, С. Система на диатезите в български. – В: Коева, С., М. Стаменов (съст.) *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“* (София, 2022). София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 81–91. (Koeva, S. Sistema na diatezite v balgarski. – In: Koeva, S., M. Stamenov (sast.) *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“* (Sofia, 2022). Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 81–91.)
- Koeva 2022b: Коева С. Семантична класификация на предикатите за състояние в български. – В: *Български език. Приложение*, 69, с. 367–389. (Koeva S. Semantichna klasifikatsiya na predikatite za sastoyanie v balgarski. – In: *Balgarski ezik. Prilozhenie*, 69, pp. 367–389.)
- Kratzer 1995: Kratzer, A. Stage-Level and Individual-Level Predicates. – In: Carlson, G. N., Pelletier, F. J., (eds.) *The Generic Book*. Chicago, London, The University of Chicago Press, pp. 125–175.
- Kulikov 2011: Kulikov, L. I. Voice typology. – In: *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, pp. 368–398.
- Kulikov 2013: Kulikov, L. Middle and reflexive. – In: Silvia Luraghi, S., C. Parodi (eds.) *The Bloomsbury companion to syntax*, London: Bloomsbury, pp. 261–280.
- Kutsarov 2007: Куцаров, И. *Теоретична граматика на българския език. Морфология*. Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски“. (Kutsarov 2007: Kutsarov, I. *Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik. Morfologiya*. Plovdiv: Universitetsko izdatelstvo „Paisii Hilendarski“.)
- Landau 2010: Landau I. *The Locative Syntax of Experiencers*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Levin 1993: Levin, B. *English Verb Classes and Verb Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago – London: University of Chicago Press.
- Levin, Rappaport 2005: Levin, B., M. Rappaport. *Argument Realization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maenborn 2019: Maenborn C. Events and states. – In: Truswell R. (ed.) *The Oxford Handbook of Event Structure*. Oxford, Oxford University Press, pp. 50–89.
- Michaelis 2011: Michaelis, L A. Stative by Construction. – In: *Linguistics*, 49(6), pp. 1359–1399.
- Mel’čuk 2006: Mel’čuk, I. *Aspects of the Theory of Morphology*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Mel’čuk, Holodovič 1970: Мельчук И. А., Холодович, А. А. К теории грамматического залога. – В: *Народы Азии и Африки*. No 4. с. 111–124. (Mel’čuk, I., A. Holodovič. К теории gramaticheskova zaloga. – In: *Narody Azii i Afriki*. No 4, pp. 111–124.)
- Nedjalkov 2007: Nedjalkov, V. Overview of the research. Definitions of terms, framework, and related issues. – In: Nedjalkov, V. (ed.) *Reciprocal Constructions*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 3–114.

- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. (Nitsolova, R. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo „Sv. Kliment Ohridski“.)
- Partee 1984: Partee, B. Nominal and temporal anaphora. – In: *Linguistics and Philosophy*. 7, pp. 243–286.
- Penchev 1995: Пенчев, Й. Функции на форманта *се / си* в съвременния български език. – В: *Български език*, кн. 5/6, с. 404–418. (Penchev 1995: Penchev J. Funktsii na formanta *se / si* v savremenniya balgarski ezik. – In: *Balgarski ezik*, kn. 5/6, pp. 404–418.)
- Penchev 1998: Пенчев, Й. *Синтаксис на съвременния български книжовен език*. Асеновград: Издателска къща „Вечерник“. (Penchev, Y. *Sintaksis na savremenniya balgarski knizhoven ezik*. Asenovgrad: Izdatelska kashta “Vechernik”.)
- Penchev 2007: Penchev, J. Reciprocal and reflexive constructions in Bulgarian. – In: Nedjalkov, V. P. (ed.) *Reciprocal Constructions*, volume 2 of *Typological Studies in Language* 71, John Benjamins Publishing Company, pp. 609–632.
- Petrova 2008: Петрова, Г. *Функции на клитиките се и си в съвременния български език*. Бургас: Димант. (Petrova G. *Funktsii na klitikite se i si v savremenniya balgarski ezik*. Burgas: Dimant.)
- Rivero 2003: Rivero, M. L. Reflexive clitic constructions with datives: syntax and semantics – In: Browne, W., Kim, J.-Y., Partee, B., Rothstein, R. (eds.) *Formal approaches to Slavic linguistics II. The Amherst Meeting*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, pp. 469–494.
- Savova 2018: Савова, Д. Синтактични конструкции с логически субект ‘глагол+ми се’ в българския език. – В: *Slavia Meridionalis*, 18, с. 1–21. (Savova, D. Sintaktichni konstruktсии s logicheski subekt ‘glagol + mi se’ v balgarskiya ezik. – In: *Slavia Meridionalis*, 18, 1–21.)
- Slavcheva 2010: Славчева, М. *Семантични дескриптори на рефлексивни по форма глаголни структури в съвременния български, френски и унгарски език*, дисертация. (Slavcheva 2010: Slavcheva, M. *Semantichni deskriptori na refleksivni po forma glagol-ni strukturi v savremenniya balgarski, frenski i ungarski ezik*, disertatsiya.)
- Van Valin, LaPolla 1997: Van Valin R. D., R. J. LaPolla. *Syntax: Structure, meaning and function*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vendler 1957: Vendler, Z. Verbs and times. – In: *Philosophical Review*, 56, pp. 143–160.
- Zúñiga, Kittilä 2019: Zúñiga, F., S. Kittilä. *Grammatical voice*. Cambridge: Cambridge University Press.

**Система на диатезите в българския език с фокус
върху предикатите за състояние**

Светла Коева

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките
svetla@dcl.bas.bg

Резюме

В изследването се разглеждат граматически и лексикални диатези в български, като се прилага семантичен анализ на езиковите факти. Наричаме лексикална диатеза редуванията, които освен с промени на граматично равнище се характеризират с промяна или редукция на поне една семантична релация. Лексикалните диатези, които се обект на това изследване, са: *се* пасивът, безличният пасив (причастен и рефлексивен), средната диатеза, антикаузативът, лексикалната реципрочна диатеза, оптативът и безличният оптатив. Разглеждат се семантичните и граматичните характеристики (аргументи и семантични роли; вид на глагола, транзитивност, морфологични категории на глаголната лема) на изходните и производните диатези. Проследява се каква е корелацията между изходния и производния предикат от гледна точка на изразявания ситуационен тип: действие – състояние или състояние – състояние.

Ключови думи: *диатеза, предикати за състояние, пасиви, средни глаголи, антикаузативи, реципрочна диатеза, оптативи*

Svetla Koeva
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52, Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia 1113 Bulgaria
<https://orcid.org/0000-0001-5947-8736>

ДИАТЕЗЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИЙ

Мария Овсянникова

Институт лингвистических исследований, РАН

masha.ovsjannikova@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются диатезы, диатетические альтернации и отдельные конструкции, свойственные глаголам эмоций в русском языке. Особое внимание уделено пределам диатетических альтернаций и тем типам употреблений, которые оказываются за их рамками. В частности, обсуждаются различия между разными типами конструкций с дополнением в творительном падеже при переходных глаголах эмоций, а также употребления возвратных глаголов эмоций для введения прямой речи. Также анализируется распределение употреблений глаголов эмоций с точки зрения частотности различных диатез и конструкций, и отмечаются такие конструкции, которые являются специфическими для отдельных глаголов эмоций.

Ключевые слова: глаголы эмоций, диатеза, альтернация, семантический сдвиг

1. Введение

Как неоднократно отмечалось в литературе, глаголы эмоций отличаются особым разнообразием возможных способов соответствия между участниками и синтаксическими позициями, т. е. диатез, см. (Croft 1993; Падучева / Paducheva 2004: 273; Verhoeven 2007: 44). В ситуациях, которые описывают эти глаголы, обычно присутствуют два участника: экспериенцер – участник, испытывающий эмоцию, – и стимул, вызывающий данную эмоцию. Во многих языках существуют пары деривационно связанных и/или близких по значению глаголов эмоций, при одном из которых позицию подлежащего занимает экспериенцер, а при другом – стимул. В русском языке такие пары обычно включают переходный глагол с подлежащим-стимулом и возвратный глагол с подлежащим-экспериенцером, как в паре *удивлять – удивляться* в 1.–2. В таких парах состоит большая часть глаголов эмоций русского языка, см. (Овсянникова / Ovsjannikova 2019).

1. *Меня, как и многих зрителей, удивляло отношение Кононова к своей роли:* <...> [Форум «Большая перемена», 2001–2011]

2. *И он каждый раз удивляется находке и радуется ей:* <...> [Виктор Конецкий. «Вчерашние заботы», 1979]

* Мария Овсянникова. Диатезы русских глаголов эмоций. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 161–179.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.06>

В типологической литературе разнообразие синтаксических типов глаголов эмоций и распространенность альтернативных конструкций с подлежащим-экспериенцером и подлежащим-стимулом объясняется тем, что семантически и экспериенцер, и стимул могут претендовать на позицию подлежащего: экспериенцер – как единственный участник ситуации, который обязательно является одушевленным и обычно личным, стимул – как участник, который служит причиной возникновения ситуации, воздействует на экспериенцера (Dowty 1991: 579; Bossong 1998: 259).

Предлагались различные подходы к проблеме выбора диатезы в случае альтернации. Во многих формальных подходах распределение глаголов таких пар предлагается объяснять различием в семантических ролях участников (Grimshaw 1990; Pesetsky 1995). Другое объяснение состоит в том, что выбор между диатезами с подлежащим-экспериенцером и подлежащим-стимулом связан с коммуникативными рангами участников, т. е. тем, какой из них обладает тематическим статусом (Падучева / Paducheva 2004: 281–282). С этой точки зрения альтернацию переходных и возвратных глаголов эмоций сравнивают с пассивом (Апресян / Apresyanyan 1998; Падучева / Paducheva 2004: 273–306). В работе (Овсянникова / Ovsyannikova 2015) на основе анализа корпусных данных предлагается связывать выбор диатезы глаголов эмоций с дискурсивными функциями содержащих их клауз в тексте. Конструкции с возвратной диатезой обычно вписаны в нарративную цепочку и составляют одну из последовательных ситуаций, в которых протагонистом является экспериенцер при глаголе эмоций, ср. глагол *испугаться* в примере 3. Переходная диатеза часто используется в клаузах, относящихся к фоновому комментарию о реакции участника на события нарративной цепочки, ср. глагол *обрадовать* в примере 3.

3. Наверное, когда примчались кошки, Лари испугался и нашел укрытие в углу дивана, где лежали горкой старые подушки <...>. Так вот, щенок подушки разбросал и протиснулся вниз. Кошки доставать его оттуда не стали. Почувствовав себя в безопасности, Ларик задремал. Этот случай меня обрадовал. Во-первых, кошки его не тронули. Значит, смирились с присутствием другой собаки и готовы налаживать отношения. Во-вторых, щенок не растерялся и сообразил, как надо поступить в опасной ситуации. [Н. Ф. Королева. Другая собака // «Наука и жизнь», 2007]

При большинстве переходных и при отдельных возвратных глаголах эмоций наблюдается альтернация диатез, которая касается синтаксического выражения стимула и описывается в терминах расщепления стимула (Падучева / Paducheva 2004: 282–284). В этой диатетической альтернации конструкции, в которых стимул выражен с помощью единой группы, противопоставлены т. н. расщепленным конструкциям, в которых стимулу соответствуют две синтаксических сущности. При переходных глаголах эмоций в первом случае стимул в виде единой группы выражен в позиции подлежащего (4.), во втором отде-

льными компонентами стимула можно считать участников в позициях подлежащего и дополнения в творительном падеже (5.).

4. *Вид Эдуарда Михайловича неприятно поразил кардиолога.* [Влада Валеева. «Скорая помощь», 2002]

5. *И правда, в первый же вечер он поразил Ольгу Васильевну потрясающим искусством.* [Ю. В. Трифонов. «Другая жизнь», 1975]

Помимо того, что применительно к этой паре конструкций также существует вопрос выбора одной из альтернирующих диатез, могут быть разные подходы к месту расщепленной диатезы в альтернации переходной и возвратной диатез. Формально, если расщепление происходит уже после выбора участника, занимающего позицию подлежащего, по-видимому, следует считать, что расщепленные конструкции, как и нерасщепленные, участвуют в этой альтернации.

Помимо переходной и возвратной диатезы, для глаголов эмоций совершенного вида (далее – СВ) как отдельную диатезу можно рассматривать конструкции с пассивными причастиями прошедшего времени, при которых экспериенцер, как и в возвратной диатезе, находится в позиции подлежащего (6.).

6. *Я был удивлен упорству и силе рыбы.* [В. М. Шипков. Поединок под водой // «Спортсмен-подводник», 1969]

7. *Ленька, обрадованный ее разрешением ехать завтра в город, весело поспешил за ней.* [Валентина Осеева. «Динка», 1959]

Парадигматически эти конструкции находятся на другом уровне, чем две оставшиеся диатезы: они анализируются либо как формы переходных глаголов, либо как формы, соотносимые и с переходным, и с возвратным глаголом (Князев / Knyazev 2007: 525–566). С синтаксической точки зрения их двойственная природа проявляется в том, что при большинстве таких причастий стимул может оформляться либо творительным падежом, как ожидалось бы для смещенного подлежащего при пассиве (7.), либо тем средством, которое используется для кодирования стимула при возвратном глаголе (6.), см. о выборе между этими способами кодирования в работе (Ovsjannikova, Say 2021). В семантическом отношении специфическая функция конструкций с такими причастиями – описание длящегося эмоционального состояния экспериенцера. Тем не менее в литературе можно встретить различные взгляды на аспектуальный потенциал таких конструкций: Е. В. Падучева признает за ними только статальное значение (Падучева / Paducheva 2004: 277), в то время как Ю. П. Князев считает, что при наличии связки краткие формы таких причастий также могут употребляться для описания динамической ситуации – вхождения в эмоциональное состояние (Князев / Knyazev 2007: 562–563). Как показывает анализ в (Ovsjannikova, Say 2021), в ряде контекстов действительно можно говорить о динамическом прочтении причастия, однако многие употребления сложно однозначно охарактеризовать в терминах аспектуальной интерпретации.

Учитывая то, что с аспектуальной точки зрения возвратные и переходные глаголы несовершенного вида (далее – НСВ) также могут описывать длящееся состояние экспериенцера, а глаголы СВ – вхождение в состояние, конструкции с пассивными причастиями могут быть синонимичны возвратной или переходной диатезе, и их можно рассматривать как третий член данной альтернативы. Действительно, существуют контексты, в которых эти три конструкции описывают семантически близкие ситуации, ср. (8.–10.).

8. *Меня бы обрадовало твое письмо, настоящее, с ароматом чистого тела и быстрой реки.* [Анатолий Кирилин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013]

9. *Ты даже представить не можешь, как я обрадовался твоему письму!* [Григорий Горин. «Иронические мемуары», 1990–1998]

10. *Я бесконечно был обрадован Вашим письмом.* [В. Т. Шаламов. «Письмо А. А. Рубанцеву», 1965]

Таким образом, одна из проблем исследования распределения диатез глаголов эмоций состоит в том, чтобы определить, каков круг конструкций, которые следует включать в рамки единой системы альтернатив. Другая проблема – наличие в пределах этой системы таких контекстов, которые по разным причинам с трудом поддаются анализу в терминах альтернативы диатез.

В данной статье ряд конструкций, в которых регулярно употребляются глаголы эмоций, рассматривается с точки зрения их места в системе альтернатив, свойственных русским глаголам эмоций, а также производится анализ употреблений нескольких базовых глаголов эмоций русского языка с целью выявления общих закономерностей частотного распределения диатез. Материалом исследования послужили тексты основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Статья организована следующим образом. Раздел 2 посвящен конструкциям с дополнением в творительном падеже: анализируется разнообразие этих конструкций и то, в какой мере различные употребления такого типа поддаются анализу в терминах альтернативы диатез. В центре внимания находится противопоставление употреблений с одушевленным и с неодушевленным участником в позиции подлежащего. В разделе 3 рассматриваются конструкции, в которых возвратные глаголы эмоций используются для введения прямой речи. Ставится вопрос о том, каким образом употребления в этих конструкциях семантически соотносятся с контекстами, где глаголы эмоций описывают собственно (переход в) эмоциональное состояние. В разделе 4 предлагается обзор частотности основных конструкций, в которых глаголы эмоций фиксируются в текстах корпуса, отмечаются закономерности, общие для всех глаголов, и типы употреблений, специфические для отдельных глаголов эмоций русского языка. Раздел 5 содержит основные выводы.

2. Конструкции с расщепленным стимулом

Как упоминалось выше, в роли экспериенцера в норме выступает одушевленный, чаще всего – личный, участник. Стимул является семантически более сложной ролью. Стимулом может быть одушевленный или неодушевленный участник (Bossong 1998: 259). Неодушевленный стимул часто соответствует ситуации, у которой можно выделить протагониста, в частности посессора, обладающего определенным свойством (11.), или агенса, если речь идет о действии (12.).

11. *Еще в детстве маленькая Соня удивляла домашнего учителя своими необыкновенными способностями к математике.* [Г. Ф. Молчанов. Софья Васильевна Ковалевская // «Наука и жизнь», 1950]

12. *Удивляли они прудковцев тем, что на втором и на третьем году замужества все еще ходили по весенним вечерам на припевки.* [Борис Можаяев. «Живой», 1964–1965]

Этот участник одушевленный, т. е. часто имеет тематический статус, и он занимает центральное место в ситуации-стимуле и может считаться ответственным за нее. В этом заключается семантическая мотивация расщепления стимула, т. е. выражения одушевленного участника и самой ситуации-стимула в качестве двух отдельных групп при глаголе эмоций, ср. (11.–12.).

В оставшейся части этого раздела обсуждаются конструкции с переходными глаголами эмоций и дополнением в творительном падеже. Следует отметить, что некоторые типы конструкций с этими формальными признаками не могут быть соотнесены с нерасщепленной структурой по определению.

Один из таких типов включает употребления, в которых инструментальное дополнение входит в сферу действия отрицания, см. (Кустова / Kustova 1996; Апресян В. / Apresyan V. 2013). Подобные контексты предполагают, что участник, выраженный в позиции подлежащего, не обладает тем свойством или не совершил то действие, которое выражается инструментальным дополнением (13.). Сведение данной структуры к потенциальной нерасщепленной привело бы к пресуппозиции существования данного участника, как в примере (13'), тем самым нарушая семантическую эквивалентность.

13. *Формы же не удивляют разнообразием: художника привлекают дамы до изящества хрупкие.* [Парк культуры (1997) // «Столица», 1997.07.01]

13'. *Разнообразие форм не удивляет.*

Существуют и такие употребления с отрицанием, в которых семантическая связь между двумя компонентами стимула не отрицается и для которых преобразование в нерасщепленную структуру потенциально возможно, ср. (14.).

14. *Бенефисное явление Михаила Светина, впрочем, <...> отнюдь не раздражает своим умело педалируемым комизмом.* [«Тень» знает свое место (2004) // «Театральная жизнь», 2004.06.28]

Также не рассматриваются как результат расщепления стимула такие конструкции, которые имеют агентивную интерпретацию (15.): для них исходной считается структура с инструментальным дополнением, ср. (Падучева / Paducheva 2004: 284).

15. *Ее пугали тем, что она никогда больше не увидит «шестую часть суши».* [Людмила Лопато. «Волшебное зеркало воспоминаний», 2002–2003]

Согласно Е. В. Падучевой, участник, оформленный творительным падежом в таких конструкциях, может подвергаться подъему в позицию подлежащего. Получается, что при глаголах, допускающих как агентивное, так и неагентивное прочтение, конструкция с неодушевленным участником в позиции подлежащего в ряде случаев, ср. (16.), может анализироваться и как нерасщепленная структура со стимулом в позиции подлежащего, и как результат подъема участника, близкого к инструменту, ср. (Там же). При таком анализе корпусное исследование выбора между альтернирующими диатезами с переходными глаголами эмоций, по-видимому, оказывается затруднительным.

16. *Великий страх овладевал их сердцами, ибо их пугали рассказы, что горы достигают самого неба.* [С. Т. Григорьев. «Александр Суворов», 1939]

В описанных выше случаях структура с инструментальным дополнением принципиально не может рассматриваться как расщепленная. Корпусные данные показывают, что и из оставшегося круга употреблений далеко не все легко преобразуемы в нерасщепленную структуру.

Во-первых, в ряде случаев между компонентами стимула существуют синтаксически нерегулярные отношения, так что их предполагаемое расщепление потребовало бы идиосинкратических синтаксических преобразований, ср. (17.) и сконструированный пример (17').

17. <...> *он уже не причинит вреда всем тем, кого [он] так пугал [и яростью творчества, и любовью миллионов, и свободным пересечением границ, и возможностью невозврата] – и вот его везут.* [Василий Аксенов. «Таинственная страсть», 2007]

17'. <...> *кого так пугала и ярость [его] творчества, и любовь [к нему] миллионов, и свободное пересечение [им] границ, и возможность [его] невозврата.*

Во-вторых, семантическая связь между группами, соответствующими стимулу, может быть весьма непредсказуемой и отдаленной, как в (18.–20.).

18. *Мрачная, полная тоски жизнь, обрисованная автором, удивляет богатством фантазии.* [И. А. Ефремов. «Час быка», 1968–1969]

19. *Тишина и ожидание бессонницы в необжитом номере пугали его навязчивым беспокойством одиночества.* [Юрий Бондарев. «Берег», 1975]

20. <...> *легенды о летчиках, пролетавших под мостом, не столько волновали его воображение, сколько удивляли бессмысленностью поступка <...>* [Владимир Санин. «Не говори ты Арктике – прощай», 1987]

Как уже упоминалось, расщепленная диатеза обычно связывается с механизмом продвижения в позицию подлежащего более семантически выделенного и тематического одушевленного участника. Тем не менее примерно в половине употреблений таких конструкций в корпусе позицию подлежащего занимает неодушевленный участник. Анализ примеров показывает, что конструкции с одушевленными и неодушевленными подлежащими статистически противопоставлены по целому ряду параметров. В целом конструкции с неодушевленными подлежащими часто демонстрируют отклонения от идеальной модели расщепленной диатезы, в частности названные выше.

Во-первых, одушевленные участники в позиции подлежащего, в соответствии с моделью расщепления, чаще выражаются более легкими референциальными выражениями – местоимениями и именами собственными, – которые используются для тематических участников, ср. (21.–22.), в то время как неодушевленные подлежащие чаще являются полными именными группами, как в примерах (18.–20.)¹.

Во-вторых, если с формальной точки зрения рассмотреть свойства группы в творительном падеже, то оказывается, что при одушевленных подлежащих она чаще является именной группой с посессивным местоимением, отсылающим к подлежащему (21.), или сентенциальным дополнением (22.).

21. *Там он познакомился с Вейдле и Карлинским. Поразил их своими знаниями.* [Сергей Довлатов. «Иностранка», 1985]

22. *Он <...> удивляет своих товарищей тем, что добычу отсылает сиротам, стремится к справедливому будто возмездию.* [Н. Зыбин. Шиллер на сцене Малого // «Огонек», № 3, 1970]

При неодушевленных подлежащих выше доля инструментальных дополнений, которые синтаксически являются посессивной группой, т.е. содержат зависимое в генитиве (23.). Кроме того, при них значительно чаще инструментальное дополнение выражено сочиненной группой (24.).

23. *Сочинения Лондона поражают многообразием тем и сюжетов.* [Б. Н. Полевой. «Несколько слов о Джеке Лондоне», 1970–1981]

24. *«Конница» поразила нас яркостью, вещественностью своего стиха, невероятной энергией и какой-то необычной для эмигрантской поэзии нотой.* [Давид Самойлов. «Проза поэта», 1970–1980]

И посессивные, и сочиненные группы являются сравнительно тяжелыми синтаксически, поэтому формально расщепление в таких случаях можно объяснить сложностью потенциальной нерасщепленной структуры. Семантически в

¹ Это различие согласуется с общими закономерностями распределения типов выражения одушевленных и неодушевленных подлежащих, ср. (Макарова, Сай / Makarova, Say 2007), но в случае конструкций с глаголами эмоций наблюдается более сильный перекося между местоимениями и полными именными группами.

таких конструкциях подлежащее оказывается охарактеризовано более сложно и разносторонне, чем при типах, распространенных при одушевленных подлежащих.

Существуют систематические различия и в том, каким образом при двух типах подлежащих выражается экспериенцер, который в этих конструкциях занимает позицию прямого дополнения. При одушевленном подлежащем экспериенцер чаще выражается личным местоимением, именной группой единственного числа (25.) или именем собственным (26.).

25. *Но Яго в эту минуту занят другим, <...> жена раздражает его неуместностью своего пребывания тут.* [Анатолий Эфрос. «Профессия: режиссер», 1975–1987]

26. *Такой же способностью переносить жару удивляла Ивернева и Тиллоттама.* [И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы», 1959–1963]

При неодушевленном подлежащем экспериенцер чаще является множественным участником (24.), частью тела, метонимически соответствующей лицу (27.), или не выражен (23.).

27. *Его пышное цветение радует глаз яркой окраской цветков у разных видов – розовой, красной, белой...* [Светлана Ионина. Всегда цветущий (2004) // «Homes & Gardens», 2004.12.01]

Эти различия можно интерпретировать в терминах связи одушевленного подлежащего с более индивидуированным экспериенцером и более непосредственным эмоциональным воздействием, а неодушевленного – с более обобщенным экспериенцером и условным воздействием.

Также конструкции с одушевленными и неодушевленными подлежащими различаются с точки зрения распределения видов глаголов. При одушевленном подлежащем чаще употребляются глаголы СВ (28.), ср. (27.) с глаголом НСВ. Это различие, как и тип выражения экспериенцера, можно связать с тем, что при одушевленном подлежащем конструкция описывает конкретный факт эмоционального воздействия в прошлом, а при неодушевленном – обобщенную ситуацию, генерическую или многократную.

28. *А Н. А. Булганин, поздоровавшись со мной, представил меня Хрущеву, который удивил меня своим вопросом: <...>* [Владлен Давыдов. «Театр моей мечты», 2004]

Все перечисленные выше свойства указывают на то, что конструкции с переходными глаголами эмоций и инструментальным дополнением, в которых подлежащее соответствует одушевленному участнику, статистически чаще демонстрируют те свойства, которыми обладает эталон расщепленной конструкции. Участник в позиции подлежащего в них чаще тематический, группа в творительном падеже соответствует его свойству или ситуации, в которой он является протагонистом. Также такие употребления ближе к описанию собственно

эмоционального воздействия: индивидуированный экспериенцер претерпевает изменение состояния, ср. (28.).

Употребления с неодушевленными подлежащими чаще описывают ситуации, в которых экспериенциальная составляющая уходит на второй план, описываются прежде всего свойства неодушевленного участника. Синтаксически подлежащее и инструментальное дополнение часто оказываются «тяжелыми» синтаксически, а экспериенцер обобщенным. Глагол эмоций обозначает не столько собственно эмоциональное воздействие, сколько оценку тех свойств, которые описываются инструментальным дополнением, ср. (27.). Такие употребления в силу синтаксической сложности и отдаленности семантической связи между подлежащим и инструментальным дополнением часто бывает затруднительно представить как результат расщепления стимула.

Таким образом, наряду с такими употреблениями с переходным глаголом и инструментальным дополнением, которые соответствуют идеальной модели диатезы с расщепленным стимулом, существует широкий круг случаев, не соответствующих ей в большей или меньшей степени. Можно сказать, что употребления с неодушевленным стимулом в своем типичном виде наследуют у конструкции с одушевленными подлежащими компонент посессивной связи между подлежащим и дополнением и он становится для этих употреблений центральным, в то время как компонент эмоционального воздействия размывается и трансформируется в семантику оценки.

3. Введение прямой речи с помощью глаголов эмоций

Для введения прямой речи в русском языке чаще всего используется конструкция, следующая после фрагмента прямой речи, в которой глагол предшествует подлежащему и другим своим актантам (29.).

29. – *Чего это вы на меня так смотрите*, – сказал женщине Андрей, – *я, может, тоже туда хочу*. [Виктор Пелевин. «Желтая стрела», 1993]

Для введения прямой речи с помощью этой конструкции могут использоваться не только глаголы речи, но и неречевые глаголы, в частности глаголы эмоций (30.–31.).

30. – *За ним следили?* – *поразился Иван Дмитриевич*. – *Кто?* [Леонид Юзефович. «Костюм Арлекина», 2001]

31. *«Как почему? – удивляются обычно экзаменуемые. – На него действует сила, вот он и движется»*. [М. Архипов. Сила соображения // «Техника – молодежи», 1974]

В таких конструкциях встречаются прежде всего возвратные глаголы эмоций СВ (30.–31.) – у некоторых из них (*удивиться*, *поразиться*) такие употребления составляют около половины всех употреблений. Из участников ситуации

в таких конструкциях выражен обычно только экспериенцер, а стимул упоминается при глаголе крайне редко (32.).

32. *Как раз на Прагу, – обрадовалась совпадению Лина.* [Марина Полетика. «Однажды была осень», 2012]

Использование глаголов эмоций для введения прямой речи рассматривается в работах (Melchuk 1988; Мельчук / Melchuk 1995: 215–231), где обсуждаются два возможных подхода к анализу таких употреблений: лексический, при котором глаголы эмоций, способные так употребляться, считаются в одном из значений глаголами речи, и синтаксический, при котором речевое значение приписывается самой синтаксической структуре. Изложенные ниже результаты корпусного исследования указывают на то, что для лексического подхода к таким употреблением существуют некоторые основания. Об этом можно судить на основании того, для введения каких речевых актов используются глаголы эмоций и как они соотносятся с существующими в русском языке глаголами речи.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что глаголы эмоций *удивиться, поразиться, испугаться* в основном вводят вопросительные реплики (30.–31.). Если классифицировать эти реплики на более дробные типы речевых актов, то можно заключить, что они прежде всего относятся к переспросам, ср. (30.), (33.), к вопросам, отражающим недоверие к реплике собеседника (34.), к вопросам о том, как следует интерпретировать предыдущую реплику собеседника, в частности к вопросам с металингвистическим *почему* ('почему ты так говоришь / думаешь?') (35.).

33. – *Главная состояла в том, чтобы защищать меня. – Тебя? Человека? – удивился Славомир.* [Виталий Пищенко. Замок ужаса // «Техника – молодежи», 1991]

34. *Похвала Одинцова выражалась в следующих словах: – Ну-с вот, теперь для вас вроде все прояснилось. Это главное. Только для вашей темы ничего этого не нужно. – Как не нужно? – испугался Андрей.* [Даниил Гранин. «Искатели», 1954]

35. – *Ну и никто не стал бы такую книгу читать! – злорадно возвестил Аптахар. – Почему? – удивился Гверн. – Если будет складно и занятно рассказано, то почему бы и нет?* [Мария Семенова. «Волкодав: Знамение пути», 2003]

Тем самым те вопросительные реплики, которые вводят глаголы эмоций, обычно связаны не с запросом на получение новой информации, а с интерпретацией и уточнением реплики собеседника. Такие вопросы можно назвать металингвистическими. Из глаголов речи, используемых для введения вопросов, к этому кругу контекстов ближе всего глагол *переспросить*, и он, действительно, сближается с названными выше глаголами эмоций в контекстах, содержащих

дословные переспросы, ср. (33.) и (36.). Тем не менее металингвистические переспросы, такие как (34.–35.), редко встречаются среди реплик, вводимых глаголом *переспросить*.

36. *С какой целью? Он уличал? В чем? – С какой целью? – переспросил Бахирев. – С единственной целью: предупредить массовые аварии.* [Г. Е. Николаева. «Битва в пути», 1959]

Глагол *обрадоваться* также используется для введения прямой речи в значительной части употреблений (около трети), см. (37.–38.).

37. *– Доброе утро! – Вот-вот, – обрадовался Мирон, – доброе, доброе... Хотя утро выдалось пасмурное и холодно-ветреное.* [Альберт Лиханов. «Кикимора», 1983]

38. *Вертишь за ручку – лампочка горит. – Правильно, – обрадовался учитель. – Крутишь и горит.* [Евгений Велтистов. «Победитель невозможного», 1975]

Как показывают примеры, реплики, вводимые глаголом *обрадоваться*, редко относятся к вопросам, однако они также в основном имеют металингвистический характер – выражают согласие с мнением собеседника или одобрение действия. Если сравнить с точки зрения круга контекстов глаголы *обрадоваться* и *согласиться*, то оказывается, что последний чаще обозначает согласие выполнить действие, предлагаемое собеседником (39.), а не согласие с мнением собеседника.

39. *– Хорошо, – согласился сдержанно дядя, – не будем касаться вашей науки.* [Ю. О. Домбровский. «Обезьяна приходит за своим черепом», часть 1, 1943–1958]

Итак, все глаголы эмоций, у которых употребления для введения прямой речи составляют существенную долю, часто вводят реплики, которые являются металингвистической реакцией на предыдущую реплику. Можно предположить, что это является результатом встраивания семантической структуры глаголов эмоций в условия диалога: глаголы эмоций описывают реакции, вызванные стимулом и в то же время направленные на стимул, см. о совмещении ролей причины и цели в роли стимула в (Croft 1993: 64). Металингвистические реплики, вводимые глаголами эмоций, являются реакцией на реплику собеседника и в то же время запрашивают пояснения, интерпретации этой реплики.

С точки зрения распределения глаголов эмоций, вводящих прямую речь, и различных типов речевых актов, наблюдается взаимное притяжение между отдельными глаголами эмоций или семантическими подгруппами глаголов и репликами, соответствующими речевым актам периферийных типов. Это такие речевые акты, для которых отсутствует специализированный глагол речи и которые хорошо совместимы с экспрессивным компонентом и семантическим устройством глаголов эмоций.

Эти наблюдения указывают на то, что использование глаголов эмоций для введения прямой речи не сводится к простой сумме значений глагола эмоций и речевого компонента, например ‘удивиться’ и ‘произнести’, т.е. к композиционной сумме значений глагола и конструкции. Употребление глаголов эмоций в специализированной конструкции введения прямой речи в большой степени конвенционализировано: определенные типы речевых актов регулярно вводятся определенными глаголами эмоций или глаголами одной тесной семантической группы. Сильная связь между типами реплик и определенными группами глаголов эмоций в большей степени согласуется с анализом этого явления как лексического: в некотором смысле глагол *удивиться* в конструкциях с прямой речью является глаголом, который значит ‘запросить дополнительное пояснение или интерпретацию реплики собеседника’. В то же время ясно, что и при введении прямой речи контекст предполагает эмоциональную реакцию, описываемую глаголом эмоций.

Конструкции с прямой речью представляют собой еще один случай, лежащий за пределами альтернатив диатез глаголов эмоций, поскольку в таких конструкциях задействованы почти исключительно возвратные глаголы, и такие конструкции очевидно не входят в зону выбора между переходной и возвратной диатезами. Как и в случае конструкций с неодушевленным подлежащим и инструментальным дополнением, глаголы эмоций в конструкциях с прямой речью сдвигаются от обозначения собственно эмоциональной реакции, и их семантическая структура приспособляется для описания ситуаций другого типа.

4. Распределение диатез глаголов эмоций в корпусе

В данном разделе, с одной стороны, делается попытка описать распределение основных диатез глаголов эмоций в обобщенном виде, а с другой стороны, отмечается еще несколько конструкций, частотных для отдельных глаголов эмоций. Для этого раздела были проанализированы случайные выборки восьми пар базовых глаголов эмоций русского языка, включающих переходный и возвратный глаголы (около 200 употреблений каждой пары): *бояться – пугать*, *удивиться – удивить*, *радоваться – радовать*, *поразить – поразиться*, *удивляться – удивлять*, *поражать – поражаться*, *испугаться – испугать*, *обрадоваться – обрадовать*.

Если рассматривать диатезу как некоторую самостоятельную семантико-синтаксическую сущность, то можно ожидать, что каждая из диатез (или диатетических альтернатив) обладает определенными закономерностями употребления, независимыми от конкретной глагольной лексемы. На практике обнаружить такие закономерности в распределении различных диатез и конструкций, которые бы охватывали все глаголы эмоций, затруднительно, и из всех обобщений находятся исключения.

Тривиальное обобщение такого рода – то, что возвратная диатеза при глаголах эмоций обладает большей частотностью, чем переходная, ср. (Падучева / Paducheva 2004: 279). Большинство приведенных выше пар глаголов соответствуют этому обобщению: возвратная диатеза употребляется в два-три раза чаще переходной. Исключение составляют пары *поражать* – *поражаться* и *поразить* – *поразиться*, у которых наблюдается обратное соотношение. Одно из возможных объяснений такого отличия этих двух родственных пар глаголов состоит в том, что у них сравнительно недавно возникла способность описывать эмоции, а рост частотности возвратного глагола связан с развитием эмотивного значения, см. о семантическом развитии этих глаголов в (Овсянникова / Ovsyannikova 2022).

Диатеза с пассивными причастиями глаголов СВ, которая рассматривалась отдельно от возвратной и переходной диатез, обычно менее частотна, чем переходный глагол, однако более частотна, чем любая из его нефинитных форм. При этом в существенной доле употреблений пассивные причастия используются в полной форме. В основном эти формы встречаются в конструкциях, в которых в качестве экспериенцера метонимически выступает часть тела или речевое проявление участника (40.), или в нерестриктивных оборотах, описывающих эмоциональную реакцию как причину последующего действия участника (41.), см. о таких употреблении в (Ovsjannikova, Say 2021).

40. *Испуганным шепотом, полная сочувствия, спрашивает: – Она ушла?* [Федор Кнорре. «Каменный венок», 1973]

41. *Обрадованный, я передал ему ворох бумажек и взялся за книжки.* [Мариам Петросян. «Дом, в котором...», 2009]

Полные формы преобладают у всех рассмотренных пассивных причастий, кроме причастия *пораженный*, которое скорее употребляется в краткой форме (42.), возможно, «компенсируя» таким образом низкую частотность возвратного глагола.

42. *Уже в отдаленные времена люди, предпринимавшие восхождение на горы, были поражены одним чрезвычайно загадочным явлением.* [А. Л. Чижевский. «Вся жизнь», 1959–1961]

С точки зрения выражения стимула и возвратные, и переходные глаголы демонстрируют большое разнообразие. Тем не менее и здесь можно выделить закономерности, общие для большей части анализируемых глаголов. Среди возвратных глаголов существуют различия между глаголами НСВ и СВ. При возвратных глаголах НСВ стимул гораздо чаще выражен и оформлен основным для глагола способом, например дательным падежом при глаголе *удивляться* (43.). При возвратных глаголах СВ стимул гораздо чаще остается невыраженным, даже если не учитывать употребления, где эти глаголы вводят прямую речь. Возвратные глаголы СВ обычно встраиваются в цепочку последовательных событий, и глагол эмоций описывает реакцию на предыдущую ситуацию в цепочке (44.).

43. *Мы мерзли в спальных мешках и удивлялись стойкости комаров.* [А. М. Портнов. Магнитная память о прошлых пожарах // «Химия и жизнь», 1986]

44. *Мало того, когда я наконец выдохся совсем, старик молчал еще целую минуту, а потом вдруг спросил, кто такие эти головы. Я удивился самым искренним образом.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. «Жук в муравейнике», 1979]

В существенной доле употреблений глаголов *удивиться* и *обрадоваться* (но не соответствующих им глаголов НСВ) ситуация, вызвавшая эмоциональную реакцию, вводится с помощью деепричастия глагола восприятия или получения знания, зависимое при которых, в свою очередь, можно идентифицировать со стимулом эмоциональной реакции (45.–46.).

45. *Маленький, щедущий, он походил на подростка, и мы удивились, узнав, что ему уже за тридцать.* [Н. В. Кожевникова. «Колониальный стиль», 2003]

46. *Костя также обрадовался, увидев знакомое озеро.* [Василь Быков. «Болото», 2001]

Несмотря на то что такие конструкции нельзя считать особым закрепленным способом выражения стимула, они обращают на себя внимание своей сравнительно высокой частотностью при отдельных глаголах эмоций, а также тем, что обычно располагаются после глагола, что нетипично для деепричастных оборотов, выражающих причину.

Переходные глаголы в основном употребляются в нерасщепленной диатезе с неодушевленным стимулом в позиции подлежащего, выраженным именной группой (47.) или местоимением (48.).

47. *Меня очень радует упоминание знакомых имен <...>* [Юлий Даниэль. «Письма из заключения», 1966–1970]

48. *Меня это никогда не обижало и не удивляло.* [В. Г. Малахиева-Мирович. «Маятник жизни моей: дневник русской женщины», 1930–1954 (1952)]

При большинстве глаголов можно выделить и небольшую группу употреблений с одушевленным стимулом в позиции подлежащего, причем все проанализированные глаголы СВ (*удивить*, *обрадовать*, *поразить*, *испугать*) при таком подлежащем встречаются в форме инфинитива чаще, чем при подлежащих других типов (49.).

49. *Испугать его можно, но вот поразить кошачью фантазию нам, по правде говоря, нечем.* [Александр Генис. «Темнота и тишина», 1996–1997]

Использование формы инфинитива с одушевленным подлежащим можно связать с агентивным компонентом, часто заложенным в таких контекстах. Употреблений, в которых эти глаголы очевидно описывали бы агентивное воздействие, в исследованной выборке нет. Тем не менее можно учесть, что глагол

обычно принимает форму инфинитива, выступая в качестве зависимого матричного предиката, в частности модального, а модальные контексты в некоторой степени предполагают контроль над каузацией эмоции.

Расщепленная диатеза – конструкция с инструментальным дополнением (50.) – с разной частотностью фиксируется при разных глаголах, однако во всех случаях встречается существенно реже нерасщепленной структуры. Наибольшую долю (около трети) конструкции с инструментальным дополнением составляют при глаголе *поражать* (50.). Среди этих употреблений примерно в двух третях случаев подлежащее является неодушевленным.

50. *Изображенное в фас лицо Маргарет поражает своей взрослой серьезностью, напоминающей детские портреты великого предшественника Гейнсборо – Антониса ван Дейка.* [Т. Акимова. «Музей Виктории и Альберта. Лондон», 2012)]

Специфической для этого глагола является и другая структура, которую можно рассматривать как результат расщепления. Если в конструкции с инструментальным дополнением посессор занимает более привилегированную синтаксическую позицию подлежащего, то в данном случае посессор выражается отдельно с помощью группы с предлогом *в*, а обладаемое остается в позиции подлежащего (51.).

51. *В этом свидетельстве историка нас поражает ясность понимания системной сущности истории человечества, которая и лежит в основе всей развитой нами концепции.* [С. П. Капица. «Парадоксы роста. Законы развития человечества», 2010]

В таких употреблениях и «посессор», выраженный группой с предлогом *в*, и обладаемое в позиции подлежащего чаще являются неодушевленными участниками. Несмотря на то что посессор в данном случае кодируется как синтаксически периферийная группа, в коммуникативном отношении он обычно является тематическим, как и в случае канонического расщепления с подъемом посессора в позицию подлежащего.

У глагола *удивить* в рамках расщепленной конструкции в качестве отдельного типа можно рассматривать конструкцию с отрицанием и глаголом в какой-либо форме с потенциальным значением (будущего времени или инфинитива), см. (52.).

52. *Уже сейчас никого не удивит емкостью жестких дисков в сотни гигабайт.* [А. Перов. Флэш-память: физика, применение и перспективы // «Наука и жизнь», 2008]

В буквальном прочтении такие употребления предполагают одушевленного и в некоторой степени агентивного субъектного участника, однако в большинстве случаев можно говорить о значительной идиоматизации этой конструкции.

Во-первых, экспериенцер обычно выражен отрицательным местоимением, т.е. не соответствует конкретному референту. Во-вторых, участника, выраженного с помощью группы в творительном падеже, часто сложно представить как обладаемое какого бы то ни было одушевленного участника, ср. (52.). Такие конструкции прежде всего передают идею того, что явление, которое описывается этой группой, не является редкостью. Тем самым эти конструкции служат еще одним, хотя и крайне ограниченным лексически, примером сдвига семантики глагола эмоций и в целом ситуации эмоционального воздействия, в результате которого конструкция служит для обозначения ситуаций иного типа.

В целом сплошной анализ употреблений глаголов эмоций в корпусе позволяет получить более полную и сложную картину разнообразия свойственных им конструкций. Для многих из них затруднительно определить отношение к тем альтернативам, которые традиционно постулируются на основании интроспекции исследователей и анализа частотных употреблений, в наибольшей степени соответствующих представлениям об устройстве семантики глаголов эмоций. В этом разделе из конструкций такого рода упоминались употребления, в которых стимул при глаголах *обрадоваться* и *удивиться* вводится деепричастием глагола восприятия или получения знания, расщепленная конструкция с посессором, оформленным предлогом *в*, при глаголе *поражать*, а также отрицательная расщепленная конструкция с глаголом *удивить*. Все эти конструкции достаточно частотны для соответствующих глаголов, поэтому их сложно рассматривать как случайное или маргинальное явление, но недостаточно частотны и распространены лексически для того, чтобы получить собственный статус в рамках системы диатез глаголов эмоций.

5. Выводы

В статье рассматривались диатезы и конструкции, характерные для глаголов эмоций русского языка. Большинство диатетических альтернатив, свойственных глаголам этого класса в русском языке, описывались в типологической литературе на материале других языков и обсуждались на материале русского языка. Основная цель данной статьи состояла не в том, чтобы предложить новый анализ этих альтернатив, а в том, чтобы более подробно остановиться на таких употреблениях глаголов эмоций, которые находятся за рамками этих диатетических альтернатив или не укладываются в модель соответствий между диатезами в синтаксическом и / или семантическом плане. Анализ таких употреблений позволяет сделать два обобщения.

Во-первых, конструкции, которые не укладываются в модель той или иной диатетической альтернативы в синтаксическом плане, часто и в семантическом отношении демонстрируют отступления от собственно эмотивного значения. Так, для употреблений с неодушевленным подлежащим и инструментальным

дополнением, часто не соответствующих синтаксической модели диатезы с расщепленным стимулом, можно говорить о переносе акцента с эмоционального воздействия на оценку свойств потенциального стимула. В употреблении для введения прямой речи возвратные глаголы эмоций обслуживают реплики, соответствующие периферийным речевым актам, прежде всего с металингвистической составляющей. Связь между определенными глаголами эмоций и типами речевых актов оказывается в большой степени конвенционализированной, что препятствует анализу таких употреблений как композициональной суммы эмотивного значения глагола и речевого значения, выражаемого конструкцией. В то же время в обоих случаях сложно говорить о четкой границе между эмотивным и иным значением: в первом – в силу того, что специфика употреблений с неодушевленным участником проявляется статистически, а не как абсолютное свойство, во втором – в силу того, что глагол сохраняет и исходное эмотивное значение.

Второе обобщение касается лексического аспекта диатетических альтернатив. Как показал анализ употреблений даже небольшого числа базовых глаголов эмоций в корпусе, у многих глаголов можно обнаружить индивидуальные конструкции, которые в некоторых случаях можно считать подтипом диатез, характеризующих класс глаголов эмоций в целом, ср. конструкцию с отрицательной формой глагола *удивить*. В других случаях такие конструкции можно считать одним из членов отдельной альтернативы, крайне ограниченной лексически, ср. расщепленную конструкцию с предлогом *в*, встречающуюся преимущественно при глаголе *поразить*. Наличие таких конструкций может в большой степени определять частотное распределение диатез глаголов эмоций и их грамматических характеристик и затрудняет выявление общих для всех глаголов эмоций частотных закономерностей в употреблении диатез.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan 1998: Апресян, Ю. Д. Каузативы или конверсивы? – В: Козинцева, Н. А., А. К. Оглоблин (ред.). *Типология. Грамматика. Семантика. К 60-летию В. С. Храковского*. Санкт-Петербург: Наука, с. 273–281. (Apresyan, Yu. D. *Kauzativy ili konversivy?* – In: Kozinceva, N. A., A. K. Ogloblin (eds.). *Tipologiya. Grammatika. Semantika. K 60-letiyu V. S. Hrakovskogo*. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 273–281.)
- Apresyan V. 2013: Апресян, В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог-2013»*, вып. 12 (19),

- с. 43–57. (Apresyan V. Yu. Semantika emotsional'nyh kauzativov: status kauzativnogo komponenta. – In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog-2013"*, 12 (19), pp. 43–57.)
- Bossong 1998: Bossong, G. Le marquage de l'expérient dans les langues d'Europe. – In: Feuillet, J. (ed.). *Actance et valence dans les langues de l'Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 259–294.
- Croft 1993: Croft, W. Case marking and the semantics of mental verbs. – In: Pustejovsky, J. (ed.). *Semantics and the Lexicon*. Dordrecht, pp. 55–72.
- Dowty 1991: Dowty, D. Thematic proto-roles and argument selection. – In: *Language*, 67, pp. 547–619.
- Grimshaw 1990: Grimshaw, J. *Argument Structure*. Cambridge etc: MIT Press.
- Knyazev 2007: Князев, Ю. П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. Москва: Языки славянской культуры. (Knyazev, Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury.)
- Kustova 1996: Кустова, Г. И. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором. – В: *Московский лингвистический журнал*, 2, с. 240–261. (Kustova, G. I. O kommunikativnoy strukture predlozhenij s sobytijnym kauzatorom. – In: *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal*, 2, pp. 240–261.)
- Makarova, Say 2007: Макарова, А. Б., С. С. Сай. Взаимодействие некоторых характеристик русских именных групп (статистический аспект). – В: Герасимов, Д. В., С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). *Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 1–3 ноября 2007 г.* Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 119–124. (Makarova, A. B., S. S. Say. Vzaimodejstvie nekotoryh harakteristik russkih imennyh grupp (statisticheskij aspekt). – In: Gerasimov, D. V., S. Yu. Dmitrenko, S. S. Say (eds.). *Chetvertaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej. Materialy. Sankt-Peterburg, 1–3 noyabrya 2007 g.* Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, pp. 119–124.)
- Melchuk 1988: Mel'čuk, I. A. *Dependency Syntax: Theory and practice*. Albany, NY: SUNY.
- Melchuk 1995: Мельчук, И. А. *Русский язык в модели «Смысл-Текст»*. Москва-Вена: Школа «Языки русской культуры». (Mel'chuk, I. A. *Russkij yazyk v modeli "Smysl-Tekst"*. Moskva-Vena: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".)
- Ovsyannikova 2015: Овсянникова, М. А. Возвратные и переходные глаголы эмоций русского языка: свойства актантов и дискурсивные функции. – В: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XI, 1, с. 439–468. (Ovsyannikova, M. A. Vozvratnye i perehodnye glagoly emotsij: svojstva aktantov i diskursivnye funktsii. – In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN*, XI, 1, pp. 439–468.)
- Ovsyannikova 2019: Овсянникова, М. А. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций. – В: *Вопросы языкознания*, 6, с. 68–93. (Ovsyannikova, M. A. Sintaksicheskoe kodirovanie eksperientsial'nyh situatsij v russkom yazyke: sopostavlenie grupp glagolov vospriyatiya, myshleniya i emotsij. – In: *Vorposy yazykoznaniya*, 6, pp. 68–93.)
- Ovsjannikova, Say 2021: Ovsjannikova, M., S. Say. Stimulus encoding in constructions with past passive participles: construal and diachrony. – In: *Russian Linguistics*, 45(3), pp. 283–304.

- Ovsyannikova 2022: Овсянникова, М. Инструментално кодиране на Стимула и диахронното развитие на глаголите за емоционално състояние в руски език. – В: *Български език*, Приложение, с. 429–440. (Ovsyannikova, M. Instrumentalno kodirane na stimula i diahronното развитие na glagolite za emotsionalno sastoyanie v ruski ezik. – In: *Balgarski ezik*, Prilozhenie, pp. 429–440.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры. (Paducheva, E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury.)
- Pesetsky 1995: Pesetsky, D. *Zero Syntax: Experiencers and Cascades*. MIT Press.
- Verhoeven 2007: Verhoeven, E. *Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

Diatheses of Russian verbs of emotion

Maria Ovsjannikova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

masha.ovsjannikova@gmail.com

Abstract

The paper deals with the diatheses, diathetic alternations and constructions characteristic of verbs of emotion in Russian. The focus of the study is on the limits of diathetic alternations and the groups of uses that fall beyond their scope, i.e. ones that cannot be transformed into an alternative diathesis. In particular, I discuss the diversity of constructions with transitive verbs of emotion and an instrumental object, as well as the use of reflexive verbs of emotion to introduce direct speech. I also analyze the distribution of the uses of several basic verbs of emotion in texts in terms of the diathetic types and point out a number of verb-specific constructions.

Keywords: *verbs of emotion, diatheses, alternations, semantic shift*

Maria Ovsjannikova
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane
St. Petersburg, 199004
Russia
masha.ovsjannikova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8313-0374>

SYNTACTIC REALIZATION OF STATIVE PREDICATES IN BULGARIAN (TOWARDS A LEXICAL MEANING ONTOLOGY)

Yovka Tisheva^a, Marina Dzhonova^b

Sofia University St. Kliment Ohridski^{a,b}

tisheva@uni-sofia.bg^a, djonova@slav.uni-sofia.bg^b

Abstract. This study deals with the syntactic features of predicates describing stative eventualities. We present an overview of the possibilities for syntactic realization of verbal arguments within a framework of a semantic (thematic) classification of Bulgarian verbs based on their primary lexical meanings. Following the main principles of Role and Reference Grammar (RRG), we test the hypothesis that predicates belonging to a given thematic group have similar syntactic behavior. The analysis is focused on one-, two- and three-place predicates. Verbs such as *седя* (sit), *лежа* (lie), *стоя* (stand), *спя* (sleep), *блестя* (shine), *мириша* (smell) have one-argument structure. Their single argument occupies the subject position. Two-place predicates are represented by verbs from two subgroups: predicates with a subject and a direct object, e.g. *обичам* (love), *харесвам* (like), *виждам* (see), *чувам* (hear), *чувствам* (feel), *усещам* (sense), *желаю* (wish), *искам* (want), *мразя* (hate), *помня* (remember), and predicates with a subject and an indirect object, e.g. *вярвам* (believe), *надявам се* (hope), *нуждая се* (need), *тревожа се* (worry), *жадувам* (crave), *радвам се* (be happy), *вълнувам се* (be excited), *притеснявам се* (worry), *гордея се* (be proud), *срамувам се* (be ashamed), *плаша се* (be afraid), *страхувам се* (fear). Besides these two groups of predicates, we also consider the possibility for some of the verbs to have three-argument realization. With *знам* (know)-type verbs, the direct object must be expressed and the indirect object may remain syntactically implicit, while with *мисля* (think)-type verbs the indirect object has to be represented overtly, but the direct object does not. The alternation of prepositions is also discussed in the text.

Keywords: *stative predicates, Role and Reference Grammar, argument structure, experienter, Bulgarian*

1. Introduction

Languages systematically divide states of affairs into categories based on the event (eventuality) structures. This type of categorization is crucial to the semantic representation of verbs, verbal phrases and sentences. The well-known classification of predicate types proposed by Z. Vendler (Vendler 1957) became the methodological

* Yovka Tisheva, Marina Dzhonova. Syntactic realization of stative predicates in Bulgarian (towards a lexical meaning ontology). – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 180–209.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.07>

basis for a number of linguistic projects about syntax-semantics interface. Later on G. Lakoff and M. Johnson viewed these aspectual types as ontological verb classes.

Philosophical tradition of ontology is based on Aristotle's ten categories: "(i) a substance; (ii) a quantity; (iii) a quality; (iv) a relative; (v) where; (vi) when; (vii) being in a position; (viii) having; (ix) acting upon; or (x) a being affected"¹. According to philosophical analysis of Aristotle's works, "the distinction of different categories was only meant as a classification of predicates" (Jansen 2008: 178). He used the noun *kategoria* as a technical term for predication in the sense of *to assert something about something* or *what predicate says about its subject*. This corresponds directly to the basic notion of traditional grammar about syntactic sentence structure. Principles of ontological classification based on predication can also be found in formal theories dividing sentences into subject noun phrase and predicate verbal phrase.

The main topic of our study is predicates representing stative eventualities². The paper focuses on investigating the predicate's type according to the features of its argument structure. Observations are mainly aimed at presenting the formal means through which the arguments of those predicates are expressed. The possibilities for a noun phrase, a prepositional phrase or a subordinate (complement³) clause to occupy an argument position to the predicate will be examined. The main goal of this analysis is to derive a formal model of state predicates based on the number and type of their arguments.

Our task is to make a descriptive survey of Bulgarian stative verbs. Since there is no complete list of these verbs (Leseva et al. 2021a; 2021b), we do not commit to presenting the syntactic behavior of all verbs denoting states. Following Paducheva's classification of stative predicates (Paducheva 1996), we have limited our study to verbs from two taxonomic classes of statives: permanent states and temporary states. These classes correspond in large part to Carlson's individual-level and stage-level predicates (Carlson 1977). Predicates for permanent properties and relations, occupations and behaviors are excluded from our analysis because their structure can be represented by other stative verbs, e.g. verbs of existence or possession and attribute expressed by nominal or adjectival phrases. This corresponds to the traditional view that "qualities and states are generally expressed by the verbs e.g. *be* and *have*" (Quirk et al. 1985: 200).

¹ <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle/#Cat>. See e.g. Walters (2021) for discussion on linguistic approach to ontology.

² *Eventualities* or *Eventuality Types* "represent certain conventional ways in which languages systematically divide states of affairs into categories, and which are crucial to the semantic representation of verbs, verb phrases and sentences. The term 'eventuality type' has an ontologically broader coverage than 'event type' or 'Aktionsart' (German term meaning 'a type of action'), because it does not connote specifically dynamicity and exclusion of states" (Filip 1999: 15).

³ The term *complement* is used for "a syntactic construction denoting a proposition, which in the semantic structure occupies the position of an argument to the main predicate in the sentence" (Nitsolova 2008: 261). In Bulgarian complements are expressed by subordinate clauses, small clauses, nominalizations and free relative clauses (Koeva 2019: 58).

We start our observations on permanent state and temporary state predicates within the framework of semantic (thematic) classification of Bulgarian verbs. To propose a comprehensive model for the syntactic behavior of stative predicates in Bulgarian, we observe the relationship between the lexical semantic types of predicates and the syntactic realization of predicate arguments. The observations are based on data extracted from the Bulgarian National Corpus (see Koeva 2014). If there are no examples in the corpus for any of the theoretically derived syntactic patterns, data from written online communication will be used. Morphological features of verbs denoting stative eventualities (concerning verbal categories of tense, voice and mood) are not the subject of our analysis. Negation modifies the entire proposition and operates on the semantic structure of the sentence, thus it has to be an object of separate study. In our text, only examples with positive verbal forms will be considered. In the process of derivation, prefixes change the lexical meaning of Bulgarian verbs: *сedia* – *посedia* (sit – sit for a while), *сня* – *засня* (sleep – fall asleep), *вълнувам се* – *развълнувам се* (be excited – become agitated). Apart from lexical semantics, in most cases the verbal aspect also changes. The main verbs denoting states are imperfective (see Koeva 2021a for details), while the derived prefixed verbs are perfective. *Чувствам* (feel), *желаю* (wish), *искам* (want), *гордея се* (be proud), *плаша се* (be afraid) are imperfective verbs, the prefixed derived from them are perfective: *почувствам*, *пожелаю*, *поискам*, *възгордея се*, *изплаша се*. Compared to the basic imperfective verbs, some of the derived perfectives have different syntactic realization, e.g. forming passive constructions. The differences listed above motivate our choice to analyze only examples with imperfective verbs denoting states.

Our study is organized as follows. In Section 2, we present a general overview of the ontological classifications of predicates, the taxonomic categories and the thematic class of verbs denoting states. Then in Section 3, we present examples of linguistic descriptions of state predicates, thematic frames and clause structure, illustrating the general categories of our linguistic ontology and their connection to syntactic constructions. In Section 4, we discuss in detail the structure of single-argument predicates. Two-argument predicates are represented with illustrative examples in Section 5. In Section 6, we conclude, summarizing the results that have been achieved.

2. Predicate types and verbal meaning

After C. Fillmore (Fillmore 1970), who observed that verbs with similar meanings have common morphosyntactic patterns it is a postulate in syntax that the lexical semantic features of verbs determine their syntactic realization to a large extent. Scholars who studied the correlations between event structure, lexical meaning and syntactic patterns have proposed different classifications of verb types in order to explain the relations between syntax and semantics. “For all approaches, the goal is

to systematize as precisely as possible the context invariant information associated with lexical items (revolving around argument structure and event structure for verbs, and countability and individuation for nouns), and to do so in a way that can predict significant generalizations across typologically different languages” (Acquaviva et al. 2020: 369).

The use of a particular verb in a given context is influenced by two main factors: the event schema/eventuality type and the verb’s idiosyncratic semantic content. It is assumed that the core semantic content is carried by the verbal roots (see e.g. Beavers, Koontz-Garboden 2020 among others). In our study, we do not propose decomposition of verbal forms, nor do we assign semantic features to the verbal roots alone. In the analysis, however, we follow the idea that verb semantic content carries information about “grammatically relevant ontological category, such as result (or state) or manner. This category largely governs the event schemas the root is paired with and hence the associated verb’s argument realization options” (Levin 2017: 572). The verbs that we will analyze carry information about the ontological category of *state* and our goal is to observe how the stative eventuality structure is expressed syntactically.

Perhaps the most influential ontological classification of verbs is the one proposed by Z. Vendler. When analyzing aspectual types⁴ of predicates, his goal was “to describe the most common time schemata implied by the use of English verbs” (Vendler 1967: 98). For this reason his taxonomy is based mainly on criteria related to the event’s time: duration, change, set terminal point and homogeneity. The author pays more attention to the ‘dynamic’ events, such as activities and accomplishments. Conclusions about the characteristics of states can be drawn mostly through established oppositions. Duration and lack of change are their main features, demonstrated by verbs like *desire, want, love, believe, own, resemble, be in New York* (Vendler 1957: 98). D. Dowty develops Vendler’s classification of verbs according to their logical entailments, interactions with temporal modifiers, and interaction with tense. Two crucial aspectual properties were considered to distinguish the four verb classes: whether or not they naturally head telic verb phrases [$\pm$ telic] and whether or not they naturally occur with the progressive [$\pm$ stages]. There are no stages or periods in the event structure of states, therefore stative predicates are characterized as [–telic] [–stages]. D. Dowty also sets out eleven syntactic and semantic criteria for identifying stative predicates. States are cumulative, non-dynamic, and totally homogeneous, hence stative predicates do not occur with durative temporal phrases or with time span phrases. They cannot be modified by agentive adverbs.

Classifications of verbal predicates into aspectual classes built on the works of Z. Vendler and D. Dowty have been used for the analyses of several language

⁴ Aspectual types are semantic classes that serve to characterize and classify verbs. They represent mainly the temporal structure of the event expressed by a verb. It concerns “the internal temporal constituency of a (type of) situation denoted by a given predicate” (Bache 1985: 10).

phenomena. Here we will note only G. Lakoff and M. Johnson's contribution to the interpretation of each of the four aspectual types as an ontological class. This is based on the idea of conceptual metaphor – one of the most important concepts (and terms) in cognitive linguistics. The essence of the metaphor is “understanding and experiencing one kind of thing in terms of another” (Lakoff, Johnson 1980: 5). Conceptual metaphors arise when cognitive links between several conceptual structures from different domains are established. These metaphors consist of three overlapping categories: structural, orientational and ontological metaphors. An ontological metaphor is a type of figurative expression in which something concrete is projected onto something abstract. “Our experiences with physical objects (especially our own bodies) provide the basis for an extraordinarily wide variety of ontological metaphors, that is, ways of viewing events, activities, emotions, ideas, etc., as entities and substances” (Lakoff, Johnson 1980: 26). Regarding the types of predicates, the authors state that events and actions are conceptualized metaphorically as objects, activities as substances, states as containers. The notion of a container is based on the fact that people are individual objects, bounded and set off the rest of the world. Therefore, each individual is a container in which various cognitive processes take place. Physical and emotional states are entities within a person – something/state in a bounded area (within a container). To illustrate this claim G. Lakoff and M. Johnson give examples like *He's in love. We're out of trouble now. He has a pain in his shoulder. My cold has gone from my head to my chest. He could barely contain his joy. His fears keep coming back.* (Lakoff, Johnson 1980: 32; 50). Spatial orientation of sentences expressed by *in - out* prepositional phrases also confirms the claim that physical, mental and emotional states are viewed as containers with an inside and an outside. Although there are no exact correspondences for some of the examples in Bulgarian, we accept the idea of states as events with boundaries, related to or defined by the subject of the stative predicate.

We find similar ideas in M. Halliday's functional approach to lexis, syntax and semantics. In view of grammar as meaning-making resource and clauses as representation of some process in ongoing human experience (what is happening, what people are doing, sensing, saying, being or having) Halliday considers the category of verbal process to be a primary one due to its central place in the semantic system. He brings out three principal process categories and three intermediate types lying on the borderlines (Halliday 1985: 170; see also the circle of process types in Halliday, Matthiessen 1999: 516). The prototypical form of the outer experience are actions and events represented by the material category of language elements. The processes of the external world (inner experience) are the foundation of the mental category. The third component concerns the abilities to generalize, to relate one fragment of experience to another. This is the relational category of the grammar system. Clauses with predicates of material type (doing; acting; creating; changing) reflect the physical world. Relational clauses serve to identify or attribute characteristics to objects. The world of consciousness is expressed by mental clauses (predicates of thinking, feeling

or seeing). Between material and mental processes are the behavioral processes. The category of verbal processes is between mental and relational ones. On the borderline between the relational and the material processes is the existential category. Only the third of the mixed categories correlates with the group of stative verbs. Verbs of existence and possession, however, are not part of our analysis. The topic of our study is closely related to the verbs of mental process type. M. Halliday differentiates four groups of verbs⁵ used in mental clauses. They correspond to four different sub-types of ‘sensing’ and are linked with mental, physiological, and emotional states (Halliday, Matthiessen 2004: 210).

	‘Like’ type	‘Please’ type
Perceptive	<i>perceive, sense; see, notice, glimpse; hear, overhear; feel; taste; smell</i>	<i>(assail)</i>
Cognitive	<i>think, believe, suppose, expect, consider, know; understand, realize, appreciate; imagine, dream, pretend; guess, reckon, conjecture, hypothesize; wonder, doubt; remember, recall, forget; fear (think fearfully)</i>	<i>strike, occur to, convince; remind, escape; puzzle, intrigue, surprise</i>
Desiderative	<i>want, wish, would like, desire; hope (for), long for, yearn for; intend, plan; decide, resolve, determine; agree, comply, refuse</i>	<i>(tempt)</i>
Emotive	<i>like, fancy, love, adore, dislike, hate, detest, despise, loathe, abhor; rejoice, exult, grieve, mourn, bemoan, bewail, regret, deplore; fear, dread; enjoy, relish, marvel</i>	<i>allure, attract, please, displease, disgust, offend, repel, revolt; gladden, delight, gratify, sadden, depress, pain; alarm, frighten, scare, horrify, shock, comfort, reassure, encourage; amuse, entertain, divert, interest, fascinate, bore, weary, worry</i>

Table 1. Type of verbs used in mental clauses (Halliday, Matthiessen 2004: 210)

⁵ The differences between ‘like’ and ‘please’ type verbs will not be discussed here since they do not reflect the core semantic component of the verbs, but the directionality of the process and agent-like features of the subject.

Z. Vendler's ideas influenced the development of more specific classifications of state verbs primarily on English data. Some of them are based on formal features, e.g. use of progressive aspect (progressive forms), others reflect the relations between event structure and lexical semantics. The classification proposed by G. Leech is of the first type⁶. He defines two groups: verbs with progressive aspect and anti-progressive verbs "which are normally incompatible with the Progressive: these can be called anti-progressive verbs, because of their 'unfriendliness' to the Progressive. The most important of these verbs is the main verb to *be*. (Leech 2004: 25). Anti-progressives belong to four thematic classes.

Thematic class	Examples	Characteristics
Inert Perception	<i>feel, hear, see, smell, taste</i>	Absence of agency The perceiver is merely passively receptive. Perception denoted by <i>look at, listen to</i> is not inert since perceiver is actively directing his/her attention towards some object. <i>Feel, taste</i> and <i>smell</i> can be used to indicate not only inert, but also active perception.
Inert Cognition	<i>believe, forget, guess, think, imagine, know, suppose, understand</i>	Mental state; no conscious effort or intention involved; verbs belong to the category 'state', even though a limitation on the duration of the state may be implied.
Attitude, volition and feeling	<i>hate, hope, intend, like, love, prefer, regret, want, wish</i>	Similar to verbs of inert cognition Some of these can more easily occur in the Progressive – <i>enjoy, hope, like, love</i> – if the emphasis is on temporariness or tentativeness.
Verbs of having and being	<i>be, belong to, contain, consist of, cost, depend on, have, matter, own, resemble</i>	Notion of 'being' or 'having' Often a paraphrase with <i>be</i> or <i>have</i> is possible: <i>matter</i> = be important; <i>own</i> = have in one's possession; <i>resemble</i> = be like or to become like. Certain verbs can take the Progressive when accompanied by an expression like <i>more and more</i> .
Additional class Bodily Sensation	<i>ache, feel, hurt, itch, tingle</i>	As verbs of perception (first group), they denote external sensation; Bodily Sensation refers to an internal one. There is a choice without any noticeable change of meaning between Simple Present and Progressive forms.

Table 2. English verbs incompatible with progressive aspect (Leech 2004: 25–31)

⁶ The first edition of G. Leech's grammar is from 1971, so his classification is one of the early attempts to systematize the semantic features that block the use of progressive aspect.

In our study we will analyze predicates from three thematic classes defined by G. Leech: inert perception, inert cognition, and attitude, volition and feeling.

It can be said that C. Fillmore's case study of English verbs *hit* and *break* (Fillmore 1970) inspired several linguists to research in detail syntactic patterns of verbs with similar semantic structure. In addition to manner and result verbs, semantic components and argument structure of verbs denoting complex events became objects of research projects (Beavers, Koontz-Garboden 2012, Levin 1993, Segal, Landau 2012, Rappaport Hovav, Levin 1998; 2010 among others). Distinctions like mode of doing, changing or producing something, place of activity, surface/external contact during the process, etc. also have impact and affect the realization of arguments (see B. Levin's conclusions (Levin 2017)). Since most of the analyzed lexical subclasses refer to eventive or changes of state verbs (part of activities, accomplishments or achievements aspectual classes), the proposed classifications cannot be applied directly to statives.

Verbs denoting mental, physiological, and emotional states impose restrictions on a selection of arguments, but the lack of manner or result elements in their semantic structure prevents the application of Levin's classification (Levin 1993), for instance. To discuss the syntax-semantics interface in light of argument structure and argument selection we adopt the classification built on temporal localization of states: predicates denoting properties and relations; predicates of temporary states and predicates of permanent states (Paducheva 1996: 126–137). Leseva et al. have already applied this classification to represent the ontological semantic classes of the stative predicates in Bulgarian (Leseva et al. 2021a; 2021b). In our study, we build on the conclusions by proposing an ontological system that accounts for the number and type of arguments of stative predicates.

3. State predicates, thematic frames and clause structure

The general methodological framework of our research is related to Role and Reference Grammar (RRG) as it provides reliable basis for studying the interaction of syntax, semantics and pragmatics in grammatical systems. We adopt the RRG conception of clause structure as 'layered structure', containing 'nucleus' made up of the predicate and the 'core', which consists of the nucleus and arguments of the predicate. In order to depict the lexical meaning of verbs we also follow Van Valin and LaPolla's approach of lexical decomposition, which involves paraphrasing of verbs in terms of primitive elements in a well-defined semantic metalanguage. "Since verbs and other predicating elements express (aspects of) states of affairs, an adequate theory of lexical representation ought to represent explicitly the crucial distinctions which differentiate the different types of states of affairs, e.g. taking place over time, being dynamic or having a terminal point. Moreover, since the role of a participant is a function of the state of affairs it is involved in, the semantic function of an argument referring to a participant should follow from the representation of the verb

or any other predicate coding the state of affairs” (Van Valin, LaPolla 1997: 90). The semantic representation of the predicate in the nucleus is the heart of the semantic analysis of the clause. The RRG lexicon consists of logical structures systematized in term of Vendler’s *Aktionsart*⁷ distinctions. State and activity predicates are primitive, therefore they have ontological status⁸. Predicates from other classes are derived from the primitives (see Van Valin 2005).

Verbs are part of the lexicon with their basic aspectual type. Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997: 92) define *Aktionsart* as a term denoting the inherent temporal properties of verbs. All four verb classes can be defined in terms of three features: [$\pm$ static], [$\pm$ punctual] and [$\pm$ telic], which refer to whether the verb has an inherent terminal point or not. From this point, states are non-dynamic and temporally unbounded; they are [+static], [-telic], [-punctual]. Each *Aktionsart* type corresponds to one of the basic state-of-affairs types. State predicates correspond to situations. This is the only group of predicates marked positively by static feature. Predicates from other *Aktionsart* types are non-static. An additional distinction concerning temporal duration, however, is shown between state predicates which code inherent properties and those denoting temporary states: **Sandy was tall/thin/short/fat for an hour – Max was tired/ill/happy for/*in an hour* (Van Valin, LaPolla 1997: 96).

States of affairs, static situations, events or activities represented by different types of predicates are implemented by a certain number of participants. Participants’ thematic roles result from their functions on the level of the eventuality structure and do not exist independently. Interestingly, only primitive (ontological) predicates – states and activities, define thematic relations. Thematic structure of predicates from other types is derived from the primitive ones. Regarding the argument structure and the semantic features of core elements, Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997: 114) follow R. Jackendoff’s approach and define the thematic relations in terms of argument positions in the logical structure of the predication element (or logical form of thoughts). Each argument position in the logical structures defines a thematic relation. The interpretation of an argument is a function of two factors: the class or subclass of the predicate and its position in the logical structure.

To describe the state predicates within the RRG framework, they are divided into two major subclasses – verbs with one argument (verbs denoting state or condition and predicate of existence) and verbs with two arguments. There are no universal tests to distinguish various subtypes of state predicates and accordingly it must be determined from the meaning (or context) whether a verb denotes perception,

⁷ The German term *Aktionsart* is equivalent to the English *Aspectual type* or *Lexical aspect* to denote an inherent semantic property of a predicate, which results from the different progression and limitation of the described event.

⁸ *Ontology* is “a hierarchical catalogue of the concepts that a person has in mind” (Van Valin, Mairal 2014: 213).

cognition or possession. Van Valin and LaPolla propose the following non-exhaustive list of subtypes of state predicates and thematic frames.

State Predicates		
A. Single argument		
1. State or condition	broken' (x)	X = PATIENT
2. Existence	exist' (x)	X = ENTITY
B. Two arguments		
1. Pure location	be-Loc' (x, y)	X = LOCATION, y = THEME
2. Perception	hear' (x, y)	X = PERCEIVER, y = STIMULUS
3. Cognition	know' (x, y)	X = COGNIZER, y = CONTENT
4. Desire	want' (x, y)	X = WANTER, y = DESIRE
5. Propositional attitude	consider' (x, y)	X = JUDGER, y = JUDGMENT
6. Possession	have' (x, y)	X = POSSESSOR, y = POSSESSED
7. Internal experience	feel' (x,y)	X = EXPERIENCER, y = SENSATION
8. Emotion	love' (x, y)	X = EMOTER, y = TARGET
9. Attrib./identificational	be' (x,y)	X = ATTRIBUTANT, y = ATTRIBUTE

Table 3. Types of stative predicates (Van Valin, LaPolla 1997: 115)

Concerning the two-place state predicates the following examples are given to define the thematic features of their arguments and the way they are assigned.

Semantic group	Thematic frame
a. <i>Location</i>	
The book is on the table.	be-on' (table, book), <i>table</i> = LOCATION, <i>book</i> = THEME
b. <i>Perception</i>	
Mabel saw the accident.	see' (Mabel, accident), <i>Mabel</i> = PERCEIVER, <i>accident</i> = STIMULUS
c. <i>Cognition</i>	
Dana knows the answer.	know' (Dana, answer), <i>Dana</i> = COGNIZER, <i>answer</i> = CONTENT
d. <i>Desire</i>	
Sam wants a new car.	want' (Sam, car), <i>Sam</i> = WANTER, <i>car</i> = DESIRE
e. <i>Propositional attitude</i>	
Max believes the rumor.	believe' (Max, rumor), <i>Max</i> = JUDGER, <i>rumor</i> = JUDGMENT

f. <i>Possession</i>	
Tammy has a new car.	have' (Tammy, car), <i>Tammy</i> = POSSESSOR, car = POSSESSED
g. <i>Internal experience</i>	
Diana feels sick.	feel' (Diana, [sick']), Diana = EXPERIENCER, <i>sick</i> = SENSATION
h. <i>Emotion</i>	
Charles hates his wife	hate' (Charles, wife), <i>Charles</i> = EMOTER, <i>wife</i> = TARGET
i. <i>Attributive/identificational</i>	
The building is tall.	be' (building, [tall']), <i>building</i> = ATTRIBUTANT, tall = ATTRIBUTE

Table 4. Thematic frames of two-place stative predicates (Van Valin, LaPolla 1997: 125)

For generalizations about state predicates, it is important to note that two groups of arguments are formed according to thematic relations: first argument and second arguments of the state predicates. A crucial fact about these two groups is that *the members of each group behave alike*. No single predicate takes more than one argument from the group {LOCATIVE, PERCEIVER, COGNIZER, JUDGER, POSSESSOR, EXPERIENCER, EMOTER, ATTRIBUTANT} or more than one from the group {THEME, ENTITY, STIMULUS, CONTENT, DESIRE, JUDGMENT, POSSESSED, SENSATION, TARGET, ATTRIBUTE}. Since these thematic relations never contrast with each other, only with roles from the other group, Van Valin and LaPolla conclude that there are only *two* basic thematic relations (the macroroles *actor* and *undergoer*). The role labels distinguish the subclass of the state predicate that the argument occurs with.

As the theory of RRG developed and reached an ontologically grounded level LSs (logical structures) were replaced by CLSs (conceptual logical structures) – “a methodological shift that entails replacing predicates in a LS with concepts, while preserving the Aktionsart distinctions” (Van Valin, Mairal 2014: 212). Lexical class *State* correspond to *Conceptual logical structure* <C> (x) or (x, y). Conceptual units <C> comes from ontology. “Every event in the ontology is assigned a single thematic frame, i.e. a conceptual construct which states the number and type of participants involved in the prototypical cognitive situation portrayed by the event” (Van Valin, Mairal 2014: 213).

State predicates are one of the basic ontology classes. They are treated as semantic primitives and their description involves only the predicate and its arguments with no further decomposition. Semantic operators like *do*, *become*, *cause*, *result*, *aim*, etc. are necessary for the representation of the derived predicate types (activities and accomplishments).

Our study aims at the description of state predicates denoting physical, mental and emotional states. All the theories represented here include those semantic groups, although they vary in respect to the semantic group to which a certain predicate belongs. Such predicates are *consider*, *believe*, *suppose*, *imagine* – they pertain to the cognitive predicates or form a separate semantic subtype. Halliday, Matthiessen (Halliday, Matthiessen 2004) and Van Valin, LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997) divide desiderative predicates in a separate group, while Leech (Leech 2004) conjoins attitude, volition and feeling in one group due to their common syntactic behavior. G. Leech (Leech 2004) points out an important distinction between internal and external sensations⁹.

In Van Valin, LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997) we find more detailed subtypes based on the lexical semantics – with verbs for propositional attitude like *believe* separated from cognition verbs like *know*. In our analysis, we represent the formal structure of physical, mental and emotional state predicates and different semantic subtypes within each formal type. In the description of semantic subtypes of state predicates we will follow the model, proposed by Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997), taking into account the language specific peculiarities of the Bulgarian language.

As it was already shown, Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997: 155) divide state predicates into two major groups – with one argument and with two arguments. We adopt this descriptive model for the argument structure of state predicates in Bulgarian. We will present a general overview of the class of state verbs and distinguish between different subtypes. In the first place, we describe different subtypes of single-argument state predicates: *седя* (sit), *лежа* (lie), *гладувам* (starve), *киселее* (be sour), *блестя* (shine). Then we will characterize two-place state predicates. They are divided in two subtypes based on the syntactic position of their second argument – stative predicates with a direct object: *обичам* (love), *виждам* (see), *чувствам* (feel), *желаю* (wish), *помня* (remember), and state predicates with an indirect object: *радвам се* (enjoy), *безпокоя се* (worry), *страхувам се* (fear), *страдам* (suffer), *вярвам* (believe). We also consider the ability of some two-place state predicates to have three arguments, overtly expressed. Each of the subtypes comprises different thematic classes of predicates. For the illustration of semantic subtypes, we follow the thematic classification of predicates in Bulgarian (see Koeva 2019), and the list of subtypes of state predicates and possible thematic relations, proposed by Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997: 115, 125)¹⁰.

4. One-place predicates

In Van Valin and LaPolla's classification the group of one-place (single-argument) state predicates includes two subclasses: verbs for state or condition and verbs for

⁹ See also analyses done by A. Zimmerling (Zimmerling 2018).

¹⁰ See also Table 3 and 4 above.

existence. In our data we find examples of those two groups, but we consider that additional semantic subdivision of state or condition predicates is also needed. The first group includes basic state predicates like *седя* (sit), *лежа* (lie), *стоя* (stand), *будувам*, *бдя* (be awake), *спя* (sleep). They have an animate subject marked with the thematic role of patient. This is the only way to fill in the argument position of these one-place state predicates (Van Valin, LaPolla 1997: 127).

Verbs denoting physiological state are the second subtype single-argument state predicates. In Bulgarian, the following verbs have such a structure: *гладувам* (starve), *студувам*, *мръзна* (freeze), *мързелувам* (laze), *жадувам* (thirst). The argument position is occupied by the subject in the sentence marked as an experiencer.

There is a third subtype of single-argument predicates. For verbs from the first two groups, the subject represents the experiencer, but for verbs from the third group, it represents the theme. Verbs with this thematic structure denote inherent attributes of their single argument. The connection between the quality and the object is based on a subjective evaluation of cognitive subject usually unexpressed in the sentence. This attribute could be colour, e.g. *аленее*, *зеленее*, *синее*, *белее* (It looks/appears scarlet, green, blue, white); taste, e.g. *киселее* (It tastes sour), *сладни* (It tastes sweet), *люти* (It tastes hot), *горчи* (It tastes bitter); flavor, e.g. *ухае*, *мирише* (It smells), *вони* (It stinks), or other physical characteristics, e.g. *блестя* (It shines), *лъщи* (It glistens), *сияе* (It shines), *искри* (It sparkles), *мокрее* (It feels wet), *тежи* (It is heavy). It is worth mentioning that verbs like *аленее*, *зеленее* (It looks scarlet, green) also have a reflexive form *аленее се*, *зеленее се*. Reflexivization, however, does not change the lexical meaning. The reflexive particle (pronoun) *се* is only an overt marker for intransitivity (cf. Asenova, Guentchéva 2022).

Basic syntactic structure of verbs from the third subtype of single-argument state predicates consists of an inanimate subject theme to which verbs attribute an inherent feature:

1. *Супата леко киселее, но е много приятна на вкус.*

The soup tastes a bit sour, but it tastes very nice.

2. *Звездите блестят.*

The stars are shining.

Interestingly, these predicates (except *сияе* and *искри*) can have also a two-argument structure with an experiencer in object position (dative experiencer):

3. *Супата ми киселее.*

(To me/Based on my evaluation/I think) The soup tastes sour.

4. *Слънцето ми блести.*

(To me/Based on my senses) The sun is shining.

5.a. *Това палто много ми тежи.*

This coat feels very heavy on me.

5.b. *Работата много ми тежи.*

The work is very difficult/hard for me.

5.с. *Самотата много ми тежи.*

Loneliness torments me a lot.

Despite the inclusion of a dative experiencer, the subject position is again for the argument marked as theme. The experiencer in an object position is animate, usually human. The situation is represented from the experiencer's perspective. He/She evaluates the attributes of the subject theme from his/her own point of view: *Супата ми киселее* (The soup tastes sour to me); *Нещо ми (се) синее в далечината* (Something seems/looks blue to me in the distance).

When the experiencer is explicit an insertion of locative argument is also possible:

6. *Люти ми на езика.*

(Literary: It is hot on my tongue.) It burns my tongue.

7. *Блести ми в очите.*

It shines in my eyes.

Unsurprisingly, the locative argument is realized by a noun denoting body-parts where the experiencer can sense (to taste, smell, feel heaviness, light, etc.). In some cases, the locative argument is not possible with an explicit subject theme: **Супата ми киселее на устата*. If a locative phrase is present, constructions with empty subject position are preferred. When both arguments are present (overt dative experiencer and overt locative) the configuration can undergo further changes. Interpolation of an argument stimulus expressed by *от* (ot) phrase leads to a seemingly three-place structure:

8. *Люти ми на езика от чушките.*

(Literary: The peppers are hot on my tongue.) The peppers burn my tongue.

The dative object denotes the experiencer, *на* (na) phrase – locative and *от* (ot) phrase – stimulus that activated the sensation in the body part designated by *на* (na) phrase.

Sensory verbs could also have a non-referential inherent argument: *Мирише (ми) на рози / на изгоряло* (It smells like roses/burnt (to me)). Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997: 123) determine the different nature of the inherent argument to activity verbs like *eat* and *drink*. The inherent argument is an internal argument which expresses an intrinsic facet of the meaning of the verb and does not refer specifically to any participants in an event denoted by the verb. It serves to characterize the nature of the action rather than to refer to any of the participants in it. This type of argument can be used to characterize a number of particular actions expressible by the verb, e.g. *drinking beer / coffee / tea / milk*, etc. One-place sensory verbs with non-referential argument expressed by *на* (na) phrase can be analyzed the same way. Whereas the locative argument is not possible with an explicit subject theme (cf. ex. 8), the inherent argument could appear simultaneously with subject theme and dative experiencer *Тази кутия (ми) мирише на билки* (This box smells like herbs (to me)).

A summary of the features of the subject – the only intrinsic argument of one-place state predicates, is presented in Table 5.

Semantic subtype	Verb	Subject		
		Thematic relation	Animacy	Referentiality
State or condition	седя, лежа, стоя	patient	animate	referential
Physiological state	гладувам, студувам, мръзна	experiencer	animate	referential
Inherent property	аленее (се), белее (се), мирише, блести	theme	non-animate	referential

Table 5. One-place state verbs

Considering the syntactic realization of verbs denoting inherent property, we propose a comparison with the additional classification based on the features of the optional dative object and prepositional phrases.

Syntactic structure	Verb	Subject	Object	Na-PP	Ot-PP
Single argument	аленее (се), киселее, мирише, блести, мокрее, тежи	theme			
Two arguments	Супата ми киселее. синее ми, блести ми, мирише ми	theme	dative experiencer		
Two arguments	люти ми на езика, блести ми в очите		dative experiencer	locative body part	
Three arguments	люти ми на езика от чушките		dative experiencer	locative body part	stimulus

Table 6. Inherent property verbs

5. Two-place predicates

Two-place predicates define positions for subject and object arguments. In view of their second argument, two subgroups are identified: 1) verbs with a direct object expressed by NPs and 2) verbs with an indirect object expressed by PPs. Complement clauses can also be used in an object position. We will use the term *experiencer* to denote the thematic features of an animate participant expressed by the first (external) argument of verbs denoting emotion, perception, cognition, desire, feelings, physiological state

instead of *perceiver, cognizer, judger, experiencer, emoter, wanter*, proposed by Van Valin and LaPolla (Van Valin, LaPolla 1997). Second (internal) argument represented by NPs or PPs is marked as stimulus or object of perception, desire, emotion, etc.

5.1. Two-place predicates with NP_NP structure

This group comprises verbs from the following semantic groups in Bulgarian: perception, e.g. *виждам* (see), *чувам* (hear), *чувствам, усещам* (feel); cognition, e.g. *помня* (remember), *зная* (know); desire, e.g. *искам* (want), *желая* (wish), *жадувам* (crave), *очаквам* (expect); emotion, e.g. *обичам* (love), *харесвам* (like), *мразя* (hate).

Perception verbs have a two-argument structure. The first argument is an animate perceiver denoted by the subject of the sentence. The second argument is a stimulus represented by the direct object. The head of the stimulus NP can be a referential noun (*птиците, песните на птиците*) or a proposition expressed by *да* (da) clauses, *че* (che) clauses or *wh*-complement clauses.

9. *Виждам птиците.*

I see the birds.

10. *Чувам песните на птиците.*

I hear the songs of the birds.

11. *Виждам как се усмихваш.*

I see you smiling.

12. *През юни чух по радиото да предупреждават шофьорите за това.*

In June I heard them warning drivers about that on the radio.

13. *Все по-често чувам, че хората искат да се завърнат в родината си.*

More and more I hear that people want to return to their homeland.

Perception verbs can also denote mental state and are then defined as synonyms of *understand* or *ascertain*. This interpretation is usually signaled by changing the way the second argument is expressed. Verbs of perception have this reading when their second (internal) argument is a complement clause or a nominalization of proposition denoted by *за* (za) PP.

14. *Виждам, че си добър човек.*

I see that you are a good person.

15. *Отсега виждам какво ще стане, ако не се включиш.*

Even now I can see what will happen if you do not join in.

16. *Трябва да видя как да го поправа.*

I need to see how to fix it.

17. *Чух за „Национални дни на кариерата“ за първи път през 2015-та година.*

I first heard about National Career Days in 2015.

In Table 7 we summarize our observations on the argument structure of perception verbs.

Semantic group	Verbs	Subject			Object	
		Thematic relation	Animacy	Referentiality	Thematic relation	Syntactic realization
Perception	виждам, чувам, усещам	experiencer	animate	referential	stimulus	referential NP / complement clause
Cognition	виждам, чувам	experiencer	animate	referential	content	complement clause / za-PP

Table 7. Perception verbs

Cognition. We follow the theoretical framework proposed by R. Nitsolova in her work on argument structure of cognition predicates in Bulgarian (Nitsolova 2001). The basic structure of verbs from this group consists of two arguments: a subject and a direct object expressed by NP or a complement clause. Under certain conditions, a third element can be included in the structure. Most often it is a prepositional *за* (za) phrase.

The thematic relations set by verbs of cognition are experiencer (or cognitive subject), cognitive object and content (information about the cognitive object). The content and the cognitive object are always co-referential (cf. Koeva 2021b: 19). If the second argument presents the content (what the knowledge or thoughts are about), a referential NP is used in the direct object position.

18. *Зная тайната ти.*

I know your secret.

19. *Още помня ваканцията в Пампорово.*

I still remember the vacation in Pamporovo.

Examples with accusative personal pronouns used in the second argument position of cognitive predicates are also found in our data: *помня те*, (I remember you); *мисля те* (I worry about you); *зная го* (I know him/it).

20. *Помня ги тия приказки.*

I remember these stories.

21. *Зная те още от стажантските години.*

I know you from my trainee years.

The cognitive object could also be expressed by a prepositional *за* (za) phrase:

22. *Знам за срещата.*

I know about the meeting.

When the second argument is a proposition it denotes the cognitive content and is usually a complement clause or a nominalization (pronoun or NP):

23. *Знам, че срещата ще е след два дни. Знам как да стигна до спирката.*

I know the meeting is in two days. I know how to get to the bus stop.

Although verbs of cognition are typical two-place predicates they can also be used in sentences with three arguments. A noun phrase or a complement clause take the third argument position. The NP in a direct object position is marked as content of cognition and the cognitive object is expressed by a prepositional *за* (za) phrase.

24. *Знам истината (content) за тях (cognitive object).*

I know the truth about them.

25. *Какво (content) знаеш за нея (cognitive object)?*

What do you know about her?

26. *Неслучайно едва 14 на сто от софиянци твърдят, че знаят нещо (content) за втората вълна на приватизацията (cognitive object).*

It is no coincidence that only 14 percent of Sofia residents claim to know something about the second phase of privatization.

There is a possibility of using other prepositions to introduce the object of cognition. Our data shows that *относно* (otnosno) and *по* (po) phrases can take the object position. The noun in the content phrase denotes a non-animate object:

27. *Какво знаеш по въпроса?*

What do you know about this topic?

28. *По-долу са посочени важните неща, които трябва да знаете относно инсталирането на тази актуализация.*

Below are the important things you need to know about installing this update.

As the cognitive content is a proposition, a complement clause also can be part of this thematic relation. The cognitive object from the main clause is co-referential with an argument from the subordinate clause (cf. Koeva 2021b: 19). Similar to the two-argument realization of the predicate we observe two possibilities for expressing the cognitive object – by a noun phrase/accusative pronoun (29.) or by a prepositional *за* (za) phrase (30.).

29. *Още го_i (cognitive object) помним как (той_j) влизае в пощата, отваряше прозорците и надуваше единствения селски грамофон.*

We still remember him going into the post office, opening the windows and turning up the volume of the only gramophone in the village.

30. *За адмирала_i (cognitive object) знаехме, че (той_j) управлява Франция.*

We knew that the admiral was governing France.

In Table 8 we present the syntactic structures with direct and indirect objects that are used to describe cognitive states.

Syntactic structure	Verb	Direct object		Indirect object	
		Thematic relation	Syntactic realization and referentiality	Thematic relation	Syntactic realization
Two arguments	зная, помня	content	referential NP / complement clause		
Three arguments	зная, помня	content	referential NP / complement clause	cognitive object	za-PP

Table 8. Verbs of cognition

Emotion. The cognitive scenario of emotions comprises an experiencer (subject of emotion) and an object or a stimulus for the status described by the verb. Verbs of emotion known as psych verbs obligatory mark one of the arguments as an experiencer. They are well studied because of the linking patterns for mapping thematic relations onto syntactic positions. Psych verbs, however, display different syntactic realizations of the experiencer. Some verbs of emotion have the subject experiencer (fear-type verbs); others follow the reverse pattern (frighten-type verbs).

We start our observations on two-place emotive predicates with examples from the fear-type group. The first argument (subject of the sentence) is the experiencer. The second argument (direct object) is the object of emotion denoted usually by a referential NP or a pronoun.

31. *Тя беззаветно обичаше мъжа си.*
She loved her husband unconditionally.

32. *Мария ме мрази.*
Maria hates me.

33. *20-годишната Ванеса харесва музиката на „Би Джийс“.*
20-year-old Vanessa likes the music of the Bee Gees.

Syntactic realizations of the object, however, also include generic NPs – *кучета* (dogs), *котки* (cats), *лошите хора* (bad people), *сватбите* (weddings), and *разводите* (divorces) in examples below. Definiteness does not affect the choice of noun in a direct object position. In this configuration, though, we observe a change in the verb's meaning. *Обичам* (love) is synonym of *харесвам* (like).

34. *И двамата обичаха кучета и не обичаха котки.*
They both loved dogs and disliked cats.

35. *Децата не обичат лошите хора.*
Kids don't like bad people.

36. *Аз съм убеден, че публиката харесва сватбите, а не разводите.*

I am convinced that the audience likes weddings, not divorces.

Under the same semantic conditions (signifying preferences, likes or dislikes) emotive verbs can take complement clauses as their second argument. The subject experiencer could be referential: *татко* (dad) in (37.) or generic: *човек* (humans) in (39.).

37. *Татко обичаше да танцува.*

Dad loved dancing.

38. *Мразя да закъснявам.*

I hate being late.

39. *Човек обича да изследва далечни пространства.*

Humans love to explore distant territories.

40. *До ден днешен най мрази да изпълнява рецепти, в които пише „щипка сол“.*

To this day, he hates recipes that say “a pinch of salt” the most.

A variant of a generic subject are the patterns of metonymic or metaphoric transfers. The head of subject NP signifies an inanimate entity. The experiencer must, by definition, be an animate object. Place names are connected to the people living in these places. New links between distinct contents are established since people’s characteristics are transferred and attributed to the place where they live.

41. *Холивуд обича самотниците.*

Hollywood likes loners.

42. *Милано обича операта.*

Milan loves the opera.

43. *Планината обича добрите хора.*

Mountains like good people.

Realization of arguments to emotion verbs with a subject experiencer is presented in Table 9.

Syntactic structure	Verb	Subject		Object	
		Thematic relation	Syntactic realization and referentiality	Thematic relation	Syntactic realizations
Two arguments	обичам харесвам мразя ненавиждам	experiencer	referential NP / generic NP	object of emotion	referential NP / generic NP / com- plement clause

Table 9. Emotive fear-type verbs

Desire. Verbs denoting desire, e.g. *искам* (want), *желая* (wish), *надявам се* (hope), *жадувам* (crave), *очаквам* (expect) also have a two-argument structure.

The first argument is the experiencer indicated by the NP in a subject position. An interesting feature of desiderative verbs is the use of generic nouns in a subject position. This confirms the homogeneity of the experiencer role.

44. *Когато хората искат / желаят / се надяват да изглеждат по-умни, си слагат очила.*

When people want / desire / wish to look smarter, they put on glasses.

The second argument denotes the object of desire. The information about it is carried by NPs in a direct object position or complement *да* (da) clauses. Similarly to cognitive object with cognitive and emotive verbs, an accusative pronominal clitic can be used in an object position to desiderative verbs: *искам те, желая те* (I want you), *жадувам те* (I crave you), *очаквам те* (I am expecting you). The object of desire then is animate and specific. The head of an object NP can be referential, e.g. *България* (Bulgaria) in (45.), *тази кола* (this car) in (46.) or generic, e.g. *рокля* (dress) in (47.), *природа* (nature), *бетон* (concrete) in (48.).

45. *Каква България искаме?*

What kind of Bulgaria do we want?

46. *Искам тази кола.*

I want this car.

47. *Искам по-дълга рокля.*

I want a longer dress.

48. *Искаме природа, не искаме бетон.*

We want nature, not concrete.

The second argument of the verb *жадувам* (crave; long for) is either a direct/accusative object or an indirect object expressed by a prepositional *за* (za) phrase. In (49.) the noun phrases *свобода* (freedom), *живот* (life) take the object position. Accusative personal pronoun clitic *я* (her) is used in (50.) and *за* (za) PP in (51.).

49. *Сега беглецът жадуваше свобода, жадуваше живот.*

Now the fugitive craved freedom, craved life.

50. *Жадуваш я, когато я нямаш.*

You crave it when you don't have it.

51. *Аз жадувам за отмъщение.*

I crave revenge.

Interestingly, NP can be used instead of PP and vice versa: *Жадувам те / жадувам за тебе, моя любов* (I crave you / I long for you, my love). At this stage of the research, we can say that personal pronominal clitics are preferred if the object of desire is animate, but the use of *за* (za) PP is also possible. Obviously, sentences with two-place *жадувам* should be the topic of a separate study.

Most desiderative verbs have *да*-clauses in an argument position. The object of desire is a state of affair, a situation or an action that can be carried out.

52. *Искам да се завърна в България.*

I want to go back to Bulgaria.

53. *Исках да бъдем щастливи завинаги.*

I wanted us to be happy forever.

54. *Жадувах да видя Италия, да докосна древните монументи.*

I craved to see Italy, to touch the ancient monuments.

Надявам се (hope), however, does not follow the patterns shown in (52.)–(54.). It can take *да* (da) and *че* (che) clauses as complements. There is neither a complementizer contrast nor semantic differences. Both type of complement clauses represent concepts not interpreted as having a referent.

55. *Надявах се да ми бъдеш най-добрият приятел. Надявах се, че ще ми бъдеш най-добрият приятел.*

I hoped you would be my best friend.

In Table 10 we present the generalized syntactic model of desiderative verbs (for *жадувам* and *надявам се* see the explanations above).

Syntactic structure	Verb	Subject		Object	
		Thematic relation	Syntactic realization and referentiality	Thematic relation	Syntactic realizations
Two arguments	искам желая	experiencer	referential NP / generic NP	object of desire	referential NP / generic NP / complement <i>da</i> -clause

Table 10. Desiderative verbs

In summary, two-place stative predicates with subject and direct object as their arguments belong to four semantic sub-types: cognition, perception, emotion and desire. The expression of the first argument (subject of the sentence) through NP marked [+animate] is common for all groups. No restrictions concerning referentiality were observed. The subject could be either referential or generic nouns. Verbs of perception, emotion and desire function as two-place predicates only. They choose an accusative/direct object as their second argument which introduces several relations (content, stimulus or object of perception, emotion or desire). Only cognition predicates vary in respect to their argument structure. They allow the content and the cognitive object to have a separate syntactic realization. As a result, verbs of cognition are realized in three-argument structures. The only condition is that the content is a proposition and the cognitive object coincides with one of the arguments of the complement clause expressing the content. Concerning the referentiality of the object argument, desiderative and emotive verbs allow referential as well as

generic objects to be used, whereas generic objects are not allowed with cognitive and perception verbs.

5.2. Two-place predicates with NP_PP structure

Two-place predicates with an indirect object as their second argument include three semantic sub-types. Interestingly, verbs with dative or PP objects are from the same thematic groups observed in 5.1. (two-place predicates with a direct object forming NP_NP structures). They denote: 1) emotion, e.g. *радвам се* (be glad), *вълнувам се* (be excited), *тревожа се*, *безпокоя се* (worry), *страдам* (suffer), *срамувам се* (be ashamed), *страхувам се* (fear), *гордея се* (be proud), 2) cognition, e.g. *вярвам* (believe), *мисля* (think), or 3) desire, e.g. *надявам се* (hope), *нуждая се* (need), *жадувам* (crave), *копнея* (long for). As the examples show, many verbs have a short reflexive pronoun *се* (self). Nevertheless, they cannot be regarded as reflexive because they do not have a reflexive meaning. Emotive and desiderative *се*-verbs are analyzed as pseudo-reflexives or middle voice verbs. *Се* cannot be substituted by the tonic reflexive form *себе* while in real reflexives substitution is possible. This is the reason to assume *се* as an overt marker for intransitivity. The reflexive clitic occupies the direct object position, therefore only PPs or complement clauses can be used in a second argument position.

Emotion. We should note two features of these verbs compared to the direct object emotive verbs listed in 5.1. Most emotive verbs from the second group have *се* as an overt marker for intransitivity. This predetermines the use of an indirect object in a second complement position. There are no differences, however, in the thematic structure of emotive predicates from the two groups. Intransitive verbs of emotions also belong to fear-type psych verbs. They assign the role of an experiencer to their subject. The indirect object represents the stimulus for the emotion or its object (target of emotional evaluation).

The second argument with causal interpretation is expressed by prepositional *на* (na) or *от* (ot) phrases. Nouns within PPs are referential, e.g. *неговото завръщане* (his return) in (56.), *нова буря* (another storm) in (57.).

56. *Само сестра му сякаш се радваше на неговото завръщане.*

Only his sister seemed happy about his return.

57. *Страхуваше се от нова буря¹¹.*

He feared another storm.

If the stimulus has a causal reading, it is often a proposition. Complement *да* (da) or *че* (che) clauses or indirect interrogatives are in the object position.

¹¹ There are also examples with generic nouns as stimulus argument – *Мразеше морето, страхуваше се от бури* (He hated the sea and feared the storms.)

58. *Радвам се да те видя отново.*

I'm glad to see you again.

59. *Много се радвам, че ще живеете при нас.*

I am very glad that you will live with us.

60. *Радвам се колко много хора упражняват правото си на глас!*

I'm glad so many people are exercising their right to vote!

The indirect object can also represent the object of emotion. As opposed to the PP stimulus, the object of emotion PP could comprise referential as well as generic nouns. Apart from *на* (na), the preposition *за* (za) can mark this thematic relation between the predicate and its second argument.

61. *Повечето хора очевидно се радват на рождени дни и подаръци.*

Most people obviously enjoy birthdays and presents.

62. *Радвам се за Ясен Петров, това е точният човек за националния.*

I am happy for Yasen Petrov, he is the right person for the national team.

Another difference concerning the representation of thematic relations is that the object/target of emotion cannot be expressed by a complement clause. We can conclude that *за* (za) and *на* (na) PPs are the only means for introducing the object of the emotional attitudes encoded by the emotive *se*-verbs.

The analyzed verbs from the group can also have an overt realization as three-place predicates. In such cases, both arguments are present: an object of emotion usually denoted by *за* (za) or *на* (na) PPs and a complement clause as stimulus. The object of emotion is coreferential with an argument from the complement clause. In (63.) the accusative clitic in the direct object position within *che*-clause is coreferential with tonic accusative form used in *за* (za) phrase (Koeva 2021b: 19).

63. *Радвам се за теб, че още не са те взели на работа.*

I'm happy for you that you haven't been hired yet.

Observations about the argument structure of emotive verbs are summarized and shown in Table 11.

Syntactic structure	Verb	Second argument		Third argument	
		Thematic relation	Syntactic realizations	Thematic relation	Syntactic realizations
Two arguments	радвам се, страхувам се	stimulus	PP with referential NP / complement clause		
Three arguments	радвам се, страхувам се	stimulus	PP with referential NP / complement clause	object of emotion	PP / dative clitic

Table 11. Emotive verbs

Cognition and desire. The cognitive verbs with PP as their second argument, e.g. *вярвам* (believe), and the desiderative ones, e.g. *надявам се* (hope), *нуждая се* (need), *жадувам* (crave), *копнея* (long for) follow similar syntactic patterns. The PPs encode the cognitive object or content as in (64.) or the object of desire as in (65.) and (66.). Verbs from both semantic sub-types allow referential as well as non-referential generic objects. They can be animate or inanimate objects, events or abstractions.

64. *Вярвам в теб / в твоя успех / в доброто.*

I believe in you / in your success / in goodness.

65. *Нуждая се от теб / от помощта ти.*

I need you / your help.

66. *Копнея за друг живот.*

I long for a different life.

Complement clauses can also take the second argument position when (abstract, possible or future) states of affairs are the content of belief or the object of desire.

67. *Вярвам в добрите хора / Вярвам, че има хора, готови да помогнат на другия.*

I believe in good people / I believe there are people willing to help others.

68. *Надявам се, че ще се видим пак. / Надявам се да се видим пак.*

I hope to see you again.

69. *Копнея да те видя.*

I long to see you.

There is a specialization of complementizers as well as prepositions: *вярвам в* – *вярвам че* / *(не) вярвам да*; *надявам се на* – *надявам се да* / *че*; *нуждая се от* – *нуждая се да*; *копнея за* – *копнея да*. A selection of prepositions and a complementizers alternation with these verbs may be the subject of future works.

The conclusions about the structure of sentences with verbs of cognition and desire can be systematized in the following way.

Semantic subtype	Verb	Object	
		Thematic relation	Syntactic realization
Cognition	вярвам	content	PP with referential NP / complement clause
Cognition	вярвам	cognitive object	PP with referential or generic NP
Desire	надявам се копнея	object of desire	PP with referential or generic NP / complement clause

Table 12. Cognition and desiderative verbs

In essence, two-place predicates with an indirect object have the same thematic structure as predicates with a direct object. Their first argument is an experiencer

expressed by NPs in subject position. The experiencer can have either referential or generic interpretation, but by definition is an animate entity. The second argument is the object of emotion or desire with emotive or desiderative verbs. Verbs of cognition have a cognitive object as their second argument. It alters or appears simultaneously with a stimulus (what causes a change of mental state).

6. Conclusions

The analysis of Bulgarian stative verbs denoting permanent and temporary states carried out in this article confirms the general notion that the syntactic behavior of verbs depends on their lexical meaning. Semantic structure is coded by linguistic means, organized to language specific grammar parameters. States are an ontological category. To understand the way we can denote stative eventualities we have adapted to some extent the core concept of ontological formations that relations are central to understanding bigger or dominant formations. We derived a formal syntactically motivated model of state predicates based on the number and type of their arguments and thematic relations linked to arguments.

Stative verbs belong to different lexical (thematic) classes. They signify physical, physiological, mental, emotional, etc. states. Our observations confirm the idea that state predicates are not homogeneous in respect to their syntactic realization. Verbs from different thematic groups (physiological state, physical state or condition, inherent property) function as one-place predicates. Verbs of perception, cognition, desire and emotion are two-place predicates. The hypothesis that predicates from a given thematic group have similar syntactic behavior is valid for perception verbs only. We find two different syntactic realizations of cognitive, emotive and desiderative verbs depending on the type of their second argument – NP or PP. Further, we conclude that there are variations within thematic groups in respect to the number of arguments the verbs can take. Our data shows that in the sub-type of two-place predicates with NP as their second argument cognition verbs could also have three-argument structure, whereas in the sub-type of two-place predicates with PP as their second argument only some emotive predicates follow such a pattern. The selection of prepositions is important for mapping thematic relations of object, target, content or stimulus onto the syntactic position of indirect objects. This assumption would need to be confirmed through further investigation.

Acknowledgements

This research is carried out as part of the project *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A Contrastive Bulgarian-Russian study* funded by the Bulgarian National Science Fund under the Program for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ/23 from 2020.

References

- Acquaviva et al. 2020: Acquaviva, P., Al. Lenci, C. Paradis and I. Raffaelli. Models of lexical meaning. – In: Pirrelli, V., I. Plag, W. U. Dressler (Eds.) *Word Knowledge and Word Usage: A Cross-Disciplinary Guide to the Mental Lexicon*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 353–404.
- Asenova, Guentchéva 2022: Petya Asenova, P., Zl. Guentchéva. Reflexive and Middle Voice. – In: *Glagolati. Balkan Verb Typology*. Sofia: Sofia University Press, pp. 438–462.
- Bache 1985: Bache, C. *Verbal Aspect: A General Theory and Its Application to Present-Day English*. Odense: Odense University Press.
- Beavers, Koontz-Garboden 2012: Beavers, J., A. Koontz-Garboden. Manner and result in the roots of verbal meaning. – In: *Linguistic Inquiry*, vol. 43(3), pp. 331–369.
- Beavers, Koontz-Garboden 2020: Beavers, J., A. Koontz-Garboden. *The Roots of Verbal Meaning and the Meaning of Verbal Roots*. Oxford: Oxford University Press.
- Carlson 1977: Carlson, G. Unified Analysis of the English Bare Plural. – In: *Linguistics and Philosophy*, vol. 1, No. 3, pp. 413–456.
- Dowty 1979: Dowty, D. R. *Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Filip 1999& Filip, H. *Aspect, Eventuality Types and Nominal Reference*. New York: Routledge.
- Fillmore 1970: Fillmore, Ch. J. The grammar of hitting and breaking. – In: Jacobs, R. and P. S. Rosenbaum (eds.) *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham, MA: Ginn, pp. 120–133.
- Jansen 2008: Jansen, L. Categories: The Top-Level Ontology. – In: Munn, K. and B. Smith (Eds.) *Applied Ontology. An Introduction*. Frankfurt: Ontos, pp. 173–196.
- Halliday 1985: Halliday, M. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Halliday, Matthiessen 1999: Halliday, M., C. Matthiessen. *Construing Experience through Meaning: A Language-Based Approach to Cognition*. London: Cassell.
- Halliday, Matthiessen 2004: Halliday, M., C. Matthiessen. *An Introduction to Functional Grammar* (Third edition). London: Routledge.
- Koeva 2014: Коева, Св. Българският национален корпус в контекста на световната теория и практика. – В: *Езикови ресурси и технологии за български*. Под ред. на Св. Коева. София: Академично издателство „Проф. М. Дринов“, с. 29–52. (Koeva, Sv. Balgarskiyat natsionalen korpus v konteksta na svetovната teoria i praktika. – In: Sv. Koeva (Ed.) *Ezikovi resursi i tehnologii za balgarski*. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. M. Drinov”, pp. 29–52.)
- Koeva 2019: Коева, Св. Към типологичен анализ на комплементността в български. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. т. 2. София: Издателство на БАН „Проф. М. Дринов“, с. 57–68. (Koeva, Sv. Komplementite v balgarski. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“*. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. M. Drinov”, pp. 57–68.)
- Koeva 2021a: Коева, Св. Предикати за състояние: свойства и лингвистични тестове. – В: *Cyrillo-Methodian Papers / Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*, №10, с. 137–157. (Koeva,

- Sv. Predikati za sastoyanie: svoystva i lingvistichni testove. – In: *Cyrillo-Methodian Papers / Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*, №10, pp. 137–157.)
- Koeva 2021b: Коева, Св. Към типологичен анализ на комплементността в български. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. т. 2, София, Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2021, с. 13–27. (Koeva, Sv. Kam tipologichen analiz na komplementnostta v balgarski. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“*. т. 2, Sofia, Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 13–27.)
- Lakoff, Johnson 1980: Lakoff, G., M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Leech 2004: Leech G. *Meaning and the English Verb* (3rd ed.). London: Pearson Longman.
- Leseva et al. 2021a: Лесева, Св., Хр. Кукова, Св. Стоянова. Предикатите за състояние в съвременните лингвистични теории (I). – В: *Български език*, № 3, с. 120–134. (Leseva, Sv., Hr. Kukova, Iv. Stoyanova. Predikatite za sastoyanie v savremennite lingvistichni teorii (I). – In: *Balgarski ezik*, № 3, pp. 120–134.)
- Leseva et al. 2021b: Лесева, Св., Хр. Кукова, Св. Стоянова. Предикатите за състояние в съвременните лингвистични теории (II). – В: *Български език*, № 4, с. 135–152. (Leseva, Sv., Hr. Kukova, Iv. Stoyanova. Predikatite za sastoyanie v savremennite lingvistichni teorii (II). – In: *Balgarski ezik*, № 4, pp. 135–152.)
- Levin 1993: Levin, B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago: University of Chicago Press.
- Levin 2017: Levin, B. The elasticity of verb meaning revisited. – In: *Proceedings of SALT*, vol. 27, pp. 571–599.
- Nitsolova 2001: Ницолова, Р. Значение и граматични особености на сложните изречения с предикати за знание в българския език. – В: *Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, с. 174–192. (Nitsolova, R. Znachenie i gramatichni osobenosti na slozhnite izrechenia s predikati za znanie v balgarskia ezik. – In: *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izdatelstvo, pp. 174–192.)
- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. Проблематика на сложните изречения с комплемементи в българския език. – В: *Южнословенски филолог*, № 64, с. 261–272. (Nitsolova, R. Problematika na slozhnite izrechenia s komplementi v balgarskia ezik. – In: *Juzhnoslovenski filolog*, № 64, pp. 261–272.)
- Paducheva 1996: Падучева, Е. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры. (Paducheva, E. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moskva: Yazyki russkoi kultury.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянских культур. (Paducheva, E. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur.)
- Quirk et al. 1985: Quirk, R., S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman.

- Rappaport Hovav, Levin 1998: Rappaport Hovav, M., B. Levin. Building verb meanings. – In: Butt, M., W. Geuder (Eds.). *The projection of arguments: Lexical and syntactic constraints*. Stanford, CA: CSLI Publications, pp. 97–134.
- Rappaport Hovav, Levin 2010: Rappaport Hovav, M., B. Levin. Reflections on manner/result complementarity. – In: Rappaport Hovav, M., E. Doron, I. Sichel (Eds.) *Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, pp. 21–38.
- Segal, Landau 2012: Segal, Z., I. Landau. *Clear from and clear of*: The asymmetric syntax of detaching. – In: *The Linguistic Review*, vol. 29, pp. 223–278.
- Van Valin 2005: Van Valin, R. *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Van Valin, LaPolla 1997: Van Valin, R., R. LaPolla. *Syntax: Structure, Meaning and Function*. London: Cambridge University Press.
- Van Valin, Mairal 2014: Van Valin, R., R. Mairal Usón. Interfacing the lexicon and an ontology in a linking system. – In: Gómez González, M. d. l. Á., F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. González-García (Eds.) *Theory and practice in functional-cognitive space*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 205–228.
- Vendler 1957: Vendler, Z. Verbs and Times. In: *The Philosophical Review*, vol. 66, No. 2, pp. 143–160.
- Vendler 1967: Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Walters 2021: Walters, L. The Linguistic Approach to Ontology. – In: *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol. 121, issue 2 (July 2021), pp. 127–152.
- Zimmerling 2018: Циммерлинг, А. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. – В: *Slavisticna Revija* 66, 1, с. 45–64. (Zimmerling, A. Predikativy i predikaty sostoyaniya v russkom yazyke. – In: *Slavisticna Revija* 66, 1, pp. 45–64.)

**Синтактична реализация на предикатите за състояние
в българския език
(с оглед на онтологията на лексикалните значения)**

Йовка Тишева^a, Марина Джонова^b

Софийски университет „Св. Климент Охридски“

tisheva@uni-sofia.bg^a, djonova@slav.uni-sofia.bg^b

Резюме

Обект на изследване са синтактичните особености на предикатите, представящи статични ситуации. Целта на проучването е обобщено представяне на възможностите за синтактична реализация на аргументите към предикати, означаващи състояния. В анализите проверяваме хипотезата, свързана с въпроса дали предикатите от една тематична група имат сходно синтактично поведение. Анализираните глаголи представляват едно-, дву- или триместни предикати. Глаголи като *седа*, *лежа*, *стоя*, *спя*, *блестя*, *мириша* имат едноаргументна структура. Единственият им аргумент заема позицията на подлога. Двуместните предикати са два типа: глаголи с подлог и пряко допълнение,

напр. *обичам, харесвам, виждам, чувам, чувствам, усещам, гледам, слушам, желая, искам, помня*, и глаголи с подлог и непряко допълнение, напр. *вярвам, надявам се, нужда се, тревожа се, радвам се, вълнувам се, притеснявам се, гордея се, срамувам се, плаша се, страхувам се*. При някои предикати за състояния се реализират едновременно пряко и непряко допълнение, но с различна степен на задължителност. При *знам* трябва да бъде реализирано прякото допълнение, докато при *мисля* трябва да бъде заета позицията на непрякото допълнение. Коментира се и редуването на предлози при двуместните предикати с непряко допълнение и при триаргументните предикати.

Ключови думи: *предикати за състояние, аргументна структура, експеримент, Граматика на ролята и референцията, български език*

Yovka Tisheva
Faculty of Slavic Studies
Sofia University St. Kliment Ohridski
15 Tsar Osvoboditel Blvd.
Sofia, 1504
Bulgaria
tisheva@uni-sofia.bg
<https://orcid.org/0000-0001-5586-9457>

Marina Dzhonova
Faculty of Slavic Studies
Sofia University St. Kliment Ohridski
15 Tsar Osvoboditel Blvd.
Sofia, 1504
Bulgaria
djonova@slav.uni-sofia.bg
<https://orcid.org/0000-0001-7336-5674>

АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА МЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ, СИНТАКСИЧЕСКИХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ФАКТОРОВ

Александр Летучий

Национальный исследовательский университет

Высшая школа экономики

alexander.letuchiy@gmail.com

Резюме. В работе анализируются свойства ментальных предикатов русского языка. Основным предметом исследования является синтаксическое поведение актантов и его связь с семантическим классом предиката (фактивный / нефактивный) и коммуникативными свойствами актантов. Как выясняется, различие между фактивными предикатами знания и нефактивными предикатами мнения отражается в их коммуникативных свойствах (актанты глаголов мнения реже бывают тематичными, чем актанты глаголов знания) и в синтаксических характеристиках (актанты глаголов знания легче замещаются актантными местоимениями и выступают в сочинительных конструкциях). Из этого делается вывод, что фактивные предикаты находятся ближе к стандартным двухвалентным предикатам, чем нефактивные.

Ключевые слова: *ментальные предикаты, фактивность, сочинение, прономинализация, экспериенцер, бессоюзные конструкции*

1. Введение

В этом разделе мы рассмотрим актантную структуру русских ментальных предикатов. Под ментальными предикатами мы понимаем те глаголы и предикативы, которые обозначают когнитивное состояние, состояние ума человека: знание, мнение, интуитивное представление и т.д. Материалом послужат глаголы двух групп: с глаголами мнения (*думать, считать, казаться*) и с субъектом-экспериенцером (*знать, быть известным*), а также предикативы с аналогичной семантикой, при которых одушевленный участник является дативным актантом или, реже, актантом, присоединяемым с помощью предлога *для* (*понятно, известно, бесспорно, интересно, очевидно*). При этом глаголы другой семантики типа *надеяться* или *помнить* почти не будут привлекаться к рассмотрению.

* Александр Летучий. Аргументная структура ментальных предикатов в русском языке: взаимодействие семантических, синтаксических и коммуникативных факторов. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на си-*

Будет проанализирована не только семантика, но и синтаксис данных предикатов. В частности, планируется выяснить, проявляют ли актанты данных глаголов свойства прямого дополнения и подлежащего. Часть из них образуют пассивы в стандартном виде (*Многими считается, что...*), а часть – только пассивы с дативным актантом (*Мне / *Мной думается, что...*). Кроме того, нужно иметь в виду, что некоторые предикаты данной группы сочетаются и с сентенциальными, и с именными актантами. Интересен вопрос о том, предполагает ли замена именного актанта на сентенциальный или наоборот изменение его статуса и устройства конструкции в целом: например, в какой мере конструкция *Он представлялся мне совершенно недостижимым* сводима к конструкции с сентенциальным актантом *Мне представлялось, что он совершенно недостижим* – и если сводима, можно ли постулировать для данной пары стандартный переход типа подъема аргумента из зависимой клаузы в главную.

Отдельно, в стороне от намеченных противопоставлений, лежит проблема косвенного вопроса и бессоюзных зависимых. Многие, но не все ментальные предикаты допускают зависимые этих типов – в частности, при глаголах мнения косвенные вопросы возможны крайне ограниченно (ср. *Я могу предполагать, кто это сделал*, но **Он считал, как это произошло*). Точно так же бессоюзные зависимые принадлежат к разным типам и встречаются при разных вершинах в разной мере.

Результатом исследования будет не только описание типов синтаксических конструкций, которые образуют ментальные предикаты, но и выявление связи между семантическими, синтаксическими и коммуникативными особенностями отдельных подгрупп данного класса.

Сразу же отметим, что ментальные предикаты в полной мере соответствуют теме проекта – как правило, они либо стативны (*думать, считать*), либо в основе их значения лежит начало состояния (*узнать*).¹ С этой точки зрения они отличаются от близких групп с пропозициональными актантами: эмотивных и речевых предикатов. В этих группах удельный вес динамических глаголов больше: для глаголов речи нередко фиксируется точное время высказывания (поскольку высказывание в большей мере социально значимо и наблюдаемо, чем когнитивные операции); глаголам же эмоций во многих случаях присуща семантика интенсивности (*изумить, взбесить*), которая тоже часто возникает в динамических контекстах.

Статья построена следующим образом. Сначала, в разделе 2, мы дадим общую характеристику актантной структуре этого класса глаголов. Здесь преимуще-

туаціїте за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 210–246.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.08>

¹ Интерес также представляет временное соотношение ментального состояния и зависимого события (см. Корди / Kordi 2020), однако здесь за недостатком места мы не обсуждаем эту проблему.

стественно обсуждается набор участников и то, как они сочетаются в актантной структуре. Затем несколько небольших подразделов посвящены синтаксическим свойствам ментальных глаголов: в частности, подлежащим свойствам в конструкциях типа *Предполагается, что это так*; образованию пассива; актантным и адъюнктным характеристикам не прямых объектов и т.д. Наконец, в разделе 8 рассматриваются типы оформления сентенциального актанта: зависимое со *что*, с *будто*, с *как*, бессоюзные конструкции и т.д.

2. Общая характеристика актантной структуры

Прежде чем переходить к особенностям выражения актантной структуры, необходимо в общих чертах охарактеризовать ее. Мы обсудим, какие участники есть в ситуации, обозначенной ментальными предикатами, и чем их набор отличается от набора участников близких групп глаголов (прежде всего, эмоциональных и перцептивных).

Главным участником, без которого нельзя говорить о ментальной семантике, является одушевленный субъект сознания. Без него речь о ментальных операциях: мнении, знании, гипотезе – идти не может. В каноническом случае это конкретный субъект сознания, относительно которого вся ситуация и представляется. Г. И. Кустова (Кустова / Kustova 2018) описывает интересные эффекты, возникающие в конструкциях с ментальными глаголами во втором лице: поскольку говорящий не может абсолютно точно знать о процессах в сознании адресата, нередко конструкции такого рода выглядят как запрос на знание или мнение (ср. *Знаешь, Вася-то уехал в Исландию; Веришь, он до сих пор мне ничего не прислал!*).

Одушевлённый участник может быть нереперентным или универсальным, например, *Все дети думают, что вкуснее всего мороженое*. В предельном случае субъект сознания вырождается до оператора, который уже служит не для описания чьего-либо мнения, а для статуса ситуации относительно действительности:

1. *Любому ребенку понятно, что здесь есть что-то подозрительное.*
2. *Каждый знает / Каждому известно, что в аэропорту всё гораздо дороже.*

Например, в данных случаях неестественно выглядят параллельные конструкции с конкретным субъектом сознания. Это связано с тем, что *каждый знает* более или менее эквивалентно ‘очевидно’, ‘наверняка’ и т.д. Речь идет уже не о том, насколько легко получить представление об объекте, а об его эпистемическом статусе:

3. *?Каждый знает, что в аэропорту всё гораздо дороже, и я тоже это знаю.*

Уже здесь мы видим различие между предикатами знания и мнения. Поскольку глаголы знания фактивны, нескольких альтернативных пропозиций, которые

исключают друг друга, при предикатах знания быть не может. Именно поэтому возможны конструкции типа (1.–2.), где конструкции с предикатами знания превращаются в своего рода интенсификаторы. Параллельных конструкций типа *каждый считает* или *любой ребенок думает* в русском нет: конечно, сочетания такого рода возможны, однако они не претерпевают превращения в интенсификаторы – это связано с тем, что мнение всегда не бесспорно и допускает альтернативы.

Кроме этого, ментальные глаголы имеют участника из семейства абстрактных сущностей. В простейшем случае это утверждение, которое считается верным или неверным:

4. *Я знаю / думаю / считаю / предполагаю, что войну нужно прекратить.*

Данное содержание может быть фактом (при глаголах знания) или пропозицией (при глаголах мнения) (см. Арутюнова / Arutyunova 1976, где обсуждается типология пропозициональных значений и их соотношение с матричными предикатами). В работах Ю. Д. Апресяна (например, Апресян / Апресян 2001) подробно описано соотношение между смыслами ‘знать’ и ‘считать’: их различает то, что глаголы знания фактивны (см. также о различии по фактивности van der Sandt 1989, 1992), а глаголы мнения нет, однако это не единственное различие. Но в любом случае, пропозициональное зависимое обозначает фрагмент когнитивной структуры, который обрабатывает одушевленный участник. В то же время из данного фрагмента может выделяться наиболее существенный участник, относительно которого как точки отсчета далее строится суждение. При этом точный механизм этого выделения бывает разным. Релевантный участник может быть темой, которую обдумывает участник (5.):

5. *Что ты думаешь об экскурсии?*

В то же время есть конструкция типа (6.), где характеристика участника фиксируется с помощью вторичного предиката. Если в (5.) группа с *об* лишь ограничивает тему суждения, то в (6.) объект *Даня* и вторичный предикат *странный* неотделимы друг от друга и тождественны единой клаузуальной зависимой *что Даня странный* (см. раздел 5 ниже).

6. *Даню все считали странным.*

При этом свойства сентенциального актанта различаются при фактивных и нефактивных предикатах. При фактивных предикатах *знать*, *известно* и др. содержание представляет собой фрагмент действительности – в частности, в й ситуации знать можно только одно: предложение типа *Мы знаем, что опоздаем на поезд, а Петя знает, что успеем* является синтаксически аномальным. Напротив, при предикатах мнения типа *думать*, *предполагать*, *полагать*, *считать* зависимое привязано к акту мышления. Оно может не соответствовать никакому фрагменту действительности. В частности, в одной ситуации несколько участников могут думать или считать разные вещи. Однако это деление на самом деле сложнее, чем бинарное. Так, особые свойства проявляют глагол *сомневаться* и

конструкции с прилагательным *уверен*. Их отличие от других состоит в том, что данные лексемы не предполагает множества решений. В каждом контексте обсуждается лишь один предмет сомнений – например, предложение (7.) сомнительно, независимо от того, в положительной или отрицательной форме выступает глагол. В отличие от глаголов мнения, глагол *сомневаться* можно назвать глаголом **эпистемического статуса** или **вероятности**.

7. ?*Петя (не) сомневался, что мы успеем, а Вася – что опоздаем.*

Перейдем теперь к синтаксическим свойствам ментальных предикатов. Как мы покажем, семантические различия между фактивными и нефактивными предикатами отражаются в синтаксических свойствах, однако это соответствие не всегда тривиально.

3. Синтаксические свойства актантов ментальных глаголов

3.1. Вопрос о подлежащем

Вопрос о подлежащем стоит остро для всех классов глаголов, отклоняющихся от прототипа с двумя предметными актантами: при них синтаксические оппозиции не имеют семантической опоры в виде агентивности или затронутости актанта (см. о релевантных семантических противопоставлениях Dowty 1991; Ackerman, Moore 2001). Однако между такими классами тоже есть ощутимая разница. В частности, актантная структура глаголов эмоций и ментальных глаголов устроена по-разному.

Хотя у глаголов эмоций стимулом часто служит ситуация, между двумя актантами есть существенная конкуренция. Обе альтернативных модели – *Меня пугают волки* и *Я боюсь волков*, *Петя меня рассердил* и *Я рассердился на Петю* – не только существуют в языках мира, но и 1) способны оба выражаться базовыми (не пассивными или декаузативными) глаголами и 2) являются частотными. Это происходит потому, что стимул эмоции стандартно существует в мире отдельно, вне экспериенцера той же эмоции. Если А бесит В, это стандартно значит, что и А, и В (будь А абстрактным или физическим объектом) существуют в реальном мире и В испытывает некоторые эмоции от А.

Напротив, ментальные предикаты не всегда предполагают реальное существование актантов. При глаголах мнения, например, некоторое содержание существует только в представлении субъекта сознания, но не в реальности. Данное представление может быть верным – однако знание об его верности (или неверности) не заложено в семантику глагола. Глагол обозначает только представление субъекта.

Эта семантическая особенность напрямую влияет на синтаксическое поведение актантов ментальных глаголов. Мы предполагаем проверить подлежащий статус актанта следующим образом. Во-первых, местоимение *это* может

замещать прямое дополнение или подлежащее. Если данное местоимение возможно именно в форме *это*, то перед нами может быть только форма аккузатива или номинатива, а значит, по умолчанию сентенциальный актант занимает прямообъектную или подлежащую позицию. Во-вторых, для подлежащего стандартной является первая позиция в предложении (до глагола и дополнений), а для прямого дополнения – третья (после глагола), однако оно может перемещаться и в абсолютное начало.

Глаголы *думать*, *считать*, – глаголы мнения – сильно отстоят от прототипа двухвалентных предикатов. Стандартно не употребляются конструкции типа (8.) или (9.), местоимение *это* в большинстве случаев не может использоваться:

8. ??Он *это* думал.

9. ??*Это* считали не все.

Глагол *предполагать* сочетается с прономинализацией с помощью *это*, хотя предпочитает местоимение *так*.

10. Для увеличения выплат предполагается использовать от 50 млрд до 60 млрд рублей из антикризисного резерва федерального бюджета, пишет «Коммерсантъ». Ранее *это* предполагал и министр финансов Антон Силуанов... [<https://66.ru/news/society/165677>]

Еще лучше с *это* сочетаются фактивные глаголы памяти и знания: *помнить*, *знать*, *быть известным*, которые не сочетаются с *так* (*Мне так известно).

Здесь мы только кратко коснемся одного фактора, влияющего на приемлемость *это*. А именно, отрицание при предикате облегчает референцию к сентенциальному актанту с помощью *это* – вероятно, это связано с тем, что отрицание делает ситуацию (и ее актант) менее рематичной и выводит ее из основной ассерции:

11. А в четверг в «Нью Йорк Таймс» была помещена статья под названием «Опасность Солженицыну», где говорилось, что любая расправа с писателем перечеркнет десятилетие мирных усилий. Я этого не думаю: Запад и не то переваривал. [А. К. Гладков. «Дневник», 1974]

12. ??Я *это* тоже думаю.

Надо, впрочем, иметь в виду, что сочетаемость с *это* регулируется не чисто синтаксическими факторами. В частности, важна коммуникативная структура. Память и знание нередко предполагают, что зависимая ситуация находится в теме высказывания. Приведенный ниже пример может быть интонирован по-разному – зависимая клауза *что он приехал* может быть как темой, так и ремой:

13. Я знаю, **что он приехал** (рема).

14. Я **знаю**, что он приехал (тема).

Как показано в работах А. Б. Летучего (Летучий / Letuchij 2019) и О. Е. Пекелис (Пекелис / Pekelis 2020), местоимение *это* тяготеет к употреблению с

тематичными ситуациями. Поэтому, возможно, исходно оно невозможно с глаголами мнения именно из-за рематичности их зависимых.

В то же время есть ограничение и на местоимение *так*. Оно не может выступать не только при глаголах знания, но и при прилагательном *уверен* (*Петя был уверен, что эксперимент провалился, и Вася тоже был в этом / *так уверен*) и глаголе *сомневаться* (*Я не сомневаюсь, что мы успеем, и Вася в этом / *так тоже не сомневается*). Вероятно, причина в том, что (как было показано выше), *уверен* и *сомневаться* не предполагают альтернативных суждений, хотя не являются и фактивными. В норме в контекстах с этими предикатами рассматривается лишь одна релевантная пропозиция, хотя ее истинностное значение может быть разным.

3.2. Подлежащее и рекурсивный критерий

Поскольку, согласно работам Э. Кинэна и Б. Комри (Keenan 1976; Keenan, Comrie 1977) и И. Ш. Козинского (Козинский / Kozinskij 1983), подлежащее – это пучок разнородных семантических, синтаксических и прагматических критериев, которые не до конца согласуются друг с другом, дополнительно полезно использование рекурсивного критерия. Он основан на следующих утверждениях:

1. В языке есть процессы и явления, ориентированные на совпадение синтаксического статуса и / или падежного маркирования участвующих в них аргументов.

2. Среди актантов, проверяемых на подлежащее свойство, должны быть «ядерные» подлежащие – актанты, свойства которых не конфликтуют между собой и дают один и тот же «подлежащий» результат.

3. Если применить процесс, ориентированный на идентичность синтаксического статуса, к ядерному и периферийному подлежащим, то можно выявить, насколько периферийное подлежащее (в данном отношении) действительно является подлежащим.

Например, периферийным подлежащим является дативный актант при некоторых предикатах (ср., например, контроль рефлексива дативным актантом предикатива в случаях типа (15.–16.)):

15. *Мне за себя стыдно.*

16. *Мне неприятно от своего бессилия.*

В то же время рекурсивный критерий не относит их к классу подлежащих. Если предложения (17.–18.) грамматичны, то предложения типа (19.–20.) совершенно неприемлемы:

17. *Мне неприятно и стыдно за нас всех.*

18. *Я стыжусь и беспокоюсь.*

19. ??*Мне стыдно и беспокоюсь.*

20. ??*Я боюсь и неприятно.*

Тем не менее, нужно иметь в виду, что для сентенциальных актантов предсказательная сила шкалы синтаксических статусов С. Кинэна и Б. Комри (Keenan 1976; Keenan, Comrie 1977) ($S > DO > IO > Obl \dots$) сомнительна. В этой связи встает вопрос: применим ли для тестирования в случаях типа *Мне известно* и *Я думаю* рекурсивный критерий, например, верно ли, что сочинение типа *Многими считается и думается, что проблема совсем не в этом* недопустимо.

На практике оказывается, что для сентенциальных актантов вообще рекурсивный критерий крайне ограничен. В силу отсутствия падежа возможно даже сочинение сентенциальных актантов из разных позиций:

21. *Мне надоело и не хочется ездить на работу так далеко.*

Внутри класса ментальных предикатов случаев такого рода почти не обнаруживается. Единственным исключением могут считаться сочетания, где в одном из конъюнктов находится глагол, а в другом – предикатив. Однако и они редки.

22. *А то, что было в прошлом – здесь не обсуждается, и так все понятно и помнится...* [<https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/euro/242533/forum/f33/>]

3.3. Образование пассива и свойства аргументов

Пассив от глаголов с абстрактным актантом – ситуацией или каким-либо другим – в целом представляет проблему. Стандартно пассив, как показано в работах сборников (Холодович / Holodovich 1974) и (Fox, Hopper 1994), служит длямены коммуникативных статусов. Например, исходный субъект может становиться ремой, а исходный объект – темой и самым привилегированным актантом (24). Либо, при другой функции пассива (23), как раз исходный субъект может быть тематичен и не выражаться в силу своей известности – а, наоборот, исходный объект может повышать свой статус, но оставаться ремой.

23. *В купе был наведен порядок.*

24. *Дом был построен рабочими 319-й бригады.*

Однако дело обстоит по-иному, если один из актантов является сентенциальным или именным, но абстрактным. В этом случае семантическая и синтаксическая природа актантов слишком различна, и это может налагать дополнительные семантические ограничения или синтаксические особенности на пассивные конструкции. В частности, пассивные конструкции могут образовываться по стандартному типу (с инструментальным маркированием исходного подлежащего) или по дативному (с дативным маркированием):

Стандартное маркирование:

25. *Всеми осознается, что он неправ. – это всеми / *всем осознается.*

26. *Это всеми / *всем понимается.*

27. *Многими / *многим считается, что он неправ – *это многими считается.*

Дативное маркирование:

28. *Мне представляется, что это не так.*

29. *Мне думается, что вы неправы / *мне это думается.*

Распределение двух пассивов – и семантическое, и синтаксическое. Как будет показано ниже, синтаксически глаголы, выражающие высокий эпистемический статус зависимой ситуации (*понимать, знать, осознавать, выяснять*) значительно ближе к стандартным переходным глаголам, чем те, у которых статус объекта ниже (*думать, представлять*). Исключение составляет только глагол мнения *считать*, образующий стандартную конструкцию. Глагол *помнить* допускает обе конструкции:

30. *Культура народа – это то, что воспринято и помнится всеми его представителями.* [Евгений Ясин, Игорь Харичев. «Культура – нарастание человеческого» // «Знание – сила», 2010]

31. *Это потому, считает он, что с детства всем помнится одно из чудес «Сказки о царе Салтане»...* [Ю. Д. Черниченко. «Кубань – Вологодчина», 1965]

Говоря о залоговых преобразованиях, отметим, что ключевым вопросом является то, безличными или личными стоит считать пассивные конструкции при разного рода ментальных глаголах. Стандартно *мне думается* описывается в ряду безличных конструкций, а *многими считается* – в ряду личных. Это связано с аналогией между данными предикатами и более стандартными глаголами, имеющими именные актанты или не имеющими никаких (*Мне не спится; Мной было выдвинуто предложение*). Однако изначально не вполне ясно, нельзя ли считать, что *Мне думается, что* – это личная конструкция с сентенциальным подлежащим. Параллельно встает вопрос и о семантике конструкции. Безличные пассивы типа *Мне не спится* всегда являются модальными. Они могут обозначать только ‘Я не могу заснуть’. Например, предложения (32.) и (33.) семантически аномальны. Конструкция не может означать просто ‘Я не спал’, а значение ‘Я не мог спать’ плохо сочетается с контекстом.

32. #*Этой ночью мне не спалось, потому что я писал статью.*

33. #*Мне ни разу в жизни не спалось в спальнике.*

Для конструкций типа *мне думается, мне представляется* это не всегда верно. Например, предложение (34.) явно не имеет модального прочтения. (35.) и (36.) сомнительны (например, для (36.) возможны два значения: ‘никто не думал’ или ‘невозможно было подумать’), а (37.) явно выражает модальность (поскольку речь идет о помехе – других мыслях – не позволяющей герою думать о конференции).

34. *И Ленке долго думалось, что, может быть, это ошибка, что когда-нибудь звякнет в прихожей звонок, он выбежит на этот звонок и в облаке пара увидит знакомую, чуть сгорбленную фигуру...* [А. И. Пантелеев. «Ленка Пантелеев», 1938–1952]

35. ... постоянно думалось при взгляде на мосластое неуклюжее тело, что никогда не иссякнет в нем неутомимая ходовая сила... [Владимир Личутин. «Крылатая Серафима», 1977]

36. Всё связанное с Вернадским было для него свято. Никак не думалось, что он способен на такое почтительное, даже трепетное чувство. [Даниил Гранин. «Зубр», 1987]

37. Но нет, о конференции не думалось, в голову лезли совсем другие мысли: Ляля, Олег. [И. Грекова. «Летом в городе», 1962]

При этом не вполне ясно, насколько для носителей языка различны модальное и не модальное прочтение дативной конструкции. В примере (37') они сочиняются между собой, описывая состояние человека (думаться скорее выражает модальность, а хотеться нет), и это не создает эффекта языковой игры.

37'. *Корытину ни о чем не думалось, ничего не хотелось.* [Борис Екимов. «Пиночет», 1999]

Вероятно, нужно считать, что два употребления различны, однако они оба связаны с особой природой ментальных предикатов. Предполагается, что глаголы типа *думать* (в противоположность *считать*) маркируют процесс, который находится между контролируемыми и неконтролируемыми. С одной стороны, то, что является для человека первостепенным, занимает его мысли, не полностью зависит от него. С другой стороны, сам процесс мышления отчасти контролируем – императивная конструкция типа *Подумай на неделе о моем предложении* не является аномальной, человек может начать обдумывать нечто существенное по своей воле. При этом такое промежуточное положение занимают оба употребления *думать*: и обсуждаемый выше 'обдумывать', и глагол ментального состояния 'иметь мнение'. Хотя то, какое у человека сложилось мнение, не до конца зависит от его сознательных усилий (например, *Я вдруг подумал, что Сережа очень похож на моего брата*), он может подвергать свое мнение рефлексии, обсуждать его слабые и сильные точки зрения, доказывать и совершенствовать его.

В этом смысле *Ему не думалось о конференции* больше всего похоже на *Ему не работалось*. Агенса не может совершать некоторые действия в силу внутреннего состояния, в этом смысле он уже не является до конца агентивным. Точно так же *Мне подумалось, что Сережа очень похож на моего брата* определяет мысль как результат некоторого фактора, не зависящего от агенса (правда, здесь он скорее внешний, чем внутренний, вызванный внешними стимулами). При этом для *подуматься* невозможно детальное обсуждение мнения, характерное для *подумать*:

38. – *Я подумал, что мы можем сменить план. – Почему ты так подумал?*

39. ??*Мне подумалось, что мы можем сменить план. – Почему тебе так подумалось?*

Тем самым, если *мне не думалось о конференции* – это модальный пассив (во всяком случае, сущность, близкая к *мне не спится*, где обычно усматривается модальный пассив), то *мне подумалось* в некотором отношении близко к декаузативу: хотя причина / каузатор у ситуации есть, она, как правило, не упоминается – развитие ситуации считается спонтанным.

При этом между двумя пассивами есть линейные различия: например, датив при *помниться* обычно располагается до глагола, а инструменталь – после. Так же обстоит дело с другими лексемами. Это показывает различия в данных механизмах. Пассив с инструментом – это стандартный механизм изменения коммуникативного статуса. Темой и самым важным участником становится содержание, ремой – экспериенцер / субъект сознания. Именно поэтому содержание обычно выражается вначале, в позиции, типичной для темы и для подлежащего. При пассиве с дативом мены коммуникативных рангов не происходит: парадоксальным образом, отсутствие контроля над ситуацией не приводит к утрате подлежащности экспериенцера. Он по-прежнему является привилегированным участником, а изменение при пассиве – чисто семантическое. Поэтому, как и в активной конструкции, датив при пассиве находится перед глаголом.

В то же время клауза при пассиве обычно не может занимать начальную позицию ни в одной из конструкций – для постановки ее в начало нужно местоимение *то*, как в (41.).

40. *Связь Киева с Перовом была осознана позднейшими владельцами села.* [Рустам Рахматуллин. Картина мира // «Новая Юность», 2008]

41. *То, что Киев был связан с Перовом, было осознано позднейшими владельцами села.*

Отметим, что, как и прономинализация, пассивизация обнаруживает близость между фактивными предикатами и стандартными глаголами с двумя актантами, с одной стороны, и отличия от прототипа нефактивных глаголов, с другой. Глаголы *понимать* и *осознавать* ведут себя так же, как переходные глаголы *купить*, *убить*, *собрать*. Напротив, лексемы *думать* и *представлять* сближаются с одновалентными глаголами типа *спать*.

Еще одно различие касается причастного пассива (*быть осознанным*) и возвратного (*осознаваться*). От многих глаголов русского языка образуются они оба:

42. *Дом был построен.*

43. *Дом еще строится.*

Однако при ментальных предикатах дело обстоит по-другому. Единственный глагол, допускающий оба пассива, – *осознавать*.

44. ... и потому как-то не осознавалось, что основным проектировщиком Кремля был Пьетро Антонио. [Михаил Анчаров. «Сода-солнце», 1970–1980]

45. *Вскоре после изобретения термоядерной бомбы было осознано, что все виды стратегического оружия создаются не для применения, а для устранения.* [Геннадий Горелик. «Андрей Сахаров. Наука и свобода», 2004]

3.4. Статус не прямых дополнений

Противоположная проблема встает относительно актантов с низким синтаксическим статусом. Некоторые предикаты имеют актант, не являющийся ни подлежащим, не прямым дополнением:

46. *Он интересовался, что можно сделать в такой ситуации.*

47. *Мы в курсе, что проигрываем.*

48. *Я не уверен, что мы успеем на поезд.*

49. *Многие сомневались, что из этой затеи что-нибудь получится.*

Здесь мы подробно не касаемся этой проблемы. Скажем лишь, что сентенциальные не прямые дополнения не демонстрируют сильного параллелизма с именными, а значит, проверка их статуса затруднена. Например, достраивание предложений (46.) и (49.) до (46'.) и (49'.) с добавлением падежно-маркированного местоимения невозможно.

46'. **Он интересовался, что можно сделать в такой ситуации, и другими вещами.*

49'. **Многие сомневались, что из этой затеи что-нибудь получится, и не только в этом.*

4. Сочинительные конструкции и коммуникативная структура

Как уже было показано выше, класс ментальных предикатов весьма разнороден. Хотя многие сочетаемостные свойства объединяют все ментальные предикаты (к ним, например, относится сочетаемость с союзом *что*), нередко это сходство лишь внешнее. Например, возможности сочинения зависимых клауз различаются для предикатов знания и мнения. В частности, сочиненная конструкция с *и*, ... *и* возможна лишь при глаголах знания.

50. *И будь это немцы, он бы знал и что приказать, и как этого Светлоокова все-таки поставить на место, а сейчас не знал и терял эти секунды.* [Г. Н. Владимов. «Генерал и его армия», 1994]

51. **Он думал и что он не виноват, и что его обманули.*

52. *Уже известно и что участок маршрута малайзийского «Боинга» и место его падения попадают в зону поражения двух батарей украинских ЗРК С-200 и трех батарей ракетных комплексов Бук-М1.* [Сбитый лайнер попал в зону поражения украинских батарей // Vesti.ru, 2014.07]

53. **Он думает и что политическая ситуация осложнилась.*

Видимо, данное различие связано с коммуникативной структурой высказывания. Глаголы мнения не фактивны, а содержание часто находится в реме: ремой являются обе клаузы. Напротив, при глаголах знания содержание часто входит в тему:

54. – *Петя приехал. – Я знаю, что он приехал.*

Конструкция *и ... и* в (50.–51.) тяготеет к тематичности: например, предложение *Я купил кефир и молоко* возможно, если речи о кефире и молоке не было, и говорящий купил их по своей инициативе. Напротив, фраза *Я купил и кефир, и молоко* естественно в контексте, где покупка этих вещей уже обсуждалась, хотя было неясно, удастся ли купить обе. Не так ясна ситуация с аддитивным употреблением *и* (52.) – возможно, здесь причина сомнительности (53.) другая.

Иначе говоря, коммуникативные и синтаксические свойства фактивных предикатов снова сближают их с другими глаголами, имеющими предметные актанты. Нефактивные предикаты ведут себя по-другому и не способны к полному набору синтаксических преобразований.

5. Ментальные предикаты и вторичная предикация

Особые свойства имеют модели типа *Я считаю его героем* (в отличие от *Я считаю, что он герой*). В частности, не очевиден статус группы в инструменте *героем*. Дж. Бейлин (Bailyn 2001) относит его к вторичным предикациям или депиктивам, наряду с депиктивами, не занимающими актантной позиции:

55. *Я считаю его героем.*

Бейлин относит данную конструкцию к конструкциям подъема. В этом случае предполагается, что у глагола *считать* исходно есть только подлежащее и сентенциальное дополнение (финитное). Затем *его* перемещается в позицию прямого объекта, а из зависимой клаузы *что он герой* образуется ущербная по структуре вторичная предикация *героем*. По Бейлину, в этой предикации есть стандартная предикатная проекция PredP, но нет глагольной группы VP, поскольку выраженного глагола она не содержит.

Нужно отметить несколько нюансов. Во-первых, допустима другая точка зрения: у *считать* при модели управления типа *Я считаю его героем* особая актантная структура, которая примерно синонимична ‘мысленно присваивать X-у качество P’. Если так, для таких «конструкций присвоения качества» естественно иметь и вещественное дополнение, и третий актант со значением качество, которое этому дополнению присваивается.

Во-вторых, некоторые критерии различения подъема и контроля скорее относят конструкцию со вторичной предикацией к конструкциям контроля. В частности, в ней невозможно нестандартное отрицательное согласование, которое допустимо для некоторых конструкций подъема, например, с матричными глаголами *стать* или *оказаться*:

56. *Никто оказался не в силах это сделать.*

57. *Когда она вышла замуж, ей никто, кроме мужа, стал не нужен.*

58. ?? *Он считал никого не нужным.*

59. ?? *Он считал никого не хорошим работником.*

Примеры типа (60.)-(61.) встречаются, однако они скорее составляют исключения. Они обусловлены, в частности, слитностью сочетаний типа *считать невозможным*. Иначе говоря, *считать невозможным* здесь аналогично единому матричному предикату с отрицанием, например, *не признавать (никакого компромисса)* или *не уметь (никого обманывать)*. Возможность отрицательного согласования связана не с подъемом, а со слитностью словосочетания.

60. *Владыка Феодор, будучи преподавателем аскетики, сам был аскетом, проявил себя убежденным консерватором, считал невозможным никакое сотрудничество с большевистским режимом* [https://vk.com/wall-65352585_20863]

61. *Разделение судебной и исполнительной властей Фихте считал невозможным ни теоретически, ни практически.*

Кроме того, сомнительно применение тестов на пассив и идиому, которые считаются главными критериями различения подъема и контроля. Тест на пассив предполагает, что пассивная и активная конструкции в зависимой клаузе синонимичны. При *считать* допустимы только причастия, которые при этом выглядят не слишком естественно.

62. *Он считал Сережу обманувшим Петю. – Он считал Петю обманутым Сережей.*

Еще интереснее тот факт, что даже конструкция со вторичной предикацией в одном отношении ведет себя так, как будто имеет клаузальный аргумент: а именно, возможна прономинализация дополнения с помощью *так*. Согласно (Летучий / Letuchij 2019; 2021), это местоимение используется при глаголах с зависимой ситуацией, допускающих выбор из нескольких альтернатив:

63. *Я считал Петю дураком, а мой брат так не думает.*

64. *Я, естественно, не считаю Михаила Сергеевича предателем никоим образом и никогда так не считал.* [<https://news.myseldon.com/ru/news/index/226083748>].²

² Впрочем, есть и другие случаи, помимо конструкций со вторичными предикациями, в которых местоимение *так* отсылает к высказыванию, не выраженному на поверхности клаузой. Так, в следующем примере подчиненная предикация вообще отсутствует – подразумевается, что антецедентом служит предикация *что он дурак*, однако на поверхности она не выражена:

Иначе говоря, местоимение *так* работает с исходным видом конструкции (64.) – *Я не считаю, что Михаил Сергеевич предатель* – и отсылает к зависимой клаузе *что Михаил Сергеевич предатель*. Так же ведет себя и местоимение *это*, с той только разницей, что оно реже относится к зависимым при ментальных предикатах.

65. *Мой брат считает тренера слишком жестким, а я в этом не уверен.*

Существуют и близкие конструкции, которые, однако, по свойствам отличаются от инструментальной. Например, конструкция с *как* сочетается даже с некоторыми глаголами, не допускающими зависимых клауз.

66. *Мы рассматриваем его как модель, заслуживающую того, чтобы быть воспроизведенной в России.* [«Письмо мужчины», 2003]

При некоторых матричных предикатах (например, *полагать*) конструкция такого рода, например с *как*, является ненормативной, однако иногда используется.

67. *...они могут не откладывать мышление или видение этой сущности до времен ее реально исторического осуществления, а полагать ее как истомый человечеством образ уже в настоящем.* [И. М. Чубаров. «Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда», 2014]

Эти конструкции ведут себя при прономинализации так же, как стандартные конструкции со вторичным предикатом в инструментале: местоимение *это* или *так* способно реферировать к исходному виду предикации.

68. *Министр финансов рассматривает Германию как модель современного общества, а я так не считаю / в этом не уверен.*

Не вполне ясно, чем это обусловлено: можно считать, что и в конструкциях с *как* (69) прямой объект выносится из зависимой клаузы исходной конструкции (70):

69. *Мы рассматриваем его как модель.*

70. *[Мы рассматриваем / считаем, что он – модель].*

Другой же вариант состоит в том, чтобы считать прономинализацию семантическим процессом: она заменяет клаузу при глаголе *считать* во второй части высказывания, но не требует такой же модели управления в первой части предложения.

6. Ментальные предикативы и ментальные глаголы

Для части ментальных глаголов существуют квазисинонимичные предикативы: например, *я знаю* и *мне известно*, *я интересуюсь*, *меня интересует* и

Кроме того, за Ваней с малолетства закрепилось обидное прозвище – Дурак. Ванька так не считал, но доказать обратное не мог... (<https://www.livelib.ru/book/392431/readpart-nedetskaya-skazka-aleksandr-nikolaevich-gorin/~2>)

мне интересно. Эти пары составляют и семантическую, и синтаксическую проблему. С точки зрения семантики важно, насколько различается значение между членами пар: в какой мере предикативы отличаются от глаголов по классам актантов, аспектуальным свойствам и собственно семантике ситуации. Синтаксически же нужно выяснить, с чем связаны различия в управлении: почему, например, только предикативы *интересно* и *любопытно*, но не глаголы *интересовать* и *интересоваться* сочетаются с инфинитивными зависимыми.

Мы считаем, что различие напрямую связано с оппозицией акциональных свойств стативных предикатов. Предикативы являются своего рода недифференцированными состояниями: поскольку внутри предикатива не выражается время, это состояния, связанные с некоторым стимулом / причиной, но не локализованные жестко во времени. Инфинитив при предикативах типа *интересно* выражает не ирреальную или футуральную семантику, а нереферентную, обобщенную ситуацию, которая может быть реальной или ирреальной, в зависимости от контекста. Например, комбинация *интересно* + *узнать* может выражать и ситуацию, где узнавание не имело места (*Интересно узнать, как же ты это сделал?!*), и ситуацию, где оно уже произошло (*Всегда интересно узнать что-нибудь, что тебе и в голову не приходило*). Для глаголов дело обстоит по-другому: хотя и *знать*, и *думать* – стативные предикаты, они имеют привязку хотя бы к обобщенному настоящему времени, да и их зависимые позиционируются относительно реальности, хотя бы как вероятные. В этой связи инфинитив обобщенного события, как при предикативах, при глаголах быть употреблен не может.

Отметим при этом, что исторически инфинитив был распространен в ментальной группе в большей мере, чем сегодня, как при предикативах, так и при глаголах. В этом смысле ниже приведенные употребления свидетельствуют об изменении правил употребления этой формы: если сейчас при эпистемических предикатах инфинитив не употребляется, а сочетается с глаголами субъективной семантики, то ранее эпистемический компонент не мешал употреблению инфинитива, если только в значении глагола есть компонент неполного соответствия реальности. Например, предикаты *быть уверенным* (71.), *верить* (72.), *казаться* (73.) предполагают, что событие может и не иметь место: ранее именно эта минимальная доля ирреальности делала возможным инфинитив.³

71. *Я мог быть, поэтому, всегда уверен встретить в Вас самое искреннее сочувствие тем же взглядам, которые и я считал необходимыми и соответствующими интересам моей страны.* [В. Н. Коковцов. «Из моего прошлого», Части 5–7, 1933]

³ Контекст (74.) отличается от всех прочих: здесь скорее нужно говорить о переносе в значении предиката *знать* от ‘know’ (‘иметь знание, знать’) к ‘know how’ (‘иметь навык, уметь’). Здесь мы не обсуждаем такого рода употребления, приводя их только для сведения.

72. *мы вѣримъ имѣть подкрѣпленіе духа* [Стефан Савицкий (перевод книги Л. Хольберга). «Подземное путешествіе представляющее Исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ», 1762]

73. *Оно казалось быть наполнено опасными пучинами и камнями.* [Путешествіе жизни человѣческія // «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Іюнь, 1755 года», 1755]

74. *И как я сию игру мало видел и совершенно не знал играть на оном, крайне удивился ловкости играющих ...* [А. К. Денисов. Записки донского атамана Денисова (1832) // «Русская Старина», 1874, N 5, 11 и 12, 1875, N 1, 2 и 3]

Замечание. Особая аргументная структура причастий типа *предполагаемый* и *кажущийся*

Причастия от ментальных глаголов могут иметь особую аргументную структуру. Рассмотрим следующие примеры:

75. *Кажущееся противоречие* ‘противоречие, о котором кажется, что оно есть (но на самом деле его нет)’

76. *Предполагаемый убийца* ‘человек, о котором предполагается, что он является убийцей’

Модели управления глаголов *казаться* и *предполагать(ся)* не соотносятся с такими конструкциями напрямую.

7. Возможность различных синтаксических операций и свойства ментальных глаголов

7.1. Препозитивное расположение зависимого

Поскольку ментальные предикаты имеют одушевленного участника и сентенциальный актанта, от них ожидаются нестандартные линейные свойства: даже если одушевленный участник не является подлежащим, он в силу тематичности и краткости обычно находится в препозиции к глаголу. Длинный синтаксически сложный сентенциальный актанта занимает конечную позицию.

77. *А мне кажется, что они нас всех водят за нос!* [Запись LiveJournal, 2004]

78. ??*Что они нас всех водят за нос, мне кажется / тебе кажется.*

Однако препозиция нередко возможна, при этом разные подгруппы склонны к ней в разной мере. Фактивные глаголы знания при надлежащей коммуникативной структуре ее допускают, а для глаголов мнения она нехарактерна.

79. *Нет, без охальщины, конечно, охальщина-то, впрочем, ею в деревне не удивишь, а что я все эти слова знаю, они знали.* [Виктор Астафьев. «Зрячий посох», 1978–1982]

80. *Что именно значит «самоопределение» – не знал, но звучало красиво.* [И. Грекова. «Фазан», 1984]

Предикаты *сомневаться* и *уверен* по данному критерию отличаются от стандартных глаголов мнения. Их поведение еще раз показывает, что нередко семантический класс бывает менее важен, чем коммуникативная структура. Поскольку при *сомневаться* и *уверен* обсуждается ровно одна релевантная ситуация (в отличие от *думать* или *казаться*), она часто бывает тематична и допускает препозицию по отношению к матричному глаголу.

81. *Понимаю, если б отпугивал, а то приманивает и убивает, а что приманивает я сильно сомневаюсь.* [<http://rybinskblog.ru/zashhita-ot-komarov-dlya-detej/>]

82. *А что климатом там придется управлять, я не сомневаюсь.* [На Марсе очень неуютно... // «Кот Шрёдингера», 2016]

83. *А что они противники, можете быть уверены...* [Владимир Дудинцев. «Не хлебом единым», 1956]

При этом, даже с этими оговорками, препозиция для сентенциальных актантов затруднена. Именно поэтому вынос вперед может поддерживаться *то*, даже если в целом для данного предиката *то* без предлога не характерно.

84. [Александр (муж)] *Трудностей не боясь, не из робкого десятка, а то, что в армии будет порядок, уверен.* [«Как у нас вообще обстоят дела с армией и в военке?», 2014]

85. *А то, что он учится в школе глухонемых, я уже знаю.* [Виктор Астафьев. «Зрячий посох», 1978–1982]

86. *Я уверен то, что в армии будет порядок.*

87. *Я знаю то, что он учится в школе глухонемых.*

Предикат *уверен* допускает *то* только с предлогом *в*. *Знать*, как правило, тоже употребляется с предлогом *знать о том, что*. Конструкции без предлога в постпозиции носят сильный разговорный оттенок (см. Коротаев / Korotaev 2013; Сердобольская, Егорова / Serdobolskaya, Egorova 2019 и др.). Симптоматично, что при препозиции примеры типа не кажутся сильно разговорными. Тем не менее, встречаются и варианты без *то* типа (88).

88. *«Работать вы не умеете. Вам просто повезло: дети попались замечательные». Это заключение я храню как образец педагогической мудрости (а что дети замечательные – так это я и сама знаю).* [С. Л. Рябцева. «Дети восьмидесятых», 1989]

7.2. Вынос из зависимой клаузы

Для синтаксической структуры сложного предложения важны синтаксические передвижения (в особенности вопросительный вынос) и ограничения на них. В целом русский допускает вынос из зависимой клаузы лишь ограниченно. Ниже мы собираемся более подробно проанализировать возможности выноса, их зависимость от семантики предиката и от его частеречной принадлежности.

Сложное предложение зачастую непрозрачно для синтаксических операций. Очень часто вынос элементов из одной из клауз или отсылка к ним невозможна. В сочиненной структуре операция такого рода полностью невозможна, за некоторыми исключениями, отмеченными в (Johannessen 1998). Подчиненная же структура способна к вопросительному выносу из главной клаузы, а вот вынос из подчиненной считается особенностью предикатов с сентенциальными актантами:

89. *Что ты хочешь, чтобы я сказал?*

90. **Что ты пришел, чтобы я сказал?* (Тестелец / Testelelets 2001).

Тем не менее, в действительности ограничение еще уже. Хорошо допускают вынос только ирреальные клаузы с союзом *чтобы*. Глаголы, управляющие *что* (даже с ирреальными компонентами в семантике, такие как *надеяться*, *верить*, *планировать*, *бояться* и др.) практически запрещают его.

91. – *Что ты хочешь, чтобы я сделал?* – *устало спросил он.* [Александра Маринина. «Ангелы на льду не выживают», Т. 1, 2014]

В частности, вынос типа (92.) не содержится в НКРЯ:

92. ??*Что ты надеешься, что я сделаю?*

Тем не менее, выносы в большей мере допускают относительные конструкции, даже с союзом *что*. Примеры типа (94.) содержат контаминацию конструкций: они близки к более литературному *вопрос, на который, я предполагаю, мне есть что ответить*. Однако затем конструкция восстанавливается до стандартной союзной, приводя к выносу из сентенциального актанта.

93. ... *потом труд, труд, который, кажется, что приносит пользу, потом отдых, природа, книга, музыка, любовь к близкому человеку, вот мое счастье, выше которого я не мечтал.* [Л. Н. Толстой. «Семейное счастье», 1859]

94. *Когда вижу хороший вопрос на форуме, на который предполагаю, что мне есть что ответить* [<http://monitor.espec.ws/section19/printview63964.html>]

Точно так же глагол *знать*, в основном, допускает вынос, если у него не выражен субъект, а вынесенный элемент – не вопросительное, а относительное местоимение:

95. *Но все чаще сталкиваюсь с ситуацией, когда найти текст, который точно знаешь, что лежит в дебрях интернета, не всегда получается.*

96. *Я имею в виду такой поступок, за который точно знаешь, что не похвалят.*

Тем не менее, есть и примеры с выраженным субъектом. При этом вопросительный вынос почти не встречается.

97. *И вот снится мальчик, который я точно знаю, что мой сын.*

98. ?? *Кого ты точно знаешь, что мы увидим?*

Конечно, вместо примера (98.) скорее встретится *Про кого ты точно знаешь, что мы его увидим?* Однако вряд ли это может служить объяснением, ведь такая же альтернатива есть и при относительных местоимениях (*Это продукты, про которые я точно знаю, что покупал их*). Скорее причина в том, что в относительных конструкциях участие данного партиципанта в ситуации из зависимой клаузы является темой и входит в данное: конструкция вида *вопрос, на который предполагаю, что мне есть что ответить* предполагает верность (и тематичность) утверждения 'есть вопрос, на который мне есть что ответить'. Напротив, в вопросе *На какой вопрос ты предполагаешь, что тебе есть что ответить?* группа *на какой вопрос* входит в рему (фокус вопроса).

Другая причина состоит в том, что в относительных конструкциях типа (97.) весь вынос происходит внутри зависимой клаузы. Поскольку именно главная клауза имеет наиболее полную структуру, вынос может быть в большей мере затруднен, чем внутри зависимой клаузы.

8. Типы сентенциальных зависимых и их употребление

В этой части мы рассмотрим типы маркирования сентенциального зависимого при ментальных предикатах. Безусловно, стандартным способом маркирования является союз *что* (*Я знаю, что мы успеем; Не уверен, что ты прав*). Употребление *что* не зависит от фактивности глагола: и при фактивных глаголах знания, и при нефактивных глаголах мнения ключевым для семантики глагола является эпистемический компонент (степень вероятности, что ситуация, которую одушевленный участник считает верной, действительно будет реализована). Поэтому, в отличие от модальных глаголов, при ментальных предикатах не употребляется союз *чтобы* (см. Добрушина / Dobrushina 2016; Летучий / Letuchij 2021): он фиксирует именно субъективную модальность (желание, возможность, способность), а не эпистемическую, которая занимает главную позицию в семантике модальных глаголов, но не ментальных.⁴

⁴ За недостатком места мы не обсуждаем конструкции «ирреального *чтобы*» (*Не думаю, чтобы это было так*), которое подробно рассмотрено в работах Н. Р. Добрушиной (Добрушина / Dobrushina 2016). Также не обсуждаются косвенные вопросы – они составляют особый класс явлений промежуточных между придаточными и вопросительными конструкциями, и требуют отдельного описания.

Различие между модальными и ментальными предикатами видно в семантике отрицательной конструкции: отрицание модальных конструкций типа *Я не хочу, чтобы он приехал* маркирует отсутствие субъективного отношения (в данном случае – желания). Отрицание эпистемических предикаций типа *Я не сомневаюсь, что ты выиграешь, Он уже не надеется это узнать* присоединяется к эпистемическому компоненту ('он не считает сколько-нибудь вероятным, что он это узнает').

8.1. Совмещение именных и сентенциальных актантов

В (Летучий, Сердобольская / Letuchij, Serdobolskaya 2005) показано, что нередко в спонтанной речи совмещается именная и сентенциальная модель (*Он увидел Ежика, как он бредет в тумане*). Однако это явление, прежде всего, характерно для глаголов восприятия, которые с одинаковой вероятностью допускают оба типа аргументов. Тем не менее, спорадически оно встречается и при ментальных предикатах:

99. *Сократ знал его, что он человек неопытный и беспечный, и захотел Сократ уличить его.* [Л. Н. Толстой. «Греческий учитель Сократ», 1885]

Тем не менее, глагол *знать* с комбинированным заполнением встречается довольно редко. Это связано с существенным различием в семантике моделей: *знать* с именным дополнением, в основном, означает 'быть хорошо осведомленным, знакомым' (комбинаций типа *он знает эту историю* мало), а с сентенциальным – 'знать, что факт Р имел место'. Иначе ведут себя сочетания *быть уверенным*, глагол *сомневаться* и др. Модели *я сомневаюсь в Пете, я уверен в своих друзьях* имплицитно указывает на набор ситуаций, в которых участвуют объекты ('я сомневаюсь, что Петя поведет себя нужным образом').

100. *Я был всегда уверен в тебе, что ты настоящий друг, я уверен в тебе и до сих пор...*

101. *Из-за моей службы мы вынуждены видеться крайне редко, и хочу быть уверен в тебе, что ты меня никогда не предашь.* [<https://ridero.ru/books/greshniki/freeText/>]

102. *Алексей Болотов, ученик 11 класса средней школы № 9, рассказал: «Я, конечно, уверен в себе, что я напишу на четверки экзамены, так что меня это точно не коснется и мне не стоит беспокоиться...».* [Забайкальские школьники сдали пробный ЕГЭ по русскому языку // Vesti.ru, 2008.04]

При этом нельзя считать, что одно из зависимых является сирконстантом. Оба они входят в модель управления матричного предиката. Хотя может показаться, что в примерах (100.–102.) клауза со *что* выступает как сирконстант, это не так: в такого рода двойных конструкциях *что* допустимо, только если оно

допускается и стандартной моделью управления данного глагола (*Я уверен, что ты настоящий друг*).

Примеры данного типа не стоит путать с типом (103.). Тире между именным и сентенциальным актантами показывает, что автор не рассматривает их как взаимодополняющие, а поясняет ИГ свое будущее с помощью зависимой клаузы.

103. *Каждый человек был уверен в своем будущем – что он окончит школу, поступит в институт, будет работать и получать зарплату, умрет, и государство его похоронит.* [А вы бы из прошлого что вернули? (2002) // «Дело» (Самара), 08.10.2002]

8.2. Маркирование темы суждения

Особым участником, находящимся на границе между актантами и сирконстантами, является тема суждения. При этом для предикатов знания (*знать, быть известным, быть понятным*) она выражается часто, для *быть осведомленным* совмещена с содержанием, а для глаголов мнения (кроме *думать*) скорее периферийна. При *знать* группы с *про* и *о* полисемичны.

104. *А что ты, собственно говоря, знаешь про меня?* [Ю. О. Домбровский. «Хранитель древностей», Приложение, 1964]

105. *Скажи, откуда ты знаешь про этого коллектора?* [Дмитрий Стахов. Кредитная история // «Октябрь», 2013]

При глаголах мнения, кроме *думать*, тема чаще маркируется периферийными средствами, напр. *относительно, касательно, по поводу*.

106. *А по поводу обещаний – считаю, что если бы речь шла не о старушке – то данное слово – оно все равно слово, и если уж сорвалось с языка: «да, обещаю», то в лепешку расшибись, но обещание выполняй...* [«Новые родственники – как уживаемся?» (форум), 2008]

107. *А по поводу готовки – он считает, что это моя обязанность, как женщины.* [«Женщина + мужчина: Психология любви» (форум), 2004]

8.3. Как ты предполагаешь? Соотношение вопросительных и утвердительных конструкций

Группа ментальных предикатов имеет не только особенности модели управления, но и характерные производные конструкции. Например, для глаголов мнения характерно построение вопроса с помощью *как*:

108. *Мы понимаем все про Усманова твоего, но как ты предполагаешь, что мы возьмем, блин, и арестуем его яхту, стоящую в Барселоне?* [<https://zona.media/article/2020/10/06/navalny>]

109. *А как он считает? – прошептал Андрей, кивая на Ивана.* [Виктор Пелевин. «Желтая стрела», 1993]

Распределение этих маркеров похоже на распределение анафорических местоимений *так* и *что*. Глаголы знания, например, не допускают двух альтернативных сценариев, о каждом из которых кто-либо знает (если X знает, что Петя приехал, Y не может знать, что Петя не приехал). Поэтому для них допустимо только *это*, но не *так*. Точно так же в вопросе допустимо именно *что*, а не *как*:

110. *Что он такого знает? Что параллельные прямые не пересекаются?*

111. **Как он знает?*

Для глаголов мнения, напротив, основным является именно *как*. Тем не менее, возможно и *что* – в этом смысле распределение не такое строгое, как между анафорическими *это* и *так*. Например, в (113.) в первой части употребляется анафорическое местоимение *так*, а во второй ему соответствует местоимение *что*.

112. *Да ты **что** думаешь, мне ложек твоих жалко?* [Виктор Пелевин. «Желтая стрела», 1993]

113. ***Так** считает Ира, а **что** считает Гюльсум, никому не известно, потому что она ест персики молча.* [Наталья Фомина. «Самое сложное — сменить простыню». Записки из отделения нейрохирургии областной больницы // «Новая газета», 2016.11]

114. *Ведь они-то считают, что это противобаллистическая защита... — А ты что считаешь? — спросил Зеф, странно усмехаясь.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. «Обитаемый остров», 1967–1969]

Интересно, что модель с *как* не совсем предсказуемо соотносится с возможными ответами на вопрос, тогда как модель со *что* ведет себя ожидаемым образом. Хотя вопрос с *как* – это вопрос о содержании мнения, ответом на этот вопрос не может служить изолированное придаточное со *что* – последовательность типа (108.), где говорящий задает вопрос и сам отвечает на него с помощью *что*-клаузы, скорее не нормативна. Это показывает, что рассмотрение операций над аргументной структурой как своего рода парадигмы изменений с сохранением набора участников неверно: *как* вопроса – это не замена зависимой клаузы, а синтаксически изолированный тип актантов. При *что* ответом может быть и придаточное со *что* (115.–116.), и независимое предложение (117.).

115. – *Что ты думаешь? – Что в этом Вале есть что-то подозрительное.*

116. *Давайте попристальнее взглянемся в лица героев картины... Что мы узнали о них? Что они мечутся в страхе?* [Владислав Быков, Ольга Деркач. «Книга века», 2000]

117. – *Нет, Дмитрий Михайлович, я к вам за справкой. Что вы знаете замечательного о ртути? – О, ртуть – металл столь замечательный, что*

книгу толстую написать можно! [И. А. Ефремов. «Озеро горных духов», 1942–1943]

8.4. Зависимые клаузы с *то* и без *то*

Часть глаголов из числа ментальных допускают два способа маркирования зависимой клаузы: с союзом *что* без дополнительных осложняющих единиц и с сочетанием *то, что*. Другие глаголы сочетаются лишь с одним из этих типов маркирования. Например, заметна разница между *предполагать* (допускает и *что*, и *то, что*) и *думать / считать* (допускает только *что*).

118. *Учитель предполагал то, что ученики его не поддержат.*

119. *Леля блестяще исполняла в концертах реквием по безвозвратно уходящей под воду деревенской Атлантиде одного сибирского писателя, конечно не предполагая того, что впоследствии вместе с будущими заговорщиками он поставит свою подпись под призывом спасти империю, которая когда-то и потопила эту Атлантиду.* [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт», 1999]

120. *Учитель знал о том, что ученики его не поддержат.*

121. **Учитель считал / думал то, что ученики его не поддержат.*

При этом даже глаголы *считать* и *думать* допускают *то* в конструкции со вторичной предикацией. Однако при этом сочетаемость у них очень избирательная: если сентенциальный актант находится до вторичной предикации, *то* выглядит единственным вариантом. Если же зависимая клауза находится в конце и особенно если присутствует только она (как в ответе на вопрос в (124.)), *что* допустимо и даже может быть предпочтительно:

122. *Учитель считал то, что / *что ученики его не поддерживают, большой проблемой.*

123. *Учитель считал большой проблемой, (то) что ученики его не поддерживают.*

124. – *Что ты считаешь самой большой проблемой? – Что ученики меня не поддерживают.*

По-видимому, главным фактором распределения является тематичность: *то, что* маркирует более тематичные аргументы, чем *что*. Актант, находящийся между глаголом и другим актантом (122.) обычно является темой, поэтому *то, что* допустимо в большей мере. Напротив, в абсолютном конце (123.) тематичность понижается, а ответ на вопрос при фрагментировании практически всегда рематичен.

Однако в то же время распределение *то, что* в группе ментальных предикатов в целом совпадает с распределением именных актантов. Именно предикаты

каты *считать* и *думать*, абсолютно не допускающие *то, что*, одновременно не сочетаются (в данном значении) с именными зависимыми. При этом *предполагать* в большей мере допускает не только *то, что*, но и именные группы:

125. *У меня были на этот счет сомнения. Сомнения относительно первого шага Миши. Я предполагала Ольгину инициативу.* [Галина Щербакова. «Армия любовников», 1997]

Как и составляющие с *то, что*, номинализации становятся приемлемы при структуре со вторичной предикацией. Это показывает, что и они тяготеют к маркированию аргументов с высокой тематичностью:

126. *В бытность председателем Комитета по печати главной своей задачей я считал создание того, что можно назвать государственной политикой в области СМИ, полиграфии, книгоиздательства и отчасти книжной торговли.* [Дашь «вести с полей» // «Совершенно секретно», 2003.04.08]

Соответствие нарушается в случае глаголов *знать* и *понимать*. Они ограниченно способны принимать зависимые с *то, что*⁵.

127. *Здесь нужно понимать то, что на конце лопатки находится опасно, поэтому сближайтесь, двигаясь шаговыми движениями к противнику как можно плотнее...* [Владимир Авилов. Сибирский кулак. Шаг воина (2004) // «Боевое искусство планеты», 11.03.2004]

128. *Представляется, что когда реформы проводились, не все понимали то, что получение эффекта от подобных преобразований – процесс длительный.* [Игорь Бунин. Путинское трехлетие: решенные задачи и ускользающие цели (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 12.05.2003]

В то же время номинализации при этих глаголах почти не употребляются.

129. **Все понимали участие «Единой России» в этих событиях.*

Трактовка этой связи между *то, что* и номинализациями может быть и семантической, и синтаксической, и два варианта не исключают друг друга. С одной стороны, можно предполагать, что семантические компоненты, вносимые *то, что* и номинализациями, и наложенные на них семантические (и коммуникативные) ограничения очень близки. Первое такое ограничение уже отмечено выше – оно требует высокой тематичности актанта. Второе связано с эпистемическим статусом: и *то, что*, и номинализации тяготеют к выражению ситуаций, находящихся в пресуппозиции.⁶

⁵ Здесь мы выносим за скобки современное расширенное употребление *то, что*, где этот маркер произносится слитно и практически дублирует (или даже подменяет собой) основной показатель сентенциального актанта *что*.

⁶ Дополнительный вопрос заключается в том, почему номинализации и *то, что* допустимы при глаголах с ирреальной семантикой типа *хотеть* или *бояться*.

Синтаксически же два типа зависимых близки между собой и отличаются от сентенциальных актантов. Оба они имеют именные вершины, поэтому, если предположить, что актантная структура глагола задает не только синтаксический статус актантов, но и их тип (именной / сентенциальный), то неудивительно, что ограничения на *то* и на номинализацию почти полностью сводятся друг к другу.

При этом снова оказывается, что каноническое vs. неканоническое синтаксическое поведение глаголов тесно связано с коммуникативной структурой. С глаголами, имеющими именные зависимые, сближаются, в первую очередь, предикаты знания, при которых зависимое обычно тематично. Напротив, при глаголах мнения зависимое обычно является ремой, и для его маркирования используются практически всегда сентенциальные актанты.

8.5. Маркирование недоверности

Почти все глаголы ментальной группы (исключениями являются, например, понимать и забыть) допускают употребление, вместо *что* или *то, что*, союза *будто* (для глаголов *казаться* / *показаться* возможны также как *будто* и *словно*). В первом приближении можно сказать, что он маркирует недоверность суждения из зависимой клаузы. При этом оценивать эту недоверность может как говорящий (это наиболее частый случай), так и субъект матричного глагола.

130. *Аля, я не верю, будто ты не понимаешь, как это происходит!* [Анна Берсенева. «Полет над разлукой», 2003–2005]

130'. *Следующим утром из «Марриотт-Грандъ-отеля» на Тверской, где первым чемпионам казалось, словно они не на Руси, а «за бугром», их на джипе попытались домчать на прием в Госкомспорт.* [Игорь Емельянов. Они одновременно сказали: «Наконец-то!» // «Комсомольская правда», 2003.02]

130''. *И он посмотрел на Андрея, и тому показалось, как будто даже подмигнул.* [Ю. В. Трифонов. «Нетерпение», 1973]

Особенно интересна сочетаемость с *будто* глагола *знать*. Казалось бы, в силу фактивности этот глагол не должен допускать маркирование содержания как достоверного или недостоверного. Однако это возможно – либо в случае, когда *знать* подчинен еще одному, не фактивному предикату, либо в случае вопроса или отрицания. Недостоверность, которая сочетается с этими операторами, проникает на клаузу ниже, в сентенциальный актант глагола *знать*. Например, в (132.) сомнению подвергается знание (вопрос подразумевает, что адресат, возможно, и не знает ничего о саде), а это косвенно предполагает, что наиболее глубоко вложенная пропозиция ‘это тот же сад’ тоже может быть ложной. В (133.) знание не подвергается сомнению, однако поскольку о нем известно со слов другого человека, вложенная пропозиция тоже не обязательно верна.

131. *Кроме того, Немуши заявил, что не знал, будто бы проведение фиктивных транзакций являлось обычной практикой в банке.* [Бывший коллега Кервьеля встал на сторону Societe Generale // Lenta.ru, 2010.06]

132. – *В какой сад? В тот же, который снился вам раньше? – Да. – Откуда вы знаете, будто это тот же сад? Вы видели его из окна?* [Глеб Голубев. «Вспомни!», 1972]

133. *Двое оперативников сказали, что знают, будто студенты вуза покупают у преподавателя математики зачеты.* [Сотрудники ФСБ угрозами заставили студента вести паблик во славу ФСБ // Lenta.ru, 2019.02]

Специфические свойства имеет глагол *сомневаться*. Хотя он предполагает недостоверность зависимого события, *будто* при нем употребляется крайне редко.

134. *«Что вы, никакого риска, – говорит она с такой несокрушимой уверенностью, что я начинаю сомневаться, будто начало нового бизнеса такая уж рискованная затея.* [Карина Яновская. Тяжеловесы из Марокко (2003) // «Мир & Дом. City», 15.02.2003]

135. *В первом случае он создал статистическое учреждение настолько достоверное и обжитое, что многие не сомневались, будто мы снимали не в декорации, а в подлинном интерьере.* [Эльдар Рязанов. «Подведенные итоги», 2000]

В (134.) утверждение, в котором сомневается говорящий, подается как недостоверное. В (135.), наоборот, сочетание *не сомневаться* подает содержание как достоверное, однако внешний говорящий знает, что оно неверно, и употребляет *будто*. По-видимому, не слишком большая частотность таких сочетаний связана с особенностями семантики *сомневаться*, о которых мы говорили выше: *сомневаться* – это глагол, предполагающий ровно одну релевантную пропозицию. Поэтому, независимо от того, употреблен этот глагол с отрицанием или без него, в рассмотрение не вводятся дополнительные ситуации с малой степенью реальности – мы говорим ровно об одном возможном сценарии.

8.6. Бессоюзные зависимые

Группа ментальных глаголов широко допускает бессоюзные зависимые. Это выделяет их из многих других типов матричных предикатов: к примеру, предикаты эмоций вообще не способны присоединять бессоюзные зависимые:

136. **Меня бесит, он нас подвел.*

137. **Учительницу раздражает: ученики опаздывают.*⁷

⁷ Конструкции типа *Учительница рассердилась: Вася опять опоздал* грамматичны, но не имеют отношения к данному вопросу. Хотя семантически стимул глагола *рассердиться*, конечно, заполняет валентность эмотивного предиката, синтаксически

Напротив, и предикативы, и глаголы ментальной группы сочетаются с бессоюзными зависимыми. В частности, Н. В. Сердобольская (Сердобольская / Serdobolskaya 2017) подробно рассматривает употребление и синтаксические свойства бессоюзных актантов при глаголе *думать* с разными вариантами интонации или (в письменном тексте) пунктуации. Приведем лишь несколько примеров.

138. *Грешным делом предполагаю: рассказывая о Вязниках, где заканчивалось действие «Владимирских просёлков», Солоухин не упомянул Фатьянова от обиды.* [Андрей Пермяков. Петушки -- Москва. Поехал // «Волга», 2016]

139. *Примечательно, что 40, 8% выпускников полагают: найти работу в родном городе очень сложно и только 2, 1% так же оценивают ситуацию в городе, где собираются учиться.* [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005]

140. *Но я настолько их знал, отца, мать, сестру, брата, племянников, дедушку, бабушку, дядей, что иногда мне кажется: всё, что произошло с ними, произошло со мной, и, рассказывая о них, я рассказываю о себе.* [Анатолий Рыбаков. «Тяжелый песок», 1975–1977]

Примечательно, что бессоюзные зависимые допускают не только «классические» в этом смысле матричные глаголы *думать* или *считать*, но и менее стандартные *полагать* и *предполагать*. Среди всех русских глаголов глаголы ментальной группы в наибольшей мере склонны к употреблению с бессоюзными зависимыми. Ближе всего к ним находятся глаголы речи, однако при них высказывание часто цитируется точно – используется конструкция прямой речи с кавычками. Ментальные же глаголы, с одной стороны, имеют зависимое с ролью содержания, а с другой, не предполагают высказывания в собственном смысле – передается основное содержание мнения, знания и т.д..

Бессоюзные зависимые имеют некоторые отличия от стандартных сентенциальных актантов: в частности, кореферентное опущение субъекта зависимой клаузы в них невозможно (ср. сомнительное ??*Петя знал: опоздает*; ??*Я думаю, заблудился*⁸). Вероятно, это связано с тем, что первая и вторая клауза не иерархизованы относительно друг друга очевидным образом. В конструкции *Он знал: он не сможет выиграть* вторая клауза ведет себя в какой-то мере как

клауза *Вася опять опоздал* – это не аргумент глагола, а причинное зависимое. Именно поэтому возможны и альтернативные маркеры типа *ведь* или *все-таки*, невозможные при переходном глаголе *рассердить*: *Учительница рассердилась* / **Учительницу рассердило, ведь* / *все-таки Вася опаздывал уже пятый раз за четверть*.

⁸ Речь идет, разумеется, о сомнительности кореферентного прочтения, где нуль во второй части предложения отсылает к актанту в первой части. Мы не учитываем конструкции, где нуль отсылает к другому участнику или к более раннему упоминанию того же участника: – *Ты не заблудился?* – *Я думаю, заблудился*.

отдельное предложение, а при глаголах мнения (например, *Он думает, он лучше всех*) сам матричный предикат близок по свойствам к модификатору, а вторая клауза – к независимому предложению.

Тот факт, что именно при *знать* или *известно* используется зависимая конструкция с двоеточием и / или отдельным интонированием, а при *думать* или *полагать* допустим и вариант с запятой, может показаться парадоксальным: казалось бы, именно *знать* в наибольшей мере предполагает, что подчиненное высказывание верно, то есть сильно ограничивает содержание придаточного. На самом деле именно фактивность *знать* связана с двоеточием. Поскольку *X знает, что P* предполагает верность самого P, то можно разделить матричную и вложенную клаузу: это не сделает вторую часть неверной.

141. *X знает: случится P.*

Напротив, для *думать* или *казаться* более естественно слитное расположение, поскольку матричные предикаты изменяют истинностный статус зависимого: *Мне кажется, ты неправ* и *Ты неправ* – это не одно и то же, и из первого не следует второе. Поэтому ментальный предикат встраивается непосредственно в структуру того же предложения, где выражена зависимая ситуация.

Еще одно нестандартное свойство бессоюзных конструкций – требование совпадения полярности. При союзных придаточных отрицание главного предложения не исключает утвердительной зависимой клаузы (*Я не уверен, что ты прав*). В бессоюзных же конструкциях такое расхождение в полярности недопустимо: ср. возможное *Я думаю, ты прав, Я уверен: всё будет хорошо* и невозможное **Я не думаю : / , ты прав, *Я не уверен : / , всё будет хорошо*. В этом смысле бессоюзные конструкции служат средством сделать подчиненную пропозицию близкой по свойствам к главной или независимой клаузе. Употребляя бессоюзную конструкцию, мы делаем как бы утверждение о верности второй части предложения: из *Я уверен, ты прав* следует ‘говорящий думает, что слушающий прав’. Бессоюзные конструкции типа *Я не уверен: ты прав* вступают в конфликт с этой семантикой: говорящий не может одновременно считать, что слушающий прав, и утверждать, что он в этом не уверен.

Особый вопрос возникает о косвенных вопросах «с двоеточием». Определение бессоюзия для этого типа зависимых гораздо сложнее, чем для стандартных сентенциальных актантов. Если «обычные» сентенциальные актанты в стандартном случае содержат показатели типа *что, как* или *чтобы* (а бессоюзные зависимые отличаются отсутствием союзов), то косвенные вопросы специальных подчинительных средств не содержат.

142. *Но на «лье» долго не продержишься, тем паче что я и по сю пору не знаю: длиннее это километра или короче?* [Виктор Астафьев. «Обертон», 1995–1996]

143. *Его Апостол учил молиться. Вот только непонятно: научил ли?!* [Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019]

144. *Одних занимает вопрос: кто ты, человек? Других: на что ты способен? Демьяну Ильичу хотелось знать: кто в тебе сидит?* [П. В. Крусанов. «Волосатая сутра. Мойка», 48 (2012)]

Или в (142.), *ли* в (143.) и *кто* в (144.) – это не специальные средства подчинения, а единицы с двойной функцией: с одной стороны, они присоединяют косвенные вопросы к главной клаузе, с другой, служат вопросительными словами внутри подчиненной клаузы. В (142.–144.), при использовании двоеточия, связь между двумя клаузами становится меньше. Этим клаузы с косвенными вопросами напоминают (145.), где двоеточие ослабляет связь между главной и зависимой клаузами:

145. *Мы заранее знали: из этого ничего не получится.*

8.7. Возможно ли как восприятия при ментальных предикатах?

При глаголах восприятия и некоторых других, наряду со *что*, нередко выступает союз *как*. Можно выделить две его основных функции:

1) *Как* непосредственного восприятия. *Как* при *видеть*, *слышать*, *слушать*, *смотреть* и при глаголах, близких к глаголам восприятия (*представлять*) может обозначать, что экспериенцер не только может свидетельствовать о верности ситуации, но и наблюдает сам процесс ее протекания.

2) *Как* цитации. При глаголах речи *как* может обозначать подробную передачу протекания ситуации.

146. *Григорий Богослов поэтично описывает, как «Богатящий обнищавает – обнищавает до плоти моей.* [иеромонах Мефодий (Зинковский). Кенотичность как ипостасное или личностное свойство // «Актуальные вопросы современной науки», 2018]

Поскольку ментальные предикаты тоже часто используются для буквальной передачи содержания мысли, интересно, сочетаются ли они с показателем *как*. В целом такие комбинации редки: обычно сочетания *как* с ментальными предикатами содержат не союз *как*, а вопросительное местоимение, которое вводит косвенный вопрос (147.). Тем не менее, в примерах (148)–(151) используется союз *как*.

147. *Он хотел бы получить место зав. отделом, но не знает, как ему туда забраться.* [Форум: рецензии на фильм «Служебный роман», 2006–2010]

148. *Папа уже приготовил вещички и принялся обдумывать, как со своей палочкой будет катать тачку на каком-нибудь сибирском рудничке.* [А. Б. Белов. Пассажиры бумажного кораблика (2009) // «Волга», 2010]

149. *И когда Гашкес еще не дошел до двери, Савинков уже обдумывал, как выбежит из номера и в гостиницу не вернется.* [Р. Б. Гуль. «Азеф», 1958]

150. *Мы заранее знали, как будет он, придя из школы, ахать, возмущаться, ругать нас, собирать всё по листочкам и опять укладывать на свое место, в ящики письменного стола, едва не плача от обиды...* [А. Е. Рекемчук. «Мамонты», 2006]

151. *Я долго работала в зоопарке и знаю, как умирали животные, как их не лечили.* [<https://www.kp.ru/daily/26799/3834795/>]

Функция *как* при ментальных предикатах похожа на речевую – *как* маркирует подробную передачу ситуации. В конструкциях типа (150.)–(151.) не случайно часто встречается ряд из нескольких придаточных или глагольных групп: *как* используется для нагнетания ситуации, исходное значение ‘ситуация передается во всем своем протекании’ переходит во вторичное ‘разные аспекты протекания ситуации дополнительно подчеркивают верность утверждения’. В этом смысле *как* такого рода напоминает не только *как* непосредственного восприятия, но и восклицательное *как*. Однако многие конструкции типа (151.) не могут быть транспонированы в восклицательные конструкции:

152. *Как не лечили животных!*

153. *Как он укладывал всё на свое место!*

8.8. Цитация

Коснемся кратко возможностей цитации при ментальных предикатах. Согласно (Aikhenvald 2004; Güldemann 2008), набор цитативных маркеров очень разнороден. Все они подразумевают, что говорящий до той или иной степени буквально передает некоторое высказывание: не просто пересказывает его содержание, набор содержащихся в нем утверждений, но и сохраняет способ выражения.

Стандартным классом глаголов, допускающих цитативные конструкции, являются, конечно, предикаты речи. Именно в речи высказывание реализуется на поверхности, и способ речи можно наблюдать и запоминать. Однако и при ментальных предикатах возможно обозначить тот факт, что мысль передается практически буквально или говорящий хочет показать, что передает ее буквально. Среди прочих, могут использоваться следующие показатели чужой речи (многие из них описаны в Левонтина / Levontina 2020):

- цитативные показатели *мол, дескать* (см. также Плунгян / Plungyan 2008),
- союзные показатели типа *да*,
- интонация пересказа,
- бессоюзные конструкции с первым лицом.

154. *А еще сплочение коллектива, где каждый понимает: я – часть команды!* [<http://licey142.ru/выходные-в-док-уральская-березка>]

155. *При этом каждый уверен – я успею. И никто не задумывается о том, что многотонный поезд движется на высокой скорости и остановить его мгновенно нельзя.* [<https://kras.rzd.ru/ru/3144/page/78314?accessible=true&id=161699>]

Отметим, что конструкции типа (154.–155.) отличаются от прямой речи: кавычки прямой речи при ментальных предикатах употребляются довольно редко.

Специальным маркером цитации является местоимение *как* в контекстах типа *как предполагал Иванов*. Хотя оно кажется маркером отсылки к содержанию, парным к *так*, эти два показателя не всегда симметричны. *Как* сходно с *так* тем, что является местоименным элементом. Однако, в отличие от *так*, *как* почти никогда не употребляется в отрыве от исходного элемента, замененного местоимением (предложение (157.) может быть только результатом парцелляции):

156. *Не ходил и даже и не предполагал, что за ним присматривает Хариус, пробывший, как был уверен Чижов, в КПМ всего лишь полтора дня.* [Анатолий Жигулин. «Черные камни», 1988]

157. ??*Он пробыл в КПМ всего лишь полтора дня. Как был уверен Чижов.*

158. *А чтобы ее понять, совсем необязательно было становиться психиатром, достаточно, как надеялся Виталий, быть простым профессором химии, как Буяновский.* [Михаил Чулаки. «Прощай, зеленая Пряжка», 1998]

Еще одно отличие заключается в том, что *как* возможно и при предикатах знания, которые не принимают анафорического *так*.

159. а. *Как мы знаем, ядро атома состоит из протонов и нейтронов.*

б. *Ядро атома состоит из протонов и нейтронов. Это / *так мы все знаем.*

Заключение

В статье мы проанализировали основные свойства актантной структуры ментальных предикатов: глаголов знания и мнения и соответствующих предикативов. Как мы выяснили, эти глаголы, с одной стороны, внутренне разнородны, а с другой, интересным образом соотносятся с близкими классами, например речи и эмоций.

При этом, хотя глаголы эмоций тоже имеют дело с внутренними процессом, формально более близкими аналогами являются именно глаголы речи. В частности, они тоже допускают цитативы и вопросы с *как*, анафору с *так*, а также широко используют бессоюзные конструкции (глаголы эмоций не допускают их вообще). Это отличие связано с двумя факторами: существенно большей фактивностью в классе эмоций и гораздо меньшей определенностью содержания и фактора эмоций. Если содержание мысли или речи легко передать буквально, то для страха или гнева сделать это не всегда просто.

Внутри класса ментальных предикатов заметна разница между глаголами знания и мнения (разумеется, с переходными случаями). В целом, глаголы знания значительно ближе к прототипу двухвалентного глагола (например, *купить*, *разбить*, *переставить*), чем глаголы мнения. Едва ли при этом можно говорить о единой причине. При глаголах мнения объект не обязательно существует в реальности. С этим связана рематичность дополнения. Эти две характеристики, в свою очередь, ограничивают способность дополнения прономинализоваться, выноситься в начало и участвовать в некоторых сочинительных конструкциях. Словом, актант при глаголах мнения – своего рода несамостоятельная сущность, не существующая полноценно отдельно от предиката. Напротив, при предикатах знания сентенциальный актант является более тематичным, чаще выносится в начало и участвует в сочинительных конструкциях. При этом он определен и существует в реальности.

Из обсуждаемых свойств ментальных глаголов можно сделать вывод, что фактивные предикаты находятся ближе к глаголам с вещественными объектами, чем нефактивные. Фактивные предикаты, по сути, обозначают взаимодействие субъекта с реально существующим объектом, пусть последний и является абстрактной сущностью (пропозицией), в том же смысле, в каком другие типы глаголов обозначают взаимодействие субъекта с физическим объектом. Напротив, нефактивные предикаты обозначают ментальное состояние субъекта, а ситуация во втором актанте – это просто выражение данного ментального состояния.

Тем не менее, стопроцентного соотношения между фактивностью и поведением актантов не существует. Например, предикаты *предполагать*, *сомневаться*, *быть уверенным* ведут себя иначе, чем другие глаголы мнения. Их отличия от прочих нефактивных глаголов мнения опять же проявляются на разных уровнях: семантически они хотя и не фактивны, но предполагают обычно обсуждение только одной пропозиции, степени ее соответствия реальности, а не нескольких альтернатив; синтаксически их зависимые в большей мере сходны со стандартными именными дополнениями, чем дополнения при глаголах *думать* или *считать*; в коммуникативном отношении при части из них (по крайней мере, *быть уверенным* и *сомневаться*) зависимая ситуация может являться темой, и соответствующая клауза может быть выражена до глагола. В этом смысле можно считать, что коммуникативные свойства актантов хотя и задаются в значительной степени семантикой, но не предсказываются ей полностью.

В табл. 1 ниже подытоживаются свойства основных подгрупп ментального класса. В табл. 2 сопоставляются свойства ментальных предикатов и близких к ним классов глаголов.

	Глаголы мнения	Глаголы знания	Предикаты эпистемического статуса
Расположение зависимого	Препозиция почти невозможна	Препозиция возможна	Препозиция возможна
<i>То</i>	-	+	+
Вынос из придаточного	+	+	-
Бессоюзные зависимые	Запятая	Двоеточие (<i>знать</i>), нет (<i>быть известным</i>)	Двоеточие, запятая
Совмещенные модели	? – (<i>думать, считать</i>) или + (<i>быть уверенным, сомневаться</i>)	+	Почти невозможны
Анафора	<i>так</i>	<i>это</i>	<i>это</i>
Вопрос	<i>как, что</i>	<i>что</i>	<i>что</i>

Табл. 1. Соотношение свойств глаголов мнения, глаголов знания и предикатов эпистемического статуса (*быть уверенным, сомневаться*)

	Ментальные глаголы	Глаголы речи	Глаголы эмоций
Расположение зависимого	постпозиция или препозиция	постпозиция или препозиция	постпозиция
<i>То</i>	+	+	+
Вынос	+	+	-
Бессоюзные	+	+	-
Совмещенные модели управления	? – (<i>думать, считать</i>) или + (<i>быть уверенным, сомневаться</i>)	+	-
Анафора	<i>так</i> или <i>это</i>	<i>так</i> или <i>это</i>	<i>это</i>
Вопрос	<i>как, что</i>	<i>как, что</i>	<i>что</i>

Табл. 2. Соотношение свойств ментальных предикатов с глаголами речи и эмоций

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Цитируемая литература / References

- Ackerman, Moore 2001: Ackerman, F., J. Moore. *Proto-properties and grammatical encoding: a correspondence theory of argument selection*. Stanford: CSLI Publications.
- Aikhenvald 2004: Aikhenvald, A. *Evidentiality*. Oxford: Oxford university press.
- Apresyan 2001: Апресян, Ю. Д. Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в русском языке. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 1, с. 5–26. (Apresyan, Yu. D. Sistemoobrazuyushchie smysly ‘znat’ i ‘schitat’ v russkom yazyke. – In: *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 1, pp. 5–26.)
- Arutyunova 1976: Арутюнова, Н. Д. *Предложение и его смысл*. Москва: Наука. (Arutyunova, N. D. *Predlozhenie i ego smysl*. Moskva: Nauka.)
- Bailyn 2001: Bailyn, J. The syntax of Slavic predicate case. – In: *ZAS Papers in Linguistics*, № 22 (Januar), pp. 1–23.
- Dobrushina 2016: Добрушина, Н. Р. *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*. Прага: Animedia Company. (Dobrushina, N. R. *Soslagatel'noe naklonenie v russkom jazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki*. Prague: Animedia Company.)
- Dowty 1991: Dowty, D. Thematic proto-roles and argument selection. – In: *Language*, vol. 67, № 3, pp. 547–619.
- Fox, Hopper 1994: Fox, B. A., P. J. Hopper (eds.). *Voice: form and function [Typological studies in languages 27]*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Güldemann 2008: Güldemann, T. *Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Holodovich 1974: Холодович, А. А. (ред.). *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог*. Санкт-Петербург: Наука. (Holodovich, A. A. (ed.). *Tipologiya passivnykh konstrukcij. Diatezy i zalogi*. Sankt-Peterburg: Nauka.)
- Johannessen 1998: Johannessen, J. B. *Coordination*. Oxford: Oxford University Press.
- Keenan 1976: Keenan, E. Towards a universal definition of “subject”. – In: Li, C. N. (ed.). *Subject and Topic*. New York: Academic Press, pp. 303–333.
- Keenan, Comrie 1977: Keenan, E., B. Comrie. Noun phrase accessibility and universal grammar. – In: *Lingustic Inquiry*, vol. 1, № 1, pp. 63–99.
- Kordi 2020: Корди, Е. Е. Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка). – В: *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 16, № 2, pp. 509–543. (Kordi 2020: Kordi, E. E. Mental'nye glagoly: valentnostnyj taksis (na materiale frantsuzskogo yazyka). – In: *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 16, № 2, pp. 509–543.)
- Korotaev 2013: Коротаев, Н. А. Полипредикативные конструкции с *то, что* в непубличной устной речи. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.)*. Вып. 12(19). Москва: Издательство РГГУ, с. 324–331. (Korotaev, N. A. Polipredikativnye konstruksii s *to, chto* v nepublichnoj ustnoj rechi. – In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.)*. Vyp. 12(19). Moskva: Izdatel'stvo RGGU, pp. 324–331.)
- Kozinskij 1983: Козинский, И. Ш. О категории «подлежащее» в русском языке. – В: *Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и*

- прикладной лингвистике. *Предварительные публикации*, вып. 156. (Kozinskij, I. Sh. O kategorii "podlezhashchee" v russkom yazyke. – In: *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimental'noj i prikladnoj lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*, вып. 156.)
- Kustova 2018: Кустова, Г. И. Ментальные предикаты 2-го лица в метатекстовых конструкциях. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018»*. Вып. 17(24), с. 380–390. (Kustova, G. I. Mental'nye predikaty 2-go litsa v metatekstovykh konstruksiyah. – In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog 2018»*. Вып. 17(24), pp. 380–390.)
- Letuchij 2019: Летуций, А. Б. Местоимение *это* как показатель анафоры к ситуации: семантика и сочетаемость. – В: Герасимов, Д. В. и др. (ред.). *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Москва: Языки славянской культуры, с. 237–279. (Letuchij, A. B. Mestoimenie *eto* kak pokazatel' anafory k situatsii: semantika i sochetaemost'. – In: Gerasimov, D. V. et al (eds.). *Sbornik statej k 85-letiyu V. S. Hrakovskogo. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury*, pp. 237–279.)
- Letuchij 2021: Летуций, А. Б. *Русский язык о ситуациях. Конструкции с сентенциальными актантами*. Санкт-Петербург: Алетейя. (Letuchij, A. B. *Russkij yazyk o situatsiyah. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami*. Sankt-Peterburg: Aletejya.)
- Letuchij, Serdobolskaya 2005: Летуций, А. Б., Н. В. Сердобольская. Между объектом и ситуацией [Between object and situation]. – В: *Вторая международная конференция по модели «Смысл – Текст»*. Сборник статей. Москва. (Letuchij, A. B., N. V. Serdobol'skaya. Mezhdub ob'ektom i situatsiej [Between object and situation]. – In: *Vtoraya mezhdunarodnaya konferentsiya po modeli «Smysl – Tekst»*. *Sbornik statej. Moskva.*)
- Levontina 2020: Левонтина, И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке. – В: *Вопросы языкознания*, № 3, с. 52–77. (Levontina, I. B. Ob arsenale ksenopokazatelej v russkom yazyke. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 3, pp. 52–77.)
- Pekelis 2020: Пекелис, О. Е. *Местоимения с сентенциальным антецедентом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. (Pekelis, O. E. *Mestoimeniya s sententsial'nyim antetsedentom. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. Moskva.)
- Plungyan 2008: Плунгян, В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие. – В: Wiemer, B., V. A. Plungjan (eds.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.) München: Sagner, с. 285 – 311. (Plungyan, V. A. O pokazateljah chuzhoj rechi i nedostovernosti v russkom jazyke: mol, jakoby i drugie. – In: Wiemer, B., V. A. Plungjan (eds.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.) München: Sagner, pp. 285–311.)
- Serdobolskaya 2017: Сердобольская, Н. В. Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке. – В: *Вопросы языкознания*, № 5, с. 7–35. (Serdobol'skaya, N. V. Bessoyuznye aktantnye predlozheniya s glagolom *dumat'* v russkom yazyke. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 5, pp. 7–35.)

- Serdobolskaya, Egorova 2019: Сердобольская, Н. В., А. Д. Егорова. Морфосинтаксические свойства ненормативных конструкций с ТО, ЧТО в русской разговорной речи. – В: *Вопросы языкознания*, № 5, с. 41–72. (Serdobol'skaya, N. V., A. D. Egorova. Morfosintaksicheskiye svoystva nenormativnyh konstruksij s TO, CHTO v russkoj razgovornoj rechi. – In: *Voprosy yazykoznaniya*, № 5, pp. 41–72.)
- Testeleets 2001: Тестелец, Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва: Издательство РГГУ. (Testeleets, Ya. G. *Vvedenie v obshchij sintaksis*. Moskva: Izdatel'stvo RGGU.)
- van der Sandt 1989: van der Sandt, R. A. Presupposition and discourse structure. – In: Bartsch, R. et al (eds.). *Semantics and contextual expression*. Dordrecht: Foris, pp. 287–294.
- van der Sandt 1992: van der Sandt, R. A. Presupposition projection as anaphora resolution. – In: *Journal of Semantics*, vol. 9, № 4, pp. 333–378.

Argument structure of mental predicates in Russian: interaction of semantic, syntactic and discourse factors

Alexander Letuchiy

National Research University Higher School of Economics, Moscow

alexander.letuchiy@gmail.com

Abstract

The article aims at the description and analysis of the argument structure of Russian mental predicates. The study focuses primarily on the syntactic properties of arguments and the interaction between their syntactic, semantic, and discourse properties. It turns out that the opposition of factive knowledge predicates vs. non-factive opinion predicates map onto their discourse characteristics (arguments of opinion verbs are normally less topical than arguments of knowledge verbs) and their syntactic features (arguments of knowledge verbs become antecedents of pronouns and conjuncts of coordinate constructions more easily). These observations lead us to conclude that factive predicates are closer to the bivalent verb prototype than non-factive ones.

Keywords: *mental predicates, factivity, coordination, pronominalization, experiencer, unmarked complement clauses*

Alexander Letuchiy

School of Linguistics

National Research University Higher School of Economics

21/4, Staraya Basmannaya St.

Moscow, 105066 Russia

alexander.letuchiy@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4151-2550>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РУССКИХ ПРЕДИКАТИВОВ

Галина Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова, РАН

galinak03@gmail.com

Резюме. В русском языке предикативы, наряду с валентностью экспериенцера (*Мне холодно / страшно / стыдно*), могут также иметь пропозициональную валентность Р (стимул-содержание). Она выражается подчиненной клаузой (*Приятно, что они до сих пор меня помнят*) или подчиненным инфинитивом (*Приятно засыпать под шум дождя*). Возможность сочетания с инфинитивом зависит от семантики предикатива. Например, модальные предикативы могут подчинять инфинитив (*Необходимо закончить работу в пятницу*), перцептивные не могут (**Мне видно читать*).

Предикативы со значением физиологического состояния могут подчинять инфинитив V, обозначающий канал воздействия стимула на экспериенцера (*Было сладко есть ягоды*), или инфинитив R, обозначающий ситуацию, на реализацию которой влияет состояние окружающей среды (стимул): *Уже темно читать*.

Предикативы со значением эмоции могут подчинять три типа инфинитивов: (1) инфинитив Р, выражающий валентность Р (стимул-содержание): *Грустно покидать родной дом*; (2) инфинитив Т («трансфер», промежуточная ситуация между экспериенцером и стимулом): *Страшно открывать дверь*; (3) инфинитив V (канал воздействия стимула на экспериенцера): *Грустно думать, что мы больше никогда не увидимся* ≈ *Грустно, что мы больше никогда не увидимся*.

Предикативы со значением интерпретации подчиняют инфинитив Р (это контролируемая ситуация, за которую субъект несет ответственность): *Неприлично подслушивать чужие разговоры* (интерпретационная семантика часто выражается прилагательными, ср. *неэтичный, неприличный, неуместный*, и однокоренными наречиями, а вместо отсутствующего однокоренного глагола используется предикатив). Во второй половине XX-начале XXI вв. количество интерпретационных предикативов, способных употребляться в инфинитивной конструкции, возрастает.

Ключевые слова: состояния, предикатив, инфинитивные конструкции, экспериенциальные состояния, экспериенцер, стимул, эмоция, интерпретация

Введение

Как уже было сказано в главе 2 («Семантические классы предикатов состояния...»), экспериенциальные предикативы могут выражать валентность содержа-

* Галина Кустова. Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 247–280.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.09>

ния Р (стимул) не только подчиненной клаузой, но инфинитивом. Инфинитив возможен, если субъект предикатива и субъект ситуации Р кореферентны: *Мне было приятно встретить старых друзей* = *Мне приятно, что я встретил старых друзей* (у интерпретаций другое соотношение субъектов, см. ниже). Инфинитив, соответствующий валентности содержания Р, мы также будем обозначать через Р. Так мы сможем соотнести подчиненные инфинитивы Р с подчиненными клаузами Р.

Кроме инфинитива Р, выражающего валентность содержания, – так сказать, тривиального инфинитива – предикативы могут присоединять и другие типы инфинитивов, которые не выражают валентность содержания.

Не все семантические классы предикативов могут присоединять инфинитив. Не способны подчинять инфинитив перцептивные предикативы: **Видно идти / искать / читать*, некоторые ментальные предикативы: *Мне понятно, что я проиграл* – **Понятно проиграть*.

Для модальных предикативов инфинитив, напротив, является основным способом выражения пропозициональной валентности.

Ниже мы рассмотрим инфинитивные конструкции с тремя семантическими группами предикативов: (1) физиологическими состояниями (реакциями), которые мы сокращенно будем называть сензитивами; (2) эмоциональными реакциями, или эмоциями; (3) интерпретационными оценками, или интерпретациями.

Мы рассмотрим следующие вопросы:

- какие типы подчиненных инфинитивов встречаются при разных группах предикативов,
- какие семантические сдвиги происходят с предикативами в конструкции «предикатив + инфинитив»;
- какие функции выполняет конструкция «предикатив + инфинитив» в целом.

1. Сензитивы

1.1. Группы сензитивов

С точки зрения особенностей обозначаемой ситуации можно выделить две группы сензитивов – контактные и пространственные (Кустова / Kustova 2013). Контактные сензитивы обозначают ощущения, которые вызваны контактом человека (экспериенцера) с предметом или веществом: это вкусовые ощущения *сладко, горько, кисло, солоно* и более абстрактные обозначения *вкусно / невкусно*; ощущения комфорта-дискомфорта при взаимодействии с поверхностью / опорой: *мягко, жестко*.

Пространственные сензитивы обозначают «пространственные» ощущения человека: они не предполагают контакта с каким-либо предметом, а возникают в результате нахождения в некотором пространстве и благодаря свойствам этого пространства: *Гостям будет темно [светло] / душно / тесно [просторно] в этом зале*.

Температурные предикативы имеют и контактное значение (*горячо держать кружку, холодно лежать на полу*), и пространственное (*Детям жарко / холодно / тепло в этой комнате*; чтобы определить, холодно или тепло в помещении, не нужно прикасаться к батарее, достаточно находиться в данном пространстве).

Многие пространственные предикативы могут характеризовать собственно пространство: *На улице холодно / темно; В комнате душно / тесно*. Семантически такие характеристики связаны с человеком (мы говорим *На улице холодно*, если человеку при такой температуре будет холодно. Однако мы не можем сейчас углубляться в эту проблематику). В словарях предикативы типа *холодно, жарко* и под. обычно имеют два значения (состояние пространства vs. состояние человека).

Некоторые предикативы могут относиться только к пространству, но не к человеку: *На улице грязно / слякотно / туманно / пыльно*, но не **Ему грязно / слякотно / туманно / пыльно* (как будет показано ниже, этот запрет может сниматься в инфинитивной конструкции).

Поскольку сензитивы являются реакцией на воздействие внешнего (физического) фактора, у них есть причина-стимул (источник воздействия).

Причина контактных ощущений – одноименное свойство контактирующего предмета:

1. *Обитателям островов трудно терпеть боль и горько глотать лекарства* [«Трамвай», 1991] – горькие лекарства
2. *Сбежал в кондитерский, принес теплых булочек с маком и толстой глазурью, которую так сладко слизывать с губ, печенье «курабье», сироп из шиповника* [Дарья Симонова. «Легкие крылышки», 2002] – сладкая глазурь
3. *Даже в спортивных костюмах холодно лежать на бетоне, особенно когда наружная дверь распахнута и морозный воздух стелется по полу* [Виктор Мясников. «Водка», 2000] – холодный бетон
4. *Ему, видно, было холодно стоять босыми ногами на цементном полу, и он ежился* [Н. А. Островский. «Как закалялась сталь», 1930–1934] – холодный пол
5. *Она, не переставая, чувствовала, как ее телу тепло и легко лежать на песке* [А. Н. Толстой. «Хождение по мукам», 1922] – теплый песок
6. *Да бери же ты, холера, горячо ведь держать* [самовар] [Борис Васильев. «Были и небыли», 1988] – горячий самовар
7. *Мостовая накалилась так, что по ней было горячо ходить* [Бранислав Нушич. «Избранное», 1956] – горячая мостовая
8. *На голом полу жестко спать* [Ф. М. Достоевский. «Идиот», 1869] – жесткий пол

9. *И пусть принесут варенья и одеяла, потому что мне жестко сидеть* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. «Попытка к бегству», 1962] – *жесткое сиденье*

Условно к этой группе примыкает предикатив *больно*, который, однако, стоит особняком. Причина боли не всегда известна, однако боль часто «актуализируется» при контакте, поэтому возможны конструкции *больно прикоснуться*, *больно наступать*, ср.:

10. *Наверное, много волос выдернулось с корнем, потому что даже сейчас до головы больно дотронуться* [Валентина Осеева. «Динка», 1959]

– хотя в другой ситуации такой же контакт боли не вызывает, в данной ситуации именно контакт причиняет боль.

Причина пространственных ощущений – одноименное свойство пространства: человеку *холодно* из-за холода; *жарко* из-за жары (если не считать случаев, когда у человека озноб или жар из-за болезни); *темно* из-за темноты.

Итак, у физиологических экспериенциальных реакций, несомненно, есть причина (источник, который воздействует на экспериенциальную сферу человека и порождает соответствующее состояние). Однако синтаксически (в виде придаточного Р или в виде инфинитива Р) причина у сензитивов не выражается, т.к. ее выражение было бы тавтологично и избыточно.

При этом к сензитивам, как правило, можно присоединить инфинитив. Этот инфинитив обозначает не стимул Р, а другую ситуацию, которая, разумеется, связана со стимулом Р.

1.2. Типы подчиненных инфинитивов

Инфинитив V. Инфинитив V является «проводником» воздействия стимула, обеспечивает доступ стимула, в результате чего возникает реакция.

В случае контактных предикативов инфинитив обозначает ситуацию, обеспечивающую контакт с источником воздействия: *Сладко есть ягоды* – когда X ест ягоды, он испытывает ощущение ‘сладко’; *Горячо лежать на песке* – когда X лежит на песке, он испытывает ощущение ‘горячо’.

Поскольку ситуация V обеспечивает воздействие стимула на Экспериенцера, она, так сказать, «склеивается» с причиной (стимулом) и воспринимается как часть **комплексной причины**: *Сладко есть ягоды*: ‘сладко, потому что ягоды сладкие и потому что X ест (сладкие) ягоды’; *Горячо лежать на песке* – ‘горячо, потому что песок горячий и потому что X лежит на горячем песке’.

В основе этой конструкции лежит имплицативная цепочка. Важна не сама по себе ситуация *лежать* (*стоять* на горячем песке тоже горячо), а то, что эта ситуация обеспечивает контакт с воздействующим фактором: ‘X лежит / стоит на горячем песке → поэтому имеет место контакт со стимулом → поэтому X

испытывает соответствующее ощущение’ (вообще говоря, это могла бы быть и ситуация перемещения: *горячо идти / бежать по раскаленному солнцем песку*).

Свойство пространства (холод, духота, темнота, шум) воздействует на экспериенцера, если он находится в этом пространстве. Поэтому ситуация V (канал воздействия стимула) – ‘X находится в пространстве (помещении) с данным признаком’:

Холодно стоять на улице – ‘холодно, потому что мороз и потому что X находится в холодном пространстве’ (не было бы V, не было бы и воздействия стимула).

Типичный зависимый инфинитив V у пространственных сензитивов – глаголы местонахождения (положения в пространстве) *стоять, сидеть, лежать, находиться*:

11. *Печь раскалялась быстро, уже и в гимнастерке становилось жарко сидеть, но он все так же не снимал шинели с плеч* [Г. Я. Бакланов. «Жизнь, подаренная дважды», 1999]

12. *Дул ветер и было холодно стоять* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. «Попытка к бегству», 1962]

Ср. также:

13. *Спать — жарко, сидеть — душно!* [Максим Горький. «Жизнь Матвея Кожемякина», 1910]

Как и в случае контактных сензитивов, эти положения важны не сами по себе, а как участники имплицативной цепочки, ср.:

14. *Холодно было стоять: в этой арке вечно сквозняк* [Владимир Железников. «Каждый мечтает о собаке», 1966]

– ‘в арке холодно’ → ‘X стоит (находится) в арке (в холодном пространстве)’ → ‘X-у холодно’. Верно и обратное: ‘X-у холодно’ → ‘в данном пространстве холодно’.

У глаголов положения пространственные координаты входят в семантику (хотя не обязательно выражаются синтаксически), поэтому импликация ‘X сидит / стоит / лежит’ → ‘X находится в месте /пространстве W’ вполне тривиальна. В силу этого конструкции типа *холодно стоять, жарко сидеть* и под. выглядят достаточно искусственно и избыточно: пары предложений *В арке холодно стоять* и *В арке холодно*; *У печки жарко сидеть* и *У печки жарко* передают приблизительно одинаковый смысл. Такие конструкции выглядят как контаминация (компрессия) двух сообщений: ‘X находится в пространстве W’ + ‘X-у холодно / жарко / душно’; они аналогичны так называемым ко-предикативам типа *пришел усталый*: ‘X пришел’ + ‘X усталый’.

Инфинитив R. Если инфинитив имеет не локативное, а другое значение, связь между состоянием экспериенцера и ситуацией зависимого инфинитива

может быть еще более сложная, а имплицативная цепочка более длинная, чем в случаях типа *В арке холодно стоять*.

Рассмотрим три основные группы предикативов:

- температура (*холодно, жарко, тепло, прохладно*), к этой группе примыкает предикатив *душно*, связанный с качеством воздушной среды;
- освещенность: *темно, светло*;
- шум: *шумно, тихо*.

Сразу заметим, что комфортные (*тепло, светло, тихо*) и дискомфортные (*холодно, темно, шумно*) для человека состояния среды ведут себя по-разному.

Температурные предикативы могут сочетаться не только с глаголами положения, но и с глаголами движения, а также с другими ситуациями.

Глаголы движения семантически ближе всего к глаголам положения, т.к. идея изменения положения в пространстве входит в семантику движения:

15. *Сквозь мелкие прозрачные облака проглядывало тихое солнце. Тепло было идти* [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

Проводником воздействия стимула (температуры) является не ситуация движения, а ситуация нахождения в пространстве, т.е. Х-у тепло не потому, что он идет, а потому, что светит солнце, и он находится в пространстве с данным свойством.

Ср. также:

16. *Пускаться в Степановку ранее первых чисел мая кажется невозможным: холодно будет ехать* [А. А. Фет. «Мои воспоминания», 1862–1889]

17. *Дождь усиливается; нет худа без добра, — по крайней мере, не жарко ехать* [Б. Л. Модзалевский. «Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году», 1908]

18. *Хороша зима: по улице жарко идти, солнце пропекает спину чуть не насквозь* [И. А. Гончаров. «Фрегат «Паллада», 1855]

Ср. также другие ситуации:

19. *Но в ногах правды нет, да и зябко осенью жевать пирожок на улице* [«Труд-7», 2001.09.10]

20. – *Жарко было играть в такую погоду? – Было настолько душно, что уже на пятой минуте я подумывал поменяться на Широкова* [«Советский спорт», 2008.06.24]

21. *Я пока себя чувствую ничего. Правда, холодно заниматься, особенно зябнут руки, но все же пока холода переношу довольно сносно* [Александр Гнедин. «Письма», (1939–1941)]

Ситуации *жевать, играть, заниматься* сами по себе не являются проводником воздействия фактора Р (обозначим так воздействующее свойство прос-

транства, т.е. стимул): X-у холодно / жарко не потому, что он жуёт / играет / занимается, а потому, что в пространстве W холодно / жарко'. При этом в тексте обычно есть указания на состояние пространства, ср.: *Зябко осенью жевать пирожок на улице*, в противном случае предложение звучало бы странно: *Зябко жевать пирожок*.

Казалось бы, на предикативы освещенности должна распространяться та же импlicative схема, что и на предикативы температуры: 'X находится (стоит / лежит) в темном / светлом пространстве → X-у темно / светло'. Однако предикативы освещенности не сочетаются с глаголами положения: **темно стоять*; **светло лежать*. Это означает, что возникает более сильная причинно-следственная связь между состоянием пространства и ситуацией, которую X реализует, – обозначим ее через R.

Предикативы освещенности сочетаются с названиями ситуаций, для которых релевантна освещенность, – в частности, с глаголами движения *ехать*, *идти*, *ходить*, но не только:

22. Мужики стали просить подождать до луны, иначе **темно ехать** [И. А. Гончаров. «Фрегат «Паллада», 1855]

23. Ранее звучали опасения, что в этих местах будет слишком **темно ездить** [на велосипеде] и не все москвичи захотят пользоваться рискованным маршрутом [«Известия», 2012.06.08]

24. – **Темно** яму *рыть*, да и боязно что-то... [Алексей Иванов. «Сердце Пармы», 2000]

Характерными контекстами для предикативов освещенности являются ситуации, в которых зрение играет принципиальную роль:

25. Мне **темно читать**, так посвети, пожалуйста... [«Коллекция анекдотов: ученые», 1970–2000]

26. Общество наше уподобляется человеку, ищущему утерянную монету под фонарем, где **светлее** и удобнее **искать** [«Огонек», 1989]

С предикатами группы *шумно / тихо* нам пока встретился только пример *шумно спать*, однако в принципе возможны и другие сочетания, ср. *шумно заниматься*.

Проводником воздействия в случаях типа *холодно заниматься*, *темно читать*, *шумно спать* по-прежнему является локализация X-а – то, что он находится в пространстве с признаком R (*холодно*, *темно*, *шумно*).

Ситуация R, которую реализует (или пытается реализовать) субъект (*ехать*, *читать*, *искать*), не является проводником воздействия стимула: X-у темно не потому, что он читает, а потому, что он находится в темном пространстве. Но поскольку, реализуя R, X находится в пространстве W, свойство пространства, воздействуя на состояние X-а, является (может стать) условием для реализации действия R – благоприятным или неблагоприятным. Таким образом, между

состоянием *темно* и ситуацией R возникает имплицативная связь: ‘X находится в темном пространстве’ → ‘X-у темно’ → ‘X-у невозможно (или трудно) читать’. В отличие от ситуаций типа *Холодно стоять в арке*, где *стоять* является, по существу, избыточным (ср.: *В арке холодно*), связь между *темно* и *читать* не механическая и не случайная.

Разумеется, в случае *Холодно стоять*... тоже может возникнуть аналогичная связь, если локализация трактуется как ситуация, которую реализует X (т.е. как R) и на реализацию которой влияют условия среды: *Было холодно стоять на остановке, решили пойти пешком*. Таким образом, инфинитив глаголов локализации может осмысляться и как инфинитив V (проводник воздействия стимула на экспериенцера) и как инфинитив R (ситуация, на реализацию которой влияет состояние субъекта, обусловленное, в свою очередь, свойством пространства).

1.3. Семантические сдвиги в конструкциях с сензитивами

Многозначность ‘состояние пространства’ vs. ‘состояние человека’. Для предикатива *холодно* в словарях (см., например, Словарь / Slovar 1981–1984) различаются два значения – состояние среды (‘О низкой температуре воздуха’), ср. *На улице холодно*, и состояние человека (‘Об ощущении холода, испытываемом кем-л.’), ср. *Детям холодно*. При этом для предикатива *темно* приводится только одно значение – состояние среды. Предикатив *темно* (*На улице / В комнате темно*) толкуется следующим образом: ‘Об отсутствии или недостатке света, освещения где-л.’ (Словарь / Slovar 1981–1984), т.е. речь идет о пространствах и помещениях. При этом в языке существует и конструкция с экспериенцером – *Мне темно*. Обычно в такой конструкции присутствует зависимый инфинитив: *Мне темно читать*. Но даже при отсутствии инфинитива (ср.: *Тебе не темно?*) подразумевается какая-то деятельность: ‘темно что-то делать’ (в скобках заметим, что разговорная модель с отрицанием распространяется только на дискомфортные состояния: *Тебе не темно?*; *Тебе не шумно?*; комфортные состояния в этой модели не участвуют: **Тебе не светло?*; **Тебе не тихо?*, см. Кустова / Kustova 2013). В таких конструкциях в результате семантического сдвига развивается экспериенциальное значение (которого нет в словарях!):

X-у темно читать = ‘X-у не видно или плохо видно [текст] из-за того, что нет или мало света [= темно]’

Ср. также примеры с предикативом *светло*:

27. *Но когда начался пожар, я подумала: теперь мне светло идти, теперь я не споткнусь* [Л. Н. Андреев. «Океан», 1911]

По существу, такие конструкции заменяют сочетания с перцептивными предикативами («не видно читать», «видно идти»), которые отсутствуют в русском языке.

Значение экспериенциального состояния человека (преимущественно – дискомфортного) развивается и у других предикативов, которые в исходном значении описывают состояние среды (пространства):

28. *Папа жаловался, что ему шумно спать в зале, попросил меня помочь построить ему стену с дверью* [Тимур Векслер. «Альвитания», 2021]

Предложения типа **Мне слякотно / дождливо гулять* нам пока не встретились. Однако было бы преждевременно делать вывод, что такие конструкции невозможны. Скорее они пока не освоены языком, в отличие от конструкций *темно читать, светло искать, шумно спать*. Интересно, что нетипичные для литературного языка конструкции встречаются в фольклоре, т.е. они семантически не запрещены:

29. *Он и думает, князь Голицын: // «Где пройти лучше, проехать? // Дорогою ехать пыльно, а лесом ехать тёмно»* [«Памятники русского фольклора. Исторические песни восемнадцатого века», 1971]

Другие варианты этой конструкции: *Лесом ехать грязно, Мне лужками, князю, ехать тонко* [Там же].

Модальные (квазиимплицативные) значения сензитивов в инфинитивных конструкциях. Еще один важный тип семантического сдвига, который происходит в инфинитивных конструкциях с предикативами отрицательного (дискомфортного) состояния, – развитие модальных значений.

Противоположные характеристики пространства, ср. *холодно-тепло* или *светло-темно*, симметричны и нейтральны (безоценочны). Противоположные состояния человека (сензитивы), напротив, несимметричны и включают в свою семантику оценку (ср. Кустова / Kustova 2013). Одни состояния человек ощущает как комфортные («положительные») и желательные: *X-у тепло / просторно / тихо*; другие являются для человека дискомфортными («отрицательными»), нежелательными, а иногда и опасными: *X-у холодно / жарко / душно / тесно / шумно* (характеристика *темно* оценивается по-разному в зависимости от того, собирается ли человек действовать или спать).

В некоторых случаях инфинитивная конструкция с сензитивом – это просто сообщение о комфортном или некомфортном состоянии:

30. *Она, не переставая, чувствовала, как ее телу тепло и легко лежать на песке* [А. Н. Толстой. «Хожение по мукам», 1922] – ‘приятно лежать’

31. *В этом зале шумно заниматься* – ‘неприятно, некомфортно’

Однако для реализации любой ситуации нужны определенные условия. Благоприятное состояние окружающей среды является не только условием комфортного состояния экспериенцера, но и может выступать, как уже упоминалось выше, в качестве благоприятного условия для реализации ситуации R:

32. *И чтоб светлей стало **искать**, смахнул со стола книгу, загораживающую ночник* [В. Ф. Панова. «Который час? Сон в зимнюю ночь», 1941–1963]

Неблагоприятное состояние среды и дискомфортное состояние человека, напротив, может стать помехой для реализации ситуации R, причиной того, что ситуацию, обозначенную инфинитивом, трудно или невозможно выполнять.

При этом вопрос о том, что именно является причиной затруднений, помехой, во многом схоластический – состояние среды и состояние человека как бы «склеиваются» и выступают как единая причина (помеха), поэтому предложения *Здесь холодно заниматься* и *Мне холодно заниматься* выражают приблизительно одно и то же: ‘холод является препятствием, помехой для реализации ситуации R’ (далее мы будем рассматривать такие конструкции как синонимичные). Такая синонимия базируется на том, что подобные конструкции имеют «симметричные» импликации: *Здесь холодно заниматься* → ‘мне холодно’; *Мне холодно заниматься* → ‘здесь холодно’.

Поскольку сензитивы отрицательной оценки в контексте инфинитива R обозначают помеху для деятельности, обозначенной инфинитивом, в таких конструкциях происходит семантический сдвиг и развиваются модальные значения – ‘трудно / нежелательно / невозможно реализовывать ситуацию, обозначенную инфинитивом R’: ‘в пространстве (в помещении) жарко / холодно / душно / темно / шумно’ → ‘человеку жарко / холодно / душно / темно (‘не видно’) / шумно’ → ‘это затрудняет выполнение R или делает его невозможным’.

Благодаря такому семантическому сдвигу инфинитивные конструкции с сензитивами дискомфорта могут употребляться как квазисинонимы отрицательных импликативов.

Отрицательные импликативы (Karttunen 1973) обозначают условие, которое помешало реализации ситуации: *Забыл позвонить* → ‘не позвонил’; *Побоялся входить* → ‘не вошел’.

Аналогично:

33. *Летом **душно ездить** в транспорте, поэтому он ходит на работу пешком* – ‘не ездит, потому что душно’

34. – *Что ты замолчал?* – *Уже **темно читать*** – ‘не читает, потому что темно’

Такие конструкции, конечно, не являются полноценными импликативами, скорее их можно назвать квазиимпликативными, так как нереализация ситуации R является лишь вероятным следствием неблагоприятных условий и дискомфортного состояния. Тем не менее инфинитивная конструкция часто используется для обоснования (объяснения) того, почему ситуация R не реализуется.

Здесь происходит своего рода конверсия семантической структуры. Исходно внешняя причина-стимул (холод, темнота, духота и т.п.) вызывает экспери-

енциальную реакцию X-у *холодно / темно / душно* и под., но это состояние, в свою очередь, может стать помехой для R и причиной отказа от реализации R.

Похожий эффект возникает и с эмоциональными предикативами: *противно смотреть* – ‘старается не смотреть’; *страшно входить* – ‘не хочет входить и, возможно, не войдет’.

2. Эмоции

2.1. Семантическая структура эмоций

Эмоции аналогичны сензитивам в том отношении, что они тоже являются реакциями на воздействие внешней ситуации. Одним из подтверждений когнитивной связи физиологических и эмоциональных реакций является то, что многие сензитивы (*горько, сладко, больно, тяжело*) развивают эмоциональные значения:

35. Но как же **горько хоронить мечты** И ощущать стремительность падения [Борис Левин. «Блуждающие огни», 1995]

36. Как **сладко читать** эти строки, Читая, молиться в тиши, И плакать, и черпать уроки Из них для ума и души! [И. Никитин. «Новый завет», 1853]

37. Ему [Я. Хелемскому] было **больно наблюдать** засорение, уродование языка в окружающей турбулентной реальности [«Вестник США», 2003.10.01]

38. Спустя почти полвека мне **тяжело вспоминать** об этом [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // «Октябрь», 1998]

При этом механизмы воздействия внешних факторов и ситуаций на физиологическую и на эмоциональную сферу человека существенно отличаются.

Физический фактор действует непосредственно, и человек находится с ним в прямом контакте либо в пространстве с соответствующим признаком. И тем не менее даже от воздействия такого фактора (холода, жары, духоты и т.п.) можно отвлечься (хотя бы на какое-то время).

В случае эмоциональной реакции ситуация-стимул Р может находиться в поле восприятия экспериенцера, а может быть «отделена» от него во времени и пространстве: экспериенцер

– либо непосредственно воспринимает Р:

39. До сих пор мне и **сладко и грустно смотреть** на огромное полукруглое окно на втором этаже, когда я проезжаю мимо [В. Д. Пришвина. «Невидимый град», 1962]

= ‘когда X смотрит на Y, X испытывает грусть (Y вызывает грусть у X-а)’

– либо узнает о Р из сообщения:

40. **Обидно было узнать**, что заплombированные вагоны с ценным грузом оказались загнанными на запасные пути в Ростове-на-Дону, а их так ждали в Восточной Пруссии [А. А. Игнатъев. «Пятьдесят лет в строю», 1947–1953]

= ‘обидно, что вагоны не дошли’ (≠ ‘обидно, что узнал’)

41. **Больно слышать**, что в наше время немало детей, лишенных материнского тепла и заботы [«Работница», 1988]

= ‘больно, что много детей лишены материнской заботы’

– либо актуализирует ситуацию Р в своем сознании (думает, вспоминает о Р):

42. **Грустно думать**, что никогда не увижу Копелева [Давид Самойлов. «Памятные записки», 1971–1990]

= ‘грустно, что не увижу Копелева (Р)’

Но даже если ситуация находится в поле восприятия человека, она не обязательно вызывает эмоцию. Эмоциональные реакции, в отличие от физиологических, не являются результатом непосредственного воздействия стимула Р и включают ряд промежуточных информационных событий (условий). Механизм возникновения эмоции отражается в сложной семантической структуре эмоциональных предикатов, которую можно представить следующей декомпозицией (Падучева / Paducheva 2004: 278):

(1) Имела место ситуация Р

(2) Х **воспринял** Р / **узнал**, что Р

(3) Х **оценил** Р как хорошее / плохое событие

(4) Х переживает (находится в положительном или отрицательном психологическом состоянии)

Если экспериенцер не получил информации о Р (или не актуализировал в своем сознании информационный образ Р), эмоции не возникает. Однако знание о ситуации Р (или восприятие Р) само по себе не ведет к возникновению переживания. Более того, для возникновения эмоции недостаточно и оценки Р. Из предложений вида *Плохо, что он отказался* / *Хорошо, что он согласился* не следует, что субъект оценки испытывает эмоцию.

Для возникновения эмоции нужна еще эмоциональная вовлеченность, личная заинтересованность: *Печально* / *Обидно, что он отказался нам помочь*.

Таким образом, эмоция предполагает импlicative цепочку предшествующих информационных ситуаций-переходов (‘узнал’; ‘оценил’) от стимула Р до собственно эмоционального переживания. Некоторые из этих ситуаций могут быть вербализованы и концептуализованы в виде зависимого инфинитива при предикативе, поэтому в инфинитивной конструкции с эмоциональными предикативами встречаются несколько разных типов инфинитивов, которые мы обозначим через Р, V и Т.

2.2. Типы подчиненных инфинитивов

Инфинитив Р. Инфинитив Р выражает валентность стимула-содержания Р (Р = ситуация, которая является причиной возникновения эмоции). Теоретически валентность Р имеет альтернативный способ выражения с помощью зависимой клаузы:

43. *Понимаешь, очень обидно прозевать вспышку. Ведь сверхновая...* [Евгений Велтистов. «Победитель невозможного», 1975] $\approx$ *Обидно, что прозевал вспышку*

44. *Грустно терять друзей, с которыми столько пережито* [В. Крашенинников. Мальтийский крест // «Вокруг света», 1994] $\approx$ *Грустно, что теряешь / потерял друзей*

45. *Приятно было получить золотую медаль* [«Сибирские огни», 2013] $\approx$ *Приятно, что получил медаль.*

Однако практически такая замена далеко не всегда возможна (мы не можем подробно обсуждать, что является препятствием для замены подчиненного инфинитива на клаузу).

Вообще, эмоциональный предикатив с зависимой клаузой – это скорее оценка, не случайно в литературе используется термин «эмоциональная оценка» (Сердобольская, Толдова / Serdobolskaya, Toldova 2014). Высказывания типа *Грустно, что мы расстаемся* имплицитно оценивают *Плохо, что мы расстаемся*, но, так сказать, не обязывают субъекта испытывать эмоцию. Скорее это импликация: ‘если бы Х переживал по поводу Р, это была бы грусть’. Аналогично: *Приятно, что мы встретились* $\approx$ *Хорошо, что мы встретились*. Конструкции с зависимыми клаузами – это экспликация, акцентирование оценочной составляющей эмоции, но, разумеется, это более сложная, более дифференцированная оценка, чем просто ‘хорошо / плохо, что Р’.

В инфинитивной конструкции переживание, вообще говоря, тоже «не гарантируется». Поскольку инфинитив имеет неассертивный статус (ср. Падучева / Paducheva 1985), «доля эмоциональности» может зависеть, в частности, от того, является ли высказывание генерическим, обобщенным (*Грустно покидать родные места*) или сделано по поводу конкретной ситуации (*Мне было грустно покидать родные места*). Т.е. в каких-то случаях инфинитив задает некоторый интервал, на котором имеет место эмоциональное состояние экспериментера.

С другой стороны, надо иметь в виду, что в русском языке существует множество речевых формул (штампов), которые не предполагают эмоционального переживания: *приятно слышать; приятно познакомиться; страшно смотреть; страшно сказать; страшно вспомнить; страшно подумать, противно смотреть*. Некоторые из этих формул получают статус вводных оборотов:

46. *А ведь в 1989-м, **страшно вспомнить**, завод наш хотели закрывать* [«Огонек», № 16, 1991]

47. *О, как прав был Хуренито, доказывая мне, что ничего нет, что нет даже, **страшно вымолвить**, человека!* [И. Г. Эренбург. «Необычайные похождения Хулио Хуренито», 1921]

48. *Я, правда, не знаю, что мы будем делать с этим товаром, даже если, **страшно подумать**, купим его* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. «Посмотри в глаза чудовищ», 1996]

49. *Тупицы частенько встречаются среди кандидатов наук. И среди докторов. И, **страшно сказать**, даже академиков* [«Женщина + мужчина: Брак» (форум), 2004]

Инфинитив Т («трансфер»). В имплицативную цепочку, связывающую экспериенцера с ситуацией-стимулом Р, могут входить ситуации, которые «приближают» экспериенцера к источнику воздействия Р, являются промежуточными звеньями между Р и реакцией экспериенцера. Они тоже могут выражаться зависимым инфинитивом, который мы обозначим через Т («трансфер»):

50. *Ему **страшно взять** в руки её последнее письмо* [Василий Гроссман. «Жизнь и судьба», 1960]

– речь идет о письме погибшей матери к сыну, и сына, разумеется, не пугает ситуация «взять в руки письмо», эмоция связана с содержанием письма и с тем, что его автор погиб.

51. *Ей будет грустно прилетать туда, где ее никто не ждет* [«Трамвай», 1990]

≠ ‘грустно, что прилетела’; = ‘грустно, что никто не ждет’

52. *Далеко не каждый год так приятно подводить итоги, как теперь* [«Русский репортер», 2014]

– приятно подводить итоги, потому что получены хорошие результаты.

53. *У меня остался такой отвратительный осадок от неудачи в Дворянском собрании 6-го марта, что мне было просто **противно входить** в это здание* [Е. Я. Кизеветтер. «Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников)», 1905–1907]

– неприятное чувство вызывает не сама по себе ситуация «войти в здание», а воспоминание о неудаче. Однако наличие такого воспоминания приводит к тому, что и другие ситуации (в частности – «войти в здание»), которые ассоциируются с источником отрицательной эмоции, также вызывают отрицательную эмоцию и становятся как бы частью комплексной причины, как в случаях типа *Горько пить лекарство, Холодно стоять на ветру*, описанных выше.

Строго говоря, в сфере действия эмоционального предикатива находится не только инфинитив, а целая синтаксическая (и соответствующая семантическая) структура:

54. – *Ах, мои милые, – сказал он, взяв нас за руки, – как мне **грустно встретиться с вами по такому неприятному случаю**. Но думайте сколько хотите, – продолжал он, – вы никак не догадаетесь, почему государь недоволен вами. С этими словами он открыл восьмой номер «Сына отечества» и указал на два места, отмеченные карандашом* [А. В. Никитенко. «Дневник», 1842]

≠ ‘грустно, что встретились’; = ‘грустно, что встреча связана с неприятным случаем’, еще точнее – ‘грустно, что произошел этот неприятный случай’.

Таким образом, чтобы возникла эмоция, человеку не обязательно нужен контакт с ситуацией-стимулом Р, достаточно актуализировать в своем сознании образ этой ситуации, достаточно, что человек думает, вспоминает эту ситуацию. Благодаря этому множество других ситуаций, ассоциированных с Р, могут занять позицию подчиненного инфинитива.

Причиной («возбудителем») эмоции является информационный коррелят ситуации Р, который находится в сознании экспериенцера. И объем ситуации Р не всегда ясен даже самому экспериенцеру: есть множество разных деталей, которые имеют отношение к эмоции, но не отражаются в предложении.

Инфинитив V. Наконец, в имплицативную цепочку, связывающую Экспериенцера с ситуацией-стимулом Р, входит информационный канал V. Именно V является наиболее частотным типом инфинитива при эмоциональных предикативах.

Как уже было сказано выше, эмоция, в отличие от физиологической реакции, не требует непосредственного контакта со стимулом. Экспериенцер сам обеспечивает «доступ» стимула к своему внутреннему миру, актуализируя в памяти, в сознании ситуацию Р. На экспериенцера может воздействовать не сама ситуация, а мысль о ней, ее информационный образ, информационный коррелят.

Инфинитив V, обозначающий канал поступления информации о Р, не является семантической валентностью предикатива. В некоторых случаях V можно рассматривать как результат своего рода экскорпорации, экстериоризации компонента (2) из приведенной выше декомпозиции эмоционального предиката, однако в этой позиции употребляются и другие глаголы (ср. *вспомнить*):

55. ***Грустно** было **видеть**, как императрица изменилась; худоба чрезвычайная, старческое лицо* [Д. А. Милютин. «Дневник», 1878]

≠ ‘грустно, что вижу’

= ‘грустно, что императрица изменилась, что она плохо выглядит’

56. *Довольно **грустно узнать**, что тебя заранее решили принести в жертву, чтобы спасти других* [Эмма Герштейн. «Вблизи поэта», 1985–1999]

≠ 'грустно, что узнала'

= 'грустно, что решили принести в жертву'

57. И взводному сделалось **стыдно вспомнить**, как заключенный просил у него воды, а он не ответил по-человечески и в издевку сказал про песок [Олег Павлов. «Степная книга», 1990–1998]

≠ 'стыдно, что вспомнил';

= 'стыдно, что не ответил, когда заключенный просил воды'

При этом исходно перцептивные глаголы *видеть*, *слышать*, *ощущать*, *чувствовать* часто употребляются в ментальном значении 'понимать', 'сознавать', 'осознавать':

58. Мне **грустно видеть**, что так много хороших мыслей, вспыхнув, исчезают, как искры в ночной тьме, не освещая людям дороги! [Максим Горький. «Дети солнца (сцены)», 1905]

59. **Грустно ощущать** свое полное бессилие принести близкому страждущему человеку существенное утешение [П. И. Чайковский. «Письма Н. Ф. фон-Мекк», 1878]

В качестве V выступают глаголы с информационной (в широком смысле) семантикой – перцептивные и ментальные: [*грустно, горько, стыдно, обидно, приятно*] *видеть* / *вспоминать* / *глядеть* / *говорить* / *думать* / *знать* / *наблюдать* / *описывать* / *осознавать* / *ощущать* / *перечитывать* / *писать* / *подумать* / *почувствовать* / *представлять* / *признавать* / *признаться* / *произносить* / *рассказывать* / *сказать* / *следить* / *слушать* / *слышать* / *смотреть* / *сознавать* / *сознаться* / *сообщать* / *толковать* / *узнать* / *читать* / *чувствовать* Р.

У механизмов возникновения физиологических и эмоциональных реакций есть не только отличия, но и существенное сходство.

Соотношение предикатива и инфинитива V аналогично их соотношению в группе ощущений. Для сензитивов «проводником» V воздействия стимула была ситуация контакта с предметом (*Горячо **держат** кружку*) или нахождение в определенном пространстве (*Холодно **стоять** на улице*). В случае эмоций, как и в случае сензитивов, ситуация V тоже обеспечивает контакт стимула Р и экспериенцера. Поскольку для эмоций V – это канал поступления / актуализации информации о Р в сознании субъекта Х («проводник» информации), он тем самым является и «проводником» воздействия стимула на экспериенцера (поскольку Р – не физический фактор, и экспериенцер переживает только тогда, когда думает о Р).

Таким образом, ситуация V – это временной интервал, на котором имеет место реальное эмоциональное переживание (*грустно смотреть* – Х испытывает грусть, когда смотрит; *горько думать* = Х ощущает горечь, когда думает о Р).

Итак, зависимый от эмоционального предикатива инфинитив часто (и даже как правило) обозначает не саму ситуацию Р (стимул), а тот интервал (V или T), на котором экспериенцер испытывает эмоцию.

2.3. Семантические процессы в инфинитивных конструкциях с эмоциями

В инфинитивных конструкциях с эмоциями, как и в конструкциях с сензитивами, происходят различные семантические процессы, которые затрагивают как инфинитив, так и конструкцию в целом.

Комплексная причина («склеивание»). В конструкциях с предикативами эмоций наблюдается явление, которое мы выше назвали комплексной причиной. У контактных сензитивов подчиненный инфинитив V, будучи имплицитивно («метонимически») связан с источником воздействия (стимулом), становится частью своего рода комплексной причины: *Холодно стоять на морозе* – ‘холодно, потому что мороз и потому что X стоит на морозе’. Аналогично: поскольку эмоциональное переживание связано с актуализацией ситуации Р в сознании экспериенцера, то и сам канал актуализации V «склеивается» с источником воздействия – стимулом – и становится частью комплексной причины переживания:

60. *С докладом о свечении я выступала на всесоюзной конференции: работой заинтересовались крупные ученые, и горько было думать, что я не оправдала их ожиданий* [В. А. Каверин. «Открытая книга», 1949–1956] – X-у горько (он испытывает неприятное чувство) из-за того, что Р (= ‘X не оправдал ожиданий’), но и сами размышления об этом сопровождаются горьким чувством, т.е. временной интервал ситуации V является интервалом переживания: когда X думает о Р, он испытывает горечь.

При этом важно подчеркнуть, что инфинитив V (ситуация актуализации) может «склеиваться» с причиной, но не с содержанием: ‘X-у горько, что Р’ и ‘X-у горько, когда он думает о Р’, но не ‘X-у горько, что он думает [о чем-то]’. В содержание входит только Р. Ср. также:

61. *Но обидно сознавать, что сверхмощная гидростанция на Вилуе с высоченной плотинной не так уж и была нужна* [Д. И. Саврасов. «Загубленная долина», 2003–2008]

= ‘обидно, что Р (обидно, что гидростанция не нужна)’

≠ ‘обидно, что я это осознал (понял, что Р)’

Т.е. экспериенцеру обидно, что усилия были потрачены напрасно, а не то, что он это понимает, осознает (совершенно другая ситуация с предикативами интерпретации, ср.: *Некрасиво думать, что твой друг – предатель* – здесь осуждается именно то, что человек так думает, см. ниже).

То, что инфинитив V (*думать, видеть, слышать, сознавать* и т.д.) может «склеиваться» с причиной, но не входит в содержание эмоции, лишний раз доказывает, что пропозициональная валентность эмоциональных предикатов имеет сдвоенную семантическую роль «стимул-содержание».

Нейтрализация активного и пассивного восприятия. В сфере действия предикативов эмоций нейтрализуются различия между глаголами активного и пассивного восприятия, т.е. они становятся взаимозаменяемыми:

62. Было **обидно слушать** незаслуженный упрек [Герман Матвеев. «Зеленые цепочки», 1945] ≈ ‘обидно слышать’

63. Мне очень **обидно слышать** эти рассказы, грязные и, наверное, лживые [Максим Горький. «В людях», 1915–1916] ≈ ‘обидно слушать’

64. Мне так **обидно видеть**, как он разменивается на мелочи... [А. Д. Шмеман. «Дневники», 1973–1983] ≈ ‘обидно смотреть’

65. **Обидно смотреть**, как перекупщики рвут непроданные билеты после начала спектакля [«Известия», 2001.12] ≈ ‘обидно видеть’

Этот эффект базируется на имплицативных (метонимических) связях: если человек *смотрит*, это еще не означает, что он *видит*; но если он *смотрит* и испытывает эмоцию, это имплицитно *видит* (т.е. сдвиг происходит в сторону пассивного восприятия: *смотреть* → *видеть*, *слушать* → *слышать*).

Глаголы речи. Особую проблему составляют инфинитивы глаголов речи. С одной стороны, это информационные глаголы, в каком-то смысле аналогичные перцептивным и ментальным; с другой стороны, речь – это особого рода действие, которое имеет социальное, этическое измерение и может рассматриваться как поступок. Примеры показывают, что разные группы глаголов речи ведут себя по-разному в контексте эмоций.

Глаголы передачи информации о событии Р – *говорить*, *сообщать*, и особенно *признаться*, *сознаться* – ведут себя как инфинитив V:

66. Он спас мне жизнь, и мне **горько признаться**, что я не запомнил его имени [И. Г. Эренбург. «Люди, годы, жизнь», 1960–1965]

≠ ‘X-у горько, что он признался (V)’

= ‘X-у горько, что он не запомнил имени Y-а (P)’

Признание в Р вызывает у X-а горькое чувство точно так же, как горькое чувство вызывали бы мысли о Р (*горько думать*, *вспоминать* и т.д.).

Инфинитивы глаголов побуждения являются валентностью Р:

67. Мне как-то **стыдно просить** вас, чтобы вы помогли мне издать маленькую, в одну тетрадь, автобиографическую повесть под заглавием «Последняя исповедь» [В. Лихоносов. «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», 1983]

= ‘X-у стыдно, что он просит о помощи’

Здесь глагол речи обозначает действие и аналогичен не-речевым глаголам, ср. *Было стыдно брать чужое* – ‘X-у было стыдно, что он взял чужое (P)’.

3. Интерпретации

3.1. Интерпретация как внешняя оценка

Поскольку эмоции включают в свою семантику оценку, они часто используются не для обозначения собственно переживания, а для обозначения оценки, отношения к ситуации Р. Поэтому в литературе, как уже упоминалось выше, их называют также эмоциональными оценками (см. Сердобольская, Толдова / Serdobolskaya, Toldova 2014). Этот термин удобен для сопоставления эмоций с другими типами оценок, в частности – с интерпретациями. Интерпретации удобно сравнивать с эмоциями (эмоциональными оценками) еще и потому, что и те и другие могут синтаксически выражать ситуацию Р (в отличие от сензитивов, которые присоединяют только инфинитивы V или R).

Интерпретации имеют целый ряд отличий от других типов оценок. Соответственно, инфинитивные конструкции с предикативами интерпретации по целому ряду существенных параметров отличаются от инфинитивных конструкций с другими классами предикативов.

В отличие от эмоциональных, ментальных, универсальных оценок, которые могут относиться к любым ситуациям, в том числе – с неодушевленными участниками, интерпретации, как уже было сказано в главе 2 («Семантические классы предикатов состояния...»), относятся только к ситуациям с личным субъектом, более того – только к контролируемым ситуациям, а именно – к поведению и поступкам человека, за которые он несет ответственность.

Эмоциональные оценки (*Печально, что он не пришел*), а также ментальные оценки типа *странно* (ср.: *Странно, что он не пришел*) можно назвать **внутренними**, поскольку они формируются во внутреннем мире субъекта Х.

В инфинитивной конструкции с эмоциональным предикативом оба компонента – предикатив и инфинитив – относятся к одному и тому же субъекту:

68. *Ему горько вспоминать те страшные годы. После войны он весь ушел в науку* [«Огонек», № 1, 1970] = 'Х вспоминает, Х-у горько'

Они аналогичны глагольным конструкциям с так называемым субъектным инфинитивом (с модальными и имплицативными глаголами): *Х хочет / намеревается / планирует поехать на экскурсию* = 'Х хочет / намеревается / планирует, Х поедет'; *Х-у удалось съездить на экскурсию* = 'Х-у удалось, Х съездил'.

Интерпретация – это оценка, которая делается «со стороны», другим субъектом (либо сам субъект ситуации Р смотрит на себя и свой поступок как бы глазами других людей и тем самым «раздваивается», выполняет две разные роли – «судьи» и «подсудимого»). В силу этого интерпретации можно назвать **внешними оценками**, поскольку ситуация Р реализуется Х-ом, а оценка принадлежит Y-у:

69. *Некрасиво подслушивать*, – быстро отвечает Майка [Л. Г. Матвеева. «Продлёнка», 1987]

70. *Ведь ты знаешь, что неприлично шептаться в обществе* [«Коллекция анекдотов: дети», 1970–2000]

– X подслушивает / шепчется в обществе, Y оценивает поведение X-а как неприличное, предосудительное, некрасивое; ср. также: *Неэтично принимать подарки от подчиненных; Безответственно / безнравственно требовать от других того, чего ты не можешь сделать сам.*

Аналогами таких конструкций являются глагольные конструкции с так называемым объектным инфинитивом: *Командир приказал солдатам строиться* = ‘Y приказал, X строится’.

В случае эмоционального переживания субъект не может не знать о своем состоянии: *Горько читать такие письма* – X не может не знать, что ему горько. В случае интерпретации: *Неблагодарно / нечестно / некрасиво выдавать чужие тайны* – субъект X может не знать, как его действие оценивают другие люди (т.е. может даже не подозревать, что он поступил неблагодарно, нечестно, некрасиво и т.д.) или может не соглашаться с оценкой других людей.

Кроме семантических у интерпретаций есть важные формальные отличия от эмоций, связанные с тем, что грамматические возможности предикативов интерпретации ограничены.

Во-первых, у эмоций субъект-экспериментер выражается стандартным способом – дативом (*Мне неприятно это говорить*) или предложной группой для Род. (*Для меня неприятно видеть напряжение, с которым она поет* [Н. М. Карамзин. «Письма русского путешественника», 1793]). У интерпретаций, как уже было сказано, два разных субъекта, и ни один из них не выражается стандартным для предикатива дательным падежом. Субъект X действия Р выражается оборотами *со стороны X-а, с его стороны*:

71. *Бесчеловечно с ее стороны так мучить его ревностью* [Д. Марголин. «Спутник меломана. Собрание оперных либретто», 1908]

72. *С его стороны будет нечестно не помочь другу обустроиться на воле* [«Криминальная хроника», 24.06.2003]

Субъект оценки Y, как правило, не выражается, т.к. оценка делается как бы от имени общества, всех людей. Если ее все-таки нужно авторизовать, используются вводные конструкции:

73. *Представьте, или бы вы через мост и спасли тонувшего ребенка, а потом потребовали бы вознаграждение. Ну разве это не странно? По-моему, неэтично что-то просить в ответ* [«Коммерсант», 2003.03]

(Впрочем, если лексема имеет, кроме интерпретационного, и другое значение – например, эмоции или ментальной оценки, см. ниже, – она может сохранять свойства «нормального» предикатива и присоединять дательный субъекта и в

интерпретационном значении, ср. *Уж тебе-то вообще странно не понимать* [Влада Валеева. «Скорая помощь», 2002] = ‘с твоей стороны странно не понимать, ты странно себя ведешь’; дативом обозначается субъект X действия Р).

Во-вторых, интерпретации не могут выражать валентность содержания Р зависимой клаузой: **Бесчеловечно, что она мучит его ревностью, *Нечестно, что он не помогает другу*. Постепенно предикативы интерпретации, вероятно, разовьют свойства «нормальных» предикативов, но пока для них возможна только инфинитивная конструкция.

Как было показано в главе 2 («Семантические классы предикатов состояния...»), кроме этических оценок в группе интерпретаций довольно много оценок рациональности-нерациональности поведения (*абсурдно, глупо, (не)грамотно, (не)дальновидно, (не)конструктивно, наивно, (не)обоснованно, (не)осмотрительно, (не)осторожно* и т.п.). Оценки рациональности по семантике близки к ментальным оценкам типа *странно, удивительно*. Однако, в отличие от ментальных оценок, которые могут выражать субъекта дативом или предложной группой для Род. и присоединять зависимую клаузу Р, ср. *Мне странно, что его до сих пор нет*, оценки рациональности присоединяют только инфинитив и нестандартно выражают субъекта: *С его стороны было (не)разумно / (не)предусмотрительно / (не)дальновидно оставлять машину перед офисом*. Тем самым по формальным признакам оценки рациональности входят в группу интерпретаций. Впрочем, и с семантической точки зрения они относятся к интерпретациям, т.к. выражают внешнюю оценку, формулируемую другим субъектом (Y-ом), отличным от субъекта X действия Р.

Ограниченность грамматических возможностей предикативов интерпретации связана, по-видимому, с тем, что это относительно новый класс (Кустова / Kustova 2021). Хотя некоторые инфинитивные конструкции с интерпретациями, как показывают данные Национального корпуса русского языка, встречались уже в текстах XVIII и XIX веков (*Бесчеловечно убивать подобное себе существо* [О. И. Сенковский. «Что такое люди!», 1832]; *Неразумно сожалеть о том, чего мы не имеем* [М. Д. Чулков. «Пересмешник, или Славенские сказки», 1766–1768]; *Неосмотрительно портить здоровье, Николай Сергеич...* [К. М. Станюкович. «Жрецы», 1897]), во второй половине XX и начале XXI веков количество употреблений инфинитивных конструкций с интерпретациями существенно увеличилось, а главное – в них начали «втягиваться» новые предикативы, которые раньше в таких конструкциях не употреблялись (*Необдуманно было брать на себя такие обязательства; Неграмотно было подключать прибор к сети без проверки*).

Зависимый от интерпретации инфинитив – это инфинитив Р, т.е. валентность содержания: ситуация, которая оценивается. Однако объем того, что оценивается (объем содержания), т.е. сфера действия предикатива интерпретации (о сфере действия см. Богуславский / Boguslavskij 1996), обычно не ограничи-

вается инфинитивом Р, а включает более сложную семантическую структуру, связанную с инфинитивом Р, и часто еще и имплицативные связи (с этим мы уже сталкивались, анализируя материал эмоций):

74. *Абсурдно искать лекарство от всех болезней* [«Семейный доктор», 2002]

Абсурдным, т.е. неадекватным, бессмысленным, нецелесообразным является не поиск лекарства (поиск лекарства, напротив, является необходимым, полезным и целесообразным), а поиск ‘лекарства, которое вылечит все болезни’. В сферу действия интерпретации входит не просто инфинитив *искать*, а семантическая структура ‘искать лекарство от всех болезней’. Далее мы не будем каждый раз делать оговорки по поводу семантической сферы действия предикатива интерпретации, но будем иметь в виду, что, как правило, в эту сферу действия входит не только инфинитив.

3.2. Семантические процессы в инфинитивных конструкциях с интерпретациями

Как было показано выше, в контексте эмоций информационные глаголы (*видеть*, *слышать*, *думать*, *вспоминать* и под.) обозначали не содержание (стимул) Р, а ситуацию V (канал поступления / актуализации информации о стимуле Р, канал связи экспериенцера со стимулом Р).

В контексте интерпретаций все инфинитивы выражают валентность содержания Р. При этом, как уже отмечалось, содержанием интерпретационной оценки должны быть контролируемые ситуации, за которые субъект Х несет ответственность. В связи с этим интересно посмотреть, как ведут себя в контексте интерпретаций разные группы информационных глаголов, которые играли столь важную роль в конструкциях с предикативами эмоций.

Перцептивные глаголы в контексте интерпретаций. В контексте эмоциональных предикативов происходила нейтрализация активного и пассивного восприятия «в сторону» пассивного:

75. *В Экспедиции настроение растерянное; горько смотреть, как вместе с дурным рушится хорошее* [С. И. Иловайская. «Отрывки из дневника», 1917] → *Горько видеть, как вместе с дурным рушится хорошее* → *Горько, что вместе с дурным рушится хорошее*

Поскольку интерпретации относятся к ситуациям, за которые Х несет ответственность, это не могут быть неконтролируемые ситуации типа *уронил*, *поскользнулся*, *перепутал* и под. К неконтролируемым относятся и ситуации (глаголы) пассивного восприятия *видеть*, *слышать*, *ощущать*, которые, следовательно, запрещены в контексте интерпретаций. И действительно, предложения с такими сочетаниями являются неправильными:

76. *Ведь насколько дико, **бестактно**, вопиюще **нелепо слышать** от го-ре-родственников вопрос к карапузу: «Кого ты больше любишь, Сашенька, маму или папу?» [Зачеренский. «Цивилизация номер восемьдесят пять с половиной», 2022]

Употребляя неправильное сочетание **бестактно / нелепо слышать*, говорящий подразумевает сочетание с глаголом контролируемой ситуации, например: *бестактно / нелепо спрашивать* (сама по себе такая подмена происходит на базе имплицативных отношений, о которых шла речь выше: ‘X спрашивает → Y слышит’).

Глаголы активного, т.е. контролируемого восприятия употребляются в контексте интерпретаций, но осмысляются не как канал V поступления информации о Р (что было в случае эмоций), а по общему правилу – как сам поступок (оцениваемая ситуация) Р:

77. **Неприлично было слушать** чужой разговор, но ученые чуть ли не кричали друг на друга, не делая из беседы никакой тайны [Владимир Орлов. «Альтист Данилов», 1980]

Во-первых, в сферу действия предикатива интерпретации, как и во многих других случаях, входит не изолированный инфинитив *слушать*, а вся ситуация ‘слушать чужой разговор’; во-вторых, *слушать* здесь употребляется не столько в значении ‘воспринимать слухом’, сколько в значении ‘подслушивать’, которое, в свою очередь, является интерпретационным.

(В предложениях с сочиненными предикатами, ср.: *Подло смотреть на это и не вмешаться*, этическая оценка относится ко второму предикату: ‘подло бездействовать, мириться с негативной ситуацией’, но формально распространяется на всю сочинительную конструкцию. В этом случае в сочинительной конструкции допустим даже предикат пассивного восприятия *видеть*: *Подло видеть все это и молчать*).

Ментальные стативы в контексте интерпретаций. Ментальные глаголы *думать / считать / полагать / предполагать / знать / понимать / догадываться* в контексте эмоций имели статус информационного канала V, т.е. «пропускали» через себя Р (*Горько думать, что Р → Горько, что Р*).

При этом надо сразу оговориться, что некоторые ментальные глаголы являются стативами (*знать, понимать*), а другие, как *думать*, имеют и стативное значение, ср. *Я думаю, что он откажется* (‘считаю, полагаю, предполагаю’), и процессное – *Я долго думал об этом* (‘размышлял’). В контексте эмоций часто употребляется процессное *думать*:

78. **Потом, когда я узнал в тюрьме, какой это человек, мне было горько думать**, что я ничем не помог ему [Вадим Кожевников. «Щит и меч», 1968]

– здесь *думать* не является мнением-предположением, поскольку «я ничем не помог ему» – факт; речь идет о процессе размышления: ‘когда я думаю /

вспоминаю об этом, испытываю горькое чувство'. При этом значение мнения-предположения также возможно:

79. *Чрезвычайно вероятны также находки надгробий лиц исторически значительных, они могут содержать новые биографические подробности; обидно думать, что это может быть упущено при обычном отношении к этим плитам* [А. В. Арциховский. «Основные вопросы археологии Москвы», 1947] = 'предполагаю / допускаю, что при раскопках что-то может быть упущено, и это было бы обидно'

Ср. также пример с глаголом *считать*, который имеет только значение мнения (пропозициональной установки), но не значение процесса:

80. *Мне так горько было считать его недобросовестным человеком, так тяжело любить его не уважая* [Ю. В. Жадовская. «В стороне от большого света», 1857]

Таким образом, пропозициональные установки в контексте эмоций возможны, однако примеры с предикатами типа *считать* единичны (сочетание *горько считать* встретилось в НКРЯ 1 раз, сочетание *грустно считать* – ни разу).

Значительно больше примеров с предикатами типа *знать*:

81. *И я никак не могу отказаться от восхищения перед их талантами и культурными заслугами. И как обидно мне знать теперь, что они считаются врагами народа, которых надо бить, и что эту мысль, оказывается, разделяет мой первый друг Горький...* [Ф. И. Шаляпин. «Моим детям», 1932] = 'обидно, что талантливые люди считаются врагами народа'

В контексте интерпретаций пропозициональные установки, которые являются ментальными стативами, не должны употребляться, т.к. инфинитив при интерпретации – это контролируемая ситуация Р, а ментальные стативы, как и любые другие стативы, обозначают неконтролируемые ситуации. Тем не менее они употребляются в контексте интерпретаций, и в таких сочетаниях возникают парадоксальные семантические эффекты.

В группе ментальных глаголов принято выделять фактивные, т.е. глаголы знания (*знать, помнить, забыть, понимать, догадаться*), и путативные, т.е. глаголы мнения (*думать, считать, полагать, предполагать*) (Апресян / Apresyanyan 1995; Karttunen 1973). Те и другие обозначают неконтролируемые ситуации. При этом фактивные глаголы, как и следовало ожидать, не сочетаются с интерпретациями: **бестактно знать чужие тайны*; **бессовестно догадываться, что Х соврал* (исключение составляют отрицательные конструкции, см. ниже). А глаголы мнения, вопреки ожиданию, сочетаются с интерпретациями. Наиболее благоприятным контекстом для таких глаголов являются предикативы, обозначающие оценку рациональности поведения типа *абсурдно, неправильно* и под. Рассмотрим некоторые примеры.

Если ограничиться высказываниями вида *Абсурдно предполагать, что вода может гореть*, кажется, что оценка *абсурдно* относится к содержанию пропозиции ‘Вода может гореть’ и характеризует ее как абсурдную (противоречащую фактам, законам природы). Однако такой пример искажает общую картину, т.к. многие мнения не верифицированы (и, возможно, вообще не верифицируемы) и не противоречат фактам. Тем не менее и такие мнения иногда оцениваются как *абсурдные*, ср.:

82. *Абсурдно предполагать, что человека можно научить быть добрым* [Андрей Тарковский]

В действительности, в тезисе *Человека можно научить быть добрым* ничего абсурдного нет: многие философские, религиозные и социальные учения исходят именно из этого предположения. Таким образом, в сферу действия *абсурдно* входит не содержание предположения, а инфинитив, т.е. сама установка *предполагать* (ср. *некрасиво обманывать, нечестно отказываться от своих слов, подло предавать друзей* и под.). Разумеется, установка оценивается вместе с ее содержанием, более того – вместе с личностью автора предположения: в контексте интерпретации пропозициональные установки типа *думать, считать, предполагать* имеют статус поступка (‘Х выдвинул предположение, гипотезу, сформулировал мнение’), который в данном случае подлежит осуждению как нерациональный: ‘Говорящий-интерпретатор Y считает, что выдвигать такое предположение в данной ситуации означает, что субъект X неадекватно оценивает реальность, не в состоянии ее проанализировать, не понимает логику событий и потому делает неправильные выводы, выдвигает неправильные гипотезы’ (т.е. даже если сама по себе пропозиция не абсурдна, все равно неправильно так думать, учитывая релевантные факторы). Таким образом, то, что X пришел к такому предположению и выдвинул его, рассматривается интерпретатором как неадекватный поступок, который показывает (доказывает) низкое качество интеллектуальной деятельности и интеллектуальных продуктов X-а. Ср. также:

83. *Неправильно считать, что в КНДР ничего не меняется* [Е. М. Примаков. «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость», 2009]

Разумеется, интерпретатор считает неправильным и содержание мнения. Однако суть его высказывания не в этом: чтобы указать на неправильность некоторого тезиса Р как такового, достаточно простого отрицания: *Человека нельзя научить быть добрым; В КНДР кое-что меняется*. Тот факт, что интерпретатор не ограничился отрицанием пропозиции Р, а представил ее как мнение автора Х, доказывает, что он хотел не только показать неправильность мнения, но и дать характеристику Х-у как его автору, т.е. оценить ход мыслей Х-а: ‘Х ошибается, он пришел к неверному мнению’.

Таким образом, если вне контекста предикативов интерпретации пропозициональные установки – мнения, предположения, ожидания – входят в класс

стативов (неконтролируемых ситуаций), то, с точки зрения интерпретации, они являются результатами (продуктами) интеллектуальной деятельности человека, отражают его позицию (взгляды на мир, интеллектуальную зрелость или незрелость) и влияют на его социальное поведение, поэтому входят в один класс с поведением и поступками, за которые человек несет ответственность.

Ментальные установки могут употребляться и в контексте этических интерпретаций:

84. Было бы крайне **несправедливо подозревать** тех, кто оставлял «мир», в том, что они делали это в поисках «легкой жизни» [протоиерей Георгий Флоровский. «Христианство и цивилизация», 2005]

– если человек думает плохо о других людях, не имея доказательств, то, с точки зрения общества, эта позиция подлежит осуждению.

Что касается знания, то его человек получает из мира или из сообщений других людей «механически», это действительно «пассивная» ситуация, за которую человек не несет ответственности. Поэтому глаголы знания не сочетаются с интерпретациями (речь не идет о случаях типа *Некрасиво знать и молчать*, где *знать* неотделимо от второго члена сочинительной конструкции: ‘некрасиво не реагировать’. Аналогичная ситуация была в описанном выше примере *Подло видеть все это и молчать*).

При этом фактивные глаголы могут употребляться в контексте интерпретаций при наличии отрицания:

85. – Можно подумать, сложно догадаться, кому это замочить Олега была охота. Уж тебе-то вообще **странно не понимать** [Влада Валеева. «Скорая помощь», 2002]

86. И уж тебе-то, Надя, **стыдно не помнить**: никакой гипноз не заставит человека сделать то, чего он сам не желает [Петр Акимов. «Плата за страх», 2000]

– *странно* и *стыдно* здесь употребляются в интерпретационном (!) значении (см. ниже); ср. также: **Неосмотрительно не помнить / не знать**, когда день рождения начальника. Обороты *не понимать*, *не помнить*, *не знать* и под. могут употребляться как обозначения контролируемых состояний в тех случаях, когда считается, что человек должен предпринимать усилия, чтобы что-то понять, что-то не забыть, что-то узнать. Поэтому состояния *не понимать*, *не помнить*, *не знать* могут подлежать осуждению как результат недостаточных усилий.

Многозначность «интерпретация vs. эмоция», «интерпретация vs. ментальная оценка». После того как мы ввели противопоставление двух типов оценок – внутренней (эмоциональной или ментальной) и внешней (интерпретации), обнаруживается, что некоторые предикативы имеют соответствующую

регулярную многозначность: значение интерпретации и какой-либо другой оценки – ментальной или эмоциональной.

Вот несколько иллюстраций такой многозначности.

СМЕШНО.

Иногда интересующая нас многозначность фиксируется в словаре (разумеется, без указания типов значений). Например, у *смешно* в (Словарь / Slovar 1981–1984) различаются два значения: ‘О желании смеяться, испытываемом кем-л.’ и ‘Нелепо, странно’. В нашей терминологии эти значения соответствуют внутреннему состоянию, ср.:

87. *Смешно вспомнить, как я пришла к нему* [Алексей Слаповский. «Гибель гитариста», 1994–1995] – ситуация вызывает смех,

и внешней оценке, интерпретации, ср.:

88. *Я, разумеется, этому не верю! – прибавил он, стараясь быть любезным. – Смешно верить сказкам...* [Г. П. Данилевский. «Княжна Тараканова», 1883] – ‘предосудительно верить сказкам, это неадекватное поведение для взрослого’

89. *Смешно обижаться на подобные вещи, но он был обижен* [Василий Гроссман. «Жизнь и судьба», 1960] – неадекватное поведение

Неоднозначность возможна и в пределах одного предложения: *Смешно читать такие тексты* – ‘тексты смешные по содержанию, вызывают смех у читателя’ vs. ‘факт чтения таких текстов оценивается как неадекватное поведение’.

СТЫДНО.

Стыдно-эмоция.

Актуализация информации о Р (в рамках ситуации V) вызывает эмоциональную реакцию:

90. *Стыдно теперь вспоминать, но в ту минуту я смалодушничал* [Анатолий Рыбаков. «Тяжелый песок», 1975–1977]

≠ ‘стыдно, что вспомнил’

= ‘стыдно, что смалодушничал’ (‘Х испытывает чувство стыда, ощущает стыд’)

91. – *Стыдно видеть прежде уважаемых мною людей за столь неприглядным занятием!* [Валерий Попов. «Очаровательное захолустье», 2001]

≠ ‘стыдно, что вижу’

= ‘стыдно, что уважаемые люди заняты неприглядным делом’

Стыдно-интерпретация.

Интерпретация предполагает высказывания с субъектом 2-го лица и реализуется в речевом акте типа упрека:

92. *«Во всяком случае, – говорил он, – смешно верить и еще **стыднее бояться** того, чего нет»* [А. А. Бестужев-Марлинский. «Вечер на кавказских водах в 1824 году», 1830]

В (Словарь/ Slovar 1981–1984) для *стыдно* приводятся примеры на оба значения: *Люди эти в сравнении с ним самим казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на них, ему становилось стыдно и грустно за себя* [Л. Толстой. «Казачество»]; [Вера:] *Как тебе не стыдно, Петр! Ты не смеешь думать о папе скверно* [М. Горький. «Последние»], но дается одно толкование: ‘О чувстве стыда, испытываемом кем-л.’, – т.е. эти значения не различаются.

СТРАННО.

Странно – ментальная (внутренняя) оценка (‘удивительно’):

93. ***Странно** было думать, что когда-то он столько для нее значил* [Дмитрий Быков. «Орфография», 2002]

≠ ‘странно, что он думает [о чем-то]’

= ‘странно (удивительно), что когда-то он столько для нее значил’

Это моносубъектная конструкция: X размышляет, X-у странно.

Странно – интерпретация поведения (неодобрение):

94. ***Странно** ждать в наше время, когда потребительство фактически стало национальной идеологией России, что кто-то принесет в жертву национальным интересам страны свой комфорт и сиюминутное спокойствие* [«Эксперт», 2013]

– по мнению внешнего наблюдателя Y-а, *ждать, что P* – следствие неадекватной оценки реальности X-ом.

Квазиконверсивы в контексте интерпретаций. В связи с противопоставлением ментальной оценки и интерпретации рассмотрим один интересный эффект, который происходит в контексте *странно*:

95. ***Странно** слышать от естественника, что главное – гуманитарные проблемы* [«Наука и жизнь», 2007]

Во-первых, это предложение имеет два смысла – (95.а.) ‘удивительно’ (ментальная оценка) и (95.б.) ‘неадекватно’ (интерпретация). При этом оба они, в конечном счете, связаны не со *слышать*, а с *говорить*:

95.а. ‘Удивительно, что естественник говорит (утверждает, считает), что гуманитарные проблемы – это главное’

95.б. ‘Со стороны естественника странно это говорить (утверждать)’ – неодобрение

В данном случае *У слышит от Х-а Р* и *Х говорит (утверждает) Р* выступают как своего рода квазиконверсивы (они не являются полноценными конверсивами, см. Апресян / Apresyan 1995; отношение между ними строится скорее на импликации: ‘Х сказал Р’ → ‘У услышал Р’, однако мы не можем углубляться в обсуждение этих деталей). В принципе, замена *сказать* на *слышать* имеет еще одну функцию. Как мы уже упоминали выше, у ментальных оценок, как и у эмоций, в инфинитивной конструкции один субъект (т.е. субъект предикатива и инфинитива совпадают, кореферентны), поэтому если действие Р совершается другим субъектом, инфинитивная конструкция невозможна, а возможна только подчиненная клауза: *Странно* (‘удивительно’), *что естественник говорит о приоритете гуманитарных проблем*. Использование инфинитива – технический прием, чтобы достичь кореферентности субъектов: *странно слышать*. Однако уже в этой (моносубъектной) конструкции со значением удивления есть неправильность. В самом деле, у эмоций и ментальных оценок *слышать*, как и другие информационные инфинитивы, не являются валентностью содержания предикатива, содержанием является ситуация Р: *Горько слышать от близкого человека, что он страдает* = ‘Горько, что близкий человек страдает’. Однако *Странно слышать от естественника, что главное — гуманитарные проблемы* не означает ‘Странно, что главное — гуманитарные проблемы’. Правильная передача смысла требует более существенной перестройки исходной структуры: ‘Странно, что у естественника такие идеи, что естественник так ценит гуманитарное знание’.

Еще более парадоксальные эффекты возникают в (95.б.), т.е. при интерпретационном значении неодобрения. Выше мы отмечали, что глаголы пассивного восприятия, в общем случае, не допускаются в контексте интерпретаций и возможны лишь в конструкциях, где глагол пассивного восприятия находится в сочинительной группе с контролируемым глаголом, ср. *Подло видеть все это и молчать*. Устранение контролируемого глагола делает предложение неправильным: ?*Подло видеть все это*.

Между тем в случае (95.б.) глагол пассивного восприятия *слышать* неустраним и даже обязателен, поскольку он выступает как «переходное звено» к *говорить*, он обеспечивает мысленную подстановку *говорить*. Именно потому, что *слышать* находится в жесткой «связке» с *говорить*, неправильности не возникает. При этом *слышать* никак не может входить в сферу действия предикатива интерпретации *странно*, т.к. тогда бы получилось, что говорящий осуждает, не одобряет сам себя (**С моей стороны странно* [= предосудительно] *это слышать*), причем он не одобряет неконтролируемую ситуацию, которая от него не зависит. На самом деле, речь не идет об осмыслении пассивного восприятия как поступка (как это происходит с глаголами активного восприятия в контексте интерпретаций, ср. *Странно слушать такую музыку* – ‘не следует слушать такую музыку’). Дело в другом – в том, что за пассивной ситуацией (*слышать*) скрывается активная (*говорить*). Таким образом, мысленная заме-

на *слышать* на *говорить* (или на *утверждать*, *считать* и т.д.) обязательна, т.к. при буквальном понимании *странно слышать* предложение становится абсурдным. Напротив, при подстановке *говорить* на место *слышать* (при соответствующей перестройке синтаксической структуры) смысл таких предложений совершенно стандартный: *Странно, что Х это говорит* – контролируемая ситуация (речь, заявление, утверждение, а следовательно, и позиция Х-а) оценивается как неадекватная.

Случаи обязательной мысленной подстановки одного глагола на место другого в контексте предикативов интерпретации не единичны, ср.:

96. *Моя дочка во 2 класс ходит. И ее учительница подходит к ее телефону, если дочери нет в классе. А мне **странно объяснять** взрослой женщине, что это вообще-то как минимум неприлично* [«Сегодня в топе блогов история учительницы» (блог), 2008]

Данное предложение предполагает, что мама осуждает неприличное поведение учительницы, поэтому в сферу действия *странно* никак не может входить действие самой мамы (*объяснять*). Имеется в виду *Странно, что учительница не понимает / С ее стороны странно не понимать, что неприлично брать чужой телефон*. Между *объяснять* и *не понимать*, как и между *говорить* и *слышать*, – имплицативные отношения: ‘У объясняет, значит, Х не понимает’. И здесь уже, наоборот, за активной ситуацией (*объяснять*) скрывается пассивная (*не понимать*; как упоминалось выше, стативы с отрицанием, ср. *некрасиво / неосмотрительно не помнить*, могут входить в сферу действия интерпретаций). Впрочем, если прочитывать смысл *странно* как ментальную оценку (‘удивительно’), все равно потребуется замена *объяснять* на *понимать*: *Странно* (‘удивительно’), *что учительница не понимает*.

Таким образом, это еще одна иллюстрация того, что сфера предикативно-инфинитивных конструкций пронизана имплицативными отношениями.

4. Итоги

Проведенный анализ показал, что в рамках предикативно-инфинитивных конструкций происходят разнообразные семантические процессы.

Сензитивы. Зависимый инфинитив при многих сензитивах обозначает не стимул Р, а ситуацию V – канал (условие) воздействия стимула на экспериенцера – или ситуацию R, для реализации которой релевантно состояние окружающей среды. При этом V становится частью комплексной причины, вызывающей состояние экспериенцера («склеивается» с причиной).

Пространственные предикативы, т.е. характеристики пространства, могут развивать значение сензитивов – состояний человека. Например, поскольку темнота значима для выполнения каких-то действий, она начинает ощущаться, переживаться человеком как его собственное состояние, т.е. состояние ‘не ви-

дно, плохо видно' обозначается предикативом *темно*. В эту конструкцию втягиваются и другие предикативы – *шумно* и даже *грязно*, *пыльно* и под.

Состояние-сензитив может смещаться в зону модальных ('трудно / невозможно') предикатов и интерпретироваться как затруднение или помеха для реализации ситуации R.

Эмоции. Эмоции предполагают сложную цепочку имплицативных связей между стимулом Р и состоянием-реакцией экспериенцера, куда входят промежуточные ситуации Т и информационный канал V, обеспечивающий воздействие стимула на экспериенцера и выражаемый перцептивными и ментальными глаголами (*видеть*, *слышать*, *думать* и др.). Любая из этих ситуаций (Р, Т или V) может попасть в позицию инфинитива. При этом ситуации V и Т является частью комплексной причины воздействия на человека («склеиваются» с причиной); но содержанием эмоции является только ситуация Р.

Интерпретации. У интерпретаций инфинитив Р – это содержание, т.е. объект оценки, оцениваемая ситуация (при этом содержание часто не ограничивается инфинитивом Р, а имеет более сложную семантическую структуру).

Поскольку в сферу действия интерпретации входят контролируемые ситуации, за которые человек несет ответственность, трудно ожидать, чтобы в контексте предикатов интерпретации появлялись глаголы со значением пропозициональных установок типа *думать*, *предполагать*, *ждать*, *желать* и под. Кажется очевидным, что пропозициональные установки, будучи стативами, не могут рассматриваться как контролируемые ситуации. Тем не менее в контексте интерпретаций они осмысляются как результат интеллектуальной деятельности человека и приобретают статус ситуаций, за которые человек несет ответственность, т.е. приравниваются к поступкам и поведению.

Причины образования и употребительность инфинитивных конструкций с предикативами различны.

Сензитивы присоединяют инфинитивы неохотно, и состав таких инфинитивов ограничен: это, в основном, инфинитивы глаголов движения и положения. Значительно реже употребляются обозначения других ситуаций (*Холодно разговаривать на улице*; *Холодно заниматься в неотопливаемом помещении*). При этом странно звучат предложения вида *Холодно смотреть телевизор*. Нормально: *Уже темно читать / искать ключи*, но странно: *Стало холодно читать*; *Жарко искать ключи* (хотя на интервале чтения или поиска ключей человеку может быть холодно или жарко). Теоретически такие сочетания правильны и не нарушают никаких запретов, но практически почти не встречаются.

Инфинитивная конструкция с предикативами эмоций, напротив, широко распространена, хотя она требует кореферентности субъекта предикатива и субъекта подчиненного инфинитива и, с этой точки зрения, связана с некоторыми ограничениями по сравнению с зависимой клаузой. Следовательно, она отвечает коммуникативным потребностям говорящих. Одно из важных отличий инфинитива и зависимой клаузы – степень вовлеченности экспериенцера. В кон-

струкции с зависимой клаузой уменьшается доля эмоции и увеличивается доля оценки: высказывания *Грустно / горько / обидно, что мы расстаемся* почти синонимичны оценочным высказываниям *Плохо, что мы расстаемся*. Вообще, для таких конструкций характерно развитие значений пропозициональной установки (ср. развитие у глагола *бояться* ментального значения ‘предполагать плохое Р’, Зализняк / Zaliznyak 2006: 530–546). Информационный инфинитив V (*горько видеть / слушать / сознавать, что Р*), напротив, обозначает не просто часть комплексной причины, но и «интервал переживания». Тем самым инфинитив V усиливает эффект вовлеченности экспериенцера и в большей степени акцентирует эмоциональное переживание по сравнению с конструкцией «предикатив + зависимая клауза».

Наконец, для интерпретаций инфинитивная конструкция является (пока) единственной возможностью занять позицию синтаксической вершины предложения. Класс интерпретационных слов, вовлеченных в эту конструкцию, постоянно расширяется.

Цитируемая литература / References

- Apresyan 1974: Апресян, Ю. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва, с. 256–283. (Apresyan, Yu. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva, pp. 256–283.)
- Apresyan 1995: Апресян, Ю. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы. – В: Апресян, Ю. *Избр. труды. Т. 2*. Москва, с. 405–433. (Apresyan, Yu. Problema faktivnosti: *znat’ i ego sinonimy*. – In: Apresyan, Yu. *Izbr. trudy. T. 2*. Moskva, pp. 405–433.)
- Boguslavskij 1996: Богуславский, И. *Сфера действия лексических единиц*. Москва. (Boguslavskij, I. *Sfera dejstviya leksicheskikh edinit*. Moskva.)
- Karttunen 1973: Karttunen, L. La logique des constructions anglaises à complément predicative. – In: *Languages*, № 30, pp. 56–80.
- Kustova 2013: Кустова, Г. Семантические связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 1(25), с. 41–69. (Kustova, G. Sistemnye svyazi i sistemnye znacheniya eksperientsial’nyh prilagatel’nyh: predmetnye i prostranstvennye konteksty. – In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 1(25), pp. 41–69.)
- Kustova 2021: Кустова, Г. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка). – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2021»*, № 20 (27), с. 456–463. (Kustova, G. Tipy infinitivnykh konstrukcij s predikativami (po dannym Nacional’nogo korpusa russkogo jazyka). – In: *Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog-2021”*, № 20 (27), pp. 456–463.)
- Paducheva 1985: Падучева, Е. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука. (Paducheva, E. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost’ s dejstvitel’nost’yu (Referencial’nye aspekty semantiki mestoimenij)*. Moskva: Nauka.)

- Paducheva 2004: Падучева, Е. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва. (Paducheva, E. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva.)
- Serdobolskaya, Toldova 2014: Сердобольская, Н., С. Толдова. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката. – В: *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, Т. X, Ч. 2, с. 443–477. (Serdobol'skaya, N., S. Toldova. Konstruktsii s otsenochnymi predikativami v russkom yazyke: uchastniki situatsii otsenki i semantika otsenochного predikata. – In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij*, Vol. X, Part 2, pp. 443–477.)
- Slovar 1981–1984: Евгеньева, А. (ред.). *Словарь русского языка: В 4-х томах*. Москва. (Evgen'eva, A. (red.). *Slovar' russkogo yazyka: V 4-h tomah*. Moskva.)
- Zaliznyak 2006: Зализняк, А. *Многозначность в языке и способы её представления*. Москва. (Zaliznyak, A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. Moskva.)

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Semantic types of infinitive constructions of Russian predicatives

Galina Kustova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

galinak03@gmail.com

Abstract

In addition to the valency of the experiencer, e.g. (*Мне холодно / страшно / стыдно* (I'm cold / I'm afraid / I'm ashamed), in Russian a predicative may have a propositional valency P (stimulus-content). The propositional valency is expressed by a dependent clause, as in *Приятно, что они до сих пор меня помнят* (It's nice that they still remember me) or a dependent infinitive (, e.g. *Приятно засыпать под шум дождя* (It's nice to fall asleep to the sound of rain). The possibility for combining a predicative with an infinitive depends on the semantics of the predicative.

Modal predicatives can subordinate the infinitive, e.g. *Необходимо закончить работу в пятницу* (It is necessary to finish the work on Friday), while perceptual predicatives do not: **Мне видно читать* (I can see to read).

Predicatives with physiological state semantics subordinate the infinitive, which represents the situation V (the channel for the stimulus's influence), cf. *Было сладко есть*

ягоды (It was sweet to eat berries) or the situation R (the situation describing the stimulus affecting the implementation of R), cf. *Темно читать* (It is dark to read).

Predicatives describing emotional states can subordinate the infinitive. This construction has three subtypes: (1) the infinitive P corresponds to the valency P of the predicative (stimulus-content): *Грустно покидать родной дом* (It's sad to leave home); (2) the infinitive T (transfer) represents an intermediate situation between the experiencer and the stimulus: *Страшно открывать дверь* (I'm afraid to open the door); (3) the infinitive V is the link between the predicative and its valency P (the channel for the stimulus's influence; $V \neq P$): *Грустно думать, что мы больше никогда не увидимся* $\approx$ *Грустно, что мы больше никогда не увидимся* (It's sad to think that we will never see each other again $\approx$ It's sad that we will never see each other again).

Predicatives with the semantics of interpretation subordinate the infinitive P (with the semantic restriction that P must be an action (a controlled situation) for which a person is responsible): *Неприлично подслушивать чужие разговоры* (It's indecent to eavesdrop on other people's conversations) (the interpretative semantics is often represented by an adjective, cf. *неэтичный* (unethical), *неприличный* (indecent), *неуместный* (inappropriate), and by same-root adverbs; as same-root verbs do not exist, the corresponding predicatives are used). During the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century, the number of interpretative predicatives found in this construction has been on the increase.

Keywords: *state predicates, predicatives, infinitive constructions, experiential states, experiencer, stimulus, emotion, interpretation*

Galina Kustova
DSc Prof.
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka St.
Moscow, 119019 Russia
galinak03@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

ДАТИВНО-ИНФИНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Антон Циммерлинг

Государственный институт русского языка им.

А. С. Пушкина / Институт языкознания РАН

fagraey64@hotmail.com

Резюме. Обсуждаются две синтаксические конструкции с инфинитивом, используемые в русском языке для выражения модальных значений. Конструкция дативно-инфинитивной структуры (ДИС) в предложениях с формой индикатива выражает таксономическое значение алетической модальности. Независимые предложения ДИС продуктивны, в то время как вложенные предложения ДИС являются реликтом древнерусского синтаксиса: они возможны только в односубъектных клаузах. Синтаксические идиомы типа *негде спать*, *некого винить* задают особый тип финитного предложения, возглавляемого отрицательным экзистенциальным предикатом, состоящим из ударного отрицания *не*, в состав которого инкорпорировано вопросительно-относительное слово. Такие элементы, называемые *н-словами*, сочетают в себе свойства морфологических единиц, напоминающих предикативы дативной структуры, и редуцированных предложений с вопросительно-относительным словом (*к-словом*), подвергшихся операции подъема из вложенной инфинитивной клаузы в матричную клаузу. В большинстве случаев употребление *н-слова* позволяет реконструировать утвердительный коррелят, имеющий эксплицитно выраженную биклаузальную структуру. Предложения с *н-словами* выражают таксономическое значение экзистенциальной квантификации, комбинированное со значением алетической невозможности. Ни предложения ДИС, ни предложения с *н-словами* не имеют ограничения на одушевленность модального субъекта. В деривационной перспективе и те, и другие являются свернутыми биклаузальными структурами, но в предложениях ДИС редуцированной является верхняя клауза, а в предложениях с *н-словами* – вложенная инфинитивная клауза.

Ключевые слова: дативно-инфинитивные структуры, инфинитив, *н-слова*, *к-слова*, алетическая модальность, экзистенциальная квантификация, биклаузальность, подъем

1. Модальные конструкции с инфинитивом в современном русском языке

Особенностью современного русского языка является наличие двух инфинитивных конструкций, выражающих модальные значения: 1) дативно-инфинитивной структуры (далее – ДИС), имеющей схему $N_{\text{DAT}} - \text{INF}$, ср. *тебе сейчас*

* Антон Циммерлинг. Дативно-инфинитивные структуры и синтаксические идиомы в русском языке. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 281–300.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.10>

выходить, мне не выйти, быть дождю, сидеть тебе теперь в тюрьме и т.п.; 2) синтаксических идиом с отрицательными предикативными местоимениями типа *негде, некого, не о чем*, включающих ударное отрицание *не-* и вопросительно-относительное слово (далее – *н-слова*), строящихся по схеме $N_{\text{ДАТ}} - \text{AUX} - \text{INF}$, ср. *мне было негде спать, нам некого винить в кризисе*. В диахронической перспективе сохранение конструкции ДИС является консервативной чертой русской грамматики, воспроизводящей фрагмент синтаксиса праславянского языка, ср. (Ходова / Hodova 1980). Напротив, грамматикализация предикативных *н-слов* и связанной с ними особой модели предложения является инновацией восточнославянских языков, в наибольшей степени характерной для русского языка, где модально-экзистенциальные предложения с базовым значением ‘есть такой *x* / нет такого *x-а*, с которым можно сделать *p*’ имеют последовательно асимметричный синтаксис в отрицательных и утвердительных клаузах (Mrázek 1972), ср. *мне есть где спать, нам есть кого винить в кризисе*.

Предложения ДИС выражают в русском языке значение *алетической* (в иных терминах – *внешней*) модальности: ‘внешний фактор *F* делает *p* возможным/необходимым’ (Fortuin 2005). Предложения с *н-словом* выражают значение экзистенциальной квантификации над пропозициями, проецируемыми вложенными клаузами с вопросительно-относительным словом типа *где / кого / о чем спросить* (далее – *к-словом*), см. (Šimík 2011; Kondrashova, Šimík 2013). В них также имеется встроенный модальный компонент, который соответствует определению алетической модальности и не связан с выражением деонтических, нормативных и эпистемических значений (Циммерлинг / Zimmerling 2022). Таким образом, общим таксономическим значением, присущим в русском языке как предложениям ДИС, так и предложениям с *н-словом*, является значение алетической модальности. При этом предложения ДИС в некоторых контекстах, а именно при комбинации отрицания с инфинитивом совершенного вида выражают значение алетической необходимости, ср. *Тебе сейчас выходить; Васе было не решить этой задачи* (Митренина / Mitrenina 2017), а предложения с *н-словом* выражать значение данного типа не могут. С другой стороны, нет никаких свидетельств того, что предложения ДИС могут выражать в русском языке значение экзистенциальной квантификации.

Возможность сведения ДИС и синтаксических идиом с *н-словом* к единой конструкции (Бонч-Осмоловская 2003 / Bonch-Osmolovskaya 2003; Fleischer 2006) и природа взаимодействия модального и экзистенциального компонентов в предложениях с *н-словом* является предметом дискуссии, ср. (Ebeling 1984; Fortuin 2007; 2011; 2014; Šimík 2011). Имеются существенные различия в реализации связочных элементов и форм инфинитива, более того, само наличие стандартной связочной позиции в предложениях ДИС подвергается сомнению, ср. альтернативную точку зрения в (Moore, Perlmutter 1999). Параллели между ДИС и идиомами с *н-словом* активно обсуждаются в связи с тем, что обе модальные конструкции используют маркирование субъектного аргумента дат. п.

2. Дативно-инфинитивные предложения

2.1. Независимые и вложенные предложения ДИС

В современном русском языке продуктивными являются только *независимые* предложения ДИС (root DIS clauses), в то время древнерусский язык допускал и *вложенные* разнособъектные предложения ДИС (embedded DIS clauses), вводимые глаголами или предикативами, см. (1а.–б.). При наличии в матричной клаузе отрицания *не* древнерусский язык обычно ставит форму глагола *быти* после него, с порядком NEG – AUX, см. (2.), что невозможно в современном русском языке, см. (3.).

1. Древнерусский язык (Madariaga 2011: 314)¹

а. Се бо мнится_{PRES.3SG} нам_{DAT} [_{DIS} **привидению**_{DAT} **быти**_{INF} въ церкви] (Печ. Пят, 62)

“Поэтому нам_i кажется, что в церкви есть привидение_j.”

б. Аще годѣ_{PRED} ти_{DAT.2SG} есть [_{DIS} **жити**_{INF} **намъ**_{DAT} въ немъ] буди намъ помощник (Феод., 81)

“Если тебя устраивает, чтобы мы жили в нем, будь нашим помощником”, букв. “если тебе_i угодно нам_j жить в нем...”

2. Древнерусский язык (Madariaga 2011: 320)

Яко же азъ разоумехъ_{AOR.1SG} [_{DIS} 3 дньи_i **не**_{NEG} **бѣ**_{IMPF.3SG} [_{InfP} приити_{INF} емоу_{DAT} _____i]] (Печ. Пят. л. 179 об)

“А когда я уразумел, что он не приходил уже три дня.”

3. Русский язык

*Васе не было прийти/приходить уже три дня.

В современном русском языке материально выраженная связка *есть* в изъявительном наклонении настоящего времени в контекстах типа (2.–3.) отсутствует, а стяженная отрицательная форма **нестъ* исчезла, что затрудняет восприятие еще одного запрета: русский язык запрещает в предложениях ДИС любую комбинацию общего (предикатного) отрицания с материально выраженной связочной формой глагола *быть*.

4.а. *Васе не_{NEG} **есть**_{BE.PRES} / **нестъ**_{NEG-BE.PRES} прийти/приходить на работу.

б. *Васе не_{NEG} **было**_{BE.PST.3SG.N} прийти/приходить на работу.

в. *Васе не_{NEG} **будет**_{BE.FUT.3SG} прийти/приходить на работу.

¹ Здесь и далее нотация и перевод примеров наши – А. Ц.

Оба запрета – на разнособъектные вложенные инфинитивные клаузы и на порядок слов NEG – AUX в односубъектных предложениях ДИС объясняются тем, что общеславянская конструкция ДИС, которая была изначально безразлична к типу клаузы и наличию внешне выраженной синтаксической вершины перед группой N_{DAT} – INF, была переинтерпретирована в современном русском языке как тип предложения, почти исключительно связанный с независимыми клаузами.

2.2. Биклаузальность и место отрицания

Отрицание в клаузе ДИС в современном русском может стоять только перед инфинитивом в строго контактной позиции. В этом случае ненулевая форма прошедшего и будущего времени связки *быть* возможна, причем ее место по отношению к блоку [NEG – INF] может быть любым.

5.а. Васе_{DAT} было_{AUX.PST.3SG.N} [_{InfP} не_{NEG} выйти_{INF} из автобуса].

б. [_{InfP} Не_{NEG} выйти_{INF} из автобуса] было_{AUX.PST.3SG.N} Васе_{DAT}

в. Из автобуса_i было_{AUX.PST.3SG.N} Васе_{DAT} [_{InfP} не_{NEG} выйти_{INF} _____i].

Замена связки *быть* на полусуффиксальные глаголы затруднена или невозможна. Так, *стать* маргинально допустимо в контексте (6.), в то время как *оказаться*, *делаться* и прочие связки исключены.

6.а. ?Васе стало не выйти из автобуса.

б. *Васе оказалось не выйти из автобуса.

Интерпретация этих фактов с позиций формальных моделей языка с высокой вероятностью влечет принятие по крайней мере одного из двух положений.

i. Формы глагола *быть* в конструкции ДИС лишены свойств стандартных связок и ведут себя, как темпоральные частицы (Moore, Perlmutter 1999).

ii. Конструкция ДИС является биклаузальной структурой с внешне невыраженной синтаксической вершиной в матричной клаузе, что и объясняет аномальный порядок отрицания и связки (Fleischer 2006).

Гипотезы (i) и (ii) частично конфликтуют: для обоснования биклаузальности предложений ДИС проще допустить, что позиция T(ense), т.е. вхождение категории времени в структуру предложения, заполняется не дефектной, а морфологически полной глагольной связкой. Кроме того, линейная позиция приинфинитивного отрицания не согласуется с его семантической интерпретацией, так как сфера действия *не* в примерах типа (5.) не ограничивается инфинитивным оборотом *выйти из автобуса*, а охватывает все сказуемое: *Х-у не (было (выйти из автобуса))*. Можно, однако, одновременно принять (i) и (ii) и допустить, что полная структура независимого предложения ДИС в современном русском языке изначально содержит две клаузы, но подвергается редукции,

в силу чего каноническая позиция отрицания в «верхней» клаузе оказывается недоступной для *не*.

$$\text{iii. DAT}_i - \text{NEG1} - \text{T}_{\text{AUX}} - [\text{PRO}_i - \text{NEG2} - \text{INF}] \Rightarrow \text{DAT}_i - \text{NEG1} - \text{T}_{\text{AUX}} - [\text{PRO}_i - \text{NEG2} - \text{INF}].$$

Таким образом, верхняя (матричная) клауза в русских предложениях ДИС недоразвита или свернута: ее единственным элементом, реализация которого не связана с ограничениями, оказывается модальный субъект в дат.п., который всегда (поскольку разносубъектные клаузы ДИС запрещены) кореферентен нулевому субъекту вложенной нефинитной предикации (PRO). Это сочетание параметров объясняет, почему в традиционных описаниях русской грамматики (Шведова / Shvedova 1982) предложения ДИС трактуются как элементарные структуры, где инфинитив является лексической вершиной сказуемого, а модальный субъект, получающий дат.п., считается аналогом подлежащего. Маркировку субъекта дат.п. проще всего вывести из постулата (iv), который объединяет негенеративные и часть генеративных описаний русского языка, ср. (Franks 1995; Bailyn 2011).

iv. Подлежащее финитной клаузы по умолчанию получает в русском языке им.п., подлежащее нефинитной клаузы – дат.п.

2.3. Модальность и вид глагола

Конкретная разновидность модального значения для предложений ДИС в изъявительном наклонении предсказывается квадратной матрицей, выделенной О. В. Митрениной. Из четырех теоретически возможных клеток конструкция ДИС в указанной группе предложения покрывает три. Контингентностью принято называть конъюнкцию возможности p и отсутствия необходимости p ($\Diamond p \ \& \ \sim \Box p$): этот тип значения обеспечивается комбинацией отрицания с инфинитивом несовершенного вида. Таб. 1 показывает распределение значений в предложениях ДИС с одушевленным субъектом, где семантическое многообразие является максимальным.

	Неотрицательные клаузы	Отрицательные клаузы
Несовершенный вид	Внешняя необходимость ($\Box p$) <i>Тебе выходить <твоя остановка>.</i>	Контингентность ($\Diamond p \ \& \ \sim \Box p$) <i>Тебе еще не выходить.</i>
Совершенный вид	*	Внешняя невозможность ($\sim \Diamond p$) <i>Тебе не выйти из автобуса.</i>

Таб. 1. Категория вида и тип модального значения, по (Митренина / Mitrenina 2017)

Дефектная комбинация ‘инфинитив сов.в. + неотрицательный модальный оператор’ частично восполняется в русском языке употреблением предикативов дативно-предикативной структуры (далее – ДПС) типа *надо*, *можно*. Однако это уже финитная конструкция с существенно иными свойствами: предикатив свободно сочетается с инфинитивами и сов.в., и несов.в., а интерпретация полифункционального модального слова зависит не от структуры клаузы, а от выбора конкретной лексики и прагматического контекста.

7.а. <Вы что-то бледны>. Вам_{DAT} **надо**_{PRED} прилечь_{INF-PERF} [долженствование; деонтическая модальность (*X* советует или приказывает *Y*-у сделать *p*) или внутренняя модальность (*X* реконструирует внутреннее состояние *Y*-а, утверждая, что тот имеет внутреннюю потребность в *p*)].

б. В России **надо**_{PRED} жить_{INF-IMPERF} долго. [долженствование; алетическая модальность (*X* утверждает, что в локусе *L* внешние обстоятельства вынуждают любого *Y*-а делать *p*)].

в. <Есть ошибки>. Вам_{DAT} **надо**_{PRED} еще позаниматься_{INF-PERF} [долженствование; алетическая модальность (*X* утверждает, что существуют внешние обстоятельства, которые вынуждают *Y*-а сделать *p*)].

8.а. <Процедура окончена>. Вам_{DAT} **можно**_{PRED} прилечь_{INF-IMPERF} [возможность; деонтическая модальность (*X* разрешает *Y*-у сделать *p*)].

б. Петрову_{DAT} еще было **можно**_{PRED} дотянуться до двери, а мне_{DAT} нет [возможность; алетическая модальность (*X* утверждает, что не имел возможности сделать *p*, а *Y* такую возможность имел.)]

Конструкция ДИС используется также в неиндикативных предложениях, в том числе, в контексте оптативной частицы *бы* и эмфатической частицы *же*. Эта группа употреблений подробно исследована А. Израэли (Israeli 2013; 2014; 2016). Здесь неотрицательные предложения с инфинитивом сов.в. возможны, но они не имеют значения алетической необходимости.

9.а. Хорошо_{PRED} бы_{OPT} Вам_{DAT} прилечь_{INF-PERF}

б. Хорошо_{PRED} бы_{OPT} Вам_{DAT} лечь_{INF-IMPERF}

А. Израэли (Israeli 2013: 202, 212, 214) критикует Д. Мура, Д. Перлмуттера и Н. Флейшера (Moore, Perlmutter 1999; Fleisher 2006) за толкование примеров ДИС при помощи выражения англ. *in the cards* » «так карта легла», «так уж суждено» и утверждает, что рус. *Мне не сдать экзамен* не эквивалентно английскому переводу, предлагаемому упомянутыми синтаксистами: ‘It is not (**in the cards**) for me to pass the exam’. С этим можно частично согласиться в том плане, что русская конструкция ДИС не связана с идеей фатальной детерминированности всего хода событий: она сообщает лишь о внешнем препятствии *F*, которое мешает осуществиться *p* в ситуации *L*. Однако перевод самой А. Израэли ‘I won’t be able to pass the exam’ имеет другой изъян: он меняет таксономический

тип модальности с внешней (алетической) на внутреннюю, ср. англ. *to be able*. Методологическая проблема, подмеченная по сходному поводу Р. Шимиком (Šimík 2011: 55), состоит в том, что носители языка, стремясь к идиоматично звучащему переводу, нередко предлагают парафразы, искажающие тип модальности. Мы полагаем, что вопросы переводоведения и межъязыковых соответствий не должны смешиваться с проблемами семантического описания.

2.4. Семантический субъект и неодушевленность

Конструкция ДИС не налагает ограничений на одушевленность модального субъекта, ср. неодушевленную именную группу (далее – ИГ) в (10.а.–в.) и событийное имя в (11.).

- 10.а. Грузовикам_{DAT}^{NON-ANIM} здесь не_{NEG} проехать_{INF.PERF}.
 б. [Новым Васиным песням]_{DAT}^{NON-ANIM} уже не_{NEG} звучать_{IMPERF} на фестивале.
 в. Тут и капле_{DAT}^{NON-ANIM} не_{NEG} просочиться_{INF.PERF}.
 11.а. [Трем смертям]_{DAT}^{NOM-ANIM} не бывать_{INF.IMPERF} а одной_{DAT} не_{NEG} миновать_{INF.PERF}.
 б. Быть_{INF.IMPERF} дождю_{DAT}^{NOM-ANIM}.

Допустимы, хотя выглядят книжными, пассивные инфинитивы. В этом случае субъект в дат.п. контролирует вторичное согласование (форму рода и числа) причастия, см. (12.).

12. [Васиной статье]_{DAT.SG.F}^{NON-ANIM} уже не_{NEG} быть_{INF.IMPERF} напечатанной_{PTCP}.
 INSTR.SG.F

Отсутствие экспериенциальной семантики и ограничения на одушевленность являются важными характеристиками, отличающими предложения ДИС от дативно-предикативных структур с предикативами ДПС, см. примеры (7.–8.) выше и главу (Стаменов, Циммерлинг, наст. сборник).

2.5. Возможные следы вложенных предложений ДИС

Вложенные предложения ДИС при внешней синтаксической вершине почти не упоминаются в описаниях грамматики современного русского языка. При разнособъектных клаузах это исключено, при глаголах типа *казаться* подъем аргумента тоже невозможен, **Мне кажутся Васиные статьи издаваться в Тамбове*. Однако при модальном предикативе *надо* подъем аргумента в дат.п. все же маргинально возможен, что указано в (Циммерлинг / Zimmerling 2020). Вложенное предложение ДИС при *надо* однозначно диагностируется при неодушевленном аргументе, ср. ИГ *пирог* в (13.а.), так как трактовка пирога как модального субъекта предикатива в этом случае исключена. Финитное предложение (13.б.) передает то же содержание, что и (13.а.).

- 13.а. Пирог_{DAT}^{NON-ANIM} надо_{PRED} [_{DIS} PRO остыть пирогу]
 б. Ø Надо_{PRED} [_{CP} чтобы пирог остыл].

Напомним, что независимых утвердительных предложений ДИС с глаголом совершенного вида **пирог остыть* со значением ‘внешний фактор *F* делает остывание пирога неизбежным’ в современном русском языке по таб. 1. быть не должно. Однако возможны императивные предложения с таким составом, правда, уместны они лишь при одушевленном субъекте, ср. (14.).

- 14.а. Всем_{DAT}^{ANIM} – остыть_{INF.PERF} и успокоиться_{INF.PERF}!
 б. *Пирог – остыть и успокоиться!

Таким образом, идиоматичное и грамматически правильное модальное предложение (13.а.), порождаемое операцией подъема аргумента, не может быть вложенным вариантом аномального предложения (14.б.). Оно может рассматриваться только как реликт синтаксических отношений, свойственных русскому языку на более ранней стадии. Другие модальные предикативы, как будто, не допускают структуры с подъемом типа (13.а.). В то же время, такая структура маргинально допускается предикативами *хорошо* и *лучше* в оптативных контекстах, выражающих пожелание. Контекст произнесения предложения (15.а.), являющегося реакцией видного болельщика Н. на разгромное поражение его команды и слабую игру вратаря М., исключает интерпретацию ДПС ‘голкиперу М. хорошо было бы стать в ворота’. Говорящий выражает совсем иную мысль – ‘было бы хорошо, если бы вместо М. в воротах стоял настоящий голкипер’, см. финитную парафразу (15.б.).

- 15.а. В ворота хорошо_{PRED} бы_{OPT} стать_{INF-PERF} голкиперу_{DAT}... <а не мальчишке во вратарском свитере с повадками внимательного зрителя>²
 б. Хорошо бы в воротах стоял <настоящий> голкипер, а не мальчишка во вратарском свитере.

Пример (15.) подтверждает, что присущие независимым индикативным предложениям ДИС ограничения на употребление инфинитива сов.в. снимаются в контексте неиндикативного модального оператора типа *хорошо бы*.

3. Синтаксические идиомы с *н*-словами

3.1. Определение и дефиниционные свойства *н*-слов

Н-слова являются предикатными вершинами, удовлетворяющими следующему определению.

² Автор текста – известный актер Дмитрий Назаров, 1957 г.р. См. «Спорт-Экспресс», 25.10.2021. Актер Назаров написал стихотворение после разгрома «Спартак» от «Зенита».

v. *Н*-слово может быть лексической вершиной финитного предложения, но не вершиной непредикативной группы, состоит из ударного отрицания *не*-, в который инкорпорируется одиночная словоформа вопросительно-относительного местоимения, и имеет обязательную валентность на инфинитив.

Не являются *н*-словами неопределенные местоимения *некий*, *некоторый*, где выделяется ударное *не*-, ср. ИГ *некий человек*, *некоторое недоразумение*, а также аргументные слова с морфом *не*- типа *недруг*, *немошь*, *нелюдь*, *нежить*, *ненависть*, *недоросль*, ср. также *невидадь*³.

Инкорпорированный компонент *н*-слова называется далее *к*-словом. Е. В. Падучева (Падучева / Paducheva 2017) считает *к*-слово аналогом относительного местоимения. Это объясняется тем, что она признает предложения с *н*-словом типа *мне негде спать* 'не существует такого места, где X может спать' аналогом т.н. безвершинных относительных придаточных (free relatives), ср. *я съем*, [_{FR} *что ты приготовишь*], *я лягу*, [_{FR} *где ты постелешь*]. Большинство исследователей, однако, сопоставляет предложения типа *мне было негде спать* и близкие им структуры *мне не было где спать* с т.н. делиберативными (=советательными) вопросами типа *Где мне спать? Что мне приготовить?* (Zubátý 1922; Mrázek 1972; Šimík 2011), поэтому аналогия с вопросительными местоимениями выглядит более очевидной.

3.2. Состав класса *н*-слов

Объем класса *н*-слов определяется комбинаторикой *к*-слов, способных инкорпорироваться в форму ударного отрицания *не*-. Среди *н*-слов имеются три единицы, традиционно описываемые как местоименные наречия с пространственным значением – *негде*, *некуда*, *неоткуда*, одно темпоральное наречие (*некогда*) и одно наречие цели (*незачем*). Прочие *н*-слова являются формами косвенных падежей местоимений *некто* и *нечто*, при этом формы им.п. данных местоимений *н*-словами не являются и имеют иной синтаксис. Если рассматривать каждую комбинацию *н*-слова с предлогом, ср. *не для кого*, *не у чего*, *не к кому*, *не по чему*, *не на чем*, *не с кем*, *не о чем* и т.п., а также беспредложные формы *некого*, *некому*, *некем*, *нечего*, *нечему*, *нечем* как отдельную единицу, общий объем класса *н*-слов составит около 60 единиц. В формировании *н*-слов участвуют только первообразные предлоги, комбинации типа **не благодаря кому*, **не ввиду чего* исключены.

³ Любопытна идиома *невесть кто* 'неизвестно кто', которую можно трактовать, как непредикативную группу, в состав которой вставлено вопросительно-относительное местоимение *кто*, но в *не*- инкорпорируется другое слово.

3.3. Ударное отрицание *не*² в составе *н*-слов и подъем *к*-слов

Н-слова совмещают в себе признаки морфологических и синтаксических единиц, в силу чего их нередко описывают как ‘синтаксические идиомы’ (Rapaport 1986) или ‘синтаксические агломераты’ (Апресян, Иомдин / Apresyanyan, Iomdin 1989). Интуитивно неочевидно, является ли ударное *не*- в составе *н*-слова аффиксом или синтаксическим элементом, поэтому уточнение статуса *не*- возможно лишь после выяснения общей синтактики *н*-слов, а не наоборот. Ю. Д. Апресян и Л. Л. Иомдин (1989; 2010) используют для указания на ударный отрицательный морф верхний индекс *не*², чтобы отделить его от свободного безударного отрицания *не*¹, которое стоит с *к*-словом дистантно, см. вариант (16.а.), где реализуется *н*-слово *не*²*где*, и вариант (16.б.), где такая единица не возникает.

16.а. Мне_{DAT} было_{AUX.PST.3SG.N} *не*² где_{NEG-W} спать_{INF}.

б. Мне_{DAT} *не*¹ было_{AUX.PST.3SG.N} где_{K-W} спать_{INF}.

В плане семантики и *не*¹, и *не*² являются общими (сентенциальными) отрицаниями, в сферу действия которых входит вся пропозиция. Однако *не*¹ является свободным (free), а *не*² – лексически связанным (bound, lowered) отрицанием. Русский язык в отрицательных клаузах с *к*-словом явно предпочитает вариант (16.а.) с лексически связанным отрицанием. Если варианты (16.а.–б.) связаны между собой некоторым правилом синтаксиса, что признает большинство исследователей, ср. (Rapaport 1986; Babby 2000), позиция отрицания и в (16.б.), и в (16.а.) должна находиться в верхней, матричной клаузе, хотя образование *н*-слова затемняет этот факт: если не постулировать подъем *к*-слова в верхнюю (матричную) клаузу, получается очевидно неприемлемый результат, когда граница между матричной и вложенной клаузой проходит внутри *н*-слова, между *не*² и *к*-словом. Трудность можно обойти, избрав синтаксический формализм без понятия клаузы, например грамматику зависимостей (Апресян, Иомдин / Apresyanyan, Iomdin 1989; 2010). Однако формализм грамматики составляющих дает достаточно ресурсов для проверки гипотезы о подъеме *к*-слова, в том числе в языках типа болгарского, где образования *н*-слова не происходит, при этом отрицание может образовывать морфологическое единство с матричным предикатом (Пенчев / Penchev 1984; Rudin 1986; Пенчев / Penchev 1993; 1998). В примерах (17.а.–б.) *к*-слово *къде* стоит левее подчинительного союза-частицы *да*, вводящего финитную клаузу, в данном случае эквивалентную русскому инфинитивному обороту.

17. Болгарский

а. Има_{EXIST} къде [_{WH} да спя *къде*].

б. Няма_{EXIST.NEG} къде [_{WH} да спя *къде*].

Болгарский язык использует один и тот же поверхностный синтаксис с вложенной *да*-клаузой в утвердительных и отрицательных экзистенциальных предложениях, вводимых *има* и *няма*. В русском языке синтаксис этих предложений асимметричен: эквивалентом (17.а.) служит предложение (18.), где используется оператор утверждения *есть* (презентная форма полнозначного глагола *быть*).

18. **Есть** где спать.

В отрицательных экзистенциальных предложениях русского языка форма *есть* невозможна, тем самым, *не*² и *есть* оказываются в дополнительной дистрибуции, что дает основание трактовать *не*² как идиоматическую форму экзистенциального глагола (Garde 1976; Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989), ср. блг. *няма*. Рус. *есть* и блг. *има* эквивалентны, с поправкой на то, что болгарский язык использует оператор подтверждения на основе глагола ИМЕТЬ, а русский – на основе глагола БЫТЬ (Mrázek 1972).

3.4. *Н*-слова как аналоги предикативов ДПС

В традиционных описаниях русской грамматики *н*-слова рассматриваются как предикативные отрицательные местоимения с обязательной валентностью на инфинитив (Шведова / Shvedova 1982). Ж. Вейренк (Veysenc 1979) прямо отождествляет их с предикативами ДПС, поскольку они сочетаются с теми же типами связок и требуют субъекта в дат.п. Впервые подобное соображение было высказано А. М. Пешковским, который использовал термин «безлично-предикативное слово в позиции после связки» (Пешковский / Peshkovskij 1928: 418). Главным доводом в пользу такого анализа является то, что *н*-слова имеют стандартный связочный синтаксис и не накладывают ограничений на форму вида инфинитива, см. выше п. 2.3. о соответствующем ограничении в предложениях ДИС, а связка *быть* может быть заменена связками *стать*, *оказаться* и *делаться*. В записи (19.) полужирным выделены элементы, которые диагностируют данную синтактику.

19. Мне было_{AUX}/стало_{AUX}/оказалось_{AUX}/сделалось_{AUX} негде_{NEG-W} спать_{INF}.
IMPERF / **прилечь**_{INF.PERF}

Таким образом, заполнение позиций связки и инфинитива в примерах с *н*-словом полностью соответствует представлениям о несогласуемых финитных связочных предложениях в русском языке и не соответствует синтаксису ДИС, которые не являются стандартными связочными структурами, см. п. 2.2. выше. Маркировка семантического субъекта дат.п. не является ясным критерием, поскольку дат.п. может приписываться как предикативом (Veysenc 1979), так и инфинитивом (Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989), соответственно, трактовка ИГ в дат.п. как элемента вложенной или матричной клаузы, или, в иных терминах – как зависимого инфинитива или всего *н*-слова, зависит от избранной теории. При отождествлении всего *н*-слова с предикативом в паре (NEG-W° → INF) инфинитив считается зависимым *н*-слова.

3.5. *Н*-слова как аналоги предложений

Согласно Ю. Д. Апресяну и Л. Л. Иомдину (Апресян, Иомдин / Апресян, Iomdin 2010: 70), Й. Хольтхузен (Holthusen 1953: 158) был первым лингвистом, который рассматривал русские *н*-слова как аналоги предложений, возглавляемых отрицательным экзистенциальным глаголом. Этот анализ был развит П. Гардом (Garde 1976) и обрел современный вид в работах (Rappaport 1986; Апресян, Иомдин / Апресян, Iomdin 1989), где *к*-слово трактуется не как хозяин инфинитива, а его зависимое ($INF^{\circ} \rightarrow WH$). Это решение подсказывается тем, что падежная форма *к*-слова зависит от валентности инфинитива, т.е. является его внутренним аргументом: *не²кого_{ACC} винить^o* (+ACC), *не²о чем_{LOC} спорить^o* (+LOC), *не²с кем_{INSTR} поболтать^o* (+INSTR). Разумеется, непосредственно проверить этот тезис можно только для местоименных *к*-слов, так как наречные слова *где*, *куда*, *откуда*, *когда* и *зачем* лишены падежа изначально. Если принять этот анализ и дополнить его правдоподобной гипотезой о подъеме *к*-слова в матричную клаузу, структура предложений *н*-слова может выстраиваться примерно так: *к*-слово изначально (т.е. во вложенной инфинитивной клаузе) не является синтаксической вершиной, но переосмысливается в качестве таковой при попадании в матричную клаузу, так как инфинитив ведет себя как семантический аргумент *к*-слова.

vi. $не^0 \rightarrow к\text{-слово}^o \rightarrow \text{инфинитив}^0 \rightarrow \text{к-слово}$. (по Rappaport 1986 и Babby 2000).

Г. Раппопорт (Rappaport 1986) допускал, что *н*-слова хранятся в словаре, как готовые единицы. Л. Бэбби (Babby 2000) обосновал тезис о том, что *н*-слово порождается в процессе деривации. Главный довод в пользу разложения *н*-слов в синтаксисе и реконструкции вложенной клаузы с *к*-словом состоит в том, что отрицательные клаузы с *н*-словом соотносительны с утвердительными экзистенциальными предложениями типа *есть где спать*, см. (18.), а также с разделённооформленными вариантами отрицательных клауз типа *не было где спать*, см. (16.б.). Поэтому нужно проверять общие черты того предикатного типа, который реализуется во всех этих трех случаях.

3.6. Экзистенциальная квантификация и интерфейс конструкции МЭК

Русские предложения с *н*-словами непосредственно отождествимы с относительно распространенным в языках мира типом предложений, называемых модальной экзистенциальной конструкцией (далее – МЭК). Общим таксономическим значением МЭК является модально-экзистенциальная квантификация (Šimík 2011).

vii. Наличие/ отсутствие *x* позволяет/не позволяет сделать *p*.

Формула (vii) соответствует значению лексического концепта *available* в английском языке, а также словарным определениям *н*-слов в русской лексикографии. Словарь С. И. Ожегова (Ожегов / Ozhegov 1964: 395) толкует значение *некуда* так: 'Нет такого места, куда бы (можно было идти, поместить и т.п.)'. В европейских языках конструкция МЭК реализуется в виде биклаузалной структуры с оператором в верхней клаузе и вложенной группой *к*-слова, что первым показал Й. Зубаты (Zubatý 1922).

viii. EXIST/EXIST.NEG [_{wh} wh, V]

В большинстве славянских языков вложенная клауза является нефинитной, но в болгарском и македонском вложенный инфинитив заменен финитными *да*-клаузами (Mrázek 1972). В остальном, болгарские примеры (17.а.–б.) соответствуют формуле (viii) иконическим образом. Как показал еще Й. Зубаты на материале чешского языка, вложенная клауза МЭК не является синтаксическим островом (*island*) и допускает извлечение клитик и ударных слов в матричное предложение, при том что другие типы вложенных инфинитивных клауз с *к*-словом могут их блокировать в том же языке. Для болгарских МЭК с финитными *да*-клаузами аналогичный результат был получен К. Рудин (Rudin 1986).

Тип модальности, реализуемый русскими предложениями МЭК, можно охарактеризовать как алетическую (внешнюю) возможность для утвердительных предложений типа *есть где спать* ($\exists (x) \ \& \ \Diamond p (x)$) и алетическую невозможность ($\sim \exists (x) \ \& \ \sim \Diamond p (x)$). Этот набор пересекается с матрицей значений предложений ДИС, но не совпадает с ней: предложения ДИС не выражают в современном русском языке значения внешней возможности ($\Diamond p$), а предложения с *н*-словами не выражают значения контингентности $\Diamond p \ \& \ \sim \Box p$. Кроме того, предложения ДИС не имеют значения экзистенциальной квантификации и не используют формы полнозначного (бытийного) глагола *быть*, в то время как русские предложения МЭК, в том числе – предложения с *н*-словами, возглавляются внешне выраженным экзистенциальным оператором. Наконец, значение сильной алетической модальности (внешней необходимости, *р*) может выражаться предложениями ДИС, но не предложениями МЭК. Все эти различия, по-видимому, могут быть выведены из единственного постулата.

ix. В русских предложениях МЭК всегда имеется внешне выраженная синтаксическая вершина в виде модально-экзистенциального оператора. В русских предложениях ДИС внешний модальный оператор не может реализоваться на поверхностно-синтаксическом уровне.

3.7. Гибридные, вырожденные и модальные *н*-слова

Введем различие гибридных и вырожденных *н*-слов. *Н*-слово является гибридным предикатом, если оно имеет естественно-языковое отрицание и в контексте употребления дает возможность реконструировать утвердительный

коррелят со словом *есть*. В противном случае *н*-слово является вырожденным. В большинстве описаний по умолчанию принимается, что все *н*-слова являются гибридными, т.е. позволяют реконструировать коррелят с *есть*. Это неверно. Так, наряду с гибридным *н*-словом *нечего*¹ + INF, где *к*-слово получает падеж от инфинитива, ср. *нечего пить*, существует модальное вырожденное *н*-слово *нечего*² ‘не следует’, которое лишено естественно-языкового отрицания.

20.а. **Нечего**²_{PRED} (тебе_{DAT.2SG}) хвалить_{INF} студентов_{ACC.PL}.

б. ***Есть** (тебе) чего хвалить студентов.

Непосредственно очевидно, что *к*-слово *чего* в (20а) не является дополнением глагола *хвалить*, так как соответствующая синтаксическая валентность уже занята ИГ *студентов*. Тем самым, *нечего*² ничем не отличается от предикативов ДПС со встроенным лексическим отрицанием, ср. *нельзя*. Не все вырожденные *н*-слова являются модальными, и не все модальные *н*-слова являются вырожденными. *Н*-слово (*Х*-у) *некогда* ‘*Х* занят’ может употребляться как гибридное, но в контексте (21.) это исключено:

21.а. (Мне_{DAT.1SG}) сейчас некогда_{PRED} полоть_{INF} грядку_{ACC.SG}.

б. *(Мне_{DAT.1SG}) сейчас **есть** когда полоть грядку.

Н-слова *не к чему* и *незачем* демонстрируют другое отклонение от таксономической семантики МЭК: они обычно позволяют реконструировать утвердительный коррелят, но при этом выражают не ожидаемое в МЭК значение внешней невозможности, а значение внутренней модальности ‘*Х* не нуждается в том, чтобы делать *p*’.

22.а. Ему было **незачем** экономить на билетах.

б. Ему было **зачем** экономить на билетах.

Модальные употребления, отклоняющиеся от значения МЭК, в общем случае, связаны с интернализацией внешних дэвидсоновских состояний. Так, *н*-слова *не над чем смеяться*, арх. *нечему смеяться* в контексте обращения к собеседнику легко переходят от базового значения МЭК ‘не существует такой вещи *p*, над которой *Х* мог бы смеяться’ к производному деонтическому значению ‘Смеяться над *p* не следует’.

3.8. Подъем и морфологический падеж *к*-слов

Все вырожденные употребления *н*-слов являются беспаджными: даже если *к*-слово *чего* в составе *нечего*² изначально имеет вин-род.п., оно теряет его в процессе деривации. Эту трактовку можно распространить и на гибридные *н*-слова, если они используются в позиции предикатной вершины, поскольку в позиции лексической вершины именного сказуемого никакие несогласуемые элементы выражать категорию падежа в русском языке не могут. Тем самым,

если *н*-слово действительно имеет некоторые свойства морфологической единицы, а не просто является свернутым предложением, оно должно подчиняться этому принципу. Отсюда следует, что *к*-слова в предложениях типа *некого винить в проигрыше* при подъеме в главную клаузу теряют морфологический падеж, изначально приписанный им во вложенной клаузе (Циммерлинг / Zimmerling 2022).

23. Васе_{DAT} было_{AUX.PST.3SG} **не°кого**_{ACC} [_{WH} винить° **кого**_{ACC} в проигрыше].

Имеется важное исключение, касающееся *н*-слов *некому* и *нечему*, включающих беспредложные формы дат.п. *к*-слов *кому* и *чему*. *Некому* и *нечему* могут занимать не только позицию лексической вершины предиката в предложении МЭК, но и позицию субъекта. В этом случае реализуется структура ДИС, где внешне выраженный субъект *должен* иметь дат.п., иначе предложение будет аномальным.

24. [_{DIS} **Некому**_{NEG-W.DAT}^{+ANIM} было_{AUX.PST.3SG} [_{WH} съест_{INF} **кому**_{DAT} пирог_{ACC}].

25. [_{DIS} **Нечему**_{NEG-W.DAT}^{NON-ANIM} было_{AUX.PST.3SG} [_{WH} гореть_{INF} **чему**_{DAT}].

Обобщение о сохранении или утрате морфологического падежа при подъеме *к*-слова, с учетом (24.) и (25.), может иметь вид (х).

х. Русские *к*-слова теряют морфологический падеж в ходе деривации, если они попадают в матричной клаузе в неаргументную позицию, но сохраняют падеж в том случае, если они перемещаются в аргументную позицию субъекта матричной клаузы.

3.9. Одушевленность субъекта

Высказывалось мнение, что русские предложения с *н*-словами имеют одушевленного субъекта, а предложения с неодушевленным субъектом в дат.п. непродуктивны и объясняются двояко: 1) наличием фразеологических сочетаний типа *яблоку негде упасть* (Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989: 60), 2) возможной контекстной интерпретацией неодушевленного аргумента как активной сущности (Fortuin 2014: 36). Корпусная статистика этого не подтверждает, при этом есть контексты, несовместимые ни с тем, ни с другим объяснением.

26. Есть бог... безбородый, потому **бороде**_{DAT.SG.}^{NON-ANIM} негде_{NEG-W} на нём поместиться_{INF}. [Сергей Клычков, 1926, Национальный корпус русского языка].

Правомерно заключить, что ограничение на одушевленность субъектного аргумента в предложениях МЭК с предикативным *н*-словом отсутствует, однако при отсутствии внешне выраженного субъекта, он, как и предложениях ДИС, по умолчанию осмысляется как одушевленный. Что касается предложений ДИС с субъектными словами *некому*, *нечему*, в них одушевленность/неоду-

шевленность является лексически заданной характеристикой *н*-слова, см. (24.) и (25.).

3.10. *Н*-слова как вложенные предложения ДИС

Поскольку само наличие в современном русском языке вложенных предложений ДИС, при непродуктивности данного типа, можно считать доказанным, см. раздел 2.4. выше, имеется возможность интерпретировать предложения МЭК с предикативными *н*-словами как вложенные предложения ДИС. Такой анализ облегчается тем, что ни в ДИС, ни в МЭК нет ограничения на одушевленность субъекта, см. выше раздел 3.9. Поэтому предложения с неодушевленным субъектом в дат.п. можно непосредственно трактовать как структуры с подъемом аргумента.

27. Пирог_{DAT}^{NON-ANIM} не^o где_{NEG-W} [DIS остыть_{INF} где пирог_{DAT}^{NON-ANIM}].
 28. Печке_{DAT}^{NON-ANIM} не^o на чем_{NEG-W.INSTR-PREP} [DIS стоять_{INF} на чем_{INSTR-PREP} печ-
 ке_{DAT}^{NON-ANIM}].

Неясно, можно ли аналогичным способом объяснить МЭК с одушевленным субъектом в дат.п. Синтаксис таких предложений с *н*-словами дает больше оснований трактовать их как структуры с предикативом и матричным субъектом, который не наследуется из вложенной клаузы с *к*-словом, но порождается в самом матричном предложении.

4. Заключение

Две инфинитивные конструкции, выражающие модальные значения в русском языке, имеют сходные, но не тождественные свойства. Конструкция ДИС является универсальным средством выражения алетической (внешней) модальности, но не передает значения экзистенциальной квантификации. Для синтаксических идиом с *н*-словом и для русской конструкции МЭК в целом значение экзистенциальной квантификации является диагностическим, но сами значения алетической возможности и алетической необходимости могут выражаться и предложениями ДИС. В плане синтаксиса предложения ДИС являются редуцированными биклаузальными структурами с невыраженной внешней синтаксической вершиной – модальным оператором. В предложениях с предикативным *н*-словом, напротив, внешняя вершина всегда эксплицитно выражена. Если в предложениях ДИС редуцированной является верхняя клауза, то в предложениях с *н*-словом редуцирована вложенная инфинитивная клауза, откуда извлекается *к*-слово и могут извлекаться другие элементы. *Н*-слова являются аналогами предложений, но имеют отдельные свойства морфологических единиц, а именно – предикативов ДИС: они лишены падежа, не согласуются и

сочетаются с субъектами в дат.п. В плане категории одушевленности *n*-слова ближе к предложениям ДИС, так как они разрешают неодушевленные субъекты. Не исключено, однако, что одушевленные и неодушевленные субъекты *n*-слов должны описываться по-разному. Предложения ДИС связаны почти исключительно с независимыми клаузами. Вложенные предложения ДИС, вводимые предикативами, являются реликтовым типом, однако имеется возможность интерпретировать предложения МЭК с *n*-словами как обособившуюся разновидность вложенных предложений ДИС.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan, Iomdin 2010: Апресян, Ю., Л. Иомдин. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография. – В: Апресян, Ю. (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва, с. 59–113. (Apresyan, Yu., L. Iomdin. Konstruktsii tipa *negde spat'*: sintaksis, semantika, leksikografiya. – In: Apresyan, Yu. (red.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovary*. Moskva, pp. 59–113.)
- Babby 2000: Babby, L. H. Infinitival existential sentences in Russian: A case of syntactic suppletion. – In: King, T. H., I. A. Sekerina (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 8: The Philadelphia Meeting 1999*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, pp. 1–21.
- Bailyn 2011: Bailyn J. 2011. *The Syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonch-Osmolovskaya 2003: Бонч-Осмоловская, А. *Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Диссертация*. Москва: МГУ. (Bonch-Osmolovskaya, A. *Konstruktsii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke. Dissertatsiya*. Moskva: MGU.)
- Ebeling 1984: Ebeling, C. L. On the meaning of the Russian infinitive. – In: Van Baak, J. J. (ed.). *Signs of Friendship, to Honour Andre G.F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician*. Amsterdam: Rodopi, pp. 97–130.
- Fleisher 2006: Fleisher, N. *Russian Dative Subjects, Case, and Control*. Ms., University of California.
- Fortuin 2005: Fortuin, E. L. J. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian. – In: Hansen, B., P. Karlik (eds.). *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*. Munchen: Otto Sagner, pp. 39–60.
- Fortuin 2007: Fortuin, E. L. J. Modality and aspect: Interaction of constructional meaning and aspectual meaning in the dative-infinitive construction in Russian. – In: *Russian Linguistics*, 31(3), pp. 201–230.
- Fortuin 2011: Fortuin, E. L. J. Explaining the distribution of infinitives of impersonals in Russian. – In: *Language Sciences*, 33(5), pp. 768–785.

- Fortuin 2014: Fortuin, E. L. J. The Existential Construction in Russian: a Semantic-Syntactic Approach. – In: *Studies in Slavic and General Linguistics, Vol. 40, Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists: Minsk, August 20-27, 2013. Linguistics* (2014), pp. 25–58.
- Franks 1995: Franks, S. L. *Parameters of Slavic morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Garde 1976: Garde, P. Analyse de la tournure russe *Mne nečego delat'*. – In: *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, vol. 22, pp. 43–60.
- Holthusen 1953: Holthusen, J. Russisch nečego und Verwandtes. – In: *Zeitschrift für Slawische Philologie*, Bd. 22, Heft 1, pp. 156–159.
- Hodova 1980: Ходова, К. И. *Простое предложение в старославянском языке*. Москва: Наука. (Hodova, K. I. *Prostoe predlozhenie v staroslavjanskom jazyke*. Moskva: Nauka.)
- Israeli 2013: Israeli, A. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics. – In: Kor Chahine, I. (ed.). *Contemporary Studies in Slavic Linguistics*. Philadelphia: John Benjamins, pp. 199–224.
- Israeli 2014: Israeli, A. Dative-infinitive БИ constructions in Russian. Taxonomy and semantics. – In: Witkoś, J., S. Jaworsky (eds.). *New Insights into Slavic Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang, pp. 141–59.
- Israeli 2016: Israeli, A. Dative-Infinitive Constructions with the Particle ЖЕ in Russian: Taxonomy and Semantics. – In: *Slavic and East European Journal*, vol. 60, № 2, pp. 308–330.
- Kondrashova, Šimík 2013: Kondrashova, N., R. Šimík. Quantificational properties of neg-wh items in Russian. – In: *NELS 40: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA Publications, pp. 15–28.
- Madariaga 2011: Madariaga, N. P. Infinitive clauses and dative subjects in Russian. – In: *Russian linguistics*, vol. 35, № 3, pp. 301–329.
- Mitrenina 2017: Митренина, О. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа. – В: Лютикова, Е. А., А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфологических параметров. Материалы международной конференции*. Вып. 4, с. 64–70. (Mitrenina, O. *Dativno-infinitivnaya konstruktsiya v russkom yazyke kak predlozhnaya gruppa*. – In: Lyutikova, E. A., A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. Is. 4, pp. 64–70.)
- Moore, Perlmutter 1999: Moore, J., D. M. Perlmutter. Case, agreement, and temporal particles in Russian infinitival clauses. – In: *Journal of Slavic Linguistics*, 7(2), pp. 219–246.
- Mrázek 1972: Mrázek, R. Славянский синтаксический тип «мне нечего читать». – В: *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Studia minora fakultatis philosophicae universitatis brunensis*. № 20, pp. 97–105. (Mrázek, R. *Slavyanskij sintaksicheskij tip "mne nečego chitat"*. – In: *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Studia minora fakultatis philosophicae universitatis brunensis*. № 20, pp. 97–105.)
- Ozhegov 1964: Ожегов, С. И. *Словарь русского языка*. 6-е изд. Москва: Советская энциклопедия. (Ozhegov, S. I. *Slovar' russkogo yazyka*. 6-e izd. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya.)
- Paducheva 2017: Падучева, Е. В. *Отрицательные местоимения-предикативы (на не-). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). Москва. (Paducheva, E. V. *Otritsatel'nye mestoimeniya-predikativy (na ne-). Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Moskva.)

- Penchev 1984: Пенчев, Й. Строеж на българското изречение. София. (Penchev, Y. *Stroezh na balgarskoto izrechenie*. Sofia.)
- Penchev 1993: Пенчев, Й. *Управление и свързване*. Пловдив. (Penchev, Y. *Upravlenie i svarzване*. Plovdiv.)
- Penchev 1998: Пенчев, Й. Синтаксис. – В: Бояджиев и др. (ред.). *Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис)*. София, с. 498–655. (Penchev, Y. *Sintaksis*. – In: Boyadzhiev, T. et al (eds.). *Savremenen balgarski ezik (fonetika, leksikologiya, morfologiya, sintaksis)*. Sofia, pp. 498–655.
- Peshkovskij 1928: Пешковский, А. М. *Русский язык в научном освещении*. 3-е изд. Москва-Ленинград: Государственное издательство. (Peshkovskij, A. M. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 3rd ed. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.)
- Rapport 1986: Rapport, G. C. On a persistent problem of Russian syntax: sentences of the type *Mne negde spat'*. – In: *Russian Linguistics*, № 10, pp. 1–31.
- Rudin 1986: Rudin, C. *Aspects of Bulgarian syntax: Complementizers and wh-constructions*. Columbus, OH: Slavica Publishers.
- Shimik 2011: Šimík, R. *Modal existential wh-construction*. Phd. Groningen.
- Shvedova 1982: Шведова, Н. Ю. (ред.) *Русская грамматика*. Т. 1–2. Москва: Наука. (Shvedova, N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika*. Vol. 1–2. Moskva: Nauka.)
- Veyrenc 1979: Veyrenc, J. *Les propositions infinitives en russe*. Paris: Institut d'Etudes Slaves.
- Zimmerling 2020: Циммерлинг, А. Одушевленность. Русский язык. – В: *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН*, т. 24, с. 43–56. (Zimmerling, A. *Odushevlennost'*. Russkij yazyk. – In: *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova RAN*, vol. 24, pp. 43–56.)
- Zimmerling 2022: Zimmerling, A. Existentials, modals and the ontology of states. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. София, с. 57–66. (Zimmerling, A. Existentials, modals and the ontology of states. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreichin“*. Sofia, pp. 57–66.)
- Zubatý 1922: Zubatý, J. *Mám co dělati*. – In: *Naše řeč*, № 6, pp. 65–71.

Dative-infinitive structures and syntactic idioms in Russian

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

Abstract

I discuss two sentence patterns expressing modal meanings in Modern Russian. Dative-infinitive structures (DIS) have the taxonomic meaning of alethic (external) modality in sentences in the indicative mood. Root DIS clauses are productive, while embedded DIS clauses represent a relic type inherited from Old Russian: it only survives in sentences with identical clausal subjects. Syntactic idioms like *негде спать*, *некого винить* project an idiosyncratic finite sentence pattern with a negative existential head. The latter consists of a stressed negation *не* merged with an incorporated *wh*-word. Such elements, called *neg*-words, combine features of morphological units resembling dative predicatives with characteristics of reordered sentences derived by the raising of *wh*-words from embedded infinitival clauses to the matrix clause. Most sentences with predicative *neg*-words reconstruct affirmative counterparts, which are overtly bi-clausal. Russian sentences with predicative *neg*-words express the taxonomic meaning of existential quantification combined with the meaning of alethic impossibility. The modal subject does not impose restrictions on animacy in either sentence pattern. Both DIS sentences and syntactic idioms with *neg*-words are reordered bi-clausal structures, but the reordering vector is different: DIS sentences have a degraded upper clause, while the idioms with *neg*-words have a degraded embedded infinitival clause.

Keywords: *dative-infinitive structures, syntactic idioms, neg-words, wh-words, infinitives, alethic modality, existential quantifications, biclausality, raising*

Anton V. Zimmerling
DSc Prof
Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St.
Moscow, 117485 Russia

Institute of Linguistics
Russian Academy of Science
1 Bol'shoi Kislovskij Lane
Moscow, 125009 Russia
fagraey64@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>

ЧАСТ III

СЪПОСТАВИТЕЛНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ НА ПРЕДИКАТИТЕ И ПРЕДИКАТИВИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ В БЪЛГАРСКИ И РУСКИ

ДАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Максим Стаменов^а, Антон Циммерлинг^б

Институт болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина,
Болгарская академия наук^а, Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина / Институт языкознания РАН^б

maxstam@bas.bg^а, fagraey64@hotmail.com^б

Резюме. В главе рассматривается место дативно-предикативных структур (ДПС) в русском и болгарском языках и способы реализации в них семантико-синтаксического интерфейса. Особое внимание уделено основным дифференциальным признакам предикативов – формальным и семантическим, а также свойствам и специфике интерфейса между формой и содержанием этого типа структур с точки зрения возможностей выражения в них основных морфологических, синтаксических и семантических реляций.

Ключевые слова: *надеж, согласование, дативно-предикативные структуры, дативно-инфинитивные структуры, дэвидсоновские состояния, экспериенцер, синтаксический контроль, семантический контроль, грамматическая категория лица, местоименные клитики*

Введение

В главе характеризуется статус дативно-предикативных структур (ДПС) в русском и болгарском языках. Особое внимание уделено основным морфологическим, синтаксическим и семантическим свойствам этого типа конструкций в обоих языках на основании сопоставления с родственными структурами в рамках соответствующих парадигм различных уровней грамматических систем. Такой подход позволяет очертить сходства и различия между способами оформления и функционирования ДПС не на основании установления парных соответствий и расхождений, например с помощью сопоставления переводных коррелятов в репрезентативных корпусах текстов, а с точки зрения использования возможностей выражения, которые дает соответствующий язык.

При таком подходе к способам функционирования ДПС существенными оказываются сопоставимые параметры реализации в русском и болгарском, ко-

* Максим Стаменов, Антон Циммерлинг. Дативно-предикативные структуры и семантико-синтаксический интерфейс в русском и болгарском языках. – В: Св. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 303–357.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.11>

которые оказывают влияние на их выбор в конкуренции с альтернативными средствами выражения данной языковой системы. В русском языке такими представляются:

1. Возможности формировать двусоставные и односоставные предложения, место ДПС среди последних и проблема согласования предиката;
2. Дативные схемы предложения и их компоненты с точки зрения следующих их особенностей: предикаты состояния и оценки и их значение в ДПС, способы дифференциации и противопоставления внутренних и внешних состояний; словообразовательные характеристики предикативов ДПС и в частности их распределение по частям речи; сочетания и синтаксические идиомы в позиции предикатива;
3. Онтология конструкции ДПС, распределение предикативов по семантическим классам и семантические ограничения на их образование, такие как неодушевленность аргумента в дат. п., его активность и запрет на интенционализацию внешних состояний;
4. Особенности семантико-грамматического интерфейса в конструкциях ДПС: морфологический падеж, предикативы и типы предикатов; гипотеза Поспелова и отсутствие согласовательной морфологии; автореферентность и *мне-мера*; субъект состояния и субъект оценки как компоненты значения; падежное маркирование одушевленного участника и статус Субъекта; общая характеристика макророли субъекта состояния, синтаксический контроль и заполнение позиции субъекта; гетерогенность тематической макророли Субъекта состояния.

Для болгарского языка существенными являются следующие аспекты реализации ДПС в контексте системных возможностей языка:

1. Двусоставные и односоставные предложения как средство выражения и место ДПС среди них;
2. Обзор конструкций, которые требуют для своей реализации субъекта в дат. пад. в предложениях с предикативом;
3. Классы предикативов и тематическая структура ДПС, при толковании которых обращается внимание на формальные и содержательные характеристики предикативов; на основные семантические их группы и возможности реализации на этом основании различных тематических конфигураций ДПС; на некоторые особенности использования предикативов в дательных конструкциях по сравнению с безличными; на специфику противопоставления и идентификации референтов предикативов состояния и оценки;
4. Характерные особенности использования кратких дательных форм личных местоимений и семантико-синтаксический интерфейс, среди которых предметом обсуждения становятся: нарушение правил согласования между подлежащим и сказуемым; специфика функционирования категории грамма-

тического лица; некоторые специфические особенности референциального и кореференциального потенциала личных местоимений с точки зрения распределения по лицу и коррелятивному доступу к содержанию предложения; функции категории падежа в рамках ДПС; содержательная характеристика тематической роли Экспериенцера; характер императивного использования дательной клитики и возможности дублирования косвенного дополнения.

Представленный анализ создает возможность развернуть категориальный аппарат для сопоставления ДПС (и подобных конструкций), при которых в центре внимания будут аспекты реализации этих структур в контексте возможностей, которые предоставляет соответствующая грамматическая система по отношению к таким основополагающим ее категориям, как структура предложения, требования к согласованию частей предложения, функции падежа, роль грамматического лица, способы функционирования клитик, возможности синтаксического и семантического контроля и т. д.

1. ПРЕДИКАТИВЫ И ДАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Односоставные, двусоставные предложения и согласование предиката

В русской лингвистической традиции для классификации предложений обычно используется концепция А. А. Шахматова (Шахматов / Shahmatov 1925). Полные предложения, где внешне выражены оба главных члена, называются *двусоставными*, прочие – *односоставными*. Сам А. А. Шахматов допускал наличие предложений, где единственным главным членом является подлежащее (т. н. *назывные* предложения), другие русисты полагают, что назывные предложения типа *Тишина*; *Благодать!* являются разновидностью односоставных сказуемых структур. *Безличными* традиционно называют те односоставные предложения, где глагол стоит в 3 л. ед. ч. (в прош. вр. – 3 л. ед. ч. ср. р.), контролер согласования отсутствует, а восстановление подлежащего невозможно в принципе (*Светает. *Природа светает*) либо невозможно без изменения значения предложения (*Васю вырвало ~ Вася вырвал столб*¹). Формализация этого анализа связана с представлением о том, что в структуре безличного предложения позиция подлежащего отсутствует (Babby 2002).

¹ Предложения типа *Ветер вырвал столб* и *Столб вырвало ветром* не синонимичны: информация о том, что столб был вырван из земли благодаря действию стихийной силы, вычитывается из схемы второго предложения, но не первого.

Выделение т. н. *неопределенно-личных* (*У нас в зале не курят*) и *обобщенно-личных* предложений (*Тише едешь – дальше будешь*) в особые структурные типы во многом объясняется тем, что в традиции А. А. Шахматова нулевые (внешне невыраженные) подлежащие не признаются. В других грамматических теориях такие предложения рассматриваются как субъектно-предикатные структуры, т. е. структуры с позицией подлежащего, где форма лица и числа глагола контролируется внешне невыраженным подлежащим с неопределенной или обобщенной референцией. Но тем же способом можно описать и часть безличных предложений, а именно те, в аргументной структуре которых имеется устраненный производитель действия (агенс), ср. *лодку опрокинуло* (Mel'čuk 1995). В типологической литературе деагентивные предложения типа *лодку опрокинуло* <стихийной силой>, *лодку опрокинули* <люди> объединяются в широкий класс конструкций с устраненным агенсом или устраненным неагентивным подлежащим, которые получили название *имперсональных* (Malchukov, Ogawa 2011). Лишь часть этих предложений является безличными в смысле традиционной грамматики. Тем самым образом, наиболее ясным для определения безличных предложений остается критерий согласования: в языке, где имеется механизм согласования сказуемого с подлежащим, часть предикатов формально сохраняет согласовательную форму в отсутствии лексически выраженного контролера согласования. Этот феномен в современных теориях грамматики принято называть *дефолтным согласованием* (default agreement), ср. (Лютикова / Lyutikova 2017). Дефолтное согласование отличает сказуемые безличных предложений от предикатов типа *прыг*, *хлоп*, которые вообще лишены категории лица. Имеются основания считать, что в русском языке и большинстве аккузативно-номинативных языков типа русского лексическим контролером согласования может быть только именная группа, имеющая высший падеж в иерархии падежей – им. п.² Не все типы подлежащих являются лексическими контролерами сказуемых, так, у инфинитива и придаточного категории падежа нет, поэтому даже если признать предложения [*Читать книги*] *было интересно* и *Васю огорчило*, [*что ему не дали премии*] двусоставными, в них может реализоваться только дефолтное согласование. Нестандартные свойства в русском языке имеют количественные группы типа *два человека*, *пять человек*, которые согласуются со сказуемым во мн. ч., что естественно толковать как лексическое согласование, ср. [*пять человек*]^{PL} *пришли*_{3PL}, либо в ед. ч., что разумно истол-

² Неясно, распространяется ли данный принцип на предполагаемые нулевые подлежащие предложений типа $\emptyset^{3PL}$ *уронили*_{3PL} *мишку*_{ACC} *на пол*, но это вопрос синтаксического формализма. В большинстве современных теорий падежа выдвигается постулат о том, что падеж приписывается именным группам. Этого статуса у нулевого подлежащего быть не может, но для языков типа русского можно допустить, что нулевое подлежащее $\emptyset^{3PL}$ имеет форму числа, которую копирует сказуемое *уронили*_{3PL} *мишку*_{ACC}.

ковать как дефолтное согласование, ср. *пять человек пришло*_{3SG.N}. При наличии препозитивного определения сказуемое всегда согласуется в мн. ч. – [*эти/новые пять человек*]^{PL} *пришли*_{3PL} / **пришло*_{3SG.N}, что служит серьезным основанием признать контролером согласования препозитивный детерминатор, а не числительное, а сами выражения типа [*эти новые пять человек*] приравнять к т. н. расширенным именным группам (*determiner phrase*), ср. (Лютикова / Lyutikova 2018; Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 387). Все перечисленные нестандартные типы предложений связаны с 3 л., что служит дополнительным доводом в пользу того, чтобы считать обобщенно-личные предложения (2 л.) двусоставными. Что касается привязки типов предложений к граммемам категории числа, следует иметь в виду, что дополнительное распределение неопределенно-личных предложений (3 л. мн. ч.), описывающих действия и процессы, инициируемые необозначенной или неизвестной говорящему группой лиц, и безличных предложений, описывающих ситуации, не контролируемые никаким одушевленным участником (3 л. ед. ч.), не универсально. Оно сложилось в истории русского языка сравнительно недавно: в древнерусский период «неопределенно-личные значения», связанные в современном русском языке исключительно с 3 л. мн. ч., могли выражаться и односоставными предложениями в 3 л. ед. ч. (Циммерлинг / Zimmerling 2018a).

В односоставных предложениях подлежащего нет по определению, однако могут быть выделенные именные или местоименные элементы, по некоторым признакам отличающиеся от дополнений и сближающиеся с подлежащими двусоставных предложений. Такие элементы принято называть *приоритетными актантами* (Тестелец / Testelec 2001: 319) или *неканоническими субъектами* (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 52). Должны быть специальные основания и диагностика для их выделения, поскольку постулат о том, что любая предикация включает приоритетный актант, является скрытой формой утверждения о том, что все предложения двусоставны. В языках, где каноническое подлежащее двусоставных предложений получает *прямой*, т.е. высший в падежной иерархии падеж, приоритетные актанты могут получать косвенный падеж. Для русского языка в этой перспективе обсуждались падежные конструкции с формами разных косвенных падежей (Mel'čuk 2014), но наибольшие основания для выделения неканонических субъектов дают схемы предложения, где одушевленный участник обозначается формой дат. п.

2. Дативные схемы предложения

В русском языке имеется четыре основных схемы предложения с предполагаемым субъектом в дат. п. Объединение их в одну конструкцию большинство ученых считает невозможным, однако периодически предпринимаются попытки их сближить (Moore, Perlmutter 2000; Бонч-Осмоловская / Bonch-

Osmolovskaja 2003; Митренина / Mitrenina 2017) на основе неверифицируемого предположения, что конструкции, включающие общие фрагменты синтаксической структуры (позиция одушевленного участника, маркируемого дат. п., и позиция вложенного инфинитивного дополнения), должны иметь и некоторую общую семантику. Дополнительной мотивацией таких попыток является принимаемый в рамках некоторых формальных моделей падежа постулат Р. О. Якобсона о том, что у падежей есть обобщенные значения, мажорирующие различия между синтаксическими конфигурациями, в которых падеж приписывается зависимому элементу.

1. *Дативно-предикативные структуры* (далее – ДПС), имеющие схему $N_{\text{DAT}}^{\text{ANIM}} - \text{AUX} - \text{PRED}^0$ (дат. п. лица – связка – предикатив⁰): *Мне холодно. Мне противно. Мне все равно. Мне любопытно узнать, как прошла встреча.* В конструкции ДПС ограничение на одушевленность субъекта соблюдается строго, все имеющиеся видимые отклонения удовлетворительно объясняются как случаи персонификации или переносных употреблений неодушевленных существительных (Циммерлинг / Zimmerling 2020b). Большинство предикативов⁴ ДПС имеет валентность на инфинитив, однако это не является общим диагностическим критерием конструкции. Предикативы ДПС лишены форм согласования и категории падежа (Поспелов / Rospelov 1955). Позиция связки может быть заполнена нулевой или ненулевой связкой, в зависимости от типа связки, формы времени и наклонения.
2. *Дативно-инфинитивные структуры* (далее – ДИС), имеющие схему $N_{\text{DAT}}^{\text{MOD}} - \text{INF}^0$ (дат. п. модального субъекта – предикатив⁰). Конструкция ДИС задает значение т. н. внешней (алетической) модальности: внешний фактор F (не) позволяет X-у сделать p. В зависимости от видовой формы инфинитива (сов. ~ несов. вид) и наличия отрицания предложение ДИС выражает значение алетической (не) возможности, либо (реже) – алетической необходимости (Fortuin 2005; Митренина / Mitrenina 2017). Как правило, модальный субъект является одушевленным, при этом имплицитный модальный субъект всегда интерпретируется как одушевленный: *Мне^{ANIM} не успеть на поезд ~ Ø^{ANIM} не успеть на поезд.* Однако это не является ограничительным условием, ср. *Грузовикам тут не проехать. Быть дождю.* Поэтому правильно заключить, что конструкция ДИС не ограничивает одушевленность участника, выраженного дат. п., а синтаксический признак $\pm$ Одушевленность четко противопоставляет конструкции ДИС

³ Запись X^0 указывает на то, что элемент X является синтаксической вершиной некоторой группы.

⁴ Здесь и далее термин «предикатив» используется в техническом смысле «неглагольный элемент сказуемого, который не может использоваться в данном языке в предикативной позиции».

и ДПС (Циммерлинг / Zimmerling 2020b). Конструкция ДИС не является стандартной связочной структурой: она явно ориентирована на настоящее время изъявительного наклонения, где внешне выраженная связка «быть» отсутствует, и лишь ограниченно используется в будущем и прошедшем времени, *??мне будет не успеть на поезд, *мне не будет успеть на поезд*. В связи с этим выдвигалось предположение, что элементы *было* и *будет* при инфинитиве являются не связками, а модализованными временными частями (Moore, Perlmutter 1999). Доводом в пользу такого анализа выступает то, что замена этих элементов на другие связки в предложениях ДИС невозможна: **мне сделалось не успеть на поезд*.

3. Дативно-номинативные структуры (далее – ДНС), имеющие схему $N_{\text{DAT}}^{\text{ANIM}} - \text{AUX} - N_{\text{NOM}}$: *Мне были не под силу эти задачи. Эти рукавицы мне были впору*. Предложения ДНС являются связочными структурами с двумя именными группами, где согласование контролируется группой в им. п. С точки зрения традиционной грамматики предложения ДНС являются двусоставными, однако участник в им. п. не может быть признан *внешним аргументом* предиката, так как не является агентивным. Поэтому облигаторно одушевленный участник в им. п. может конкурировать с ним за роль приоритетного актанта в аргументной структуре ДНС. Достаточных оснований признавать участник в дат. п. аналогом подлежащего нет, однако некоторые предикатные элементы, допускающие в русском языке конструкцию ДНС, параллельно допускают и конструкцию ДПС, что представляет проблему для описания, поскольку интуитивно неочевидно, что группа инфинитива стоит в той же позиции, что именная группа в имен. п.: *мне_{DAT} было_{3SG.N} не под силу [InfP решить [DP эти задачи]_{ACC.PL}]* (ДПС) ~ *мне_{DAT} были_{3PL} [DP эти задачи]_{NOM.PL} не под силу* (Циммерлинг / Zimmerling 2018b). Предложения ДНС могут также вводиться глаголом *нравиться*, который обычно не рассматривается как связка, но допускает ту же двойственность в плане реализации валентностей на группу в им. п. и на инфинитив: *мне_{DAT} не нравилось_{3SG.N} [InfP решать [DP эти задачи]_{ACC.PL}]* ~ *мне_{DAT} нравились_{3PL} [DP эти задачи]_{NOM.PL}*.

4. Глагольно-безличные предикаты с дат. п., строящиеся по схеме $N_{\text{DAT}}^{\text{ANIM}} - V_{\text{IMP}}$. *Мне просто повезло с этим. Мне повеселилось купить последний экземпляр. Мне не случилось застать его дома*. Данный тип при глаголах со значением «случиться», «иметь место» непродуктивен, поскольку русский язык явно предпочитает комбинировать с приоритетным актанта в дат. п. не глаголы, а неглагольные предикативы ДПС либо нефинитные предикаты (инфинитив в предложениях ДИС). Относительно продуктивной можно признать деагентивную конструкцию с производным возвратным глаголом, передающую значение отсутствия/наличия препятствий в реализации действия: *я не работаю → мне не работается, я не сплю → мне не*

спится, я хорошо сплю → *мне хорошо спится*⁵ (Виноградов / Vinogradov 1972: 500). Сюда же можно отнести лексикализованные безличные глаголы на –ся, образованные от пропозициональных глаголов и сохраняющие валентность на инфинитив или придаточное: ср. *мне хочется, не терпится сделать p, мне с трудом верится в то, что p, мне думается, что p*.

В предложениях ДПС дат. п. лица приписывается в русском языке лексически теми элементами, которые входят в класс предикативов ДПС. Альтернативная точка зрения, согласно которой дат. п. лица является факультативным расширителем предложения, т. н. *субъектным детерминантом*, который может быть добавлен в схему любого предиката (Шведова / Shvedova 1982: 150–151), в настоящее время опровергнута. Класс предикативов ДПС в современном русском языке продолжает пополняться, однако регулярная валентность на дат. п. имеется только у тех несогласуемых неглагольных предикатных слов, которые удовлетворяют двум условиям:

- (i) их лексическое значение соответствует таксономическому значению конструкции ДПС,
- (ii) они присутствуют в активном словаре большинства носителей русского языка, что проверяется методами социолингвистического эксперимента (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 247).

В предложениях ДИС дат. п. модального субъекта не приписывается лексически, но является характеристикой самой структуры нефинитной клаузы, т. е. не зависит от выбора конкретного инфинитива или причастия (Franks 1995). Кроме того, предложения ДИС и ДПС кардинально отличаются тем, что в предложениях ДИС инфинитив служит лексической вершиной сказуемого, а в предложениях ДПС он является зависимым предикатива. Имеются некоторые основания считать русские предложения ДИС биклаузальными структурами, где инфинитивная клауза $N_{\text{дат}} - \text{INF}$ зависит от некоторой внешне невыраженной синтаксической вершины, обеспечивающей реализацию модальной семантики (Fleischer 2006). Следует, однако, иметь в виду, что в современном русском языке *вложенные* предложения ДИС (embedded dative-infinitive structures), за немногими исключениями, отсутствуют. Поэтому при рассмотрении *независимых* предложений ДИС (root dative-infinitive structures) в ряде случаев можно отвлечься от вопроса о количестве клауз в них и рассматривать инфинитив просто как вершину сказуемого элементарного предложения. Такой подход реализован в академической грамматике русского языка (Шведова / Shvedova 1982: 374–377).

⁵ В подобных парах безличное возвратное предложение с семантическим субъектом в дат. п. передает значение о том, что действие *p* (не) осуществляется помимо воли субъекта, в отсутствии контроля или при неполном контроле с его стороны.

2.1. Предикаты состояния и значение конструкции ДПС

Класс предикативов ДПС попал в поле зрения грамматической теории в начале XX в., когда Л. В. Щерба выдвинул гипотезу о том, что предикативы ДПС являются ядром новой части речи, формирующейся в русском языке и выражающей предикатное значения состояния (Щерба / Shcherba 1928; 2008: 90). Последователи Л. В. Щербы, А. В. Исаченко (Исаченко / Isachenko 1955) и Ю. С. Маслов (Маслов / Maslov 1981) распространили эту гипотезу на другие славянские языки, включая болгарский, и отметили, что часть предикативов реализуется за пределами конструкции ДПС. Это имеет параллели в русском языке, где выделяется класс несогласуемых элементов, сочетающихся с подлежащим в им. п. и выражающих сходное или идентичное значение временно переживаемого состояния, имеющего одушевленного носителя: *Он был навеселе. Она была не в своей тарелке*. Особенностью русской грамматики является то, что одни и те же предикативы не могут сочетаться и с субъектами в дат. п., и с субъектами в им. п., что исключает употребления **он был так и надо, *ему было навеселе*. Тем самым, два класса предикативов соотнесены с разными моделями предложения. Другой особенностью русского языка является ориентация предикативов, сочетающихся с им. п. и дат. п., на разные формы категории лица. Как показано в (Циммерлинг / Zimmerling 2020a), предикативы, соотнесенные с моделью $N_{\text{НОМ}} - \text{PRED}$, ориентированы на описание состояний, переживаемых другими лицами (3 л.), их употребление в контексте актуальных состояний, переживаемых самим говорящим, проблематично: **я сейчас навеселе*. Напротив, предикативы ДПС совместимы с таким употреблением, и более того, ориентированы на употребление в 1 л., отражением чего является значительное преобладание высказываний в 1 л. ед. ч. над высказываниями во 2–3 л. в корпусной выборке стандартных и высокочастотных предикативов ДПС (Там же). Такое соотношение форм категории лица и схем предложения позволяет квалифицировать большинство предикативов ДПС как *автореферентные* слова, регулярно создающие контексты, где говорящий сам описывает и оценивает переживаемое им состояние.

Некритическое использование ярлыка «категория состояния», введенного Л. В. Щербой для указания на гипотетическую часть речи, якобы формирующуюся в русском языке, имело два негативных следствия для описания самих русских предикативов. Во-первых, значение состояния ошибочно воспринималось как интуитивно ясное и эксплицитно не определялось. Во-вторых, исходное допущение о том, что формальный класс слов, характеризующийся общностью морфосинтаксических признаков, непременно должен иметь общую семантику и признаки особой части речи, вызвало неприятие ученых, отстаивавших морфологическую классификацию частей речи (Шапиро / Shapiro 1955) и автономность лексической семантики (Апресян / Апресян 1985) и надолго отвлекло внимание от описания самих конструкций с предикативами. В силу этого, классификации безличных русских слов «категории состояния», предло-

женные в работах 1940-х – 1980-х гг., начиная с (Виноградов / Vinogradov 1947), представляют собой не всегда удачный компромисс между семантическими критериями и догматическими требованиями, вытекающими из принятия гипотезы Л. В. Щербы в ее радикальной форме. Так, В. В. Виноградов (Виноградов / Vinogradov 1972: 324–325) без каких-либо оговорок объединяет в одни и те же тематические группы неглагольные и глагольные слова, при том что часть приведенных им слов принципиально не может иметь валентности на дат. лица, ср. *Досадно*. и *Взгрустнулось*. *И верится*, и *плачется*, также *Солнечно*. *Знойно*. *Светлеет*. *Серело*, также *Уютно* и *Светло и людно*. Объединение всех этих слов в один класс мотивировано только убеждением, что они перестали быть глаголами, прилагательными, наречиями и вошли в категорию состояния.

Мы полагаем, что в настоящей главе уместно сосредоточиться на двух проблемах:

- а) Есть ли у конструкции ДПС единая таксономическая семантика, соответствующая ее поверхностно-синтаксической схеме.
- б) Являются ли все предикативы ДПС предикатами состояния.

На первый вопрос мы отвечаем положительно, утверждая, что все русские предикативы ДПС обозначают локализованные во времени и пространстве (spatiotemporal) ситуации и соответствуют определению того типа предикатов, который в семантической типологии принято называть *дэвидсоновскими состояниями* (davidsonian states) или *предикатами стадийного признака* (stage-level predicates, SLP), ср. (Davidson 1980; Kratzer 1995).

Определение предиката как дэвидсоновского состояния (SLP) означает, что он *не может* выражать другие предикатные значения, в частности, обозначать постоянные или вневременные свойства (properties, individual-level predicates, ILP), процессы и результаты. В самом деле, все предикативы ДПС удовлетворяют данному критерию, что отметил в 1928 г. уже Л. В. Щерба, осознавший, что предикаты состояния и предикаты свойства соотносены в русском языке с разными классами неглагольных слов. Слабая форма гипотезы Щербы о том, что все несогласуемые именные слова в позиции после связки выражают в русском языке значение состояния, правдоподобна, если ограничить рассмотрение двумя классами предикативов и исключить ошибочно приведенные Л. В. Щербой выражения типа *<Он был> в сюртуке*, которые могут использоваться в непредикативной позиции, ср. *В сюртуке были деньги*. Сильная форма гипотезы Л. В. Щербы, которую он прямо не высказывал, но которая вычитывается из его изложения и порой озвучивается его последователями, состоит в том, что значение состояния не выражается словами, которые не принадлежат к категории состояния и сохраняют формы согласования в составе сказуемого. Это утверждение очевидно ложно. Так, например, предложение (1.) может иметь только значение состояния, а не значение вневременного свойства, хотя прилагательное *грустный* стоит в полной форме.

1. *Саша вчера был грустный.*

Ответ на второй вопрос зависит от того, как именно используется термин «состояние» в лексикографическом описании. Он может использоваться просто как рамочное обозначение всего класса дэвидсоновских состояний, и тогда все предикативы ДПС, независимо от того, обозначают ли они физиологические реакции, аффекты, модальные установки или оценки, будут сочтены состояниями в широком смысле термина (Циммерлинг / Zimmerling 2018b; 2021b: 245). Однако термин «состояние» может использоваться также в узком смысле, для выделения той группы значений, которая непосредственно связана с экспериенциальным одушевленным субъектом, а не, например, с субъектом оценки или наблюдателем. В этом случае лишь часть предикативов ДПС будет признана состояниями (Золотова / Zolotova 182; Кустова / Kustova 2021; 2022; Летучий / Letuchij 2022). Слова типа *людно*, *парно*, приведенные В.В. Виноградовым, являются состояниями только в рамках дэвидсоновской традиции, отраженной, в том числе, в таких важных для русской лингвистики работах, как (Булыгина / Bulygina 1982; Селиверстова / Seliverstova 1982), но не в рамках классификации значений, связанных со сферой одушевленного субъекта. Слова вроде *пыльно*, *солнечно*, *знойно* почти не сочетаются в русском языке с дат. п. лица, потому что они обозначают такие положения дел, которые должны оцениваться одинаково всеми наблюдателями. В таких случаях мотивация для создания предиката внутреннего состояния минимальна, поэтому спорадически встречающиеся в корпусах текста коллокации типа **мне пыльно*, **мне солнечно* остаются плодом индивидуальных экспериментов говорящих и не входят в словарь конструкции ДПС. Однако и некоторые предикативы, имеющие регулярную валентность на дат. п., могут не быть связаны с экспериенциальным субъектом, по крайней мере, – в определенных контекстах. Так, *мне неразумно* в контексте (2.), скорее означает ‘Х считает, что делать *p* неразумно’, чем ‘Х переживает состояние неразумия при оценке возможности сделать *p*.’ Предложение (3.), без дат. п. лица и с топикализованным инфинитивным оборотом, может быть базовой структурой для толкования значения предложения (2.), хотя порядок слов с топикализованным инфинитивом не является коммуникативно нейтральным.

2. *Мне_{DAT} неразумно_{PRED} [Инфр отказываться от этого предложения].*

3. *[Инфр Отказываться от этого предложения] – неразумно_{PRED}.*

Четкое разграничение экспериенциальных и неэкспериенциальных употреблений предикативов ДПС при внешне выраженном дат. п. не всегда возможно в силу того, что для стандартных предикативов ДПС автореферентное употребление является приоритетным контекстом. Поэтому *Х-у безопасно делать p* может означать как ‘Х сам оценивает, что остается в безопасности при выполнении *p*’, так и ‘У считает, что Х остается в безопасности при выполнении *p*’.

4. *Мне/Васе безопаснее приехать днем.*

При наличии ирреальных показателей вероятность неэкспериментальной интерпретации повышается, ср. (5.).

5. *Васе было бы безопаснее приехать вчера днем.*

‘У считает, что Х был бы в большей безопасности, если бы тот сделал *p*, но имело место $\sim p$.’

2.2. Вторичные предикаты состояния. Внутренние и внешние состояния

В литературном русском языке, в отличие от болгарского, нет регулярной деривации, образующей вторичные глаголы от предикативов с сохранением валентности на дат. п. Паре блг. *Лошо ми е ~ прилошава ми* (см. ниже раздел II) соответствуют аналитические употребления с фазовой связкой *стать*.

6. *Мне плохо.*

7. *Мне стало плохо.*

В разговорном русском языке имеются отдельные формы, соответствующие болгарской модели: разг. *мне поплохело (поплошало), схудшало* → лит. *мне стало хуже*. Однако эти формы, порицаемые в нормативном употреблении, все равно непродуктивны. Так, в русском языке имеется инхоативный глагол *похолодать*, который соотнесен с негативным предикативом *холодно*¹, используемым для описания среды, ср. (8.а.–б.). Однако предикатив ДПС *холодно*² не имеет парафразы **мне похолодало* даже в разговорном языке, ср. (9.а.–б.).

8. а. *На дворе **стало** холодно*¹_{PRED}.

б. *На дворе похолодало.*

9. а. *Мне **стало** холодно*²_{PRED}.

б. **Мне похолодало.*

Предикативы ДПС и русские предикативы в целом не используются в позиции вторичного сказуемого (в русской грамматической традиции – *предикативного атрибута*), см. (Zimmerling 2021a). Поэтому мы считаем целесообразным отвергнуть тезис о том, форма тв. п. в предложениях типа (10.а.) соотнесена с тем же самым предикативом *нужно*, который реализуется в предложении (10.б.). Иная точка зрения обоснована в работе (Летучий / Letuchij 2018).

10. а. *Вася_{NOM} счел **нужным**_{INSTR} [_{InfP} *приехать вечером*].*

б. *Васе было нужно_{PRED} [_{InfP} *приехать вечером*].*

Понятия «первичный» и «вторичный» по отношению к русским предикатам ДПС уместно применять не по отношению к их словообразовательной структуре (почти все они производны), а по отношению к их семантическому типу. Используем различие *внутренних* и *внешних* состояний, введенное Анной А. Зализняк (Зализняк / Zaliznjak 1992) для описания глагольных значений и адаптированное к неглагольным конструкциям в работах (Циммер-

линг / Zimmerling 1998; 2018b). Внутренние состояния обозначают ситуации с выделенным участником (семантическим субъектом), внешние состояния обозначают ситуации, где семантический субъект отсутствует. Дэвидсоновские состояния, с точки зрения онтологии естественного языка, каузально не обусловлены, они не концептуализуются в русском, болгарском или любом другом языке мира как следствие каких-либо процессов и действий. Внутренние состояния не допускают экстенциональной квантификации (*X*-у может быть *холодно* или *скучно* в той же самой ситуации, где *Y*-у *тепло* или *интересно*, а внешние могут быть квантифицированы по параметрам локуса (пространство и время). При этом ситуация внутреннего состояния (*X*-у *грустно*, *стыдно*, *тоскливо*, *страшно*, *холодно*) недоступна для визуального или аудиального наблюдения извне, в то время как ситуация внешнего состояния (*На дворе темно. На улице холодно. В комнате грязно.*) наблюдаема и описывается глазами вычитываемого из контекста либо виртуального (обобщенного) наблюдателя.

Применительно к предикативам ДПС разумно принять за основу гипотезу о том, что все они или большинство из них являются внутренними состояниями (SLP_{INT}), поскольку способность выражать таксономическое значение внутреннего состояния является в русском языке нетривиальным свойством, по преимуществу ассоциированным с продуктивными моделями предложений $N_{DAT} - AUX - PRED$ и $N_{NOM} - AUX - PRED$, где элементы, не удовлетворяющие морфосинтаксическим критериям предикатива (отсутствие падежа, согласования и параллельных употреблений в непредикативной позиции) выступать не могут. Однако те же предикативы ДПС обычно могут выражать и значение внешнего состояния (SLP_{EXT}) и в контекстах без внешне выраженного дат. п. лица. Переход от внутреннего состояния к внешнему ($SL_{PINT} \rightarrow SL_{PEXT}$) при предикативе ДПС *тоскливо* 'X испытывает тоску' иллюстрируют примеры (11.) и (12.), запись $\emptyset^{SE}$ 'невыраженный субъект оценки' указывает на позицию обобщенного наблюдателя.

11. После отъезда дочери *Васе*_{DAT} стало *тоскливо*_{PRED}. (SLP_{INT}).

12. После отъезда *Васиной* дочери в доме стало $\emptyset^{SE}$ *тоскливо*_{PRED}. (SLP_{EXT}).

В контексте предложения (12.) оставшиеся в доме люди могли испытывать тоску, но предложение непосредственно сообщает не об их переживаниях, а о том, что любой, кто *мог* оказаться в доме в указанный период времени, испытывал бы тоску. Поэтому предложения типа (12.) вполне уместны и в ситуации, где говорящий или рассказчик подставляет на место наблюдателя себя, а никого из людей в доме нет. Тем самым, *тоскливо* в предложении (12.) выступает как внешнее состояние, характеризуя свойства локуса *дом* в некоторый период времени. Такие контекстно-обусловленные вторичные употребления предикативов ДПС мы будем называть *вторичными внешними состояниями*, в отличие от первичных внешних состояний типа *солнечно*, *пыльно*, *ветрено*, *людно*, для которых контексты SLP_{EXT} являются основными или единственными.

2.3. Словообразовательная характеристика предикативов ДПС. *Н-слова*

Большая часть предикативов ДПС соотнесена с производящими основами кратких прилагательных и имеют финаль *-о* (исторически – форма им.-вин. п. ср. р. ед. ч. кратких прилагательных). Русисты, принимающие схему Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, а также многие их оппоненты, утверждают, что формы на *-о* переходят в категорию состояния из класса наречий, ср. (Виноградов / Vinogradov 1972: 325–332). В русском языке существует большой класс наречий на *-о*, производных от кратких прилагательных, однако нет никаких доказательств того, что непредикативные употребления деадъективных форм на *-о* являются первичными или более древними, чем предикативные. Поэтому, вопреки сторонникам гипотезы о категории состояния, правомерно заключить, что классы наречий и предикативов на *-о* формируются параллельно, а для предикативов ДПС на *-о* соотносительность с основами прилагательных является более важным системным фактором, чем наличие или отсутствие коррелятивного наречия на *-о*. Впервые эта точка зрения была обоснована в XIX в. еще А. В. Поповым (Попов / Popov 1881), ср. также (Мигирин / Migirin 1970; Циммерлинг / Zimmerling 1998; 2018b; Say 2013).

13. *Васе стало грустно*_{PRED}.

14. *Вася* [_{VP} *грустно*_{ADV} *улыбнулся*].

Небольшое число предикативов ДПС утратило соотнесенность с производящей основой прилагательного, ср. *стыдно, совестно, боязно* при отсутствии или неупотребительности прилагательных *??стыдный, ??совестный, *боязный* в современном языке, либо никогда ее не имело, ср. такие высокочастотные предикативы ДПС, как *надо, жаль, пора, нельзя*. Основы таких слов в (Циммерлинг / Zimmerling 1998; 2018ab) были названы *ситуативно-поляризованными*: имеется в виду, что основы типа *стыдн-, совестн-* используются в русском языке только для выражения дэвидсоновских состояний, но не для предикации постоянных или вневременных свойств, которые могут быть сопоставлены объектам. Однако в целом функционирование конструкции ДПС обеспечивается в русском языке основами другого типа, которые в указанных выше работах названы амбивалентными, ср. *грустн-, страшн-, интересн-*: имеется в виду, что от таких основ можно образовать как дэвидсоновские состояния, так и предикаты свойства. Возможность пополнения словаря ДПС новыми предикативами объясняется тем, что число амбивалентных основ на протяжении истории русского языка имеет тенденцию увеличиваться. В то же время, селективность конструкции ДПС поддерживается тем, что в любой момент существования русского языка по настоящее время в нем сохраняется третий класс производящих основ – *актантно-поляризованные*, от которых можно образовать только предикаты свойства, но не дэвидсоновские состояния или только внешние состояния, но не внутренние, ср. основы *пыльн-, людн-, ветрен-* и т. п.

Несмотря на отмеченные в начале XX в. А. М. Пешковским тенденции к вытеснению кратких прилагательных в некоторых контекстах полными (Пешковский / Peshkovskij 1928: 264) и тот факт, что краткие прилагательные возможны в единственной позиции – формах им. п. в составе сказуемого, в целом категория краткого прилагательного в литературном русском языке стабильна. Поэтому делить предикативы ДПС с финалью *-о* на разные лексико-синтаксические типы, например, краткие прилагательные vs. наречия или слова категории состояния с экспериенциальной семантикой, ср. *Х-у холодно, страшно*, vs. краткие прилагательные с опущенным опорным словом и сентенциальной валентностью, ср. *(мне) стало ясно, что поезд опаздывает*, для русского языка мы считаем ненужным: любое такое разделение вносит элемент произвольности. Для других языков, где морфосинтаксические условия реализации предикативов, наречий и прилагательных отличаются от ситуации в русском языке, вполне оправданы иные решения.

Технически важно отличать предикативы ДПС на *-о* от омонимичных им кратких прилагательных ср. р. ед. ч. Подчеркнем, что речь идет не о классификации самих предикативов ДПС, а о разрешении морфологической и синтаксической неоднозначности. В некоторых случаях эта задача тривиальна, ср. (15.) и (16.). В других случаях требуется внимание аннотатора, поскольку краткое прилагательное на *-о*, ср. *нужно_{ADJ}*, может допускать конструкцию ДНС с подлежащим в им. п. при внешне выраженной позиции дат. п. лица, а внешняя вершина может находиться за пределами клаузы с прилагательным, см. (17.).

15. *Васе_{DAT} нужно_{PRED} сходить в аптеку.* (ДПС)

16. *Васе_{ADJ.NOM.SG.N} нужно_{ADJ} время_{NOM.SG.N}, чтобы решить эту задачу.* (ДНС)

17. *Провизорша продала Васе_{DAT} [что ему_{DAT} было нужно_{ADJ.SG.N}].*

‘Х продал Y-у тот предмет, который Васе был нужен.’ (ДНС)

Среди форм, которые обсуждались в связи с русской конструкцией ДПС, есть особый класс выражений, впервые отмеченных А. М. Пешковским (Пешковский / Peshkovskij 1928: 418) – отрицательные предикативные местоимения с ударным *не-*: *негде, некуда, некого, нечего, не с кем, не о чем* и т. п. Такие слова реализуются при связке, имеют обязательную валентность на инфинитив и факультативную валентность на дат. п., задавая особую идиосинкратическую модель предложения $N_{DAT} - AUX - NEG-W - INF$ (Шведова / Shvedova 1982: 346). Будем далее называть такие элементы *н-словами* (*neg-words*), а вложенные в них вопросительно-относительные местоимения типа *где, куда, кого, с кем, о чем* – *к-словами*.

18. *Некого_{NEG-W} винить_{INF} в кризисе.*

19. *Мне_{DAT} негде_{NEG-W} было_{AUX.FUT.3SG.N} спать_{INF}.*

20. *Нам_{DAT} не о чем_{NEG-W} будет_{AUX.FUT.3SG} спорить_{INF}.*

В русистике существуют две традиции описания *н*-слов – как предикативов ДПС (Veyrenc 1979; Циммерлинг 2018a, b) и как аналогов предложений (Rappaport 1986; Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989/2010; Babby 2000; Kondrashova, Šimík 2013). Попытка объединить элементы двух этих подходов предпринята в работе (Zimmerling 2022). Анализ *н*-слов как свернутых предложений подкрепляется двумя аргументами – 1) соотносительностью с утвердительными предложениями, где появляется операторное слово *есть*, 2) падежная форма аргументного *к*-слова предсказывается моделью управления глагола, так, *винить* в (18.) управляет вин. п., а *спорить* в (20.) – предл. п.

21. *Есть* _{ACC} *кого* _{INF} *винить* _{INF} *в кризисе*.

22. *Мне* _{DAT} *было* _{AUX.FUT.3SG.N} *где спать* _{INF}.

23. *Нам* _{DAT} *будет* _{AUX.FUT.3SG} *не о чем* _{NEG-W} *спорить* _{INF}.

Предложения (18.)–(20.) и их неотрицательные корреляты (21.)–(23.) выражают значение модально-экзистенциальной квантификации – ‘нет такого *x*, чтобы с ним можно было сделать *p*’ ~ ‘есть такой *x*, с которым можно делать *p*’. Ровно такой оттенок значения предикативам ДПС, не являющимся *н*-словами, не присущ. Вместе с тем, сам таксономический тип модальности – алетическая (внешняя) модальность *внешней невозможности* – ‘внешние обстоятельства не дают осуществить *p*’ покрывается употреблением конструкции ДПС, ср. такие модальные предикативы, как *надо*, *нельзя*, *можно*, *необходимо*, которые, однако, помимо алетических, могут выражать и другие модальные значения. К тому же, все *н*-слова обозначают локализованные во времени и пространстве ситуации, т. е. являются дэвидсоновскими состояниями. Поскольку они предполагают выделенного участника (модального субъекта), они также должны быть признаны внутренними состояниями (SLP _{INT}). По совокупности этих факторов *н*-слова были включены в (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 248) в словарь русской конструкции ДПС.

В болгарском языке *н*-слова отсутствуют, так как *к*-слова не образуют морфологической единицы вместе с отрицанием. Следует иметь в виду, что русское *н*-слово можно рассматривать как аналог предложения, но не как аналог синтаксической группы, поскольку *н*-слова могут инкорпорировать только *к*-слова, а не группу *к*-слова (wh-phrase), ср. (24.) и (25.).

24. *Не с кем* _{NEG-W} *из девочек было* _{AUX.FUT.3SG.N} *разговаривать* _{INF}.

25. **Не с какой девочкой было* _{AUX.FUT.3SG.N} *разговаривать*.

2.4. Сочетания и синтаксические идиомы в позиции предикатива

Кроме однословных предикативов и *н*-слов, русская конструкция ДПС включает некоторое количество идиом, которые в деривационной перспективе являются застывшими синтаксическими группами (обычно – предложными),

ср. *Х-у не по себе / не по душе / все равно / так и надо* и т. п. Часть подобных элементов пишется слитно: *впору, невдомек*. Идиомой можно считать также употребление фразеологически связанного инфинитива в позиции PRED в контексте *Х-у ПЛЕВАТЬ/НАПЛЕВАТЬ на Y-а / на то, что p* (грубое выражение безразличия или пренебрежения к *Y-у* или к фактору *p*), поскольку в данном случае речь должна идти не о конкретной лексеме, а о семантической переменной 'ГЛАГОЛ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОТПРАВЛЕНИЯ', на место которой можно подставлять разные слова, в том числе – находящиеся за рамками литературного русского языка.

Идиома *так и надо* 'Х заслужил свою участь' интересна тем, что она включает элемент *надо*, который сам по себе является предикативом ДПС. Другим любопытным свойством этой идиомы является то, что она соотносена с особым порядком слов и благоприятствует вставке слабоударных субъектных местоимений в дат. п. Размещение их слева и справа от *так и надо* возможно, но реализуется реже (Циммерлинг / Zimmerling 2018с: 169), ср. (26.а.–в.).

26. а. *Так тебе и надо.*

б. *Так и надо тебе.*

в. *Тебе так и надо.*

3. Классы предикативов и онтология конструкции ДПС

Разбиение предикативов ДПС на семантические классы может быть непротиворечиво произведено на основе двух посылок, обсуждавшихся выше в разделе 2., в противном случае возникает концептуальная неясность, какое именно содержание вкладывается в термин 'предикатив ДПС':

(iii) Валентность на дат. п. лица является словарным свойством предикатива ДПС.

(iv) Все предикативы ДПС являются дэвидсоновскими состояниями.

С учетом того, что конструкция ДПС продуктивна, а предикативы имеют неодинаковую частотность, возможны пограничные случаи, поэтому правомерно выдвинуть еще одно требование методологического плана.

(v) В каждом выделяемом тематическом классе должны быть элементы, удовлетворяющие критериям (iii) и (iv), а прочие элементы, добавляемые в данный класс, образуют с ними квазисинонимические отношения.

Эмпирическое обоснование критерия (v) состоит в том, что число предикативов ДПС, используемых в разных регистрах русского языка, превышает число четко различающихся лексических единиц, возможных в данном контексте.

Если существует общее значение m , реализуемое на множестве предикативов $\{a_1, a_2, a_3 \dots a_n\}$, говорящий X может без ущерба для коммуникации выразить значение m при помощи a_1 , Y – при помощи a_2 , Z – a_3 . Именно такое состояние наблюдается в корпусах текстов и фиксируется социолингвистическим экспериментом. Если единицы в рядах *мне мерзко*, *мерзотно*, *мерзопакостно*; *мне отвратно*, *отвратительно*; *мне беспокойно*, *беспокойно*; *мне некомфортно*, *дискомфортно* действительно являются квазисинонимами, следует ожидать, что X по более или менее случайным причинам (например, прецедентное употребление в семье или в кругу знакомых) выберет варианты *мерзко*, *отвратно*, *беспокойно* и *дискомфортно*, а Y по аналогичным причинам выберет варианты *мерзопакостно*, *отвратительно*, *беспокойно* и *дискомфортно*, но трудно ожидать, что большинство носителей русского языка будет пользоваться полным набором взаимозаменяемых предикативов ДПС (Ivanova, Zimmerling 2019; Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 248–253).

Интуитивно ясно, что при описании большого класса слов с общей синтактикой по возможности следует избегать введения тематических классов, включающих 1–2 элемента. Однако формализовать эту интуицию трудно.

3.1. Семантические ограничения на образование предикативов и структуры, омонимичные ДПС

Имеется три основных ограничения на образование предикативов ДПС – неодушевленность аргумента в дат. п., его активность и запрет на интенционализацию внешних состояний.

Первое ограничение как будто нарушается в некоторых предложениях с предикативом *надо*, см. (27.а.), однако в данном случае реализуется не конструкция ДПС – диагностического значения дэвидсоновского состояния пример (27.а.) вообще не выражает, нарушая критерий (iv), – а омонимичная ей структура с подъемом аргумента инфинитива в главную клаузу (Циммерлинг / Zimmerling 2018a; 2020b), ср. синонимичное финитное предложение (27.б.). Одновременно реализоваться одушевленный и неодушевленный субъект в дат. п. в структуре с подъемом аргумента не может, ср. запрет на (27.в.).

27. а. *Пирог_{DAT} надо_{PRED} [InfP остыть пирогу]*

б. *Надо, [CP чтобы пирог остыл].*

в. **Мне надо остыть пирогу.*

Вложенные предложения ДИС являются в современном русском языке редкостью, однако они возможны и при *н*-словах, ср. (28.а.).

28. а. *Негде_{NEG-W} остывать пирогу_{DAT}*

б. **Мне негде остыть пирогу.*

Ограничение на активность субъекта блокирует примеры типа **мне гневно / сердито*. Основы *гневно-*, *сердито-* являются актантно-поляризованными, поэтому сочетания типа *гневный ответ*, *сердитое лицо* возможны, а предикатные употребления типа **Васе было очень сердито*, **то, как Вася ответил, было гневно*, **лишать зарплаты было сердито* – нет. Ограничение на интенционализацию внешних состояний $S_{EXT} \rightarrow S_{INT}$ носит статистический характер, иначе бы словарь ДПС не мог пополняться новыми единицами. Тем не менее, оно блокирует употребления типа **Васе было слишком людно в комнате*. Наконец, чисто оценочные слова, которые выражают вневременные оценки вида *делать p – аморально / алогично*, обычно не сочетаются с дат. п., **ему было алогично делать p* $\rightarrow$ *с его стороны было алогично делать p*. Таким образом, общим условием, которое нарушается во всех указанных случаях, является возможность интерпретировать лексическую единицу как дэвидсоновское состояние в контексте дат. п. лица.

3.2. Тематические классы предикативов и онтология конструкции ДПС в зеркале эксперимента

Совокупность денотативных ситуаций, где предикатив ДПС может передавать в русском языке значение внутреннего состояния, комбинируясь с одушевленным субъектом, образует *онтологию* конструкции ДПС. Разные классы ситуаций могут быть соотнесены с тематическими классами предикатной лексики, с поправкой на то, что при таком подходе разные значения многозначных предикативов трактуются как разные элементы. Так, употребления типа *Васе внезапно стало плохо*, *на лекции 'X почувствовал себя плохо'* и *Васе было плохо*, *жить с людьми, которые не разделяли его увлечений 'X испытывал дискомфорт, находясь в окружении Y-в'* будут разведены по разным классам, если онтология конструкции включает классы «Физические ощущения» и «Общие оценки». Главной мотивацией для выделения тематических классов в рамках онтологии конструкции ДПС является корреляция между классом ситуаций и наличием некоторого множества элементов, отношения между которыми можно трактовать как квазисинонимические. Если язык содержит 1–2 элемента, каждый из которых может означать как *'X испытывает моральные затруднения'*, так и *'X-у неудобно нечто делать физически'*, постулировать разные классы не стоит. Если, однако, в русском языке имеется определенное число предикативов, которые выражают в конструкции ДПС значение *'X испытывает моральные затруднения'* без ссылки на физическое неудобство, и наоборот, введение разных классов с разведением *неудобно*, *просить добавку* и *неудобно*, *дотягиваться до верхней полки*, уместно. Такой формат описания русской и болгарской конструкции ДПС реализован в работах (Ivanova, Zimmerling 2019; Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 249). Какие-то из предложенных решений могут быть неудачны или расходиться с лексикографической практикой, однако наиболее полные описания словника конструкции ДПС и данные о частоте употребления каждого элемента связаны именно с дан-

ной программой описания. В 2017 г. был составлен тестовый словник из 322 стимулов, поделенных на 15 тематических классов. Еще 80 стимулов, для которых изначально вероятность употребления в конструкции ДПС была сочтена более низкой, были отнесены к дополнительному списку и распределены по тем же классам. Стимулы обоих списков оценивались информантами, которые не знали о разбиении стимулов на списки: информант должен был ответить, употребляет ли он сам данный стимул, как предикатив ДПС. Результаты показали, что у большинства информантов объем активного словаря конструкции ДПС превышает 200 элементов, но наборы этих элементов неодинаковы: в зоне варьирования находятся предикативы, имеющие низкий и средний рейтинг одобрения. Тот же список из 422 стимулов был проверен на материале Национального корпуса русского языка, при этом оказалось, что высокорейтинговые предикативы ДПС обычно являются высокочастотными. Тем самым, двойной корпусный эксперимент подтвердил валидность разбиения словника конструкции ДПС на классы, организованные по принципу квазисинонимических рядов. Внутриязыковое варьирование, в основном, затрагивает те предикативы ДПС, которые не воспроизводятся говорящими в качестве готовых лексем, а выбираются по правилам семантической селекции, в плане соответствия обобщенным заданиям квазисинонимических рядов.

Таблица 1 показывает данные об объеме 15 тематических классов предикативов ДПС. Заглавными буквами выделены предикативы неадекватного происхождения. Из таб. 1 видно, что конструкция ДПС в наибольшей степени ориентирована на выражение эмоциональных состояний (КЛАСС 3, 57 стимулов основного списка), модальностей (КЛАСС 2, 44 стимула), общие оценки (КЛАСС 11, 41 стимул), физические состояния (КЛАСС 1, 27 стимулов), сенсорные и эмоциональные реакции (КЛАСС 14, 25 стимулов). Большой объем КЛАССА 15 (слова параметрического признака, 52 стимула) и высокий рейтинг одобрения большинства из них информантами расходится с невысокой частотностью в корпусе. Это связано с тем, что говорящие без труда порождают высказывания типа *Мне было темно* и даже *Мне в ручье было по пояс*, но контексты, где такие высказывания уместны, возникают редко. Ограниченно продуктивны классы моральных оценок (КЛАСС 4, 16 стимулов) и оценок (не) релевантности (КЛАСС 12, 16 стимулов), прочие классы непродуктивны, и выделение некоторых из них частично зависит от избранной схемы описания.

Таб. 1. Тематические классы предикативов ДПС в русском языке.

	Тематические классы денотативных ситуаций	Примеры	Число стимулов осн. списка	Число стимулов доп. списка
1	Физические состояния	<i>Х-у холодно, плохо</i> , <i>НЕ ПО СЕБЕ</i>	27	10

2	Модальности	<i>Х-у НАДО, неприлично, ПОРА</i>	44	5
3	Эмоциональные состояния	<i>Х-у грустно, НЕ ПО ДУШЕ</i>	57	24
4	Моральные оценки	<i>Х-у стыдно, ГРЕХ, ТАК И НАДО</i>	16	0
5	Удобство исполнения	<i>Х-у удобно, сподручно, ПО ПУТИ</i>	8	0
6	Уместность / неуместность	<i>Х-у уместно, В САМЫЙ РАЗ</i>	13	2
7	Внутренняя потребность	<i>Х-у НЕВМОГОТУ, ПОТРЕБНО</i>	7	2
8	(Не) соответствие задаче	<i>Х-у ВПОРУ, жирно, слаб'о, ЛЕНЬ</i>	11	0
9	Трудность выполнения	<i>Х-у сложно, трудно, нелегко</i>	10	4
10	(Не) желание выполнять	<i>Х-у ОХОТА, НЕОХОТА, ВЛОМ</i>	9	1
11	Общая оценка	<i>Х-у хорошо, плохо,</i>	41	7
12	(Не) релевантность	<i>Х-у важно, НАПЛЕВАТЬ</i>	16	4
13	Эффективность	<i>Х-у вредно, полезно, БЕЗ ТОЛКУ</i>	6	1
14	Сенсорные и интеллектуальные реакции	<i>Х-у видно, слышно, ясно, известно, любопытно</i>	25	12
15	Параметризуемый признак	<i>Х-у темно, велик'о, ПО ПОЯС</i>	52	8
ВСЕГО			342	80

Н-слова попадают в КЛАСС 2 (модальности). Некоторые модальные предикативы КЛАССА 2 обладают нетривиальным синтаксическим свойством, отмеченным в (Циммерлинг / Zimmerling 2018a): они могут иметь валентность на придаточное изъяснительное, но не могут вводить *что-Р* аргумент, если при них есть внешне выраженный дат. п. лица, см. (29.).

29. а. *Неприлично*, [_{CP} *что Вася опоздал*].

б. *Васе_i неприлично* [_{InfP} *PRO_i опаздывать_{INF}*].

в. **Васе_i неприлично, что он_i / Иван_j опоздал*.

3.3. Невыраженный субъект и специфика реализации значения состояния

В отличие от болгарского языка, см. М. Стаменов, раздел II ниже, в русском языке нет механизма обязательного местоименного маркирования экспе-

риенцера, как нет и грамматикализованных местоименных клитик. Возможно, поэтому различия между каноническими эксперенциальными значениями, ср. *Х-у холодно, страшно, стыдно*, и сенсорно-оценочными значениями, ср. *Х-у любопытно, безразлично, ясно*, на поверхностно-синтаксическом уровне выражены меньше, чем в болгарском. Позиция дат. п. лица при любом предикативе ДПС может быть опущена: важно само наличие валентности на дат. п. лица в аргументной структуре, а не ее поверхностная реализация.

При отсутствии внешне выраженного субъекта может иметь место смена семантического типа дэвидсоновского состояния $SLP_{INT} \rightarrow SLP_{EXT}$, когда позиция носителя субъекта устраняется из аргументной структуры, ср. выше пример (12.) со словом *тоскливо*. Однако такой сценарий не является единственным. Возможна реализация чисто генерического значения вневременной оценки, т.е. употребление, которое не является дэвидсоновским состоянием. Предложение (30.) порождается сдвигом $SLP_{INT} \rightarrow GENER$: утверждается, что соглашаться на уменьшение зарплаты тоскливо вне зависимости от того, в какой ситуации и с кем это происходит.

30. $[_{InfP} PRO_i \text{ Соглашаться на уменьшение зарплаты}] - \emptyset_{k}^{GENER} \text{ тоскливо}$.

Условием сдвига $SLP_{INT} \rightarrow GENER$ является топиализация всей группы инфинитива с помещением ее в позицию подлежащего при отсутствии материально выраженной связки *быть* в изъявительном наклонении настоящего времени. Возможен еще один сценарий – сохранение нулевым субъектом предикатива референции к конкретному носителю состояния. Это так называемый *эффект вложенной клаузы*, когда матричная клауза сохраняет референцию к производителю действия, выраженного вложенным инфинитивом.

31. а. *Мне_i было грустно* $[_{InfP} PRO_i \text{ уезжать с дачи}]$.

б. ~~Мне_i~~ $\emptyset_i$ *было грустно* $[_{InfP} PRO_i \text{ уезжать с дачи}]$.

4. Семантико-грамматический интерфейс и конструкция ДПС

В данном разделе кратко суммируются ключевые факты о параметрах русской грамматики, релевантных для семантико-грамматического интерфейса.

4.1. Морфологический падеж, предикативы и типы предикатов

Русский является шестипадежным языком с прямым падежным маркированием аргументов. Дательный падеж может приписываться лексически – предлогами, глаголами, предикативами ДПС и именными вершинами конструкции ДНС, и нелексически: последний вариант реализуется в конструкции ДИС и иных нефинитных предикациях, где внешний аргумент (=субъект) и соотнесенный с ним плавающий квантор *одному, самому* получает дат. п. по умолчанию.

Все предикативы являются беспадежными формами, но их семантический субъект получает морфологический падеж. Маркирование семантического субъекта предикатива дат. п. отражает ориентацию на 1 л. и употребление в режиме актуального настоящего для описания состояния, переживаемого самим говорящим. Маркирование семантического субъекта предикатива им. п. при словах типа *навеселе* отражает ориентацию на 3 л. и употребление в режиме нарратива для описания состояний других лиц.

4.2. Гипотеза Пospelова и отсутствие согласовательной морфологии

Последователь Л. В. Щербы Н. С. Пospelов (Пospelов / Pospelov 1955) выдвинул гипотезу о том, что предикативы ДПС лишены не только падежа, но согласовательной морфологии. Анализ Пospelова имеет тот недостаток, что он не различает лексическое и дефолтное согласование и признает сентенциальные составляющие подлежащими предикативов, что побуждает его усматривать в предложениях типа (29.а.) и (30.) не предикатив, а омонимичное ему краткое прилагательное. Однако заявленный им подход и готовность постулировать синтаксическую омонимию для разграничения предикативов и выражений, имеющих формы падежа и согласования, продуктивны. В модифицированной форме и с учетом поправки о том, что сентенциальный актант не является лексическим контролером сказуемого, гипотеза Пospelова, по-видимому, верна.

(vi) Предикативы не используются в русском языке в синтаксических позициях, где приписывается морфологический падеж и реализуется первичное или вторичное согласование.

Ограничение (vi) непосредственно объясняет отсутствие предикативов в актантах малых клаузах, ср. *я нахожу полезным_{INSTR} сделать рассылку*, **я нахожу полезно сделать рассылку*: если бы предикатив *полезно* реально выражал значение им.-вин. п., он должен бы сочетаться с переходными глаголами типа *найти*.

4.3. Автореферентность и мне-мера

Поскольку для большинства русских предикативов ДПС автореферентное употребление в 1 л. ед. ч. настоящего времени является выделенным контекстом, позволяющим описать внутреннее состояние, переживаемое самим говорящим, их корпусную статистику удобно изучать на выборке по запросу: личное местоимение дат. п. 1 л. ед. ч. *мне* + PRED на расстоянии <-1:1>. Очищенная аннотатором или специальным алгоритмом выборка по такому запросу показывает число клауз ДПС, где личное местоимение *мне* и контактно стоящее с ним слово, которое может соответствовать лемме предикатива, соотносятся между собой как субъект и лексическая вершина одной и той же клаузы. По-

лученная метрика, называемая *мне-мерой* (Циммерлинг / Zimmerling 2020a), может использоваться для решения нескольких задач: 1) составления частотного словаря предикативов ДПС; 2) проверки гипотезы о том, что данный предикатив является автореферентной единицей, путем сличения *мне-меры* с аналогичными метриками для личных местоимений 3 л. и 2 л.; 3) установления порогового значения, при котором валентность предикатива на дат. п. лица при данной величине корпуса может считаться регулярной, т.е. выявление границ класса ДПС.

4.4. Субъект состояния и субъект оценки как компоненты значения

В русской лингвистической традиции предикаты внутреннего состояния и предикаты оценки обычно описываются как разные группы слов, ср. (Золотова / Zolotova 1982; Булыгина / Bulygina 1982; Апресян / Apresyan 1985), так, Г. А. Золотова (указ. соч.) противопоставляет ‘категорию состояния’ Л. В. Щербы ‘категории оценки’, которая усматривается в предложениях с сентенциальным актантом типа (29.а.) и (30.). Такой подход, с одной стороны, связан со стремлением сторонников Л. В. Щербы описать категорию состояния как особую часть речи и ограничить ее несогласуемыми словами, реализующимися в однозначно односоставных предложениях, с другой, – с общей ориентацией Московской семантической школы, большинство представителей которой отвергают гипотезу Л. В. Щербы, на лексикографический подход. Возможен и альтернативный подход к значениям состояния и оценки, когда и экспериенциальный компонент (= наличие субъекта внутреннего состояния) и оценочный компонент (= наличие наблюдателя или субъекта оценки) считаются характеристиками самой ситуации, где реализуется дэвидсоновское состояние (Циммерлинг / Zimmerling 1999). Эмпирическим основанием для подобного подхода являются регулярные семантические сдвиги, которые происходят в предложениях с опущенным дат. п. лица, ср. (12.), (13.), (29.) – (31.): в разных контекстах употребления одного и того же предикатива экспериенциальный компонент значения (= наличие субъекта внутреннего состояния) может и погашаться и сохраняться при опущении внешне выраженного дат. п. лица. Поэтому постулировать лексическую омонимию предикатива состояния и прилагательного оценки для каждого подобного случая неэкономно.

4.5. Падежное маркирование одушевленного участника и статус субъекта

Семантический субъект внутреннего дэвидсоновского состояния, выражаемого предикативом ДПС, является в русском языке приоритетным актантом и может рассматриваться как неканонический аналог подлежащего. Полного сходства с синтаксическим поведением канонических подлежащих (контроль деепричастных оборотов, рефлексивизация) нет, однако имеется тест, отмечен-

ный в (Zimmerling 2009), ср. обсуждение в (Летучий / Letuchij 2014; 2018; 2022). Предикативы ДПС, кроме дат. п. лица, ср. (32.а.), могут сочетаться с двумя другими типами неканонических субъектов – сентенциальным актантом, ср. (32.б.) и эксплетивным местоимением *это*, имеющим ситуативную референцию, ср. (32.в.). Однако они не могут принимать три этих выражения одновременно, ср. (33.). Такое распределение естественно истолковать как подтверждение того, что при предикативе ДПС есть только одна позиция приоритетного актанта, которая заполняется в соответствии с некоторой иерархией неканонических актантов: если в предложении имеется второй кандидат на роль субъекта, он смещается в позицию объекта. Если имеется три кандидата на роль субъекта, деривация блокируется.

32. а. *Мне*_{DAT} приятно, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].
 б. Приятно_{PRED}, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].
 в. *Это*_{EXPL} приятно_{PRED}.
 г. *Это*_{EXPL} приятно, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].
 33. **Мне это приятно*, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].

Выражения, конкурирующие между собой за роль субъекта в структуре, где каноническое подлежащее в им. п. невозможно, называются *слабыми подлежащими* (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 53). Иерархия слабых подлежащих может иметь вид (vii) или (viii), в зависимости от ранжирования морфосинтаксических признаков – валентности на дат. п. лица и на сентенциальный актант.

(vii) Дат. п. лица >> сентенциальные актанты > эксплетив *это* (Zimmerling 2009; Zimmerling 2021a).

(viii) Сентенциальные актанты >> дат. п. лица > эксплетив *это* (Летучий / Letuchij 2014; 2022).

Несубъектные группы, указывающие на одушевленного участника, ср. *полезно для X-а* (Кустова / Kustova 2016), *мило со стороны X-а*, *уютно у X-а* и т. п. кодируют другую семантику и не регулируются данным ограничением. Таким образом, эффекты слабых подлежащих связаны в русском языке именно с беспредложным дат. п.

4.6. Общая характеристика макророль Субъекта состояния

С учетом широкой онтологии конструкции ДПС, покрывающей разные типы внутренних дэвидсоновских состояний, Субъект состояния (subject of state) может интерпретироваться не как элементарная семантическая роль, а как макророль, реализующаяся в разных группах лексики и разных тематических классах онтологии ДПС по-разному. Неполный список приводится ниже.

- **Субъект ощущения:** *Мне стало холодно на улице. Мне больно.*

- **Субъект переживания:** *Мне грустно. Мне радостно.*
- **Совмещенный модальный субъект:** *Мне нельзя пить* $\Rightarrow$ 'X сознает, что не должен делать *p*'. *Мне негде делать уроки* $\Rightarrow$ 'X сознает, что нет такого места L, где он может делать *p*'.
- **Совмещенный субъект моральной оценки:** *Мне неловко занимать место выбывшего участника* $\Rightarrow$ 'X сознает, что существует моральный запрет *t*, заставляющий его испытывать чувство неловкости при выполнении *p*'.
- **Совмещенный субъект общей оценки.** *Мне хорошо / плохо на даче* $\Rightarrow$ 'X оценивает свое пребывание в месте L положительно / отрицательно применительно к своему общему состоянию в период времени *t*'.
- **Совмещенный субъект утилитарной оценки.** *Мне вредно пить. Мне полезно быть на этом семинаре* $\Rightarrow$ 'X оценивает выполнение *p* как положительное или отрицательное в плане выгоды для себя'.
- **Совмещенный субъект сенсорной или интеллектуальной реакции.** *Мне плохо слышно отсюда. Мне неясно, приехал Вася или нет* $\Rightarrow$ 'X оценивает полученную им информацию в плане полноты и возможности составить ясное представление о *p*'.
- **Совмещенный субъект параметрической оценки.** *<Выключи лампу>. Мне слишком ярко* $\Rightarrow$ 'В месте L слишком ярко & X оценивает свое состояние отрицательно в плане удобства нахождения в L'.

Можно допустить, что разные типы Субъектов Состояния образуют шкалу по степени контролируемости референтной ситуации со стороны одушевленного участника. Однако конкретный вид этой шкалы должен быть предметом специального исследования.

4.7. Синтаксический контроль и заполнение позиции субъекта

Термин 'контроль' используется в лингвистике двояко: 1) для объяснения синтаксической связи между главной и зависимой предикацией, когда субъект главной предикации контролирует определенные характеристики синтаксиса зависимой предикации – наличие или опущение аргумента, его падеж, согласовательные свойства и т. п.) = *синтаксический контроль*, ср. (Bockx et al. 2010); 2) для объяснения различий в степени контролируемости ситуации ее участником = *семантический контроль*, ср. (Кустова / Kustova 2002; Иванова, Градинарова / Ivanova, Gradinarova 2015: 189–201, 320–322). Хотя синтаксический контроль и семантический контроль являются понятиями из разных областей исследования, в некоторых случаях при изучении полипредикатных структур приходится принимать в расчет обе группы явлений, так как семантическая интерпретация главной и зависимой клаузы может зависеть от типа синтаксического контроля.

Имеются две точки зрения на синтаксический контроль в предложениях ДПС и ДИС, где субъект маркируется дат. п. Согласно одной из них, русский язык обобщил *обязательный контроль* (obligatory control) в предложениях с субъектом в дат. п., соответственно, неканонические актанты в дат. п. и подлежащие в им. п. в структурах с вложенным инфинитивом ведут себя одинаково (Fleischer 2006; Madariaga 2011). Согласно другой точке зрения, экспериенциальные субъекты, независимо от падежной маркировки субъекта, задают в русском языке отношение *произвольного контроля* (arbitrary control): когда экспериенциальный субъект внешне выражен в матричной клаузе, он контролирует нулевой субъект вложенного инфинитива (PRO), если же он отсутствует, референция субъекта устанавливается из контекста (Герасимова / Gerasimova 2015). Применительно к предикативам ДПС больше оснований принять вторую точку зрения, поскольку референция к опущенному дат. п. лица не восстанавливается автоматически, см. примеры в разделе 3.3. выше. В то же время, полное устранение экспериенциального субъекта из аргументной структуры предиката с переходом к нулевому генерическому субъекту, как было показано выше, тоже не происходит автоматически и требует преобразования синтаксической структуры, ср. комментарий к примеру (30.). Тем самым, реконструкция невыраженного экспериенциального участника, который присутствует в аргументной структуре предикативов ДПС, определяется контекстом.

5. Заключение

Конструкция ДПС в русском языке выражает внутренние дэвидсоновские состояния. Валентность на дат. п. лица является идиосинкратическим свойством несогласумых присвязочных слов, относящихся к классу предикативов ДПС. Для большинства предикативов ДПС выделенным контекстом является автореферентное употребление в 1 л. ед. ч. в актуальном настоящем времени, когда говорящий описывает переживаемое им самим состояние. Маркировка семантического субъекта предикатива дат. п. связана со свойством автореферентности. Все русские предикативы лишены падежа и форм согласования. Семантический субъект в дат. п. лица является приоритетным актантом, наличие этой валентности в аргументной структуре предикатива является более важным фактором, чем ее поверхностная реализация. Референция к опущенному дат. п. может восстанавливаться из контекста, но возможны и другие сценарии, связанные со сменой семантического типа (переход от внутреннего дэвидсоновского состояния к внешнему) либо с развитием генерического значения, которое является вневременным.

II. ПРЕДИКАТИВИ И ДАТЕЛНОПРЕДИКАТИВНИ СТРУКТУРИ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

1. Увод: Безлично изречение с предикатив и непряко допълнение в дателен падеж

В българския език има три вида изречения – неопределенолични, обобщенолични и безлични – които се класифицират като едносъставни, т.е. при които липсва подлог в облика, в който той е налице в двусъставните изречения. При неопределеноличните и обобщеноличните изречения имплицираният субект придобива неопределен или обобщен характер, което се маркира чрез ограничения в употребата според граматично лице и число. При неопределеноличните се използва само формата на 3 л. мн. ч. на глагола. При обобщеноличните глаголът е във 2 л. ед. ч. и в 1 и 2 л. мн. ч. със значение за всички лица (Георгиев / Georgiev 1983: 84). Еднозначни са ограниченията по лице и число и при безличните изречения, където сказуемото може да бъде само в 3 л. ед. ч. Сред безличните изречения различаваме такива с глагол и с предикативна дума, а сред последните такива, които изискват задължително непряко допълнение и се именуват дателнопредикативни структури или конструкции (ДПК) (Георгиев / Georgiev 1983: 87–95). Те ще станат обект на представяне и обсъждане тук. Специфично за тях е, че функцията на подлога в двусъставното изречение, доколкото става въпрос за прояви на психиката, се поема от задължителна дателна клитика, отнасяща се до лицето, което преживява състоянието или е субект на оценката, именувана от предикатив. От тази гледна точка съчетанието между безличност, тъй както тя се кодира в 3 л. ед. ч. при сказуемото, задължителният дателен на субекта, маркиран с клитика, и използването на предикатив в комбинация със спомагателен глагол формират характерната за ДПК конфигурация, която ще стане предмет на тълкуване.

2. Преглед на конструкциите, които изискват реализацията на субект в дателен падеж в изреченски структури с предикатив

Предикативните конструкции с дателна клитика са доминиращи с оглед на възможностите за представяне на преживяващия субект (на Експериенцера, т.е. на одушевления Тръпник) в косвен падеж (*Радостно ми е*) при ориентация по една или друга причина да се блокира проявата му в им. пад. като подлог (*Радостен съм*), там където това е възможно (за преглед вж. Георгиев / Georgiev 1990; Джонова / Dzhonova 2003; Петрова / Petrova 2006; Градинарова / Gradinarova 2010; Иванова / Ivanova 2016). Основните алтернативни възможности в това отношение са следните:

1. Конструкция с Тръпник, образувана с безличнопредикативна дума (прилагателно, наречие, причастие или съществително) за субективно възприятие, за физиологически мотивирано или емоционално състояние и за оценка на тази основа: *Мъчно ми е. Жал ми е. Криво ми е. Добре ми е. Зле ми е. Студено ми е. Тежко ми е (на стомаха). Лошо ми е. Самотно ми е. Чоглаво ми е. Криво ми е. Светло ми е. Тъмно ми е.*

2. Конструкция с Тръпник и производни инхоативни глаголи: *Прилошава ми (спрямо Лошо ми е). Докривява ми (спрямо Криво ми е). Призлява ми (спрямо Зле ми е).*

3. Конструкция с Тръпник и наречия или безлични глаголи за знание, мнение или умозаключение и оценка на когнитивна основа: *Известно ми е, че Х. Ясно ми е, че Х. Струва ми се, че Х. Вярва ми се, че Х.*

4. Конструкции с Тръпник, предикатив и предложна фраза с предлозите *за*, *по* и *до*: *Не ми е до теб, Не ми е за пръв път, Не ми е по сърце.*

Специфично за дателнопредикативните структури за разлика от тези с дателни предикати (глаголни форми) е това, че те не формират тематична структура за Облагодетелстван/Ощетен и за Реципиент/Получател (според класификацията на Петрова / Petrova 2006: 49). С други думи това са дателни конструкции, специализирани за изразяване на ролята на Експериенцер/Тръпник.

2.1. Конструкция с безличнопредикативна дума за състояние

Конструкция 1. е класическата за обсъждания тип с предикатив и субект в дателен падеж, изразен с клитика. Тя е широко застъпена, често използвана и с ясно очертана тенденция да разширява обхвата на своите употреби по аналогия с вече утвърдили се образци.

При съпоставка с оглед на разликата на падежна основа между подлог в им. пад. спрямо одушевено лице в дат. пад. се вижда, че в първия случай имаме идентификация на субекта с психическо преживяване (*Тъжен съм*) спрямо приписване на вътрешно състояние на себе си във втория случай (*Тъжно ми е*). Съвсем не всички дателнопредикативни конструкции от 1. обаче позволяват алтернатива с конструкция, в която субектът е в им. пад. Дори и при такава двойка като *Зле ми е* и *Зле съм*, където това е наглед възможно, налице имаме промяна на значението, което се приписва в съответните случаи на предикатива *зле*. В дателнопредикативната конструкция значението е „Лошо ми е“, а в номинативната конструкция се има предвид не физиологично състояние, а най-обща квалификация на състоянието на изказващия се съвсем не само по линията на физиологическо добруване, а по-скоро в обобщена житейска перспектива. И в случая на *Добре ми е* спрямо *Добре съм* може да се направи подобно по своя характер разграничение, така че безпроблемни по линията на тази алтернатива изглеждат преди всичко наречни употреби, които имат за основа прилагателни

за емоционално-афективни състояния, като *Тъжно ми е – Тъжен съм, Спокойно ми е – Спокоен съм* и под.

2.2. Конструкция с Тръпник и производни инхоативни глаголи

В нашата селекция е включена и конструкция 2., която е с предикат, но е производна директно на базата на тази от 1., както се вижда от невъзможността на **Лошава ми* или **Лошее ми*, т.е. инхоативният глагол *прилошава ми* се извежда направо от съответната безличнопредикативна дума *лошо (ми е)*.

2.3. Конструкция с наречия или безлични глаголи за знание, мнение или умозаключение

Характерно за конструкция 3. е, че при нея се използват на равни начала наречия с предикативна функция и безлични глаголи, т. е. и тя е хибридна, но не на словообразователна основа, както тази от 2.2., а с оглед на граматичен клас. Тя изразява знание, мнение, умозаключение и под., което стъпва на базата на информация, която подлежи на формулировка като подчинено подложно *че*-изречение. Тази конструкция е също широко застъпена и съществено допълва палитрата от предикации, които могат да се отнесат към дателен субект: *Ясно ми е, че истината няма да излезе наяве. Известно ми е, че Атанас е мошеник* (ср. Джонова / Dzhonova 2021).

2.4. Конструкции с предложни фрази

Налице са и конструкции с Тръпник и с предикатив предложна фраза с предлозите *за* и *до*, както това е при *Не ми е за гъбите, Не ми е до теб*. Те са референциално ориентирани и именуват Стимула на съответното преживяване, неговата Причина или неговия Обект. Атанасов / Atanasov (2015: 51) отбелязва възможността за такива конструкции, но изтъква, че те са редки и се употребяват само под отрицание. Някои от тях обаче влизат често в употреба, както това проличава от справка в БНК / BNK в облици със структура *Не ми е за X* (ср. *Не ми е за пръв път* или *Не ми е за парите*). Последният израз търпи разширение с комплемент подчинено подложно изречение: *Не ми е за пръв път да виждам агент с оръжие*. Справка в същия корпус показва разпространена употреба на *Не ми е до X*, което навежда на мисълта, че става въпрос за израз, който клони към идиоматизация (ср. Тодорова / Todorova 2022).

Възможен е и облик с предлога *по* в конструкцията *Не ми е по X*, както е в *Не ми е по душа, Не ви е по сърце, Не му е по джоба, Не ти е по вкуса*. Тази конструкция се специализира за изразяване на оценка по критерий, който се маркира с помощта на РР *по X*.

За всички разглеждани тук конструкции освен известната степен на фразеологизация⁶, която констатираме в най-еднозначен вид при ДПК с предложната фраза с предлога *по*, характерно е, че те се употребяват предимно в отрицателна форма.

3. Класове предикативи и тематична структура на ДПК

3.1. Формална и семантична характеристика на предикативите

При ДПК имаме разнородни по своя характер възможности за заемане на позицията на предикатив както с оглед на принадлежност според граматичен клас (част на речта), така и с оглед на семантичните му особености. Според формалната принадлежност по линията на части на речта имаме налице пет различни алтернативи:

- а) съществително: *жал ми е, време ми е*;⁷
- б) прилагателно: *тъжно ми е, радостно ми е*;
- в) наречие: *рано ми е, болно ми е*;
- г) минало страдателно причастие: *?уморено ми е; ?измъчено ми е*;
- д) минало деятелно причастие: *докривяло ми е, премаляло ми е, домиляло ми е, писнало ми е, ?недоспало ми е*.⁸

⁶ Алтернативно като конструкции (в тесния смисъл според Fillmore et al. 1988) в граматиката на конструкциите.

⁷ Следва да се отбележи, че повече съществителни в позицията на предикативи контролират клитика във вин. пад, като *Срам ме е, Страх ме е*. Други въобще не отварят позиция за клитика, като *Лъжа е, Истина е, Срамота е, Грехота е*.

⁸ М. Джонова (лична ком.) посочва, че в някои поне от приведените случаи имаме форма на глаголите за перфект – *Писна ми да го слушам – Писнало ми е да го слушам, Омръзна ми да го слушам – Омръзнало ми е да го слушам*. И в аорист лицето е в дателен падеж, а и не само в аорист – *Някой ден ще ти писне да го слушаш*. Перфектната форма, за която говорим, се идентифицира като перфект за констатация, т.е. акцентът е върху резултата, а не върху това, че субектът е участник в ситуацията и свидетел.

В Правописния речник на глагола в българския език (<https://slovoed.com/search/pravopisen-rechnik/>) формата *домиляло*, например, се разпознава като мин. св. деят. прич., ед. ч., ср. р., а *домилял* като мин. св. деят. прич., ед. ч., м. р., т. е. като членове на една и съща граматична парадигма. Само че *Домиляло ми е за теб* няма алтернативна форма с *домилял* или *домиляла*, тъй като *Домилял съм на теб* няма същата синтактична и семантична структура, а **Домилял съм за теб* не е граматично добре оформен. Подобно е положението и при *Докривяло ми е* и *Премаляло ми е*, така че имаме основания да твърдим, че налице в такива случаи е специализация като предикатив на формата на -о на съответните причастия, който контролира конструкция с Тръпник и Обект.

Употребите на минали страдателни и деятелни причастия са възможни в ограничени или маргинални случаи. Примери като *?Уморено ми е* и *?Недоспа-ло ми е* (за разлика от *Докривяло ми е*) не се разглеждат като приемливи с оглед на книжовната норма (спрямо *Уморен съм* и *Недоспал съм*), но се откриват в образци от разговорния език. Тези с минало страдателно причастие очевидно се конструират по аналогия с възможността за алтернация между *Радостен съм* и *Радостно ми е*. Оценката на степента на тяхната (не)приемливост и склонността да бъдат употребени в собствената реч варира при различни носители на езика. Налице в съвременния разговорен език, както изглежда, е тенденция за включване в употреба на минали причастни форми в предикативна позиция, когато става въпрос за именуване на психически преживявания, при което изпъква резултативният им характер (ефект с натрупване от пребиваването в дадено състояние, т.е. например от уморяването; наличието на този ефект проличава от възможността състоянието да бъде модифицирано според количествен признак – *Малко/много/доста съм уморен*). Ср. *„Добър вечер, аз съм Дора. Уморено ми е тази вечер. Уморено ми е и доволно“*⁹; *„Днес ми е студено и недоспа-ло“*¹⁰. При формите с минало деятелно причастие налице са и образци, които са напълно приемливи, като *Домиляло ми е*, *Писнало ми е*.

При употребата на прилагателни като предикативи налице са известни разногласия доколкото в случая става въпрос за същински прилагателни или за производни на тях наречия за начин и предикативни думи. Тук като критерий за тяхно разграничаване следва да се приеме възможността дадено прилагателно да се използва в същото значение с атрибутивна, адвербиална и предикативна функция, както това е в:

1. *Той тъжно погледна към вратата.*
2. *Той е (стана, се превърна в) тъжен символ на народовластие.*
3. *Тъжно му е.*
4. *Тъжно е.*

При наличието на подобна възможност няма пречки да се твърди, че става въпрос за една и съща дума, която изпълнява адвербиална, т.е. като адюнкти или модификатори, (1.), атрибутивна (2.) и предикативна (3. и 4.) функция. В други случаи обаче значенията могат да се разминават, както това е например в:

5. *Григор хубаво се усмихна.*
6. *Анастасия е хубава.*
7. *Хубаво ми е на море.*
8. *Хубаво е да си на море.*

⁹ <<https://www.psihologdobreva.com/трупа-нарцис/>> [18.02.2022 г.]

¹⁰ <<https://www.instagram.com/p/BvrnXstpgFx/?hl=bg>> [18.02.2022 г.]

Тук имаме основания да разглеждаме предикатива в безличните конструкции в (7.) и (8.) като форма на -о, която с оглед на атрибуцията си според части на речта е най-близо до наречие и така обикновено се класифицира. Значението на *хубаво* тук е на оценъчна основа за нещо, което ти харесва. В (5.) имаме адвербиална употреба на наречие със значение за „лицеприятен“, а в (6.) – като прилагателно със значение на „красив“.

В тази посока е и мнението на Георгиев / Georgiev (1999: 230), който обръща внимание на характера на предикативите с оглед на тяхната евентуална деривация, като посочва, че те по-пряко се свързват с оглед на своето образуване с наречията. Според него би било погрешно да се смята, че в повечето случаи семантичната деривация е успоредна, т.е. от прилагателно име в ср. р. се образуват успоредно наречия и предикативи. По-подходящо би било тълкуването, според което наречието представлява преходен етап при преминаване от прилагателно име към предикатив. При все това налице е и директна деривация на предикативи от прилагателни, а така също от причастия, като *разтребено е* или *заслужено е* (цит. съч.).¹¹ Следва обаче да се отбележи, че този тип причастия твърде трудно, ако въобще, могат да намерят място в дателнопредикативни структури, които именуват вътрешни преживявания, както би било в случаи като *?Измъчено ми е едно такова* в отговор на въпроса *Как си?*.

Специфичен проблем представлява на този фон възможността в ДПК да се използват предикативи, които именуват свойства/качества за сметка на състояния и оценки. Като тест за разграничението между тези, които именуват свойство спрямо състояние, може отново да се използва възможността за употреба в адвербиална в (9.а.), предикативна (9.б.) и атрибутивна в (9.в.) позиция:

9.а. *Христо отмъстително се усмихна.*

б. **На Христо му е отмъстително.*

в. *Отмъстителният Христо.*

Става очевидно, че значението на *отмъстителен* в (9.а.) именува поведенчески акт, в (9.б.) би трябвало да именува вътрешно състояние, но това се оказва невъзможно, а в (9.в.) – качество на субекта. Различните семантични групи предикативи на базата на прилагателни и наречия позволяват различни дистрибуции от приемливи употреби в това отношение.

Подялбата на предикативите на такива, които именуват състояния спрямо свойства/качества, има отношение към ДПК, доколкото те се специализират за изразяване на физиологически и емоционални състояния и на оценки от различно естество. Предикативите за качества, например **Подло ми е*, **Арогант-*

¹¹ Друга възможност за тълкуване на изрази като *разтребено е* те да се идентифицират като глаголни форми, образувани от минало страдателно причастие в ср. р. ед. ч. и форма на спомагателния залог в 3 л. ед. ч. (Иванова / Ivanova 1983: 255), т. е. конструкцията да се разглежда като безличен вариант на страдателния залог.

но ми е, *Безразсъдно ми е, *Умно ми е, са неприемливи в ДПК на български език поради тази причина.

Подходящо е да се изтъкне и една особеност, що се отнася по-специално до предикативите на субстантивна основа. Някои от тях се срещат с клитики и в дателен, и във винителен падеж, както това е например при *грижа ми е* и *грижа ме е*. От проверка в БНК / BNK проличава, че те често се употребяват в сходни контексти, но тестът за взаимна заменяемост показва, че в начина им на използване има съществени разлики в структурно и съдържателно отношение:

10. а. *Грижа ме е за съдбата на душата ти.*
- б. *Грижа ми е съдбата на душата ти.*
- в. *Не ме е грижа за съдбата на душата ти.*
- г. *?Не ми е грижа съдбата на душата ти.*
- д. *Съдбата на душата ти не ми е грижа.*
- е. **Съдбата на душата ти не е грижа.*

В (10.а.) имаме конструкция с винителна клитика и с непряко допълнение за Обект. (10.б.) е двусъставно изречение, в което ролята на подлог заема Обектът на емоционалната ангажираност на изказващия се. В (10.в.) имаме конструкцията от (10.а.) под отрицание. Що се отнася до (10.г.), в БНК / BNK се открива случай, където изразът с клитика в дат. пад. е налице: *Това, че работя с псевдоним, не ми е грижа*, който обаче е единствен по рода си.¹² В приведените примери имаме изречение с подлог (*Това*), а подчиненото изречение е подчинено определително към него. В самото (10.г.) подлог е именната фраза *съдбата*

¹² М. Джонова (лична ком.) посочва, че в (10.б.) и в последния пример имаме налице не лично, а притежателно местоимение в неговата къса форма. (10.б.) действително може да се тълкува по два начина – или като *Съдбата на душата ти е/представлява грижа за мен*, или като *Съдбата на душата ти е/?представлява моя грижа*, т.е. имаме двузначност на конструкцията с клитика в дат. пад., като предпочитаното тълкуване според нас е първото. Що се отнася до *Това, че работя с псевдоним, не ми е грижа*, то подлежи на парафраза по-скоро като *Това, че работя с псевдоним, не е/?представлява моя грижа*, отколкото с *?Това, че работя с псевдоним не е/представлява грижа за мен*. Ако сравним *Грижа ми е съдбата на душата ти* от (10.б.) с неговата отрицателна форма в (10.д.) отново се вижда, че за предпочитане е не тълкуването с притежателно местоимение, както това е в *Съдбата на душата ти не е моя грижа/ангажимент/работа*, а по-скоро с лично местоимение в дат. пад. *Съдбата на душата ти не е/представлява грижа/проблем/обект на безпокойство за мен*.

За съпоставка стандартният израз, регистриран в тълковните и фразеологичните речници, е с клитика не в дат. пад., а във вин. пад. на личното местоимение *Грижа ме е* / *Не ме е грижа* / *Мен ме е грижа*. Значението му се тълкува в РБЕ / RBE (1977–) като „(не се) интересувам (се) от някого или от нещо“. При все това *Не ми е грижа* и *Грижа ми е* не се възприемат като девиантни, а като алтернативни.

на душата ти. Поради тази причина словоредно за предпочитание е подлогът да заеме предна позиция в изречението, така както това е в (10.д.). При все това вариантът в (10.е.) без дателно допълнение е неприемлив, което показва, че функцията му не може да бъде компенсирана от наличието на подлог в им.пад., доколкото налице е конструкция със структурата *X не ми е грижа* с по-рядко употребяван вариант без отрицание (*X ми е грижа*).

3.2. Семантични групи предикативи и тематична структура на ДПК

По отношение на дистрибуцията на семантична основа на предикативите, които се използват в ДПК, са били предлагани различни класификации, като например тази на Русинов / Rusinov (1983), която се отнася по-специално до разпределението на предикативните наречия:

- а) състояния на природата и заобикалящата ни среда: *студено, топло, тихо, горещо, влажно, тъмно, спокойно, уютно, тясно, душно* и др.;
- б) физическо и психическо състояние на човека: *добре, зле, криво, досадно, мъчно, тежко, противно, обидно, опасно, смешно* и др.;
- в) оценка на състоянието от моралноетична или емоционална страна: *жал, мило, драго, грешно, жарко, весело, еня, приятно* и др.;
- г) интелектуално състояние или състояние с модална окраска: *чудно, нужно, странно, необходимо, лошо, хубаво, жално*;
- д) оценка на някакво състояние или положение: *рано, късно, далеко, близо* и т. н. (Русинов / Rusinov 1983: 400–401).

Характерно за това разпределение е акцентът върху предикативите за оценка – на състояние или положение, на емоционална, морално-етична и интелектуална основа.

Значително по-детайлна е класификацията на Петрова / Petrova (2020), според която имаме две основни групи предикативи от гледна точка на изразяваните от тях значения – за вътрешно състояние и за субективна оценка:

- за вътрешно състояние с две основни разновидности – на физиологическа (екстероцептивна при директен контакт, интероцептивна или амбиентна) основа и психично:
 - с физиологично мотивирано състояние са свързани:
 - усещания за жизнения тонус (*лошо ми е, добре ми е*),
 - вкусови и тактилни усещания (*горчиво ми е, влажно ми е*),
 - усещания за наличие или липса на органични потребности (*жадно ми е, сито ми е*),
 - усещания за дискомфорт, локализирани в определени части на тялото (*тежко ми е / гадно ми е на стомаха*),
 - субективни усещания и възприятия във връзка със състоянието на околната среда (*студено ми е, тъмно ми е, задушно ми е*) и др.;

- за психично състояние, което се свързва с широка сфера на вътрешни преживявания, като емоции, нагласи и настроения (*весело ми е, приятно ми е, спокойно ми е, готино ми е, тъжно ми е, скучно ми е, тревожно ми е, нервно ми е, напрегнато ми е, притеснено ми е, тъпо ми е, горчиво ми е от думите му, тежко ми е на душата* и др.);
- за субективна оценка, основана на впечатления, потребности, интереси, на лично мнение и преценка. Оценката има различни параметри – от неутрално (рационално) до експресивно маркирано (емоционално) отношение на говорещия (напр. *необяснимо ми е, неприятно ми е* и др.) (Петрова / Petrova 2020, 102–104).

От разпределението на вътрешните състояния на физиологическа основа се вижда, че доминантни са тези от тях, които са мотивирани от процеси в организма на интероцептивна основа, но също така и такива при екстероцепция при директен контакт със стимул, както и за AMBIENTEN контакт с околната среда. Основното разграничение е между психическо състояние и субективна оценка. При състоянията се прави разлика между физиологически мотивираните и тези на емоционално-афективна основа.

Според анализ на Джонова / Dzhonova (2022), която представя в синтезиран вид резултати, получени от нея от предишни изследвания, аргументната структура на конструкциите с предикати и предикативи със субект Тръпник се формира с оглед на семантиката на предикативната дума. Основните групи предикативи, които тя тълкува на базата на тяхното съдържание и корелативната възможност за проява на тематична структура, се разпределят по следния начин:

- предикативи за физиологично мотивирано състояние, които обикновено имат само един аргумент в облика на Тръпник (*Лошо ми е*). В определени случаи към него може да се добави и Локатив (място в рамките на телесния облик): *Студено ми е на ушите, Горецо ми е на краката*;
- предикативи за емоционално състояние, които имат аргументни позиции за Тръпник и Стимул, а последният може да е комплементна клауза или РР номинализация. Към тях може да се добавя трети факултативен аргумент за Обект или на емоционалната реакция, доколкото той се разграничава от Стимула: *Тъжно ми е, че никой не ми обръща внимание, Вкиснато ми е от сутрешния изпит заради слабата оценка*;¹³

¹³ Алтернативно Стимулът може да се тълкува поне в някои случаи като Причина, както това би било например във *Втръснало/писнало ми е от всякакви приключения*. В случая *всякакви приключения* не изглежда най-подходящо да бъде изтълкувано като Стимул, който се очаква да е конкретен във всеки отделен случай, докато обобщението за разнообразни по форма и съдържание случаи, които сумарно водят до именуваното преживяване, по-скоро е подходящо да се разбира като акумулирано с натрупване причинно-следствено отношение.

- предикативи за ментално състояние, които имат три аргумента – Тръпник, Обект/Източник и Съдържание. Съдържанието може да бъде комплементна клауза или корелативна РР номинализация: *Известно ми е от новините, че вчера на нашата улица е станала катастрофа* (вж. Dzhonova 2022).

Всяка от представените класификации – на Русинов / Rusinov (1983), на Петрова / Petrova (2020) и на Джонова / Dzhonova (2022) – има своите предимства, като те взаимно се допълват. Това особено се отнася до тези на Петрова и на Джонова, доколкото първата е с оглед на разпределението по семантични групи на предикативите, а втората е на базата на разпределението им според тематични роли. Относително по-проблематична и при двете обаче остава дистрибуцията на видовете субективни оценки, доколкото те могат да бъдат не само на когнитивна, но и на емоционално-афективна основа, което подлежи на доизясняване откъм разпределение и видове (вж. също и класификацията в това отношение в Иванова / Ivanova 2018: 13).

3.3. Специфика на използването на предикативи в дателни спрямо безлични конструкции

Характерна особеност, според която можем да разграничим различни групи сред предикативите, дължим на обстоятелството, че някои от тях могат да намерят място както в дателна така и в безлична конструкция от типа на *Весело ми е* спрямо *Весело е*. На подобна алтернатива подлежат тези от тях, които именуват на първо място възприятия и емоции, но не и физиологическо състояние, ср. *Лошо ми е* и **Лошо е*.¹⁴ Според този начин на разграничаване се оказва, че *Криво ми е* по-скоро маркира физиологическо състояние, отколкото емоция, доколкото предикативите за емоции по правило могат да се употребяват и в дателна, и в безлична конструкция, както това е при *Весело ми е* и *Весело е*.

По отношение на възможностите предикативите от различни групи да се използват със (както е в ДПК) или без задължително непряко допълнение в облика на дателна клитика най-общо могат да се посочат следните тенденции.

Предикативите за физиологически мотивирани психически състояния практически без изключение не могат да се използват без дателна клитика – **Сито е*, **Жадно е*. Когато това изглежда възможно, налице е промяна на значението на съответния предикатив, когато се употребява със или без задължително дателно допълнение, както това е в *Лошо ми е* спрямо *Лошо е*, че *X*. В първия случай става въпрос за физиологически детерминирано психическо състояние. Във втория случай става въпрос за оценка по скалата добро-лошо.

¹⁴ *Лошо е* е приемливо, но в друго свое значение – като оценка, както е в *Лошо е, че няма да дойдеш*. При *Лошо ми е* в замяна става въпрос за физиологическо състояние, което не подлежи на генерализирана употреба, а винаги се отнася до конкретен субект на това състояние.

Емоционално-афективните състояния подлежат на генерализация по линията на налагане на тяхна своеобразна амбиентност/споделеност между повече от един преживяващи субекти по едно и също време на едно и също място: *весело е, приятно е, спокойно е, готино е, тъжно е, скучно е, тревожно е, тъпо е, напрегнато е*, но *?нервно е, ??притеснено е*.

При предикативите за оценка тенденцията е в обратна посока, тъй като генеричните по своя характер оценки трудно се поддават на субективизация чрез включването им в ДПК. Дори при наглед твърде близки по съдържание думи субективизация е възможна при едни, но не и при други, както това е при *Опасно е* и *Страшно е*, сравнени с **Опасно ми е* и *Страшно ми е*. При съпоставка проличава, че вторият предикатив е на емоционално-афективна основа, докато първият представлява оценка на ситуация от поведенческа гледна точка.

Ако вземем двойката *притеснен-притеснителен*, която се противопоставя по линията на именуване на състояние-свойство (*Притеснен съм* спрямо *Притеснителен съм*), се вижда, че за разлика от **притеснено е, притеснително е* е напълно приемливо като начин да се изрази оценка за някаква ситуация: *Притеснително е, че той все още не се обажда*.

Тези от предикативите, които именуват оценки на морално-етична основа по правило не подлежат на субективизация: **Честно ми е, *Справедливо ми е*. Същото е вярно за предикативи за необходимост-вероятност: **Вероятно ми е, *Необходимо ми е*.¹⁵ Подобна е ситуацията за предикативите за достоверност-недостоверност и истинност-неистинност, като **Вярно ми е, *Истина ми е*. Различно е обаче е положението с предикативите за възможност-невъзможност, тъй като те подлежат на субективизация, но с предпочитание към отрицателната алтернатива: *Възможно ми е* и *Невъзможно ми е*.¹⁶ Субективизация в по-голяма степен е възможна при предикативите за оценка според значимост,

¹⁵ РБЕ / RBE (1977–) дава като възможност конструкцията *Необходимо ми е да замина за няколко дни в отпуска*, но тя е с подложно подчинено изречение, което е по образаца *Това (не) ми е необходимо*. Подобни са налице със и без местоимение в дат. пад. като *Неотложно ми е да замина в командировка* или *Неотложно е да замина в командировка*.

Разлика може да се направи и на съдържателна основа на базата на разграничаването на обективна от субективна необходимост. Дателната клитика е неприемлива в случай на изразяване на обективна необходимост, както това е в *Необходимо (*ми) е да се построи нов мост на реката*, но може да се използва за субективна необходимост в смисъл на нужда или потребност *Необходимо ми е да се лекувам* (спрямо обективно представеното *Необходимо е да се лекувам*). При противопоставянето по линията на необходимост-вероятност става въпрос за обективна необходимост. При субективната необходимост, от своя страна, говорим за противопоставяне по линията на нужно-излишно.

¹⁶ Възможностите да използване на положителна спрямо отрицателна форма на един и същ предикатив не са едни и същи: *обяснимо е* – **обяснимо ми е* спрямо *необяснимо е* – *необяснимо ми е*.

при които редуването се реализира регулярно: *Важно (ми) е*, *Достатъчно (ми) е*, *Малко (ми) е*. Оценките на когнитивна основа в общи линии подлежат на субективизация, както е в *Интересно (ми) е*, *Глупаво (ми) е* и т. н. По-изчерпателна систематична класификация на видовете оценки и на възможностите те да се използват генерично и/или субективно остава да бъде направена в бъдеще.

За отбелязване е, че за тази конструкция също са характерни лексикално-специфични ограничения във възможностите за използването ѝ, както проличава от сравнението на *Безразлично ми е* с **Безразсъдно ми е*. Както по всичко изглежда, разграничението по приемливост в това отношение е според идентификацията на съответния предикатив като такъв, който именува състояние спрямо качество на Тръпника (което вече беше обсъдено по-горе). Докато *безразличен* се тълкува като състояние, *безразсъден* е свойство на характера на съответния индивид (*Христо е безразсъден*), което може при подходящи обстоятелства да намери проява (*Христо действа безразсъдно*).

3.4. Измерения на противопоставяне при припознаване на референтите на предикативите за състояние и оценка

При ДПК разграничаваме няколко типа противопоставяне с оглед на референтната им насоченост, които се имплицират при тяхната употреба:

- а) партитивност-амбиентност на преживяваното състояние в рамките на телесния облик и негова проекция във външното обкръжение;
- б) екстероцептивен-интероцептивен източник на преживяваното състояние;
- в) преживяване в първо спрямо негова проекция във второ и трето лице;
- г) оценка на модална основа по линията на реалност на дадено състояние спрямо очаквания за реализация с оглед на възможност, вероятност, желателност и под., проецирани в бъдещето или миналото;
- д) субективна/егоцентрична спрямо генерична оценка и под.

Амбиентните състояния от а) са тези, които отпращат към някакво преживяване, което засяга целия организъм на субекта, както това е в *Студено ми е*. Партитивни в замяна са тези, в които се посочва засегнатата част на телесния облик, например *Топло ми е на ухото*. В б) противопоставянето върви по линията на източника на това състояние – дали той се дължи на контакт с окръжаващата действителност или на вътрешен физиологически стимул (ср. *Тясно ми е* спрямо *Душно ми е*). Преживяването в първо лице (същинското субективно преживяване) се противопоставя на преизказаните езиково преживявания на втори и трети лица във в), за което вече стана въпрос; ср. *Студено ми е* спрямо *Студено му е*. В г) говорим за оценки по линията на време с оглед на такива предикативи като *Рано ми е* или *Късно ми е*. Спецификата на субективните спрямо генеричните оценки при д) намира реализация по граматикализиран начин в българ-

ския език с оглед на възможностите да се формират безлични изречения със или без задължително дателно допълнение, както това беше тълкувано по-горе.

Не е задължително всеки от изтъкнатите типове противопоставяне да се реализира самостоятелно. Така например можем да имаме оценка на амбиентно външно състояние (за разлика от вътрешно) по линията на а) – в) на субективна или генерична основа. Кустова / Kustova (2022: 204) отбелязва за руски, че твърдението „едни и същи предикативи могат да описват и състояние на околната среда, и състояние на човека“ се нуждае от уточняване, доколкото в съчетание с пространство (външно спрямо вътрешно) и с лице тези предикативи придобиват различни значения: *На улице / В комнате темно* означава ‘няма светлина или тя е малко’; *Мне темно* значи ‘аз виждам лошо и съвсем не виждам това, което искам да разгледам поради това, че няма светлина или тя е недостатъчна’. Що се отнася до български, еквивалентните изречения *На улицата / в стаята е тъмно* и *На мен ми е тъмно*, както и *Тъмно ми е* имат следните семантични структури (които според различни анализи могат да имат значение и конвенционални импликатури в своя състав). От гледна точка на възможностите за проява на Тръпник базова е *Тъмно ми е*, доколкото от първо лице се посочва актуалността на определено субективно състояние – „липса на достатъчно светлина за преживяващия това състояние“. В случая няма или е блокирана импликатура, която позволява генерализация на това вътрешно състояние към други Тръпници, намиращи се в същата среда по същото време, тъй като изречението *На мен ми е тъмно тук, но на него – не* е перфектно. Тук дублираното непряко допълнение (*на мен ми*) изпълнява функцията на контрастен фокус. Възможно е също за целта да се използва само дателна клитика, както това е в *Тъмно ми е, а на теб?*, където експлицитно се поставя въпросът дали дадено възприятие подлежи на верификация от друг Тръпник в същата ситуация по същото време.

За разлика от предишните две *На улицата / в стаята е тъмно* изглежда да стъпва на конвенционална импликатура, която борави с генерализиран Тръпник, а именно „който и да погледне навън (*на улицата*) или вътре в някакво затворено или ограничено пространство (*в стаята*), ще констатира, че там (*на улицата*) или тук (*в стаята*) е тъмно, както правя това аз в този момент“. Това означава, че не само в съчетание с конкретно лице, но и с обобщено лице, което за подобни състояния не подлежи на експлицитна проява, имаме имплицирания Тръпник, а не просто състояние на външната среда (тук или там) без неин наблюдател – актуален/конкретен или, както е случая, потенциален. Доколкото генерализираният Тръпник представлява задължително условие за реализацията на условията на истинност на изречението за състояние на околната среда, бихме могли да твърдим, че в случаи като този не става въпрос в крайна сметка за конвенционална импликатура, а за имплицирания компонент от ролевата структура на самото изречение, т.е. на неговата семантика.

Що се отнася до използването на наречия за време с оглед на разграничението, направено в г), като *Рано ми е (да се женя)* или *Късно ми е (да започна*

да спортувам), трябва еднозначно да се има предвид, че в случая става въпрос за оценки за време с оглед на определени критерии, които Тръпникът намира за субективно значими, така че няма нищо нелогично те да бъдат включени тук поради причини, които са сходни с тези, които се привеждат за субективни оценки на външни обстоятелства на перцептивна основа, като *Тъмно ми е* или *Светло ми е*.

4. Кратки дателни форми на личните местоимения и семантико-синтактичен интерфейс в ДПК

4.1. Ориентация

В българския език в резултат на неговото историческо развитие в посока към аналитизъм падежната система се е запазила в остатъчен вид само при местоименията и най-вече при личните и притежателните измежду тях. Налице са два косвени падежа, като късите/клитичните форми на личните местоимения не само са живи, но и obligatorно влизат в употреба в ДПК. В тази връзка се изисква изясняване на въпроса на какво се дължи задължителността на тяхната употреба.

4.2. Нарушаване на правилото за съгласуване между подлог и сказуемо

Като основна формална специфика в ДПК се очертава ориентацията към употреба на форми на *-о* при предикативите, с което се маркира липсата на съгласуване по род и число със субекта на преживяването, зададен с дателен падеж на клитичното лично местоимение. Съчетаването на маркерите за безличност и субективност (насоченост към преживяванията на субекта) изглежда като вътрешно противоречиво и е една от най-характерните черти на ДПК. В тази ситуация дателната клитика поема основни функции за формиране на граматично и семантично приемливо изречение.

4.3. Специфика на функционирането на категорията лице

Основните съгласувателни граматични параметри в ДПК са фиксирани на 3 л. ед. ч. ср. р. (с оглед на доминантната форма на *-о* на наречията). Тяхното вариране се маркира от дателната клитика на личното местоимение. Особеното при граматичното лице е, че то изразява различни по своя характер анафорични отношения като отпратка към предишна употреба – на деиктична и референциална основа. На деиктични основания добре известно е, че говорителят на актуалното изказване стъпва на триадата *аз–тук–сега* (Апресян / Apresyanyan 1986). При всяка смяна на изказващия се константна остава идентичността му с този, който взема думата в ролята на актуално в комуникативен план „аз“. Обратната страна на медала обаче е, че всеки говорещ използва това „аз“, за да отпраша

винаги и само към самия себе си и в такъв смисъл всяка употреба на *аз* отправя към предишна, доколкото говорителят се припознава със самия себе си. По този именно начин се получава, че *аз* е шифтър в рамките на комуникативната ситуация (Jespersen 1922: 123; Якобсон / Jakobson 1972: 97), но едновременно с това от референциална гледна точка и ориентир и начин на въплъщение на собствената персонална идентичност за всеки говорител. Никой не използва друг начин да говори за себе си освен с помощта на формите *аз*, *ме* и *ми*, т. е. личното местоимение в първо лице ед. ч. в трите си падежни форми в българския език – за именителен, винителен и дателен.

Ако вземем предвид казаното, се получава, че личното местоимение *аз* в трите си падежни форми (пълни и клитични) изпълнява три различни функции:

- Ориентационен момент на деиктичната триада *аз-тук-сега* на говорителя: *На мен ми е весело, а на теб – тъжно*. Той отправя към актуалния говорител при всяко негово изказване в комуникативна ситуация;
- Езиков знак, който отправя като към референт към субекта на съзнанието на всеки говорител, когато той/тя мисли и общува в езикова форма: (*Аз*) *мисля за теб, Весело ми е*;
- Анафорична връзка, която свързва употреби на *аз* в рамките на дискурса (*Аз₁*) *мисля, следователно (аз₁) съществувам* (Рене Декарт), *Студено ми₁ е днес, както ми₁ беше студено вчера¹⁷*). При употреба на *аз* и неговите производни се осъществява връзка (отпратка) потенциално към всички негови предишни употреби по време на дискурса. Това се отнася до всеки субект, когато той общува или мисли с помощта на езикови средства. Тази връзка поддържа идентичността на субекта със самия себе си по езикова линия.

Референциалната и анафоричната функции на личното местоимение в първо лице като езиков знак, който отправя към говорещия субект, са слабо изследвани.¹⁸ *Аз* в посочените функции се превръща в експлициран ориентир на/за перспективата на съзнанието. На тази основа би трябвало да търсим обяснение за основополагащата ориентираност към субект в първо лице в ДПК. Производна на нея е ориентираността към второ лице като това на адресат в комуника-

¹⁷ Сравни това изречение с контрастно фокусираното с оглед на смяната на субекта *Студено ми е днес, както ти беше студено на теб вчера*. Смяната на субекта е тази, която мотивира по презумпция дублиране на допълнението. Контрастният фокус проличава от обстоятелството, че въз основа на това изречение не може да се направи извод, че на субекта на *ти* му е студено и днес.

¹⁸ Подлежи на дискусия доколко употребата на *аз*, като отправя към предишна употреба от същия субект, изпълнява първично анафорична на езикова основа или ко-референциална функция. Последната би трябвало да се осъществява като отправя към референт, който се разпознава като един и същ при всяка следваща поява на *аз* и неговите производни в дискурса.

тивна ситуация, която стъпва на базата на т. нар. теория на ума (*Theory of Mind*; вж. Leslie 1987). Ориентираността към трето лице е на базата на извод с оглед на поведенческите реакции на наблюдаван субект. Изтъкнатото означава, че механизмите на приписване на вътрешно състояние при трите лица се различават според начина на своето възплъщение, като основополагащо е първо лице, тъй като с оглед на него се правят екстраполациите за другите две лица.

4.4. Някои особености на референциалния потенциал на личните местоимения в ДПК с оглед на разпределението по лице

Градинарова / Gradinarova (2010: 36) твърди, че предикативите за физиологическо състояние (*гладен, сит*) не включват в своята семантика компонента „непосредствено възприемане от страна на външен наблюдател“, като привежда примера *Он голоден, но не показва това* (Той е гладен, но не го показва). Подобен може да бъде формиран и на базата на ДПК: *Гладно му е, но не го показва*. В случая обаче става въпрос за липса на поведенчески маркери само дотолкова, доколкото говорещият разполага с някакъв друг източник на информация, на базата на който той намира за възможно да изкаже подобно твърдение. Липсата на непосредствено възприемане от страна на външен наблюдател е налице не само за физиологически, но и за емоционално-афективни състояния и за оценки, т.е. за цялата сфера на субективност, доколкото страничен наблюдател няма непосредствен достъп до сферата на вътрешните преживявания на всеки друг човек освен на самия себе си. При това положение той прави изводи в трето лице за това, което преживява ближният, или по поведенчески прояви, или с оглед на някакви други индиректни източници на информация.

Друг аспект на ориентацията на предикативите за състояние, който се отнася до дистрибуцията им по лице, се отбелязва от Цимерлинг / Zimmerling (2020a: 13) във връзка с възможността някои от тях да се използват преференциално или ексклузивно за трети лица, но не в първо лице. Такава семантична група на български, както в руски, са някои предикативи, с които се описва например състоянието на алкохолна интоксикация: *Пешо е нафиркан/накъркан* или *Той е къркютук пиян* при по-малка приемливост на *?Аз съм нафиркан/накъркан/насмукан* или *??Аз съм къркютук пиян* и при пълна неприемливост на **Фиркано ми е* или **Къркютук пияно ми е*.¹⁹ Това очевидно се отнася преди всичко за предикативи, с които се свързва отрицателна конотация/оценка.

¹⁹ Следва да се отбележи, че макар тези и подобни примери да се оценяват като неприемливи, те са еднозначно разбираеми за носителя на езика. Така **Къркютук пияно ми е* ще бъде преформулирано в (по-)приемливото *Къркютук пиян съм*. Но и тук се изправяме пред въпроса доколко индивид, който е толкова пиян, както твърди, може да направи адекватна отрицателно маркирана самооценка на състоянието си. При всички положения обаче изказването с двусъставно изречение изглежда по-приемливо от едносъставното.

Тези и подобни особености на референциалния потенциал на личните местоимения в ДПК с оглед разпределението по лице подлежат на допълнителни изследвания и анализ.

4.5. Функции на категорията падеж

Маркирането с помощта на падеж е знаково за употребата на клитика в ДПК, доколкото то изразява в синкретичен вид връзките на морфологична, синтактична и семантична основа на отношенията в тези конструкции. Относителната стойност на тяхното използване нараства още повече поради факта, че системобразуващите падежни отношения са отпаднали навсякъде другаде в българската граматична система (освен при личните и притежателните местоимения).

Основните причини за поддържането на падежни форми при клитиките могат да бъдат обобщени по следния начин:

- а) те изпълняват функцията на афиксоиди от морфологична гледна точка;
- б) те кодират най-икономично от синтактична гледна точка косвеното допълнение на конструкцията в съответния падеж;
- в) те маркират субекта на състоянието или оценката откъм граматично лице, число и род;
- г) те задават на субекта облигаторната тематична роля на Тръпник в ДПК;
- д) те изпълняват референциална и анафорична и/или кореференциална функция в рамките на изречението, дискурса и/или ситуацията на употреба.²⁰

В ДПК падежната клитика *ми* е тази, която формира интерфейса между морфология и синтаксис (каквато и е основната функция на клитиките), а доколкото на падежна основа тя се съотнася и със съответната тематична роля, тя изпълнява функцията на координация между морфологично, синтактично и семантично равнище на израз на мисловното съдържание, което се има предвид.

4.6. Съдържателна характеристика на ролята на Тръпника

Реализацията на тематичната роля Тръпник има свои характерни особености в ДПК. На първо място тя може да се реализира като единствена при определени групи предикати(ви). Такива са случаите на констатация на вътреш-

²⁰ Тук се прави разлика между кореференциалната функция като такава, която отправя към един и същ референт, като така се имплицира неговата идентичност, спрямо езиковите средства за нейното изразяване във формата на анафорични отношения между езикови знаци в рамките на изказване. Може да се предположи, че кореференциалната функция се реализира по презумпция при всяка употреба на *аз* от всеки говорител и при липса на анафорични отношения в изказа.

но физиологическо състояние, като *Сито ми е*, *Студено ми е* и под. Те са и най-често срещаните, когато става въпрос за собствено преживяване, а не на такова, което се приписва на друг човек.

Доколкото Тръпникът заема мястото на главния аргумент в ДПК, той предопределя възможността за включване на аргументи и адюнкти с други семантични роли (вж. тематичната класификация в 3.2. по-горе). В тази своя функция той реализира синтактичната позиция, която понякога се именува дателен субект, формулировка която по-своему формулира парадоксалната от граматична точка ситуация непряко допълнение да изпълнява подобна функция. На тази основа и се формират няколко ДПК, които изразяват по специфичен начин на всички равнища на тяхната структура своеобразното в ролята на Тръпника като едновременно център и реципиент на субективно преживяване.

4.7. Облигаторност на дателната клитика и възможността за дублиране на непрякото допълнение

Императивът за задължителна реализация на дателната клитика изпъква най-ясно на фона на възможността за дублиране с дателно допълнение в облика на предложна фраза (РР), както е в *На Петър му е весело*, при маргиналност на алтернативата с изпускане на клитиката, както това е в *??На Петър е весело* (за обсъждане от синтактична гледна точка вж. Крарова, Cinque 2008; Harizanov 2014). Функцията на дублирането е на първо място да именува референта на дателната клитика, ако той не е еднозначно ясен от контекста и/или ситуацията. И в трите лица, но най-изявено в първото от тях, дублиране на допълнението е също възможно и с функцията на топикализация и/или на контрастен топик (11.):

11. *На мен ми е весело (а не на някой друг или на който и да е друг).*
12. *На теб ти е весело, а на мен (ми е) тъжно.*
13. *Тъжно (ми) е на мен (а не на теб или на някой друг).*
14. *На Иван му е тъжно.*
15. *На Иван е тъжно.*
16. **На мен е тъжно.*
17. **Ми е тъжно.*
18. *Мен ми е тъжно.*
19. *Иван му е тъжно.*²¹

Дублирането има подобна функция във второ лице (вж. 12.), където отново служи за поставяне на акцент върху субективния аспект на преживяването в първо

²¹ За обсъждане на спецификата на (17.) и (18.) вж. мнението на Коста, Цимерлинг / Kosta, Zimmerling (2022: 14).

и второ лице. По аналогичен начин бихме могли да твърдим, че подобно е положението и в (13.), където имаме дублиране на пълна и клитична форма на личното местоимение. За разлика от тях в (14.) функцията на дублирането е да изясни референтния статус на третоличната форма на клитиката, ако от контекста не е ясно към кой тя трябва да бъде отнесена. Впрочем при топиализирана употреба на дателното допълнение имаме налице възможност за използване на пълната форма на личното местоимение за сметка на изпускане на кратката, както това е в (15.), където клитичното *му* може при небрежна употреба да изпадне, така че изискването за задължително включване на краткото дателно ДПС търпи известни изключения. Твърде показателно е обаче, че в първо лице в (16.) подобна възможност е блокирана. Блокирана е и възможността клитиката да заеме първа позиция в изречението, т.е. да бъде използвана за целите на топиализация, както това е в (17.). И в първо (18.), и в трето (19.) лице е позволено разговорното изпускане на предлога при реализацията на дублираното дателно допълнение (вж. Тишева / Tisheva 2019).

На фона на представените примери можем да направим извод каква е мотивацията за отваряне на втора позиция за непрякото допълнение в синтактичната структура на изречението. Тя е с цел пълноценна реализация на референциалната функция на Тръпника, което иначе изглежда като очевидно излишество от формална гледна точка – да се използва за целта едновременно кратката дателна форма на личното местоимение и РР. Енклитичната форма за дат. пад. на личното местоимение се използва по презумпция, ако референтът в дадена ситуация или кореферентът в рамките на контекста е ясен. В случаите, когато референтът не е ясен, необходимо е да постави акцент върху тази позиция чрез нейна топиализация или с цел формиране на контрастен фокус, в действие влиза механизмът на дублиране на дателното допълнение.

5. Заключение

ДПК в българския език се специализират за изразяване на вътрешни състояния, емоции и оценки в първо лице и оттам на базата на екстраполация на тези на втори и трети лица. Техните особености включват оформянето им като безлични изречения и изискването за реализация на главния аргумент като Тръпник, който се кодира със задължително за реализация дателно клитично лично местоимение. Конструкциите се реализират с помощта на сказуемо, което се състои от предикатив и спомагателен глагол (*съм, стана*). Позицията на предикатив може да се заема от съществителни, прилагателни, наречия и предложни фрази. Предикативите от съдържателна гледна точка се разпределят в три основни групи – за възприятия, емоции и оценки. Тяхната семантика предопределя характера на тематичната рамка, която може да се реализира на базата на съответния предикатив. При липсата на координация между подлог и сказуемо в безличното изречение основните съгласувателни категории в него се обозначават от дателната клитика.

Тя по-най-компактен начин кодира конструктивноспецифичното съдържание на ДПК от формална и съдържателна гледна точка.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

М.С. выражает благодарность за обсуждение Раздела II Марине Джоновой и Йовке Тишевой. Возможные ошибки и недочеты остаются ответственностью автора.

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

M.S. would like to thank Marina Dzhonova and Yovka Tisheva for their comments on Section II. Possible errors and omissions remain the responsibility of the author.

Цитирана литература / References

- Apresyan 1985: Апресян, Ю. Д. Синтаксические признаки лексем. – В: *Russian Linguistics*, Vol. 19, № 2/3, pp. 289–317. (Apresyan 1985: Апресян, Ю. Д. Sintaksicheskie priznaki leksem. – In: *Russian Linguistics*, Vol. 19, № 2/3, pp. 289–317.)
- Apresyan 1986: Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. – В: *Семиотика и информатика*, Т. 28, с. 5–33. (Apresyan 1986: Апресян, Ю. Д. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira. – In: *Semiotika i informatika*, Vol. 28, pp. 5–33.)
- Apresyan, Iomdin 1989: Апресян, Ю. Д., Л. Л. Иомдин. Конструкция типа НЕГДЕ СПАТЬ: синтаксис, семантика, лексикография. – В: *Семиотика и информатика*, № 29, с. 34–92. (Apresyan, Iomdin 1989: Апресян, Ю. Д., Л. Л. Iomdin. Konstruktsija tipa NEGDE SPAT': sintaksis, semantika, leksikografija. – In: *Semiotika i informatika*, № 29, s. 34–92.)
- Apresyan, Iomdin 2010: Апресян, Ю. Д., Л. Л. Иомдин. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография. – В: Апресян, Ю. Д. (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва, с. 59–113. (Apresyan, Iomdin 2010: Апресян, Ю. Д., Л. Л. Iomdin. Konstruktsii tipa *negde spat'*: sintaksis, semantika, leksikografija. – In: Апресян, Ю. Д. (Ed.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja*. Moskva, pp. 59–113.)
- Atanasov 2015: Атанасов, А. Класификация на безличните предикати в съвременния български език. – В: *Български език*, Т. 62, № 3, с. 38–53. (Atanasov 2015: Atanasov, A. Klasifikatsiya na bezlichnite predikati v savremenniya balgarski ezik. – In: *Balgarski ezik*, Vol. 62, № 3, pp. 38–53.)
- Babby 2000: Babby, L. H. Infinitival Existential Sentences in Russian: A case of syntactic suppletion. – In: King, T. H., I. A. Sekerina (Eds.). *Formal Approaches to Slavic*

- Linguistics 8: The Philadelphia Meeting 1999*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, pp. 1–21.
- Babby 2002: Babby, L. H. Subjectlessness, External Categorization, and the Projection Principle. – In: *Journal of Slavic Linguistics*, Vol. 10, pp. 341–388.
- BNK: *Български национален корпус*. София: Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“. <<http://search.dcl.bas.bg/>> [12.07.2022] (BNK: *Balgarski natsionalen korpus*. Sofia: Institut za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”. <<http://search.dcl.bas.bg/>> [12.07.2022])
- Boeckx et al. 2010: Boeckx, C., N. Hornstein, J. Nunes. *Control as Movement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonch-Osmolovskaja 2003: Бонч-Осмоловская, А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дис. к. ф. н. Москва: МГУ. (Bonch-Osmolovskaja 2003: Bonch-Osmolovskaja, A. A. *Konstruktsii s dativnym subjektom v russkom jazyke*. PhD. Moskva: MSU.)
- Bulygina 1982: Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. – В: Селиверстова, О. Н. (ред.). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 7–85. (Bulygina 1982: Bulygina, T. V. K postroeniju tipologii predikatov v russkom jazyke. – In: Seliverstova, O. N. (Ed.). *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka, s. 7–85.)
- Davidson 1980: Davidson, D. The Individuation of Events. – In: Davidson, D. (Ed.). *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford University Press, pp. 163–80.
- Dzhonova 2003: Джонова, М. *Изречения със семантичната роля експериментер в съвременния български език*. Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователна степен „доктор“. София: СУ „Св. Климент Охридски“. (Dzhonova 2003: Dzhonova, M. *Izrecheniya sas semantichnata rolya na eksperimentser v savremenniya balgarski ezik*. Avtoreferat na disertatsiya za prisazhdane na nauchnata i obrazovatelna stepen “doktor”. Sofia: SU “Sv. Kliment Ohridski”.)
- Dzhonova 2021: Dzhonova, M. Predicatives with Dative Experiencer. Paper presented at the *First Bulgarian-Russian online seminar of the project “Ontology of Situations of State – Linguistic Modelling”*, Sofia – Saint Petersburg – Moscow.
- Dzhonova 2022: Dzhonova, M. Stative Constructions in Bulgarian – a Syntactic Description. Paper presented at the *Conference “Grammatical Processes and Systems in Synchrony and Diachrony”*, Moscow.
- Fillmore et al. 1988: Fillmore, Ch., P. Kay, M. O’Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of LET ALONE. – In: *Language*, Vol. 64, № 3, pp. 501–538.
- Fleischer 2006: Fleisher, N. *Russian Dative Subjects, Case, and Control*. Ms, University of California.
- Fortuin 2005: Fortuin, E. L. J. From Necessity to Possibility: The modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian. – In: Hansen B., P. Karlik (Eds.). *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*. Munchen: Otto Sagner, pp. 39–60.
- Georgiev 1983: Георгиев, Ст. Едносъставни глаголни изречения. – В: *Граматика на съвременния български книжовен език*. Т. 3: Синтаксис. София: Издателство на БАН, с. 80–96. (Georgiev 1999: Georgiev, St. Ednosastavni glagolni izrecheniya. – In: *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik*. Т. 3: Sintaksis. Sofia: Izdateslto na BAN, pp. 80–96.)

- Georgiev 1990: Георгиев, И. С. *Безличные предложения в русском и болгарском языках*. София: Народна просвета. (Georgiev 1990: Georgiev, I. S. *Bezlichnye predlozhenija v rusском i bolgarskom jazykah*. Sofia: Narodna prosveta.)
- Georgiev 1999: Георгиев, Ст. *Морфология на българския книжовен език*. 4-о изд. Велико Търново: Абагар. (Georgiev 1999: Georgiev, St. *Morfologiya na balgarskiya knizhoven ezik*. 4-o izdanie. Veliko Tarnovo: Abagar.)
- Gerasimova 2015: Герасимова, А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. – В: Лютикова, Е. А., А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции 'ТМП 2015'*. Вып. 2. Москва: МПГУ, с. 47–61. (Gerasimova 2015: Gerasimova, A. A. Litsenzirovanie otritsatel'nyh mestoimenij cherez granitsu infinitivnogo oborota v rusском jazyke. – In: Lyutikova, E. A., A. V. Zimmerling (Eds.). *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii 'TMP 2015'*. Vyp. 2. Moskva: MPGU, pp. 47–61.)
- Gradinarova 2010: Градинарова, А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках. – В: *Болгарская русистика*, № 3–4, с. 34–55. (Gradinarova 2010: Gradinarova, A. Bezlichnye konstruksii s datel'ny'm sub'ekta i predikativom na -o v rusском i bolgarskom jazykah. – In: *Bolgarskaja rusistika*, № 3–4, pp. 34–55.)
- Harizanov 2014: Harizanov, B. Clitic Doubling at the Syntax-Morphophonology Interface: A-movement and morphological merger in Bulgarian. – In: *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 32, № 4, pp. 1033–1088.
- Isachenko 1955: Исаченко, А. В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках. – В: *Вопросы языкознания*, № 6, с. 48–65. (Isachenko 1955: Isachenko, A. V. O vznikenovonii i razvitii «kategorii sostojanija» v slavjanskih jazykah. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 6, pp. 48–65.)
- Ivanova 1983: Иванова, К. Залог на глагола. – В: *Грамматика на съвременния български книжовен език*. Т. 2: *Морфология*. София: Издателство на БАН, с. 236–255. (Ivanova 1983: Ivanova, K. Zalog na glagola. – In: *Gramatika na savremennija balgarski knizhoven ezik*. T. 2: *Morfologiya*. Sofia: Izdatelstvo na BAN, pp. 236–255.)
- Ivanova 2016: Иванова, Е. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериенцера в болгарском языке. – В: *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Москва: ЯСК, с. 332–368. (Ivanova 2016: Ivanova, E. Bezlichnye predlozhenija s objazatel'ny'm mestoimennym vyrazheniem eksperientsera v bolgarskom jazyke. – In: *Arhitektura klauzy v parametriceskih modeljah: sintaksis, informatsionnaja struktura, porjadok slov*. Moscow: JASK, pp. 332–368.)
- Ivanova 2018: Иванова, Е. Дативно-предикативные структуры в болгарском языке: статистика эксперимента. – В: *Русский язык за рубежом*, № 5, с. 11–17. (Ivanova 2018: Ivanova, E. Dativno-predikativnye struktury v bolgarskom jazyke: statistika eksperimenta. – In: *Russkij jazyk za rubezhom*, № 5, pp. 11–17.)
- Ivanova, Gradinarova 2015: Иванова, Е. Ю., А. А. Градинарова. *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*. Москва: Языки славянской культуры. (Ivanova, Gradinarova 2015: Ivanova, E. Yu., A. A. Gradinarova. *Sintaksicheskaja sistema bolgarskogo jazyka na fone russkogo*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.)

- Ivanova, Zimmerling 2019: Ivanova, E., A. Zimmerling. Shared by All Speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian. – In: *Bulgarian Language and Literature*, № LXI, vol. 4, pp. 353–363.
- Jakobson 1972: Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. – В: *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука, с. 95–113. (Jakobson 1972: Jakobson, R. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol. – In: *Printsipy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja*. Moskva: Nauka, pp. 95–113.)
- Jespersen 1922: Jespersen, O. *Language, Its Nature, Development, and Origin*. London: Allen & Unwin.
- Kondrashova, Šimik 2013: Kondrashova, N., R. Šimik. Quantificational Properties of neg-wh Items in Russian. – In: *NELS 40: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA Publications, pp. 15–28.
- Kosta, Zimmerling 2022: Kosta, P., A. Zimmerling. Case Assignment. – In: Fellerer, J., N. Bermel (Eds.). *The Oxford Guide to the Slavonic Languages*. Oxford: Oxford University Press (in press).
- Krapova, Cinque 2008: Krapova, I., G. Cinque. Clitic Reduplication Constructions in Bulgarian. – In: *Clitic Doubling in the Balkan Languages*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 257–286.
- Kratzer 1995: Kratzer, A. Stage Level and Individual Level Predicates. – In: Carlson G., F. J. Pelletier (Eds.). *The Generic Book*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 125–175.
- Kustova 2002: Кустова, Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой. – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 16–34. (Kustova 2002: Kustova, G. I. O tipah proizvodnyh znachenij slov s eksperientsial'noj semantikoj. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, pp. 16–34.)
- Kustova 2016: Кустова, Г. И. Конструкции прилагательных с компонентом «для Род». – В: *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Филологические науки, культурология*, № 6, с. 176–185. (Kustova 2016: Kustova, G. I. Konstruktsii prilagatel'nyh s komponentom «dlya Rod». – In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki, kul'turologija*, № 6, pp. 176–185.)
- Kustova 2021: Кустова, Г. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка). – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2021»*, № 20 (27), с. 456–463. (Kustova 2021: Kustova, G. Tipy infinitivnyh konstruktsij s predikativami (po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo jazyka). – In: *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog-2021»*, № 20 (27), pp. 456–463.)
- Kustova 2022: Кустова, Г. И. Семантические и синтаксические свойства предикативов ощущения (сензитивов). – В: *Доклады от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 201–207. (Kustova 2022: Kustova, G. I. Semanticheskie i sintaksicheskie svojstva predikativov oshchushchenija (senzitivov). – In: *Dokladi ot mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”*. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”, pp. 201–207.)

- Leslie 1987: Leslie, A. Pretense and Representation: The Origins of "Theory of Mind". – In: *Psychological Review*, Vol. 94, № 4, pp. 412–426.
- Letuchij 2014: Летучий, А. Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах. – В: *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки*, № 1, с. 62–84. (Letuchij 2014: Letuchij, A. B. Sintaksicheskie svojstva sententsial'nyh aktantov pri predikativah. – In: *Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova. Ser. Filologicheskie nauki*, № 1, pp. 62–84.)
- Letuchij 2018: Летучий, А. Б. Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полувспомогательными глаголами и прилагательными (типа: я считаю нужным участвовать). – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 7–28. (Letuchij 2018: Letuchij, A. B. Predikativ ili prilagatel'noe? Russkie konstruksii s poluvspomogatel'nymi glagolami i prilagatel'nymi (tipa: ya schitayu nuzhnym uchastvovat'). – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, pp. 7–28.)
- Letuchij 2022: Летучий, А. Б. Предикативы в системе русских признаковых слов – наречий и прилагательных. – В: *Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология*, № 76, с. 105–147. (Letuchij 2022: Letuchij, A. B. Predikativy v sisteme russkih priznakovyh slov – narechij i prilagatel'nyh. – In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija*, № 76, pp. 105–147.)
- Lyutikova 2017: Лютикова, Е. А. *Формальные модели языка. Теории и приложения*. Москва: Языки славянской культуры. (Lyutikova 2017: Lyutikova, E. A. *Formal'nye modeli jazyka. Teorii i prilozhenija*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.)
- Lyutikova 2018: Лютикова, Е. А. Структура именной группы в безартиклевом языке. Москва: Языки славянской культуры. (Lyutikova 2018: Lyutikova, E. A. *Struktura imennoj grupy v bezartiklevom jazyke*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.)
- Madariaga 2011: Madariaga, N. P. Infinitive Clauses and Dative Subjects in Russian. – In: *Russian linguistics*, Vol. 35, № 3, 301–329.
- Malchukov, Ogawa 2011: Malchukov, A., A. Ogawa. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. – In: Malchukov A., A. Siewierska (Eds.). *Impersonal Constructions. A cross-linguistic perspective*. [Studies in Language Companion Series 124]. Amsterdam: John Benjamins, pp. 19–56.
- Maslov 1981: Маслов, Ю. С. Категория состояния в болгарском языке. – В: *Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы*. Ленинград, с. 172–177. (Maslov 1981: Maslov, Yu. S. Kategorija sostojanija v bolgarskom jazyke. – In: *Teorija jazyka, metody ego issledovanija i prepodavanija. K 100-letiju so dnja rozhdenija L. V. Shcherby*. Leningrad, pp. 172–177.)
- Mel'čuk 1995: Mel'čuk, I. Syntactic or Lexical Zero. – В: *Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст»*. Москва, Вена: Языки русской культуры, с. 169–211. (Mel'čuk 1995: Mel'čuk, I. Syntactic or Lexical Zero. – In: *Russkij jazyk v modeli «Smysl ⇔ Tekst»*. Moskva, Vena: Jazyki russoj kul'tury, pp. 169–211.)
- Mel'čuk 2014: Mel'čuk, I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again. – В: Плунгян, В. А. и др. (ред.). *Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика*. СПб: Алетейя, с. 169–216. (Mel'čuk 2014: Mel'čuk, I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again. – In: Plungyan, V. A. et al. (red.). *Jazyk. Konstanty. Peremennye. Pamjati A. E. Kibrika*. Spb: Aleteja, pp. 169–216.)

- Migirin 1970: Мигирин, В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные. – В: Ломтев, Т. П., А. А. Камынина (ред.). *Исследования по современному языку: сб. ст. посвящ. памяти Е. М. Галкиной-Федорук*. Москва. (Migirin 1970: Migirin, V. N. Kategorija sostojanija ili bessubjektnye prilagatel'nye. – In: Lomtev, T. P., A. A. Kamynina (Eds.). *Issledovanija po sovremennomu jazyku: sb. st. posvjashch. pamjati E. M. Galkinoj-Fedoruk*. Moskva.)
- Mitrenina 2017: Митренина, О. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа. – В: Лютикова, Е. А., А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*. Вып. 4, с. 64–70. (Mitrenina 2017: Mitrenina, O. Dativno-infinitivnaja konstruktssija v russkom jazyke kak predlozhnaja gruppa. – In: Lyutikova, E. A., A. V. Zimmerling (Eds.). *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov*, Is. 4, pp. 64–70.)
- Moore, Perlmutter 1999: Moore, J., D. M. Perlmutter. Case, Agreement, and Temporal Particles in Russian Infinitival Clauses. – In: *Journal of Slavic Linguistics*, Vol. 7, № 2, pp. 219–246.
- Peshkovskij 1928: Пешковский, А. М. *Русский язык в научном освещении*. 3-е изд. Москва-Ленинград: Государственное издательство. (Peshkovskij 1928: Peshkovskij, A. M. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 3rd ed. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.)
- Petrova 2006: Петрова, Г. Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас: Димант. (Petrova 2006: Petrova, G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya*. Burgas: Dimant.)
- Petrova 2020: Петрова, Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език. – В: Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“. Т. 1, с. 100–106. (Petrova 2020: Petrova, G. Bezlichni predikativno-dativni konstruktssii v balgarskiya ezik. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andrejchin“*. Т. 1, pp. 100–106.)
- Popov 1881: Попов, А. В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях. Воронеж. (Popov 1881: Popov, A. V. *Sintaksicheskie issledovanija. Imenitel'nyj, zvatel'nyj i vinitel'nyj v svjazi s istoriej razvitija zalozhnyh znachenij i bezlichnyh oborotov v sanskrite, zende, grecheskom, latinskom, nemetskom, litovskom, latyshskom i slavyanskih narechiyah*. Voronezh.)
- Pospelov 1955: Пospelов, Н. С. В защиту категории состояния. – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 55–65. (Pospelov 1955: Pospelov, N. S. V zashchitu kategorii sostojanija. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, s. 55–65.)
- Rapaport 1986: Rapaport, G. C. On a Persistent Problem of Russian Syntax: Sentences of the type *Mne negde spat'*. – In: *Russian Linguistics*, № 10, pp. 1–31.
- RBE 1977: *Речник на съвременния български език*. Т. 1-16. София: Институт за български език. <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> [10.07.2022]. (RBE 1977: *Rechnik na savremenniya balgarski ezik*. Т. 1-16. Sofia: Institut za balgarski ezik, <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> [10.07.2022].)
- Rusinov 1983: Русинов, Р. Наречие. – В: *Граматика на съвременния български книжовен език*. Т. 2: *Морфология*. София: Издателство на БАН, с. 387–408. (Rusinov 1983: Rusinov, R. Narechie. – In: *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik*. Т. 2: *Morfologiya*. Sofia: Izdatelstvo na BAN, pp. 387–408.)

- Say 2013: Say, S. On the Nature of Dative Arguments in Russian Constructions with “Predicatives”. – In: *Current Studies in Slavic Linguistics*. Amsterdam: Philadelphia, pp. 225–246.
- Seliverstova 1982: Селиверстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. – В: Селиверстова, О. Н. (ред.). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 86–157. (Seliverstova 1982: Seliverstova, O. N. Vtoroj variant klassifikatsionnoj setki i opisanie nekotoryh predikatnyh tipov russkogo jazyka. – In: Seliverstova, O. N. (Ed.). *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka, pp. 86–157.)
- Shahmatov 1925: Шахматов, А. А. *Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и словосочетании*. Ленинград: АН СССР. (Shahmatov 1925: Shahmatov, A. A. *Sintaksis russkogo jazyka. Вып. 1. Uchenie o predlozhenii i slovosochetanii*. Leningrad: AN SSSR.)
- Shapiro 1955: Шапиро, А. Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 42–54. (Shapiro 1955: Shapiro, A. B. Est’ li v russkom jazyke kategorija sostojanija kak chast’ rechi? – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, pp. 42–54.)
- Shcherba 1928: Щерба, Л. В. Категория состояния в русском языке. – В: *Русская речь. Новая серия*. Ленинград, с. 5–27. (Shcherba 1928: Shcherba, L. V. Kategorija sostojanija v russkom jazyke. – In: *Russkaja rech’. Novaja serija*. Leningrad, pp. 5–27.)
- Shcherba 2008: Щерба, Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. 4-е изд. Москва: ЛКИ. (Shcherba 2008: Shcherba, L. V. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel’nost’*. 4-e izd. Moskva: LKI.)
- Shvedova 1982: Шведова, Н. В. (ред.). *Русская грамматика. Т. 1–2*. Москва: Наука. (Shvedova 1982: Shvedova, N. V. (Ed.). *Russkaja grammatika. T. 1–2*. Moskva: Nauka.)
- Testelec 2001: Тестелец, Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ. (Testelec 2001: Testelec, Ya. G. *Vvedenie v obshchij sintaksis*. Moskva: RGGU.)
- Tisheva 2019: Тишева, Й. Означаване на синтактични отношения: предложни и именни фрази. – В: *Български език, Приложение 2019*, с. 77–92. (Tisheva 2019: Tisheva, J. Oznachavane na sintaktichni odnosheniya: predlozhni i imenni frazi. – In: *Balgarski ezik. Prilozhenie 2019*, pp. 77–92.)
- Todorova 2022: Todorova, M. Idiomatic and Idiomatised Predicative Constructions. Paper presented at the Conference “Grammatical Processes and Systems in Synchrony and Diachrony”, Moskva, June 13–15, 2022.
- Veyrenc 1979: Veyrenc, J. *Les propositions infinitives en russe*. Paris: Institut d’Etudes Slaves.
- Vinogradov 1947: Виноградов, В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва–Ленинград. (Vinogradov 1947: Vinogradov, V. V. *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva–Leningrad.)
- Vinogradov 1972: Виноградов, В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва–Ленинград. (Vinogradov 1972: Vinogradov, V. V. *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva–Leningrad.)
- Zaliznjak 1992: Зализняк, А. А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. München: Otto Sagner. (Zaliznjak 1992: Zaliznjak, A. A. *Issledovanija po semantike predikatov vnutrennego sostojanija*. München: Otto Sagner.)
- Zimmerling 1998: Циммерлинг, А. В. История одной полемики. – В: *Язык и речевая деятельность*, № 1, с. 63–87. (Zimmerling 1998: Zimmerling, A. V. Istorija odnoj polemiki. – In: *Jazyk i rechevaja dejatel’nost’*, № 1, pp. 63–87.)

- Zimmerling 1999: Циммерлинг, А. В. Субъект состояния и субъект оценки. – В: Арутюнова, Н. Д., И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва, с. 221–228. (Zimmerling 1999: Zimmerling, A. V. Subjekt sostojanija i subjekt otsenki. – In: Arutyunova, N. D., I. B. Levontina (Eds.). *Logicheskij analiz estestvennogo jazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i jazyke*. Moskva, pp. 221–228.)
- Zimmerling 2009: Zimmerling, A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian. – In: Zybatow, G. et al. (Eds.). *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure*. Peter Lang, pp. 253–268.
- Zimmerling 2018a: Циммерлинг, А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. – В: *Вопросы языкознания*, № 5, с. 7–33. (Zimmerling 2018a: Zimmerling, A. V. Impersonal'nye konstruksii i dativno-predikativnye struktury v russkom jazyke. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 5, s. 7–33.)
- Zimmerling 2018b: Циммерлинг, А. В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. – В: *Slavistična revija*, № 1, с. 45–64. (Zimmerling 2018b: Zimmerling, A. V. Predikativy i predikaty sostojanija v russkom jazyke. – In: *Slavistična revija*, № 1, pp. 45–64.)
- Zimmerling 2018c: Циммерлинг, А. В. Так им и надо: нужны ли эндоклитики для описания русской грамматики. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 2, Т. 36, с. 159–179. (Zimmerling 2018c: Zimmerling, A. V. Tak im i nado: nuzhny li endoklitiki dlja opisaniya russkoj grammatiki. – In: *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, Т. 36, № 2, pp. 159–179.)
- Zimmerling 2020a: Циммерлинг, А. В. Автореферентность и классы предикативных слов. – В: Воейкова, М. Д., В. В. Казаковская (ред.). *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. Санкт-Петербург: ИД ЯСК, с. 23–58. (Zimmerling 2020: Zimmerling, A. Avtoreferentnost' i klassy predikativnyh slov. – In: Voejkova, M. D., V. V. Kazakovskaya (Eds.). *Problemy funktsional'noj grammatiki: Otnoshenie k govorjashchemu v semantike grammaticheskikh kategorij*. Sankt Peterburg: ID JASK, pp. 23–58.)
- Zimmerling 2020b: Циммерлинг, А. В. Одушевленность. Русский язык. – В: *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН*, т. 24, с. 43–56. (Zimmerling 2020b: Zimmerling, A. V. Odushevlennost'. Russkij jazyk. – In: *Trudy Instituta russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova RAN*, vol. 24, pp. 43–56.)
- Zimmerling 2021a: Zimmerling, A. Primary and Secondary Predication in Russian and the SLP: ILP distinction revisited. – In: Warditz, V. (Ed.). *Russian Grammar: System – Language Usage – Language Variation*. Frankfurt a.M., pp. 543–560.
- Zimmerling 2021b: Циммерлинг, А. В. *От интегрального к аспективному*. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История. (Zimmerling 2021b: Zimmerling, A. V. *Ot integral'nogo k aspektivnomu*. Moskva-Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.)
- Zimmerling 2022: Zimmerling, A. Existentials, Modals and the Ontology of States. – В: *Доклады от международной годишной конференция на Института за български език “Професор Любомир Андрейчин”*. Sofia, pp. 57–66. (Zimmerling 2022: Zimmerling, A. Existentials, Modals and the Ontology of States. – In: *Dokladi ot mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Professor Lyubomir Andrejchin”*. Sofia, pp. 57–66.)
- Zolotova 1982: Золотова, Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука. (Zolotova 1982: Zolotova, G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. Moskva: Nauka.)

Dative-predicative structures and the syntax-semantics interface in Russian and Bulgarian

Maxim Stamenov^a, Anton Zimmerling^b

Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin, Bulgarian Academy
of Sciences^a, Pushkin State Russian Language Institute/ Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences^b

maxstam@bas.bg, fagraey64@hotmail.com

Abstract

In this chapter we study the place of dative-predicative structures (DPS) in Russian and Bulgarian and their interaction with the syntax-semantics interface. We pay attention to the main distinctive features of predicatives from a formal and a semantic perspective, as well as to the properties and specifics of the interface between the form and content of this type of structures in terms of their capacity for expressing core morphological, syntactic and semantic relations.

Keywords: *case: agreement, dative-predicative structures, dative-infinitive structures, Davidsonian states, experiencer, syntactic control, semantic control, grammatical category of person, pronominal clitics*

Maxim Stamenov
DSc Prof.
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
<https://orcid.org/0000-0003-4907-533X>

Anton V. Zimmerling
DSc Prof
Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St.
Moscow, 117485 Russia
Institute of Linguistics
Russian Academy of Science
1 Bol'shoi Kislovskij Lane
Moscow, 125009 Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>

ПРЕДИКАТИВНИ КОНСТРУКЦИИ ЗА СЪСТОЯНИЕ: КОРПУСНО ИЗСЛЕДВАНЕ ВЪРХУ БЪЛГАРСКИ И РУСКИ

Цветана Димитрова^а, Валентина Стефанова^б, Мария А. Тодорова^в

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“^{а,б,в},
Българска академия на науките¹

cvetana@dcl.bas.bg^а, valentina@dcl.bas.bg^б, maria@dcl.bas.bg^в

Резюме. Студията разглежда предикативни конструкции за изразяване на състояние в български и в руски език, като представя наблюдения, анализ и обобщения, направени върху колекция от предикативни конструкции за състояние в български и в руски език, ексцерпирана от паралелните българо-руски и руско-български подкорпуси в състава на Националния корпус на руския език.

Ключови думи: *предикативи, състояние, руски език, български език, корпуси*

1. Увод

Студията разглежда клас предикативни конструкции за изразяване на състояние в български и в руски език, за които приемаме, че отговарят на конструкциите за изразяване на семантичния признак ‘състояние’, която Л. Щерба (Щерба / Shterba 1974/1928) определя като категория в руски (напр. *трудно (ми) е, важно(то) (ми) е, жал ми е, срам ме е*).

Обобщенията в текста са направени въз основа на наблюдения и анализ на езиков материал от колекция от предикативни конструкции за състояние в български и в руски език, които са извлечени от паралелните българо-руски и руско-български подкорпуси в състава на Националния корпус на руския език. Езиковият материал е систематизиран въз основа на предварително изготвена класификация на предикативните конструкции в българския език (Тодорова и др. / Todorova et al. 2021a), която проследява следните формални характеристики: клас/подклас на предикатива (съществително, прилагателно/наречие или дума, завършваща на -о, предложна фраза), вкл. морфологична форма на предикатива; копулативен гла-

* Цветана Димитрова, Валентина Стефанова, Мария Тодорова. Предикативни конструкции за състояние: корпусно изследване върху български и руски. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 358–384.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.12>

¹ Благодарим на магистър Александра Ерьомченко от Санктпетербургския държавен университет за полезните коментари и забележки по примерите.

гол; факултативност/облигаторност на местоименната клитика, която изразява експериментер или субект на оценката. Предложена е семантична типология на различни проявления на категорията състояние при предикативните конструкции, изследвани съпоставително с паралелни примери в руски.

2. Предикативни конструкции за състояние

Предикативите за състояние в български представляват специфичен комплекс, включващ следните елементи: спомагателен глагол, име/именна група, задължителна или факултативна местоименна клитика. Морфосинтактично те се отличават със своята синтактична функция (функционират като съставно именно / адиективно / адвербиално сказуемо или като сказуемо определение) и изразяват граматичните категории време и наклонение при отсъствието на синтетични спрегаеми форми (Маслов / Maslov 1981).

Самото езиково явление е назовавано още като „неглаголен предикатив“ (Маслов / Maslov 1981), а предикативната конструкция се определя като комплекс от елементи: копулативен глагол, име (именна група), дума на -о/-е или предлог (предложна фраза) и задължителна или факултативна местоименна клитика (напр. *весел е, весело е, весело ми е*). Неглаголният компонент се отбелязва с различни термини, определяни от обхвата на изследваното явление: по общо – предикатив (Маслов / Maslov 1981), предикативна дума (Бъркалова / Barkalova 1997), и по-конкретно – „безлично-предикативна дума“ (Попов / Popov 1963/1974), безличен предикатив от (втори) тип (Маслов / Maslov 1981), безлично предикативно наречие (Георгиев / Georgiev 1991), безлично-предикативна дума на -о/-е (Бъркалова / Barkalova 1997), предикативно наречие (Кутсаров / Kutsarov 2007), безлична предикативна дума наречие (Лакова / Lakova 2016). Особен интерес предизвикват безличните предикативни конструкции, при които характеристиките на приглаголния предикатив пораждаат многозначни интерпретации. Според С. Георгиев например наречието е преходен етап между прилагателното име и предикатива (Георгиев / Georgiev 1991).

Съставната структура на предикативните конструкции определят различни гледни точки: анализ спрямо глаголния или спрямо приглаголния компонент. Към първите се обособяват две групи: предикативни конструкции, които използват форма на глагола ‘съм’ като копулативен (Бъркалова / Barkalova 1997); и предикативни конструкции, които използват глаголи, „отслабили лексикалното си значение“ (ГСБКЕ / GSBKE 1983: 135) като *явявам се, изглеждам, оказвам се* и др., а към вторите – дали това е ‘неглаголен предикатив’, в който участват: безлични предикативи съществителни като *грехота е, яд ме е, жал ми е* (Маслов / Maslov 1981: 290–293); изречения, съдържащи глагола ‘съм’ и безлично предикативно наречие, най-често за начин, които означават състояние (ГСБКЕ / GSBKE 1983: 394); или ‘безлични именни сказуеми’ (Бъркалова /

Barkalova 1997: 128). Според морфосинтактичните характеристики предикативните конструкции се разделят на лични ‘съставно именни предикативи’ (Бъркалова / Barkalova 1997: 110) и безлични с предикативен компонент, завършващ на -о/-е (Петрова / Petrova 2020 и др.).

В руската изследователска традиция интерпретацията на тези елементи се движи в широки граници от обособяването им като отделна категория (Щерба / Shterba 1974) или отказ от категоризирането им; през предикативни наречия (Шведова / Shvedova 1980: 703) до безлични прилагателни (Мигирин / Migirin 1970; Бабайцева / Babaytseva 1957/2005: 47–68; 1962/2005: 92–95). А. Летучий (Летучий / Letuchiy 2022) разглежда свойствата на конструкциите, определяни в руската изследователска традиция като предикативи, изхождайки от предпоставката, че появата на предикативите се дължи на асиметрията между прилагателните и наречията. Прилагателните се употребяват в атрибутивна и предикатна позиция, докато наречията са адюнкти, като разликата е в това, че ако прилагателното е в предикатна позиция, подлогът или конституентът в подложна позиция трябва да е именна група, докато, ако в предикатната позиция е наречие, в подложната трябва да се появи глаголна група (или изречение). Тези изисквания на съответните лексикални единици не могат да се преодолеят без включването на допълнителни маркери или преобразуване на конституентите (например използването на отименни съществителните), поради което според автора се появява категорията предикатив, която позволява задействането на механизъм, чрез който това преобразуване да се избегне.

Общото и за двата езика множество от предикативи или предикативни конструкции за състояние е обединено от специфични семантични признаци, включващи изразяване на вътрешно състояние или някакъв вид оценка (Рожновская / Rozhnovskaya 1959, Георгиев / Georgiev 1991, Петрова / Petrova 2020). Общото семантично поле, към което принадлежат, се характеризира от „присъствие на обекта в някакво непроменено състояние, което не е резултат от пряко влияние на някого, за определен период от време“ (Циммерлинг / Zimmerling 2010: 549). Обхватът на семантичното поле за състояние е интерпретиран от различни гледни точки и с различна степен на семантични групирания. А. Летучий (Летучий / Letuchiy 2022) например разделя предикативите на два големи класа: предикативи за свойство и предикативи за състояние. Предикативите за свойство функционират като прилагателните – описват признак и отчасти функционират като наречие в предикатна позиция; изреченският актант е подложно изречение; зависимият глагол може да е в несвършен вид и в свършен вид; често управляват дателна именна група; при изреченски актант прилагателното може да присъединява елемента *самое*; няма съответстваща конструкция за тъждество (*Той е X*). Предикативите за състояние са аналогични на безличните глаголи и описват състояние на експериенцера; изреченският актант, ако има такъв, е периферен зависим конституент; зависимият глагол е предимно от несвършен вид; обикновено

не може да управлява дателна именна група; не се среща с елемента *самое*; при някои елементи има съответстваща конструкция за тъждество.

3. Паралелни данни

Сравнението между реализациите на конструкциите в български и в руски е направено въз основа на примери, извлечени чрез заявки от текстовете на български в паралелния българо-руски и руско-български корпус в Националния корпус на руския език². В предишно изследване (Тодорова и др. / Todorova et al. 2021a) върху данни от Българския национален корпус (Коева / Koeva et al. 2012) бяха определени класове предикативи за състояние и типови синтактични структури. Те бяха използвани при ексцерпиране на езиков материал, основан на формалната компонентна структура: копулативен глагол, име/именна група/наречие, задължителна или факултативна местоименна клитика (вж. по-подробно Тодорова и др. / Todorova et al. 2021a). От Националния корпус на руския език, изхождайки от структурите в български, беше извлечен езиков материал от съотнесени българско-руски и руско-български текстове. Чрез поредица от заявки за низове от последователности бяха извлечени примери за употреба на предикативи за състояние в прикопулна позиция от паралелните Българо-руски и Руско-български подкорпуси в състава на Националния корпус на руския език. Двата подкорпуса са първоначално създадени в рамките на Успоредния корпус на руски и български текстове (Гочев / Gochev 2011), който включва текстове от художествена литература (на български и на руски език) в превод: Руско-българският подкорпус включва текстове от руски автори, в оригинал на руски, с българския им превод, а Българо-руският подкорпус – текстове от български автори, на български език, с превода им на руски. Руско-българският подкорпус съдържа два пъти повече текстове и с 30% повече словоформи в двете части от Българо-руския. Чрез заявки в системата на Националния корпус на руския език бяха извлечени над 9000 примера за предикативни конструкции за състояние за български със съответните им паралелни изречения от руски, като 927 примера бяха ръчно избрани за български и техните съответствия за руски бяха верифицирани за руски и класифицирани за целите на настоящото изследване.

Приведените данни обхващат примери с копулативен глагол в сегашно време в български и дателна клитика (предимно) в 1 л., ед.ч., като допълнително се прилагат примери с копулативни глаголи в минало време. Данните от Руско-българския корпус са повече от тези от Българо-руския корпус, което се обяснява с количественото преимущество на текстовете.

² Благодарим за верификацията на описанията на проф. Елена Иванова и д-р Анастасия Мосинец.

4. Сравнение между реализациите на конструкциите в български и в руски

4.1. Сравнение, основано на морфосинтактични признаци

Следните морфосинтактичните критерии бяха използвани при сравнението между реализациите на конструкциите в български и в руски:

а. Вид/клас на предикатива: дума, завършваща на -о, която формално може да бъде класифицирана като прилагателно или наречие в предикативна употреба в български и като предикатив в руски (за възможните тълкувания и класификации в руски, вж. и Летучий / Letuchiу 2022) (*студено ми е, ясно ми е*); съществително (*време, мъка*); предложна фраза (*не ми е до смях*); глагол (срв. *Страх ме е сама вкъщи (...)* vs. *Одной дома жутковато (...)*; *Страх ме е.* vs. *Я боюсь.*). Тук казус например възниква при думата *жал*, която в български се класифицира като съществително, неизменяемо, докато в руски се определя като предикатив. Затова и конструкцията *жал ми е*, която не може да се използва без дателната клитика, е групирана заедно с *горещо ми е, болно ми е* и под.

б. Особености на морфологичната форма: наличие (в български) / липса (в руски) на определени форми при думите, завършващи на -о, откъдето може да следва и разлика при формалното класифициране по част на речта на предикативите в някои конструкции в двата езика, срв. *Важно(то) е да влезеш веднъж в професията* vs. *Важно войти в роль*, където конструкцията в руски може да се класифицира като предикатив, докато в български е прилагателно име (а не наречие) поради определеността си, макар тя да е арбитрарна.

в. Разлики при копулативните глаголи: наличие (в български) / липса (в руски) на копулативни глаголи в сегашно време, срв. *На мене ми е интересно да стигна ей там!* vs. *Мне интересно вот куда попасть.*

г. Разлики при изразяването на субекта на състоянието чрез клитични местоимения: наличие (в български) / липса (в руски) на клитични местоимения, които реферират към лицето, за което се отнася състоянието: експериментер или оценяващ ситуацията, срв. *Така няма да ме е страх (...)* vs. *Мне тогда не так будет страшно (...)*.

В резултат от прилагането на посочените критерии върху паралелните българо-руски данни бяха изведени следните морфосинтактични групи.

4.1.1. Лични предикативни конструкции с номинативни елементи – съществително, прилагателно, числително име, местоимение, причастие – в прикопулна позиция се превеждат сравнително последователно и са с най-голяма честота. Копулативният глагол в сегашно време липсва в руския текст. Има при-

мери, в които в руския текст липсва, но в българския текст е преведен в минало време (това зависи от повествователните похвати в текстовете на двата езика). Такъв е примерът в (1.в.).

1.а. – *А альбом хорошенький!* (А. П. Чехов) // – *А албумът е хубавичък!*

б. – *О да! Мне оказана великая честь...* (В.С. Пикуль) // – *О, да! Оказана ми е велика чест...*

в. *Пальцы у него мягкие, пахли чем-то приятным – аккуратный врач...* (А. Н. Рыбаков) // *Пръстите му бяха меки, миришеха на нещо приятно – спретнат лекар...*

Наблюдава се разнообразие, макар и не регулярно, при предаването на свързващите глаголни елементи. В българския текст повечето копулативни глаголи в примерите са производни на *съм/бъда*, но в руския (най-често оригинал) може да има други глаголи.

2.а. *Они стояли радостные, возбужденные...* (А. Н. Рыбаков) // *Те бяха радостни, възбудени (...)*

б. *Ладонь осталась чистой. (...) Когда я видел ее в последний раз, ее ширина была больше двадцати метров.* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий) // *Дланта му беше чиста. (...) Последния път, когато го видях, беше широк повече от двайсет метра.*

Тези предикативни конструкции за тъждество с прикопулен компонент име и изменения на формите по род и число са с нефиксирана структура и в свободна употреба. Те са и най-многобройни в корпусните данни, така че тук няма да привеждаме количествени показатели.

4.1.2. Предикативните конструкции с безлично-предикативни думи са втори по честота в колекцията от примери. Те се разделят на два подкласа, всеки от които също може да се раздели на допълнителни подгрупи.

4.1.2.1. При предикативните конструкции с безлично-предикативни думи, завършващи на -о/-е, със задължителна дателна местоименна клитика (*мъчно ми е, болно ми е, зле ми е, добре ми е*) като еквивалентна конструкция в руски се среща най-често дума, завършваща на -о (или предикатив), като във (3.а.); има преводни съответствия и с глагол в руски като във (3.б.); както и с прилагателно като във (3.в.). Очакването, че в руски ще има дателно местоимение (или друга дателна именна фраза), не се оправдава – има примери както без, така и с дателно местоимение.

3.а. *Мне с ним хорошо, как дома.* (И. С. Тургенев) // *С него ми е добре, като у дома.*

б. *Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне...* (М. Ю. Лермонтов) // *И да си призная, още ми е мъчно, че преди смъртта си нито веднъж не си спомни за мене...*

в. *Ты удивлен?* (Л. В. Соловьёв) // *Чудно ти е, нали?*

Тук може допълнително да се прокара разграничение между предикативни конструкции, в които дателната клитика е задължителна (*жал ми е*), т.е. те не се срещат без нея, и такива, в които тя може да се изпусне, с промяна в реферираната ситуация (*горещо ми е* vs. *горещо е*, *добре ми е* vs. *добре е*).

В колекцията от примери конструкциите от първата група се образуват с ограничен кръг предикативни елементи: *жал ми е*, *мъчно ми е* (в значение на *жал ми е*, а не на *трудно ми е*, което може да се използва и без дателната клитика), *жально ми е*, *безразлично ми е*, *драго ми е*, *съвестно ми е*, *леко ми е*, *болно ми е*, *нервно ми е*, *угодно ми е*, т.е. това са предикативни думи, които се отнасят само до състоянието на експериенцера. Тук най-често предикативната дума се превежда с подобна предикативна дума – в 55 от общо 63 примера; в останалите има глагол (6 примера) или прилагателно име (2 примера) в руския текст. В руския текст при тези конструкции не е задължително да има експлицитно изразен дателен експериенцер.

Във втората подгрупа предикативният компонент може да се срещне и в определена форма и без дателната клитика, но се променя реферираната ситуация. В колекцията от примери това са конструкции с участието на предикативни думи, които могат да се отнасят както до състоянието на експериенцера (*лошо ми е*, *известно ми е*), така и да описват ситуацията (срв. *лошо е*, *известно е*).

4.а. – *Не я теб я мучаю, а ты меня, – сказала Ольга Степановна, – пойдём, мне холодно.* (А. Н. Рыбаков) // – *Не аз измъчвам тебе, а ти мене – каза Олга Степановна, – да се прибираме, студено ми е.*

б. *Похабная квартирка, – думал пес, – но до чего хорошо!* (М. А. Булгаков) // *Гньсно апартаментче – помисли си кучето, – ама колко ми е хубаво!*

Тук допълнително можем да разграничим две различни референтни ситуации, като в едната дателната клитика реферира към оценяващ ситуацията (*Важно ми е*)³, а в другата – към експериенцера, този, който изпитва състоянието, изразено чрез предикативната дума, срв. (4.а.), където *студено е* би означавало

³ Тук отделно може да се отдели група конструкции, при които прилагателното е определено и може да се появи дателна клитика: *Важното (ми) е* (в значение на *За мен е важно*, за този тип конструкции вж. Летучий, Джонова / Letuchiy, Dzhonova 2022). Тези прилагателни в конструкциите с дателна клитика могат да се използват и в сравнителна и в превъзходна степен (*По-важното ми е да мисля различно и да не нарушавам основните християнски ценности*, <https://eva.bg/article/14111-Pisna-mi-ot-polozhitelnomislene#.YvdAmXZBxPY> [12.08.2022]). В корпуса обаче не открихме такива примери.

само оценка на ситуацията, в която участва и говорещият (тук допълнително може да се направи разграничение между обективна оценка и субективна оценка на ситуацията, което зависи обаче от семантиката на предикативната дума, т.е. доколко тя може да се използва за обективно описание на ситуацията (*Студено е* = температурата е под определена стойност) или ситуацията може да се опише като такава само от гледната точка на определено лице (*Горещо е*). Изразяването и неизразяването на експериенцера може да е фактор при интерпретацията на някои от конструкциите. В (4.б.) напр. в текста на руския оригинал липсва експлициран експериенцер, а конструкцията с дателна клитика в превода може да има и значение на оценка (в значение на 'Колко ми е хубаво (моето) апартаментчето', освен референция към емоционалното състояние на говорещия (в значение на 'Колко добре се чувствам в апартаментчето'). В повечето примери в руския текст има експлицитен дателен експериенцер както в (4.а.).

Възможно е в текстовете да се използват различни конструкции, които са плод на преводаческо решение. Няколко примера са приведени в (5.). Устойчивите изрази като този в (5.г.) се превеждат с устойчиви изрази в съответния език.

5.а. – *От страна на мене няма да имате никакви усложнения – казвам аз, понеже очевидно това се иска да кажа. – Драго ми е да го чуя.* (Б. Райнов) // – *Постараюсь не вносить осложнений в нашу жизнь, – отвечаю я, поскольку, очевидно, это от меня хотели услышать. – Мерси.*

б. – *Нет, – Настя ему. – Спасибо, Никанор Иванович, я уж у себя.* (В. Суворов) // – *Не – му вика Настя. – Благодаря, Никанор Иванович, тук си ми е добре.*

в. *Надоела мне моя Матрена, намучился я с фланелевыми штанами, теперь пришло мое времечко.* (М. А. Булгаков) // *На мен моята Матрьона ми е дошла до гуша, не мога да ѝ гледам фланелените кюлоти, искам да ми е хубаво.*

г. – *Очень приятно. Мне как раз на работу сейчас. До свидания.* (В. Суворов) // – *Много ми е приятно. Сега бързам за работа. Довиждане.*

4.1.2.2. При предикативните конструкции с безлично-предикативни думи, завършващи на -о/-е, и факултативна дателна местоименна клитика (*късно (ми) е, рано (ми) е, далече (ми) е*) най-честият еквивалент в руски е конструкция с дума, завършваща на -о (предикатив), със или без местоимение, като в (6.а.). Срещат се и примери с глагол като в (6.б.); както и с прилагателно. Примерите, в които в руския текст има експлицитно изразен дателен експериенцер, са почти двойно повече от тези без експлицитен експериенцер.

6.а. *Затруднительно сказать, хорошо это или плохо.* (А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий) // *Трудно ми е да кажа дали това е хубаво или лошо.*

б. *Понимаю, о черт бы взял их и с колбасой!* (М.А. Булгаков) // *Ясно ми е! О, да ги вземат дяволите заедно с техния салам.*

в. Мне девочка нужна с координацией, с гибкостью, с быстротой движений, с точностью. (В. Суворов) // Нужно ми е момиче с координация, с гъвкавост, с бързина на движенията, с точност.

Различията в морфологичния строеж на двата езика и сравнително свободните структури на подтиповете, включващи местоименна клитика, както по отношение на предикативната дума, така и по отношение на словоредните варианти в български е причина за разнообразието от небуквални – перифрастични и синонимни, варианти при еквивалентните конструкции. Все пак и двата езика предпочитат да използват предикативна дума, като на предикативна дума в българския текст в руския текст отговаря глагол в 25 примера от 248, а в 8 примера стои прилагателно име. Експлицитно изразен дателен експериенцер се наблюдава в двойно повече примери, отколкото са примерите без изразен дателен експериенцер.

4.1.2.3. Като отделен тип тук се описват предикативните конструкции с безлично-предикативни думи, завършващи на -о/-е, при които може да се предполага елипса на копулата (добре че, жалко че), тъй като в някои български граматики те се анализират като фразеологизирани (и дори граматикализирани като сложни предлози). Като еквивалент в руските примери не се срещат глаголи (каквито има при останалите безлично-предикативни конструкции). Извлечените примери са 149 (добре че – 94; жалко че – 52), като еквивалент в руски са предимно думи, завършващи на -о – (7.а.), но има и други изрази – (7.б.–г.).

7.а. Хорошо, вошел медбрат, Коля Степаненко. (Б. Акунин) // Добре че влязъл Коля Степаненко от помощния персонал.

б. на счастье нашлись у меня (Н. А. Островский) // добре, че имах един под ръка

в. Жаль только, ненадолго... (Ч. Айтматов) // Но жалко, че никога не е за дълго...

г. Спасибо, что не двухэтажный автобус. (Б. Акунин) // Пак добре, че не прати двуетажен автобус.

4.1.3. Безличните номинативни конструкции

4.1.3.1. Безличните номинативни конструкции, изразяващи субективност на оценката, със съществително име и задължителна винителна клитика (страх ме е, яд ме е), са трети по честота, като компонентният им състав и структура са фиксирани в определена степен. Тук най-честият еквивалент в руски е глагол като в (4.а.). Втори по честота еквивалент е дума, завършваща на -о (предикатив), като в конструкцията може да има или да няма местоимение (в 13 примера липсва местоименен експериенцер) както е в (8.б.) и (8.в.).

8.а. – Я тоже боюсь... – сказал вдруг Сашка. (А. И. Приставкин) // – И мене ме е страх... – каза внезапно Сашка.

б. *потому что одной очень страшно* (Т. Полякова) // (...) *защото ме е страх да стоя сама през нощта*

в. – ... *защото просто яд ме е, като гледам каква апатия ни е вдървила...* (Ал. Константинов) // – ... *что мне прямо противно смотреть на апатию, в которую мы погружены...*

Честият превод на български с конструкция от съществително име, копулативен глагол и задължителна винителна клитика е свързан най-вече с устойчивостта на изрази като *страх ме е* вместо глагола *страхувам се*, *срам ме е* вместо *срамувам се*, *яд ме е* вместо *ядосвам се*, *гнус ме е* вместо *гнуся се* в разговорната реч – голяма част от примерите в колекцията ни са реплики на персонажите от художествени текстове.

4.1.3.2. Безличните номинативни предикативни конструкции, изразяващи неутрална оценка на ситуация от действителността (със съществителни като *срамота*, *грехота*, *чудо*, *грях*), без дателна/винителна клитика, се срещат в 24 примера. Еквивалентът в руски най-често е съществително, както е в (9.а.) – в 11 примера, или предикатив както в (9.б.) – в 9 примера.

9.а. – *Чудо, – согласился товарищ в сверкающих сапогах.* (В. Суворов) // – *Чудо е – съгласи се другарят с излъсканите ботуши.* //

б. *Он вызывал уважение, он благородный человек, и стыдно его огорчать.* (А. Н. Рыбаков) // *Будеше уважение, беше благороден човек, срамота бе да го огорчава.*

4.1.3.3. Безличните номинативни предикативни конструкции, изразяващи неутрална оценка на ситуация от действителността, с факултативна дателна/винителна клитика и съществителни като *време*, *мъка*, се срещат в 17 примера (16 са с *време* и 1 с *мъка*). Еквивалентът в руски най-често е предикатив като в (10.). Съществителното *време* се среща в 4 примера с дателна клитика, реферираща към оценявания, които в руски имат за еквивалент конструкция с предикатива *пора* и дателно (неклитично) местоимение.

10.а. *Време е да ставаш, Алек...* (П. Вежинов) // *Пора вставать, Алек...*

б. *Ну, мне пора... – и я поцеловал О (...)* (Е. И. Замятин) // – *Време ми е... – целунах О (...)*

в. – *Нет, мистер Холованов, мне домой пора.* (В. Суворов) // – *Не, мистър Холованов, време ми е да се прибирам вкъщи.*

Конструкцията *срам ме е* и *жал ми е* имат като съответствия относително свободни перифрастични варианти в руски, които не включват задължително предикатив. Относително по-стабилни в едновременната употреба на предикатив и в изходния език, и в преводното съответствие са конструкции *срамота е* и *време е*, при които може да се предполага фиксираност или фразеологизираност, т.е. предикативната употреба тук има по-скоро лексикален характер. В руските текстове

дателното местоимение, ако има такова, не е клитично, така че неговият словоред не е ограничен (вж. (10.в.)), което допълнително увеличава вариативността.

4.1.4. Предложните предикативни конструкции в колекцията с примери включват предимно (дателна) местоименна клитика. Броят им не е голям – общо 16 примера, като съответствията в руски са предложна фраза както в (11.а.) – 9 примера, или прилагателно както в (11.б.), съществително както в (11.в.), наречие както в (11.г.).

11.а. *На мен не ми е до смях – каза генералът.* (А. Гуляшки) // *Но мне не до шуток, – сказал генерал.*

б. *Да, – говорит, – знаю. Он у нас тут не первый.* (А. Литвиненко) // *Да – казва, – знам го. Не ми е за пръв път да съдя такъв.*

в. – *Ничего, до свадьбы заживет, – сказал он. – Это мне наука.* (А. Р. Беляев) // – *Нищо, ще ми мине – рече той. – Това ми е за урок.*

г. *Но это всё равно, мне не впервой.* (И. С. Тургенев) // *Но все едно, това не ми е за първи път.*

Тук също може да се направи разграничение между конструкции със задължителна дателна клитика, т.е. задължително изразен експериментер (*Не ми е до смях*), и такива, в които наличието и липсата на дателна клитика предопределя и разлика в реферираната ситуация (*Не ми е за първи път* (състояние) vs. *Не е за първи път* (оценка на ситуацията)).

Предложните предикативни конструкции с местоименни клитики имат фразеологизиран характер, както се вижда и от преводните им съответствия, които запазват идиоматичната си семантика.

Структурата и реализацията на извлечените от корпусните данни конструкции отразяват разликите в морфосинтактичните системи на двата езика, т.е. в начините, по които се реализират отношенията между елементите. Тези разлики може да са в основата и на наблюдаваната по-висока честота на случаите, в които в руски имаме глагол, докато в български конструкцията е предикативна, отколкото обратното (независимо че най-висока е честотата на паралелните конструкции с думи, завършващи на -о (или -е)).

4.2. Сравнение, основано на семантични характеристики

Семантичните характеристики на предикативните конструкции са разглеждани в литературата многообразно в зависимост от избора за семантично водещ компонент. Основно се срещат класификации, основаващи се на семантиката на предикативната дума (*влажно, мило, нужно*) (...) или значението се извежда спрямо наличието или липсата на дателна клитика (*студено е – студено ми е*) (Стаменов / Stamenov 2022; Джонова / Dzhonova 2021). Много от значенията се пресичат при посочване на предикативи в даден клас; при други разделението на класове е относително, но трябва да се отбележи, че повечето класификации предлагат час-

тично описание, като за съществени признаци се отбелязват само физиологично, психическо и емоционално състояния или тези за оценка на състоянието.

Ницолова (2008) и Куцаров (1999) отбелязват като най-продуктивни в предикативните конструкции наречия, които завършват на -о/-е, образувани от прилагателни имена. Куцаров (1999) уточнява, че „предикативните наречия се обособяват въз основа на синтактичната характеристика“ (Куцаров / Kutsarov 1999: 354). Конструкции като *трудно е, беше трудно, ще бъде жалко, стана тъмно* и под. показват, че предикативните наречия се свързват с абстрактни глаголи като *съм, бъда, стана* и *ставам* и са семантични компоненти на съставни именни сказуеми.

Тъй като в лингвистичната литература все още няма единомислие за характера на предикативната дума, по-специално в безлично-предикативните конструкции – дали са прилагателни имена, или наречия, при описанието на семантичните характеристики се обръща внимание и на семантичните разделения при наречията в частите, които доближават наречието до елементи на предикатив.

Така например според Русинов (1983) предикативните наречия могат да означават: а) състояния на природата и заобикалящата ни среда: *студено, топло, тихо, горещо, влажно, тъмно, спокойно, уютно, тясно, душно* и др., например: *Беше тихо*; б) физическо и психическо състояние на човека: *добре, зле, криво, досадно, мъчно, тежко, противно, обидно, опасно, смешно* и др.; в) оценка на състоянието от морално-етична или емоционална страна: *жал, мило, драго, грешно, жарко, весело, еня, приятно* и др.; г) интелектуално състояние или състояние с модална окраска: *чудно, нужно, странно, необходимо, лошо, хубаво, жално*; д) оценка на някакво състояние или положение: *рано, късно, далеко, близо* (Русинов, ГСБКЕ II / Rusinov, GSBKE II 1983: 400–401).

Ницолова (2008), от своя страна, отделя група наречия, които се използват предимно като предикативни думи в главното изречение на сложно съставно изречение, напр. *Вярно е, че Камен е бил в Африка; Грозно е да говориш така; Радостно е, че пак се видяхме*. Тези наречия означават отношението на субекта към съдържанието на изречението или т.нар. *наречия за пропозиционално отношение* и към тях спадат: а) наречия, означаващи когнитивни отношения, свързани с преценка за информираността на субекта относно съобщението, напр. *известно, неизвестно, знайно, очевидно, съмнително, проблематично* и др.; б) наречия, означаващи етични, естетични, религиозни, прагматични и др. оценки на субекта, напр. *грешно, праведно, красиво, грозно, прекрасно, чудесно, отвратително, отблъскващо, завладяващо, подходящо, неуместно, честно, почтено* и др.; в) наречия за емоционални отношения, напр. *радостно, тъжно, учудващо, стресиращо, възмутително, стряскащо, страшно* и др. (Ницолова / Nitsolova 2008: 449–450).

Два подтипа предикативи са определени от Георгиев (1994) въз основа на семантиката на предикативната дума: предикативи за качествена оценка и предикативи за модална субективност, като всеки от типовете е допълнително разделен на признаци, характерни за употребата на предикативна дума без пряко допълнение. Към предикативите за качествена оценка са посочени признаци като: оценка

с оглед на въздействието на дадени обстоятелства върху човека: *опасно, страшно, добре, зле, тежко, трудно*; впечатление: *Беше странно, Любопитно е да се знае това*; положителност: *хубаво, лошо, харно, несправедливо*; съчувствие: *тъжно, жално*; оценка на значимостта с оглед на количество: *важно, достатъчно, малко* и др.: *По-важното беше да организира работата*. Към предикативитие за модална субективност: за вероятност, възможност и необходимост: *възможно, вероятно, необходимо, немислимо: Не е възможно да се отиде там*; за достоверност, известност, потвърждение: *Вярно е, Ясно, че това е така*; за състояния: природно състояние: *шум, тишина, светлина: топло, горещо, снежно, влажно, хлъзгаво, мразовито, спокойно, мирно, глухо, пусто, светло* и др. за време: *Било вече късно, Ставаше вече късно* (Георгиев, ГСБКЕ III / Georgiev, GSBKE III 1994: 93).

Други две основни значения са определени от Петрова (2020) при предикативните конструкции с безлично-предикативни думи – за вътрешно състояние и за субективна оценка. Към значението за вътрешно състояние авторката отделя две основни разновидности: за физиологично и за психично състояние. Физиологичното състояние се свързва с усещания за жизнения тонус (*лошо ми е, добре ми е*), вкусови и тактилни усещания (*горчиво ми е, влажно ми е*), усещания за органични потребности (*жадно ми е, сито ми е*), усещания за дискомфорт (*тежко/гадно ми е на стомаха*), възприятия към околната среда (*студено ми е, тъмно ми е, задушно ми е*) и др. Психичното състояние най-общо се определя като „гама“ от емоционални преживявания, нагласи и настроения (*весело ми е, приятно ми е, спокойно ми е, готино ми е, тъжно ми е, скучно ми е, тревожно ми е, нервно ми е, напрегнато ми е, притеснено ми е, тъпо ми е, горчиво ми е от думите му, тежко ми е на душата* и др.). Състоянията за субективна оценка са свързани със субективните възприятия на говорещия (*необяснимо ми е, неприятно ми е*), „т.е. основана е на субективни впечатления, потребности, интереси, на лично мнение и преценка“ (Петрова / Petrova 2020: 102–104).

Разглеждайки безлични изречения с предикативна дума, Стаменов (2020) дефинира по-широк обхват на българските предикативни конструкции, изразяващи състояние. Той разграничава „изречения за душевни състояния или качествена и модална оценка, при които е налице самата оценка“ (Стаменов / Stamenov 2020: 103). Предикативи от типа на *опасно, страшно, зле, лошо, тежко, трудно* и под. възприема като оценка на въздействието на дадени обстоятелства върху човека. Според него предикативни думи като: *любопитно, странно, умно* и под. се употребяват в изречения за изразяване на „впечатление като оценка“, а такива като: *хубаво, лошо, срамно, право, несправедливо* и под. изразяват „оценка по линията на положителност или справедливост“ (Стаменов / Stamenov 2020: 103).

Въз основа на наблюдения върху комплементите в изречението Коева (2019) отделя три типа предикати с безлично-предикативна конструкция: предикати за емоционална реакция с експериенцер пряко или непряко допълнение, за обща оценка и предикати за знание. Към първите се включват предикативи от типа *яд ме е, срам ме е, страх ме е/чудно ми е, любопитно ми е, тъжно ми*

е, към вторите – *важно е, тъжно е, радостно е, любопитно е, странно е* и др., а към тези за знание – *известно ми е, ясно ми е* и др. (Коева / Коева 2019: 63).

Джонова (2021) посочва, че конструкциите за състояние са статични предикати, които означават емоция (*страх ме е, грижа ме е, мъка ми е, тъжно ми е, смешно ми е, тъжен съм*), ментално състояние (*известно ми е, ясно ми е, уверен съм*), физиологично състояние или усещане (*гъдел ме е, жегга ми е, студено ми е, вкусно ми е, приятно ми е, гладен съм*) и оценка (*трудно ми е, лесно ми е, нужно ми е*) (Джонова / Dzhonova 2021: 160).

В двустранен експеримент за руски и български език, направен от Цимерлинг (2018) и Иванова (2019), са дефинирани 15 семантични класа за изразяване на състоянието на субекта чрез безлична конструкция, включваща дателна клитика (*Обидно ми е; Радостно ми е*). Класификацията е съставена от 320 предикативни единици, завършващи на –о, ексцерпирани от Българския национален корпус (Коева / Коева et al. 2012): Физически състояния: *задушно ми е; жегга ми е*; Модалност: *невъзможно ми е; позволено ми е*; Емоционално състояние: *обидно ми е; жал ми е*; Морална оценка: *гузно ми е; хак ми е*; Удобство на изпълнението: *удобно ми е; по път ми е*; Уместност/неуместност: *неуместно/нелепо ми е*; Вътрешна потребност: *спешно/потребно ми е*; (Не)съответствие на задачата: *присъщо ми е; по джоба ми е*; Трудност на изпълнението: *тежко/непосилно ми е*; (Не)желание за изпълнение: *по сърце ми е; не ми е до X*; Обща оценка: *непоносимо ми е; супер/ок ми е*; (Не)релевантност: *важно ми е; все едно ми е*; Ефективност: *изгодно / вредно / здравословно ми е*; Сетивни и интелектуални реакции: *съмнително / глупаво / безинтересно / странно ми е*; Параметризуем признак: *шумно / просторно / рано ми е* (Иванова / Ivanova 2019: 177; Цимерлинг / Zimmerling 2018: 58).

Спрямо гореспоменатите теоретични рамки е направена и класификацията, с помощта на която е описна част от събрания материал. Ресурсите, които са използвани като източници за примери, са: едноезикова колекция от примери/изречения за български език, извлечена от Българския национален корпус⁴; две колекции от паралелни българо-руски и руско-български примери/изречения, извлечени от Националния корпус на руския език⁵ – едната, от които е съставена спрямо структурните типове предикативи за състояние, а другата е съставена на база семантично значение на основни безлично-предикативни конструкции.

Таблица 1 представя систематизиран модел за класифициране на безлично-предикативни конструкции в българския език⁶. Съставена е от четири основни

⁴ Българският национален корпус е достъпен на: <http://search.dcl.bas.bg/>

⁵ Националният корпус на руския език е достъпен на: <https://ruscorpora.ru/>

⁶ Класификацията е представена в първоначален вариант в статията „Предикативи за състояние: концепции, класификации и проблеми“ (Тодорова и др. / Todorova et al. 2021б), като в настоящия вариант е прецизирана, разширена и приложена паралелно за български и за руски език.

семантични класа: Състояние, Оценка, Модалност и Знание. Всеки клас включва допълнителни подкласове, например физическо, психическо/емоционално и природно състояние за тематичен клас Състояние, както и описателни подтипове, които подчертават значението на безлично-предикативните конструкции. С други думи, пресичането на различните семантични значения се осъществява от по-широк (тематичен клас) към по-тесен (тематичен подтип) смисъл.

Подкласове	Подтипове	Примери в български	Примери в руски
Тематичен клас – Състояние			
Физическо състояние	за възприятие на физическо/физиологични състояние на човека и усещания за жизнения тонус;	<i>лошо ми е; добре ми е; зле ми е</i> <i>горчиво ми е; солено ми е; сладко ми е</i>	<i>(мне) плохо; (мне) хорошо</i>
	за вкусови и тактилни усещания;	<i>влажно ми е; горещо ми е; студено ми е; хладно ми е; тъмно ми е; задушно ми е; шумно ми е</i>	<i>(мне) жарко; (мне) холодно</i>
	за усещания за телесни потребности;	<i>жадно ми е, сито ми е; вкусно ми е;</i>	
	за усещания за дискомфорт;	<i>сънливо ми е; уморено ми е</i> <i>гадно ми е (в устата) тежко ми е (на стомаха);</i>	<i>(мне) тяжело</i>
Психическо/емоционално състояние	за емоционални усещания;	<i>весело ми е; приятно ми е;</i>	
	психологични усещания	<i>спокойно ми е; скучно ми е; обидно ми е; противно ми е; удобно ми е; криво ми е; досадно ми е; смешно ми е горчиво ми е (огорчен съм)</i>	<i>(мне) горько</i>
	за съчувствие	<i>мъчно ми е, тъжно ми е, жално ми е за някого</i>	<i>(мне) жалко; (мне) грустно (мне) жаль</i>
Природно състояние	за усещания и възприятия за заобикалящата среда;	<i>влажно е; тихо е; горещо е; студено е; хладно е; тъмно е; светло е; задушно е; тихо е;</i>	<i>жарко; холодно; темно; тихо</i>

Тематичен клас – Оценка			
Оценка на външни обстоятелства	оценка на някакво състояние/ положение спрямо параметрични свойства като време, пространство, количество;	<i>рано е, късно е, далеко е, близо е, малко е, тясно е;</i>	<i>рано; поздно; далеко; близко; мало; тесно</i>
Оценка на възприятията на говорещия, породени от външни обстоятелства	за оценка на въздействието на дадени обстоятелства върху човека; лекота на изпълнението; проява на субективните възприятия на говорещия	<i>опасно е; страшно (ми) е; лесно (ми) е; трудно (ми) е; мъчно (ми) е (в значение на трудно (ми) е); неприятно (ми) е</i>	<i>опасно; (мне) страшно; (мне) леко; трудно; (мне) неприятно</i>
	за етични, морално-етични, естетични, религиозни, прагматични и др. оценки на субекта	<i>грешно е; срамно е; красиво е; отвратително е; отблъскващо е; почитено е; несправедливо е мило (ми) е; драго (ми) е; гузно (ми) е</i>	<i>стыдно; (мне стыдно = срам ме е)</i>
	за оценка на впечатление (преценка след нещо преживяно)	<i>любопитно (ми) е, странно (ми) е,</i>	<i>интересно; странно;</i>
	за оценка на съответствие на дадена задача	<i>присъщо ми е, скъпо ми е</i>	
	за оценка на ефикасност;	<i>вредно (ми) е, изгодно (ми) е;</i>	<i>вредно; невыгодно (в отрицателна форма)</i>

Тематичен клас – Модалност (изразява оценката на говорещия към действителността)			
	за вероятност, възможност, необходимост и достоверност; състояние с модална окраска	възможно (ми) е; вероятно е; необходимо (ми) е; нужно (ми) е; немислимо (ми) е; - от модални наречия: естествено (ми) е, сигурно (ми) е, желателно (ми) е	возможно; (мне) нужно; нельзя; надо (мне) желательно (оставаться дома)
	вътрешна потребност (необходимост)	спешно (ми) е	мне (не) к спеху
Тематичен клас – Знание			
	за когнитивна преценка	известно (ми) е; ясно (ми) е; знайно е; очевидно е; съмнително е; проблематично е; чудно (ми) е;	(мне) известно; (мне) ясно; очевидно; (мне) удивительно;

Таблица 1. Семантична класификация на безлично-предикативните конструкции

Основна цел на съставянето на подобен тип класификация, както и регистрирането на конструкции с безлично-предикативна дума, изразяващи състояние в конкретни изречения, е да се проследи възможността за съставяне на отделни зависимости при тематичните класове, като се наблюдават представителни предикативни конструкции за всеки тематичен клас.

Физическо и психическо/емоционално състояние са подкласове, които се характеризират с употреба на задължителна дателна клитика в български, която да означава носителя на това състояние. Тя реферира към конкретен субект в изреченията. При паралелните руски примери обаче се забелязва, че такава конструктивна зависимост не е задължителна за изразяване на физическо или психическо/емоционално състояние и съответстващите на български руски предикативни конструкции се срещат както *мне*, така и без местоименен елемент.

12.а. *Сел у окошка, ручки на коленях сложил – хорошо мне так...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий) // *Седнах на прозореца с ръце на коленете – добре ми е така...*

б. *Неужели я больной или это не мне говорят?... Прошептал удовлетворенно: – Вот теперь хорошо. – Больной, вы меня видите?* (Н. А. Островский) // *Нима съм болен, или пък това не се отнася за мене?... Прошепна доволен: – Сега ми е добре. – Болният, виждате ли ме?*

Конструкции от този тип се употребяват и самостоятелно, без да губят значението си, като контекстът на цялото изречение има отношение към определяне на подкласа състояние. Така например: *тежко ми е* в изреченията *Тежко ми е на гърдите, болна съм — каза Петровна.* – за физическо състояние; *На мене самия ми е тежко да се разделя с вас, но няма какво да се прави.* // *Тежко ми е, че нищо не разбираш!* – за психическо състояние, като в последните случаи обикновено се използват с комплемент подчинено че- или да-изречение в български език.

В зависимост от контекста на изречението *горчиво ми е* също може да се срещне в значение на физическо или психическо състояние: – *От хинина ми беше дълго време горчиво в устата...* – за физическо изпитване на горчивия вкус; *Тежко и горчиво ми е на сърцето, когато припомня своите млади и зелени години...* – за психическо/емоционално изпитване на чувство на мъка или скръб, както и *горчиво е*, което изразява оценката на субекта за вкусовите качества. Интересното в тези случаи е, че в руски по-скоро не се срещат предикативи в значение на физическото състояние. Предикативно руското *горький* се употребява като *Горько мне! Горько!*, което на български може да се преведе или с предикат *Огорчи ме!*, или с предикативна конструкция *Горчиво ми е!*. Значението обаче не отнася към вкусово усещане (физическо състояние), а по-скоро определя емоционалното състояние⁷. От друга страна, както беше казано, в български *горчиво* участва и в конструкции, които означават физическото състояние – *горчиво ми е / горчиво е*.

Двата типа състояние може да се изразяват и от предикативните конструкции *удобно ми е / не ми е удобно*. Те са за психическо/емоционално състояние, когато се употребява в значения на ‘не се чувствам добре, нещо ми пречи, притеснява ме’, или за физическо – когато обектът на удобство се изразява с непосредствена употреба на предложна фраза – *„Удобно ми е заради гърба.“* или *„Еднакви новини по всички канали, първосигнални забавни програми, а колкото до филмите, най-удобно му е да си ги гледа на дивиди“*. Оценката на даденото състояние се изразява в конструкция без клитика *удобно е*: *„Столовете са тапицирани, удобно е да се седи на тях.“* Важното тук е, че предикативът изисква предложна фраза или подчинено изречение – срв. *„Вижте колко удобно е мястото за кацане на самолети“*.

⁷ При словореда *Горько мне!* възклицателното изречение може да има само тълкуване като емоционално състояние, докато *Мне горько* може да означава и физическо, и емоционално състояние. (Благодарим на проф. Елена Иванова за тази забележка.)

В руски тези конструкции следват три модела – с наличие на местоимение *мне* като в (13.а.) и (13.б.) и без местоимение като в (13.в.). Използва се друга лексема – *неловко* при отрицание в (13.г.).

13.а. – *Не, не ми е удобно сама!* — каза Донка. (П. Вежинов) / – *Одной мне неудобно!* – възрази Донка;

б. *С этим протезом мне легче и удобнее...* (А. Н. Рыбаков) // *С тази протеза ми е по-леко и удобно...*

в. *У самых глаз сапог. Потому рассматривать удобно.* (В. Суворов) // *До-сами очите ѝ е ботушът. Затуй ѝ е удобно да го разглежда.* /

г. *Честно говоря, мне как-то неловко за Будаха...* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий) // *Честно казано, малко ми е неудобно за Будах...*

Мъчно в значение на ‘който изисква много усилия; трудно’⁸ се употребява и с друга предикативна конструкция като *трудно ми е/трудно е* за български, докато в руски подобни колебания в значението не се наблюдават. Съответно в руски *мъчно ми е/мъчно е* се предава с *Мне трудно (вам ответить...), Трудно (разглядеть в темноте...)*. *Мъчно ми е* може да се предаде в руски и с *жалко*, като в примерите липсва местоимение – вж. (14.).

14. – *Вчера к нам приходил Саша, жалко его,* – сказала Лена. (А. Н. Рыбаков) // – *Вчера у нас идва Саша, мъчно ми е за него* – каза Лена.

Със значение на ‘изпитва мъка, скръб, жал, болка’⁹, при което може да се използва и синонимна предикативна конструкция като *жално ми е*, се срещат и случаи в руски език със съществителното име *жаль* (*жаль мне*).

15.а. *Само ми е жално за твоите младини* — каза той посърнал. (Ив. Вазов) / *Только жаль мне тебя, молодой ведь совсем,* — проговорил он, по-мрачнев.

б. *Жаль твою квартирантку, но ты мне роднее и дороже...* (Т. Полякова) // *Мъчно ми е за апартамента ти, но ти си ми по-мила и по-скъпа...*

Общовалидно правило е конструкциите от тези два подкласа да означават оценката на даденото състояние (физическо или психическо), когато се употребяват без дателна клитика, и дават най-обща информация за впечатления или усещания. Петрова (2020) посочва, че оценката е свързана с отношението на говорещия към някакъв факт, основана е на субективни впечатления, потребности, интереси, на лично мнение и преценка. Така например от представените примери се забелязва, че предикативни конструкции с признак за съчувствие,

⁸ Речник на българския език: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/мъчно/>

⁹ Речник на българския език: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/мъчно/>

когато се срещат без дателна клитика, изразяват най-обща оценка на състоянието: *жално е, скръбно е, тъжно е, мъчно е*; или *добре е, зле е, вкусно е* – без клитика в значение на оценка на физическото състояние.

В подкласа за **природно състояние** се срещат конструкции без дателна клитика и предимно без подчинено изречение комплемент, а контекстът също не е от значение. Наблюдава се използването на обстоятелствени пояснения за място, време, причина и условие, като предикативните думи в конструкциите може да се определят и като прилагателни имена в кратка форма в ср. р., ед. ч. както за български, така и за руски език.

16.а. – *Ето я вспотел просто. Жарко тут у вас...* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий) // – *Просто съм се изпотил. Тук при вас е горещо...*

б. *Холодно сегодня.* (А. И. Солженицын) // *Студено е днеска.*

Предикативните конструкции за **оценка на външни обстоятелства** дават обща представа за време, разстояние и количество, възприемани еднакво от когото и да е, и се употребяват подобно на конструкциите за природно състояние. В български предикативната дума е наречие, а в руските примери предикатив и наречие не могат да бъдат разграничени. В голям процент от случаите се употребяват с обстоятелствени адюнкти.

17.а. – *Тогав да опитаме. – Не, рано е още...* (П. Вежинов) / – *Тогда по-пробуем. – Нет, еще рано.*

б. – *Пет часов. Как поздно!* (А.Р. Беляев) // – *Пет часът. Колко е късно!*

в. ...но *заключает, что там тесно, безобразно и нездорово...* (Ф. М. Достоевский) // ...но *явно там е тясно, отвратително и нездоровословно...*

Допустими са варианти на конструкциите от този тип с дателна клитика в български, които имат по-скоро разговорен характер. С оглед на изразения експериментатор значението се измества, вече обратно на гореспоменатото правило, към психическото/емоционалното състояние или оценката за това състояние – *рано ми е, късно ми е, далеко/далече ми е, близко/близо ми е, достатъчно ми е*. В руски се откриват съответствия само на българското *достатъчно ми е*, като причината вероятно е именно изразяване на значението за психическо/емоционално състояние.

18. *Мне достаточно посмотреть на ее руку...* (Л. В. Соловьёв) // *Достатъчно ми е да погледна ръката ѝ...*

Оценка на възприятията на говорещия, породени от външни обстоятелства, се среща в конструкции с факултативна употреба на дателната клитика и в двата езика. Предимно се използва комплемент подчинено да-изречение за български, като в някои случаи то е задължителен компонент: *страшно ми е весело* vs. *страшно ми е да гледам от толкова високо*.

Интересното тук е, че руският предикатив *мне стыдно* в български се предава с именна предикативна конструкция *срам ме е*, а като преводен вариант на българското *срамно е* се среща без местоимение *мне*.

При определянето на предикативните конструкции като изразяващи **обща оценка** се придържаме към твърдението на Петрова, че „при липсата на клитика оценката се представя като обща, обективна, като основана на общовалиден критерий (срв. съмнително ми е – съмнително е, невъзможно ми е – невъзможно е). Употребите без клитика отнасят към генеричен субект (т.е. нещо е съмнително или невъзможно за когото и да е)“ (Петрова / Petrova 2020: 101). Подклас обща оценка не е изведен в посочената класификация, тъй като в него влизат основно предикативни конструкции от останалите подкласове, но без изразен с дателна клитика експериментер.

Модалност е семантичен подклас, за който трудно се намират паралели в двата езика, тъй като повечето съответствия на руските предикативи в български са предимно глаголни форми. Така например *нельзя мне / мне нельзя* може да се определи като ‘същинска’ предикативна конструкция в руски, която обаче в български се превежда с модалния глагол *мога*.

19.a. – *Мне нельзя, мне пора, мне очень нужно...* (Ф. М. Достоевский) / – *Не мога повече, време е, налага ми се...*

б. – *Нельзя мне, – говорю ему сквозь зубы...* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий) / – *Не мога – процеждам през зъби...*

А. Градинарова споменава, че функционален еквивалент на руските модални конструкции с *надо* е българският модален глагол *трябва* (Градинарова / Gradinarova 2017: 55–57). Поради тази причина случаите на предикативни паралели между двата езика са редки.

Знание е семантичен подклас, представен в колекцията от примери от малък брой предикативни конструкции, употребени със или без дателна клитика, при които се предпочита присъединяването на подчинено изречение за изразяване на условието на дадено знание в български. Както посочва М. Стаменов (2021), това са конструкции с наречия за знание, мнение или умозаключение, което стъпва на базата на информация, формулирана с подчинено *че*-изречение: *Известно ми е, че Х. Ясно ми е, че Х.* (Стаменов / Stamenov 2021: 94).

При руските предикативи *мне ясно* и *мне известно* не са редки случаите, които на предикативната конструкция в български съответства глаголна форма.

18.a. – *Сейга разбираю, что ты меня мразишь!* (П. Вежинов) // – *Теперь и мне ясно, что ты меня ненавидишь...*

б. *Известно мне, его художник один здесь полюбил, к нему ходить стал, да вот этот случай и подошел!* (Ф. М. Достоевский) // *Зная, что один художник тут го обикнал, започнал да ходи при него, но это что се случилось това!*

Подобен е случаят и с руския предикатив *удивительно*, което, употребено без местоимение, в български се предава с предикативна конструкция *чудно е* или дори *чудно ми е* – вж. (20.а.), докато в комбинация с местоимението *мне* в български се среща глаголна форма като в (20.б.).

20.а. *Просто удивительно, как я еще жив...* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий) / *Просто ми е чудно, че още съм жив...*

б. – *Это мне удивительно, – начал он...* (Ф. М. Достоевский) // – *Това ме учудва – започна той...*

Принадлежността на някои от подтиповете към един или друг семантичен клас в предложената семантична класификация може да е относителна, тъй като разглежданото явление има различни нееднотипни прояви, които често са взаимно обвързани, и се основава на индивидуалната преценка на авторите в избора им за принадлежност на определени значения към даден клас. Въпреки липсата на категоричност в някои от случаите, семантичното групиране на наблюдаваните проявления паралелно за двата езика ни дават основание за теоретични обобщения. То позволява да се забележат прилики в двата езика при употребата на предикативи за състояние, при които експериенцерът е ясно изразен, както и сходни синтактични реализации на обстоятелствени адюнкти при представяне на природно състояние или оценка на външни обстоятелства. Различията при семантичните класове, при които паралелната употреба на предикативи в двата езика се срещат рядко, често са свързани с превод на предикативи и предикативни конструкции с глаголни форми.

5. Заключение

Представените наблюденията върху морфосинтактичните съответствия при разглежданите успоредни данни за предикативи в български и руски показват, че при превод се използват както типови съответствия, така и перифрастични варианти и езиковоспецифични функционални съответствия. Най-често срещаната група и с най-често формално съответствие между двата езика са тези на предикативите на -о/-е и на предикативите с дативни и винителни местоимения. По отношение на семантиката също бихме могли да направим заключението, че при безличните предикативни конструкции, особено тези със задължителна дателна клитика или изразен експериенцер, представящи семантичните класове Оценка и Състояние с подтиповете за възприятия на физическо/физиологични състояние, психологическо и когнитивно състояние, се наблюдават повече предикативни съответствия между двата езика. Предикативите със съществителни в български се превеждат непоследователно с предикативни съответствия в руски. Независимо от езиковоспецифичните структурни специфики нюансите на значението за състояние на дадена предикативна конструкция (в български)

или предикатив (в руски) се запазва, което е показател за различната степен на лексикализация или граматикализация на предикативните изрази в единия или в другия език. Възможностите за трансформиране и перифразирание на предикативите и предикативните конструкции в двата езика с глаголна форма е показател за синтактичния характер на явлението. Употреба на предикатив и в изходния език, и в преводното съответствие се наблюдава при конструкциите, за които са характерни фиксираност или фразеологизираност, т.е. предикативната употреба има по-скоро лексикален характер.

Благодарности / Acknowledgments

Изследването е извършено по проекта *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*, подкрепен от Фонд „Научни изследвания“ в рамките на конкурса „Проекти по програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019 – 2020 г.“, Договор No. КП-06-РУСИЯ / 23 от 2020 г.

This research is carried out as part of the project *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study* funded by the Bulgarian National Science Fund under the Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ 23 from 2020.

Цитирана литература / References

- Barkalova 1997: Бъркалова, П. *Българският синтаксис – познат и непознат*. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“. (Barkalova, P. *Balgarskiyat sintaksis – poznat i nepoznat*. Plovdiv: UI „Paisiy Hilendarski“.)
- Georgiev 1991: Георгиев, Ст. *Българска морфология*. Велико Търново: Абагар. (Georgiev, St. *Balgarska morfologiya*. Veliko Tarnovo: Abagar.)
- Georgiev, GSBKE III 1983: Георгиев, Ст. Безлични изречения. – В: *Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис*. София: Изд. на БАН. (Georgiev, St. *Bezlichni izrechenia*. – In: *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik. T. 3. Sintaksis*. Sofia: Izd. na BAN.)
- Gradinarova 2017: Градинарова, А. А. *Очерки по сопоставителному синтаксису болгарского и русского языков*. София: Изток-Запад. (Gradinarova, A. A. *Ocherki po sopostavitel'nomu sintaksisu bolgarskogo i russkogo yazykov*. Sofia: Iztok-Zapad.)
- GSBKE III 1983: *Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис*. София: Изд. на БАН. (*Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik. T. 3. Sintaksis*. Sofia, Izd. na BAN.)
- Dzhonova 2021: Джонова, М. Синтактично описание на предикативите за ментално състояние. – В: *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, Vol. 10, с. 76–113. (Dzhonova, M. *Sintaktichno opisanie na predikativi za mentalno sastoyanie*. – In: *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, Vol. 10, pp. 76–113.)
- Ivanova 2019: Иванова, Е. Дативно-предикативные конструкции в болгарском национальном корпусе. – В: *Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“. Научни трудове*. Т. 57, кн. 1, сб. А, 2019 – Филология, с. 174–188. (Ivanova, E. *Dativno-*

- predikativnye struktury v bolgarskom natsional'nom korpuse. – In: *Plovdivski universitet „Paisiy Hilendarski“*. Nauchni trudove. T. 57, kn. 1, sb. A, 2019 – Filologia, pp. 174–188.)
- Коева 2019: Коева, Св. Комплементите в български. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“* (София, 14 – 15 май 2019 г.). София: Изд. на БАН, с. 57–69. (Коева, Sv. Komplementite v balgarski. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“* (Sofia, 14 – 15 may 2019 g.). Sofia: Izd. na BAN, pp. 57–69.)
- Kutsarov 2007: Куцаров, И. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“. (Kutsarov, I. *Teoretichna gramatika na balgarskiya ezik: Morfologiya*. Plovdiv, UI „Paisiy Hilendarski“.)
- Lakova 2016: Лакова, М. По някои проблеми на синтаксиса на съвременния български език. – В: *За словото – нови търсения и подходи Юбилеен сборник в чест на чл.-кор. проф. д.ф.н. Емилия Пернишка*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 272–283. (Lakova, M. Po nyakoi problemi na sintaksisa na savremenniya balgarski ezik. – In: *Za slovoto – novi tarseniya i podhodi Yubileen sbornik v chest na chl.-kor. prof. d.f.n. Emilia Pernishka*. Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 272–283.)
- Letuchiy 2022: Летучий, А.Б. Предикативы в системе русских признаков слов – наречий и прилагательных. – В: *Вестник Томского государственного университета. Филология*. No 76. с. 105–147. (Letuchiy, A.B. Predikativy v sisteme russkikh priznakovykh slov – narechiy i prilagatel'nykh. – In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2022. № 76. pp. 105–147.)
- Maslov 1981: Маслов, Ю. С. Грамматика болгарского языка. Москва. (Maslov, Yu. S. *Grammatika bolgarskogo yazyka*. Moskva.)
- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. Българска граматика. Морфология. София: УИ „Св. Климент Охридски“. (Nitsolova, R. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofia: UI „Sv. Kliment Ohridski“.)
- Petrova 2020: Петрова, Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“* (София, 2020). Т. 1. София: Изд. на БАН, с. 100–106. (Petrova, G. Bezlichni predikativno-dativni konstruktсии v balgarskia ezik. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“* (Sofia, 2020). Т. 1. Sofia: Izd. na BAN, pp. 100–106.)
- Попов 1963/1974: Попов, К. Съвременен български език. Синтаксис. София: Наука и изкуство, 1974. (Popov, K. *Savremenen balgarski ezik. Sintaksis*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1974.)
- Rozhnovskaya 1959: Рожновская, М. Г. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке. – В: *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Москва: Академии наук СССР. с. 379–432. (Rozhnovskaya, M. G. Bezlichnyye predlozheniya v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke. – In: *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Moskva: Akademii nauk SSSR. pp. 379–432.)
- Rusinov, GSBKE II 1983: Русинов, Р. Наречие. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София: Изд. на БАН. (Rusinov, R. Narechie. *Gramatika na savremennia balgarski knizhoven ezik. T. 2. Morfologiya*. Sofia: Izd. na BAN.)

- Stamenov 2020: Стаменов, М. *Тръпникът търпи и тръпне. Лексикални значения, аргументни структури, надежни рамки и синтактични конструкции за изразяване на семантичната роля Тръпник/Експериментер* (под печат). (Stamenov, M. *Trapnikat tarpi i trapne. Leksikalni znacheniya, argumentni strukturi, padezhni рамки i sintaktichni konstruksii za izrazyavane na semantichnata rolya Trapnik/Eksperientser* (pod pechat)).
- Stamenov 2021: Стаменов, М. Конструкцияте с предикативи за психически състояния в българския език – номенклатура и диференциални характеристики. – В: *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, 2021, Vol. 10. (Stamenov, M. Konstrukcii s predikativi za psihicheski sastoianiya v balgarski ezik – nomenklatura i deferencialni priznaci. – In: *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, 2021, Vol. 10.)
- Stamenov 2022: Стаменов, М. Принос към семантичната характеристика на предикативите за вътрешни преживявания със субект в дателен падеж. – В: *Български език*. Приложение, 69, 2022, с. 351–366. (Stamenov, M. Prinos kam semantichnata harakteristika na predikativite za vatreshni prezhivyavaniya sas subekt v datelen padezh. – In: *Balgarski ezik*. Prilozhenie, 69, 2022, pp. 351–366.)
- Тодорова et al. 2021a: Тодорова, М., Ц. Димитрова, В. Стефанова. Изследване на границите на предикативи за състояние в български. – В: *Съпоставително езикознание*, XLVI (2021), № 4, с. 21–46. (Todorova, M., Ts. Dimitrova, V. Stefanova. Izsledvane na granitsite na predikativite za sastoyanie v balgarski. – In: *Sapostavitelno ezikoznanie*. XLVI (2021), № 4, pp. 21–46.)
- Todorova et al. 2021b: Тодорова, М., В. Стефанова, Ц. Димитрова. Предикативи за състояние: концепции, класификации и проблеми. – В: *Проглас*, кн. 2, с. 215–228. (Todorova, M., V. Stefanova, Ts. Dimitrova. Predikativi za sastoyanie: kontseptsii, klasifikatsii i problemi. – In: *Proglas*. kn. 2, pp. 215–228.)
- Zimmerling 2010: Циммерлинг, А. В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции „Диалог“*, Вып. 9 (16). Москва: Изд-во РГГУ. с. 549–558. (Zimmerling, A.V. Imennyye predikativy i dativnyye predlozheniya v yevropeyskikh yazykakh. – In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* Vyp. 9 (16). Moskva, Izd-vo RGGU. pp. 549–558.)
- Zimmerling 2018: Циммерлинг, А. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. – В: *Slavistična revija*, 1(66). с. 45–64. (Zimmerling, A. Predikativy i predikaty sostoyaniya v russkom yazyke. – In: *Slavistična revija*, 1(66), pp. 45–64.)
- Shterba 1974 (1928): Щерба, Л. О частях речи в русском языке. – В: *Языковая система и речевая деятельность*. Москва. с. 74–100. (Shterba, L. O chastyah rechi v russkom yazyke. – In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnosty*. Moskva, pp. 74–100.)
- Babaytseva 1957/2005: Бабайцева, В. В. Структура распространенных предложений с безлично предикативными словами в современном русском языке (без инфинитива). – В: *Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета*. Нальчик, 1957. вып. 2. с. 77–94. (Цит. по: Бабайцева, В. В. *Избранное. 1955 – 2005: Сборник научных и научнометодических статей*. Под ред. проф. К.Э. Штайн. Москва Ставрополь: Издательство СГУ, 2005. с. 47–68) (Babaytseva, V. V. Struktura rasprostranennykh predlozheniy s bezlichno predikativnymi slovami v sovremennom

- russkom yazyke (bez infinitiva). – In: *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. Nal'chik, 1957. Vyp. 2. pp. 77–94. (Cit.: Babaytseva, V. V. *Izbrannoye. 1955 – 2005: Sbornik nauchnykh i nauchnometodicheskikh statey*. Pod red. prof. K.E. Shtayn. Moskva Stavropol': Izdatel'stvo SGU, 2005, pp. 47–68.)
- Babaytseva 1962/2005: Бабайцева, В. В. Лексикограмматические свойства слов на о в некоторых синтаксических конструкциях. – В: *Русский язык. Диалектология. Методика. Ученые записки*. Орел, 1962. Том XXI. Вып. VI. с. 77–81. (Цит. по: Бабайцева, В. В. *Избранное. 1955 – 2005: Сборник научных и научнометодических статей*. Под ред. проф. К.Э. Штайн. Москва Ставрополь: Издательство СГУ, с. 92–95) (Babaytseva, V. V. *Leksikogrammaticheskiye svoystva slov na o v nekotorykh sintaksicheskikh konstruktsiyakh*. – In: *Russkiy yazyk. Dialektologiya. Metodika. Uchenyye zapiski*. Orel, 1962. Tom XXI. Vyp. VI. pp. 77–81. (Cit.: Babaytseva, V. V. *Izbrannoye. 1955 – 2005: Sbornik nauchnykh i nauchnometodicheskikh statey*. Pod red. prof. K.E. Shtayn. Moskva Stavropol': Izdatel'stvo SGU, pp. 92–95.)
- Shvedova 1980: Шведова, Н.Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология*. Москва: Наука. (Shvedova, N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika. T. I. Fonetika, fonologiya, udareniye, intonatsiya, slovoobrazovaniye, morfologiya*. Moskva: Nauka.)
- Migirin 1970: Мигирин В. И. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? – В: *Исследования по современному русскому языку*. Москва, с. 150–157. (Migirin V. I. *Kategoriya sostoyaniya ili bessub'yektnyye prilagatel'nyye?* – In: *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku*. Moskva, pp. 150–157.)
- Letuchiy, Dzhonova 2022: Летучий, А., М. Джонова. Дателно допълнение или предложна фраза при предикативите в руския и в българския език – конкуренция и специфики. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 2022)*. Коева, Св., М. Стаменов (съст.). София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 235–247. (Letuchiy, A., M. Dzhonova. *Datelno dopalnenie ili predlozhna fraza pri predikativite v ruskiya i v balgarskiya ezik – konkurenciya i spetsifiki*. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“ (Sofia, 2022)*. Koeva, Sv., M. Stamenov (eds.) Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 235–247.)

Predicative constructions and State Semantics: a corpus study on Bulgarian and Russian

Tsvetana Dimitrova^a, Valentina Stefanova^b, Maria A. Todorova^c

Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin,
Bulgarian Academy of Sciences

cvetana@dcl.bas.bg^a, valentina@dcl.bas.bg^b, maria@dcl.bas.bg^c

Abstract

In this study we examine predicative constructions expressing State Semantics in Bulgarian and Russian. The observations, analyses and generalizations are made on the basis of a collection of predicative constructions describing states in Bulgarian and Russian excerpted from the parallel Bulgarian-Russian and Russian-Bulgarian subcorpora of the Russian National Corpus.

Keywords: *predicatives, State Semantics, Russian language, Bulgarian language, corpora*

Tsvetana Dimitrova
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
cvetana@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0002-8972-435X>

Valentina Stefanova
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
valentina@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0003-3334-2050>

Maria A. Todorova
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
maria@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0001-5866-7180>

ФРАЗЕОЛОГИЧНИ И ФРАЗЕОЛОГИЗИРАНИ ПРЕДИКАТИВНИ КОНСТРУКЦИИ (НАБЛЮДЕНИЯ ВЪРХУ БЪЛГАРО-РУСКИ ПАРАЛЕЛИ)

Мария А. Тодорова

Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките

maria@dcl.bas.bg

Резюме. Студията разглежда фразеологизми с предикативи и фразеологизирани предикативни конструкции като подтип на предикативните конструкции в българския език. Тяхното описание е част от типологията на предикативните конструкции с оглед нуждите на езиковото моделиране на онтология на предикати за състояние. В изследването се разглежда от хипотезата, че предикативните конструкции са лексикални единици, част от предикативните структури, чиито особености ги поставят на границата между морфологията и синтаксиса. Те са обединени от специфични функции и семантика и някои от тях са обект на описание на лексикологията. Данните за предикативни структурни групи са извлечени от различни езикови ресурси, като е използвана класификацията на предикативните конструкции в български, описана в (Тодорова и др. / Todorova et al. 2021). Разглеждат се разновидности на предикативни конструкции с фразеологична семантика – фразеологизирани предикативни конструкции и фразеологични предикативни конструкции и се коментират с оглед на българо-руските паралелни примери.

Ключови думи: български език, руски език, фразеологизми, предикативни конструкции

1. Увод

Статистическите данни показват, че съставните лексикални единици (СЛЕ) – лексикални единици, съставени от две или повече графични думи, които изразяват неделимо понятие, представляват значителна част от лексикалната система на езика. Лесни за овладяване от носителите на езика, те представляват голямо предизвикателство за изчислителните системи, поради тяхната гъвкава и разнообразна природа и голямото разнообразие от езикови конструкции, които обхващат. Макар да са обект на голям интерес през последните 10 години, езиковите ресурси, включващи и/или описващи СЛЕ (речници, граматика), насочени към авто-

* Мария Тодорова. Фразеологични и фразеологизирани предикативни конструкции (някои български-руски паралели) – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 385–403.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.13>

матичната обработка на естествените езици, се срещат относително рядко. Като се има предвид, че в реалните текстове те представляват над 70% от термините в дадена област, СЛЕ се оказват ключов проблем и настояща слабост за задачи като компютърен анализ и генериране на естествен език, както и за приложения като машинен превод.

Въпреки многобройните изследвания на СЛЕ в последните години, все още няма общоприета и общопризната класификация на разновидностите им. Повечето изследователи са съгласни с някои основни класове като именувани обекти, колокации, съставни термини и др. Те обаче са много разнородни по отношение на синтактичните и семантичните си свойства и това налага да бъдат третиранни по различен начин от компютърните приложения. Нещо повече, голяма част от разновидностите на СЛЕ, като неизменяемите и полуизменяеми фразеологизми, много полуфиксиранни изрази и др., остават недостатъчно изследвани и/или неописани. Затова анализите, типологизиращи формалните черти на СЛЕ, и търсенето на най-добрите методологии за интегриране на познанията за СЛЕ в компютърните системи за анализ и генериране са актуални. Необходими са нови подходи не само за формално представяне на разновидностите на СЛЕ и на спецификата на техните морфосинтактични и семантични свойства, но и за ефективно прилагане на ръчно и/или автоматично събраните данни със СЛЕ в системите за лингвистичен анализ и/или генериране. Актуален въпрос, свързан с формалното описание на СЛЕ, чийто отговор се изследва в студията, е къде е тяхното място по протежение на континуума от думи с интервали до композиционни единици, свързващи лексика и граматика. От него произтича и друг съществен проблем – дали данните със СЛЕ в системите за обработка на естествения език трябва да бъдат приложени към лексикона и/или към граматиката.

2. Цели и задачи

Целта на настоящото изследване е описанието на разновидностите от фразеологизми и фразеологични конструкции, които са подвид на предикативните конструкции. Класифицирането на предикативни конструкции с фразеологично значение е част от езиковото моделиране на онтология на предикати за състояние.

Основавайки се на тезата на Граматиката на конструкциите (Стаменов / Stamenov 2006; Голдберг / Goldberg 2013 и др.), че еквивалентните синтактични структури допринасят за изграждането на значението по еквивалентен начин, а синтактичната структура е свързана със семантична интерпретация, се стремим да групираме разновидностите на предикативните конструкции според формални критерии, включващи техните граници и компонентен състав, техните форми и спецификите на линейната им структура.

В търсене на отговора на въпросите дали предикативните конструкции представляват семантична цялост и дали един от компонентите носи семантичното съдържание на цялото, следваме условно разграничението между конструкции

и структури, направено от А. Цимерлинг (Цимерлинг / Zimmerling 2021; Коста и Цимерлинг / Kosta and Zimmerling 2022). Структурите са синтактични модели в дескриптивната лингвистика, които налагат селективни ограничения върху избора на лексикалния пълнеж и имат инвариантна семантика, която се запазва с лексикални замествания. Конструкциите в Граматиката на конструкциите са сложни обекти, където значението на цялото е фразеологично.

3. Предикативни конструкции и съставни лексикални единици

Настоящото изследване на предикативните конструкции от гледна точка на различните им фразеологични прояви неминуемо води до въпросите каква е същността на съставността (или мултилексемността) като езиково явление и изключения ли са фразеологизмите в езиковата система и има ли фразеологични правила.

Мейри определя мултилексемността като продуктивен процес, който свързва „множество от означаващи с уникално означено“, обратно на полисемията, която се основава на противоположната асиметрия (множество значения се свързват с уникално означаващо) (Мейри / Meiri 2003: 26).

Терминът съставни лексикални единици обхваща множество от езикови единици, разновидност на „несвободните фрази“ (Мелчук / Melchuk, 1995: 1) и е използван при описанието на различни прояви на явлението в български (Стойнова / Stoyanova 2009; Стойнова / Stoyanova 2012; Тодорова / Todorova 2015; Тодорова и др. / Todorova et al. 2016; Лесева / Leseva 2017). Според най-често срещаните определения СЛЕ са съставени от две или повече графични думи и се използват като готови речникови единици в даден език. Те се възпроизвеждат в процеса на комуникация според предварително знание и по традиция. Значението на компонентите им е обект на семантична трансформация. При СЛЕ не са приложими всички регулярни езикови правила и изборът на подходящо значение или форма е ограничен (Стойнова и Тодорова / Stoyanova and Todorova 2014, Стойнова и др. / Stoyanova et al. 2017).

Развитието на теоретичните изследвания върху фразеологията и корпусната лингвистика в последните години води до съществена методологична промяна в гледната точка за СЛЕ. Разделението между речника и граматиката, присъщо на Граматиката на зависимостите (Тениер / Tesnière 1959), на теорията Смисъл-текст (Мелчук / Melchuk 1981), на Теорията на лексикалните граматикати (Грос / Gross 1981), на Системно-функционалната граматика (Халидей / Halliday 1985), Когнитивната граматика (Лангакер / Langacker 1987) и Граматика на конструкциите (Филмор / Fillmore 1988) започва да губи своята актуалност. Възприемането на СЛЕ като „дълги думи“ или като „изключения“ се измества от представата за динамична подобласт на граматиката, със собствена продуктивност, взаимодействаща с общите правила на синтактичните конструкции. Според Грийс анализът на фразеологизмите в текстови корпуси, направен наравно

с анализа на останалите данни, показва фини взаимозависимости на различни нива на лингвистичен анализ. (Грийс / Gries 2008: 8). Тази гледна точка, освобождаваща от изискванията на езиковата модулност, позволява динамичност на дефинициите и таксономииите на несвободните фрази. Така интегрирането на фразеологизмите в граматиката им дава собствено пространство в континуума между конструкции и единици (Лангакер / Langacker 1991).

4. Данни

Ниската честота на срещане на фразеологизми с общи специфики в корпусите и невъзможността за автоматичното им различаване от омонимните им нефразеологични изрази налага използването на допълнителен езиков ресурс при тяхното ексцерпиране. В описания в това изследване подход фразеологичните конструкции се извличат от готов речник на българските СЛЕ (Стоянова и Тодорова / Stoyanova and Todorova 2014). За да открием СЛЕ с предикативни конструкции, прилагаме списък от типови предикативни конструкции за български към морфосинтактичната описателна рамка на речниковите статии. По този начин едновременно получаваме кандидати за фразеологични предикативи от речника и възможните им синтагматични и парадигматични форми, включително вариации на линейната подредба на компонентите, вмъкването на незадължителни компоненти, на модификатори към отделни компоненти или на контекстови изрази. Тази информация след това се прилага за разпознаване на фразеологични предикативни конструкции в корпус и извличане на примери с оглед изследване на тяхната аргументна структура.

Примерите, послужили за наблюденията и теоретичните обобщения в това изследване, са ексцерпирани от различни ПОС² маркирани езикови ресурси. С помощта на анотацията на графичните думи за принадлежност към част на речта автоматично са извлечени потенциални фразеологични предикативни конструкции на български език и техните паралелни примери на руски¹. Данните за предикативни структурни групи са извлечени от всички ресурси, като е приложена класификацията на предикативните конструкции на български език (описана в Тодорова и др. 2021 / Todorova et al. 2021). Езиковите ресурси, които са използвани са:

- а) Извадка от 100 примера с фразеологизирани и фразеологични предикативи, подбрана от колекция от примери, извлечени от Българския национа-

¹ Благодаря на д-р Ивелина Стоянова, която извърши автоматичното извличане на СЛЕ от Българския речник със СЛЕ, Българския национален корпус и Паралелен полско-българо-руски корпус.

² ПОС – от англ. POS означава ресурси, в които са отбелязани частите на речта на отделните думи

лен корпус (Коева и др. / Koeva et al. 2014), включващ над 10 000 изречения (Тодорова и др. / Todorova et al. 2021);

б) Подмножество от 883 глаголни съставни лексикални единици от голям речник от над 86 373 съставни лексикални единици (Стоянова и Тодорова / Stoyanova and Todorova 2014).

в) Извадка от 1300 примера с фразеологизирани и фразеологични предикативи, подбрана от 39494 автоматично извлечени кандидати за СЛЕ от Българския национален корпус (БНК), като е използвано подмножество от глаголни съставни лексикални единици от Речник на СЛЕ за български (Стоянова и Тодорова 2014 / Stoyanova and Todorova). В рамките на БНК е и корпусът PARSEME (Савъри и др. / Savary et al.), който включва 18 000 изречения с 6 000 ръчно анотирани глаголни СЛЕ³.

г) База данни от 927 примера за предикативни конструкции с паралелни примери за употреба на предикативи, извлечени от Паралелния корпус от руски и български текстове, част от Руския национален корпус (Димитрова и др. / Dimitrova et al. 2022);

д) База данни от 878 примера за предикативни конструкции на български с паралелни примери на руски, извлечени от Паралелен полско-българо-руски корпус (Кисиел и др. / Kisiel et al. 2017; Сосновски / Sosnowski 2016), разпространяван в рамките на CLARIN-PL. Корпусът се състои от 55 паралелни текста, обхващащи 2,23 млн. думи за български и 2,04 млн. думи за руски от няколко текстови жанра като художествена литература, ръководства с инструкции и техническа документация, правни текстове и др.

За да определим структурните и граматическите свойства на предикативните конструкции с фразеологично значение и да разграничим съответните подкласове на описанието, използваме анализа на модификациите на разгледаните изрази при употреба:

- 1) Синтагматичното поведение на предикативните изрази – модификация на компоненти чрез прилагателни, наречия, местоимения, предложни фрази и др.
- 2) Парадигматичното поведение на предикативните изрази – възможно заместване на компоненти с други думи или фрази – със синоними, хипоними и хипероними.
- 3) Степента на морфосинтактична гъвкавост на израза – аргументни реализации, пасивни, рефлексивни, инхоативни трансформации.

След ръчно валидиране на автоматично извлечените данни, описани по-горе, беше създаден списък с 731 фразеологични предикативни конструкции и

³ Корпусът е достъпен на https://gitlab.com/parseme/parseme_corpus_bg.

320 фразеологизирани предикативни конструкции, като част от тях са описани в структурните групи по-долу в т. 5. – Таблица 1. От събраните 3155 примера, от които 1400 за български от БНК и 1805 паралелни българо-руски примера, бяха избрани 1500 примера, илюстриращи изведените в т. 5 подтипове. Работата по подбора и анализа на данните доведе до изводи за разновидностите и синтактичното изразяване на разглежданите предикати, представени в т. 5 и обобщения за тяхната семантика, представено в т. 6.

5. Предикативни конструкции с фразеологична семантика

За да определим мястото на предикативните структури, фразеологизирани и фразеологичните предикативни конструкции и границите между тях в континуума между свободни и несвободни фрази използваме системата от подкатегории на несвободните фрази и множеството от признаци, описани по-подробно в Тодорова / Todorova 2015. Тя се базира на корелацията +/-маркиран член в опозиция от формални и семантични маркери: *мотивираност*, *анализируемост*, *буквалност*, *фигуративност*, *продуктивност*. Критерий за идентифициране на типа фраза е възможността конструкции да бъдат манипулирани (чрез пермутация, добавяне, заместване и т.н.). Всяка редовна синтактична, семантична, морфологична или фонологична манипулация, която води до загуба на специфичното значение на фразата е признак за нейната фиксираност. Семантичните маркери са: а) [+/- мотивираност] – семантично/ прагматично (не)съответствие на частите и цялото, (не)фиксирана прагматична употреба; б) [+/- анализируемост] – наличие/ липса на ограничения върху заменяемостта на елементите; синтактична (не) правилност; (не)възможност за перифразирание с една дума; в) [+/- буквалност] – наличие/ липса на буквален еквивалент на цялото или на елемент от него; г) [+/- фигуративност] (не) кодира преносно значение – метафора, метонимия, хипербола и др.; д) [+/- продуктивност] – наличие/ липса на формална фиксираност; предпочитана лексикална реализация; ограничения на парадигматичната реализация на компонентите, словореда и др.

Прилагането на множеството от маркерите при определяне на границата между разглежданите предикативни конструкции показва, че в континуума между свободни и несвободни фрази предикативните структури отговарят на свободните фрази, фразеологизирани предикативи са разложими СЛЕ, а фразеологичните предикативни конструкции – полуразложими СЛЕ.

Предикативните конструкции отговарят на определението за свободна фраза на И. Мелчук (Мелчук / Melchuk 1997): израз от две или повече графични думи, които се комбинират регулярно за представяне на даден смисъл според неограничен избор от приложимите езикови правила и са заменени с всяко друго достатъчно близко означавано се характеризират с признаци-

те [+мотивираност], [+анализируемост], [+буквалност], [-фигуративност], [+продуктивност].

Фразеологизираните предикативни конструкции са разложими СЛЕ⁴ (Болдуин и др. / Bolduin et al. 2004; Савари и др. / Savary et al. 2017a, Савари и др. / Savary et al. 2017b). Техните компоненти са комбинирани според общите семантични и синтактични правила на езика, но комбинацията им изразява семантична цялост с допълнително значение, наслагващо се над значението на компонентите. Формите им претърпяват някои от измененията, допустими според общите правила на езика, но са ограничени в набор от реализации. Характеризират се с комбинацията от признаците [+мотивираност], [+анализируемост], [+/-буквалност], [-фигуративност], [+/-продуктивност].

Фразеологичните предикативни конструкции са полуразложими СЛЕ. При тях значението на цялото е частично независимо от значението на компонентите, които допускат само определен семантичен, лексикален или прагматичен набор от възможни реализации. Характеризират се с преносно и/или метафорично значение и с комбинацията от признаците [+/-мотивираност], [+/-анализируемост], [-буквалност], [+фигуративност], [+/-продуктивност].

По-долу са коментирани разновидностите на фразеологизирани предикативни конструкции и фразеологични предикативни конструкции с оглед на българо-руските паралелни примери. Множеството от нефразеологични предикативни структури се разглежда и типологизира в съпоставителен план с руски в Димитрова и др. / Dimitrova et al. 2022.

5.1. Фразеологизирани предикативни конструкции

При фразеологизираните предикативни конструкции някои от характеристиките на *структурата* са нарушени. При тях се наблюдава синтетична стабилност и кохерентност на компонентите на предикативната конструкция, представена от структурна и/или парадигматична фиксираност и затворен набор от компонентни лексикални замествания.

5.1.1. Такива са **фразеологизираните безлични номинативни/адективни/адвербиални предикативни конструкции** с цялостна семантика на оценка, където значението на семантичното цяло е съставено от значението на компонентите. При тях структурната фиксираност е представена от спомагателен глагол в 3 л. ед. ч. и вариации на ограниченията върху структурата на компонентите, описани в подтиповете по-долу с примери за българо-руски паралели.

⁴ Използваната терминология е съвместима с класификацията на СЛЕ, която може да се разгледа по-подробно на <https://dcl.bas.bg/en/parseme-shared-task-phase-2/>.

5.1.1.1. Фразеологизирани предикативни конструкции с постоянна компонентна структура, състояща се от съществително, фиксирано във форма за ед. ч. и спомагателен глагол, фиксиран във форма за 3 лице. Компонентната структура не позволява участието на дателни или винителни клитики. Именният компонент принадлежи към ограничено лексикално множество от абстрактни съществителни за морална или емоционална оценка: *срамота, грехота, щастие, радост, грях, чудо, обида, смелост, позор, късмет*.

1. *Грехота беше да изпусне такъв момент. → Это был момент, который упустить было бы грешно.* (М. А. Булгаков).

5.1.1.2. Фразеологизирани предикативни конструкции с полуфиксирана компонентна структура, състояща се от съществително, спомагателен глагол в 3 л. ед. ч. и факултативна дателна местоименна клитика.

2. – *Време ми е... – целунах О, стиснах ръка на R и тръгнах към асансьора. → – Ну, мне пора... – и я поцеловал О, пожал руку R, пошел к лифту.* (Е.И. Замятин)

5.1.1.3. Фразеологизирани предикативни конструкции, с постоянна компонентна структура – съществително и спомагателен глагол в 3 л. ед. ч. и винителна местоименна клитика. Съществителните, запълващи позицията на именния компонент, са фиксирани във форма за ед. ч. и принадлежат към ограничен лексикален набор от абстрактни съществителни: *срам, страх, яд, гъдел, грижа, шубе, гнус*.

3.а. – *Страх ме е сама вкъщи, а съм изключила мобилния си телефон. → – Одной дома жутковато, а сотовый я отключила.* (Т. Полякова)

б. – *Какво ме е грижа за майка ми? → – Что мне до матери?* (Н. Гоголь)

5.1.1.4. Фразеологизирани предикативни конструкции, с компонентна структура, състояща се от -о дума (наречие/прилагателно/причастие), спомагателен глагол в 3 л. ед. ч. и дателна местоименна клитика. Думите, запълващи предикативната позиция са задължително във форма за ед. ч. и принадлежат към ограничен лексикален набор от о-думи с преносно значение, означаващи емоционално или психическо състояние.

4. *Само ми е жално за твоите младини → Только жаль мне тебя, молодой ведь совсем.* (Ив. Вазов)

Типични за този тип фразеологизирани предикативни конструкции са глаголните перифрази чрез рефлексивна и инхоативна диатеза, които могат да бъдат разглеждани и като перифрастични трансформации. Такива са описани в Иванова и др. / Ivanova et al. 2022: *гнус ме е ‘отвратен съм’ – гнуся се → догнусее/догнусява ме* за фразеологизираните предикативни конструкции с винителни клитики и в М. Джонова (Джонова / Dzhonova 2003) за инхоативни трансформации при фразеологизираните предикативни конструкции с дателни клитики: *криво ми е ‘разстроен съм’ → кривя се → докривее /докривява ми*.

Както се вижда от примерите в тази група предаването на предикативните конструкции от изходния и целевия език е наблюдавано главно в конструкции, с компонентна структура, включваща -о дума в руски (вж. 1. и 3.а.). Забелязва се също, че конструктивните специфики са езиковоспецифични (вж. 3. и 4.), например в руски в сегашно време копулативният глагол се изпуска (вж. 4.), непоследователно е и използването на местоименната клитика (вж. 3.а.)

5.2. Фразеологични предикативни конструкции

Фразеологичните предикативни конструкции отговарят на изискванията за *конструкция* в Граматиката на конструкциите – те са семантично цяло, в което предикативните конструктивни елементи са имплицитно свързани. Значението на семантичното цяло не е съставено от значението на компонентите и фиксираността на структурата не позволява перифразни трансформации. При автоматичното им извличане от езиковите ресурси повече от 50% от примерите трябваше да отпаднат заради омонимията им с нефразеологични предикативни конструкции и заради дистантното разположение на спомагателния глагол, сравни 5.а. и 5.б., където разликата се основава на реализацията на признаците [+/-буквалност], [+/-фигуративност] и многозначността може да бъде разрешена само ръчно.

5.а. – *Драги ми приятелю, императорът е сега **на път** за Гренобъл, на 10 или на 12 той ще бъде в Лион...* → *–Дорогой друг, император сейчас **на пути** в Гренобъл; десятого или двенадцатую он будет в Лионе...* (А. Дюма)

б. – *Вие сте били на път да се ожениите за една хубава девойка?* → *– Вы хотели жениться на красивой девушке?* (А. Дюма)

Степента на избираемост или фиксираност на спомагателния глагол в конструкциите дефинира две основни подгрупи: фразеологичните предикативни конструкции със задължителен спомагателен глагол като *печен съм* ‘имам опит’ и фразеологичните предикативни конструкции с факултативен спомагателен глагол като *широка душа съм* ‘добронамерен съм’. Този критерий за минималните граници на фразеологизма и възможната семантична цялост на именната фраза, запазваща фразеологичната семантика и извън съчетанието със спомагателен глагол, изведен в концепцията на Фразеологичен речник на българския език (Ничева и др. / Nicheva et al. 1974/75) трябва да се има предвид при корпусно изследване на данните. От друга страна спомагателният глагол е част от съставната структура на фразеологизма задължително избран от именния компонент, което навежда на извода, че е задължителна част от фразеологичното предикативно цяло (Калдиева-Захариева / Kaldieva-Zaharieva 2005: 240), от която зависят и специфичните структурни и перифрастични особености на израза (сравни *на път съм да разбера* и *тогава тръгнал на път*, или *вярва само на себе си* и *той вече е на себе си*). На настоящия етап от работата върху данните

вариантите на фразеологичните предикативи с факултативен спомагателен глагол не са взети предвид, тъй като се използва ПОС анотацията на ресурсите и морфосинтактичното описание на Речника със СЛЕ за български. Разновидностите на фразеологичните предикативи с факултативен спомагателен глагол са част от бъдещите планове за работа.

По-долу е предложена класификация на разновидностите според компонентния състав на фразеологичните предикативни конструкции в български и наблюдения върху българо-руските паралелни примери.

5.2.1. Фразеологични предикативни конструкции, с компонентна структура, включваща -о дума, дателна местоименна клитика и спомагателен глагол.

6.а. *Право казано, на мен в края на краищата **ми е все едно**, защото... → По правде говоря, **мне в конце концов все равно**, потому что* (А. Гуляшки)

б. ***Не ми е писано**, значи, не ми провървя. → **Не судьба**, значит, не повезло.* (А. Н. Стругацкий)

5.2.2. Фразеологични предикативни конструкции, с компонентна структура, включваща спомагателен глагол и предложна фраза.

7. *... щом индианците забележели смъртта на един от тях, щели веднага да разберат, че **сме по петите им** → ...что индейцы скоро догадаются о том, что у них **в тылу появился неприятель**.* (К. Май)

5.2.3. Фразеологични предикативни конструкции с компонентна структура, включваща наречие и спомагателен глагол (например *тип топ съм* 'добре съм').

5.2.4. Фразеологични предикативни конструкции с компонентна структура, включваща предложна фраза и спомагателен глагол (например *в плен съм* 'чувствам се напълно завладян от нещо').

8.а. – *Попитай вожда на кайовите, който все още **е в ръцете ви!** → – Спроси у Тангуа, вождя кайова, он ведь **у тебя в плену!*** (К. Май)

б. *... не му беше неприятно да **е на равна нога** с тях в това отношение. → ... то ему очень хотелось **не уступать им** в этом отношении.* (А. Дюма)

в. *Пленен е, знае, че **е с един крак в гроба** и пак ми се нахвърля като куче, вързано на синджир! Но това няма да ти помогне. → Тебе крышка, спасения ждате неоткуда, ты **уже почти мертв!*** (К. Май)

5.2.5. Фразеологични предикативни конструкции с компонентна структура, включваща дателна местоименна клитика, спомагателен глагол и предложна фраза (например *за урок ми е* 'ще имам предвид нещо в бъдеще').

9.а. *Но все едно, това **не ми е за първи път**. → Но это всё равно, **мне не в первой раз**.* (И. С. Тургенев)

б. *Това **ми е за урок**. → Это **мне наука**.* (А. Р. Беляев)

5.2.6. Фразеологични предикативни конструкции с компонентна структура, включваща съюз или съюзна дума, спомагателен глагол и адвербиална или адекативна фраза (например *като че съм паднал от небето* ‘държа се много неадекватно’; *като вейка съм* ‘много съм слаб’).

10. *Том се замисли и като че бе на път да се съгласи, но после реши друго: → Том задумался и сначала как будто готов был согласиться, а потом вдруг передумал. (М. Твен)*

5.2.7. Фразеологични предикативни конструкции с компонентна структура, включваща фразеологизиран експлицитен подлог, спомагателен глагол и прилагателно/причастие (например *животът ми е мил* ‘не се осмелявам да нарушавам правилата’).

11. – *Аз съм едва в началото на своята работа. Мене просто главата ми е пламнала.* → – *Я только только начал свою работу, у меня и без того голова идет кругом. (П. Вежинов).*

След ръчно валидиране на автоматично извлечените данни, описани по-горе, беше създаден списък с 731 фразеологични предикативни конструкции в български, като разпределението на обработените обобщени конструктивни типове е представено в Таблица 1. Най-често срещана конструктивна разновидност е предлог и предикативна конструкция със съществително.

Конструктивни типове	Брой срещания в списъка с фразеологични предикативни конструкции	Пример
Aux V + Participle/N/Adv /Adj	137	<i>Сърбал съм попарата</i> ‘имам лош опит с нещо’
Aux V + Participle/N/Adv /Adj + Acc/Dat Pron	241	<i>Паднало ми е</i> ‘използвам неочаквано благоприятна възможност’
Prep + Aux V + NP	396	<i>В крак съм</i> ‘съобразявам се с някакви течения’
Conj + Aux V + NP/Participle/PP	57	<i>Като на тръни съм</i> ‘чувствам се много напрегнат’

Таблица 1. Разпределение на обработените конструктивни типове фразеологични предикативни конструкции от избрания списък

Съпоставката на употребите в българо-руските примери показва, че голяма част от фразеологичните предикативни конструкции имат фразеологично съответствие или израз с преносно значение в руски, но значението непоследователно се предава в изходния език с предикатив и много зависи от интерпретацията и езиковия усет на преводача (вж. 8.б., 8.в., 9.б., 10., 11.). Това е аргумент в

подкрепя на тезата, че при наличие на фразеологично значение предикативната конструкция се лексикализира и става част от формалната структура на фразеологичната единица.

6. Семантиката „състояние“ при фразеологичните предикативни конструкции

Категорията *състояние* е общо семантично поле, което се характеризира с „присъствието на обекта в някакво непроменено състояние, което не е резултат от пряко влияние на някого за определен период от време“ (Цимерлинг / Zimmerling 2010: 549). Изследователите (Рожновская / Rozhnovskaya 1959; Георгиев / Georgiev 1990; Петрова / Petrova 2018) изтъкват също изразяването на някакъв вид оценка при назоваването на състояние с предикативи и предикативни изрази.

Предложената в студията семантична типология на фразеологичните предикативни конструкции като представители на тематичната област *състояние* е основана на комбинация от семантични признаци, като за задължителни се приемат признаците *оценка* и *фигуративност*.

При описанието използваме онтологично представяне, предложено от Ван Валин и Лапола (Ван Валин и Лапола / Van Valin and La Polla 1997), което намира приложение за много езици. Те групират предикативите и предикативните структури, наред с глаголите, в два големи онтологични подкласа – локативни и нелокативни предикати, като предлагат следните подкласове:

- а) локативни предикати (съм върху/във' (x, y)
- б) нелокативни предикати с разновидности:
 - състояние или позиция (счупен' (x));
 - възприятие (виждам' (x, y));
 - познание (вярвам' (x, y));
 - притежание (имам' (x, y));
 - равенство (съм' (x, y)).

Прилагането на класификацията на Ван Валин и Лапола към фразеологичните предикативни конструкции води до формирането на нови варианти на семантичните групи, свързани със спецификата на разглежданите единици. Например нелокативните предикати за състояние или позиция се приписват към нелокативни фразеологични предикативни конструкции за оценка на физическото състояние и към нелокативни фразеологични предикативни конструкции за оценка на характеристики или признаци на някого или нещо или нещо. Нелокативните предикати за възприятие и познание се включват в класа на нелокативни фразеологични предикативни конструкции за оценка на психическото или емоционалното състояние, а групите за притежание и равенство – към нелокативни фразеологични предикативни конструкции за оценка на характеристики или признаци.

6.1 Локативните фразеологични предикативни конструкции означават оценка на състояние или позиция, представена главно от фразеологични предикативни конструкции с предлози (*съм върху/във/на/извън* ' (x, y)).

6.2 Нелокативните фразеологични предикативни конструкции обозначават няколко подгрупи, илюстрирани с примери в таблицата по-долу:

- а) за оценка на физическото състояние;
- б) за оценка на психическото или емоционалното състояние;
- в) за оценка на характеристики или признаци на някого или нещо или нещо;
- г) за оценка на местоположение.

Семантичен клас – Локативни фразеологични предикативни конструкции	
Семантичен подклас	Примери
Местоположение/ позиция	<i>на преден план съм</i> 'намирам се отпред, видим съм' <i>на старта съм</i> 'намирам се в началото на нещо' <i>до кивата круша съм</i> 'намирам се далеч от желаната цел'
Оценка на състояние	<i>извън строя съм</i> 'нещо е станало неупотребимо' <i>в плен съм</i> 'завладян съм от нещо'
Семантичен клас – Нелокативни фразеологични предикативни конструкции	
Семантичен подклас	Примери
Оценка на физиологично състояние	<i>гроги съм</i> 'чувствам се много уморен' <i>лошо ми е</i> 'чувствам се зле физически'
Оценка на умствено или емоционално състояние	<i>като че съм паднал от небето</i> 'много неадекватен съм' <i>тип топ съм</i> 'чувствам се добре' <i>извън релси съм</i> 'чувствам се неадекватен' <i>в кондиция съм</i> 'чувствам се адекватен' <i>извън себе си съм</i> 'чувствам се объркан' <i>на гребена на вълната съм</i> 'чувствам се щастлив'
Оценка на характеристиките или признаците на нещо или някого	<i>вързан е в ръцете</i> 'нещо/някой е несръчен' <i>гола вода е</i> 'нещо/някой не е ценен, качествен, способен' <i>на/по сърце ми е</i> 'нещо/някой много се харесва' <i>гърмян заек е</i> 'някой е много опитен' <i>живи мощи е</i> 'някой е твърде слаб' <i>фасулско е</i> 'нещо е много лесно'

Таблица 2. Семантични класове при фразеологичните предикативни конструкции.

Както се вижда от примерите в Таблица 2, конструктивните и семантичните класове не се пресичат, което е обяснимо с оглед на фразеологичната семантика и в потвърждение на посоченото от М. Стаменов (Стаменов / Stamenov 2021) разграничение между конструкции (фразеологизирани предикативни конструкции) и фразеологизми (фразеологични предикативни конструкции), състоящо се във въз-

можността или невъзможността за подмяна на думи в предикативния израз. При фразеологичност на предикативната конструкция говорим за процес на лексикализиране, при който се запазва морфосинтактичната ѝ функция, но се губи продуктивния ѝ синтактичен характер и не се допускат перифразни трансформации.

7. Заключение

Предикативните конструкции са част от предикативните структури, чиито характеристики ги поставят на границата между морфологията и синтаксиса. Те са обединени от специфични функции и семантика и някои от тях влизат в областта на лексикологията. Групирането на предикативните структури в различни семантични класове е аргумент в подкрепа на хипотезата, че независимо от съставната компонентна структура предикативните конструкции са семантично цяло, към което се прилагат универсални семантични характеристики. Фразеологизираниите и фразеологичните предикативни конструкции принадлежат към локативни и нелокативни онтологични класове на семантичната категория състояние, за които са характерни комбинация от семантични признаци, като задължителен е признакът *оценка*.

Предложеният в изследването типозависим анализ, представящ разновидностите фразеологизирани или фразеологични конструкции и техните структурни и семантични особености, е приложим в различни аспекти на тяхното компютърно анализиране, генериране, извличане на информация, машинен превод, обобщаване на информация и др.

Бъдещите планове за работа са свързани с допълване и доразвиване на списъка с фразеологични предикативни конструкции и разширяване на тяхното описание с допълнителни признаци, какъвто е например факултативността на спомагателния глагол. Предвижда се и допълнителна работа по съпоставката на българо-руските и руско-български паралели.

Благодарности / Acknowledgments

Изследването е извършено по проекта *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*, подкрепен от Фонд „Научни изследвания“ в рамките на конкурса „Проекти по програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019 – 2020 г.“, Договор No. КП-06-РУСИЯ / 23 от 2020 г.

This research is carried out as part of the project *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study* funded by the Bulgarian National Science Fund under the Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ 23 from 2020.

Цитирана литература / References

- Van Valin and LaPolla 1997: Van Valin, R., R. LaPolla. *Syntax: structure, meaning and function*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Georgiev 1990: Георгиев, И. *Безличные предложения в русском и болгарском языках*. София. Народна просвета. (Georgiev, I. *Bezlichnye predlozheniya v russkom i bolgarskom yazykah*. Sofia. Narodna prosveta.)
- Goldberg 2013: Goldberg, A. E. Argument Structure Constructions vs. Lexical Rules or Derivational Verb Templates. – In: *Mind and Language*, 28 (4), pp. 435–450.
- Gries 2008: Gries, St. Phraseology and linguistic theory: a brief survey. – In: Sylviane Granger & Fanny Meunier (eds.), *Phraseology: an interdisciplinary perspective*, pp. 3–25. Amsterdam: John Benjamin.
- Gross 1981: Gross, M. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique. – In: *Langages* 63, pp. 7–52.
- Dimitrova et al 2022: Димитрова Ц., М. Тодорова, В. Стефанова. Езикова реализация на предикативни конструкции за състояние – корпусно изследване. – В: *Паисиеви четения. Актуални тенденции в развитието на съвременния български език*. Пловдив (под печат). (Dimitrova Ts., M. Todorova, V. Stefanova. Ezikova realizatsiya na predikativni konstruktсии za sastoyanie – korpusno izsledvane. – In: *Paisievi cheteniya. Aktualni tendentsii v razvitiето na savremenniya balgarski ezik*. Plovdiv (in print).)
- Ivanova 2018: Иванова, Е. Дативно-предикативные структуры в болгарском языке: статистика эксперимента. *Русский язык за рубежом*, 5, с. 11–17. (Ivanova, E. Dativno-predikativnyye struktury v bolgarskom yazyke: statistika eksperimenta. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 5, pp. 11–17.)
- Ivanova et al. 2021: Иванова, Е. Ю., М. Г. Джонова, С. И. Лесева. Инхоативная деривация в болгарском языке: предикаты состояний и их производные. – В: *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 17.3, с. 218–287. (Ivanova, E. Yu., M. G. Dzhonova, S. I. Leseva. Inhoativnaya derivatsiya v bolgarskom yazyke: predikaty sostoyaniy i ih proizvodnyye. – In: *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 17.3, pp. 218–287.)
- Dzhonova 2003: Джонова, М. *Изречения със семантичната роля експериментер в съвременния български език*. Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен „доктор“. София. (Dzhonova, M. *Izrecheniya sas semantichnata rolya eksperimentser vav savremenniya balgarski ezik*. Avtoreferat na disertatsiya za prisazhdane na obrazovatelna i nauchna stepen „doktor“. Sofia.)
- Kaldieva-Zaharieva 2005: Калдиева-Захариева, Ст. Б. *Проблеми на съпоставителното изследване на българската и румънската фразеология*. София. АИ „Проф. М. Дринов“. (Kaldieva-Zakharieva, St. B. *Problemi na sapostavitelnoto izsledvane na balgarskata i rumanskata frazeologiya*. Sofia: AI „Prof. M. Drinov“.)
- Kaldieva-Zaharieva 2013: Калдиева-Захариева, Ст. Б. *Българска фразеология. Т. 2*. София: АИ „Проф. М. Дринов“. (Kaldieva-Zakharieva, St. B. *Balgarska frazeologiya*. Sofia: AI „Prof. M. Drinov“.)
- Kisiel et al. 2017: Kisiel, A., V. Koseska-Toszewa, N. Kotsyba. Polish-Bulgarian-Russian parallel corpus, CLARIN-PL digital repository. <<http://hdl.handle.net/11321/308>> [15.08.2022]

- Koeva et al. 2012: Koeva, Sv., I. Stoyanova, S. Leseva, T. Dimitrova, R. Dekova, and E. Tarpomanova. The Bulgarian National Corpus: Theory and Practice in Corpus Design. – In: *Journal of Language Modelling*, 0, 1, pp. 65–110.
- Koeva 2006: Koeva, Sv.: Inflection morphology of bulgarian multiword expressions. – In: *Proceedings of Azbuki@net, International Conference and Workshop*. Sofia. pp. 201–216.
- Koeva 2014: Коева Св. WordNet и БулНет. – В: *Езикови ресурси и технологии за български език*, София: АИ „Проф. Марин Дринов“, с. 154–173. (Koeva, Sv.: Wordnet i bulnet. – In: *Ezikovi resursi i tehnologii za balgarski ezik*. Sofia: AI „Prof. M. Drinov“, pp. 154–173.)
- Kosta and Zimmerling 2022: Kosta, P., A. Zimmerling. Case Assignment. – In: Jan Fellerer, & N. Bermel (Eds.), *The Oxford Guide to the Slavonic Languages*. Oxford University Press., 2022 (in press). <https://www.researchgate.net/publication/361516173_Case_Assignment> [15.08.2022]
- Langacker 1987: Langacker, R. *Foundations of cognitive grammar, I*. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker 1991: Langacker, R. *Foundations of cognitive grammar, II*. Stanford: Stanford University Press.
- Leseva 2017: Лесева, С. Несвободни фрази и деривация. – В: *Известия на Института за български език „Проф. Л. Андрейчин“*. XXX, с. 262–303. (Leseva, S. Nesvobodni frazi i derivatsiya – In: *Papers of the Institute for Bulgarian Language Prof. Lubomir Andreychin* XXX, pp. 262–303.)
- Mejri 2003: Mejri, Salah. Introduction: polysémie et polylexicalité. – In: *Syntaxe et sémantique*, 5, pp. 13–30.
- Mel’čuk 1981: Mel’čuk, Igor. 1981. Meaning-Text models: a recent trend in Soviet linguistics. – In: *Annual Review of Anthropology* 10, pp. 27–62.
- Mel’čuk 1995: Mel’čuk, I. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. – In: Martin Everaert, Erik-Jan van der Linden, André Schenk & Rob Schreuder (eds), *Idioms: structural and psychological perspectives*. Ch 8. Hillsdale: Erlbaum, pp. 167–232.
- Mel’čuk 1997: Мелчук И. *Курс общей морфологии*. I & II. Москва: Языки русской культуры. (Mel’čuk 197: Mel’čuk, I. *Course of general morphology*. I & II. Moscow: Languages of Russian culture.)
- Nicheva et al. 1974: Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. *Фразеологичен речник на българския език*, Т 1, София: Издателство на БАН. (Nicheva K., Spasova-Mihaiilova S., Cholakova Kr. *Frazeologichen rechnik na balgarskiya ezik*. 1. Sofia: Izdatelstvo na BAN.)
- Nicheva et al. 1974: Ничева К., С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова. *Фразеологичен речник на българския език*, Т 2, София: Издателство на БАН. (Nicheva K., Spasova-Mihaiilova S., Cholakova Kr. *Frazeologichen rechnik na balgarskiya ezik*. 2. Sofia: Izdatelstvo na BAN.)
- Petrova 2018: Петрова, Г. Именные предикативы, присоединяющие дательный экспириенцер в болгарском языке: семантика и синтаксис. – В: *Русский язык за рубежом*, 5, с. 24–29. (Petrova, G.: Nominal predicates joining the dative experiential in the bulgarian language: semantics and syntax. – In: *Russian Abroad*, 5, pp. 24–29.)
- Rozhnovskaya 1959: Рожновская, М. Г. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке. – В: *Вопросы грамматики болгарского литера-*

- турного языка. Москва: Академии наук СССР, с. 379–432. (Rozhnovskaya, M. G. Bezlichnyye predlozheniya v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke. – In: *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Moskva: Akademii nauk SSSR, pp. 379–432.)
- Savary et al. 2017a: Savary, A., M. Candito, V. Barbu Mititelu, E. Bejček, F. Cap, S. Čéplö, S. R. Cordeiro, G. Eryiğit, V. Giouli, M. van Gompel, Y. Ha Cohen-Kerner, J. Kovalevskaitė, S. Krek, C. Liebeskind, J. Monti, C. Parra Escartín, L. van der Plas, B. QasemiZadeh, C. Ramisch, F. Sangati, I. Stoyanova, V. Vincze. PARSEME multilingual corpus of verbal multiword expressions. – In: S. Markantonatou, C. Ramisch, A. Savary, V. Vincze (Eds.) *Multiword expressions at length and in depth: Extended papers from the MWE 2017 workshop*. <<http://langsci-press.org/catalog/view/204/1344/1319-1>> [15.08.2022]
- Savary et al. 2017b: Savary, A., C. Ramisch, S. R. Cordeiro, F. Sangati, V. Vincze, B. QasemiZadeh, M. Candito, F. Cap, V. Giouli, I. Stoyanova, A. Doucet. The PARSEME Shared Task on Automatic Identification of Verbal Multiword Expressions. – In: *Proceedings of the 13th Workshop on Multiword Expressions in EACL 2017*, Association of Computational Linguistics. pp. 31–47. <<https://www.aclweb.org/anthology/W17-1704/>> [15.08.2022]
- Sosnowski 2016: Sosnowski, W. The parallel Polish-Bulgarian-Russian corpus: problems and solution. – In: Pastor, G. C. (Ed.), *Computerised and corpus-based approaches to phraseology: monolingual and multilingual perspectives*. Geneva: Tradulex. pp. 339–349. <<http://www.tradulex.com/varia/Europhras2015.pdf>> [15.08.2022]
- Stamenov 2006: Стаменов, М. Граматиката на конструкциите като алтернатива за описание на отношенията между синтаксис и семантика в граматиката и в лексикона. Част I: Основни идеи. – В: *Български език*, 53, 4, с. 81–93. (Stamenov, M. Gramatikata na konstruktsiite kato alternativa za opisanie na otnosheniyata mezhdu sintaksisa i semantikata v gramatikata i v leksikona. Chast I: Osnovni idei. – In: *Balgarski ezik*, 53, 4, pp. 81–93.)
- Stamenov 2021: Стаменов, М. Конструкциите с предикативи за психически състояния в българския език – номенклатура и диференциални характеристики. – В: *Zeszyty cyrylo-metodiańskie*, 10, с. 76–113. (Stamenov, M. Konstruktsiite s predikativi za psikhicheski sastoyaniya v balgarskiya ezik – nomenklatura i diferentsialni harakteristiki. – In: *Zeszyty cyrylo-metodiańskie*, 10, pp. 76–113.)
- Stoyanova and Todorova 2014: Стоянова Ив., М. Тодорова. Разработване на речници от съставни единици за български. – В: *Езикови ресурси и технологии за български език*. София: Изд. на БАН, с. 185–201. (Stoyanova, Iv., M. Todorova: Razrabotvane na rechnitsi na sastavnite leksikalni edinitsi v balgarskiya ezik za tselite na kompyutarnata lingvistika. – In: *Ezikovi resursi i tehnologii za balgarski ezik*. Sofia: Izd. na BAN, pp. 185–201.)
- Stoyanova et al. 2017: Стоянова Ив., М. Тодорова, С. Лесева. Речник на съставните думи в българския език – развитие и перспективи. – В: *Сборник с доклади от Международната юбилейна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“* 1, с. 311–321. (Stoyanova, Iv., M. Todorova, S. Leseva. Rechnik na sastavnite dumi v balgarskiya ezik – razvitie i perspektivi. – In: *Sbornik s dokladi ot Mezhdunarodnata yubileina konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreïchin“* 1, pp. 311–321.) <https://ibl.bas.bg/Proceedings_IBL_Conference_2017_Volume_I.pdf> [15.08.2022]
- Tesnière 1959: Tesnière, Lucien. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck.

- Todorova 2015: Тодорова, М. *Типология и свойства на устойчиви словосъчетания в българския език. Глаголни фразеологизми*. Дисертация. Институт за български език. София. (Todorova, M. *Tipologiya i svoystva na ustoychivi slovosachetaniya v balgarskiya ezik, Glagolni frazeologizmi*. PHD thesis. Sofia: Institute for Bulgarian Language.) <https://dcl.bas.bg/Disertacia_M.Todorova/M.Todorova_disertacia.pdf> [15.08.2022]
- Todorova 2016: Тодорова М. А. Формализиран морфосинтактичен речник на глаголни фразеологизми в българския език. – В: *Известия на Института за български език „Проф. Л. Андрейчин“*. XXIX, с. 207–243. (Todorova M. A. Formalized morphosyntactic dictionary of verb idioms in bulgarian. – In: *Papers of the Institute for Bulgarian Language Prof. Lubomir Andreychin* XXIX, pp. 207–243.)
- Todorova 2019: Тодорова, М. Аргументност и фразеологизация. – В: *Сборник в чест на проф. д-р Радка Влахова*, София: УИ „Св. Климент Охридски“, с. 143–157. (Todorova, M. Argumentnost i frazeologizatsiya. – In: *Sbornik v chest na prof. d-r Radka Vlahova*, Sofia: UI “St. Kliment Ohridski”, pp. 143–157.)
- Todorova et al.. 2016: Тодорова, М., Ив. Стоянова, С. Лесева. Лингвистично описание и компютърна обработка на съставни именувани същности в българския език. – В: *Лексикографията в началото на XXI в. Сборник с доклади от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология*, ред. Д. Благоева, С. Колковска. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, с. 687–694. (Todorova, M., Iv. Stoyanova, S. Leseva. Lingvisticchno opisanie i kompyutarna obrabotka na sŭstavni imenuvani sŭshtnosti v balgarskiya ezik. – In: *Leksikografiyata v nachaloto na XXI v. Sbornik s dokladi ot Sedmata mezhdunarodna konferentsiya po leksikografiya i leksikologiya*, (eds) D. Blagoeva, S. Kolkovska. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”, pp. 687–694.)
- Todorova et al. 2021: Тодорова, М., Цв. Димитрова, В. Стефанова. Изследване на границите на предикативи за състояние в български. – В: *Съпоставително езикознание*, т. XLVI, 4, с. 21–46. (Todorova, M., Ts. Dimitrova, V. Stefanova. Izsledvane na granitsite na predikativite za sastoyanie v balgarski. – In: *Sapostavitelno ezikoznanie*. XLVI, 4, pp. 21–46.)
- Halliday 1985: Halliday, M. *An Introduction to functional grammar*. London: Edward Arnold.
- Zimmerling 2010: Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках. – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции “Диалог”*. № 9 (16). Москва: Изд-во РГГУ, с. 549–558. (Zimmerling, A. V. Imennyye predikativy i dativnyye predlozheniya v yevropeyskikh yazykakh. – In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tehnologii: Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferencii “Dialog”* № 9 (16). Moskva, Izd-vo RGGU, pp. 549–558.)
- Zimmerling 2021: Циммерлинг А. В. “Конструкция” и “структура”: инфинитивы и предикативы. (Zimmerling, A.V. Constructions and structures: infinitives versus predicates.) <https://www.researchgate.net/publication/361516173_CaseAssignment#fullTextFileContent> [15.08.2022]

**Phraseological and phraseologized predicative constructions
(observations based on Bulgarian-Russian parallel examples)**

Maria A. Todorova

Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin,
Bulgarian Academy of Sciences

maria@dcl.bas.bg

Abstract

The study examines idioms comprising predicatives and idiomatized predicative constructions as a subtype of the predicative constructions in Bulgarian. Their description is part of a typology of predicative constructions devised as part of an effort to model an ontology of state predicates. The analysis is based on the hypothesis that predicative constructions are lexical units, part of predicative structures, whose features place them on the border between morphology and syntax. These units share specific functions and semantics, and some of them are subject to lexicographic description. Data on predicative structure groups were extracted from various linguistic resources using the classification of predicative constructions in Bulgarian described in Todorova et al. (2021). The subtypes of predicative constructions with phraseological semantics – phraseologized predicative constructions and phraseological predicative constructions – are examined and discussed in light of the Bulgarian-Russian parallel examples.

Keywords: *Bulgarian language, Russian language, phraseology, idioms, constructions*

Maria A. Todorova
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
maria@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0001-5866-7180>

ДАТИВ СУБЪЕКТА МНЕНИЯ И СУБЪЕКТА ОЦЕНКИ В БОЛГАРСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ (НА ФОНЕ РУССКОГО)

Елена Иванова^а, Галина Кустова^б, Светлозара Лесева^в

Санкт-Петербургский государственный университет^а, Институт русского
языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук^б, Институт
за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките^в,

e.y.ivanova@spbu.ru^а, galinak03@gmail.com^б, zarka@dcl.bas.bg^в

Резюме. В статье рассматриваются болгарские конструкции разговорной речи типа *И твоята панама нещо ми синее! Дали наистина е така или е от снимката?*, в которых дативная местоименная клитика маркирует субъекта мнения. В русском языке в таких случаях даже в нестандартной разговорной речи необходимо использование эпистемических глаголов или других средств, указывающих на субъекта мнения, ср. *И твоя панама что-то мне кажется синей. Это так действительно или только на фото?* Основное внимание уделено конструкциям с дательной клитикой при предикатах перцептивно воспринимаемого признака, прежде всего цветового и вкусового восприятия, представляющих дистантный и контактный тип перцепции. Ставится задача определить, в каких условиях происходит прочтение датива как маркера субъекта мнения и с какими синтаксическими характеристиками оно коррелирует. Описаны также нестандартные конструкции с дативом, выражающим субъекта оценки. Показано, что в русском языке даже в нестандартной разговорной речи нет аналогичных конструкций.

Основной акцент в статье ставится на конструкциях письменного разговорного языка, где наблюдается возникновение и активное окказиональное употребление языковых единиц и моделей, потенциально способных закрепиться в языке. Предполагается, что существующие в литературном языке модели становятся основой для возникновения новообразований, встречающихся в сетевой коммуникации. Анализ различных проявлений так называемого субъекта мнения и субъекта оценки проиллюстрирован как болгарскими примерами, так и их русскими переводами, а также примерами из русского сетевого общения, которые помогают раскрыть семантические особенности конструкций с этими специфическими функциями болгарского датива и показать способы их передачи на русский язык.

Ключевые слова: датив, экспериенцер, субъект мнения, эпистемический субъект, интерпретационная оценка, предикаты восприятия

* Елена Иванова, Галина Кустова, Светлозара Лесева. Датив субъекта мнения и субъекта оценки в болгарском разговорном языке (на фоне русского). – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 404–426.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.14>

Введение

Среди многочисленных функций дативной местоименной клитики в болгарском языке (основными из которых являются: экспериенцер, адресат, бенефактив/малефактив, показатель притяжательности, реципрока, «этический» датив (Граматака / Gramatika 1983: 191–197; Пенчев / Penchev 1984: 79–83; Джонова / Dzhonova 2003; Влахова / Vlahova 2004; Penchev 2007; Ницолова / Nitsolova 2008: 146, 156–157, 165–169 и многие другие, см. и специальные работы о функциях форм дательного падежа местоимений в болгарском языке: Чешко / Cheshko 1959: 16–36; Петрова / Petrova 2006) недостаточно изученной остается функция датива¹ как маркера эпистемического субъекта (см. подробнее далее), напр.:

1. *И твоята панама нещо **ми** синее! Дали наистина е така или е от снимката?*²

И твоя панама что-то мне **кажется** синей. Это действительно так или только на фото?

2. *Моля някой да даде нормално обяснение, защо непрекъснато всичко солено **ми** сладни.*

Кто-нибудь может дать нормальное объяснение, почему все соленое постоянно мне **кажется** сладковатым.

В работах А. В. Циммерлинга подобные болгарские конструкции охарактеризованы как включающие эпистемическую оценку (эпистемический оператор КАЖЕТСЯ). В частности, для предложения *Виното ми киселее* предлагается эпистемическое толкование, а предложение *Не съм фен на чедъра – сладни ми* интерпретируется как двойственное, содержащее или эпистемическую оценку, или оценку утилитарную (Циммерлинг / Zimmerling 2018, 2021: 302–303), см. об этих видах оценки далее.

Насколько нам известно, впервые на то, что функция датива при глаголах перцептивно воспринимаемого признака не всегда маркирует лишь воспринимающего субъекта, обратила внимание А. А. Градинарова, которая заметила, что при употреблении датива в болгарское предложение вводится не только экспериенцер, но и субъект «недостовверного знания», как в примерах (3.–4.), а в русском языке при употреблении датива второе значение не появляется. То есть датив *мне* в русских переводах примеров (3.–4.) имеет только функцию

¹ Дативом мы называем беспредложную форму дат п., которая может быть выражена местоименной клитикой в болгарском языке или местоимением/именной группой в русском языке, соотносенной (в русской грамматической традиции) с одушевленным участником, т.е. дат. п. лица.

² Примеры собраны с помощью поисковой системы Google.

субъекта восприятия, в связи с чем необходимо добавлять в русское предложение эпистемический глагол *кажется* для выражения субъекта «недостоверного знания» («доксического» субъекта), см. (Градинарова / Gradinarova 2003: 5–6; 2017б: 198–206) и особенно (Градинарова / Gradinarova 2017а: 58–64).

3. *Звучи нелогично. / Звучи ми нелогично.*

Звучит нелогично. / Мне кажется нелогичным.

4. *Мирише на мухъл. / Мирише ми на мухъл.*

Пахнет плесенью / Мне кажется, что пахнет плесенью (Там же).

В то же время не все рассматриваемые А. А. Градинаровой случаи дативов маркируют именно субъекта «недостоверного знания». Далее мы покажем, что введение датива при предикатах перцептивно воспринимаемого признака может выражать другие виды оценочного отношения или лишь подчеркивать фигуру воспринимающего (экспериенцера).

Более того, кроме конструкций, описывающих „недостоверное“ восприятие, в интернет-общении исследователи отмечают появление конструкций, формально похожих на сообщения о внутреннем состоянии, но на самом деле содержащих ментальную (далее мы будем называть ее интерпретационной) оценку ситуации, см. (Петрова / Petrova 2018, 2020; Циммерлинг / Zimmerling 2018; Иванова / Ivanova 2016; 2022), подробнее в разделе 3.

Далее мы покажем, что в современном языке, особенно в языке интернет-коммуникации (который воспроизводит многие черты разговорной речи), наблюдается включение датива в конструкции с разными типами предикатов, в результате чего в этих конструкциях обнаруживается семантический сдвиг – значение мнения или оценки (наряду с перцептивным или как самостоятельное). Мы сейчас не обсуждаем вопрос, каково место этого явления в исторической перспективе и есть ли аналоги у этой конструкции на предыдущих этапах развития языка. Мы исходим из сосюровской метафоры шахматной партии, когда наблюдатель застает некоторый синхронный срез исторического явления и оценивает его безотносительно к предыдущим фазам развития. Для нас важно подчеркнуть, что для современного языка подобные конструкции обычно звучат как подчеркнуто разговорные, а некоторые – даже отклоняющиеся от литературного стандарта. Не случайно обсуждаемый языковой материал наиболее широко представлен именно в интернет-коммуникации.

С возможностью включения датива в функции субъекта мнения или оценки мы сталкиваемся в болгарских конструкциях с разными типами предикатов. Ниже будут рассмотрены три случая:

1. эпистемический датив в конструкциях с предикатами перцептивно воспринимаемого признака (раздел 1);
2. датив субъекта оценки (не)соответствия эталону (раздел 2);
3. датив субъекта интерпретации (раздел 3).

Во всех этих случаях в русском языке, как будет показано, датив или не выражает значения субъекта мнения или оценки, или невозможен.

1. Эпистемический датив

Важной особенностью предикатов перцептивно воспринимаемого признака в болгарском языке, на фоне русского, является их способность присоединять лексически не обусловленный дативный компонент: глаголы, обозначающие наличие перцептивно воспринимаемого признака, переосмысляются как предикаты перцептивного воздействия, открывая позицию для экспериенцера-воспринимающего, см. об этом подробнее в (Петрова / Petrova 2006: 119–122).

Данная семантика находит отражение (хотя и непоследовательно) и в современной лексикографической практике выделением отдельного значения глагола при его сочетании с дативом:

киселея *нсв. нпрх.* О фруктах, еде и под. – иметь кислый привкус. *Виното киселее.* (Вино кислое, имеет кислый вкус).

киселее *ми нпрх.* Чувствовать кислый вкус. *Киселее ми в устата* (Мне кисло во рту; я чувствую кислый вкус во рту) (РБЕ / RBE: 1977–2015).

Эта особенность описана в свое время и В. Радевой с точки зрения деривационных характеристик: дативная клитика может присоединяться к отыменным глаголам на *-ее* и *-и* (в безличной форме) типа *тъмнее ми*, *белее ми* со значением «проявлять признак, заданный мотивирующим именем», представляя его не как объективный, а как субъективно воспринимаемый (Радева / Radeva 1993: 111, 124–125)³.

Добавим также, что введение в предикацию фигуры субъекта восприятия может сопровождаться появлением диминутивного значения признака (что, однако, не всегда отражается в словарях), например: *влажнее ми* – я чувствую влагу / легкую влагу; *сладнее ми* – я чувствую сладкий вкус / сладковатый вкус.

³ Отыменные глаголы на *-ее* в болгарском языке имеют два основных значения 1) ‘иметь, проявлять признак, заданный мотивирующим именем’ и 2) ‘приобретать или накапливать такой признак’ (Радева / Radeva 1993: 38–69), такую же семантическую парадигму имеют русские глаголы, ср. *желтеть в траве* и *быстро желтеть*. Во втором значении датив экспериенцера или эпистемического субъекта не присоединяется.

Что касается глаголов на *-и*, то лишь некоторая часть из них имеет значение проявления признака (*блести*, *сладни*), в то время как остальные обычно противопоставлены глаголам на *-ее* как каузативные (т.е. со значением «снабжать признаком, названным мотивирующим именем»), напр. *черня* – *чернея* ‘делать черным / чернеть’, *мокри* – *мокрее* ‘делать мокрым – быть мокрым’.

В единичных случаях, как мы покажем далее, это противопоставление нейтрализовано (*сладни* = *сладнее*) или нейтрализуется при присоединении датива (*мокри ми* = *мокрее ми*).

В каких же случаях возникает прочтение этого датива как эпистемического субъекта? Далее мы остановимся на двух типах предикатов – цветового проявления и вкусового ощущения, – представляющих дистантный и контактный тип восприятия (в Градинарова / Gradinarova 2017 рассматриваются также конструкции со значением восприятия запаха, ср.: *Сиренето ми понамирисва* (Мне кажется, что брынза пахнет)). В связи с ограниченным объемом статьи эти предикаты, как и предикаты слухового восприятия, мы здесь не рассматриваем).

1.1. Предикаты цветового проявления

Предикаты цветового проявления в обычном случае в болгарском языке функционируют как одноместные, описывающие выделенность объекта в пространстве восприятия наблюдателя своими цветовыми или световыми свойствами (как и в русском языке) – *зеленее, жълтее, червене, тъмнее, белее, блестя, сребрее* и т.д.:

5. *В храстите **червенеят** дъхави малини.*

В кустах краснеет пахучая малина.

6. *А далече на юг **синее** Балканът, обвит в мараия като мираж.*

А далеко на юге синее Балкан, окутанный знойной пеленой, как мираж.

Большинство таких глаголов может употребляться и в рефлексивной форме, с небольшими семантическими различиями. Так, В. Радева толкует нерелексивную форму *белее* как «имеет, проявляет белый цвет», рефлексивную *белее се* – как «показывается белым» (Радева / Radeva 1993: 111–113), ср. (Стаменов / Stamenov 2021).

Употребление дативной клитики при глаголах цветовых проявлений возможно, во-первых, просто в функции **субъекта восприятия** (экспериментера), например, когда объект неидентифицирован, воспринимающий находится на первом этапе восприятия и реагирует только на наличие цветового признака как способ проявления объекта. В таком случае место объекта перцепции занято неопределенным местоимением в позиции подлежащего, а датив вводит субъекта зрительного восприятия. Тем самым задается пространство наблюдателя, в котором объект выделяется цветовым пятном:

7. *Нещо **ми жълтее** в тревата.*

[Вижу,] в траве что-то желтеет.

8. *На влизане в село Дръмша нещо **ми се червене**. Присвивам очи – плюшен костюм на Дядо Коледа е захвърлен на една поляна.*

Подхожу к селу Дрымша, [смотрю,] что-то краснеет. Прищуриваюсь: плюшевый костюм Санта Клауса валяется на поляне.

В таких случаях употребляются как нерефлексивные, так и рефлексивные глаголы, и последние даже более характерны:

9. *Какво ли **ми се** **чернее**, хей там, по пътя за Мъглиж? – запита сам себе си той.*

Что же там [мне виднеется] черное, вон там, по дороге к Мыглижу? – спросил он сам себя.

Во-вторых, датив присутствует в конструкциях с нерефлексивными глаголами, где место подлежащего занято именем определенного, идентифицированного (квантифицированного) объекта (10.–11.). А. А. Градинарова (Градинарова / Gradinarova 2017: 58–60), анализируя дативные конструкции с глаголами проявления (так она называет глаголы перцептивно воспринимаемого признака), усматривает в таком дативе сдвоенную роль – экспериенцера и доксического субъекта (т.е. субъекта недостоверного знания, мнения):

10. *Млякото **ми** **киселее**.*

Мне кажется, что молоко кислит.

11. *Ако е червен [надписът] – добре, но на мен нещо **ми** **розовее**.*

Если надпись красная – хорошо, но мне она что-то кажется розовой.

Поскольку ситуация не сводится к восприятию и включает в себя оценку достоверности, мы тоже будем считать, что субъект, выражаемый дативом, сочетает роли экспериенциального и эпистемического субъекта (для краткости будем называть его эпистемическим, чтобы подчеркнуть важность ментальной операции). А. В. Циммерлинг (Циммерлинг / Zimmerling 2021: 302–303), также давая эпистемическую интерпретацию болгарским конструкциям типа (10.), анализирует их как предложения с эпистемическим оператором ‘кажется’.

Как видим, разные авторы сходятся в том, что в качестве элемента толкования (метаязыка) при описании таких конструкций целесообразно использовать оператор (семантический предикат) ‘кажется’. Однако с этим предикатом связан целый ряд проблем, поскольку предикат ‘кажется’ охватывает широкий спектр ситуаций и соответствует разным операциям говорящего.

Во-первых, сам эпистемический (или ментальный) модус не является единым и однородным и имеет сложную структуру. Так, Н. Д. Арутюнова (Арутюнова / Arutyunova 1988: 120–129) в рамках ментального (эпистемического) модуса выделяет модусы полагания (*думаю, считаю, полагаю, кажется*), сомнения и допущения (*возможно, сомнительно, маловероятно*), истинностной оценки (*верно, ложно, исключено*), знания (*знать, понимать, догадываться*), незнания (*неизвестно, тайна, загадка*), общей оценки (*хорошо, плохо*). Со времени выхода работы (Арутюнова / Arutyunova 1988) в рамках модуса полагания, или мнения, к которому относится и глагол *казаться*, были введены дополнительные противопоставления, а именно, выделены мнение-предположение (*Я ду-*

маю, что фильм интересный – ‘не видел, но предполагаю’) и мнение-оценка (Я считаю, что фильм интересный – ‘видел и оценил’), см. (Дмитровская / Dmitrovskaya 1985). Это противопоставление, вообще говоря, распространяется и на *казаться*.

Кроме того, в группе предикатов мнения *казаться* занимает особое положение, так как обслуживает и перцептивные и ментальные операции. Ю. Д. Апресян включает глагол *казаться*₁ в два синонимических ряда – перцептивный *выглядеть, казаться*₁ (Апресян / Apresyan 2000a: 61–66) и ментальный *казаться*₂, *сдаваться, представляться*₂, *думаться*₁ (Апресян / Apresyan 2000b: 156–163). Эта связь основана на том, что восприятие и сознание человека тесно связаны (ср. *воображение, образ, впечатление*). Показательно, что в толковании перцептивного *казаться* используются такие элементы, как ‘считать’, ‘уверен’, ‘истинность’: *выглядеть, казаться*₁ = ‘внешний вид или поведение X-а дает наблюдателю основание воспринимать X как P или считать X P-м, причем наблюдатель может быть не вполне уверен в истинности того, что X – P’ (Апресян / Apresyan 2000a: 61).

Важное для нашей темы свойство ментального *казаться* состоит в том, что этот предикат «описывает разные степени ощущения истинности мысли – от относительной уверенности субъекта <...> в ее достоверности до полной уверенности в ее ложности» (Апресян / Apresyan 2000b: 157), ср. *Кажется, кто-то разговаривает* vs. *Это только кажется*.

Исходя из этих особенностей предиката *казаться*, применительно к материалу цветовых признаков целесообразно различать два типа ситуаций восприятия. Ключевым семантическим предикатом, объединяющим оба типа ситуаций, является ‘ВПЕЧАТЛЕНИЕ’. В обоих случаях речь идет о впечатлении от объекта, но условия, в которых возникает впечатление, различаются.

В первом случае (обозначим его как **неуверенность**) субъект не имеет достоверной информации. Субъект (говорящий) сообщает о своем восприятии цветового признака в ситуации измененной перцепции (она затруднена или нарушена по каким-то причинам). Датив маркирует, что субъект не претендует на истинность сказанного. В то время как эпистемический глагол *кажется* (как и болг. *струва ми се*) выражает смысл предположительности, неуверенности лексически, глаголы перцептивно воспринимаемого признака типа *жълтея* нуждаются в специальном показателе недостоверности, и эту функцию берет на себя эпистемический датив.

Использование такого датива характерно для интернет-обсуждений цветовых особенностей разнообразных объектов, в том числе с выложенными фотографиями. Чаще всего речь идет о наличии нехарактерного оттенка у изображений предметов.

12. *Единствено камъкът по фасадата ми жълтее нещо – вероятно от залязващото слънце.*

Только вот камень в облицовке фасада **кажется** желтоват – наверное, из-за заходящего солнца.

13. *Сираков, композицията много ме кефи, <...> ама нещо **ми зеленее** кадъра. Не знам дали е авторско виждане, дали е моя монитор (ама май не, понеже с други снимки го няма този проблем) или какво, но наистина ми бие на зеленикаво.*

Сираков, композиция просто супер, но что-то кадр мне **кажется** зеленоватым. Не знаю, может это авторское решение, или это мой монитор (но вроде нет, ведь с другими фото нет этой проблемы), или что, но действительно уходит, **как кажется**, в зеленый.

Ср. с примерами без датива, где в отсутствие эксплицитного субъекта мнения информация представляется как достоверная:

14. *Притеснително много **синее** зеленото на знамето ни.*

Меня смущает, что зеленое на нашем флаге выглядит чересчур синим.

15. *Снимката **жълтее** от изкуствената светлина и жълтите стени, извинения.*

Фотография желтая (желтоватая) от искусственного цвета и желтых стен, уж извините.

Помимо предикатов основного цветового спектра имеются образования для смешанных цветов, пестрых расцветок, световых эффектов (*розовее, сребрее, шаренее, циганее, лъскавее, тъмнее* и др.).

16. *Да дадеш отзив като я пробваш, че цветът на снимката никак не ми изглежда «ultra ash», ами направо **ми златее**.*

Напиши отзыв, когда попробуешь ее [краску для волос], а то цвет на снимке никак [мне] не выглядит «ultra ash», а прямо-таки золотистый.

Показателями неуверенного знания служат эпистемические глаголы в контексте (*изглежда* ‘выглядит’), частица *май* (как будто бы, вроде бы), лексические показатели нечеткости видения и неясности причин цветового нарушения: *нещо* (почему-то), *някак* (как-то). В примерах имеются перифразы, которые выражают то же значение кажущности цветового восприятия: *не ми изглежда «ultra ash»* (по-моему, не выглядит как ультра серый), *бие ми на зеленикаво* (уходит, как мне кажется, в зеленый) и пр.

Во втором случае (обозначим его как **искажение**) цветовой признак для субъекта определен, заранее известен (например, когда обсуждается принадлежащий ему предмет), но субъект сообщает о его искажении – на мониторе (17.) или при самовосприятии, как в примере (18.), где сравнивается цвет косметического средства в упаковке и на своей коже. Т.е. субъект квалифицирует воспринимаемый в данных условиях цветовой признак как искаженный («недоверенный»), отличный от настоящего цвета объекта:

17. На екрана [лакът] нещо **ми синее**, а всъщност е наситено лилав.

На екране [лак] почему-то **выглядит** синим, а вообще-то он насыщенный лиловый.

18. Цвета [на пудрата] е златист към прасковен.... Нанесен на лицето ми обаче на мен ми изглежда светло-златист, дори **ми белее**.

Цвет пудры золотистый, ближе к персиковому... Но при нанесении на лицо он лично мне **кажется** светло-золотистым, даже беловатым.

В русском языке в подобных случаях даже в разговорной речи, в частности в интернет-коммуникации, используются глаголы *выглядеть* или *казаться*, причем больше соответствует данному типу оценки глагол *выглядеть*, который передает, как отмечается в (Апресян / Arpessyan 2000a: 62), более объективное впечатление, напр.:

19. На левой картинке кожа девочки **кажется** розовой, на правой – желтой. На самом деле цвет кожи одинаковый на обеих картинках.

20. Кстати, Ева [о марке лака] почему-то **выглядит** чёрным на фото, хотя на самом деле это очень красивый темно-красный лак.

1.2. Предикаты вкусового ощущения

Как уже было сказано, датив при предикатах вкусовых или других контактно воспринимаемых признаков, – в отличие от цветовых, – это довольно распространенное даже в литературном болгарском языке явление, и оно часто не содержит никакого другого значения, кроме экспериенциального:

горча нсв. *нпрх*. Иметь горький вкус. *Бирата горчи* (Пиво горькое, имеет горький вкус). **горчи ми** *нпрх*. Чувствовать горький вкус.

Например:

21. Ако нещо **ти горчи** в устата, може да е заради лоша устна хигиена!

Если почему-то тебе горько во рту (чувствуешь горечь во рту), это может быть из-за плохой гигиены полости рта!

В болгарском языке глаголы воспринимаемого органами чувств вкусового признака (такие как *сладнее/сладни*, *киселее*, *горчи*, *соленее* (редко) или их производные с семантикой слабой степени выраженности признака *нагарча*, *накиселява*) способны употребляться в трех типах конструкций:

1) как одноместные предикаты, третьеличные; объект – стимул вкусового ощущения находится в позиции подлежащего. Указывается, что вещество имеет некоторый вкусовой признак или привкус. Чаще всего идет речь о нехарактерном вкусовом признаке или нарушении привычных пропорций:

22.а. *Картофите сладняха.*

[Подмороженная] Картошка была сладкая.

б. *Водката нагарча.*

Водка слегка горчит.

в. *Близна го — сладни, но не е захарин, захаринът е много по-сладък.*

Лизнул языком – сладковатый, но не сахарин, тот много слаще.

Оценивающий субъект здесь находится за кадром (см. Падучева / Paducheva 2004: 58–59), как и в аналогичных русских конструкциях типа *Вино кислит*; *Масло горчит*.

2) как безличные предикаты с экспериенцером, выраженным дативом, часто с актантом-стимулом и/ или с локативом, обозначающим контактную поверхность:

23.а. *Аз сложих малко захар, да не **ми** киселее от краставичките.*

Я положила немного сахара, чтобы мне не было кисло из-за (соленых) огурчиков.

б. *После си отговорих на въпроса защо **ми** сладни в устата.*

Потом я ответила себе на вопрос, почему я чувствую сладковатый вкус во рту.

3) в конструкции, включающей и приоритетный актант (объект, характериземый описываемым признаком, стимул ощущения), и дативную клитику. В таком случае через датив эксплицируется не только субъект вкусового ощущения, но и субъект мнения⁴.

В примерах (24.–25.) субъект мнения является эпистемическим субъектом: не вкус продукта виноват, а измененные условия восприятия. Так, в ситуации нарушенного восприятия (после родов (24.); еда в одиночестве (25.)) изменились или меняются вкусовые ощущения, вкус продуктов кажется иным:

24. *След като родих, неизвестно защо, изведнъж алкохола ми опротивя. Не ми е вкусен, **горчи ми, киселее ми**...*

После родов, непонятно почему, алкоголь мне стал противен. **Кажется** невкусным, горьким, кислым.

25. *Без приятели не мога, всеки залък ми присяда, виното **ми** киселее, хляба сякаш камък става.*

Без друзей не могу, каждый кусок встает комом, вино **кажется** кислым, хлеб – как камень.

⁴ Это значение датива не развивается при предикатах *люти ми, пари ми* ‘жжет, щиплет’, которые образованы от агентивных глаголов (Градинарова / Gradinarova 2017).

Конструкции с предикатами воспринимаемого признака, в которых датив прочитывается как эпистемический субъект, обладают некоторыми синтаксическими особенностями в сравнении с конструкциями с экспериенциальным субъектом. Так, для эпистемического прочтения датива обязательно, чтобы объект восприятия (стимул) был задан и занимал место приоритетного актанта (то же относится к объекту оценки, см. раздел 2.). В отсутствие подлежащего датив прочитывается как чистый экспериенцер:

26. *След това добавяме настърганите домати и подправките, по желание можем да добавим и 1 к. л. захар, за да не **ни киселее** от домати.*

После этого добавляем натертые помидоры и специи, при желании можем добавить 1 кофейную ложечку сахара, чтобы нам не было кисло от помидоров.

Локатив как место локализации ощущения характерен для экспериенциальной функции датива, как в (23.б.).

Рассмотренные в данном разделе конструкции широко распространены в социальных сетях, форумах, блогах: эти компактные – только через датив – способы выражения собственного мнения хорошо вписываются в спонтанные диалоги, для которых характерно желание подчеркнуть личную позицию говорящего.

2. Субъект оценки (не)соответствия эталону

Толкование датива как субъекта оценки возникает в условиях, когда говорящий сообщает свою личную точку зрения на цветовую характеристику объекта, оценивая ее по отношению к норме – общепринятой или своей собственной. Визуальные затруднения или искажения при этом отсутствуют.

В одних случаях выражается несоответствие цветового признака некоторому эталону, стандарту, отклонение его к другому цвету. Например, в (27.) имеется эталон сравнения (другой цвет – кремовый) и степень отклонения от него, в таком случае неправильный цветовой признак оценочно градуируется – большая или меньшая степень (немного более серый, чем обычный кремовый):

27. *Цветът леко **ми сивее** за кремав.*

По-моему, этот цвет несколько более серый, чем должно быть для кремового.

Отклонение от нормы может выражаться и без датива: *Ризата синее, а трябва да е бяла* (Рубашка синеватая, а должна быть белая). Однако датив маркирует личную точку зрения на отклонение от нормы.

В других случаях имеющийся признак сопоставляется не с нормой, а с возможностью удовлетворить конкретные потребности определенного человека или его личные предпочтения (о дативе в русских конструкциях несоответствия типа *Ребенку этот стул высок*, где его функция близка к малефактивной, см.

Кустова / Kustova 2012)⁵. В таких конструкциях выражается несоответствие наблюдаемого признака требованиям субъекта оценки (или ситуативной норме):

28. *Лятото ползвах матурация на Лореал, но не ми подхожда за есента, розовее ми.*

Летом я пользовалась матирующим [кремом] Лореаль, но для осени он мне не подходит, **для меня** он слишком розовый.

29. *Благодаря и за милото предложение за манхатъна, но той ми зеленее твърде (хладнее ми).*

Спасибо за милое предложение манхэттена [о марке косметического товара], но **для меня** он слишком зеленый (холодноватый).

Данный тип предложений близок к утилитарной оценке (как она понимается в Арутюнова / Arutyunova 1988: 68, см. также Циммерлинг / Zimmerling 2021: 302), однако утилитарная оценка охватывает более узкий тип ситуаций, т.к. определяет пользу или вред, в наших же примерах речь идет о более широком круге норм (стандартов).

Дативный субъект оценки встречается и в сообщениях о вкусовом восприятии, выражающих значение несоответствия. В примерах (30.)–(31.) речь идет о вкусовых пристрастиях как устойчивом признаке лица. Подчеркивается личная точка зрения на вкус данного вещества: продукт содержит вкусовой признак или привкус, который не устраивает субъекта оценки, не соответствует его потребностям или личным предпочтениям:

30. *Не си падам по бялото вино, киселее ми.*

Я не любитель белого вина, **для меня** оно кисловато.

31. *Хлябът е много приятен на вкус, на мен леко ми сладни, но другите казват, че им бил екстра.*

Этот хлеб на вкус очень приятный, лично **для меня** он сладковат, но другие говорят, что для них — то, что надо.

32. *Аз взимам заквасена – по-лека за готвене ми е и по-вкусна. Има едни течни сметани в кутии, **сладнят ми** [сметаните] и са ми тежки.*

У меня есть заквашенная сметана — более легкая для готовки и более вкусная. А жидкая сметана в баночках **для меня** слишком сладкая и тяжелая.

⁵ В (Кустова / Kustova 2012) о дативе в русских конструкциях несоответствия говорится следующее: «В конструкциях *Ребенку этот стул высок* описывается расширенная ситуация: появляется «потребитель», который собирается использовать данный предмет и которого данное значение параметра не устраивает. В таких конструкциях дательный выражает семантику, близкую к малефактивной».

В русском языке наиболее типичным способом выражения субъекта оценки в предложениях несоответствия требованиям или предпочтениям субъекта является, как видно даже из переводов (30.–32.), предложная группа «для род.п».

В разговорной речи интернета используется тот же способ введения субъекта оценки через «для род.п.» (33.), а также через стилистически сниженную предложную группу «(как) по дат.п.», функционирующую как вводный компонент (34, 36). Редко используется дат.п. без предлога (37.). Важно отметить, что дополнительно в качестве средства смягчения категоричности оценки в русском языке обычно используются образования с диминутивным значением признака (30.–31., 33.–37.).

33. Приятный десерт, но **для меня** сладковато.

34. [биотворог] **По мне**, кисловат.

35. ...вкусный травяной чай и чизкейк (хотя **по мне** сладковат).

36. И 1-2 чайных ложки сахара, потому что соус, **как по мне** – кисловат. Все взболтать и вуаля.

37. Нектар на любителя с кислинкой, моим понравился, а **мне** кисловат.

В заключение раздела заметим, что рассмотренные здесь болгарские конструкции с дативом могут быть неоднозначными, они могут выражать и неуверенность, и несоответствие стандарту, ср.:

38. Само българските вина ми понасят добре. Френски, италиански и т.н. или **ми сладнят**, или **ми киселят**.

Я хорошо переношу только болгарские вина. Французские, итальянские и т.п. **мне кажутся** сладковатыми или кисловатыми / **для меня** сладковаты или кисловаты.

Однако такие случаи надо рассматривать как омонимию. Для говорящего, в отличие от слушающего, неоднозначности нет: либо вино по каким-то причинам кажется сладким / кислым (эпистемический субъект), либо оно не устраивает субъекта, т.к. слишком сладкое / кислое для него (субъект оценки).

3. Датив вне перцептивной ситуации: субъект интерпретационной оценки

В разных главах нашей книги, прежде всего в главе (Стаменов, Циммерлинг, наст. сборник), рассмотрены дативно-предикативные конструкции (ДПС) с предикативами, обозначающими внутреннее состояние человека: *Обидно ми е*; *Мъчно му е* и под. Конструкции, которые будут проанализированы в этом разделе, внешне выглядят так же, но они имеют другую семантику, не принад-

лежат болгарскому литературному языку и порождаются окказионально в разговорной речи, особенно в интернет-коммуникации⁶:

39. *Да искаш постоянно да гушкаш, да държиш за ръчичка, **инфантилно ми е**.*

Хотеть постоянно нежничать, держаться за ручку – мне **кажется** инфантильным.

40. *Не приемам тезата, че един умен човек може да остане беден. **Неприлично ми е**, направо.*

Я не приемлю тезис, что умный человек может остаться бедным. Мне это **кажется** просто неприличным.

Их употребление в неформальном сетевом общении, как и допустимость вообще в болгарском языке (ср. невозможное даже в ненормативной русской речи **Мне инфантильно (что Р)*), связывается с расширением ДПС в целом (Градинарова / Gradinarova 2010; Иванова / Ivanova 2019; Петрова / Petrova 2020).

Наше основное внимание здесь обращено на семантику предикативов, организующих такие нестандартные употребления. В предшествующих главах этой книги уже шла речь о предикативах интерпретации (интерпретационной оценки, см. Кустова, наст. сборник). В болгарском языке, как и в русском, безличные предложения с предикативами интерпретации, не включающие дативный компонент, широко распространены и являются стилистически нейтральными, общеупотребительными:

41. ***Ненормално е**, когато цялата държава не може да се справи с една авиокомпания.*

⁶ Частотность таких предикативов различна. Для уточнения их активности произведена сравнительная выборка из интернета для 8 предикативов, примеры которых будут приведены в этом разделе. Результаты таковы: *абсурдно* – 54, *нелепо* – 20, *глупаво* – 11, *фалшиво* – 9, *неприлично* – 6, *инфантилно* – 5, *претенциозно* – 3, *недостойно* – 2. (Из этих случаев в 6 примерах употреблены формы сравнительной или превосходной степени – при предикативах *глупаво*, *абсурдно*, *нелепо*).

Заявка для выборки включала соответствующий предикатив в сочетании с дательной клитикой и формой глагола *съм* в третьем лице единственного числа; учитывались и особенности порядка слов при расположении местоименных клитик и формы глагола *съм*. Из результатов исключены повторы, а также примеры, в которых имеется формальное совпадение с другими конструкциями, как и случайные последовательности, включая контексты, в которых употреблено не личное местоимение в кратком дат. пад., а притяжательная клитика. Из подсчета исключались также примеры, где данные предикативы использовались метафорически для выражения внутреннего состояния человека, как в примере (56.) ниже.

Ненормально, когда государство не может справиться с одной авиакомпанией.

42. *Абсурдно е, че затварянето на училищата все още е инструмент за борба с ковид.*

Абсурдно, что закрытие школ все еще является инструментом борьбы с ковидом.

Когда требуется высказать свою личную оценку, в литературном языке в состав предложения включаются стандартные средства экспликации субъекта высказываемого мнения (в примерах подчеркнуты):

43. *Ненормално е според мен / за мене да правиш такъв важен избор за моя сметка.*

Ненормально, **по-моему**, делать такой важный выбор за мой счет.

44. *Струва ми се абсурдно, че една жена трябва да работи, за да даде пенсия на сина си.*

Мне **кажется** абсурдным, что женщина должна работать, чтобы отдавать пенсию своему сыну.

В неформальном сетевом общении у этих стилистически нейтральных конструкций появляется нестандартная синонимическая модель (45.–46.) с дативом, включаемым непосредственно в конструкцию с предикативом. Обладая высокой экспрессивностью, эти (пока еще) ненормативные конструкции, используемые в социальных сетях, форумах, блогах, провоцируются «желанием подчеркнуть собственную точку зрения и позицию, часто вразрез с общепринятой, с утвержденным стандартом или критерием» (Петрова / Petrova 2020: 104). В русском языке для передачи этого значения необходимо вводить дополнительные средства, указывающие на субъекта этой оценки, см. *кажется* в переводах примерах (45.–46.).

45. *Ненормално ми е да ми кажат «Обадете се след шест седмици».*

Мне **кажется** ненормальным, если мне говорят «Позвоните через шесть недель».

46. *Абсурдно ми е да ги наричаме легенди.*

Мне **кажется** абсурдным называть их легендами.

В русском языке даже в разговорной речи, при неформальном общении нет возможности ввести датив при предикативах интерпретационной оценки. Данное значение в русской сетевой коммуникации реализуется только типичными способами: через эпистемические глаголы (напр. *кажется*, *(я) считаю*) и вводные конструкции, указывающие на субъекта оценки: *по-моему*, *на мой взгляд*, *(как) по мне* и др., см. русские примеры из интернет-общения:

47. Мне **кажется** абсурдным, когда люди делают маркетинг из этого – типа, только что я вколол 50 мл ботокса.

48. Комментировать комментарии на сайте к этой статье, **на мой взгляд**, неприлично.

49. **Как по мне** – ненормально жить среди этих насекомых!

Итак, как уже было сказано, тип оценки, который выражается в конструкциях (39.–49.), может быть квалифицирован как интерпретация. Интерпретация, как отмечено в (Кустова / Kustova 2021), – это разновидность оценки, которая направлена на определенный тип контролируемых ситуаций – действия и поступки, имеющие социальную значимость, этический аспект и др.

Используя интерпретационные предикативы, субъект интерпретации оценивает ситуацию Р с точки зрения этической или социальной (*инфантильно ми е*, *претенциозно ми е*, *нелепо ми е*) или дает оценку рациональности-нерациональности поведения других людей (*неестественно ми е*, *фалшиво ми е*), эксплицируя в болгарском языке свое личное мнение не только общелитературными средствами (43.-44.), но и посредством дательной клитики:

50. **Нелепо ми е** дами с лъскави рокли да подскачат по чорапи и под кристален полилей.

На мой взгляд, нелепо, когда дамы в блестящих платьях скачут, сняв обувь, под хрустальной люстрой.

51. **Фалшиво ми е** някак, когато някой се има за светец.

Мне **кажется** фальшивым, когда кто-то считает себя святым.

52. Двойна фамилия... **Малко претенциозно ми е**.

Двойная фамилия.... Мне это **кажется** несколько претенциозным.

53. В *отношенията с хората не мога да правя сметки*. **Недостойно ми е** някак.

Отношения с людьми я не могу строить на расчете. Мне это **кажется** как-то недостойно.

Интерпретация предполагает оценку «со стороны», т.е. семантическая структура интерпретационных конструкций включает двух разных субъектов: субъект интерпретации У оценивает поступок или действие Р субъекта Х; Р оценивается как ненормальное, абсурдное, недостойное и т.п. (в частном случае субъект может выполнять две роли и смотреть «со стороны» на свой собственный поступок, одобряя или, чаще, не одобряя его). В русском языке ни тот, ни другой субъект обычно не выражается дативом. Субъект Х действия Р выражается оборотами типа *со стороны Х-а*, *с его стороны* (ср.: *Со стороны дам было нелепо / глупо / недостойно, сняв обувь, скакать под хрустальной люстрой*); в языке XIX-начала XX вв. встречались конструкции, где Х

выражался дативом (крайне редко и только для первого лица – это как раз тот случай, когда говорящий, так сказать, «раздваивается» и выполняет две роли: субъекта действия X и субъекта интерпретации Y, который смотрит на себя и свое действие со стороны и оценивает его), ср.: *Нет, мне просто преступно с вами соглашаться* [Н. С. Лесков. Божedomы (1868)] (т.е. с моей стороны было бы преступно с вами соглашаться), но в более поздний период они в Национальном корпусе русского языка не представлены. Субъект интерпретации Y выражается вводными конструкциями (*по-моему, на мой взгляд, мне кажется, я считаю* и под.).

В болгарской же разговорной конструкции дативом выражается именно субъект интерпретации Y – видимо, по аналогии с другими субъектами мнения и оценки, которые были описаны в предыдущих разделах, при том что форма модели заимствована у ДПС, обозначающих внутреннее состояние субъекта.

Формально данная конструкция не отличается от конструкций внутреннего состояния, но если типичная ДПС внутреннего состояния (*Добре ми е; Неприятно ми е*) имеет толкование ‘X пребывает в определенном состоянии’, то ДПС с эксплицитным эпистемическим субъектом толкуется как ‘X-у кажется [X считает], что делать Р хорошо / плохо / ...’.

Поскольку некоторые предикативы в сопровождении датива могут выражать как внутреннее эмоциональное состояние, так и (в сетевой коммуникации) интерпретационную оценку, возможны омонимичные структуры. Ср., напр., (54.–55.) из форумов и блогов с предикативом оценки и (56.) с предикативом эмоционально-психического состояния:

54. *Глупаво ми е да споря за такива неща.*

Мне кажется глупым спорить о таких вещах.

55. *Още по-глупаво ми е, като видя как разни хора ги приемат насериозно.*

Еще более глупым мне кажется, когда я вижу, как разные люди принимают это всерьез.

56. *Глупаво ми е и приказно.*

Мне глупо и сказочно.

Таким образом, болгарские дативно-предикативные построения с предикативами интерпретации (пока еще не принятые нормой) отличаются как от типичных ДПС, так и от интерпретационных конструкций без датива. Семантическое отличие от первых состоит в том, что интерпретационные конструкции не выражают значение внутреннего актуального состояния, а являются предикациями внешней оценки (этической, социальной, интеллектуальной). Отличие от интерпретационных конструкций без датива состоит в эксплицитном выражении субъекта мнения (интерпретатора).

Датив в его рассмотренных специфических функциях в неформальном общении не ограничивается только теми предикатами, которые были проанализированы выше (хотя они представляют наиболее характерные модели). Так, датив в болгарском языке способен встраиваться и в предложения с отыменными глаголами типа *глупея*, *грознея*, *дребнея*, *хубавея*, *простея*, *слабея* и др., приводя к тому же семантическому наращению – появлению значения субъекта мнения или интерпретационной оценки. При этом глаголы теряют значение ‘накопление признака’ (ср. рус. *глупеть*, *мельчать*, *хорошеть*) и дают статическую характеристику (‘проявление признака’). Такие примеры, как и употребления датива с интерпретативами, находятся за рамками нормативной речи:

57. *Слабее ми тази логика.*

Мне эта логика кажется слабой.

58. *Алисия определено ми старее с тази тъмна коса.*

Алисия явно выглядит старой с этими темными волосами.

Заключение

Подводя итог нашему обзору конструкций с дативом мнения и оценки, можно констатировать следующее. Предложения с таким дативом передают недостоверное или искаженное восприятие, разные типы оценок, но все эти значения можно выразить и другими средствами – *струва ми се* (кажется), *смятам* (считаю), *според мен* (по-моему), *за мен* (для меня) и т.п. Специфика этого процесса – в самой конструкции: *ми* употребляется с предикатами, для которых либо вообще не характерна сочетаемость с дативом (как у глаголов цветового восприятия, у интерпретативов типа *абсурдно*, *неприлично* или у отыменных глаголов типа *глупея*), либо дативная клитика в норме обозначает только экспериенциального участника (как у глаголов вкусового восприятия или у предикативов ДПС). Включение не характерного для них датива не меняет саму семантику ситуации, но создает дополнительные семантические и прагматические наращения, связанные с фигурой субъекта, высказывающего свою точку зрения, мнение или оценку. Поэтому такие конструкции проявляют активность в разговорной речи, в сетевом общении. Хотя большинство их являются маркером разговорного стиля, а часть воспринимается как ненормативные (напр. интерпретативы), не исключено, что и они будут постепенно освоены болгарским разговорным языком в той же степени, как и конструкции со структурным дативом экспериенциального типа.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan 2000a: Апресян, Ю. Д. Словарная статья ВЫГЛЯДЕТЬ, КАЗАТЬСЯ 1. – В: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 2. Москва. (Apresyan, Yu. D. Slovarnaya stat'a VYGLYADET, KAZATSYA 1. – In: *Novij obyasnitel'nyj slovar sinonimov russkogo yazyka*. Vyp. 2. Moskva.)
- Apresyan 2000b: Апресян, Ю. Д. Словарная статья КАЗАТЬСЯ 1, СДАВАТЬСЯ 2, ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ 2, ДУМАТЬСЯ 1. – В: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 2. Москва. (Apresyan, Yu. D. Slovarnaya stat'a KAZATSYA 1, SDAVATSYA 2, PREDSTAVLYATSYA 2, DUMATSYA 1. – In: *Novyj obyasnitel'nyj slovar sinonimov russkogo yazyka*. Vyp. 2. Moskva.)
- Arutyunova 1988: Арутюнова, Н. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука. (Arutyunova, N. *Tipy yazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt*. Moskva: Nauka.)
- Cheshko 1959: Чешко, Е. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке. – В: *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Москва: Издательство Академии наук СССР, с. 5–99. (Cheshko, E. Padezhi i predlogi v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke. – In: *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 5–99.)
- Dmitrovskaia 1985: Дмитриевская, М. А. *Глаголы знания и мнения: Значение и употребление*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва. (Dmitrovskaia, M. A. *Glagoly znaniya i mneniya: Znachenie i upotreblenie*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moskva.)
- Gradinarova 2003: Градинарова, А. А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия). – В: *Болгарская русистика*, № 3–4, с. 5–9. (Gradinarova, A. O specifike bolgarskogo eksperientsera v sravnenii s russkim (na materiale bolgarskih i russkih predlozhenij so znacheniem vospriyatiya). – In: *Bolgarskaya rusistika*, № 3–4, pp. 5–9.)
- Gradinarova 2010: Градинарова, А. А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках. – В: *Болгарская русистика*, № 3–4, с. 34–55. (Gradinarova, A. Bezlichnye konstrukcii s datel'nym subjekta i predikativom na -o v russkom i bolgarskom yazykah. – In: *Bolgarskaya rusistika*, № 3–4, pp. 34–55.)
- Gradinarova 2017a: Градинарова, А. А. Некоторые особенности представления субъекта восприятия в болгарских конструкциях в сравнении с русскими. – В: *Язык. Текст. Дискурс*, № 15, с. 58–65. (Gradinarova, A. Nekotorye osobennosti

- predstavleniya subyekta vospriyatiya v bolgarskih konstrukciyah v sravnenii s russkimi. – In: *Yazyk. Tekst. Diskurs*, № 15, pp. 58–65.)
- Gradinarova 2017б: Градинарова, А. А. *Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков*. София: Изток-Запад. (Gradinarova, A. A. *Ocherki po sopostavitel'nomu sintaksisu bolgarskogo i russkogo yazykov*. Sofia: Iztok-Zapad.)
- Gradinarova 2018: Градинарова, А. А. Дативная модель с предикативом на -о в русском и болгарском языках на фоне ее парадигматических связей. – В: *Русский язык за рубежом*, № 5, с. 18–23. (Gradinarova, A. *Dativnaya model' s predikativom na -o v russkom i bolgarskom yazykah na fone ee paradigmaticeskikh svyazej*. – In: *Russkij yazyk za rubezhom*, № 5, pp. 18–23.)
- Gramatika 1983: *Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3 Синтаксис*. София: Издателство на БАН. (*Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik. T. 3 Sintaksis*. Sofia: Izdatelstvo na BAN.)
- Dzhonova 2003: Джонова, М. *Изречения със семантичната роля експериментер в съвременния български език*. Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователна степен „доктор”. София: СУ „Св. Климент Охридски”. (Dzhonova, M. *Izrecheniya sas semantichnata rolya na eksperientser v savremenniya balgarski ezik*. Avtoreferat na disertatsiya za prisazhdane na nauchnata i obrazovatelna stepen “doktor”. Sofia: SU “Sv. Kliment Ohridski”.)
- Ivanova 2016: Иванова, Е. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериментера в болгарском языке – В: Циммерлинг, А., Е. Лютикова (ред.). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. (*Studia Philologica*). Москва: ЯСК, с. 332–368. (Ivanova, E. *Bezlichnye predlozheniya s obyazatel'nym mestoimennym vyrazheniem eksperientsera v bolgarskom yazyke* – In: Zimmerling, A., E. Lyutikova (Eds.). *Arhitektura klauzy v parametriceskih modelyah: sintaksis, informacionnaya struktura, poryadok slov*. (*Studia Philologica*). Moskva: YASK, pp. 332–368.)
- Ivanova 2019: Иванова, Е. Дативно-предикативные конструкции в Болгарском национальном корпусе – В: *Научни трудове – Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“*, Т. 57, кн. 1, сб. А: Филология. Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски“, с. 174–188. (Ivanova, E. *Dativno-predikativnye konstrukcii v Bolgarskom nacional'nom korpuse* – In: *Nauchni trudove – Plovdivski universitet „Paisij Hilendarski“*, vol. 57, kn. 1, sb. A: Filologiya. Plovdiv: Universitetsko izdatelstvo „Paisij Hilendarski“, pp. 174–188.)
- Ivanova 2022: Иванова, Е. Дативно-предикативные структуры с эпистемическим субъектом в болгарской интернет-коммуникации. – В: Илюхина, Н. (ред.). *Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов: сборник научных статей по материалам VIII международной научной конференции*. Самара: Самарская гуманитарная академия, с. 13–19. (Ivanova, E. *Dativno-predikativnye struktury s epistemicheskim sub'ektom v bolgarskoj internet-kommunikacii*. – In: Ilyuhina, N. (Ed.). *Yazyk – tekst – diskurs: diskursivnoe izmerenie yazykovykh processov: sbornik nauchnyh statej po materialam VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Samara: Samarskaya humanitarnaya akademiya, pp. 13–19.)
- Kustova 2012: Кустова, Г. И. *Дательный надеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Мос-

- ква. (Kustova, G. I. *Datel'nyj padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russskoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. Moskva.)
- Kustova 2021: Кустова, Г. И. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка). – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2021»*, № 20(27), с. 456–464. (Kustova, G. I. Tipy infinitivnyh konstrukcij s predikativami (po dannym Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka). – In: *Kompjuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2021»*, № 20(27), pp. 456–464.)
- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. (Nitsolova, R. *Balgarska gramatika. Morfologia*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo „Sv. Kliment Ohridski“.)
- Paducheva 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва. (Paducheva, E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva.)
- Penchev 2007: Penchev, I. Reciprocal and reflexive constructions in Bulgarian. – *Reciprocal Constructions. Typological Studies in Language*, 71: 609–632.
- Petrova 2006: Петрова, Г. *Семантични роли на кратките дателни местоимения*. Бургас: Димант. (Petrova, G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya*. Burgas: Diamant.)
- Petrova 2018: Петрова, Г. Именные предикативы, присоединяющие дательный экспериенцер в болгарском языке: семантика и синтаксис. – В: *Русский язык за рубежом*, № 5, с. 30–35. (Petrova, G. Imennye predikativy, prisoedinyayushchie datelnyj eksperientser v bolgarskom yazyke: semantika i sintaksis. – In: *Russkij yazyk za rubezhom*, № 5, pp. 30–35.)
- Petrova 2020: Петрова, Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*, Т. 1, с. 100–106. (Petrova, G. Bezlichni predikativno-dativni konstrukcii v balgarskiya ezik. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferenciya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“*, vol. 1, pp. 100–106.)
- Radeva 1993: Радева, В. *Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. (Radeva, V. *Slovoobrazovatelna i semantichna struktura na denominalnite glagoli v savremenniya balgarski knizhoven ezik*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo „Sv. Kliment Ohridski“.)
- RBE 1977–2015: *Речник на българския език*. София: Институт за български език. <<http://ibl.bas.bg/rbe/>> [23.06.2022]. (*Rechnik na balgarskiya ezik*. Sofia: Institut za balgarski ezik. <<http://ibl.bas.bg/rbe/>> [23.06.2022].)
- Stamenov 2021: Стаменов, М. Конструкцияте с предикативи за психически състояния в българския език – номенклатура и диференциални характеристики. – В: *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, vol. 10, с. 76–113. (Stamenov, M. Konstrukcii s predikativi za psihicheski sastoyaniya v balgarskiya ezik – nomenklatura i diferencijalni harakteristiki. – In: *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, vol. 10, pp. 76–113.)
- Vlahova 2004: Влахова, Р. „Винителни“ и „дателни“ префигирани глаголи в съвременния български език. – В: Коева С. (съст.). *Аргументна структура. Пробле-*

- ми на простото и сложното изречение. София: Изд-во СЕМА РИШ, с. 80–105. (Vlahova, R. «Vinitelni» i «datelni» prefigirani glagoli v savremenniya bulgarski ezik. – In: Koeva S. (Comp.). *Argumentna struktura. Problemi na prostoto i slozhnoto izrechenie*. Sofia: SEMA RSH, pp. 80–105.)
- Zimmerling 2018: Циммерлинг А. Эпистемические предикаты и ментальные состояния. – В: Арутюнова, Н., М. Ковшова (ред.). *Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах*. Москва: Гнозис, с. 45–70. (Zimmerling A. Epistemicheskie predikaty i mental'nye sostoyaniya. – In: Arutyunova, N., M. Kovshova (Eds.). *Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykakh i kul'turah*. Moskva: Gnozis, pp. 45–70.)
- Zimmerling 2021: Циммерлинг, А. *От интегрального к аспективному*. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История. (Zimmerling, A. *Ot integral'nogo k aspektivnomu*. Moskva-Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.)

Subject of Opinion and Subject of Evaluation Dative in Colloquial Bulgarian (as compared with Russian)

Elena Ivanova^a, Galina Kustova^b, Svetlozara Leseva^c

Saint Petersburg State University^a, V.V. Vinogradov Russian Language Institute,

Russian Academy of Sciences^b, Institute for Bulgarian Language

Prof. Lyubomir Andreychin, Bulgarian Academy of Sciences^c

e.y.ivanova@spbu.ru^a, galinak03@gmail.com^b, zarka@dcl.bas.bg^c

Abstract

This paper examines Bulgarian colloquial constructions of the type illustrated in the example *И твоята панама нещо ми синее! Дали наистина е така или е от снимката?* (Your canvas, too, looks somewhat bluish to me! Is it really like that or is it just the picture?), where the dative pronominal clitic marks the so-called subject of opinion. To render this meaning, Russian employs epistemic verbs or other linguistic means indicating the subject of opinion, even in non-standard colloquial speech, e.g. *И твоя панама что-то мне кажется синей. Это так действительно или только на фото?* The study is focused primarily on dative-clitic constructions with sensory perception predicates, colour and taste predicates in particular, as classes representative of distant and contact perception. The goal is to determine the conditions under which the dative may be interpreted as the subject of opinion and what syntactic characteristics this interpretation correlates with. In addition, we describe non-standard constructions where the dative pronoun denotes an entity that evaluates a state-of-affairs (evaluating subject). We show that corresponding constructions cannot be found even in non-standard colloquial Russian.

The article is centered on written colloquial language constructions which demonstrate the emergence and active occasional use of language units and models potentially able to gain a foothold in the language. We assume that the models established in the standard language serve as a basis for the emergence of new formations such as the ones occurring in

online communication. The analyses of the different manifestations of the so-called *subject of opinion* and *subject of evaluation* are illustrated not only by Bulgarian examples, but also by their Russian translations, as well as by original examples from Russian online communication, which serve to reveal the semantic differences between the distinct functions of the dative constructions and to demonstrate the possible renditions of these constructions into Russian.

Keywords: *dative, experiencer, subject of opinion, epistemic subject, interpretative evaluation, perception predicates*

Elena Yu. Ivanova
DSc Prof.
St. Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Emb.
St. Petersburg, 199034 Russia
e.y.ivanova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1604-0088>

Galina Kustova
DSc Prof.
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka St.
Moscow, 119019 Russia
galinak03@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

Svetlozara Leseva
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
zarka@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0001-8198-4555>

ПРЕДИКАТЫ ЖЕЛАНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Елена Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

e.y.ivanova@spbu.ru

Резюме. В данной работе рассматриваются базовые средства выражения желания в болгарском языке в сопоставлении с русским. Основное внимание уделено болгарской «желательной» конструкции (*Танцува ми се; Не ми се прибира*), не имеющей полного эквивалента в русском языке. Анализируется ее специфика на фоне других средств выражения желания – личных и безличных желательных глаголов. На материале параллельных корпусов показано, как решается вопрос выбора переводческого соответствия при отсутствии эквивалента желательной конструкции в русском языке.

Другой важной задачей нашей работы является обоснование семантических различий между желательной конструкцией болгарского языка (*Не ми се работи*) и рефлексивно-дательной русской моделью со значением состояния предрасположенности к действию (*Мне не работается*). Доказывается, что обе конструкции, имея, на первый взгляд, близкую структуру, характеризуются значительными грамматическими и семантическими различиями. Анализ параллельных текстов подтверждает, что для обеих конструкций отсутствует эквивалент в языке перевода, а для русской модели даже нет регулярного переводческого соответствия.

Ключевые слова: глаголы желания, желательная конструкция, рефлексивно-дательные конструкции, неконтролируемость, безличность, перевод

1. Введение

Е. В. Падучева в предисловии к книге Анны Вежбицкой (Вежбицка / Wierzbicka 1997), полемизируя с автором, замечает: «русское *я хочу* не полностью соответствует английскому *I want* <...>, поскольку в русском, помимо *Я хочу*, есть еще *мне хочется*, которое занимает определенную часть соответствующего семантического пространства» (Падучева / Paducheva 1997: 13). Продолжая эту мысль применительно к болгарскому материалу, можно сказать, что болгарский язык включает в семантическое пространство желания, кроме центральной для этой зоны лексемы *искам* и ее безличной формы *иска ми се* (*ще ми се*) еще одну форму – «желательную» (Пенчев / Penchev 2001: 88–91) конструкцию (*Танцува ми се; Не ми се прибира*).

* Елена Иванова. Предикаты желания в болгарском языке в сопоставлении с русским. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 427–457.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.15>

В данной статье желательная конструкция будет рассмотрена в сопоставлении, с одной стороны, с болгарскими и русскими предложениями, включающими личный или безличный глагол желания, с другой стороны, – с рефлексивно-дательными конструкциями русского языка.

Статья строится следующим образом. В разделе 2 мы сравним семантику личных и безличных форм центральных лексем семантической зоны желания в русском и болгарском языках (*искаю – иска ми се; хочется – хочется*). В разделе 3 обратимся к болгарской желательной конструкции, особенностям ее семантики, синтаксической структуры и правилам отбора предикатов в данную форму. Ее грамматические и семантические возможности будут сопоставлены с конструкцией с безличным глаголом желания. В разделе 4 сравним желательную конструкцию с русской рефлексивно-дательной моделью. Раздел 5 представит наблюдения над материалом параллельных корпусов; будет показано, как переводчики решают задачу перевода этих двух лакунарных моделей.

Материалом для исследования послужила прежде всего выборка из параллельных болгарско-русского и русско-болгарского корпусов на платформах Национального корпуса русского языка и Великотырновского университета, частично из корпуса параллельных текстов ParaSol. В разделах 1–4, помимо того, использованы примеры из национальных корпусов болгарского и русского языков (БНК и НКРЯ), а также контексты, отобранные через поисковую систему Google (G), см. список источников.

2. Личные и безличные формы глаголов желания (*искаю – иска ми се; хочется – хочется*)

Рус. *хотеть* и болг. *искаю* представляют собой центральные для зоны желания лексемы. Они не являются семантически простыми, хотя и могут быть отнесены к семантическим примитивам из-за невозможности дальнейшего семантического членения (Апресян / Apresyan 1995: 478–480).

Сопоставляя значение русских глаголов *хотеть* и *желать*, Ю. Д. Апресян отмечает, что *хотеть* указывает на действенность воли субъекта: «помимо чистого желания он [глагол *хотеть*] предполагает еще и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации» (Апресян / Apresyan 1995: 439). Тем самым в этой лексеме значение ‘желание’ часто переплетено со значением намерения: намерение, вообще говоря, это своего рода «активное» желание (Плунгян / Plungyan 2011: 434).

При этом, как показано в (Апресян / Apresyan 1995: 439), в разных контекстных или синтаксических условиях на передний план может выходить семантика или намерения, или желания. Так, желательная трактовка поддерживается такими факторами, как рематичность и акцентированность глагола (*Хотите выпить чего-нибудь?*), отрицательными контекстами (*Она не хотела плакать*

при посторонних), несовпадением субъектов желания и действия (*Хочешь, уйду?*). Реализации значения намерения благоприятствуют такие факторы, как тематичность и фразовая безударность предиката, контексты, предполагающие последовательность и планирование действий, и др.: *У меня всего полтора часа времени сегодня, и я хочу провести его с детьми* (Л. Улицкая).

Возможность выражения семантики желания и намерения отмечается и для болгарского глагола *искам*, см. значение 3 в Словаре болгарского языка¹: „Със следв. изр. със съюз *да*. Имам желание, намерение, вътрешен стремеж да извърша, да постигна или да осъществя нещо; желая, каня се, възнамерявам“ (*Утре искам да стана по-рано, че ще пътувам*). Более того, в словаре выделен отдельный оттенок значения, связанный с реализацией семы намерения и готовности: „Стремя се, полагам усилия да направя, да постигна нещо“.

В отличие от *искам*, для *иска ми се* Словарь предлагает чисто желательную трактовку: „несв., непрех. Имам голямо желание за нещо“. Однако легко обнаруживаются примеры, показывающие, что *иска ми се* может использоваться для выражения не только желания, но и намерения, напр. *Иска ми се да го убедя, че трябва да работи, но думите просто не стигат до съзнанието му*, см. и примеры (1.а–е.) ниже.

Аналогична и ситуация с русским глаголом желания *хочется*: в его толковании не содержится упоминания о намерении или готовности к действию², но материал показывает, что он может иметь такое значение. Например, в (1.) формы *иска ми се* / *хочется*, не выражая намерение напрямую, употреблены в ситуациях готовности к действию, при этом в (1.б.) – вместе с обстоятельством прилагаемых усилий (*с все сила*), а в (1.в.) – даже с зависимым каузативным глаголом *накарам*, а также с другими глаголами воздействия (*да сложа белезници, да убия, да се сражава*). В примерах (1.д.–е.) речь идет о неосуществленном намерении, когда сомнение, нерешительность субъекта или другие неблагоприятные обстоятельства препятствуют осуществлению действия. Примеры ниже снабжены переводами, которые иллюстрируют межъязыковую функциональную и грамматическую эквивалентность форм *иска ми се* / *ще ми се* и *хотеться*:

1.а. Толкова *ми се щеше* да сложа бързо-бързо стоманените белезници върху нечиите ръце! – Так *хотелось* поскорее надеть стальные наручники на чьи-нибудь руки! (А. Гуляшки, пер. А. Никольский)

¹ Речник на българския език (RBE: Rechnik na balgarskiya ezik) <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> [15.01.2021].

² Ср.: «Этот глагол [*хочется*] имеет то же самое семантическое ядро, что и *хотеть*, но другую смысловую надбавку: желание рассматривается как результат действия какой-то трудно определимой силы, присутствие которой человек ощущает в себе» (Ап-ресян / Apresyan 1995: 480).

б. *Сега с все сила му се искаше* да задържи тоя човешки и нечовешки миг в себе си, да го запомни, преди да е изчезнал завинаги. – Он *напряг все силы*, чтобы удержать это нечеловечески человеческое мгновение, прежде чем оно исчезнет, может быть, навсегда. (П. Вежинов, пер. Л. Лихачева)

в. *Мне хотелось* вас заставить рассказать что-нибудь. – ...*искаше ми се* да ви накарам да разправите нещо. (М. Лермонтов, пер. Х. Радевски)

г. – Тебе не нужно создавать стратегию революции. Тебе ведь *хочется* просто убить. – Да, *хочется*. – А ты умеешь? – – Ты нямаш нужда да създаваш стратегия на революцията. *На тебе просто ти се иска* да уби-ваш. – Да, *иска ми се*. – Ами умееш ли?» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, пер. С. Владимиров)

д. *Иска ми се* да му подхвърля нещо ободрително, но усещам, че гърлото ми е свито. – *Мне хочется* сказать что-нибудь, чтобы хоть немного приободрить его, но я чувствую, как у меня сжалось горло. (Б. Райнов, пер. А. Собкович)

е. Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; *хотелось мне* его снять оттуда – да не было заряда готового! – Казбич хвърли пушката си и като котка се закатери по хрсталаците на скалата; *искаше ми се* да го сваля оттам, но нямах готов заряд! (М. Лермонтов, пер. Х. Радевски)

Итак, личные глаголы *искаю* и *хочу* способны выражать, помимо желания, внутреннюю потребность, которую субъект намерен реализовать (т.е. готовность к действию), и личная форма подчеркивает это. В безличной форме (*мне*) *хочется* или *иска ми се* готовность к реализации желаемого не вычитывается из самой формы, но на деле нет препятствий для того, чтобы эта готовность была выражена в контексте.

3. Желательная конструкция: семантические особенности и правила образования

3.1. Желательная конструкция vs. конструкция с глаголом желания

Идея «стихийно» возникшего состояния желания выражается в болгарском языке еще одной рефлексивной формой («желательной» конструкцией – далее ЖК), занимающей отдельную нишу в семантическом пространстве желания. Она хорошо исследована в болгарском языке (Пенчев / Penchev 1984: 104–105; Korytkowska 1992; Пенчев / Penchev 2001: 89; Rivero 2003; Коева / Koeva 2004: 200–206; Петрова / Petrova 2006: 135–141, 154–156; Rivero, Arregui 2012; Димитрова / Dimitrova 2015; Савова / Savova 2018 и др.), в том числе в сопоставительном аспекте с русским (Георгиев / Georgiev 1969; 1990; Градинарова / Gradinarova 2007; 2017; Иванова / Ivanova 2021 и др.).

Как известно, ЖК представляет собой безличную (или третьеличную) рефлексивную форму глагола в сочетании с дативной клитикой, указывающей на носителя состояния. Такие конструкции не соотносятся с конкретной ситуацией, а «изражают желание за извършване на действието или на състоянието, изразено с предиката» (Коева / Коева 2005: 120).

Грамматическая особенность ЖК состоит в том, что семантика желания выявляется посредством формы, а не через семантику лексем, в нее входящих. Подчеркнем, что, в отличие от большинства исследователей ЖК (напр. Георгиев / Georgiev 1969: 33; Димитрова / Dimitrova 2015: 27), мы не относим к ЖК безличные формы самого желательного глагола, образуемые по той же схеме: *иска* – *иска ми се*, также: *ща* – *ще ми се*. В них желательное значение выражается лексическим значением предиката, и сама форма не содержит указание на действие или состояние, к которому говорящий испытывает предрасположенность. Эти формы не могут функционировать независимо, в отличие от ЖК, ср.: *Разхожда ми се*. – **Иска ми се* (помимо случаев неполных ответов на вопрос) и имеют другие синтаксические характеристики, см. ниже. Напомним также, что безличная форма *иска ми се* полностью эквивалентна рус. *хочется* (см. раздел 1), в то время как желательной конструкции в русском языке нет вообще. Это тоже свидетельствует, на наш взгляд, о принципиальном различии между деагентивной формой желательного глагола (*иска ми се* / *хочется*) и болгарской ЖК.

Семантическая специфика ЖК определяется тем, что даже по сравнению с близкой ей конструкцией с безличным *иска ми се* она представляет состояние субъекта как еще более независимое от его воли, как внутреннюю неуправляемую потребность или даже, как выразилась Д. Савова (Савова / Savova 2018: 12), как «прищавка» (прихоть, каприз), см. характерную для блогов цепочку ЖК:

2. *Излиза ми се навън. Разхожда ми се. Работи ми се. Танцува ми се. Четат ми се книги. Пише ми се. Гледат ми се филми. Играе ми се в театъра. Пътува ми се. Мечтае ми се.* (G)

Мне не хочется сидеть дома (букв. Мне выходится на улицу). Мне хочется / тянет³ гулять. Работать. Танцевать. Читать книги. Писать. Смотреть фильмы. Играть в театре. Путешествовать. Мечтать.

Отсутствие желательного глагола в данной модели сужает, однако, ее семантическую и синтаксическую сочетаемость. Так, хотя ЖК очень продуктивна в болгарском языке, известно, что в сравнении с конструкцией, включающей безличную форму желательного глагола, она значительно менее активна (корпусные данные показывают разницу в 3–4 раза (Димитрова / Dimitrova 2015: 34)). Среди основных причин – грамматических и семантических – упомянем следующие:

³ О способах перевода желательной конструкции на русский язык см. раздел 5.

а) в конструкции с безличной формой желательного глагол *иска ми се* могут участвовать глаголы обоих видов, в то время как в ЖК – только несовершенного (Коева / Koeva 2004: 201);

б) конструкции с *иска ми се* способны выражать разнообразные виды желания, включая ментальные действия (Савова / Savova 2018: 5–6), ср. и наблюдение Ю. Д. Апресяна о рус. *хочется* (полном эквиваленте болг. *иска ми се*): предмет желаний у *хотеться* может быть любой, «*хотеться* может чего угодно» (Апресян / Apresyan 2004: 1255). В то же время болгарская ЖК ориентирована прежде всего на физиологические и физические действия, иные реже, см. подробнее 3.2;

в) конструкции с *иска ми се*, как было показано в разделе 2, способны выражать не только желание, но и намерение. Для ЖК, в отличие от них, не характерны ни целевые расширения, ни другие зависимые, указывающие на желание как намерение;

г) для конструкций с желательным глаголом допускается несовпадение субъекта желания и субъекта действия (*Искаше ми се да ходи на работа като всички хора* – Мне хотелось, чтобы он ходил на работу, как все люди), что невозможно для ЖК (Пенчев / Penchev 1984: 103–105; Димитрова / Dimitrova 2015: 26).

Данные факторы определяют более широкую сферу действия конструкции с *иска ми се*.

3.2. Правила образования желательной конструкции

1) **Грамматические правила** отбора глаголов в ЖК, как известно, имеют немного ограничений. ЖК образуется от глаголов несовершенного вида – как непереходных (3.), так и переходных (4.–5.), см. (Пенчев / Penchev 1984: 104–105; Георгиев / Georgiev 1990: 76–82; Пенчев / Penchev 2001: 87–89; Коева / Koeva 2004: 202–204; Димитрова / Dimitrova 2015: 30–31 и др.). Переходные глаголы употребляются как абсолютно (4.), так и с подъемом объекта желаемого действия в позицию подлежащего (5.):

3.а. *Ходи ми се в някоя от източните страни.* (G)

Мне хочется поехать в какую-нибудь из восточных стран.

б. *Не ми се говореше за това.* (G)

Мне не хотелось говорить об этом.

в. *Хич не ми се сбогува с лятото.* (G)

Мне никак не хочется прощаться с летом.

г. *Не ми се смее. Нито ми се плаче.* (G)

Мне не хочется смеяться. Плакать тоже.

4. *Учи ми се.*

Мне хочется учиться (ср. *уча* – учить, изучать).

5.а. *Харчат ми се пари. А нямам. Кофти.* (G)

Мне хочется тратить деньги. А их нет. Гадко.

б. *Не ми се преработва чертежа [чертежът].* (G)

Не хочется переделывать чертеж.

Как видим, возвратные глаголы тоже используются в ЖК (*сбогувам се, смея се* в примерах (3.в.–г.)). В то же время активность возвратных *се*-глаголов в ЖК, особенно глаголов эмоциональных отношений, существенно ограничивается омонимией с другими рефлексивными конструкциями с дативным аргументом:

6. *Хората със страх от говорене винаги отнасят реакциите на публиката към себе си. Ако някой от публиката се прозява, означава ли това, че е отегчен от вашата презентация? Възможно е, но може би той е спал лошо снощи [и] е преуморен. Когато някой се усмихва, смее ли ти се?* (G)

Люди, которые боятся выступать, всегда принимают на свой счет реакции слушателей. <...> Когда кто-то улыбается, он что, смеется над тобой?

Полный запрет на вхождение в ЖК имеют глаголы с частицей *си* (*отивам си, лягам си* и под.) (Димитрова / Dimitrova 2015: 31).

Для ряда ЖК, как известно, возможны инхоативные и финитивные дериваты, имеющие формы совершенного и несовершенного вида: *спи ми се* (мне хочется спать) – *доспи / доспива ми се* (мне начнет/начинает хотеться спать) – *отспи / отспива ми се* (мне перестанет/перестает хотеться спать). Об этой деривации и особенностях таких ЖК см. (Иванова и др. / Ivanova et al. 2021: 254–268).

Далее мы рассматриваем только исходную ЖК, включающую формы несовершенного вида.

2) **Семантика предикатов**, формирующих ЖК, исследована в болгаристике достаточно подробно. Здесь мы представим имеющиеся наработки через призму семантической типологии предикатов. Сразу отметим, что бесспорным условием для вхождения в ЖК является наличие у предиката признака «+лицо» (см., напр., Димитрова / Dimitrova 2015: 34). Он может быть расширен до признака «+одушевленность» (Коева / Koeva 2004: 200–206; Димитрова / Dimitrova 2015: 32), хотя набор предикатов, использующихся для выражения состояния животного мира, ограничен лишь базовыми потребностями (не учитывая случаи персонификации):

7. *В природата им е заложено да хапят, разбира се! Щом му се хапе, му давате да хапе!* (G)

У них в природе заложено кусаться, естественно! Раз он настроен кусаться, даете ему кусаться.

Динамические предикаты. Наибольшую активность в ЖК демонстрируют глаголы класса действий (контролируемых процессов⁴). Признак «предельность» не оказывает влияния на возможность образования ЖК, см., напр., в (8.) неопредельные глаголы *философствам* – философствовать, *ходя (на работа)* – ходить (на работу), предельные *качвам се (на кантара)* – вставать (на весы), *притичвам (до)* – бежать (к):

8.а. *Не ми се философства в момента.* (G)

Меня сейчас не тянет философствовать.

б. *Следногодишно ме е обхванал един мързел, не ми се ходи на работа, не ми се качва на кантара.* (G)

После Нового года меня охватила такая лень, не хочется на работу идти, не хочется на весы вставать.

в. *Определено не ми се притичва всеки ден до там [до детската кухня] с бурканчетата.* (G)

Вот уж совсем нет желания каждый день бегать туда [на детскую кухню] с баночками.

Признак «моментальность» также не блокирует образование ЖК, по крайней мере от глаголов контролируемого действия (при этом возможны только формы несовершенного вида). В положительных вариантах ЖК это чаще авторские употребления, как в (9.а.). В отрицательные ЖК моментальные глаголы допускаются более свободно (9.б.):

9.а. *Стреля ми се с пушка. Задрасква ми се някой важен.* (G)

Хочется стрелять из ружья. Хочется вычеркнуть кого-нибудь важного.

б. *И на мен не ми се завира в една стая с толкова хора.* (G)

И мне неохота набиваться в одну комнату со столькими людьми.

Признак «контролируемость» важен, но, как замечено М. Димитровой, «не является определяющим». Действительно, при том что предикаты контролируемых действий представляют собой подавляющую часть глаголов, входящих в ЖК, возможно образование модели от глаголов неконтролируемых процессов (с одушевленным субъектом), напр. (10.а.). Однако основная часть неконтролируемых процессов переосмысляются в ЖК как действия, поддающиеся контролю (10.б.):

⁴ Термины «контролируемость», «контроль» используются в этой работе в семантическом понимании – как компонент лексического значения предиката. Контролируемость ситуации ее субъектом предполагает, прежде всего, способность субъекта инициировать или прекратить ситуацию по собственному усмотрению (Падучева / Paducheva 1996: 127).

10.а. *На всичкото отгоре всички около мен само за работа, деца и сватби говорят, а на мен не ми се остарява, не ми се пораста.* (G)

... а мне не хочется стареть, не хочется расти.

б. *Ако наистина ти се дебелее, потърси хлебопекарната на Северин.* (G)

‘Если тебе действительно хочется поправиться, поищи пекарню Северина.’

Что касается «происшествий» (неконтролируемых моментальных событий) с личным субъектом, то они маргинальны, и если встречаются, то тоже всегда подвергаются переосмыслению как контролируемые или используются в превентивных контекстах:

11. *...Трябва да си сменя транспорта с някой джип, че иде есента и не ми се закъсва.* (G)

...надо заменить эту тачку на какой-нибудь джип, а то впереди осень и неохота застревать.

Все подобные случаи связаны с контекстами снятого утверждения.

Статические предикаты. Глаголы временных (и тем более устойчивых) состояний редко употребляются в ЖК в прямом значении желания/нежелания испытывать называемое состояние, см. окказионально:

12. *Бълнува ми се. Страда ми се. В тандем.* (G)

Мне хочется бредить. Страдать. В тандеме.

Часть глаголов временных состояний в ЖК используется в превентивных контекстах. Так, в примерах из (Димитрова / Dimitrova 2015: 33) предикаты состояний *мръзна*, *боледувам*, а также предикат неконтролируемого процесса *трепера*, образуя ЖК, называют неконтролируемую ситуацию, которая побуждает субъекта предпринять некоторые поддающиеся контролю действия (*взять такси, выпить антибиотики*), чтобы избежать нежелательной ситуации (13.а.–б.). См. и пример с положительной формой (13.в.), когда состояние *боледувам* является желательной ситуацией:

13.а. *Взехме такси, не ни се мръзнеше и не ни се трепереше повече на спирката.*

Мы взяли такси, не хотелось и дальше мерзнуть и дрожать на остановке.

б. *Вземам антибиотик, не ми се боледува дълго.*

Я принимаю антибиотики, неохота долго болеть.

в. *Не пия лекарства, боледува ми се по-дълго.*

Я не принимаю лекарств, хочу болеть дольше. (Там же)

Для предикатов «свойств» образование ЖК совсем нехарактерно. Единственной группой устойчивых признаков, глаголы которой регулярно встречаются в ЖК, является класс обобщенных деятельности:

14.а. *Еми ръководи му се на човека, браво.* (G)

Ну хочется человеку (по)руководить, что ж, похвально.

б. *...и той иска война, воюва му се* (G).

И он хочет войны, (по)воевать ему хочется.

в. *Колкото до учителстването, преподава ми се, да.* (G)

Что касается преподавания, то да, мне хочется преподавать.

Заметим, что принципы отбора предикатов в ЖК, несмотря на изученность, – одна из нерешенных проблем в описании данной конструкции: при широком охвате акциональных классов, которые способны поставлять глаголы в ЖК, остается неясным, по каким параметрам допускаются или нет в эту модель те или иные глаголы одного класса и даже близких семантических и грамматических характеристик. Ряд полезных шагов в этом направлении были сделаны Д. Савовой (Савова / Savova 2018). Тем не менее уточнение этих параметров еще предстоит.

Одной из наиболее очевидных характеристик, регулирующих отбор, является положительный или отрицательный характер пропозиции. Отрицательная форма ЖК преобладает над положительной (Георгиев/ Georgiev 1969: 37; Савова / Savova 2018: 11). Глаголы, использующиеся в положительной форме ЖК, по замечанию Д. Савовой (Савова / Savova 2018: 6–8), указывают на потребности организма и «потребности души» – разнообразные действия, исполнение которых, как кажется субъекту, принесет ему удовлетворение (даже если это социально неприемлемые поступки):

15. *Ама и настроение имам днес ... танцува ми се, лудува ми се ... тежко, на който се случи наоколо.* (G)

Ну и настроение у меня сегодня ... хочется танцевать, бушевать ... горе тому, кто окажется рядом.

Отрицательная форма открывает возможность образования ЖК множеству лексем, не способных образовывать положительную форму или, по крайней мере, нетипичных в утвердительных контекстах, см. некоторые примеры из (Савова / Savova 2018: 14): *не ми се командва* – нет желания командовать, *не ми се търпи* – неохота терпеть, *не ми се коментира* – нет желания комментировать, *не ми се появява (в този вид)* – не хочется появляться (в этом виде).

Иные контексты снятой утвердительности тоже создают более приемлемые условия для вхождения глаголов в ЖК:

16.а. *Ако наистина ти се рискува / занимава с почистване, можеш да опиташ този инструмент и/или този.* (G)

Если тебе действительно хочется рисковать / заниматься уборкой, можешь попробовать этот инструмент и/или этот.

б. *Дали ще му се чака цяла година, за да се кандидатира за президент?* (G)

Захочется ли ему ждать целый год, чтобы выставить свою кандидатуру в президенты?

4. Русская рефлексивно-дательная модель *Х-у Р-ся* на фоне болгарской ЖК

Несмотря на то, что данная работа посвящена средствам выражения желания, мы считаем необходимым хотя бы кратко обратиться к русской конструкции близкой формы, но иной семантики – к рефлексивно-дательной модели *Х-у Р-ся*.

Русская рефлексивная конструкция с дательным падежом, указывающим на носителя предрасположенности к действию, как и болгарская, сообщает о непроизвольно возникшем внутреннем ощущении склонности к какому-либо действию (Вежбицка / Wierzbicka 1997: 67–70; Апресян / Apresyan 2005: 8–10; Летучий / Letuchij 2014; Зельдович / Zeldovich 2017). Эта неподконтрольность в обеих моделях является результатом деагентивации и выражается безличной формой предиката и экспериенциальной ролью субъекта.

Наиболее существенные отличия (как грамматические, так и семантические) русской модели от болгарской ЖК получили достаточно подробное освещение в сопоставительных исследованиях (напр. Георгиев / Georgiev 1990: 82; Ivanova 2014; Иванова / Ivanova 2016: 358–367; 2021; Градинарова / Gradinarova 2017: 102–117; Иванова / Ivanova 2021). Здесь мы приведем основные положения и дополним их новыми наблюдениями.

Основное смысловое расхождение между болгарской и русской конструкциями состоит в том, что в толкование русской модели в качестве пресуппозиции включен компонент *Х делает Р*, ср. полное семантическое описание русской конструкции, данное Ю. Д. Апресяном:

«*Х-у Р-ся* = ‘*Х делает Р* [пресуппозиция]; *Х* находится в таком внутреннем состоянии, когда *Р* не требует от него больших усилий [ассерция]; по мнению говорящего, это состояние возникло не потому, что *Х* этого хотел, а в результате действия какой-то неопределенной и не зависящей от *Х*-а силы’ [модальная рамка]» (Апресян / Apresyan 2005: 10).

Таким образом, в отличие от болгарского языка, в русском языке состояние субъекта, описываемое данной конструкцией, связано с ощущением (не)удачности, (не)успешности, (не)гладкости уже протекающего процесса (иное реже). В болгарском языке такого ограничения нет, состояние *Х*-а определяется желанием действия независимо от того, совершалось оно или нет (что чаще). Так, *Танцува ми се* сообщает, что *Х-у* хочется потанцевать, а *Още ми се танцува* – что *Х* настроен танцевать дальше, ср. соответствующие русские предложения *Мне хочется танцевать* и *Мне хочется еще потанцевать*. В любом случае болгарская модель перспективна, а русская – нет. Ср. и примеры перево-

дов русской конструкции из параллельных корпусов: болгарские переводчики выбирают не ЖК, а средства, указывающие, что процесс имел место или осуществляется (подробнее в разделе 5.2.):

17. *Как спалось? – Добре ли спяхте?* (НКРЯ)

18. *Ему всё не спалось – Той все не можеше да заспи.* (НКРЯ)

19. *Ведь там ему жилось хорошо? – Не е ли живеел там добре?* (ParaSol)

И лишь окказионально, как будет показано далее, рефлексивно-дательная форма в русском может выражать семантику настроенности на потенциальное действие.

Несмотря на обширную литературу, посвященную русским рефлексивно-дательным конструкциям, их описание продолжает оставаться дискуссионным. Это связано с тем, что выявление инвариантного значения русской модели, ее сочетаемости, а также правил отбора предикатов в эту форму затруднено рядом факторов.

Назовем лишь основные дискуссионные вопросы.

1. Положительная и отрицательная форма русской конструкции устроены несимметрично. В классической работе А. Вежбицкой даже было предложено два разных толкования этой рефлексивной конструкции, соотносимых соответственно с положительным и отрицательным вариантами: 1) непостижимая способность делать что-то хорошо (*Мне хорошо здесь работается*) и 2) и неспособность сделать то, что хочется (*Мне не работается*) (Вежбицка / Wierzbicka 1997: 67).

Это различие закрепляется обязательностью включения в положительную форму оценочных модификаторов⁵, указывающих на гладкость или трудность реализующегося действия (*хорошо, легко, чудесно, непросто, плохо, отвратительно* и под.). Возможны и обстоятельственные выражения, определяющие состояние X, которое он ощущает при совершении действия (Фичи, Жукова / Fichi, Zhukova 2012: 29), напр. *Работалось ему весело; Молодым жилось там безопасно; Ночью работалось как-то радостнее, злее*. В то же время отрицательный вариант конструкции запрещает включение подобных модификаторов: *Мне сегодня не работалось / всю ночь не спалось*.

Эта несимметричность положительной и отрицательной форм, видимо, связана с тем, что в данной конструкции, по наблюдению Ю. Д. Апресяна, правила взаимодействия отрицания и оценочных наречий действуют особым образом: «указание на особую предрасположенность к действию образует в зна-

⁵ В более новых исследованиях выявлены несколько типов синтаксических конструкций, не требующих оценочных модификаторов в положительной форме, напр. зависимые временные с императивной главной частью: *Люби, пока любишься*, см. далее.

чении этой конструкции так называемый слабый смысл, который элиминируется отрицанием или наречием со значением 'плохо': *Х-у сегодня не работается* <*плохо работается*> = 'Сегодня Х находится в таком состоянии, когда работа у него идет плохо или совсем не идет'. Как видно из этого описания, *Х-у не работается* и *Х-у плохо работается* почти синонимы. Наречие *хорошо* и его синонимы тоже не создают нового смысла, а лишь усиливают уже имеющийся смысл 'хорошо, легко'» (Апресян / Apresyan 2005: 9–10).

2. В отрицательных формах не всегда очевидно, действительно ли субъект реализует действие Р (или хотя бы делает попытку его реализовать). В большинстве случаев пресуппозиция осуществления Р просматривается в контексте, как в (20.а.–б.), хотя имеются и примеры типа (20.в.):

20.а. *Пужинал, почитал газету, посмотрел телевизор и лёг спать. Не спалось.* (А. Слаповский).

б. *Пробовала читать – не читалось* (Л. Кабо).

в. *Что-то мне не фотографируется в последнее время... Да и в общем фотографировать-то нечего.* (G)

По Апресяну, семантический компонент *Х делает Р*, образуя пресуппозицию, сохраняется при отрицании: «не отрицается, что Х работал или по крайней мере пытался работать» (Апресян / Apresyan 2005: 9). Г. Зельдович же характеризует временную отнесенность отрицательных форм как «мерцающую». «Фразы вроде *Мне не пишется / не работается / не спится* совместимы и с предположением, что говорящий, соответственно, не пишет, не работает, не спит, и с предположением, что он все-таки это делает – только не так успешно, как хотелось бы, и, вероятно, урывками. Иными словами, подобные конструкции оставляют нас в неведении, имела или не имела место ситуация, а если имела, то на всем ли релевантном временном отрезке или только на отдельных его подинтервалах» (Зельдович / Zeldovich 2017: 46).

В этом определении отсутствие значения *Х делает Р* в *Мне не пишется / не работается* предполагается в ситуации, когда субъект действия и не начинал писать, работать. Приводит ли такое «перспективное» толкование к совпадению русской и болгарской отрицательной конструкции? Нам представляется, что не приводит. В русской модели, даже при кажущейся невыраженности смысла *Х делает Р*, сохраняется идея о том, что у субъекта состояния имеются или нет соответствующие внутренние ресурсы⁶ для успешности/неуспешности Р. Русская конструкция предполагает, что говорящий если и не пытался что-то делать, то, по крайней мере, «примеривал» на себя это процесс, мысленно оценивая свои внутренние силы, свою «непостижимую способность» (или неспособность) что-

⁶ «...на Х-а действует неподконтрольная ему неясная сила, дающая ему внутренние ресурсы, чтобы совершать действие Р» (Зельдович / Zeldovich 2017: 39).

то делать хорошо. Отрицанию подвергается именно идея наличия таких ресурсов для осуществления Р. Таким образом, в русской модели значение желания не возникает даже при невыраженности идеи о совершении действия.

Так, в русских примерах (21.) речь идет не об отсутствии желания разговаривать, грустить, любить или восхищаться, а об отсутствии сил, о неспособности погрузиться в эти действия и состояния. Болгарская же модель полностью ориентирована на дезитеративную семантику и ничего не говорит о достаточности / недостаточности внутренних ресурсов субъекта для Р (22.): *не ми се разговаря*; *не ми се влюбва*; *не ми се обича* означают, что субъект не чувствует желания вступать в разговор (22.а.) или испытывать состояния влюбленности и любви (22.б.–в.). В примере (22.в.) представлены ЖК не только с глаголом *обичам*, но и другими глаголами состояний (*страдам*, *изтръпвам*, *съчувствам*, *съпреживявам*), а также ЖК с глаголами действий (*догонвам*, *наранявам*).

21.а. *Вечером разговоров было мало: все улеглись спать довольно рано – не разговаривалось.* (П. Козлов)

б. *Не грустится, и не любится, и не восхищается, как раньше.* (G)

22.а. *<Те или не разбираха въпроса ни, или не бяха обърнали внимание,> или просто бързаха и не им се разговаряше.* (Хр. Стоева, G)

<...> или они просто спешили и им было не до разговоров (букв. не разговаривалось).

б. *На мен въобще не ми се влюбва, предпочитам да съм здрава.* (G)

Мне вообще не хочется влюбляться, предпочитаю быть здоровой.

в. *Не ми се обича, страда, изтръпва, догонва, наранява, съчувства, съпреживява.* (G)

Мне не хочется любить, страдать, цепенеть, догонять, ранить, сочувствовать, сопереживать.

Лишь окказионально в русском языке небольшая группа предикатов слабобонтролируемых процессов (*дремать*, *плакать*), т.е. тех физиологических потребностей, которые субъект может попытаться сдержать, допускает желательную трактовку, выражая неконтролируемую потребность погружения в состояние (23.а.). В то же время этими же глаголами можно выразить и основную («деятельностную») семантику (23.б.–в.):

23.а. *А она, прикорнув рядышком, будет внимать и дремать – да и ему дремлет после сытного ужина.* (А. Слаповский)

б. *Так сладко дремлется.*

в. *...Но я плачу не для вас: мне просто плачется.* (И. Гончаров)

Правила отбора предикатов в русскую модель достаточно отчетливы. Бесспорным положением является наибольшая приемлемость глаголов с при-

знаками «контроль» (см. сноску 4), «продолжительность», «непредельность», т.е. лучшими кандидатами для образования данной модели признаются глаголы действий (актуальных деятельности, контролируемых гомогенных процессов, в терминологии Ю. Д. Апресяна – «занятий» (Апресян /Apresyan 2005: 16)), а также глаголы обобщенных деятельности, ср. оттуда же пример: *Ему в это утро хорошо бегалось при *Ему хорошо бегалось за хлебом.*

Иначе говоря, это те глаголы, которыми можно выразить «времяпровождение», – непредельный процесс, которым поглощен субъект. Глаголы, способные осмысляться с этим значением, могут, по крайней мере окказионально, занять место в данной модели. Также и изначально переходный глагол, попадая в эту модель, «мигрирует в семантический класс «занятий»» (Зельдович / Zeldovich 2017: 47).

Поэтому русская модель, в принципе, допускает широкий набор глаголов, переосмысленных как «времяпровождение». Особую радушность к приему нестандартных предикатов показывает синтаксическая структура типа *Люби, пока любитесь* и вопросительные предложения с *Как (Каково)* (Летучий / Letuchij 2014: 387–388). А. А. Градинарова отмечает высокую активность именно этих моделей еще в словаре Даля (Градинарова / Gradinarova 2017: 105): *Каково (вам) служится?; Каково соперничается?; Каково шутится?*

Многоактные глаголы *икать, зевать* (реже другие – *чихать, кашлять*) обычно не переосмысляются как «времяпровождение», а обозначают продолжительные и/или интенсивные неконтролируемые физиологические процессы.

24.а. *Спать хочешь? – грустно спросил Матвей. – Нет, это так, от скуки зевается.* (М. Горький)

б. *А вот мне никогда не икается от обильного питания.* (Е. Романова, Н. Романов)

в. *Как позже писал в своём дневнике юнга Земляникин, туземцы долго упрашивали капитана Селёдкина показать им тех муравьёв, от которых так мощно чихается морякам.* (В. Лебедев)

В то же время эти же глаголы могут быть переосмыслены и как занятие, и таким образом получать типичное значение модели *X-у P-ся*:

25. *Осенний дождь стучал однообразно в окна, самовар шептал какую-то усыпительную легенду; свечи горели тускло... В такие минуты в деревне особенно приятно зевается.* (Е. Гребенка)

Подведем **промежуточные итоги**. Основные отличия рефлексивно-дательных форм в русском и болгарском языках состоят в следующем.

1) Русская конструкция предполагает, что субъект состояния уже совершает (совершал, делал попытку совершить) действие, к которому испытывает предрасположенность, ощущая внутренние ресурсы для этой деятельности (состояние «непостижимой способности что-то делать хорошо» (Вежбицка / Wierzbicka 1997: 67)).

Болгарская модель имеет перспективную ориентацию, т. е. подразумевает настроенность на предполагаемое действие (*Ядеше му се*) или на возобновление текущего действия (*Още му се ядеше*). Этой временной отнесенностью болгарская модель сближается с русской конструкцией с *хочется*, ср. формулировку Г. А. Золотовой различий между русскими предложениями *Ему (не) гулялось* и *Ему (не) хотелось гулять*: в первом примере «расположенность / нерасположенность субъекта к действию ощущается им в процессе начатого действия», а во втором – «желательность / нежелательность названного действия может осознаваться субъектом и в процессе действия и до него» (Золотова / Zolotova 1998: 125).

2) Русская конструкция имеет, в основном, семантику актуального «временного проведения», будь то деятельность или пребывание в состоянии; конструкция сообщает о расположенности субъекта осуществлять это удачно/неудачно, гладко/с трудом и под.

Значение болгарской формы связано с желанием субъекта; его стремление к Р имеет характер необъяснимой внутренней потребности, часто – прихоти. В отрицательной форме это может быть и просто выражение нежелания Р (*Не ми се разговаря*), хотя многие примеры все же сохраняют значение прихоти как вздорного внутреннего порыва, каприза. См. и экзотический пример Д. Савовой: нежелание полицейского исполнять служебный долг возможно выразить глаголом желания *Не ми се иска да арестувам X*, но не посредством ЖК, в то же время можно представить себе ситуацию, когда свое внутреннее состояние так выразит самовластный шеф полиции какого-нибудь глухого местечка: *Днеска съм в добро настроение и не ми се арестува* (Савова / Savova 2018: 14).

3) С этими различиями связаны и правила отбора глаголов в данную форму: для русского языка важна способность глагола осмысляться как «временное проведение», включая пребывание в состоянии, а потому наиболее значим признак «длительность». Для болгарского языка этот признак нерелевантен. Так же и признаки «предельность» и «моментальность», ограничивающие отбор русских предикатов, для построения болгарских ЖК не являются определяющими.

Активность разных семантических классов предикатов в болгарской модели может существенно различаться, но значительные ограничения имеются лишь на глаголы устойчивых признаков. Глаголы иных классов, даже нехарактерные для ЖК моментальные неконтролируемые действия («происшествия»), могут быть включены в данную модель в контексте снятого утверждения или в превентивных контекстах.

Для обоих языков важными условиями допуска глагола в данную форму являются такие семантические признаки предиката, как «контролируемость» и «личный субъект» (ср. Димитрова / Dimitrova 2015: 34; Апресян / Апресян 2005: 9–10; Зельдович / Zeldovich 2017: 40). Можно предположить, что для

русской модели они более строгие. В частности, русская конструкция сообщает о внутренних ресурсах к осуществлению действия у человека, в то время как болгарская способна описывать стремление к удовлетворению (физиологических) потребностей и животного мира.

4) Расхождение в пресуппозитивном компоненте определяет разную синтаксическую сочетаемость русских и болгарских моделей.

Включение оценочных модификаторов возможно только в русской модели (в ее положительной форме). Для болгарского языка они и в положительной форме невозможны: желание не может быть охарактеризовано ни с точки зрения его успешности/неуспешности, легкости или трудности, ни по каким-л. другим признакам, которые характеризуют сам процесс или состояние субъекта во время этого процесса. Модификации поддается лишь интенсивность желания субъекта, причем не по шкале 'мало' – 'много', а, как и при любом выражении желания, а в рамках диапазона по шкале 'норма Р' vs. 'сильное Р' (Апресян /Apresyan 1995: 439), с преобладанием модификаторов сильного желания / нежелания, напр. *страшно ми се спи* – страшно хочется спать, *адски ми се пуши* – ужасно хочется курить, *хич не ми се работи* – ну никак не хочется работать, включая местоименные интенсификаторы: *как ми се пуши* – как хочется курить.

Различается значение локативных обстоятельств: в русской конструкции они имеют обуславливающее значение, указывая причины или условия успешного или неуспешного протекания процесса: *На даче мне лучше работается*, а в болгарском языке они употребляются при глаголах движения и имеют обычное значение места-цели:

26. *Не му се ходеше до прозореца. Не му се сядаше зад бюрото. Най-хубаво е да вземе един хексадорм и да се наспи поне веднъж като хората... – Не хотелось подходить к окну, не хотелось садиться за письменный стол. Самое лучшее – принять таблетку гексадорма и хоть раз выспаться по-человечески.* (П. Вежинов, пер. Л. Лихачева)

Среди временных модификаторов в обеих моделях наибольшей активностью пользуются показатели кратности (*пак, отново / опять, снова*), возобновляемости и прерывания (*повече, още не, вече не / дальше, больше не, еще не, уже не*). Допускаются показатели длительности и актуальные дейктические показатели. Насколько расхождение в семантике конструкций проявляется в наборе временных уточнителей, требует отдельного исследования; кроме того, для положительных и отрицательных форм эти возможности будут различны.

5) Для русской модели наличие дативного компонента необязательно. Это приводит, в частности, к таким последствиям, как неясность референциального статуса экспериенцера (определенный или обобщенный) и рискам омонимии с другими возвратными конструкциями (Летучий / Letuchij 2014: 368), но также и к сближению с одним из значений болгарского субъектного имперсонала (*Тук се спи добре. – Здесь хорошо спится*).

Болгарский субъектный имперсонал (о термине см. Плунгян / Plungyan 2011: 293–298) значительно отличается от ЖК своими семантическими и синтаксическими характеристиками: он не содержит указания на экспериенцера, не имеет желательного значения, допускает наличие оценочных модификаторов (Пенчев / Penchev 1984: 103–104; 2001: 86–93 и др.). Сближаясь по этим характеристикам с русскими рефлексивными моделями без датива, субъектный имперсонал в то же время отличается от них тем, что его основное значение – модальное и узуальное (*Тук не се паркира.* – Здесь нельзя парковаться; *Тук се работи бавно.* – Здесь обычно работают медленно; *Тук се пие много и по всякакъв повод.* – Здесь пьют много и по любому поводу). Если обобщенный участник в конструкциях субъектного имперсонала может быть истолкован как предполагающий и конкретного субъекта, т.е. в немодальном и неузуальном употреблении и с включением модификаторов, характеризующих процесс, происходит сближение русских и болгарских рефлексивных моделей без датива. Ср. переводческую пару (27.) и другие примеры из параллельных текстов в разделе 5.2.

27. *Искаш ли да ти дам ключа от вилата?... Там се работи най-хубаво.* – *Хочеш, я дам тебе ключи от дачи? Там очень хорошо работается.* (П. Вежинов, пер. Л. Лихачева)

б) Различаются и морфологические правила вхождения глагола в рефлексивно-дативные конструкции: в русском языке это, в основном, непереходные глаголы или абсолютное употребление переходных глаголов, в болгарском языке переходность не только не имеет блокирующего характера, но и позволяет поднимать объект желания в позицию подлежащего. В русском языке экспликация объекта возможна лишь в моделях без датива, с у-локализатором: *У меня статья не пишется* (Летучий / Letuchij 2014: 371–373).

Добавим также, что в сопоставительных работах отмечаются стилистические различия данных моделей (Георгиев / Georgiev 1990: 82; Рожновская / Rozhnovskaya 1959: 408–414; Градинарова / Gradinarova 2007): в русском языке многие образования представляют собой нестандартные, авторские употребления или игру с формой. Если же обратиться только к примерам без намеренного, целенаправленного синтаксирования, то оказывается, что список глаголов, работающих в этой конструкции, не так уж и велик (см. о лексикализации этой модели в русском языке (Норман / Norman 1972: 69; Георгиев / Georgiev 1990: 80). Болгарская ЖК имеет большую стилистическую свободу; круг общеупотребительных желательных конструкций в болгарском языке довольно широк.

В разделе ниже мы покажем, как решают русские и болгарские переводчики проблемы, связанные с различием данных рефлексивно-дативных конструкций в сопоставляемых языках.

5. Переводческие решения в параллельных корпусах

В этом разделе мы покажем решения, выбираемые русскими и болгарскими переводчиками при передаче на родной язык рассмотренных выше рефлексивно-дативных моделей. Материалом для исследования послужили по 60 примеров на каждую конструкцию, выбранные из русско-болгарского и болгарско-русского корпусов на платформах НКРЯ и ВТУ, а также из корпуса параллельных текстов ParaSol, см. список источников.

5.1. Перевод желательной конструкции на русский язык

1. Как и можно было ожидать, основным решением русских переводчиков, за неимением полного эквивалента ЖК, является выбор русской безличной конструкции **хочется + инфинитив**:

28.а. *И двамата мълчаха, не им се говореше.* – *Оба молчали, говорить не хотелось.* (П. Вежинов, пер. Л. Лихачева)

б. *Той бе музикален, но сега не му се слушаше никак.* – *Он был музыкален, но сейчас ему совсем не хотелось слушать музыку.* (И. Вазов, пер. В. Володин)

в. *Не бях хапнал нищо на обяд, но не ми се ядеше.* – *Я совершенно ничего не ел в обед, но мне и не хотелось есть.* (А. Гуляшки, пер. А. Никольский)

Использование этой русской конструкции позволяет решать проблему перевода болгарских ЖК, включающих предельные глаголы: в модели с *хочется* нет ограничений на предельные действия:

29. ... *Просто не им се прибираше в тясната задушна стая.* – ...*В тесный и душный номер не хотелось даже возвращаться.* (П. Вежинов, пер. Л. Лихачева)

Примеры из обратного корпуса показывают те же параллели. В тех случаях, когда в русской конструкции с *хочется* использованы глаголы совершенного вида, параллель с ЖК не используется⁷. Исключение представляют собой случаи видовой трансформации русских делимитативов, ср. рус. *поспать* и болг. *спя*:

30. *Не считаят се с тем, что тебе поспать хочется.* – *Не щат да знаят, че ти се спи.* (Н. Островский, пер. Л. Стоянов)

2. **Личная форма глагола хотеть + инфинитив**, как показывают тексты болгарско-русского корпуса, не используется как функциональное соответствие болгарской желательной конструкции.

⁷ В таких случаях перевод осуществляется через модель с желательным глаголом, разрешающую совершенный вид зависимого предиката: *Я бы хотел пройти на завод, повидать ребят.* – *Искаше ми се да вляза в завода, да видя колегите* (А. Рыбаков. Пер. З. Петрова).

Несколько примеров с личной формой *хотеть* как параллелью с ЖК зафиксированы в обратном, русско-болгарском корпусе, причем только с глаголами, обозначающими физиологические потребности: *спать, есть, пить, курить*:

31.а. ... *Вспомнил, что давно **хочет курить**, вытащил сигарету и закурил. – Редрик си спомни, че отдавна **му се пуши**, извади цигара и запали.* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, пер. М. Асадуров)

б. *Он что-то мне говорил, но я **хотела спать** и не слушала. – Той ми говореше нещо, но на мен **ми се спеше** и не слушах.* (Л. Соловьёв, пер. И. Костов, Р. Русев)

3. Хорошей функциональной параллелью для отрицательной формы болгарской ЖК являются предложения с предикативом **неохота** + **инфинитив**. Однако разговорный характер этого предикатива мешает широкому использованию данной модели как постоянного эквивалента.

32.а. ...*Ако **не ви се работи**, може да си вървите! – ...Если **вам неохота работать**, можете идти!* (А. Гуляшки, пер. С. Драгомирецкий)

б. ***Неохота** мне лазить по обрывам. – **Не ми се катери** по урвите.* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, пер. С. Владимиров)

4. Зона желания в русском языке представлена значительным количеством предикатов, но в анализируемых корпусах они практически не употребляются. Так, единично использован глагол *желать* (в неавтореферентном контексте: *не му се учи – учиться не желает*), а также дериват *желание* с отрицательным бытийным предикатом *нет* (33.):

33. *Тоя път искам в „Екзелсиор“. – А, не, **не ми се ходи** чак до Лидо – възражава кисело кавалерът. – Сегодня я бы не прочь съездить в «Эксельсиор». – В Лидо? У меня **нет** никакого **желания** ехать в такую даль, – кисло възражава кавалер.* (Б. Райнов, пер. А. Собкович)

5. Встает вопрос, почему же при переводе не используются ближайшие синонимы *хотеться*, а именно **тянуть, подмывать, не терпеться** (Апресян / Apresyanyan 2004: 1254–1255) с их подчеркнутой семантикой необъяснимого желания?

Глагол **тянуть**, содержащий в своей семантической структуре идею подсознательности желания, его внутреннюю (не обусловленную внешними обстоятельствами) природу⁸, является, казалось бы, наиболее близким синонимом болгарской ЖК.

⁸ Объект (экспериенцер) «ощущает на себе действие некоторой силы, которая нематериальна и, к тому же, иррациональна» (Кустова / Kustova 2004: 178).

Тем не менее глагол *тянуть*, по данным корпуса, не используется в качестве переводческого соответствия ЖК. Это может объясняться, конечно, небольшим размером параллельных корпусов⁹. Но есть и факторы, препятствующие их эквивалентности. Они связаны как с семантическими, так и с синтаксическими особенностями глагола *тянуть*.

Этот глагол, в отличие от болгарской ЖК, часто выражает «идею влечения субъекта в какое-л. интересующее его место или к какому-л. человеку» (Апресян / Aprèsyan 2004: 1255), что обуславливает возможность непредикативных способов реализации валентности содержания – предложно-именными сочетаниями со значением конечной точки перемещения или цели. В таком случае в переводах используются болгарские эквиваленты для *тянуть* – *тегля* или *влека* / *привличам*, реже – трансформации, включающие глаголы желания, см. пары из НКРЯ:

- 34.а. *Его тянуло на базар, в толпу. – Теглело го към пазара, сред тълпата.*
- б. *Его все больше и больше тянуло к этому человеку. – Него все повече и повече го привличаше тоя човек.*
- в. *Зверей тянуло к привычному ночлегу. – Зверовете искаха да пренощуват на обичайното си място.*

Другой особенностью *тянуть*, отличающей его от ЖК, являются разные предпочтения этих конструкций к предикатам того или иного семантического типа. Во-первых, *тянуть* мало подходит для обозначения некоторых физиологических состояний, **тянуло пить / есть / дремать*. Для *тянуть* характерна более широкая, чем у ЖК, сочетаемость с предикатами речевых действий, сложных ситуаций с предикатами деятельности, см. пример (35.а.), где речь идет не только о желании писать письма, но и желании «писать их одно за другим, без остановки». Способность сочетаться с предикатами совершенного вида также расширяет сферу употребления *тянуть* (35.б.).

- 35.а. *Я боюсь надоест тебе своими бесконечными письмами – меня тянет писать их одно за другим, без остановки, иначе я не выдержу. – Страх ме е да не ти омръзна с честите си писма – чувствавам неопределимо желание да ги пиша едно след друго, без да спирам, иначе няма да издържа. (Ч. Айтматов, пер. М. Златанова)*
- б. *Неживое все кругом какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься на этой осине у мостика. – Всичко наоколо някак мъртвешко*

⁹ Напомним, что в выборку не вошли инхоативные дериваты от ЖК, но они вообще малочисленны (12 употреблений в параллельных текстах НКРЯ), а также безличные формы глаголов *искам* и *ща*, которые, как было сказано, мы не включаем в ЖК, т.к. в них значение желания выражается с помощью желательного глагола.

*и толкова унило, че просто **ти иде** да се обесиш на трепетликата при мостчето.* (М. Булгаков, пер. Л. Минкова)

Русское **не терпиться** (безл. форма *не терпится*), не имеющее прямых эквивалентов в болгарском¹⁰, как и предикат **подмывать** (безл. *подмывает*), отличаются значительным набором смысловых признаков, которые отсутствуют как в *хочется*, так и в болгарской ЖК; среди них, прежде всего, «импульс в немедленному и скорому осуществлению желания», интенсивность желания, «готовность к активным действиям» (Апресян / Apresyana 2004: 1255–1258).

Эта интенсивность желания и высокая степень готовности объясняет тот факт, что при переводе происходит выбор не ЖК, а других средств. Так, в НКРЯ **не терпиться** преимущественно представлено в болгарских текстах как параллель глагольно-именным сочетаниями с предикатами нетерпения: *горя от нетърпение* – сгорать от нетерпения, *умирам от нетърпение* – умирать от нетерпения, *нямам търпение* – нет терпения, *мъчеше го нетърпение* – его мучило нетерпение, *не може да се стърпи* – невозможно вытерпеть, *не може да трае* – невозможно терпеть, см. лишь некоторые из этих переводов в (36.а.–б.). Реже употреблены безличные рефлексивные желательные глаголы (*ще ми се, иска ми се*) вместе с наречиями скорейшего совершения действия *по-скоро, час по-скоро* и интенсивности желания *много*, напр. (36.в.):

36.а. *Ах, как **мне не терпелось** узнать, что там с Юрой. – **Горях от нетърпение** да разбера какво става с Юра.* (Т. Полякова, пер. И. Митева)

б. *Прибыл первый после распутицы этап, и **им не терпелось** узнать, нет ли здесь своих. – Беше пристигнала първата група, откак що-годе бе за-схнал пътят насам, и те **нямаха търпение** да разберат дали с нея не идват техни хора.* (А. Рыбаков, пер. З. Петрова)

в. *Меня переполняло возмущение, к тому же **не терпелось** вернуться во двор и поискать там сумку. – Преливах от възмущение, пък и вече **много ми се щеше** да се върна в двора и да потърся чантата си там.* (Т. Полякова, пер. И. Митева)

Такое же активное состояние выражает глагол *подмывать*: желание человека стимулируется и разжигается трудно определимым, но мощным импульсом, подталкивающим его к немедленному совершению действия (Там же). Эти компоненты семантики чужды болгарской ЖК.

Таким образом, в корпусах в качестве основной переводческой параллели болгарской ЖК выступает, как и ожидалось, модель с безличным глаголом хо-

¹⁰ Болгарская рефлексивная форма *търпи се* не является отдельной лексемой и, будучи результатом диатезного преобразования невозвратного глагола, семантически не отличается от исходного *търпя*.

чается. Она не является точным соответствием для болгарской ЖК, но выбирается за неимением более адекватного варианта.

Удачным функциональным эквивалентом для отрицательной болгарской ЖК мог бы выступать предикатив *неохота*, который, выражая «каприз» субъекта, адекватно передает соответствующий семантический компонент в значении ЖК, но его разговорная окраска препятствует активному использованию в переводах.

В то же время русские предикаты той же семантической зоны, что и *хотеть*, в частности, ближайшие синонимы *тянуть*, *подмывать*, *не терпеться*, вообще не представлены как переводческие параллели, – этому препятствуют, как было показано, дополнительные компоненты их значения, не пересекающиеся со значением болгарской ЖК.

В данном разделе мы не анализировали те немногочисленные случаи, когда в качестве переводческого соответствия в русских переводах используются рефлексивно-дательные конструкции, эти примеры мы рассмотрим в конце следующего раздела.

5.2. Конструкция *X-у P-ся* в русско-болгарском параллельном корпусе

Передача на болгарский язык русской рефлексивно-дательной модели представляет собой серьезную переводческую проблему. В болгарском языке нет конструкции с близкой семантикой, поэтому значение русской модели передается набором разных средств. Материал показывает, что выбор этих средств во многом определяется наличием/отсутствием оценочных модификаторов и/или датива в русской конструкции *X-у P-ся*.

1. При переводе **утвердительных предложений** с оценочными наречиями болгарские переводчики пользуются прежде всего предложениями, которые включают личный предикат, называющий процесс, с наречиями гладкости или удачности его реализации, см. примеры (37.а.–б.), или указывающими на удобство нахождения в положении (37.в.). При таком переводе отчетливо выражается предполагаемый русской моделью пресуппозитивный семантический компонент *X делает P*, но использование личных глаголов нивелирует идею неподконтрольности ощущения («непостижимой способности что-то делать хорошо» (Вежбицка / Wierzbicka 1997: 66–67):

37.а. *Мне плохо работается при дневном свете, и вообще я не люблю ясной, солнечной погоды. – Лошо работя, когато в очите ми блести слънцето, изобицо не обичам ясни слънчеви дни.* (П. Вежинов, пер. М. Тарасова)

б. *Но Бостон и Эрназар были истинными трудягами и потому родственными душами. Оттого и работалось им дружно и согласно, и понимали они друг друга с полуслова. – Ето защо работеха задружно и в съгласие, разбираха се от половин дума.* (Ч. Айтматов, пер. М. Златанова)

в. Вернулся за Сашкой, пощупал, **как ему ложится**, снова выволок тележку на дорогу. – Върна се за Сашка, провери опипом **добре ли си лежи**, пак измъкна каручката на пътя. (А. Приставкин, пер. З. Петрова)

См. также: *насколько хорошо живется счастливым – колко хубаво си живеят щастливците; живется матери туго – майката живее тежко; мне дышалось свободно и глубоко – дишах леко и свободно.*

2. Идея неподконтрольности может быть передана через безл. **върви ми** ‘успешно идет, ладится, спорится’ или третьеличный глагол **удава(т) ми се** (рус. удается / удаются):

38.а. Мне всегда как-то **лучше работается** за городом, в особенности весной. – Не знам защо, но винаги **по ми върви работата** извън града, особено пролетно време. (М. Булгаков, пер. Л. Минкова)

б. Ему было до жути сладостно, что именно сегодня, когда **играется** так **хорошо**, Вия Парчевская тихой скромницей сидела рядом. – Беше му ужасно приятно, че именно днес, когато така **хубаво му върви свиренето**, Вия Парчевска тихо и скромно седи наблизо. (В. Пикуль, пер. Ю. Пенева-Павлова)

в. **Лучше всего ему работалось** с «белой святого Иована» и «змеиной кровью». – **Най-добре му се удавали** „бялото на свети Иван“ и „драконовата кръв“. (М. Павич, ParaSol)

Те же способы используются при переводах вопросов к оценочному модификатору: *Как работается? – Върви ли работата?; Ты даже не спросишь, как мне спалось. – Дори няма да ме попиташ как съм спала.*

3. **Русские предложения без датива** (как положительные, так и отрицательные), допускающие толкование с обобщенным субъектом, могут переосмысляться в болгарском языке как субъектный имперсонал. Оценочное наречие при этом сохраняется (39.а.), но может и быть заменено конструкцией с модальным глаголом (39.б.):

39.а. И он стал писать, и писалось легко, как **легко плачется** на плече друга. – И той почна да пише, пишеше леко, както **леко се плаче** на рамото на приятел. (Н. Полевой, пер. К. Георгиева)

б. Своды высокие, **хорошо дышится**. – Сводове им са високи, **може да се диша** (букв. можно дышать). (В. Суворов, пер. Б. Мисирков)

4. **Отрицательная русская модель** не включает оценочных модификаторов. Решения, которые принимают болгарские переводчики для выражения идеи о внутреннем состоянии, не дающем возможность делать Р, о состоянии отсутствия «внутренних ресурсов» (Зельдович / Zeldovich 2017) для выполнения Р, тоже хорошо иллюстрируют ту часть семантики русской модели, которая связана с пресуппозицией *Х делает Р*, напр. *по расчету, должна она заснуть сразу; прилегла, попыталась спать* в примерах ниже.

В качестве переводческих соответствий выбираются либо предложения с модальными глаголами, указывающими на невозможность осуществления действия: *не можеше (да заспи), не можa (да стане)*, напр. (40.а.–б.), либо устойчивые конструкции со значением (не)наступления состояния: *сън не (ме) хваща / лови, сънят не идва* (сон не берет), напр. (40.в.–г.), которые не имеют, в отличие от болгарской ЖК, проспективной семантики, предполагая неудачную попытку совершить действие.

40.а. *Ему все не спалось.* – *Той все не можеше да заспи.* (Ф. Достоевский, пер. Г. Константинов)

б. *Попробовал встать, не встается. И ноги не идут.* – *Опита да стане, не можa.* *И краката му не искат да вървят.* (А. Приставкин, пер. З. Петрова)

в. *По расчету, должна она уснуть сразу. Но не спится.* – *На пръв поглед би трябвало веднага да заспи. Но сън не я хваща.* (В. Суворов, пер. Б. Мисирков)

г. *Прилегла, попыталась спать, но не спалось.* – *Полегна, помъчи се да заспи, но сънят не идваше.* (А. Приставкин, пер. З. Петрова)

5. Вопросы с отрицанием, построенные по модели *Чего тебе не Р-ся?*, как замечено А. Летучим, отклоняются от типичной семантики рассматриваемой конструкции. Спрашивающий, зная о неспособности или нежелании адресата делать Р, скорее, недоумевает «Что тебе (Х-у) мешает делать Р?» (Летучий / Letuchij 2014: 388–389). См. и в переводах:

41.а. *Чего тебе по ночам не спится?* – *буркнула я. — Защо не спиш посреднощ? – избоботих.* (Т. Полякова, пер. И. Митева)

б. *И чего ему тут не живется? На работу шибко не посылаем.* – ... *Кво не му харесва туканка? На работа дин го не пращаме.* (А. Рыбаков, пер. З. Петрова)

6. Рефлексивно-дативные конструкции в обоих языках используются в переводах в тех (редких) случаях, когда нет отчетливых указаний на то, совершается ли действие или оно лишь является предметом желания:

42.а. *Николай Петрович Солуха давал мне какие-то капельки, да все не спится.* – *Николай Петрович Солуха ми дава някакви капки, но все не ми се спи.* (В. Пикуль, пер. Ю. Пенева-Павлова)

б. *Пей, товарищ, покуда пьется, горе жизни заливай,* – *запел Саша любимую песню Марка.* – *Пий, другарю, дорде ти се пие, на живота мъките залей!* – *запя Саша любимата песен на Марк.* (А. Рыбаков, пер. З. Петрова)

В данной работе мы не останавливаемся на разнообразных трансформациях, используемых переводчиками. Однако отдельного комментария заслуживает пример (43.), в котором хорошо проиллюстрированы различия рефлексив-

но-дативных моделей обоих языков. В болгарском тексте имеется гипотетический контекст (*ако се опънех на канаето, щях да се въртя като... – ... если бы я лег на диван, я бы вертелся как...*), предполагающий, что Х еще не лег. Русский переводчик использовал конструкцию *мне не спалось* вместо модели с желательным глаголом (*не хотелось спать*), но это потребовало изменить темпоральный план, что и произведено заменой гипотетического контекста реальным, ср. *Когда я лег на диван...* (Х уже лег):

43. *Търках пустиите си зъркели с opakoto на дланта, както правят децата, когато ги налегне сън. Но не ми се спеше, ако се опънех на канаето, щях да се въртя насам и натам като някакъв жалък неврастеник. – Я тер тыльной стороной ладони свои проклятые зенки, как это делают дети, когда их клонит ко сну. Но мне не спалось. Когда я лег на диван, я начал вертеться с боку на бок, словно какой-то жалкий неврастеник.* (А. Гуляшки, пер. А. Никольский)

6. Заключение

В работе рассмотрены центральные средства выражения желания в болгарском языке на фоне русского. Показано, что глаголы *хотеть* и *искам* представляют собой и в личной, и в безличной формах межъязыковые эквиваленты (*хотеть – искам, хочется – иска ми се*). В то же время еще одна важная для семантической зоны «желание» болгарская т.н. желательная конструкция не имеет эквивалента в русском языке. Несмотря на то, что она последовательно передается в параллельных текстах конструкцией с *хотеться* (для которой в болгарском языке уже имеется полный эквивалент – модель с *иска ми се*), последняя не отражает специфику ЖК, связанную с ощущением неконтролируемой потребности или влечения к некоторому действию или состоянию, часто имеющих характер прихоти или каприза (особенно в положительной форме). Адекватным способом перевода хотя бы для отрицательных ЖК могла бы считаться конструкция с предикативом *неохота* + инфинитив, однако разговорный характер рус. *неохота* мешает широкому использованию данной модели как постоянного эквивалента.

Анализ переводных двуязычных пар показывает также, что лексемы, входящие в синонимический ряд «хотеться», почти не используются для передачи желательной конструкции: они включают смысловые компоненты, отсутствующие в ЖК; имеются также грамматические ограничения для каждой из моделей, препятствующие их реализации даже в качестве нерегулярных соответствий.

Проанализированы семантические и грамматические отличия ЖК от русской рефлексивно-дативной конструкции. Материал параллельных корпусов подтверждает их несходство. Переводы показывают также, что русская модель *Мне не работается* не имеет в болгарском языке единого или даже предпоч-

тительного переводческого соответствия. Таким образом, и желательная конструкция болгарского языка, и – в еще большей степени – рефлексивно-дательная конструкция русского языка являются *лакунарными моделями* в паре языков «болгарский-русский».

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двусторонне сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

Цитируемая литература / References

- Apresyan 1995: Апресян, Ю. *Избранные труды: в 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры. (Apresyan, Yu. *Izbrannye trudy: in 2 vol. Vol. II: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury.)
- Apresyan 2004: Апресян, Ю. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах. (Apresyan, Yu. *Novyj obyasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Moskva; Vena: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manah.)
- Apresyan 2005: Апресян, Ю. О Московской семантической школе. – В: *Вопросы языкознания*, № 1, с. 2–28. (Apresyan, Yu. O Moskovskoj semanticheskoi shkole. – In: *Voprosy yazykoznanija*, № 1, pp. 2–28.)
- Bulygina, Shmelev 1997: Булыгина, Т., А. Шмелев. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Языки русской культуры. (Bulygina, T., A. Shmelev. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki)*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury.)
- Georgiev 1969: Георгиев, И. Структурни и семантични взаимоотношения при една безлична конструкция в българския и руския език. – В: *Език и литература*, № 2, с. 33–40. (Georgiev, I. Strukturni i semantichni vzaimootnosheniya pri edna bezlichna komstruktsiya v balgarskiya i ruskiya ezik. – In: *Ezik i literatura*, № 2, pp. 33–40.)
- Georgiev 1990: Георгиев, И. *Безличные предложения в русском и болгарском языках*. София: Народна просвета. (Georgiev, I. *Bezlichnye predlozheniya v russkom i bolgarskom yazykakh*. Sofia: Narodna prosveta.)
- Gradinarova 2007: Градинарова, А. Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия. – В: *Acta Linguistica*, vol. I, № 1, с. 41–54. (Gradinarova, A. Bolgarskij sub'ektnyj impersonal i ego russkie funktsional'nye sootvetstviya. – In: *Acta Linguistica*, vol. I, № 1, pp. 41–54.)
- Gradinarova 2017: Градинарова, А. *Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков*. София: Изток-Запад. (Gradinarova, A. *Ocherki po sopostavitel'nomu sintaksisu bolgarskogo i russkogo yazykov*. Sofia: Iztok-Zapad.)

- Dimitrova 2015: Димитрова, М. Оптативните конструкции в съвременния български език: свобода и ограничения в образуването им. – В: *Български език*, Кн. 3, с. 25–37. (Dimitrova, M. Optativnite konstruksii v savremenniya balgarski ezik: svoboda i ogranicheniya v obrazuvaneto im. – In: *Balgarski ezik*, Book 3, pp. 25–37.)
- Dzhonova 2003: Джонова, М. *Изречения със семантичната роля експериментер в съвременния български език*. Автореферат на дисертация. Софийски университет „Св. Климент Охридски“. София. (Dzhonova, M. *Izrecheniya sas semantichnata rolya eksperientser v savremenniya balgarski ezik*. Avtoreferat na disertatsiya. Sofiyski universitet „Sv. Kliment Ohridski“. Sofia.)
- Fichi, Zhukova 2012: Фичи, Ф., Н. Жукова. О грамматико-семантических свойствах конструкций типа Вчера мне легко работалось. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 23, с. 18–38. (Fichi, F., N. Zhukova. O grammatiko-semanticheskikh svojstvakh konstrukcij tipa Vchera mne legko rabotalos'. – V: *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 23, s. 18–38.)
- Ivanova 2014: Ivanova, E. Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian. – In: Howard, D., T. Volodina, Y. Zhang and R. Green (eds.), *ICELAIC 2014: Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication*, Zhengzhou, pp. 427–431.
- Ivanova 2016: Иванова, Е. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериментера в болгарском языке. – В: Циммерлинг, А., Е. Лютикова (ред.). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*, Москва: ЯСК, с. 332–368. (Ivanova, E. Bezlichnye predlozheniya s obyazatel'nym mestoimennym vyrazheniem eksperientsera v bolgarskom yazyke. – In: Zimmerling, A., E. Lyutikova (ed.). *Arxitektura klauzy v parametricheskix modelyax: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*, Moskva: YaSK, pp. 332–368.)
- Ivanova 2021: Иванова, Е. „Желателни“ конструкции в българския език и руските им съответствия. – В: Коева С., М. Стаменов (съст.). *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин»*. Т. 2. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 141–150. (Ivanova, E. „Zhelatelni“ konstrukcii v balgarskiya ezik i ruskite im saotvetstviya. – V: Koeva S., M. Stamenov (comp.). *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferenciya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andrejchin”*. Т. 2. Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 141–150.)
- Ivanova et al. 2021: Иванова Е., М. Джонова, С. Лесева. Инхоативная деривация в болгарском языке: предикаты состояний и их производные. – В: *Acta Linguistica Petropolitana*, № 17(3), с. 218–287. (Ivanova E., M. Dzhonova, S. Leseva. Inhoativnaya derivaciya v bolgarskom yazyke: predikaty sostoyanij i ih proizvodnye. – V: *Acta Linguistica Petropolitana*, № 17(3), pp. 218–287.)
- Koeva 2004: Коева С. Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език. – В: Пенчев Й. и др. (ред.). *Българско езикознание*. Т. 4: *Когнитивна граматика на българския и френския език — описание и формализация*, София: Изд-во на БАН, с. 182–231. (Koeva S. Semantichno i sintaktichno opisanie na diatezite v balgarskiya ezik. – In: Penchev Y. et al. (ed.) *Balgarsko ezikoznanie*, vol. 4: *Kognitivna gramatika na balgarskiya i frenskiya ezik — opisanie i formalizatsiya*, Sofia: Izd-vo na BAN, pp. 182–231.)

- Коева 2005: Коева С. Синтактични трансформации. – В: Коева С. (съст.). *Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение*. София: Изд-во СЕМА РШ, с. 106–138. (Koeva. S. Sintaktichni transformatsii. – In: Koeva S. (comp.). *Argumentna struktura. Problemi na prostoto i slozhното izrechenie*. Sofia: SEMA RSH, pp. 106–138.)
- Korytkowska 1992: Korytkowska, M. *Gramatyka konfrontatywna bulgarsko-polska*, t. 5, cz. 1: Типу pozycji predykatoowo-argumentowych, Warszawa. 1992.
- Kustova 2004: Кустова, Г. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки славянской культуры. (Kustova, G. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury.)
- Letuchij 2014: Летучий, А. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы. – В: Дмитренко С., Н. Заика (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, Т. X, Ч. 3, *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filiodedicata*. СПб.: Наука, с. 365–395. (Letuchij, A. *Mezhdu passivom i dekauzativom: russkie modal'nye passivy*. – In: Dmitrenko S., N. Zaika (ed.) *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskix issledovanij RAN*, vol. X, Part 3, *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filiodedicata*. SPb.: Nauka, pp. 365–395.)
- Norman 1972: Норман, Б. *Переходность. Залог. Возвратность*. Минск. (Norman, B. *Perekhodnost'. Zalog. Vozvratnost'*. Minsk.)
- Paducheva 1996: Падучева, Е. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва, „Языки русской культуры“. (Paducheva, E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moskva.)
- Paducheva 1997: Падучева, Е. Феномен Анны Вежбицкой. – В: Вежбицка А. *Язык, культура, познание*. Москва, с. 5-28 (Paducheva, E. Fenomen Anny Vezhbitskoj. – In: *Wierzbicka A. Jazyk, kul'tura, poznanie*. Moskva, pp. 5–28.)
- Penchev 1984: Пенчев Й. *Строеж на българското изречение*. София. (Penchev J. *Stroezh na balgarskoto izrechenie*. Sofia.)
- Penchev 2001: Пенчев, Й. Едносъставни изречения. – В: Коева, С. (съст.). *Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, с. 86–93. (Penchev, Y. *Ednosastavni izrecheniya*. – In: Koeva, S. (comp.). *Savremenni lingvistichni teorii: Pomagalo po sintaksis*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izd-vo, pp. 86–93.)
- Petrova 2006: Петрова, Г. *Семантически роли на кратките дателни местоимения*. Бургас: Димант. (Petrova, G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya*. Burgas: Dimant.)
- Plungyan 2011: Плунгян, В. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва. (Plungyan 2011: Plungyan, V. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. Moskva.)
- Rivero 2003: M. L. Rivero. Reflexive clitic constructions with datives: syntax and semantics. – In: W. Browne, J. –Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). *Formal approaches to Slavic linguistics II. The Amherst Meeting*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, pp. 469–494.

- Rozhnovskaya 1959: Рожновская, М. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке. – В: Бернштейн, С. (ред.). *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*, Москва: Изд-во АН СССР, с. 379–432. (Rozhnovskaya, M. Bezlichnye predlozheniya v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke. – In: Bernshtejn, S. (ed.). *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka*, Moskva: Izd-vo AN SSSR, pp. 379–432.)
- Savova 2018: Савова, Д. Синтактични конструкции с логически субект ‘глагол + ми се’ в българския език. – В: *Slavia Meridionalis*, № 18, с. 1–21. (Savova, D. Sintaktichni konstrukcii s logicheski subekt ‘glagol + mi se’ v balgarskiya ezik. – V: *Slavia Meridionalis*, № 18, pp. 1–21.)
- Wierzbicka 1997: Вежбицка, А. *Язык, культура, познание*. Москва: Русские словари. (Wierzbicka, A. *Yazyk, kul'tura, poznanie*. Moskva: Russkie slovari.)
- Zeldovich 2017: Зельдович, Г. Русская возвратная дативная конструкция: невыразимый субъект, дефокусирование составляющих ситуации и проблема композициональности. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 2 (34), с. 29–62. (Zel'dovich, G. Russkaya vozvratnaya dativnaya konstrukciya: nevyrazimyj sub»ekt, defokusirovanie sostavlyayushchih situacii i problema kompozicional'nosti. – V: *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 2 (34), pp. 29–62.)
- Zolotova 1998: Золотова, Г., Н. Онипенко, М. Сидорова. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва. (Zolotova, G., N. Onipenko, M. Sidorova. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva.)

Источники

- Български национален корпус (БНК): <http://dcl.bas.bg/bulnc/>
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ): <http://ruscorpora.ru>
- Успореден корпус на руски и български текстове: http://rbcorpus.com/search_form.php
- Русско-болгарский и болгарско-русский параллельный корпус: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=bul/>
- Параллельный корпус славянских языков ParaSol: <http://parasolcorpus.org/>
- Google (G)

Predicates of volition in the Bulgarian language in contrast with Russian

Elena Ivanova

St. Petersburg State University

e.y.ivanova@spbu.ru

Abstract

This paper discusses the basic means of expressing desire in the Bulgarian language in comparison with Russian. The main focus is on the Bulgarian dispositional constructions, e.g. (*Танцува ми се; не ми се прибува* (*I feel like dancing, I do not want to go home*), which do not have a direct equivalent in Russian. The specific structure of the Bulgarian dispositional constructions is analyzed against the background of the lexical means of expressing desire: both by personal and by impersonal verbs. On the basis of evidence from parallel corpora, I show how the lack of exact correspondences between the two languages is overcome in translation. Another important task of the study is to reveal the semantic and grammatical differences between the Bulgarian dispositional constructions and the reflexive-dative Russian model (*Мне (не) работается* (*I do not feel like working*), which expresses a state of predisposition to an action. I demonstrate that the two constructions in focus, although similar at first glance, have significant grammatical and semantic differences. The analysis of parallel texts suggests that both constructions do not have a direct translation equivalent in the target language, and that the Russian model does not even have a regular translation correspondence.

Keywords: *predicates of volition, dispositional ("feel-like") constructions, reflexive dative constructions, uncontrollability, impersonality, translation*

Elena Ivanova

DSc Prof.

St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb.

St. Petersburg, 199034 Russia

e.y.ivanova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1604-0088>

ПРЕДИКАТЫ ВОСПРИЯТИЯ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТАНТЫ

Мария Овсянникова^а, Христина Кукова^б

Институт лингвистических исследований, Российская академия наук^а,
Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките^б

masha.ovsjannikova@gmail.com^а, hristina@dcl.bas.bg^б

Резюме. В исследовании рассматриваются предикаты восприятия в болгарском и русском языках. Предметом исследования являются такие употребления, в которых объектом восприятия является ситуация, выраженная подчиненным предложением. Исследование проведено с особым вниманием к аспектуальным свойствам глаголов. Выявляются соответствия и расхождения в употреблении глаголов восприятия в обоих языках, с учетом реализации разных союзов и конструкций.

Ключевые слова: глаголы восприятия, сентенциальные актанты, аспектуальность, время, ментальная сфера, экспериенцер

1. Введение

В лингвистической литературе глаголы восприятия традиционно делятся на группы в зависимости от того, какой из органов чувств задействован в восприятии: выделяются глаголы зрительного, слухового, тактильного, обонятельного и вкусового восприятия (Viberg 1983; 2001; Вежбицкая / Vezhbitskaya 1986: 338). Глаголы каждой из этих групп описывают ситуации, в которых воспринимающий участник – экспериенцер – с помощью того или иного органа чувств обрабатывает внешний стимул, являющийся объектом или ситуацией (Verhoeven 2007: 49). С синтаксической точки зрения глаголы восприятия делятся на глаголы с подлежащим-экспериенцером (*видеть, слушать*) и с подлежащим-стимулом (*слышаться, изглеждам*). Глаголы с подлежащим-экспериенцером могут описывать неагентивное восприятие (*слышать, виждам*) или агентивное (*нюхать, гледам*), ср. (Viberg 2001: 1296).

* Мария Овсянникова, Христина Кукова. Предикаты восприятия в болгарском и русском языках и их сентенциальные актанты. – В: Св. Коева, Е. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 458–484.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.16>

Настоящее исследование посвящено употреблению базовых неагентивных глаголов зрительного и слухового восприятия с сентенциальными дополнениями в болгарском и русском языках¹. Как показало типологическое исследование А. Виберга (Viberg 1983), глаголы, описывающие эти два типа восприятия, можно поместить на две первых позиции в иерархии лексикализации восприятия, которая основана на том, какие типы восприятия могут выражаться в языках одним и тем же глаголом, а также на частотности употребления глаголов, называющих разные типы восприятия. Н. Д. Арутюнова отмечает, что русские глаголы *слышать* и *видеть* «борются за первенство в иерархии чувств, за передел сфер влияния и особенно за право на получение эпистемического значения» (Арутюнова / Arutyunova 1998: 416–417) и приводит диахронические свидетельства изменения сферы употребления этих глаголов. Ограничение материала исследования употреблением неагентивных глаголов связано с тем, что при них шире представлена конкуренция между существующими в двух языках стратегиями оформления сентенциальных дополнений. Рассматриваемые глаголы болгарского и русского языков представлены в Таблице 1.

Глаголы зрительного восприятия		Глаголы слухового восприятия		Вид глагола
БГ	РУС	БГ	РУС	
<i>виждам</i>	<i>видеть</i>	<i>чувам</i>	<i>слышать</i>	НСВ
<i>видя</i>	<i>увидеть</i>	<i>чуя</i>	<i>услышать</i>	СВ

Таблица 1. Соответствие рассматриваемых неагентивных глаголов зрительного и слухового восприятия по видам в русском и болгарском языках

Тремя основными способами оформления сентенциальных дополнений при этих глаголах в болгарском языке являются союзы *че*, *как* и *да*, в русском языке – *что*, *как* и *чтобы*, см. параллельные примеры (1.–3.).

¹ Связь между выбором союза и видом глаголов зрительного восприятия *видеть* – *увидеть* и *виждам* – *видя* была объектом сопоставительного исследования (Кукова, Овсянникова / Kukova, Ovsyannikova 2022), где обсуждались аспектуальные характеристики этих глаголов и их связь с дистрибуцией союзов. В настоящей статье мы расширяем объект исследования, включив глаголы слухового восприятия, и предлагаем значительно более детальный анализ аспектуальности глаголов, а также употребления их временных форм.

1. а. **Видях, че** иска да отстъпи, но се отказа от туй усилие и туловището му се залюля нацяло. (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. **Я видел, что** он хотел отпрянуть, но отказался от этого усилия и только покачнулся. (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

2. а. **Я слышал, как** Мнено умолял Броуна пощадить меня. (А. Р. Беляев, «Хойти-Тойти», 1930)

б. **Чувах как** Мнено моли Браун да ме пощади. (Александър Беляев, „Хойти-Тойти“, пер. Златко Стайков)

3. а. **Да сте виждал** дядо ви **да** е принасял нещо на софрата? (Павел Вежинов, „Нощем с белите коне“, 1975)

б. **Видели** вы когда-нибудь, **чтоб** ваш дед подавал на стол? (Павел Вежинов, «Ночью на белых конях», пер. Л. Лихачева)

В центре внимания находится вопрос о связи между распределением этих союзов и аспектуальностью и временем глагола восприятия. Как мы показываем ниже, аспектуальное соотношение глаголов в приведенных парах существенно различается в болгарском и русском языках. Временные системы двух языков также устроены по-разному. Наша цель состоит в том, чтобы выявить, как эти различия отражаются в употреблении союзов, а также обнаружить закономерности, общие для двух языков.

Исследование проведено на материале болгарско-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). На основании анализа параллельных контекстов мы устанавливаем соответствия между глаголами, их временными формами и аспектуальными интерпретациями, союзами и другими элементами конструкций в двух языках. Мы рассматриваем частотность различных соответствий между языками и стремимся обнаружить случаи статистически значимой связи.

Изложение в статье организовано следующим образом. Во второй части представлены содержащиеся в литературе сведения о семантике и распределении союзов в двух языках. Третья часть посвящена анализу аспектуальности исследуемых глаголов, а именно сходствам и различиям их свойств в двух языках. Четвертая часть сосредоточена на распределении союзов *как* и *что / че*, а пятая – на союзах *да* и *чтобы*. Шестой раздел подводит итоги исследования.

2. Распределение союзов в двух языках

В языках мира различные типы сентенциальных дополнений часто бывают противопоставлены с точки зрения таких признаков, как реальность / ирреальность, фактивность, гипотетичность подчиненной клаузы (Noonan 2007: 102–111).

Эти признаки играют роль и в распределении союзов при глаголах восприятия в русском и болгарском языках.

В русском языке эти признаки противопоставляют союз *чтобы*, вводящий ирреальные сентенциальные дополнения (4.), союзам *что* и *как*, клаузы с которыми являются реальными и фактивными² (5.–6.), см. (Кобозева / Kobozeva 1988; Летучий / Letuchij 2021: 281).

4.а. – *Не съм го видял ни веднаж да влезе в заведение...* (Богомил Райнов, „Няма нищо по-хубаво от лошото време“, 1971)

б. – *Я ни разу не видел, чтобы он зашел в кафе...* (Богомил Райнов, «Что может быть лучше плохой погоды?», пер. А. Собкович)

5.а. *Однако, перелистнув страницы, увидел, что рукопись не особенно старая.* (Борис Акунин, «Ф. М.», 2006)

б. *Но като прелисти ръкописа, видя, че не е много стар.* (Борис Акунин, „Ф. М.“, пер. София Бранц)

6.а. *Крыса и ему не понравилась, я слышала, как он вполне отчетливо охнул, а потом выразился крайне неприлично, то есть нецензурно, но я решила не обращать на это внимания, раз уж я без сознания.* (Татьяна Полякова, «Миллионерша желает познакомиться», 2002)

б. *Стас също не хареса плъха и го чух как възкликна на висок глас, а после се изрази крайно неприлично, в смисъл нецензурно, но реших да не обръщам внимание на това, тъй като вече бях дошла в съзнание.* (Татяна Полякова, „Милионерша търси запознанство“, пер. Ива Митева)

В болгарском языке ирреальные сентенциальные дополнения в общем случае вводятся союзом *да*³ (4.), однако сфера употребления болгарского союза *да* шире, чем у русского союза *чтобы*, поскольку он способен вводить и реальные сентенциальные дополнения (7.), см. (Коева / Koeva 2019: 66, Иванова / Ivanova 2022: 169–172). К. Алексова и Й. Тишева усматривают «неопределенный параметр истинности» (Алексова, Тишева / Aleksova, Tisheva 2000: 99). Й. Пенчев отмечает, что в случаях, когда прямое дополнение и дополнительная клауза совместимы (т.е. второстепенное предложение поясняет прямое дополнение), то употребление союзов *че* / *да* / *как* не приводит к какой-либо разнице в зна-

² О возможной ослабленной фактивности клауз с союзом *как* пишет А. Б. Летучий: «если союз *что* в контексте глаголов восприятия всегда фактивен, то при *как* фактивность может быть ослаблена» (Летучий / Letuchij 2021: 285). Он приводит примеры с отрицанием (*Что-то я никогда не видел, как ты смеешься*), которые предполагают, что говорящий не был свидетелем ситуации и снимает с себя ответственность определения ее истинности (Там же). Таким образом, в таких контекстах союз *как* сближается с союзом *чтобы*.

³ Как отмечает А. Градинарова, «исчезновение болгарского инфинитива приводит к значительному увеличению синтаксических значений *да*-конструкции» (Градинарова / Gradinarova 2017: 268–269).

чении, ср. *Чух го, че / да / как нита за тебе* (Пенчев / Penchev 1998: 109–112). Р. Ницолова связывает фактивность с грамматическими значениями лица, числа, времени и наклонения глагола в главном предложении (Ницолова / Nitsolova 2008: 264–268).

7.а. *Виждах ги понякога да играят общо зар в кухните.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Мне случалось иногда видеть, как они вместе играют в кости.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

Распределение союзов *как* и *че* в болгарском и *как* и *что* в русском связано с противопоставлением непосредственно воспринимаемой ситуации и ментального вывода, основанного на воспринятой ситуации. Это противопоставление является типологически распространенным и обсуждается в литературе в различных терминах, см. описание подходов, представленных в англоязычной литературе, в (Boye 2010). В частности, М. Нунан, выделяя глаголы непосредственного восприятия в отдельный класс матричных глаголов, отмечает, что во многих языках эти глаголы употребляются и как глаголы (получения) знания и эти два значения могут требовать разных способов оформления сентенциального дополнения (Noonan 2007: 142–144).

Л. Митковска и Е. Бужаровска обсуждают распределение болгарских союзов *как* и *че* при глаголах восприятия (Mitkovska, Buzharovska 2021) в терминах противопоставления непосредственного и ментального восприятия. С. Коева (Коева / Koeva 2021: 19) отмечает, что союз *как* скорее подчеркивает процесс, а не факт, описываемый сентенциальным дополнением. Согласно Р. Ницоловой (Ницолова / Nitsolova 2008: 266), влияние на семантику сентенциального дополнения может оказывать и иллокутивная сила главного предложения. Так, при вопросительном главном предложении союз *че* будет связан с пресуппозицией фактивности, а *да* – с пресуппозицией нефактивности: субъект только делает предположение о той ситуации, которая выражена зависимой клаузой, ср. *Знаете ли вы, что кто-то уже писал на эту тему? – Знаете ли вы, чтобы кто-то писал на эту тему?*

Для русского языка семантические различия между союзами *как* и *что* описаны, в частности, в статье (Кобозева / Kobozeva 1988), согласно которой сентенциальные дополнения с союзом *как* соответствуют представлению («ситуация[,] явленная сознанию субъекта восприятия» (Там же: 87)), а сентенциальные дополнения с союзом *что* – суждению, вынесенному на основании воспринятой ситуации, или факту⁴. Грамматические особенности сентенциальных

⁴ Для этого противопоставления также используются пары терминов «факт» и «событие» (Арутюнова / Arutyunova 1988: 152–188) и «факт» и «ситуация» (Зализняк / Zaliznyak 1992: 34–42).

дополнений с союзом *как* заключаются в том, что они не могут содержать клаузульное отрицание и не могут относиться ко времени после ситуации, описываемой глаголом восприятия (Кобозева / Kobozeva 1988).

Противопоставление непосредственного восприятия ситуации и ее ментальной обработки играет существенную роль в предлагаемой нами интерпретации различий, связанных с аспектуальными и временными характеристиками глаголов.

3. Аспектуальные свойства глаголов

С точки зрения деривационных отношений в обоих парах болгарских глаголов базовыми являются перфективные глаголы (*видя* и *чуя*), а имперфективы *виждам* и *чувам* морфологически производны. В русском языке, наоборот, базовыми являются имперфективы *видеть* и *слышать*, а *увидеть* и *услышать* – их приставочными дериватами. Это различие между языками наблюдается и в соотношении частотности глаголов – более частотны базовые глаголы каждой из пар, – и в их аспектуальном устройстве, которое определяет и соответствие между глаголами в параллельных контекстах.

Основное различие между болгарскими и русскими глаголами касается аспектуальных интерпретаций имперфективного глагола при референции к прошедшему. Вслед за Ю. П. Князевым (Князев / Knyazev 2007: 371–372) и Е. В. Падучевой (Падучева / Paducheva 1998: 44–46), мы противопоставляем синхронную и ретроспективную точку зрения на ситуацию⁵. Синхронная точка зрения предполагает взгляд на ситуацию «изнутри», в отдельный момент ее протекания, как в примере (8.). При ретроспективной точке зрения ситуация описывается «извне», как завершенная. В частности, ретроспективная точка зрения представлена в общефактических (9.) и единично-фактических (10.) употреблениях русских глаголов НСВ, см. (Князев / Knyazev 2007: 62).

8.а. *Саша притянул ее к себе, поцеловал в мягкие губы, она закрыла глаза, он слышал, как бьется ее сердце...* (А. Н. Рыбаков, «Дети Арбата», 1966–1983)

б. *Саша я привлече, целуна меките ѝ устни, тя затвори очи и той чу как бие сърцето ѝ...* (Анатолий Рыбаков, „Децата на Арбат“, пер. Здравка Петрова)

⁵ В отличие от Ю. П. Князева, мы рассматриваем в качестве отдельного типа и выносим за рамки рассмотрения многократные ситуации, как в следующем примере:

i. *Чувахме ги как обливат с ласкателства често невзрачни жени, кланят им се, водят ги за ръка.* (Вера Мутафчиева, 1966–1967, „Случаят Джем“)

ii. *Мы слышали, как осыпают любезностями часто совершенно невзрачных женщин, отвечивают им поклоны, подают руку.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

9.а. *Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными; но я раз **видел**, как он плакал над умирающим солдатом...* (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», 1839–1841)

б. *Обикновено Вернер скришом се надсмиваше над своите болни; но веднъж **видях как** плачеше над умиращ войник...* (Михаил Лермонтов, „Герой на нашето време“, пер. Христо Радески)

10.а. *Левий был в толпе и **слышал**, как прокуратор объявил приговор.* (М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», 1929–1940)

б. *Леви беше в тълпата и **чу как** прокураторът обяви присъдата.* (М. А. Булгаков, „Майстора и Маргарита“)

Как показывают примеры (8.–10.), при синхронной точке зрения в обоих языках используются глаголы восприятия НСВ, однако в контекстах, где русские глаголы НСВ *видеть* и *слышать* описывают ситуацию с ретроспективной точки зрения, им соответствуют болгарские глаголы СВ *видя* и *чуя* (временные формы болгарских глаголов обсуждаются ниже). Это соотношение может быть связано с тем, что, как отмечает Ю. П. Князев (Князев / Knyazev 2007: 379–384), способность глаголов НСВ обозначать завершённые действия, в целом характерная для славянских языков, особенно развита в русском. В то же время глаголы *видеть* и *слышать*, по-видимому, используются при ретроспективной точке зрения на ситуацию в большей степени, чем многие другие русские глаголы НСВ. Так, при подстановке в контекст (10.а.) глагола агентивного восприятия для ретроспективной точки зрения скорее использовался бы глагол СВ, а глагол НСВ предполагал бы синхронную интерпретацию и скорее использовался бы с зависимой клаузой с глаголом НСВ, ср. сконструированный пример (11.).

11. *Левий был в толпе и **послушал** / [?]**слушал**, как прокуратор объявил приговор.*

Русские глаголы СВ *увидеть* и *услышать* в конструкциях с сентенциальными дополнениями описывают либо начало восприятия длительной ситуации (12.), либо восприятие моментальной ситуации (13.). В параллельных болгарских контекстах также используются глаголы СВ.

12.а. *Она вышла, и он **услышал**, как она спокойным звонким голосом разговаривает с Уно.* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий, «Трудно быть богом», 1964)

б. *Тя излезе и той **чу как** със спокоен звънлив глас разговаряше с Уно.* (Аркадий Стругацки, Борис Стругацки, „Трудно е да бъдеш бог“, пер. Симеон Владимиров)

13.а. *Ника взглянул на Сашу, **увидел**, как у той задрожали губы, и быстро добавил. – Но не будем торопиться.* (Борис Акунин, «Ф. М.», 2006)

б. Погледна към Саша, **видя как** ѝ затрепериха устните и веднага додаде: – Но да не бързаме. (Борис Акунин, „Ф. М.“, пер. София Бранц)

То, что в части интерпретаций русским глаголам НСВ соответствуют болгарские глаголы СВ, можно видеть и по распределению глаголов в параллельных контекстах, представленному в Таблице 2.

	<i>видеть</i>	<i>увидеть</i>	Доля НСВ
<i>виждам</i>	189	4	0,98
<i>видя</i>	153	220	0,41

	<i>слышать</i>	<i>услышать</i>	Доля НСВ
<i>чувам</i>	56	1	0,98
<i>чуя</i>	45	50	0,47

Таблица 2. Соответствие болгарских глаголов восприятия русским в параллельных контекстах

Как показывает Таблица 2, болгарским глаголам НСВ *виждам* и *чувам* почти всегда соответствует глагол НСВ в русском языке, в то время как болгарским глаголам СВ почти в половине случаев соответствует глагол НСВ.

В контекстах, где в болгарском языке употреблены глаголы СВ *видя* и *чуя*, распределение видов русских глаголов различно для разных конструкций, как показано в Таблице 3.

	<i>видеть</i>	<i>увидеть</i>	Доля НСВ
<i>видя как</i>	75	45	0,62
<i>видя, че</i>	63	160	0,28
<i>видя да</i>	15	15	0,5

	<i>слышать</i>	<i>услышать</i>	Доля НСВ
<i>чуя как</i>	20	18	0,53
<i>чуя, че</i>	18	23	0,44
<i>чуя да</i>	7	9	0,4

Таблица 3. Распределение болгарских глаголов СВ в разных конструкциях и их соответствия в русских параллельных контекстах

Как видно из Таблицы 3, с точки зрения распределения русских глаголов наиболее ярко противопоставлены конструкции с глаголом *видя* и союзами *как*

и *че*: конструкции с союзом *как* чаще соответствуют конструкциям с глаголом НСВ *видеть* (14.), в то время как конструкциям с союзом *че* в русском языке гораздо чаще соответствует глагол СВ (15.). Для глагола слухового восприятия *чуя* это различие также наблюдается, однако оно гораздо менее выражено. Распределение русских глаголов в контекстах, где в болгарском языке употреблен союз *да*, не следует какой-либо последовательной закономерности.

14.а. *Она слышала, как он прошагал под окнами, бормоча какие-то ругательства, как окликал собаку <...>* (Чингиз Айтматов, «Плаха», 1987)

б. *Гулюмкан го чу как мина под прозорците, като си мърмореше някакви ругатни, как повика кучето <...>* (Чингиз Айтматов, „Голгота“, пер. Минка Златанова)

15.а. *Когато вдигна глава, видя, че тя идееше към него, държейки голямата кутия с цигари в ръцете си.* (Димитър Димов, „Осъдени души“, 1945)

б. *Он поднял голову и увидел, что она идет к нему с большой коробкой сигарет в руках.* (Димитр Димов, «Осужденные души», пер. Т. Рузская)

В следующем разделе обсуждается распределение союзов *как* и *че* / *что* в связи с аспектуальными и временными характеристиками глаголов восприятия. Один из вопросов, на которые мы постараемся ответить в результате этого обсуждения, заключается в том, за счет каких контекстов наблюдается отмеченное выше различие между конструкциями в распределении русских глаголов СВ и НСВ. Также мы постараемся объяснить, почему для глаголов зрительного восприятия это различие гораздо более значительное, чем для глаголов слухового восприятия.

4. Распределение союзов *как* и *что* / *че*

Прежде чем перейти к анализу аспектуальных и временных свойств глаголов, с которыми связано распределение союзов, мы обратимся к частотности употребления глаголов с каждым из союзов, ограничив выборку только оригинальными текстами на соответствующем языке. Эти данные отражены в Таблице 4.

	<i>как</i>	<i>че</i>	Доля <i>как</i>
<i>виждам</i>	31	27	0,53
<i>видя</i>	44	77	0,36

	как	че	Доля как
<i>видеть</i>	85	118	0,42
<i>увидеть</i>	25	101	0,20

	как	че	Доля как
<i>чувам</i>	6	5	0,5
<i>чуя</i>	10	16	0,4

	как	че	Доля как
<i>слышать</i>	58	21	0,7
<i>услышать</i>	13	14	0,5

Таблица 4. Частотность употребления глаголов восприятия с союзами *как* и *че* / *что* в оригинальных текстах

Как показывает Таблица 4, в обоих языках и для обоих типов восприятия глаголы НСВ чаще употребляются с союзом *как*, чем глаголы СВ. Поскольку эта связь проявляется в обоих языках, несмотря на различия в аспектуальных свойствах глаголов, можно предположить, что она обусловлена аспектуальным значением, которое является общим для болгарских и русских глаголов НСВ. Это значение – описание текущей ситуации в настоящем (16.) или, чаще, синхронная точка зрения, т.е. описание ситуации «изнутри», в прошедшем (17.).

16.а. *Я вижу, как прозрачные живые краны, согнув журавлиные шеи, вытянув клювы, заботливо и нежно кормят «[Интеграл]» страшной взрывной пищей для двигателей.* (Е. И. Замятин, «Мы», 1920)

б. *Виждам как прозрачните живи кранове извиват шии като жерави, протягат клюнове, грижливо и нежно хранят ИНТЕГРАЛА със страшната взривна храна за двигателите.* (Евгений Замятин, „Ние“, пер. Росица Бърдарска)

17.а. *Он слышал, как бешено стучит ее сердце.* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий, «Трудно быть богом», 1964)

б. *Той чуваше как сърцето ѝ лудо бие.* (Аркадий Стругацки, Борис Стругацки, „Трудно е да бъдеш бог“, пер. Симеон Владимиров)

Связь глаголов СВ с союзами *че* и *что* также можно объяснить общим в аспектуальном значении этих глаголов в двух языках – способностью описывать начало восприятия (18.).

18.а. – *Какви мерки! – сега **видях, че** и брат Д’Обюсон е способен на чисто човешка злоба.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. – *Какие меры! – Я **увидел, что** и брат Д’Обюссон способен на чисто человеческую злость.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

Таким образом, союз *как* связан с описанием текущей ситуации с помощью глаголов НСВ, что согласуется с семантикой непосредственного восприятия ситуации: в таких контекстах ситуация восприятия и наблюдаемая ситуация протекают параллельно (17.). Союзы *че* и *что*, предполагающие ментальную обработку воспринятой ситуации, чаще употребляются с глаголами СВ, т.е. в контекстах, описывающих переход экспериенцера в новое состояние, осознание некоторого факта (18.).

Для дальнейшего обсуждения аспектуальных и временных свойств глаголов существенно различие между глаголами зрительного и слухового восприятия в том, какой семантикой могут обладать конструкции с союзом *че / что*. Как упоминалось выше, союзы *че* и *что* при глаголах восприятия предполагают ментальную обработку стимула, вводят клаузу, соответствующую заключению, которое экспериенцер делает на основании воспринятой ситуации. Подобная семантика регулярно передается в контекстах с глаголами зрительного восприятия (19.).

19.а. *Он **видел, что** Липман его боится, ничего в этом особенного нет – его все боятся.* (А. Н. Рыбаков, «Дети Арбата», 1966–1983)

б. ***Виждаше, че** Липман се страхува от него, в това нямаше нищо особено – всички се страхуваха.* (Анатолий Рибакон, „Децата на Арбат“, пер. Здравка Петрова)

Сентенциальное дополнение с союзами *че* и *что* при глаголах слухового восприятия также может соответствовать инференции, основанной на воспринимаемой ситуации (20.), однако чаще такие конструкции описывают получение информации от другого лица (21.).

20.а. *След малко го **чух, че** натиска бравата.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Немного погодя я **услышал, что** он пробует открыть дверь.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

21.а. *Ты **слышала**, конечно, **что** он находится в нашем городе; <...>* (Л. В. Соловьев, «Повесть о Ходже Насреддине. Возмутитель спокойствия», 1940)

б. *Ти, разбира се, си **чувала, че** той се намира в нашия град; <...>* (Леонид Соловьев, „Повест за Настрадаин Ходжа. Смутителят на спокойствието“, пер. Атанас Далчев, Стоян Бакърджиев)

Распределение употреблений глаголов слухового восприятия с союзами *че* и *что* с точки зрения семантики конструкции представлено в Таблице 5.

	Инференция	Получение информации от другого лица	Доля употреблений с семантикой инференции
<i>чувам, че</i>	10	21	0,3
<i>чуя, че</i>	14	14	0,5
<i>слышать, что</i>	11	21	0,3
<i>услышать, что</i>	16	4	0,8

Таблица 5. Семантика конструкций с глаголами слухового восприятия и союзами *че* и *что*

Как видно из Таблицы 5, глаголы НСВ чаще используются для описания получения информации от другого лица, глаголы СВ – для описания инференции на основе воспринимаемой ситуации, ср. (20.–21.). Как мы покажем ниже, эти два значения конструкций с глаголами слухового восприятия и союзами *че* и *что* необходимо учитывать и при анализе распределений различных временных форм и аспектуальных интерпретаций. Сначала мы рассмотрим глаголы НСВ, затем – СВ.

Большинство форм глаголов восприятия НСВ составляют формы настоящего времени и формы с референцией к прошлому, к которым относится форма прошедшего времени в русском языке и целый ряд форм болгарского языка.

Для глаголов зрительного восприятия НСВ в обоих языках наблюдается различие в частотности этих двух типов форм: в конструкциях с союзами *че* и *что* форма настоящего времени употребляется гораздо чаще, чем в конструкциях с союзом *как*. Глаголы слухового восприятия такого различия в распределении временных форм не демонстрируют. Данные для глаголов этих двух групп представлены в Таблице 6.

	Настоящее время	Формы с референцией к прошлому	Доля настоящего времени
<i>виждам как</i>	14	42	0,25
<i>виждам, че</i>	96	23	0,81
<i>видеть, как</i>	18	93	0,16
<i>видеть, что</i>	70	48	0,59

	Настоящее время	Формы с референцией к прошлому	Доля настоящего времени
<i>чувам как</i>	4	20	0,2
<i>чувам, че</i>	10	21	0,3
<i>слышать, как</i>	16	53	0,2
<i>слышать, что</i>	5	23	0,2

Таблица 6. Распределение временных форм глаголов НСВ

В употреблении глаголов зрительного восприятия в настоящем времени экспериенцером в большинстве контекстов является говорящий или адресат, т.е. это формы 1-го или 2-го лица. Эти контексты в основном относятся к диалогической речи. В них говорящий либо сообщает адресату заключение, основанное на наблюдаемой ситуации (22.), либо указывает адресату на очевидность такого заключения (23.). И в том, и в другом случае на первый план выходит компонент ментальной обработки.

22.а. – *Я вижу, что* нам придется продолжать разговор в другом месте, – злоеце сказал дон Рэба. (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий, «Трудно быть богом», 1964)

б. – *Виждам, че* ще трябва да продължим разговора на друго място – злоеце каза дон Реба. (Аркадий Стругацки, Борис Стругацки, „Трудно е да бъдеш бог“, пер. Симеон Владимиров)

23.а. – *Какво да пиша? Нали виждаш, че* всички спират? – *Не спират само твоите работи* – възрази Стария. (Богомил Райнов, „Тютюневият човек“, 1978)

б. – *А что писать? Сам видишь, что* всё останавливают! – *Останавливают не только твои работы,* – возразил Старик. (Богомил Райнов, «Заядлый курильщик»)

Для конструкций с союзом *как* форма настоящего времени глагола гораздо менее естественна: описание непосредственно воспринимаемой ситуации в диалогическом режиме может быть оправданно только в особых условиях (например, в случае если одному из собеседников стимул недоступен). При этом в контекстах с формой настоящего времени глаголов *виждам* и *видеть* и союзом *как* экспериенцером также обычно является говорящий или слушающий. Эти примеры описывают либо восприятие итеративной ситуации (24.), либо воображаемое восприятие (25.), т.е. ситуации, не являющиеся непосредственным восприятием в строгом смысле.

24.а. – *Вижу, как вы ломаете молодые жизни! – Сольц обвел рукой сидевших перед ним ребят. – **Вижу, как** вы их мучаете и терзаете.* (А. Н. Рыбаков, «Дети Арбата», 1966–1983)

б. – *Виждам, че прекъривате младежки съдби! – Солц посочи с широк жест насядалите пред него младежи. – **Виждам как** ги тормозите.* (Анатолий Рибакон, „Децата на Арбат“, пер. Здравка Петрова)

25.а. *Просто те **виждам как** се облизваш като стар мръсен котарак.* (Павел Вежинов, „Нощем с белите коне“, 1975)

б. *Так и **вижу, как** ты облизываешься, словно грязный старый котик.* (Павел Вежинов, „Ночью на белых конях“, пер. Л. Лихачева)

Конструкции с глаголами слухового восприятия и союзами *че* и *что* также редко используются для описания текущего восприятия. В тех случаях, когда они описывают заключение, основанное на воспринимаемой ситуации (26.), в ситуации должен присутствовать какой-либо конкретный звуковой стимул, в то время как при глаголах зрительного восприятия воспринимаемая ситуация может быть гораздо более отвлеченной и не требует непосредственно воспринимаемого стимула, ср. (23.). Это различие указывает на то, что у глаголов зрительного восприятия сдвиг в ментальную сферу гораздо более выражен, чем у глаголов слухового восприятия.

26.а. *Токарь закрывает глаза и дремлет. Немного погодя он **слышит, что** лошадь остановилась.* (А. П. Чехов, «Горе», 1885)

б. *Стругарят затваря очи и дреме. Подир малко **чува, че** конят спира.* (Антон Чехов, „Беда“, пер. Ангел Каралийчев)

Значение получения информации от другого лица, которое для этих глаголов является даже более частотным, встречается в контекстах с формой настоящего времени крайне редко и не совместимо с актуально-длительной интерпретацией.

Как упоминалось в разделе 3, при референции к прошлому русские глаголы НСВ *видеть* и *слышать* широко представлены в контекстах с ретроспективной интерпретацией, т. е. частотно используются в общефактическом (27.) и единично-фактическом (28.) значении.

27.а. *И **видал**, что все это – чистейшее плутовство.* (Л. В. Соловьев, «Очарованный принц. Вторая повесть о Ходже Насреддине», 1954)

б. *И **виждах**, че цялата тая работа е чисто мошеничество.* (Леонид Соловьев, „Повест за Настрадайн Ходжа. Книга втора. Омагьосаният принц“, пер. Иван Костов, Райчо Русев)

28.а. *Утром он **слышал**, как хозяева собираются на работу, притворился спящим и действительно уснул, а когда проснулся, в доме никого не было.* (А. Н. Рыбаков, «Дети Арбата», 1966–1983)

б. *На сутринта чу как хазаите се стягат за работа, престори се, че спи и наистина заспа, а когато се събуди, въщи нямаше никого.* (Анатолий Рибakov, „Децата на Арбат“, пер. Здравка Петрова)

Существует связь между аспектуальной интерпретацией глагола и выбором союза. В Таблице 7 представлены данные о частотности контекстов с синхронной и ретроспективной интерпретацией глаголов в двух типах конструкций.

	Синхронная	Ретроспективная	Доля употреблений с синхронной интерпретацией
<i>видеть, как</i>	49	36	0,6
<i>видеть, что</i>	39	6	0,9
<i>слышать, как</i>	32	16	0,7
<i>слышать, что</i>	3	19	0,1

Таблица 7. Аспектуальные интерпретации форм прошедшего времени глаголов в конструкциях с союзами *что* и *как*

Как показывает Таблица 7, различия между конструкциями наблюдаются при глаголах обоих типов восприятия, однако связь в этих двух случаях противоположная. У глагола *видеть* синхронная интерпретация преобладает в обоих типах конструкций, однако чаще она фиксируется в конструкциях с союзом *что* (29.). В этих конструкциях зависимая клауза обычно описывает ситуацию, которая истинна в точке отсчета, заданной глаголом восприятия. Иными словами, тот факт, который осознает экспериенсер на основании наблюдаемой ситуации, должен иметь место в текущий момент повествования.

29.а. *Виждах, че туй писмо му струва много – Джем смени на няколко пъти цвят и бършеше потно чело.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Я видел, что это письмо стоит ему больших усилий – он несколько раз менялся в лице, то и дело вытирал со лба пот.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

В тех немногочисленных контекстах, где глагол *видеть* с союзом *что* имеет ретроспективную интерпретацию, ситуация, описываемая зависимой клаузой, либо является генерической (30.), либо ее результат наблюдается в текущий момент повествования (31.).

30.а. *А ти видя много добре, че пеперудата дори няма ръце, как би могла тя да се труди?* (Павел Вежинов, „Сините пеперуди“, 1966)

б. *А ты сам видел, что у бабочки нет рук, как она может трудиться?* (Павел Вежинов, «Синие бабочки», пер. Р. Белло)

31.а. – *Виж какво, мойто момиче – отвърнах аз с доста променен тон. – Вие сама **видяхте, че** изпих няколко чаши... Как да се мотая из града в това състояние.* (Павел Вежинов, „Барьерата“, 1976)

б. – *Вот что, девушка, – сказал я уже другим тоном. – Вы сами **видели, что** я выпил не одну рюмку... Как я поеду через весь город в таком состоянии?* (Павел Вежинов, «Барьер», пер. М. Тарасова)

Конструкции с союзом *как* могут описывать ситуацию как «изнутри», параллельно ее протеканию (32.), так и ретроспективно, как завершенную ситуацию в прошлом (33.).

32.а. *Похолодевший от ужаса Ходжа Насреддин **видел, как** вывели они из калитки его возлюбленную.* (Л. В. Соловьев, «Повесть о Ходже Насреддине. Возмутитель спокойствия», 1940)

б. *Изстинал от ужас, Настрадаин Ходжа **видял как** от портата извели изгората му.* (Леонид Соловьев, „Повест за Настрадаин Ходжа. Смутителят на спокойствието“, пер. Атанас Далчев, Стоян Бакърджиев)

33.а. – *Я спрашиваю! – кричал Петр Анисимович и все отгораживался от пламени портфелем. – Вы **видели, как** взорвалось?* (А. И. Приставкин, «Ночевала тучка золотая», 1981)

б. – *Питам ви! – викаше Пьотър Анисимович и все така се бранеше от огъня с чантата си. – **Видяхте ли как** избухна?* (Анатолий Приставкин, „Пренощува облачето златно“, пер. Здравка Петрова)

Основное отличие глагола *слышать*, согласно данным Таблицы 7, заключается в том, что в конструкциях с союзом *что* он в большинстве случаев имеет ретроспективную интерпретацию (34.).

34.а. *Впрочем **чувахме, че** на Запад те още били рядкост, обикновено обществото забавлявали мъже.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Впрочем, мы **слышали, что** на Западе они все еще были редкостью, обычно общество развлекали мужчины.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

Это различие между глаголами в первую очередь связано с тем, что конструкции, описывающие получение информации от другого лица, к которым в основном относятся употребления глагола *слышать* с союзом *что*, не могут иметь синхронную интерпретацию. Все примеры с синхронной аспектуальной интерпретацией описывают инференцию на основе воспринимаемой ситуации.

То различие, которое для глаголов русского языка проявляется в распределении аспектуальных интерпретаций, в болгарском проявляется в частотности употребления глаголов в различных временных формах.

Болгарские глаголы НСВ *виждам* и *чувам* при референции к прошлому в основном используются в форме имперфекта (35.–36.): в этих употреблениях ситуация восприятия описывается с синхронной точки зрения, как протекающая в момент наблюдения.

35.а. *После разлистваше книгата, но аз **виждах** с крайчеца на окоото, **че** не чете, а се взира пред себе си или замислено ме наблюдава.* (Богомил Райнов, „Тютюневият човек“, 1978)

б. *Потом он листал книгу, но краем глаза я **видел**, **что** он сидит, установившись взглядом перед собой, или задумчиво наблюдает за мной.* (Богомил Райнов, «Заядлый курильщик»)

36.а. *Уж бързал да заспи, а после го **чувах** как дълго се върти от страна на страна и затиска въздишките си, за да не ме тревожат.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Делал вид, что торопится лечь, а потом я **слышал**, как он долго ворочается с боку на бок и заглушает вздохи, чтобы не встревожить меня.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

В ряде контекстов с референцией к прошлому эти глаголы употреблены в формах перфекта (37.) и плюсквамперфекта (38.). Эти формы описывают завершённую ситуацию восприятия в прошлом, т.е. предполагают ретроспективную точку зрения. Обычно такие контексты имеют общефактическую интерпретацию: сообщается о факте восприятия ситуации в прошлом, не локализованном во времени.

37.а. *Я сама **видела**, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.* (А. Н. Островский, «Бесприданница», 1878)

б. *С очите си съм го **виждала** как помага на бедните, как раздава всичките пари, които носи в себе си.* (Александър Островски, „Без зестра“, пер. Борис Мисирков)

38.а. ***Бях чувала**, **че** братята тогава показвали Джем в целия му блясък – тъй оправдавали огромните разходи по неговата издръжка.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Я **слышала**, **что** братья показывают тогда Джема во всем его великолепии, тем оправдывая огромные расходы на его содержание.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

Частотность форм имперфекта по сравнению с перфектными формами для этих двух глаголов представлена в Таблице 8.

	Имперфект	Перфект и плюсквамперфект	Доля перфектных форм
<i>виждам как</i>	33	9	0,2
<i>виждам, че</i>	21	2	0,1
<i>чувам как</i>	18	2	0,2
<i>чувам, че</i>	11	10	0,5

Таблица 8. Распределение форм с референцией к прошлому для болгарских глаголов НСВ

Как показывает Таблица 8, глагол зрительного восприятия *виждам* чуть чаще употребляется в формах перфекта и плюсквамперфекта в конструкциях с союзом *как*. Это различие само по себе не является статистически значимым, однако оно аналогично различию в распределении интерпретаций русского глагола *видеть*: конструкции с союзом *как* чаще имеют ретроспективную интерпретацию, чем конструкции с союзом *че*. У глагола слухового восприятия *чувам*, наоборот, частотность перфектных форм выше в конструкциях с союзом *че*. Эти конструкции в большей части контекстов описывают получение информации от другого лица, и это значение естественно сочетается с ретроспективной точкой зрения на ситуацию (38.). Формы имперфекта в таких контекстах, по-видимому, представляют ситуацию восприятия как многократно происходившую в прошлом (39.).

39а. *Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич <...>* (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», 1839–1841)

39б. *Чувах, че на десния фланг при шапсугите има някой си Казбич <...>* (Михаил Лермонтов, „Герой на нашето време“, пер. Христо Радески)

Анализ общей частотности употребления глаголов с союзами в начале этого раздела показал, что глаголы СВ употребляются в конструкциях с союзами *че* и *что* чаще, чем глаголы НСВ. В таких конструкциях глаголы восприятия обозначают осознание экспериенцером того вывода, который можно сделать на основании воспринимаемой ситуации (40.).

40.а. *Внезапно Огнянов чу, че се приближават човешки стъпки.* (Иван Вазов, „Под игото“, 1888)

б. *И вдруг Огнянов услышал, что приближаются люди.* (Иван Вазов, «Под игом», пер. М. Клягина-Кондратьева, В. Володин, Я. Слоним)

Болгарские глаголы СВ *видя* и *чуя* в большинстве контекстов используются в форме аориста, в русском языке им в основном соответствуют формы прошедшего времени – глагола СВ, как в примере (40.), или глагола НСВ. В последнем случае ситуация восприятия может описываться как с ретроспективной (41.), так и с синхронной точки зрения (42.).

41.а. *Извинете, **чух как** Саади ви занимаваше със смъртта на малкия брат и тънките душевни преживявания на героя си.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Прошу меня простить, я **слышал, как** Саади занимал ваш слух рассказом о кончине молодого послушника и тонкими душевными переживаниями своего господина.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

42.а. *Но Саша **видел, что** она подглядывает за ним в щелку.* (А. Н. Рыбаков, «Дети Арбата», 1966–1983)

б. *Но Саша **видя, че** го поглежда през цепнатината.* (Анатолий Рибakov, „Децата на Арбат“, пер. Здравка Петрова)

В некоторых контекстах эти глаголы используются также в формах перфекта или плюсквамперфекта, и их употребление аналогично наблюдававшемуся для глаголов НСВ: у глагола *видя* перфектные формы встречаются в основном в конструкциях с союзом *как* (43.), у глагола *чужа* – в конструкциях с союзом *че* (44.). Глагол *видя* в таких случаях описывает наличие факта восприятия в опыте экспериенцера, глагол *чужа* – факт получения соответствующей информации от другого лица.

43.а. *Но сегодня на «[Интеграле]» Второй Строитель уверял меня, будто он сам **видел, как** я случайно тронул этими пальцами штифтовальное кольцо – в этом и все дело.* (Е. И. Замятин, «Мы», 1920)

б. *Но днес на ИНТЕГРАЛА Вторият Строител ме уверяваше, че **е видял как** случайно съм докоснал с тези пръсти диска на шлайфмашината – там е работата.* (Евгений Замятин, „Ние“, пер. Росица Бърдарска)

44.а. *Не знаеше, никога не **бе чул, че** може да бъде и зеленикава тая блестяща красавица, най-бялата на всяко нощно небе.* (Павел Вежинов, „Нощем с белите коне“, 1975)

б. *Он не знал, никогда ни от кого не **слышал, что** эта сверкающая красавица, эта белая, самая белая звезда на ночном небе может быть зеленоватой.* (Павел Вежинов, «Ночью на белых конях», пер. Л. Лихачева)

В части контекстов форма аориста болгарских глаголов СВ, употребленная в клаузе с союзом *като*, соответствует деепричастию глагола СВ или НСВ в русском языке:

45.а. *Молчите, молчите! – поднял он руку, **видя, что** Николас хочет что-то сказать.* (Борис Акунин, «Ф. М.», 2006)

б. *Мълчете, мълчете! – вдигна ръка, **като видя, че** Николас иска нещо да каже.* (Борис Акунин, „Ф. М.“, пер. София Бранц)

Глагол восприятия в таких случаях соответствует причине того действия, которое описывается в главной клаузе. Чаще соответствие болгарской формы аориста деепричастию наблюдается в конструкциях с союзами *что* / *че*, ср. Таблицу 9.

	<i>видеть</i>			<i>увидеть</i>		
	Прош. время	Деепр.	Доля деепр.	Прош. время	Деепр.	Доля деепр.
<i>видя как</i>	51	4	0,1	34	3	0,1
<i>видя, че</i>	25	21	0,5	113	21	0,2

	<i>слышать</i>		<i>услышать</i>	
	Прош. время	Деепр.	Прош. время	Деепр.
<i>чуя как</i>	18	1	9	0
<i>чуя, че</i>	8	0	9	5

Таблица 9. Распределение глаголов зрительного и слухового восприятия по их употреблению в прошедшем времени и сопоставление с деепричастием

Как показывают данные Таблицы 9, особенно высока доля деепричастий в конструкциях с союзом *что* у глагола *видеть*: тот ментальный вывод, который экспериенцер делает на основании наблюдаемой ситуации, и служит причиной последующего действия, см. (45.). Глаголы слухового восприятия тоже демонстрируют подобную связь, но в данном случае в качестве деепричастия часто выступает глагол СВ *услышать*:

46.а. *Като чу, че страшия Боримечка го отпращат, Рачко си въздъхна и се поосвободи.* (Иван Вазов, „Под игото“, 1988)

б. *Услышав, что страшного Боримечку отсылают куда-то прочь, Рачко облегченно вздохнул.* (Иван Вазов, «Под игом», пер. М. Клягина-Кондратьева, В. Володин, Я. Слоним)

При глаголе *услышать* в качестве причины выступает восприятие речевого акта другого участника, который по времени предшествует, а не одновременен ситуации, описываемой в главной клаузе.

5. Употребление союзов *да* и *чтобы*

Между конструкциями с союзами *да* и *чтобы* соответствие не такое однозначное, как между конструкциями с двумя средствами, рассмотренными выше. Союз *чтобы* в русском языке используется преимущественно при отрицательной форме глаголов *видеть* и *слышать* и ирреальном статусе подчиненной предикации (47.–48.). Глаголы СВ *увидеть* и *услышать* употребляются с союзом *чтобы* гораздо реже, хотя такие конструкции также возможны⁶.

47.а. – *Не похоже. Не слышал, чтобы он особо увлекался.* (Татьяна Полякова, «Миллионерша желает познакомиться», 2002)

б. – *Не мисля. Не съм чувал да има такива увлечения.* (Татьяна Полякова, „Милионерша търси запознанство“, пер. Ива Митева)

48.а. – *Не съм го виждал ни веднаж да влезе в заведение...* (Богомил Райнов, „Няма нищо по-хубаво от лошото време“, 1971)

б. – *Я ни разу не видел, чтобы он зашел в кафе...* (Богомил Райнов, «Что может быть лучше плохой погоды?», пер. А. Собкович)

Глаголы *видеть* и *слышать* употребляются в конструкциях с союзом *чтобы* почти исключительно в форме прошедшего времени с общефактической интерпретацией: такие контексты предполагают, что у говорящего нет опыта восприятия ситуации, выраженной сентенциальным дополнением.

Русская конструкция с союзом *чтобы* всегда соответствует болгарской конструкции с союзом *да* (47.). В болгарском языке в этих контекстах встречаются и глаголы НСВ (47.), и глаголы СВ (48.). Обычно эти глаголы используются в перфектных формах (47.–48.), которые в конструкциях с союзом *да* встречаются чаще, чем в оставшихся двух конструкциях.

Примечательно, что конструкция с союзом *чтобы* в русском языке используется в переводах с болгарского языка на русский (гораздо чаще, чем можно было бы ожидать на основании соотношения оригинальных произведений на этих двух языках в параллельном корпусе). Иными словами, для русского языка эта конструкция, по-видимому, является еще более периферийной, чем можно предположить на основании параллельного корпуса. При этом болгарская конструкция с союзом *да* передается средством, иным, чем союз *чтобы*, даже в части контекстов, содержащих отрицание при глаголе восприятия и допускающих ирреальное прочтение зависимой клаузы, ср. (49.–50.).

⁶ В параллельном болгарско-русском подкорпусе таких примеров не обнаруживается, однако они фиксируются в основном подкорпусе НКРЯ:

і. *Здесь редко увидишь, чтобы сестры и врачи сидели за одним столом.* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002))

49.а. *Нещо по-страшно: не **виждам** ти **да** си разстроена, не си оскърбена.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *И что еще хуже: я **вижу**, **что** ты не опечалена этим, не оскорблена.* (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

50.а. *Уведомете принца! – Къде? – недоразбрах. – Не **сме видели да** строят. – В Бурганьоф.* (Вера Мутафчиева, „Случаят Джем“, 1966–1967)

б. *Уведомите об этом принца! – Где? Мы не **видели никакого строительства**.* – В Бурганефе. (Вера Мутафчиева, «Дело султана Джема», пер. М. Михелевич)

Значительная вариативность в соответствии болгарской конструкции с союзом *да* русским конструкциям также во многом обусловлена способностью союза *да* вводить фактивные сентенциальные дополнения при положительной форме глагола восприятия. Это касается как глаголов зрительного, так и слухового восприятия. В переводах с болгарского языка на русский распространены случаи соответствия болгарской конструкции с союзом *да* русским конструкциям с союзами *что* (51.) и *как* (52.).

51.а. – *Когато вчера **чух** професора **да** се прибира, стори ми се, че разговаря с жена.* (Андрей Гуляшки, „Убийството на улица „Чехов“, 1985)

б. – *Когда я вчера **услышала**, **что** профессор возвращается домой, мне показалось, он разговаривал с женщиной.* (Андрей Гуляшки, «Убийство на улице Чехова», пер. А. Никольский)

52.а. *Уходя, **слышал**, **как** Виктор говорил Тоне: – Это самый отъявленный хулиган Павка Корчагин.* (Н. А. Островский, «Как закалялась сталь», 1930–1934)

б. *Като се отдалечаваше, **чу** Виктор **да** казва на Тоня: – Това е най-големият гамен, Павка Корчагин.* (Н. Островски, „Как се каляваше стоманата“, пер. Людмил Стоянов)

В контекстах, где конструкции с глаголом *видя* и союзом *да* переведены с помощью русских конструкций с союзами *как* и *что*, обнаруживается то же различие между глаголами *видеть* и *увидеть*, которое отмечалось выше: глагол *видеть* встречается преимущественно с союзом *как*, глагол *увидеть* – с союзом *что*.

Помимо этого, в существенной доле случаев рассматриваемые глаголы с союзом *да* соответствуют русским конструкциям, в которых воспринимаемая ситуация выражена причастием, описывающим положение или перемещение какого-либо участника, а сам участник является объектом в главном предложении (53.). Такие конструкции встречаются в основном в переводах с русского языка на болгарский.

53.а. – *Вижу!* – *протяжно, с подвыванием начал он.* – **Вижу** солнце, **опускающееся** за черту дня, *вижу базар...* (Л. В. Соловьев, «Очарованный принц. Вторая повесть о Ходже Насреддине», 1954)

б. – *Виждам!* – *проточено, с извивки подхванал той.* – **Виждам** слънцето **да** *слиза отвъд чертата на деня, виждам пазара.* (Леонид Соловьев, „Повесть за Настрадаин Ходжа. Книга втора. Омагьосаният принц“, пер. Иван Костов, Райчо Русев)

Таким образом, между конструкциями с союзами *да* и *чтобы*, являющимися третьим по частотности способом оформления сентенциальных дополнений в исследуемых языках, наблюдается далеко не такое последовательное соответствие, как между конструкциями с союзами, обсуждавшимися в предыдущем разделе. Помимо конструкций с союзом *чтобы*, которым конструкции с союзом *да* соответствуют в ирреальных контекстах, в контекстах, параллельных конструкциям с союзом *да*, в русском языке могут фиксироваться конструкции с союзами *как* и *что*, а также ряд средств, которые не относятся к регулярным способам кодирования сентенциальных дополнений: причастные конструкции и конструкции с именами действия. Такое сложное соответствие обусловлено, с одной стороны, крайне специализированной семантикой и периферийным статусом союза *чтобы* при предикатах восприятия в русском языке, и с другой, широкой сферой употребления и сложной сетью конструкции с союзом *да* в болгарском языке.

6. Выводы

При анализе неагентивных глаголов зрительного и слухового восприятия в болгарском и русском языках было обнаружено, что глаголы НСВ *виждам* и *видеть*, а также *чувам* и *слышать* почти всегда соответствуют друг другу, а болгарским глаголам СВ *видя* и *чуя* может соответствовать русский глагол и СВ, и НСВ. Это связано с различиями в аспектуальных отношениях между глаголами в болгарских и русских парах, в частности с тем, что русские глаголы НСВ *видеть* и *слышать* часто описывают завершённую ситуацию восприятия в прошлом. В болгарском языке в этих контекстах используются глаголы СВ *видя* и *чуя*.

Распределение союзов *как* и *че / что* в болгарском и русском языках связано с целым рядом аспектуальных и временных характеристик глаголов восприятия. В обоих языках и для обоих типов восприятия наблюдается связь между глаголом НСВ и союзом *как* и глаголом СВ и союзами *че / что*. Общим для русских и болгарских глаголов НСВ является передача значения текущего восприятия, с которым и связан союз *как*. Глаголы СВ скорее описывают переход в новое состояние, т.е. при союзах *че / что* они вводят суждение, являющееся результатом ментальной обработки воспринятой ситуации.

Между глаголами зрительного и слухового восприятия существует различие в том, какой семантикой обладают при них конструкции с союзами *че* и

что. С глаголами зрительного восприятия эта конструкция предполагает, что экспериенсер делает инференцию в результате ментальной обработки воспринятой ситуации. С глаголами слухового восприятия конструкции с союзами *че* и *что* также могут иметь подобное значение, однако чаще она описывает получение информации от другого лица. Это различие последовательно проявляется в том, как распределены временные формы глаголов в этих конструкциях.

Было обнаружено, что в обоих языках глаголы НСВ *виждам* и *видеть* при союзе *че* / *что* чаще употребляются в настоящем времени. Эти формы в основном относятся к 1-ому или 2-ому лицу в диалогической речи. В таких контекстах подчеркивается тот ментальный вывод, который можно сделать на основании наблюдаемой ситуации. Для слухового восприятия существенного преобладания настоящего времени при конструкциях с *че* и *что* не наблюдается, поскольку референция к настоящему неестественна для конструкций, описывающих получение информации от другого лица.

Другое различие касается распределения форм с референцией к прошедшему. Для русского языка мы рассматривали тип аспектуальной интерпретации форм прошедшего времени глаголов НСВ, противопоставляя контексты с синхронной и с ретроспективной точкой зрения. Было установлено, что глагол *видеть* в прошедшем времени чаще имеет синхронную интерпретацию в конструкциях с союзом *что*: тем самым заключение говорящего оказывается истинным в текущем времени повествования. Глагол *слышать* в конструкциях с союзом *что* может иметь синхронную интерпретацию только при описании инференции, но не получения информации от другого лица, поэтому эти конструкции преимущественно имеют ретроспективную интерпретацию, в отличие от конструкций с союзом *как*. В болгарском языке этот семантический контраст проявляется в противопоставлении перфектных форм имперфективу у глаголов НСВ *виждам* и *чувам*. Оба эти глагола при референции к прошлому в основном употребляются в имперфекте, однако у первого частотность перфектных форм несколько выше в конструкциях с *как*, у второго – в конструкциях с *че*.

Союз *чтобы* в русском языке используется для передачи ирреального статуса подчиненной предикации и преимущественно при отрицательной форме глагола. Таким употреблением всегда соответствуют болгарские конструкции с союзом *да*. В русском языке в этих контекстах используются почти исключительно глаголы НСВ *видеть* и *слышать* в общефактическом значении. В болгарском языке им могут соответствовать глаголы НСВ или СВ, которые в этом случае часто употребляются в перфектных формах. Союз *да* в болгарском используется и в утвердительных контекстах при реальном статусе подчиненного предложения. Фактивные употребления союза *да* в русском языке передаются при помощи конструкций с союзами *что* и *как*, причем при глаголах НСВ предпочтителен союз *как*, а при СВ – союз *что*. Нередки и случаи передачи русских причастных конструкций и конструкций с именами действия на болгарский язык при помощи *да*-клаузы.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

Цитирана литература / References

- Aleksova, Tisheva 2000: Aleksova, K., Y. Tisheva. Bulgarian *da-* and *che-*clauses after verbs of perception. – In: *Papers from 3th Conference on Formal Approaches to South Slavic and Balkan Languages: Plovdiv, 1999. University of Trondheim Working Papers in Linguistics*, 34, pp. 97–108.
- Arutyunova 1988: Арутюнова, Н. Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.* Москва: Наука. (Arutyunova, N. D. *Tipy yazykovykh znachenij: Otsenka. Sobytie. Fakt.* Moskva: Nauka.)
- Arutyunova 1998: Арутюнова, Н. Д. *Язык и мир человека.* Москва: Языки русской культуры. (Arutyunova, N. D. *Yazyk i mir cheloveka.* Moskva: Yazyki russkoy kul'tury.)
- Boye 2010: Boye, K. Reference and clausal perception-verb complements. – In: *Linguistics*, 48-2, pp. 391–430.
- Gradinarova 2017: Градинарова, А. А. *Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков.* София: Изток-Запад. (Gradinarova, A. A. *Ocherki po sopostavitel'nomu sintaksisu bolgarskogo i russkogo yazykov.* Sofia: Iztok-Zapad.)
- Ivanova 2022: Иванова, Е. Ю. *Балканославянская ирреальность в зеркале русского языка (южнославянские да-формы и их русские параллели).* Москва: Издательский дом ЯСК. (Ivanova, E. Yu. *Balkanoslavyanskaya irreal'nost' v zerkale russkogo yazyka (yuzhnoslavyanskije da-formy i ih russkie paralleli).* Moskva: Izdatel'skij dom YASK.)
- Knyazev 2007: Князев, Ю. П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе.* Москва: Языки славянской культуры. (Knyazev, Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive.* Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.)
- Kobozeva 1988: Кобозева, Н. М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания. – В: Арутюнова, Н. Д. (ред.). *Логический анализ языка. Знание и мнение.* Москва: Наука, с. 82–98. (Kobozeva, N. M. Otricanie v predlozheniyah s predikatami vospriyatiya, mneniya i znaniya. – In: Arutyunova, N. D. (red.). *Logicheskij analiz yazyka. Znanie i mnenie.* Moskva: Nauka, pp. 82–98.)
- Koeva 2019: Коева, С. Комплементите в български. – В: Мичева, В., Д. Благоева, С. Колковска, Т. Александрова, Х. Дейкова (отг. ред.). *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“.* София, Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 57–68. (Koeva, S. Komplementite v balgarski. – In: Micheva, V., D. Blagoeva, S. Kolkovska, T. Aleksandrova, H. Deykova (otg. red.). *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”.* Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”, pp. 57–68.)

- Коева 2021: Коева, С. Към типологичен анализ на комплементността в български. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. Т. 1. Коева, С., М. Стаменов (съст.). София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 13–27. (Koeva, S. Kam tipologichen analiz na komplementnostta v balgarski. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”*. Vol. 1. Koeva, Sv., M. Stamenov (sast.). Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”, pp. 13–27.)
- Kukova, Ovsyannikova 2022: Кукова, Х., М. Овсянникова. Съпоставителен анализ на глаголите *виждам* – *видя* и *видеть* – *увидеть* и комплементите им в български и руски език. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 248–256. (Kukova H., M. Ovsyannikova. Sapostavitelen analiz na glagolite vizhdam – vidya i videt’ – uvidet’ i komplementite im v balgarski i ruski ezik. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”*. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”, pp. 248–256.)
- Letuchij 2021: Летучий, А. Б. *Русский язык о ситуациях: конструкции с сентенциальными актантами в русском языке*. Санкт-Петербург: Алетея. (Letuchij, A. B. *Russkij yazyk o situatsiyah: konstruksii s sententsial’nymi aktantami v russkom yazyke*. Sankt-Peterburg: Aleteja.)
- Mitkovska, Buzharovska 2021: Mitkovska, L., E. Bužarovska. Clausal complementation of visual perception verbs in Balkan Slavic. – In: Wiemer, B., B. Sonnenhauser (eds.). *Clausal Complementation in South Slavic*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, pp. 270–314.
- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. Проблематика на сложните изречения с комплементи в българския език. – В: *Южнословенски филолог*, 64, с. 261–272. (Nitsolova, R. Problematika na slozhnite izrecheniya s komplementi v balgarskiya ezik. – In: *Yuzhnoslovenski filolog*, 64, pp. 261–272.)
- Noonan 2007: Noonan, M. Complementation. – In: Shopen, T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description. Vol. II: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 52–150.
- Paducheva 1998: Падучева, Е. В. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии. – In: *Russian Linguistics*, 22, pp. 35–58. (Paducheva, E. V. Opyt sistemativatsii ponyatij i terminov russkoj aspektologii. – In: *Russian Linguistics*, 22, pp. 35–58.)
- Penchev 1998: Пенчев, Й. *Съвременен български книжовен език. Синтаксис*. Пловдив: ИК „Вечерник“. (Penchev, Y. *Savremenen balgarski knizhoven ezik. Sintaskis*. Plovdiv: IK “Vechernik”.)
- Verhoeven 2007: Verhoeven, E. *Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Vezhbitskaya 1986: Вежбицкая, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря – В: *Новое в зарубежной лингвистике*, 18, с. 336–370. (Vezhbitskaya, A. Vospriyatie: semantika abstraktnogo slovary. – In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 18, pp. 336–370.)
- Viberg 1983: Viberg, Å. The Verbs of Perception: A Typological Study. – In: *Linguistics*, 21-1, pp. 123–162.
- Viberg 2001: Viberg, A. Verbs of perception. – In: Haspelmath, M., E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 1294–1309.

Zaliznyak 1992: Зализняк, А. А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. München: Otto Sagner. (Zaliznyak, A. A. *Issledovaniya po semantike predikativ vnutrennego sostoyaniya*. München: Otto Sagner.)

Perception predicates in Bulgarian and Russian and their sentential arguments

Maria Ovsjannikova^a, Hristina Kukova^b

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences^a,

Institute for Bulgarian Language Prof. L. Andreychin,

Bulgarian Academy of Sciences^b

masha.ovsjannikova@gmail.com^a, hristina@dcl.bas.bg^b

Abstract

The paper examines perception predicates in Bulgarian and Russian. The study centers on sentences in which the object of perception is a situation expressed by a subordinate clause. Special attention is paid to the aspectual properties of the matrix verbs. We also discuss similarities and differences in the use of perception verbs in both languages, taking into account the realization of various constructions and complementizers.

Keywords: *perception verbs, sentential arguments, aspectuality, tense, cognitive domain, experiencer*

Maria Ovsjannikova
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane
St. Petersburg, 199004 Russia
masha.ovsjannikova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8313-0374>

Hristina Kukova
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
hristina@dcl.bas.bg
<https://orcid.org/0000-0001-9938-5462>

ИНФИНИТИВНЫЕ И ФИНИТНЫЕ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЗАВИСИМЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ С СОЮЗАМИ ЧЕ И ДА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Александр Летучий^а, Марина Джонова^б

Национальный исследовательский университет Высшая школа
экономики^а, Софийски университет „Св. Климент Охридски“^б

alexander.letuchiy@gmail.com^а, djonova@slav.uni-sofia.bg^б

Резюме. В статье сопоставляется распределение стратегий управления сентенциальными актантами в русском и болгарском языках. Для русского языка ключевым является противопоставление финитных актантов (прежде всего, с союзами *что* и *чтобы*) и инфинитивных зависимых. Чаще всего они соотносятся как маркеры конструкций с кореферентностью vs. без кореферентности актантов, однако это не всегда так. В болгарском языке инфинитив отсутствует, однако во многом функции инфинитива несут зависимые клаузы с *да*. Существенные различия обусловлены наличием финитного глагола в зависимой клаузе с союзом *да*. Как мы покажем, оппозиции между *что* / *чтобы* и инфинитивом в русском и между *че* и *да* в болгарском отчасти сходны между собой, хотя в строгом смысле нефинитность есть только в русских инфинитивных конструкциях. Мы проверим соотношение вариантов маркирования зависимых с кореферентностью и со временем, а также покажем отклонения от стандартных типов контроля в русском языке. В русском языке в инфинитивных предложениях субъект главной клаузы контролирует PRO. Поскольку в болгарском языке нет инфинитива, мы не можем говорить о наличии контроля PRO. Сравнительный анализ проводится с учетом наличия/отсутствия обязательной кореферентной связи между субъектом матричной клаузы и субъектом зависимой клаузы.

Ключевые слова: *модальные предикаты, фазовые глаголы, предикативы, инфинитив, ирреальность, частичный контроль, совмещённый контроль, строгий контроль, кореферентность*

1. Понятие финитности

В нашем исследовании мы описываем в сопоставительной перспективе аргументные придаточные предложения (сентенциальные актанты) в болгарском и русском языках. Нас в основном интересует вопрос, существует ли в обоих языках контроль субъекта зависимой клаузы и совпадают ли эти конструкции

* Александр Летучий, Марина Джонова. Инфинитивные и финитные сентенциальные зависимые в русском языке и их соответствия с союзами *че* и *да* в болгарском языке. – В: Св. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 485–509.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.17>

с контролем в двух языках. Помимо этого, мы проверим, в какой мере синтаксические свойства соотносительных конструкций в двух языках соответствуют друг другу. В данном исследовании используются данные Болгарского национального корпуса (search.dcl.bas.bg, см. Коева et al. 2012) и Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Часть примеров, иллюстрирующих нестандартные явления в неформальной речи, взяты из текстов прессы и неофициальной интернет-коммуникации.

В русских предложениях с финитным глаголом в качестве матричного предиката и инфинитивных зависимых наблюдается контроль PRO при инфинитиве. Кроме этих конструкций, в нашей работе мы также рассматриваем предложения, в которых матричным предикатом является конструкция с предикативом. Мы обратим внимание на случаи, когда в инфинитивной клаузе нет контроля PRO – то есть в главной клаузе нет актанта, кореферентного PRO.¹

Поскольку в современном болгарском языке инфинитив отсутствует, сопоставление с русским дает возможность поставить вопрос о том, в какой степени *да*-конструкции, заменяющие инфинитив, также наследуют его характеристики, а в какой скорее приближаются по своим характеристикам к придаточным предложениям с союзом *че* (и русским эквивалентам со *что*).

Изначально понятие финитности не является элементарным и допускает по меньшей мере два понимания: одно из них – собственно синтаксическое, другое – морфологическое.

При синтаксическом понимании финитной называется форма, которая способна быть сказуемым независимого предложения (или для которой это является главной функцией). Например, русские индикативные формы финитны (хотя способны выступать и в зависимых клаузах), тем более финитны императивы.

При морфологическом понимании речь идёт о наборе категорий. Наиболее финитными считаются те формы, которые имеют максимальный набор категорий, связанных с речевым актом, его соотношением с другими событиями, его участниками и условиями. К ним относятся время, модальность, лицо, число участников, эвиденциальность, косвенно – вид. И если индикативные формы финитны и по этому критерию, то для императива это не так. Императив имеет только второе лицо и не имеет категории времени: в этом смысле он составляет отдельный речевой акт и в меньшей мере соотносится с другими ситуациями и их участниками. Деепричастие по данному соображению менее финитно, чем причастие, которое имеет практически полную парадигму времен и видов, хотя стандартно и та, и другая форма относятся в грамматиках русского и болгарского языков к нефинитным².

¹ Отметим сразу же, что мы говорим о PRO только для инфинитивных клауз, хотя возможны и другие точки зрения.

² См. в частности (König, Haspelmath 1995) о различии деепричастий и других глагольных форм.

2. Семантика состояния

Тема нашей статьи не связана напрямую с семантикой состояния, однако и не независима от нее. Во-первых, в целом многие группы глаголов в русском языке, которые сочетаются и с финитными, и с нефинитными зависимыми, – это стативные предикаты: эмоциональные, модальные, фазовые и т. д. Напротив, глаголы речи, не обозначающие состояние, как правило, не допускают инфинитивных зависимых в русском языке (если не считать моделей типа *Он сказал мне выйти* / *Той ми каза да изляза*, которые переносят глагол из собственно речевой группы в группу глаголов вербальной каузации). Во-вторых, как мы покажем ниже, различия между глаголами и предикативами в моделях управления тоже отчасти связаны с акциональностью и семантикой состояния (см. также Падучева / Paducheva 2004: 307–311 и далее о различии в аспектуальном поведении у предикатов разных групп, в том числе ментальных и речевых). В-третьих, вообще процент глаголов состояния среди матричных предикатов, присоединяющих сентенциальные актанты, довольно высок. Если с пациентивными физическими объектами часто сочетаются моментальные и процессуальные предикаты типа *разбить*, *порвать*, *открыть*, *обработать*, *подстричь*, то ситуативные зависимые стандартно не могут подвергаться воздействию. Коль скоро такие контексты не содержат компонента затронутости, нет и связи с процессуальной семантикой, при которой динамика процесса подразумевает увеличение затронутой части / степени затронутости объекта (см., например, Norrøp, Thompson 1980; Kulikov 1999 о связи между семантической транзитивностью, семантическим классом и аспектуальными свойствами глагола).

3. Финитность в русском и болгарском языках

Системы форм глагола и, в частности, противопоставление по финитности в русском и болгарском языках существенно различаются.

1) Инфинитив.

Основное различие состоит в том, что в русском языке есть инфинитив, а в болгарском его нет. Одной из особенностей болгарского языка, отличающей его от других славянских языков, является утрата древнеболгарского инфинитива. Инфинитив используется для выражения глагольного действия, неопределенного в лице, числе и времени. Вместо инфинитива в новоболгарском языке используются аналитические конструкции, состоящие из *да* + личная форма глагола (Грамматика / Gramatika 1983: 35). Этот процесс является проявлением общей тенденции к замене в балканских языках инфинитива на союзные придаточные (см. Асенова / Asenova 2002: 149–152). Поскольку главное употребление инфинитива – актантное, можно считать, что специализированной формы для сентенциальных актантов в болгарском языке нет. В болгарском языке сентенциальные актанты вводятся с помощью

союзов *че, да, как, дали* или с помощью вопросительного местоимения (см. подробнее в Коева / Коева 2021: 19–22). Способ оформления сентенциального актанта диктуется матричным предикатом, или, другими словами, определенные классы предикатов связаны с определенными типами придаточных предложений (Тишева / Tisheva 2001: 172; Коева / Коева 2021: 16, 19; Osenova 2022). Вид придаточного предложения в русском языке зависит от совпадения/несовпадения актантов в главном и придаточном. В случае совпадения актантов двух клауз в группе глаголов с компонентом ирреальности придаточное предложение обычно инфинитивное (1.). Когда актанты не совпадают, придаточное является финитным и вводится с помощью *чтобы* (2.). Напротив, в болгарском языке союз, вводящий актантное зависимое, сам по себе не накладывает ограничения на субъект придаточного предложения. В примере (3.) глагол *искам* (хочу) требует употребления союза *да*. Придаточное предложение является финитным с субъектом, совпадающим с субъектом главного предложения (3.а.) или не совпадающим с ним (3.б.).

1. *Я хочу спать.*

2. *Я хочу, чтобы ты спал.*

3. а. *Искам да спя.*

Я хочу спать.

б. *Искам той да спи.*

Я хочу, чтобы он спал.

2) Диффузные формы.

В болгарском существенную роль играют формы с *да*, которые можно назвать диффузными. Эти формы имеют два варианта употребления – самостоятельное (4.) и зависимое (5.). Р. Ницолова отмечает, что «значение независимых *да*-форм можно в широком смысле определить как не-фактивность со следующими разновидностями: 1) *Да*-формы с императивным значением; 2) *Да*-формы с желательным (оптативным) значением; 3) *Да*-формы для возможного или возможного/необходимого действия; 4) *Да*-формы реального прошлого действия» (Ницолова / Nitsolova 2008: 409).

4. *Да отидем на кино.*

Пойдем в кино.

5. *Искам да отидем на кино.*

Я хочу, чтобы мы пошли в кино.

Подробный обзор точек зрения относительно статуса сослагательной функции *да*-формы в болгарских зависимых клаузах сделан в (Коева / Коева 2021). Здесь мы принимаем определение Коевой: «*Да* имеет функцию эпистемически нейтрального союза, когда оно используется по аналогии с комплементизатором *че* и не служит для передачи последующего события, выраженного подчиненным предикатом» (Коева / Коева 2021: 20).

Формы, способные выступать и в зависимой клаузе, и в независимой, есть и в русском. Однако в отличие от болгарского, одно из их употреблений гораздо более ограничено, чем другое. Например, русские формы с *бы* преимущественно используются в условных конструкциях с *если* и в сентенциальных актантах со *чтобы*.

6. *Мы хотим, чтобы ты уехал.*

7. *Если бы так случилось, я бы нашёл что сказать.*

В независимом употреблении у них довольно узкое модальное употребление – стандартно это побуждение по отношению к собеседнику или к третьему лицу:

8. *Поехал бы ты на море!*

4. Зависимый инфинитив при предикативах и временная локализация

Если у глаголов в русском языке субъект стандартно маркирован именительным падежом, то у предикативов субъект (одушевлённый участник) часто находится не в именительном, а в дательном падеже. В этом случае, с синтаксической точки зрения, дативное дополнение матричного предиката часто кореферентно PRO – нулевому субъекту инфинитива. Инфинитив при предикативах в русском языке имеет особые свойства. Стандартный инфинитив при матричном глаголе – это маркер кореферентности актантов, контроля PRO (неэксплицируемого субъекта при инфинитиве) одним из актантов главной клаузы. Одним из подтипов контроля PRO является строгий контроль («strict control» в терминах Stiebels 2007). Строгим контролем называется случай, когда при данном матричном глаголе конструкция без совпадения участников не встречается и, как правило, невозможна исходя из семантики глагола (**Он_i начал PRO_j играть в футбол*). Например, при фазовых глаголах стандартно фаза ситуации и сама ситуация включают одного субъекта – употребления типа *Он начал, чтобы я играл в футбол* обычно не встречаются и плохо согласуются с фазовой семантикой. При предикативах ограничения на употребления инфинитива слабее. Это видно из двух нестандартных свойств. Во-первых, инфинитив при предикативах может не иметь контролера:

9. *Конечно, было бы странно утверждать, что никаких изменений не произошло.* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)]

У предикатива *странно* нет актанта, который контролировал бы PRO при инфинитиве. Хотя *странно* имеет диатезу с дативным актантом (10.), в примере (9.) употребляется явно не она.

10. *Мне странно такое слышать.*

В (10.) дативный актант – это экспериенцер, тот, кто воспринимает ситуацию как странную и контролирует субъект инфинитива *слышать*. Напротив, в (11.) PRO должно контролироваться тем, в отношении кого такая ситуация воспринимается как странная. Однако, по нашему мнению, этого актанта у предикатива *странно* изначально нет. Мы принимаем точку зрения, выраженную также в (Летучий, Виклова / Letuchiy, Viklova 2020), согласно которой конструкция типа (11.) – это конструкция подъема, и дативная группа *ученому* изначально находилась в зависимой клаузе³:

11. *Ученому **странно** такое утверждать.*

Исходным видом конструкции надо считать (11'.):

11'. *Странно, если ученый такое утверждает / будет утверждать.*

Замечено, что предикатив может не присваивать своему дативному зависимому никакой семантической роли. В случаях типа (11.) дативные группы *ученому* – это не экспериенцеры при предикативе *странно*. Ситуация напоминает конструкции подъема, описанные Куликовым, Джекендофом (Culicover, Jackendoff 2001) и Полинской (Polinsky 2013) для английского и некоторых других языков. Участник получает роль в нижней клаузе, а затем поднимается наверх и при главном глаголе получает ту или иную синтаксическую позицию и падежное маркирование (если это понятие уместно для данного языка). Например, (12.) можно понять как ‘странно, если математик не дружит с логикой’, но поскольку актант *математик* выделен в глазах говорящего, он поднимается в главную клаузу.

12. *Математику странно не дружить с логикой.*

Стандартно зависимая клауза в конструкции с подъемом не заменяется на местоимение. При прономинализации оказывается, что выноситься актанту уже некуда – считается, что подъем происходит после того, как определен лексический состав (в том числе именные или местоименные средства выражения) данного высказывания. Именно поэтому невозможно или странно употребление местоимения *это* во второй части примеров типа (13.):

13. *Ученому странно такого не знать. – *Я тоже считаю, что ученому это странно.*

При этом, конечно, существуют и предикативы, у которых дативный контролер PRO присутствует в модели управления:

14. *Мне уютно сидеть на веранде.*

³ Возможны, несомненно, и другие точки зрения, согласно которым дативный актант при предикативе – это всегда его собственный актант, а не зависимое, поднятое из придаточного предложения.

Кроме того, инфинитив при предикативах не столь жестко привязан ко времени, как при глаголах. Он может обозначать не только одновременность, но и предшествование ситуации из главного предложения:

15. Андрей, тебе не было **стыдно** так опозориться с фонограммой? Почему вы не поете «живьем»? (<https://kp.ua/live/203163-santa-dymopulos-y-andrei-fylyppov-v-zvezdnom-dome-my-ne-yhraly-a-zhyly-kak-schytaly-nuzhnym>)

16. – Агнесс, скажи, кому ты проиграла? – спросил он, ярко улыбаясь, что всех ввело в ступор, кроме сестры, которая понялась назад, дрожа от страха. <...> – Марвику Фон Эдричу... – тихо ответила она, заплакав, ведь ей было очень **стыдно** проиграть этой продажной твари. (<https://ficbook.net/readfic/9196572/24461768>)

17. Рахимову было **неприятно** проиграть «Металлургу». (https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/Russia/premier_league/spbnews_NI464995_Rahimovu-bilo-nepriyatno-proigrati-Metallu/comments)

Например, в (17.) речь идёт о том, что тренеру Рахимову был неприятен проигрыш, который имел место до того, как возникла эта эмоция (до конца матча нельзя считать его проигранным). Напротив, для глаголов такое временное расположение событий стандартно невозможно. Так, при глаголе *надеяться* в русском языке инфинитив возможен только при следовании подчинённого события за главным:

18. Я *надеюсь* быть хорошим лингвистом.

19. Петя *надеется* не насажать ошибок в контрольной.

Предложение (18.) невозможно в значении ‘что я сейчас хороший лингвист’, а (19.) – в значении ‘что он вчера не насажал ошибок в контрольной’. Поскольку инфинитив не содержит маркеров времени, а по семантике относится к ирреальной зоне, естественно, что по умолчанию обозначенное им событие расположено в будущем. Именно будущее из временных локализаций ближе всего к ирреальной модальности.

Болгарские формы с *да*, которые стандартно употребляются в тех же контекстах, что и инфинитив, тоже коррелируют с временной локализацией. Когда настоящее время используется в придаточных предложениях после глаголов речи, ощущения, восприятия и умственной деятельности, действия в придаточном и главном предложениях являются одновременными, независимо от времени глагола в главном предложении (Ницолова / Nitsolova 2008: 279; Граматика / Gramatika 1983: 295). Эта особенность относится ко всем придаточным предложениям, вводимым с помощью *че*, *да*, *как*, *дали*.

20.а. *Виждам (виждах), че Иван коси тревата.*

б. *Виждам Иван да коси тревата.*

Я вижу (увидел), что Иван косит траву.

21.а. *Чух някой да влиза.*

б. *Чух, че някой влиза.*

Я услышал(а), как кто-то вошел в дом.

Важно отметить, что *да*-клаузы в предикатах непосредственного восприятия – *виждам* (видеть), *чувам* (слышать), *усещам* (чувствовать), имеют фактивную интерпретацию (Коева / Коева 2021: 20, см. подробнее в Асенова / Asenova 2002: 157). Это позволяет использовать *че* и *да* в одном контексте для указанных предикатов (см. примеры (20.–21.)).

Формы настоящего времени после союза *да* могут также обозначать абсолютное действие – действие вообще, безотносительно к какой-либо временной локализации. Основными случаями такого употребления являются следующие: а) когда форма настоящего времени входит в состав составного глагольного сказуемого, например, *мога да плувам* (могу плавать), *трябва да замина* (мне надо уехать), *започнах да излизам* (я начал выходить често); б) когда форма настоящего времени находится в аргументном – *искам да го видя* (я хочу это увидеть), или определительном – *идеята да напишем статия* (идея написать статью), *да*-предложении (Ницолова / Nitsolova 2008: 280). Важно отметить, что это употребление относится как к предложениям с глагольным предикатом в главной клаузе, так и к предложениям с предикативной конструкцией в главной клаузе.

22. *Обичате да експериментирате и често сменяте прическата си.*

Вы любите экспериментировать и часто меняете прическу.

23. *Интересно ми е да експериментирам и често сменям прическата си.*

Мне интересно экспериментировать и часто менять прически.

При этом в употреблении такого рода *да* не задаёт ограничений на референцию субъекта придаточного предложения:

24. *Обича да му е трудно.*

Он любит, чтобы ему было трудно.

25. *Не обичам да ме прекъсват, когато работя.*

Я не люблю, чтобы меня прерывали, когда я работаю.

Значение одновременности есть и у русских инфинитивных конструкций, однако различие заключается в конкретном классе матричных глаголов. В русском языке одновременность допустима только при глаголах типа *любить*, *нравиться*, *приятно*, то есть при предикатах, не ориентированных на будущее.

В болгарском языке глагол в зависимой клаузе может также обозначать событие, следующее за главным. Как отмечает К. Куцаров, в зависимых клаузах, в которых *да* имеет ирреальное проспективное значение, глагольная форма стоит в настоящем времени, а событие является последующим по отношению к событию в главной клаузе (Куцаров / Kutsarov 2002: 165, цит. по Коева /

Коева 2021: 23). С. Коева указывает на следующие типы предикатов такого рода: предикаты желания – *искам* (хотеть), *желая* (желать), *очаквам* (ожидать), достижения – *опитвам* (пытаться), *успявам* (добиваться успеха) и т. д., манипуляции – *моля* (просить), *умолявам* (умолять), *каня* (приглашать), *позволявам* (разрешать), а также иллокутивные предикаты манипуляции – *разпорещдам* (приказывать), *препоръчвам* (рекомендовать) и т. д. (Коева / Коева 2021: 23).

26. *Забранявам ти да ме прекъсваш.*

Я запрещаю тебе прерывать меня.

Как отмечает С. Коева, объект при большинстве предикатов, присоединяющих сентенциальные актанты с проспективным значением, является необязательным (Коева / Коева 2021: 24). Когда он выражен явно, объект кореферентен с субъектом придаточного предложения, как в (27.).

27. *Моля (ви) да ме изслушате.*

Я прошу (вас) выслушать меня.

Исходя из представленной теории, придаточное *да*-предложение при предикате *надявам се* (надеяться) в болгарском языке может иметь проспективную ирреальную интерпретацию:

28. *Иван_i се надяваше да го_i чуят.*

Иван надеялся, что его услышат.

Кроме этого, в болгарском предикат *надявам се* (надеяться) способен употребляться и в контекстах одновременности:

29. *Надявам се да ме разбирате.*

Надеюсь, что вы меня понимаете.

30. *Беше много отдавна, надявам се сега да имат вече* [хладилен транспорт].

Это было давно, надеюсь, что сейчас у них уже есть [рефрижераторный транспорт].

В последнем примере (30.) наречия *сега* (сейчас) и *вече* (уже) указывают на то, что предложение не несёт проспективного значения, а относится к настоящему времени. При этом при *надявам се* не обязательна кореферентность субъектов.

Тем не менее, в болгарском ограничение на употребление *да* менее строгое, чем на инфинитив в русском. В зависимой клаузе данные формы способны шире употребляться в контексте предшествования, поскольку сочетаются с разными видовременными формами глагола. При предшествовании употребляется форма с *да* + перфект:

31. *Надявам се вчера да не си стоял до късно?*

Надеюсь, что ты вчера не засиделся допоздна?

Можно сделать вывод, что, по сравнению с инфинитивом в русском языке, сентенциальные антанты с союзом *да* в болгарском языке имеют более широкую временную интерпретацию – они могут обозначать действие или состояние, имеющее место одновременно с действием / состоянием в главной клаузе, предшествующее ему или следующее за ним. Также для них возможно употребление в значении действия вообще, безотносительно к какой-либо временной локализации.

5. Различие в употреблении инфинитива между предикативами и глаголами

5.1. Различие в употреблении инфинитива при предикативах и глаголах в русском языке

Хотя употребление инфинитива в целом регулируется типом контроля и семантическим классом, в некоторых случаях квазисинонимичные глаголы и предикативы различаются набором моделей управления в русском языке. В парах *радоваться* – *рад, приятно*; *грустить, расстраиваться* – *грустно, жалко*; *мерзнуть* – *холодно* предикативы способны принимать инфинитив, а для глаголов это невозможно.⁴

32. *Петя был рад меня видеть.* – **Петя обрадовался меня видеть.*

33. *Всем было грустно это осознавать.* – **Все грустили / расстраивались это осознавать.*

34. *Ей было холодно стоять, прислонившись к холодной стенке.* [Константин Симонов. «Случай с Полюниным», 1969] – **Он мерз стоять.*

При этом в некоторых случаях эмоциональные предикаты всё-таки допускают инфинитивные аргументы. Например, при глаголе *пугать* они допустимы. И если в (35б.) речь идёт о другом типе зависимого (об ирреальной, возможной ситуации), то в (35а.) и (36.) говорится о постоянно повторяющейся ситуации.

35. а. *Особенно его пугало смотреть в лица. Понять по выражению лица, кто еще жив, а кто давно умер, Шилов не мог.* [Антон Ветров. Возвращение домой // «Сибирские огни», 2013]

⁴ Отметим, что различие в механизмах контроля инфинитива анализируется в работах (Герасимова / Gerasimova 2015) и (Шушурин / Shushurin 2015), где предикативы считаются предикатами произвольного контроля. Однако специально различиям в финитности зависимого при глаголах vs. предикативах авторы этих работ внимания не уделяют: речь идёт именно о поведенческих различиях, например, в лицензировании отрицательных местоимений.

б. *Его почему-то пугало утро – пугало проснуться убийцей.* [Владимир Маканин. «Буква А», 1999]

36. *Вернее, меня тоже не слишком радовало проводить с Веркой свободное время, она вечно устанавливала во всех играх свои правила...* [Дарья Донцова. «Уха из золотой рыбки», 2004]

Тип контроля не объясняет этот контраст: если ориентироваться на него, следовало бы ожидать обратной картины. Ведь при глаголах *радоваться*, *грустить*, *расстраиваться* или *мерзнуть* субъект в (32.–34.) соответствует субъекту главного. Субъектный контроль распространён даже больше, чем косвеннообъектный, и часто является обязательным. Скорее причина в том, что, как показано в части 4, при предикативах контроль инфинитива является менее строгим. Возможно, при предикативах типа *рад* или *грустно* инфинитив – это не инфинитив контроля, а показатель обобщённой ситуации. Это объяснение подкрепляется семантикой таких конструкций. Глаголы, способные сочетаться с инфинитивом, обозначают не ирреальную ситуацию, как это свойственно инфинитиву, а повторяющуюся. Например, в (36.) эмоция *радовать* возникает параллельно зависимой ситуации *проводить с Веркой свободное время*, и эта связь эмоции и стимула постоянна. Как правило, конструкции такого рода в русском языке не имеют пары с матричным глаголом в совершенном виде.

37. **Его обрадовало провести с Веркой свободное время.*

38. **Его напугало посмотреть соседу в лицо.*

С этим связана другая причина: предикативы, как известно, стативны, а соответствующие глаголы обозначают временное, сильно переменное состояние, а некоторые динамические. По умолчанию состояние может быть как угодно локализовано относительно ситуации-стимула или причины: несмотря на то, что эта ситуация вызывает состояние, они могут существовать параллельно. Русские предикативы типа *приятно*, *грустно* выражают, так сказать, не дифференцированное состояние, состояние в чистом виде. Для глаголов характерно маркирование либо динамических ситуаций, при которых расположение подчинённого события гораздо более строгое, либо состояний, в большей мере привязанных к моменту времени: например, *радоваться* – это активная эмоция, которая реализуется полностью именно тогда, когда состояние имело место. При этом *радоваться* подразумевает и проявление эмоций, то есть несёт динамический компонент. Менее очевидно различие в случае *грустно* – *грустить*, однако и здесь *грустить* в большей мере, чем *грустно*, выражает конкретную эмоцию. Глагол *грустить* обозначает, что экспериенсер действительно чувствует грусть из-за конкретной имевшей место ситуации или положения дел. Напротив, *грустно* – предикатив, который находится на границе между эмоцией и оценкой: *Грустно это слышать* может обозначать, что некоторая ситуация абстрактно оценивается как грустная, а не актуально вызывает грусть у конкретного человека. Именно поэтому употребляется инфинитив обобщённой ситуации.

Различия проявляются, например, в следующем. Предикативы – как с сентенциальным зависимым, так и без него – способны без дополнительных показателей наклонения выражать ирреальность (39.). Если в конструкции употреблено местоимение, оно может отсылать не только к актуальной ситуации, но и к типу ситуации в целом. Для глаголов типа *радоваться*, *грустить*, *мёрзнуть* это понимание недоступно – по крайней мере, нехарактерно. В (40.) люди радуются именно реальной ситуации – сопротивлению дома в Сталинграде фашистам. В (41.) ситуация не референтна, однако речь идёт в отдельности о каждом дне рождения, и в каждом единичном случае он реален.

39. – *Это как с кошкой. – В смысле? – Когда сидишь в кресле, всегда хочется, чтобы она прыгнула тебе на колени. – Вообще, это приятно.* [Андрей Геласимов. «Фокс Малдер похож на свинью», 2001]

40. – *Вот дом номер шесть дробь один держится, не сдаётся фашистам, – громко сказал Крымов. – Весь мир, миллионы людей этому радуются.* [Василий Гроссман. «Жизнь и судьба», часть 2, 1960]

41. *Человек постарел на год, стал ближе к могиле, а этому радуются, как празднику.* [Александр Морозов. Препринт (1985-2001) // «Знамя», 2002]

5.2. Употребление зависимых *да*-предложений при предикативах и глаголах в болгарском языке

В болгарском языке зависимые предложения с союзом возможны как с глагольными предикатами, так и с предикативами. Сентенциальные актанты вводятся с помощью комплементизаторов *да*, *че*, *дето*, *как*, *дали*.

42.а. *Радвам се да те видя.*

б. *Радвам се, че те виждам.*

в. *Радостно ми е да те видя.*

Рад тебя видеть / увидеть.

Существуют различия в сочетаемости глаголов и предикативных конструкций с определенными комплементизаторами. Например, глагол *радвам се* (радоваться) может иметь зависимые предложения с *да*, *че*, *дето*, *как*; предикативная конструкция *радостно ми е* может иметь зависимые предложения только с *да* и *че*. Однако конструкция без дательного дополнения *радостно е* имеет такую же сочетаемость с комплементизаторами, как и глагол *радвам се* (см. Джонова, Тишева / Dzhonova, Tisheva 2022). Совместимость предикативных конструкций с определенным типом сентенциальных актантов зависит от семантики главного предиката. Например, предикативы физиологического состояния – *студено ми е* (мне холодно), *топло ми е* (мне тепло), могут иметь в качестве сентенциального актанта только *да*-кlausу. Предикативы, обозначающие эмоциональное состояние – *радостно ми е* (мне радостно), *тъжно ми е* (мне грустно), могут иметь *да*

и *че*-клаузу в этой позиции. В обоих типах предикативов утвердительные предложения могут выражать те же значения, что и матричные глаголы – действие или состояние, одновременное, предшествующее действию / состоянию в главной клаузе или следующее за ним. Они могут также выражать действие вообще, безотносительно к какой-либо временной локализации.

Когда экспериенцер эксплицитно выражен в конструкции с предикативом и союзом *да*, он обычно кореферентен с субъектом подчиненного *да*-предложения.

43. *Не ти ли е студено да ходиш боса?*

Тебе не холодно ходить босой?

44. *Топло му е да ходи със сако и връзка.*

Ему тепло ходить в пиджаке и галстуке.

45. *Тъжно му беше да живее в същите стаи, дето всичко му напомняше за нея.*

Ему было грустно жить в тех же комнатах, где все напоминало ему о ней.

Как и в русском языке, в конструкции с предикативом состояния может отсутствовать дативное местоимение, выражающее экспериенцера или субъекта оценки. В этом случае нет ограничений на подлежащее в зависимой *да*-клаузе – оно может быть референтным (46.–47.) или обозначать произвольное множество референтнов, если глагол стоит в безличной возвратной форме (48.) или в генерической форме (49.).

46. *Прекалено студено е (ти) да стоиш тук навън без върхна дреха.*

Слишком холодно (тебе) стоять здесь без верхней одежды. /

Слишком холодно, чтобы стоять здесь без верхней одежды.

47. *Сигурно е тъжно (ти) да ни гледаш отстрани.*

Наверное, тебе грустно наблюдать за нами со стороны.

(букв. грустно, чтобы ты за нами наблюдала со стороны).

48. *Приятно е да се седи на слънце.*

Приятно сидеть на солнце.

49. *Радостно е да чувстваш приближаването на новата епоха.*

Радостно ощущать приближение новой эры.

Для предикатов ментального состояния зависимые *да*-клаузы возможны только при отрицании главного предиката – как при глаголах, так и при предикативах. В этом случае *да*-предложения обозначают возможность, предположение (см. подробнее Ницолова / Nitsolova 2001: 177). В отличие от других предикативов, здесь субъект зависимой клаузы может быть кореферентным с дательным экспериенцером (50.), но это не обязательно (51.). Придаточное предложение также может быть безличным (52.–53.).

50. *Не ми е известно (аз,) да имам някакви магически сили.*

Мне неизвестно, обладаю ли я какими-либо магическими способностями.

51. *Не ми е известно някой да работи по това.*

Мне неизвестно, чтобы кто-то работал над этим.

52. *Не ни е известно да се работи по този въпрос.*

Мне неизвестно, чтобы кто-то работал над этим.

53. *Не ми е известно да има такова писмо.*

Мне не известно, что существует / существует ли такое письмо.

Обобщая, можно сказать, что использование зависимых *да*-предложений в болгарском языке зависит от семантики предикатива. Только при некоторых предикативах (физиологического и эмоционального состояния) подлежащее в зависимой клаузе кореферентно с дативным экспериенцером в главной клаузе, если он выражен там эксплицитно.

6. Нестандартные типы контроля

Типология контроля Б. Штибельс, кроме стандартных типов (субъектного, объектного и косвеннообъектного контроля), предусматривает несколько других типов (Stiebels 2007). Некоторые из них есть и в русском. Мы обсудим несколько периферийных явлений в сфере контроля инфинитива в русском языке (см. также Пекелис / Pekelis 2002) и выясним, насколько для них находят-ся параллели в сфере конструкций с *да*.

6.1. Частичный контроль

Один из нестандартных типов контроля, возможных для русского инфинитива, – это частичный контроль: в этом типе часть референтов PRO в зависимой клаузе контролируется участниками из главной клаузы, а часть не имеет контролёра (кроме обзорной работы Stiebels 2007, см. Pearson 2016).

54. *Надъка, что называется, бабью склоку заводит. Нет того чтобы успокоиться на том, что **не хочу вместе питаться**. Она чувствует обиду.* [Эмма Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) (1985–2002)]

55. *Я не могу сегодня **встречаться** однозначно. Звоните.* (<https://forum.nedoma.ru/topic103-100.html>)

Ср. невозможные простые предложения с единственным числом и без выражения второго участника **он встретился, *я питался вместе*.

В болгарском языке вопрос о типе контроля не вполне корректен, поскольку в языке нет инфинитива – специализированной формы для выражения кон-

троля PRO⁵. В этом смысле проблема контроля может быть сформулирована для болгарского, если разделить её на две проблемы:

1) Есть ли ограничения на референцию конструкций с *да* и *че* во всех случаях, когда в русском им соответствуют инфинитивные конструкции?

2) Есть ли отдельные глаголы, для которых референция конструкций с *да* и *че* ограничена?

Ответ на первый вопрос – явно отрицательный. Немало глаголов, при которых один и тот же тип дополнения употребляется и в контексте совпадения, и в контексте несовпадения субъектов.

56. *Наистина искам (те) да са ми приятели. Искам (аз) да им помогна, както ти обещах.*

Я действительно хочу, чтобы (они) были моими друзьями.

Я хочу помочь им (букв. ‘Я хочу, чтобы (я) помог им’), как я обещал тебе.

Глагол *искам* (хотеть) употребляется с *да* независимо от того, совпадают ли субъекты двух клауз. Второй вопрос явно получает положительный ответ. В отличие от формально маркированных конструкций контроля, которые связаны с системой глагольных форм конкретного языка, сами типы соотношений между субъектами в значительной мере универсальны. В частности, глаголы, которые Б. Штибельс (Stiebels 2007) называет «strict control verbs» (глаголы облигаторного контроля), то есть глаголы, при которых субъекты совпадают в силу самой семантики ситуации, в болгарском выделяются так же, как во многих других языках: это фазовые, модальные и некоторые другие глаголы.⁶

Замечание. Отдельный нетривиальный вопрос связан с тем, почему именно ирреальные маркеры преимущественно используются в контекстах кореферентности. Здесь существенны два соображения:

1) ирреальные ситуации зачастую существуют только в возможном мире, причем не как автономные референты, а как содержание мышления, речи или эмоций одушевленного участника;

⁵ Существует мнение, что в некоторых случаях употребления *да*-предложений в болгарском языке можно говорить о PRO см. (Кгарова 1998).

⁶ Модальные глаголы нередко относятся к глаголам подъема, а не контроля. В частности, такое решение принимается в (Летучий, Виклова / Letuchiy, Viklova 2020) для глагола *мочь*. Однако здесь необходимо отдельно говорить о каждом типе модальности. Предложения со значением эпистемической модальности типа *Вода может быть холодная* или *Его мог никто не заметить* действительно близки по свойствам к конструкциям подъема (исходными конструкциями в таком случае являются *Может быть, что вода холодная* или *Могло быть (так), что его никто не заметил*). Напротив, рассматриваемые ниже конструкции типа *Сегодня я не могу встречаться*, судя по всему, не обнаруживают существенного свойства с конструкциями подъема.

2) в силу этого ирреальные ситуации не привязаны к какому-либо временному расположению или к каким-либо аспектуальным характеристикам. Следовательно, им не слишком необходима развитая категория времени или аспекта.

Во-первых, это значит, что именно при ирреальных формах мы ожидаем ущербных категорий времени и аспекта – и, возможно, как следствие из этого, также категории лица, которая часто встроена в категорию времени, как в русском и болгарском. Во-вторых, если даже ирреальная форма обладает полноценными временными и личными противопоставлениями, тот факт, что она выражает не реализованную ситуацию, делает вероятной естественную интерпретацию: данная ситуация возникает в воображении у одного из участников, причем гипотезы участник обычно строит именно относительно своих собственных действий и состояний.

В болгарском языке мы не можем говорить об инфинитивном контроле по причине отсутствия инфинитива. Однако есть исследования, которые показывают, что некоторые глаголы требуют кореферентности субъектов зависимой *да*-клаузы с одним из актантов в главном предложении. Й. Пенчев отмечает, что модальные – *трябва* (надо), *мога* (мочь), *бива* (стоит), и фазовые глаголы – *започвам* (начинать), *продължавам* (продолжать), *преставам* (переставать), относятся к обширной группе глаголов, допускающих союз *да* (не *че*) в качестве связки с последующим глаголом. Они не имеют собственного или различного (от следующего) субъекта, а также аргументов, выраженных существительными. Есть и другие глаголы, где совпадение субъекта в главной и зависимой клаузе обязательно – *забравям* (забывать), *възнамерявам* (собираться), но они могут иметь существительные в качестве аргументов (Пенчев и др. / Penchev et al. 1999: 550–551).

С. Коева также обсуждает возможность рассматривать модальные и фазовые глаголы как самостоятельные предикаты, а не как часть составного глагольного предиката. Автор рассматривает два типа предикатов: те, которые присоединяют придаточное предложение в позиции субъекта – *може* (можно), *трябва* (надо), *необходимо е* (необходимо), *възможно е* (возможно) и т. д., и те, которые присоединяют придаточное предложение в позиции объекта – *мога* (мочь), *започвам* (начинать), *продължавам* (продолжать), *спирам* (прекращать) и т. д. В первой группе нет ограничений на интерпретацию подчиненного субъекта. Во второй группе наблюдается полная зависимость интерпретации временных характеристик зависимого предиката от временных характеристик главного предиката (одновременность ситуации, выраженной зависимым предикатом, с ситуацией, выраженной главным предикатом) и обязательная кореферентность субъекта зависимой клаузы субъекту матричного предиката. Субъект может быть эксплицитно выражен как в главной, так и в зависимой клаузе (Коева / Koeva 2021: 24)⁷.

⁷ Здесь мы не приводим аргументы, которые приводятся в работе С. Коевой, в пользу разного расположения субъекта в (57.а.) и (57.б.).

57.а. *Торбов започва да пише стихове и разкази.*

б. *Започва да пише стихове и разкази Торбов.*

Торбов начинает писать стихи и рассказы.

По-видимому, данное различие между классами – бóльшая строгость поведения второй группы – связано с тем, что во второй группе, в отличие от первой, придаточное занимает при матричном глаголе иерархически более низкую позицию, чем именной актанта, – поэтому субъект зависимой клаузы легко может контролироваться именным актантом (субъектом) главной клаузы.

Эти наблюдения можно дополнить выводами, сделанными П. Осеновой при представлении типов структур субъектного контроля в автоматически размеченном парламентском корпусе болгарского языка. Осенова описывает такие глаголы, которые не допускают другого субъекта глагола зависимой клаузы, кроме совпадающего с главным (это явление аналогично «строгому контролю» в инфинитивных клаузах): когнитивные глаголы *уча се* (учиться), *пропусна/пропускам* (пропустить/пропускать); социальные глаголы: *опитам се/опитвам се* (попытаться/пытаться), *принудя се/принуждавам се* (заставить/заставлять), *задължа се/задължавам се* (обязаться), *рискувам* (рисковать); глаголы изменения: *готвя се* (готовиться); глаголы коммуникации: *откажа/отказвам* (отказать/отказывать) (Osenova 2022: 72). Основываясь на проанализированных корпусных данных, П. Осенова подчеркивает важную роль диатезы. В качестве примера она указывает на употребление глагола *задължавам* (обязывать), требующее кореферентности субъекта придаточного предложения субъекту главного. Во всех примерах эти употребления глагола находятся в рефлексивном пассиве – *Общината се задължава да извърши проверка* (Муниципалитет обязан провести проверку) (Osenova 2022: 72).

В данных неформального интернет-общения встречаются единичные примеры с глаголом *мога* (мочь) без согласования референтов главного и подчиненного сказуемых.

58. *Яд ме е, защото 1 път на година да не мога да се видим, когато на него му е удобно.*

Зло берет, как это так – 1 раз в год не могу с ним видиться, когда ему удобно.

В приведенном примере *мога* (мочь) используется со значением ‘это возможно для меня, я в состоянии’, что позволяет использовать его в данной конструкции без совпадения субъектов. Ср. литературное *Веднъж да нямам възможност да се видим, когато на него му е удобно* (Хоть раз не иметь возможности видеть его, когда это ему удобно).

Если в русских конструкциях типа *Я не могу встречаться* формального рассогласования не происходит, в болгарском различие по числу очевидно. Тем не менее, примеры такого рода являются сильно разговорными. В литературном языке модальные и фазовые глаголы сохраняют свою референцию.

Кроме глаголов, ещё один тип случаев, где при *да* ограничивается референция подчинённого субъекта, представлен предикативами – теми из них, которые обозначают физическое или эмоциональное состояние (см. 5.2.). Часто оказывается, что при предикативах *че* не несёт ограничения на референцию подчинённого субъекта, а на *да* такое ограничение налагается:

59. *Беше ни страх да палим огън.*

Мы боялись разжигать огонь.

60. *Яд ме е да го гледам.*

Я испытываю злость, смотря на него.

Тем не менее, строгость ограничения различна для разных групп предикативов, это может быть строгое синтаксическое правило или просто тенденция. Например, приведённые выше эмоциональные предикаты чаще встречаются с кореферентностью, однако допускают и конструкцию с различием субъектов.

61.а. *Страх ме е да не му се случи никакво нещастие.*

Я боюсь, что с ним случится какое-нибудь несчастье.

Однако эти случаи требуют дальнейшего исследования, поскольку если подлежащее в зависимой клаузе не соотносится с аккумулятивным дополнением в главной клаузе, то подчиненное сказуемое должно быть в отрицательной форме и обозначать нежелательную возможность. Такие *да*-предложения эквивалентны придаточному с *че*, но разница состоит в том, что союз *че* не вносит значения нежелательной возможности:

61.б. *Страх ме е, че може да му се случи никакво нещастие.*

Я боюсь, что с ним может случиться какое-нибудь несчастье.

6.2. Совмещённый контроль

Ещё один нестандартный тип референции PRO – это совмещённый контроль, при котором все референты PRO контролируются сверху, однако одни – субъектом главной клаузы, а другие – объектом. В русском языке главный матричный предикат совмещённого контроля – глагол *предлагать*.

62. *При встрече Володя Ухин предложил мне объединить наши усилия: «Ты ведь плавал, у тебя наверняка есть интересные фотографии, есть что и рассказать».* [Юрий Сенкевич. «Путешествие длиною в жизнь», 1999]

Хотя *предлагать* обозначает каузацию, эта каузация – мягкая, предполагающая обоюдные действия со стороны говорящего и адресата. Поэтому и возможен совмещённый контроль. При глаголах типа *приказать*, *велеть*, *заставить*, *вынудить*, где акцент ставится на каузации действий адресата, PRO тоже контролирует адресат. Тем не менее, в редких случаях при *попросить* тоже возможен совмещённый контроль (64.) и (65.).

63. **Володя Ухин приказал мне объединить наши усилия.*

64. *Мы познакомились в Бангкоке, летели сюда одним самолетом. Теперь он на обратном пути из Джакарты, попросил встретиться.* [Валериан Скворцов. «Сингапурский квартет», 2001]

65. *Весной 2016 года позвонил председатель правления «Татфондбанка» Мусин, попросил встретиться и обсудить заключение договора залога...* (<https://realnoevremya.ru/articles/168280-gzhf-rt-sovershil-sdelku-vopreki-zakonu-i-ustavu>)

В болгарском языке глагол *помоля* (попросить) рассматривается в группе предикатов, у которых сентенциальные актанты имеют конъюнктивное толкование (Коева / Коева 2021: 23). Именно по этой причине *помоля* (попросить) допускает только придаточное *да*-предложение. Субъект придаточного предложения может совпадать с объектом главного предложения (когда он выражен):

66. *Той (ме) помоли (аз) да му помогна.*

Он попросил (меня) помочь ему.

В зависимой клаузе также возможно использование взаимного глагола (*видим се* (увидеться)) в примере (67.). В этом случае субъект в зависимой клаузе соотносится как с субъектом, так и с объектом в главной клаузе, аналогично (65.) в русском:

67. *На следващият ден той се обади и ме помоли да се видим.*

На следующий день он позвонил и попросил меня встретиться.

Надо сказать, что, при одинаковом типе кореферентности русской конструкции в (65.) и болгарской в (67.), частотность болгарской конструкции *Той я помоли да се срещнат* (Он попросил ее встретиться) явно выше, чем у русской *Он попросил ее, чтобы они встретились; Попросил меня, чтобы мы встретились*. В то же время конструкции типа *попросил меня встретиться* почти всегда употребляется с предлогом *с* (ср. (68.) – а значит, большинство примеров представляют собой стандартный объектный, а не совмещённый контроль (предложения (64.–65.) – это одни из немногих исключений).

68. *Да, он попросил меня встретиться с ним.*

По-видимому, в русском жёстко противопоставлены инфинитив как маркер совпадения актантов и *чтобы* как маркер несовпадения. При этом между ними остаётся «слепая зона», не покрываемая полностью ни одной из стратегий: *Он попросил меня встретиться* не соответствует стандартному объектному контролю, а *Он попросил меня, чтобы мы встретились* нестандартно, поскольку оба участника – субъект и адресат – являются общими для двух ситуаций (ср. примеры типа *Он попросил меня, чтобы мы с его братом встретились*, где употребление *чтобы* нормально). Это позволяет данной стратегии использоваться только при частичном совпадении актантов.

69.30 июня Вильсон попросил встретиться со мной без участия членов делегации ... [Анастас Микоян. «Так было», 1971–1974]

В болгарском же главный предикат определяет тип зависимой клаузы и (отчасти) кореферентности участника в ней с участником в главной клаузе. Глаголы типа *помоля* (попросить) имеют конъюнктивную интерпретацию, поэтому они могут иметь в качестве сентенциального актанта только *да*-предложение. Это также связано с возможностью полной или частичной кореференции между объектом матричного глагола и субъектом в зависимой клаузе.

6.3. Сдвиг контроля

Согласно Б. Штибельс (Stiebels 2007), для некоторых глаголов возможен сдвиг контроля («control shift») – то есть PRO может быть кореферентно не тому участнику, который контролирует его стандартно, а другому участнику главной клаузы. В частности, в немецком к этому способны глаголы *versprechen* (обещать) и *beten* (просить).

В русском сдвиг контроля сравнительно редок, но встречается. Например, для глагола субъектного контроля *обещать* возможен сдвиг – употребление в качестве глагола объектного контроля. Исходная конструкция и конструкция со сдвигом не равноценны: так, в примере *Она мне обещала туда поехать* объектный контроль (если поеду я) выглядит как разговорный, тогда как интерпретация ‘она туда поедет’ со стандартным субъектным контролем – нормативная.

В болгарском языке, как говорилось выше, есть предикаты (в особенности предикативы, например, *страх ме е*), которые обычно следуют одному типу контроля и меняют его редко. Однако очень многие глаголы – например, глагол *обеща* (обещать) допускает придаточное предложение с союзом *да* или *че*, которое вообще не ограничено по референции. В примере (70.) субъект главного предложения совпадает с субъектом придаточного предложения. В следующем примере (71.) множественный субъект формы *излезем* (мы выйдем) в зависимой клаузе совпадает с субъектом и объектом в главной клаузе. Субъект в зависимой клаузе может совпадать с объектом в главной клаузе (72.) или вообще не совпадать ни с одним из актантов в главной клаузе (73.). Во всех употреблениях *обеща* дополнение в главной клаузе не является обязательным аргументом, как у глаголов группы *моля* (просить) (см. Коева / Коева 2021: 24).

70. Симеон ми обеща да ме запознае с едно момиче, което работи там.

Симеон обещал познакомить меня с девушкой, которая там работает.

71. Нали вчера ми обеща да излезем само двамата?

Разве ты не обещал мне вчера, что мы пойдем куда-нибудь вдвоём?

72. Беше ми обещал да взема от него разни програмки.

Он обещал мне добыть разные программки.

(букв. ‘что я от него получу разные программки’).

73. *Обещах му да си изтеглиш жалбата от прокуратурата.*

Я обещал ему, что ты отзовешь свою жалобу из прокуратуры.

Из изложенных в этой части данных можно сделать вывод, что система контроля и референции в русском и кореферентность актантов в болгарском устроена по-разному. Различия есть не только в сфере конкретного лексического распределения стратегий управления, но и в устройстве системы в целом.

Основное различие состоит в следующем. Для русского языка и инфинитивные, и финитные зависимые (со *чтобы* и *что*) имеют сходные черты при разных глаголах. Конкретный тип контроля инфинитива может быть разным, однако сохраняется общая черта: инфинитив при глаголах – это инфинитив контроля, и нарушения контроля возникают сравнительно редко. Зависимые со *чтобы* стандартно не предполагают контроля и вообще кореферентности. При этом граница в русском пролегает между глаголами и предикативами – при последних требование контроля, как мы показали, гораздо менее строгое.

В болгарском же языке ключевое значение имеет семантика главного предиката. В частности, ирреальные предикаты типа *искам* (хотеть), при которых всегда используется *да*, не требуют совпадения актантов главной и зависимой клауз, а при некоторых других лексемах – например, при предикативах типа *страх* (*страх ме е* (боится)) – тенденция к кореферентности есть, поскольку при отсутствии кореферентности часто используется показатель *че*.

7. Заключение

Системы маркирования сентенциальных зависимых в русском и болгарском языках существенно различаются. В основе этих различий лежит отсутствие в болгарском противопоставления между инфинитивом как формой, обозначающей кореферентность актантов, и финитным зависимым, не требующим кореферентности. В русском, напротив, такая дихотомия есть.

Производными от данных являются ещё некоторые различия. В частности, в болгарских конструкциях с *да*, наряду с опущением зависимого субъекта, возможно его эксплицитное выражение. Вероятно, между конструкциями с двойным и с одинарным выражением существует различие в слитности ситуаций и в степени влияния матричного субъекта на зависимую ситуацию – такое же, как в русском между стандартной конструкцией субъектного контроля инфинитива и нестандартными вариантами со *чтобы* и совпадающим субъектом. В частности, при конструкциях с высокой слитностью клауз вариант с повтором вообще невозможен.

Хотя контроль в русском и кореферентность актантов в болгарском близки и по таксономии, и по лексическому распределению, иногда между языками наблюдаются различия. При этом отклонения от стандартного типа контроля (например, от строгого контроля) скорее характерны именно для болгарского, а

в русском строгий контроль чаще всего сохраняется – вероятно, в силу того, что контроль в болгарском не имеет грамматического выражения в форме глагола, а реализуется только в кореферентности участников (и, в некоторой степени, в выражении / опущении зависимых субъектов). Впрочем, многие конструкции с периферийными типами кореферентности и нестандартным соотношением актантов принадлежат лишь разговорному болгарскому языку.

Между предикативами и глаголами в русском языке существует различие в управлении инфинитивом. Предикативы типа *радостно, приятно, грустно, холодно* способны управлять инфинитивом, а однокоренные и (квази)синонимичные глаголы – нет. Мы связываем это с тем, что предикативы в меньшей степени связаны с конкретной временной локализацией и конкретными проявлениями состояния. Поэтому инфинитив при них был бы показателем модальности и кореферентности актантов, что нехарактерно для данных семантических групп (эмоций и физического восприятия). Напротив, при предикативе инфинитив способен маркировать обобщённый ярлык ситуации, а значит, не столь тесно связан с семантической группой.

Различие между предикативами и глаголами в управлении *да*-конструкцией имеется и в болгарском. При предикативах *да*-конструкция в меньшей мере допускает некорреферентное прочтение. При этом в болгарском языке свойства зависимой клаузы, в том числе *да*-клаузы, очень в большой мере обусловлены семантикой главного предиката, тогда как в русском основной фактор – это скорее совпадение актантов: кореферентность подлежащих главной и зависимой клаузы или другой тип кореферентности.

Благодарности / Acknowledgments

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

Цитируемая литература / References

- Asenova 2002: Асенова, П. *Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз*. София: Faber. (Asenova 2002: Asenova, P. *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problemi na balkanskiya ezikov sayuz*. Sofia: Faber.)
- Culicover, Jackendoff 2001: Culicover, P., R. Jackendoff. Control is not movement. – In: *Linguistic Inquiry*, № 32, pp. 32–49.
- Dzhonova, Tisheva 2022: Джонова, М., Й. Тишева. Аргументна структура на някои двойки психологически предикати и предикативи. – В: *Български език*, 69, Приложение, с. 390–410. (Dzhonova, Tisheva 2022: Dzhonova, M., Y. Tisheva. Argumentna struktura na nyakoi dvoyki psihologicheski predikati i predikativi. – In: *Balgarski ezik*, 69, Prilozhenie, pp. 390–410.)

- Gerasimova 2015: Герасимова, А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. – В: Е. Лютикова, А. Циммерлинг и М. Коношенко (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции ТМП-2015*. Вып. 2. Москва: Издательство МПГУ, с. 47–61. (Gerasimova 2015: Gerasimova, A. A. Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenij cherez granitsu infinitivnogo oborota v russkom yazyke. – In: E. Lyutikova, A. Zimmerling i M. Konoshenko (red.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii TMP-2015*. Vyp. 2. Moskva: Izdatel'stvo MPGU, pp. 47–61.)
- Gramatika 1983: *Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2 Морфология*. София: Издателство на БАН. (Gramatika 1983: *Gramatika na savremennia balgarski knizhoven ezik. T. 2 Morfologia*. Sofia: Izdatelstvo na BAN.)
- Hopper, Thompson 1980: Hopper, P., S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. – In: *Language*, № 2, pp. 251–299.
- Коева 2021: Коева, С. Към типологичен анализ на комплементността в български. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*, т. 2, София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 13–27. (Koeva 2021: Koeva, Sv. Kam tipologichen analiz na komplementnostta v balgarski. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“*, vol. 2, Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, pp. 13–27.)
- Koeva et al. 2012: Koeva, S., I. Stoyanova, S. Leseva, T. Dimitrova, R. Dekova, E. Tarpomanova. The Bulgarian National Corpus: Theory and Practice in Corpus Design. – In: *Journal of Language Modelling*, Vol. 0, No. 1, pp. 65–110.
- König, Haspelmath 1995: König, E., M. Haspelmath (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Krapova 1998: Krapova, I. Subjunctive complements, null subjects and case checking in Bulgarian. – In: *University of Venice Working Papers in Linguistics*, vol. 8, № 2, pp. 73–93.
- Kulikov 1999: Kulikov, L. Split causativity. Remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense. – In: W. Abraham and L. Kulikov (eds.), *Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, pp. 21–42.
- Kutsarov 2002: Куцаров, К. Да като константен сигнализатор за следходност. – В: *Езикът: история и съвременност*. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, с. 161–166. (Kutsarov 2002: Kutsarov, K. *Da kato konstanten signalizator za sledhodnost*. – In: *Ezikat: istoriya i savremennost*. Shumen: Universitetsko izdatelstvo „Episkop Konstantin Preslavski“, pp. 161–166.)
- Letuchiy, Viklova 2020: Летучий А. Б., Виклова А. В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений). – В: *Вопросы языкознания*, 2, с. 31–60. (Letuchiy, Viklova 2020: Letuchij A. B., A. V. Viklova. *Pod'em i smezhnye yavleniya v russkom yazyke (preimushhestvenno na materiale povedeniya mestoimenij)*. – In: *Voprosy jazykoznanija*, 2, pp. 31–60.)
- Nitsolova 2001: Ницолова, Р. Значение и граматични особености на сложните изречения с предикати за знание в българския език. – В: *Съвременни лингвистични теории*.

- Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, с. 174–192. (Nitsolova 2001: Nitsolova, R. *Znachenie i gramatichni osobenosti na slozhnite izrechenia s predikati za znanie v balgarskia ezik*. – In: *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izdatelstvo, pp. 174–192.)
- Nitsolova 2008: Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. (Nitsolova 2008: Nitsolova, R. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”.)
- Osenova 2022: Osenova, P. Raising and Control Constructions in a Bulgarian UD Parsebank of Parliament Sessions. – In: *Proceedings of the 5th International Conference Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2022)*, 8 – 9 September, Sofia, Bulgaria. Sofia: Institute for Bulgarian Language, pp. 68–74.
- Paducheva 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры. (Paducheva 2004: Paducheva, E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.)
- Pearson 2016: Pearson, H. The semantics of partial control. – In: *Natural language and linguistic theory*, № 34, pp. 691–738.
- Pekelis 2002: Пекелис, О. Е. *Субъект зависимого инфинитива в русском и итальянском языках (проблема контроля)*. Дипломная работа. Москва: РГГУ. (Pekelis 2002: Pekelis, O. E. *Subjekt zavisimogo infinitiva v russkom i ital'yanskom yazykah (problema kontrolya)*. *Diplomnaya rabota*. Moskva: RGGU.)
- Penchev et al. 1999: Бояджиев, Т., Ив. Куцаров, Й. Пенчев. *Съвременен български език*. София: ИК „Петър Берон“. (Penchev et al. 1999: Boyadzhiev, T., Iv. Kutsarov, Y. Penchev. *Savremenен balgarski ezik*. Sofia: IK „Petar Beron“.)
- Polinsky 2013: Polinsky, M. Raising and control. – In: den Dikken, M. (ed.). *The Cambridge Handbook of Generative Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 577–606.
- Stiebels 2007: Stiebels, B. Towards a typology of complement control. – In: *ZAS Papers in Linguistics*, № 47, pp. 1–80.
- Shushurin 2015: Шушурин, Ф. Г. *Произвольный контроль в нефинитных клаузах (на материале русского и финского языков)*. Дипломная работа. Москва: МГУ. (Shushurin 2015: Shushurin, F. G. *Proizvol'nyj kontrol' v nefinitnykh klauzakh (na material russkogo i finskogo jazykov)*. *Diplomnaya rabota*. Moskva: MSU.)
- Tisheva 2001: Тишева, Й. Подчинително свързване в сложното изречение. Комплементизаторите в българския език. – В: *Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, с. 164–173. (Tisheva 2001: Tisheva, Y. *Podchinitelno svarzvanе v slozhnoto izrechenie. Komplementizatorite v balgarskia ezik*. – In: *Savremenni lingvistichni teorii. Pomagalo po sintaksis*. Plovdiv: Plovdivsko universitetsko izdatelstvo, pp. 164–173.)

Infinitive and finite complement clauses in Russian and their correspondences with the complementizers *че* and *да* in Bulgarian

Alexander Letuchiy^a, Marina Dzhonova^b,

National Research University Higher School of Economics, Moscow^a,

Sofia University St. Kliment Ohridski^b

alexander.letuchiy@gmail.com^a, djonova@slav.uni-sofia.bg^b

Abstract

The article compares the distribution of complementation strategies in Bulgarian and Russian. In Russian, the opposition of finite complements (introduced primarily by *что* and *чтобы*) is opposed to infinitive complements. In the default case, the former do not mark coreference, while the latter are used in contexts involving coreference between the main and the embedded clause arguments, although this is not always the case. Bulgarian lacks infinitives, thus, it has no non-finite complement forms. However, the infinitive functions are, to a great degree, fulfilled by *да*-complements, as opposed to *че*-complements. The significant differences observed in the data are due to the presence of the finite verb in the complement clauses introduced by the complementizer *да*. As we demonstrate, the opposition between *что* / *чтобы* and the infinitive in Russian and the difference between *че* and *да* in Bulgarian have a lot in common, although only Russian infinitive clauses are non-finite in the strict sense. To demonstrate this, we examine the relation between various strategies of complementation, coreference and tense, and show how different complement types exhibit non-standard types of syntactic control.

Key words: *modal verbs, phase verbs, predicatives, infinitive, tense, irrealis, partial control, split control, strict control, coreference*

Alexander Letuchiy
School of Linguistics
National Research University
Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya St.
Moscow, 105066 Russia
alexander.letuchiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4151-2550>

Marina Dzhonova
Faculty of Slavic Studies
Sofia University St. Kliment Ohridski
15 Tsar Osvoboditel Blvd.
Sofia, 1504 Bulgaria
djonova@slav.uni-sofia.bg
<https://orcid.org/0000-0001-7336-5674>

**ОНТОЛОГИЯ НА СИТУАЦИИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ – ЛИНГВИСТИЧНО
МОДЕЛИРАНЕ. СЪПОСТАВИТЕЛНО ИЗСЛЕДВАНЕ
ЗА БЪЛГАРСКИ И РУСКИ**

Българска
Първо издание

Отговорни редактори: проф. д-р Светла Коева, проф. д.ф.н. Елена Иванова,
проф. д-р Йовка Тишева, проф. д.ф.н. Антон Циммерлинг

Рецензенти: проф. д-р Красимира Алексова, проф. д-р Петя Осенова

Формат 167 × 237 mm

Печатни коли 32,00

Печатница на Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“
1113 София, ул. „Акад. Г. Бончев“, бл. 5

www.press.bas.bg

ОНТОЛОГИЯ НА СИТУАЦИИТЕ ЗА СЪСТОЯНИЕ – ЛИНГВИСТИЧНО МОДЕЛИРАНЕ.

**СЪПОСТАВИТЕЛНО ИЗСЛЕДВАНЕ ЗА
БЪЛГАРСКИ И РУСКИ**

